

DOI: 10.21202/APEL.1993-047X

Published since January 2007, publication frequency: quarterly

CHIEF EDITOR:

Bikeev I. I., Vice Editor-in-Chief, First Vice-Rector, Vice-Rector of Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML) on Scientific work, Doctor of Law, Professor (Kazan, Russia)

EDITORIAL BOARD:

Kramin T. V., Doctor of Economics, Associate Professor, Professor, Head of the Chair of Financial Management, Director of Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML) (Kazan, Russia), **supervisor of Economic section**

Kabanov P. A., Doctor of Law, Professor, Director of Scientific-Research Institute for Corruption Counteraction of Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML) (Kazan, Russia), **supervisor of Law section**

James Alm, Professor and Chair Department of Economics University Tulane (New Orleans, USA)

Apostolakis A., Assistant Professor Technological Educational Institute of Crete (Iraklion, Greece)

Bod P. Á., Leading Hungarian Economist, Professor, Head of the Chair, Corvinus University of Budapest

Gabdullin R. B., PhD (Economics), Associate Professor, University of International Business (Almaty, Kazakhstan Republic)

Gilinskiy Ya. I., Doctor of Law, Professor, of Saint Petersburg Juridical Institute, of Russian State Pedagogical University named after A.I. Gertsen (Saint-Petersburg, Russia)

Grishova I. Yu., Doctor of Economics, Professor of Ternopol National University of Economics (Ternopol, Ukraine)

Gondolf V. Edward, Doctor of Psychology of Indiana University of Pennsylvania (USA, Indiana)

Demchenko S. G., Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of Economics and Marketing of Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML) (Kazan, Russia)

Jaffry Sh., PhD of Economics, Professor Portsmouth Business School Richmond Building University of Portsmouth (Portsmouth, United Kingdom)

Zhaleleva R. Z., Doctor of Economics, Associate Professor, Institute for Economics of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan Republic)

Irtysheva I. A., Doctor of Economics, Professor of the Chair of Management of National University for Ship-building named after Admiral Makarov (Nikolaev, Ukraine)

Kamenkov V. S., Doctor of Law, Professor, Head of Department of Belarusian State University (Minsk, Belarus Republic)

Kuri H., Doctor of Psychology, Professor, Universität Frieberg (Frieberg, Germany)

Lazarev V. V., Head of the Department of Court Decisions' Implementation into Legislation of the Russian Federation of the Institute for Legislation and Comparative Legal Studies at the Russian Government, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

Latov Yu. V., Doctor of Sociology, PhD (Economics), Senior Researcher of Academy of Management of Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Meško G., Professor, Head of the Institute of Criminal Justice and Security at the FCJS of Maribor University (Maribor, Slovenia)

Mindagulov A. Kh., Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of Kazakh National University named after Al-Farabi (Almaty, Kazakhstan Republic)

Neklessa A. I., Professor, Chairman of the Commission on Social and Cultural Problems of Globalization, a member of a Bureau of Scientific Council «History of the World Culture» at Presidium of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director General of Institute for Economic Strategies, Director of Center for Geoeconomic Research of Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Nureev R. M., Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of "Macroeconomics" of Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Ol'kov S. G., Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Right of Surgut State University (Surgut, Russia)

Poklad V. I., PhD (Philosophy), Associate Professor, Head of the Chair of Criminology, Conflictology and Sociology of Lugansk State University for Domestic Affairs named after E. A. Didorenko (Lugansk, Ukraine)

Rustemova G. R., Doctor of Law, Professor of Almaty Academy of the Ministry of Interior of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan Republic)

Serrano-Maillo A., Professor, Chair of the Department of Criminal Law and Criminology Universidad Nacional de Educacion a Distancia (UNED) (Madrid, Spain)

Sokhatskaya E. N., Doctor of Economics, Professor of Ternopol National University of Economics (Ternopol, Ukraine)

Tihomirov Yu. A., Doctor of Law, Professor, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russian Federation (Moscow, Russia)

Turetskiy N. N., Doctor of Law, Director of Scientific-Research Institute of State and Law named after G. Sapargaliyev, Head of Criminologists Union of Kazakhstan named after E. Kairzhanov (Astana, Kazakhstan Republic)

Tyminskiy V. G., Honorary Doctor, Professor, PhD (Geology and Mineralogy), Vice-President of Russian Academy of Natural Sciences, President of European Academy of Natural Sciences (Gannover, FRG)

Fidrmuc Ja., Professor of Zeppelin University (Friedrichshafen, Germany)

Chirva O. G., Doctor of Economics, Professor of Uman State Pedagogical University named after P. Tychnina (Uman, Ukraine)

Shabanova L. B., Doctor of Economics, Professor of Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML) (Kazan, Russia)

Shaimiyeva E. Sh., Doctor of Economics, Associate Professor, Head of Management Chair of Institute of Economics, Management and Law (Kazan, Russia)

Shestakov D. A., Doctor of Law, Professor, Professor and Head of Criminological Laboratory of Law Faculty of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Gertsen, of Saint-Petersburg University of the Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation (Saint-Petersburg, Russia)

Yunusov A. A., Doctor of Law, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML) (Kazan, Russia)

The founder and publisher – Private educational establishment of higher education «Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML)»

Editors Office's address:

420111,
Tatarstan Republic,
Kazan, 42 Moskovskaya st.,

Tel.: (843) 231-92-90,

Fax: 292-61-59

E-mail: apel@ieml.ru

Site: apel.ieml.ru

The Journal is included into the list of reviewed scientific journals and publications, in which the main scientific results of doctoral and PhD theses should be published, and into the Ulrich's Periodicals Directory

The Journal is indexed in EBSCO, CyberLeninka, RePEc, and Doaj

Subscription for journal through the United Catalogue «Press of Russia»

Our index – 86303

Executive secretary:

G. Ya. Darchinova

Editor:

G. A. Tarasova

Computer lead out:

S. A. Karimova

Cover design:

E. N. Morozova

Translator:

PhD (Pedagogics), member of the Republic of Tatarstan Translators' Guild E. N. Belyaeva

The Journal is registered by the Federal Supervising Service on observance of Laws in the sphere of mass communications and protection of cultural heritage.

Registration certificate:

ПИ № ФС77-45445 of June 16, 2011.

Distribution area: Russian Federation.

Format 60×84/8. Circulation 1000 copies
Signed for printing 15.05.2016. Order № 75
Date of publishing 15.06.16
Free price

© PEE HE «KIU named after V.G. Timiryasov»,
Tatar Educational Center «Taglitmat» Ltd., 2016

Printed at printing house «Vestfalika» LLC
420111, Kazan, 22 Moskovskaya Str.

When citing the materials, the reference to the Journal is obligatory.

The authors are fully responsible for the facts mentioned in the articles. The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view and impose no obligations on it.

Materials of the Journal are available under the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>)

СОДЕРЖАНИЕ

Экономическая теория

- Н. Н. Дроздов, Л. П. Кураков, С. М. Пястолов, А. Л. Кураков.* Вопросы формирования науки антропоцена 5
А. И. Неклесса. Культиваторы будущего 22

Экономика

и управление народным хозяйством

- И. В. Абанкина, Т. В. Абанкина, Л. М. Филатова.* Ловушки дифференциации в финансировании российских вузов 38
Н. А. Бондарева. Влияние трансакционных издержек на контрольную деятельность территориальных налоговых органов 59
М. А. Вахтина. Прогрессивное налогообложение как инструмент обеспечения стабильности бюджетной системы 68
М. И. Гераськин, В. В. Манахов. Анализ кривых спроса на товарных и финансовых рынках монополистической конкуренции..... 80
Д. Ю. Иванов. Модель анализа и прогнозирования динамики промышленного производства и ракетно-космической отрасли Российской Федерации 93
А. А. Курилова, К. Ю. Курилов. Основные факторы, влияющие на падение продаж на российском автомобильном рынке 102
Е. В. Никифорова. Формирование и раскрытие информации об устойчивом развитии компании 113
Н. В. Осокина, Е. В. Слесаренко. Структурные диспропорции как угроза экономической безопасности России.....124
А. Ю. Фадеева. Social Media Marketing как инструмент продвижения региональных инвестиционных порталов 140

Теория и история права и государства

- Yu. A. Tikhomirov.* Risks: diagnosing and eliminating .. 150
В. В. Лазарев. Восприятие законодателем судебного права 158

Налоговое право

- Д. Г. Бачурин.* Институциональные парадоксы НДС в условиях развивающейся экономики переходного периода 170

Конституционное право

- Р. О. Мамедов.* О природе адвокатуры как института гражданского общества 186

Гражданское право

- О. Бар-Гилл, О. Бен-Шахар.* Выход из контракта....192
И. А. Садриева, Р. Н. Салиева, Г. М. Хамитова. Условие о цене в договорах поставки бензина на оптовом и розничном рынках в Российской Федерации 217

Уголовное право и криминология

- П. А. Матюхов.* Роль методов и технологии управления в охране прав и свобод лиц, осужденных к лишению свободы 226
Е. А. Сизых. Детерминанты преступности в сфере жилищно-коммунального хозяйства крупных городов России 236

Уголовный процесс

- С. Г. Ольков.* Судебные приговоры в свете теорем истинности, справедливости и определенности биссекториальности 247
М. С. Сергеев. Критерии доказывания электронных преступлений при применении мобильных приложений. Особенности их изъятия 264

- Правила для авторов журнала «Актуальные проблемы экономики и права» 273*
Требования к оформлению рукописей 274
Условия подписки на журнал «Актуальные проблемы экономики и права» 274
Правила для авторов журнала «Актуальные проблемы экономики и права» (на англ. яз.) 275
Требования к оформлению рукописей (на англ. яз.) 276
Условия подписки на журнал «Актуальные проблемы экономики и права» (на англ. яз.) 276

CONTENTS

Economics

- N. N. Drozdov, L. P. Kurakov, S. M. Pyastolov, A. L. Kurakov.* Issues of forming the science of anthropocene 5
- A. I. Neklessa.* Cultivators of the future 22

Economics and economic management

- I. V. Abankina, T. V. Abankina, L. M. Filatova.* The pitfalls of differentiation in the financing of russian universities 38
- N. A. Bondareva.* Influence of transaction costs on controlling activity of territorial taxation bodies... 59
- M. A. Vakhtina.* Progressive taxation as a tool for providing the budget system stability 68
- M. I. Geras'kin, V. V. Manakhov.* Analysis of demand curves in the stock and financial markets of monopolistic competition 80
- D. Yu. Ivanov.* Model of analyzing and forecasting the dynamics of industrial production and space sector of the Russian Federation 93
- A. A. Kurilova, K. Yu. Kurilov.* Main factors influencing the fall of sales in the russian automobile market 102
- E. V. Nikiforova.* Formation and disclosure the information on the company's sustainable development 113
- N. V. Osokina, E. V. Slesarenko.* Structural disproportions as a threat to economic security of Russia 124
- A. Yu. Fadeyeva.* Social Media Marketing as a tool for promoting the regional investment portals 140

Theory and history of law and state

- Yu. A. Tikhomirov.* Risks: diagnosing and eliminating.... 150
- V. V. Lazarev.* Perception of the judiciary law by the law-maker 158

Tax law

- D. G. Bachurin.* Institutional paradoxes of VAT under developing economy of transition period..... 170

Constitutional law

- R. O. Mamedov.* On the nature of advocacy as an institution of civil society 186

Civil law

- O. Bar-Gill, O. Ben-Shahar.* Exit from contract 192
- I. A. Sadriyeva, R. N. Saliyeva, G. M. Khamitova.* Condition on price in contracts of petrol delivery at wholesale and retail in the Russian Federation 217

Criminal law and criminology

- P. A. Matyukhov.* Role of methods and technology of management in the sphere of protecting the rights and freedoms of the imprisoned 226
- E. A. Sizykh.* Determinants of crime in the sphere of dwelling-communal sector in russian cities 236

Civil process

- S. G. Ol'kov.* Court sentences in the aspect of theorems of validity, justice and certainty of bisectrixity 247
- M. S. Sergejev.* Criteria of proving digital crimes with the use of mobile applications. Features of exemption 264

- Regulations to the authors of «Actual Problems of Economics and Law» journal.* 273
- Regulations to the authors of «Actual Problems of Economics and Law» journal* 274
- The requirements to manuscript appearance Conditions to the assignment to «Actual Problems of Economics and Law» journal.* 274
- Regulations to the authors of «Actual Problems of Economics and Law» journal (in English)* 275
- The requirements to manuscript appearance (in English)* 276
- Conditions to the assignment to «Actual Problems of Economics and Law» journal (in English)* 276

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ / ECONOMICS

УДК 551:574:338:50

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.2.5-21>

Как цитировать статью: Дроздов Н. Н., Кураков Л. П., Пястолов С. М., Кураков А. Л. Вопросы формирования науки антропоцена // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 2. С. 5–21.

Н. Н. ДРОЗДОВ¹,
Л. П. КУРАКОВ²,
С. М. ПЯСТОЛОВ³,
А. Л. КУРАКОВ²

¹ *Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия*

² *Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Россия*

³ *Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук,
г. Москва, Россия*

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАУКИ АНТРОПОЦЕНА

Цель: исследование вопросов формирования антропоцена как научной концепции.

Методы: диалектического познания, детализации, логического обобщения.

Результаты: рассмотрены понятия ES (экосистема, услуги экосистем); экологическая экономика. Проанализированы слабые и сильные стороны концепции «Услуг экосистем». Предложена модель социально-экономического метаболизма (socioeconomic metabolism – SEM). Кроме того, в работе антропоцен рассмотрен как социально-культурный феномен. Авторы статьи пришли к выводу, что в таких научных областях, как исследования климата (адаптация к изменениям климата), политическая экология, исследования науки и техники (STS) и другие, где в предмет исследования включены социальные конструкции, представления о природе и обществах являются сложносоставными и воспроизводятся как гибридные экосоциоэкономические культуры. Данный посыл подразумевает обращение к трансдисциплинарности.

Научная новизна: антропоцен представлен как нормативная научная концепция, которая могла бы дать надежду на благоприятные перспективы развития человека.

Практическая значимость: обеспечение социального запроса на предписывающие установки, способствующие «выздоровлению» планетарной системы, и подходов к формированию науки антропоцена в нормативном ключе.

Ключевые слова: экономическая теория; услуги экосистемы; социально-экономический метаболизм; парадигма; социально-экологическая система; политическая экология; трансдисциплинарность

Введение

Множество событий в научном мире сопровождало смену тысячелетий, но одно мы рассмотрим особо: это рост активности дискуссий и числа публикаций, посвященных отношениям между человечеством

и планетарной системой. Большинство исследователей сходятся во мнении, что общее влияние человеческой деятельности на процессы планетарного масштаба стало существенным настолько, что можно уже вести речь о новой геологической эре – антропоцене

(*Anthropocene*). Одним из очевидных и общепринятых показателей в этой связи является повышение выбросов парниковых газов, наблюдаемых с начала промышленной революции, приблизительно 250 лет назад. Сегодня уже явно ощущается потребность в гораздо более высоких уровнях научного понимания, оценки и моделирования, на которых должны быть основаны соответствующая политика и принятие решений.

В докладе ЮНЕСКО по науке 2015 г. отмечается, что экологические кризисы вновь обращают внимание на науку, но с противоречивых позиций. С одной стороны, официальная статистика показывает, что трагедия 2011 г. (Фукусима, Япония) подорвала доверие общественности не только к ядерной технологии, но также, в более широком плане, к науке и технологиям¹, но все же многие возлагают на науку большие надежды.

Так, страны, пострадавшие от стихийных бедствий (Камбоджа, Филиппины), делают большие инвестиции в инструменты по уменьшению их опасности, такие как трехмерные системы моделирования бедствий, и нарабатывают возможности для применения, распространения и производства многих из этих технологий².

Новая повестка дня была сформулирована на климатическом саммите ООН в декабре 2015 г. (COP21)³. При этом подчеркивается, что основная цель процесса – создание, по существу, глобальной системы контроля экосистем Земли. На первом этапе планируется «вывести на новый уровень вовлеченность стран». Все страны – участники процесса открыто приняли на себя обязательства по сокращению вредных выбросов в атмосферу. Россия, например, перевыполнила план Киотского протокола, сократив выбросы углекислого газа, благодаря чему с 1991 по 2012 гг. в атмосферу не попало около 40 млрд тонн эквивалента углекислого газа (это сравнимо с объемом выбросов всех стран мира в 2012 г. – 46 млрд тонн). Другие развитые страны также заявляют о подобных намерениях. Однако

эксперты замечают, что, с точки зрения официальной цели переговоров COP21, предложения, полученные от всех стран – участников соглашения, «явно недостаточны и находятся за пределами возможного компромисса».

Это утверждение о недостаточности усилий относится не столько к проектам сокращения вредных выбросов, в том числе за счет прорывных решений в сфере энергосбережения, транспорта и т. п., сколько к недостаточной методологической основе обеспечения экономического и социального развития в новую эпоху.

Приняв тезис об антропоцене, человечество признает, что оно стало силой глобального масштаба, способной существенно изменить планету. Появляется все больше свидетельств того, что природа «антропоцентрируется» с большой скоростью [1, 2]. Означает ли это «объявленный конец природы», сопровождаемый «концом политики»? Ответ на этот вопрос может быть получен, когда нам удастся переосмыслить наш «гибридный мир». А для этого нужна новая наука антропоцена, созданная объединенными усилиями представителей всех научных дисциплин.

Перспективы рыночной парадигмы

Вполне ожидаемо первые практические шаги в научном осмыслении деятельностных отношений человека и природы были сделаны в области доминирующих экономических теорий. В результате комплекс направлений сформировался в рамках рыночной парадигмы под «зонтиком» категории политической экологии, где, по нашему мнению, ключевыми являются понятия «экосистемы» и «услуги экосистем» (далее – ES). Так, в материалах Соглашения по разнообразию форм жизни (CBD) в рамках «Стратегического плана по биологической вариативности 2011–2020» (SPB) представлено обоснование наличия явной связи между биологическими параметрами вариативности и услуг экосистем.

Понятие ES стало системообразующим для вновь создающихся научно-исследовательских и управляющих систем высокого уровня, к которым относятся в том числе международные экологические программы, такие как «Экономика экосистем и биологической вариативности» (TEEB) и «Межправительственная платформа научной политики в области услуг экосистем и биологической вариативности» (IPBES). Прикладные и теоретические аспекты концепции ES

¹ Доклад ЮНЕСКО по науке: на пути к 2030 году. Гл. 24. UNESCO Science Report: towards 2030. UNESCO 2015. ISBN 978-92-3-100129-1

² Там же. Гл. 27.

³ Преобразование нашего мира: Повестка дня 2030 года для устойчивого развития. Резолюция A/RES/70/1 Генеральной Ассамблеи ООН. Париж, 2015.

получили широкое освещение в научных трудах. Идея концепции услуг экосистем стала формироваться в конце 1990-х, начиная с момента публикации в журналах «Природа» [1] и «Наука» [3], 1997 г. И в этом же году была опубликована книга «Услуги природы: социальная зависимость от естественных экосистем» под редакцией Г. Дэйли [4]. В последующие несколько лет концепция услуг экосистем фигурировала в отчете «Оценка экосистемы тысячелетия» (МЕА), который был подготовлен в рамках Экологической программы ООН (UNEP) и профинансирован Всемирным банком, Фондом ООН, Фондом Паккард.

Появление понятия ES стало в том числе результатом усилий авторитетных ученых, их включенности в институциональные связи и сети, которые были выявлены в исследованиях публикаций и цитирований [5]. Прослеживая цитаты и цепочки сотрудничества, были идентифицированы сети исследователей в таких полях, как экологическая экономика, экология систем, биология сохранения (*conservation biology*). Несколько учреждений идентифицированы в качестве ключевых узлов сети: Стэнфордский университет (где трудятся эксперты ES П. Эрлих, Г. Дэйли, П. Витушек, Г. Муни и С. Шнайдер), университет штата Флорида (здесь Г. Т. Одум и К. С. Холлинг впервые ввели в научный оборот понятие «экология систем»; Р. Констанца был студентом Г. Т. Одума), Институт экологической экономики Бейджер (Beijer) и Союз упругости (RA) – обе организации являются узлами сети в Стокгольме. Сетевые взаимодействия осуществлялись на встречах между названными и другими участниками, в ходе проведения мастерских, организованных при помощи упомянутых выше институтов, находящихся в Стокгольме, так же как Благотворительного фонда Пью (Pew Charitable Trust) и Национального центра экологического синтеза и анализа.

В проект «Оценки экосистемы тысячелетия» (МЕА) было вовлечено более 1 360 авторов, и в результате их работы была создана «теоретическая структура», пять томов отчетов о состоянии мировых экосистем и несколько других отчетов. Работа по формированию МЕА была чрезвычайно структурирована, и, таким образом, ее анализ представляет интерес в связи с задачей понимания того, как создаются и распространяются особые формы знания [5, р. 126].

Основные авторы (выборка $n = 534$) связаны с МЕА и представляют большое разнообразие дисциплин, из

которых, вполне ожидаемо, 45 % – науки о жизни. Социальные и политические науки представляют 19 %, науки о Земле – 8 %, науки о ресурсах (рыболовство, лесоводство, сельское хозяйство) – 9 % и экономика – 13 %.

Экологическая экономика, подобласть, которая играла главную роль в развитии понятия ES (работы Р. Констанцы, журнал *Ecological Economics*). Кроме цитирований классических работ направления – Р. Констанцы и др. [4] и Г. Дэйли [5], отмечено перекрестное цитирование между лучшими 30 авторами в научной литературе по политической экологии и МЕА, которое в значительной степени ограничено авторами, работающими в пределах структуры взглядов «упругости» и/или экологии систем.

Одни исследователи, действуя в рамках рыночной/неоклассической парадигмы, стараются найти способы операционализации понятия, применяют их в специфических ситуациях или создают теоретические модели. Другие анализируют потери или деградацию экосистем, стремятся построить механизмы, при помощи которых могут быть осуществлены процедуры сбора платежей за ES. В то же время множество ученых, включая как пользователей понятия, так и внешних наблюдателей, критикуют идею ES.

Действительно, концепцию следует подвергнуть с экологической точки зрения за то, что она затенила экологические функции или привела к необоснованному упрощению. Со стратегической точки зрения это понятие в определенном смысле слишком широко, оно, например, накладывается на другие, такие как мультифункциональность окружающей среды, экологические услуги, в то время как отмечается и недостаток политической эффективности.

Концепция имеет слабости и с социальной точки зрения, так как она не предоставляет всех возможностей рассмотрения значимых политических, социальных и контекстуальных факторов. Кроме того, ученые указывают на специфическую форму отражения определенных общественных отношений, основанных на рыночной модели общества и соответствующих идеологий, а также на то, что, осуществляя это отражение, концепция услуг экосистемы тем самым укрепляет эти идеологии.

Критически настроенные ученые рассматривают концепцию ES как выражение неолиберального подхода к вопросам охраны и воспроизводства окружаю-

щей среды, который оправдывает изменение природы в интересах определенных групп и «создает новые источники накопления капитала, сосредоточенные преимущественно в руках глобальной элиты» [6, р. 123].

Но главная претензия к понятию ES состоит в том, что оно служит инструментом неолиберального сохранения рыночных оснований – экологической политики или в определенных ситуациях оказывается частью проекта «зеленого захвата», который создает новые рынки и придает силы новым экономическим агентам.

С определенной долей условности авторы отмечают наличие мощной сети влиятельных и экологически ориентированных ученых и экономистов, которые объединились, с тем чтобы предложить и продвинуть «услуги экосистем» как ключевое понятие для целей экологического управления. Понятие, являясь «граничным», по существу, «скрывает» экологические проблемы и таким образом помогает временно сбалансировать антропоцентрические и неолиберальные тенденции в политике.

Концепция «услуг экосистем» гармонизирует интересы представителей экологии и экономики, создавая «выигрывающих». Люди выигрывают от того, что экосистемы должным образом оцениваются и поэтому становятся лучше защищенными, а экологическое управление в рамках неолиберального режима – более эффективным. И наконец, владельцы услуг извлекают выгоду от их продажи, поскольку могут взимать за это плату, ведь в других случаях сельские и/или коренные жители часто оказываются в трудных ситуациях и «могут маргинализироваться» [6, р. 130].

Последнее положение находит подтверждение в некоторых результатах исследований стратегии «Сокращения объема парниковых газов за счет деградации экосистем и обезлесения» (REDD), а также применения мер по взиманию платы за услуги экосистем тропического леса [5]. Но в то же время ряд авторов журналов «Экология и политика» (Environmental science & policy), «Геофорум» (Geoforum) и другие ученые по результатам иных исследований опыта применения REDD [7, 8] говорят о «новой неолиберальной природе капитала», в рамках которой отчуждению подвергаются уже элементы планетарной экологической системы.

Таким образом, подход на основе концепции услуг экосистем создает «победителей и проигравших»,

но нельзя категорично утверждать, что это понятие меняет значение в различных контекстах антропоцена.

Как некую переходную от рыночных к более природоподобным структурам мы предлагаем рассмотреть модель социально-экономического метаболизма (*socioeconomic metabolism* – SEM) [9].

Понятие «метаболизм», относящееся ко «всему количеству химических реакций и физических изменений, которые происходят в живых организмах», было заимствовано из биологии учеными, которые развивали структуры и методы бухгалтерского учета энергетических составляющих экономических потоков. Расширенное понятие социально-экономического метаболизма часто используется в различных комбинациях и коннотациях, включая формы индустриального/промышленного метаболизма, метаболизма ноосферы, антропогенного метаболизма, социального, общественного, или социально-экономического метаболизма, городского метаболизма, или метаболизма городов [9].

Понятие SEM получило широкое признание и в международном Обществе индустриальной экологии, где теперь создана секция «Социально-экономический метаболизм». Это стимулировало развитие методов экономического исследования материального товарооборота во всем энергетическом секторе. Компиляция данных методов является сегодня частью рутины сбора данных в EuroStat, OECD и систем экологическо-экономического бухгалтерского учета ООН (UN SEFA). Термин «метаболизм», однако, подразумевает более широкий охват, чем простой бухгалтерский учет энергетических и материальных потоков.

Учитывая технические требования, обнаруженные в предшествующих работах, Паулюк и другие исследователи предлагают свое определение: «Социально-экономический метаболизм представляет собой самовоспроизводство и развитие биофизических структур человеческого общества. Именно этими биофизическими процессами преобразования, дистрибуции и потоками управляют люди в своих целях. Биофизические структуры общества (отраженные в запасах) и социально-экономический метаболизм вместе формируют биофизическое основание общества» [9, р. 85]. При этом «процесс расширения биофизического основания общества за счет окружающей среды» описывается как колонизация экосистемы

Земли. В то время как колонизация расширяет «человеческую нишу», уровень контроля определяет, до какой степени колонизационные процессы и потоки биогеосферы фактически являются частью SEM.

Однако с развитием концепции SEM связан ряд проблем. Так, экономика включает нематериально-вещественное имущество (программное обеспечение, информацию и т. п.), но это также и экономические объекты, во многом построенные на социальных отношениях, включая коммуникационные связи и доброжелательность, которые не являются частью биофизической действительности. Другими словами, множества экономических и экологических активов перекрываются, но они различны. Вообще говоря, экономика только частично имеет физическое измерение, а нематериально-вещественное имущество и сервисные потоки недолговечны.

И на сегодня не определен социальный параметр, который мог бы служить индикатором степени устойчивости развития. Следует указать на необходимость разъяснения этих проблем, которое обеспечило бы теоретическое оправдание введения альтернативных экономических понятий.

Для того чтобы отделить экономические объекты, деятельность или процессы от социальных, предлагается в том числе использовать понятие «порог дефицита». Это вытекает из общепринятого понимания экономики как науки о распределении ограниченных средств для достижения конкурирующих целей. А в биофизической и социальной сферах присутствуют свободные блага, которые не нужно распределять среди людей.

Этот «не-дефицит» может быть результатом избытка (кислород) или малой значимости этих объектов для экономики (неоткрытые ресурсы). Чтобы оценить отношения между SEM и окружающей средой, вводится понятие/величина «порог воздействия», с тем чтобы отличить те элементы окружающей среды, на которые существенно воздействует деятельность человека, от тех, которые остаются фактически неизменными. Границы наложения биофизических и социальных сфер причинной обусловленности, таким образом, обозначены порогами – параметрами, доступными для человеческого контроля, человеческого воздействия, и определенного рода дефицитами.

В то же время экономика и окружающая среда не являются подмножествами друг друга, однако каждая

из этих двух сфер простирается и в биофизические, и в социальные сферы причинной обусловленности. SEM является подмножеством биофизической сферы причинной обусловленности.

Утверждается, что, благодаря своему позитивному характеру, модель социально-экономического метаболизма оказывается той парадигмой, которая пригодна для изучения биофизических оснований различных нормативных экономических понятий, включая экономику кругооборота (circular economy), стабильного состояния (steady-state economy), космического человека (spaceman economy), услуг, производства, «синюю экономику», экономику устойчивого развития, концепции 3R, понятия «от колыбели к колыбели» (cradle to cradle), биомимикрии, системы естественного рециклинга (roundput systems), биоэкономику, индустриальную экологию, позволяя применять методы количественного анализа биофизической основы общественных систем, которые включают учет материальных потоков (MFA), оценку жизненного цикла (LCA), анализ вход/выход (IO), вычислимые модели общего равновесия (CGE) и др.

Есть и еще одно существенное замечание. Метаболизм современных индустриальных обществ из-за его короткой истории и очевидного злоупотребления природными ресурсами не должен рассматриваться как отдельный тип режима, отличный от основных, известных в экономической истории: охотник-собиратель и аграрное общество, но лишь как переход к новому, еще неизвестному будущему социометаболическому режиму [9, p. 89].

В современных условиях капиталистических отношений производство беспрецедентного множества предметов потребления, которое сопровождается ростом извлечения природных ресурсов, стало причиной материального и концептуального отчуждения экономики и экологии, ухудшения состояния среды обитания, биологической вариативности, функций экосистем, материально-сырьевой базы, водных артерий, питательных веществ почвы и океанских запасов. Все эти воздействия, взятые вместе, способствовали проявлению различных болезней, возбуждаемых таксонами хозяина.

В частности, «Революция скотоводства» (*Livestock Revolution*), в рамках которой размножение, обработка и распределение быстрорастущего домашнего скота вертикально объединены под несколькими крупными

агропромышленными фирмами, делает возможными разного рода негативные эффекты. Эксперты обнаруживают, что глобальные кругообороты капитала связаны с различными «сельскохозяйственными/экологически обусловленными» заболеваниями. Каким образом эти заболевания связаны с геолокализированными вспышками распространений возбудителей таких опасных заболеваний, какие представлены, например, в Глобальной информационной базе заболеваний животных FAO EMPRES [10, p. 69]?

Сегодня уже очевидно, что эколого-эпидемические кризисы не ограничиваются только зоной заражения, а в значительной степени стимулируются структурной трансформацией, происходящей в ядре капиталов экономических и экологических систем в рамках доктрины экспортно ориентированной экономики. Капитал, поддерживающий виды развития и производства, потенциально ведущие к появлению болезней в слаборазвитых частях земного шара, полностью изменяет причинно-следственную связь, превращая Нью-Йорк, Лондон и Гонконг, ключевые центры глобального капитала, в три худшие горячие точки мира [10, p. 70].

Представители частного и государственного капитала ускоренными темпами скупают природные активы, прежде всего сельхозугодья на глобальном Юге. Обзор Матрицы Земли (LMO, 2014) насчитал 959 межнациональных сделок с землей, завершенных во всем мире с июня 2014 г., в общей сложности почти в 36 млн га. Оклендский институт (2011) насчитал 500 млн долл., которые инвестируют в одни только африканские сельхозугодья, с ожиданиями 25%-ной отдачи за счет производства и передачи земли в управление на условиях арендных договоров сроком на 99 лет и, в зависимости от соглашения, неограниченных прав на пользование водой, распределение прибыли и репатриации акции и льгот или сокращений таможенных обязательств, НДС и налогов на прибыль.

Антропоцен

как социально-культурный феномен

Действительно, феномены антропоцена, по существу, определяют развитие вложенных социально-экологических систем, где взаимодействия в рамках социального и экологического окружения не только двунаправленны, но и по-разному проявлены в про-

странствах и времени. Уже достаточно большое число авторов обращаются в своих работах к теме антропоцена как социально-культурного феномена («объекта»), «со многими возможными значениями и политическими траекториями». Отталкиваясь от тезиса о сложности экологических проблем современности, авторы призывают в том числе к политической мобилизации и утверждают, что «общественные науки должны воздержаться от стандартизированных повесток дня и шаблонов в исследованиях» [11, p. 211]. По мнению Ловбрэнд и других, «междисциплинарные интервенции» являются сегодня необходимым дополнением к интегрированным экологическим исследованиям [11, p. 217], ориентированным на поиск конкретных решений проблем планетарных экосистем.

Понятие «антропоцен» было предложено нобелевским лауреатом по химии 1995 г. П. Круценом и биологом Ю. Стоермером на переломе тысячелетий, чтобы описать новую геологическую эру, в которой основным фактором изменений стала деятельность человека [12]. Центральным тезисом в концепции антропоцена стало то, что мы миновали «мягкую эру голоцена», когда шло развитие человеческих цивилизаций, и вошли в намного более непредсказуемый и опасный период, когда человечество подрывает планетарные системы своего жизнеобеспечения. Утверждается, что в эпоху антропоцена Декартова двойственность природы и общества оказывается разрушенной и это приводит к «глубокому переплетению судеб природы и человечества» [13, p. 2231].

Авторы также отмечают, что уже задолго до формулировок Круцена и Стоермера велась работа в науках об окружающей среде, в таких предметных областях, как очистка территорий от загрязнений, использование воды, сжигание ископаемого топлива, влияние городов-гигантов, внедрение информационных и геоинженерных технологий. Результаты этой работы были интегрированы в Международную программу исследований геосферы-биосферы (IGBP) и другие, в модели «Земные Системы» в конце 1980-х и в итоге обеспечили глобальное понимание спровоцированного человеком экологического изменения. Определяя теоретический задел антропоцена в науках об окружающей среде, можно назвать и такие источники, как работы Дж. Марша [14], Э. Сьюза [15], В. Вернадского [16].

Проведя анализ большого объема источников, в том числе таких документов, как Амстердамская декларация по Глобальному изменению климата (2001), декларация «Состояние Планеты» (2012), международные программы: по человеческим измерениям в глобальных экологических изменениях (IHDP), исследования климата (WCRP), Diversitas, и статей ведущих сторонников понятия «антропоцен»: П. Круцена, У. Штеффена, Я. Зэлэсивика (Paul Crutzen, Will Steffen and Jan Zalasiewicz) [13] и других [17, 18], можно выделить элементы основания научного дискурса антропоцена, которые, предположительно, станут ядром обобщающей концепции.

Центральное онтологическое предположение основано на тезисе Латура [19] о природе как «квази-объекте». Это, очевидно, «социокультурное явление». Из данного радикального постфизического тезиса вытекают три эпистемологических следствия: 1) знание всегда зависит от представлений и предварительных обязательств исследователя и его видений будущего; 2) исчезают различия между субъектом и объектом, что вызывает вопросы об этических предпосылках, которые формируют наши представления о ценностях; 3) возникает множественность структур природы, соответствующих знаний и космологий, на первое место в исследованиях экологических изменений выходит фактор разнообразия вместо стереотипных представлений.

В научной области, связанной с антропоценом, сложились «парадоксальные отношения» между «экологической апокалиптикой», с одной стороны, и стремлением сохранить институциональный статус-кво, с другой. Тем не менее реальность требует компромисса, и в этой связи может быть предложена так называемая постполитика – как своего рода политическая договоренность и социальное соглашение, приходящие на смену конкуренции идеологий и борьбе. А в качестве инструментального средства постполитики выступает техноорганизационное планирование. В этом формирующемся концептуальном пространстве артикуляция расходящихся и противоречивых траекторий социополитического развития замещается нормативным согласием вокруг общего плана действий для всего человечества перед лицом ожидаемой экологической катастрофы. В этих условиях разногласия возможны лишь в отношении выбора технологий, деталей организационных регуляторов и безотлагательности вы-

бора сроков выполнения заранее принятых решений. По всей видимости, политические процессы в рамках «регулирования климата» являются частью первого этапа реализации такого плана.

В своей статье авторы обрисовывают в общих чертах три точки онтологического входа в процесс осуществления этой совместной попытки в рамках общественных наук. В этой связи названы такие средства, как «радикализация» постестественного, постсоциального и постполитического подходов.

Внедренная в количественную и позитивистскую парадигму исследования, доминирующая методология продолжает воспроизводить природу как объект, внешний по отношению к обществу, который возможно познать, контролировать и которым можно управлять извне.

Ловбрэнд и другие авторы [11] призывают «подвергнуть сомнению инстинкт» следования стандартизированным шаблонам в исследованиях и методах решения вопросов об их интеграции. Усиление «политизации антропоцена», по мнению авторов, означает способствование его развитию как «яркого общественного пространства», где собираются и от куда расходятся социоэкологические отношения, а явления природы могут быть представлены и обсуждены [14]. Чтобы позволить реализоваться такой конструктивной экологической политике, ученые-экологи должны продемонстрировать, что антропоцен не является «концом политики». В этой связи важно сформулировать и поставить критические вопросы о видах окружающей среды, в которой мы хотим жить, и «сообществах видов, которые мы хотим произвести» [11, p. 216].

Для формирования новых социальных правил общественные науки должны взрастить политическую мысль, которая простирается вне категорий «продуктов и услуг» и в которой заинтересованы люди, стремящиеся к «устойчивости» [20]. «Образные прорывы» и «эффективные решения», соответствующие сложности современных проблем охраны окружающей среды, не сформируются только в рамках экологического исследования. Более многообещающей и реализуемой, по мысли авторов, является идея концептуального и политического пространства, где будет сконцентрировано разнообразие «зеленых» фактов, пониманий и концептуализаций, доступных для обсуждения.

Перспективы трансдисциплинарности

Авторы настоящей статьи в связи с экологической проблематикой поддерживают мнение ряда ученых, которые призывают к соединению «методов» традиций и новаций в исследованиях, и основная предпосылка этого утверждения заключается в том, что никакая отдельно взятая дисциплина не может адекватно охватить сложные экологические проблемы нашего времени. Определенные шаги в этом направлении были сделаны в 2001 г., когда Международным научным советом (ICSU) была создана структура «Научное партнерство Системы Земли» (ESSP). Вокруг партнерства формируются глобальные научно-исследовательские сети: WCRP, IGBP, IHDP, и DIVERSITAS и др., что стимулирует объединенные научно-исследовательские работы и общие повестки дня. Как раз к Конференции ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро (Рио +20) летом 2012 г. ESSP перешло в более институционализированный формат программы интегрированного исследования Системы Земли под названием «Будущая Земля» (FE).

В своих программных документах «Будущая Земля» призывает к более глубокой причастности общественных наук к скоординированному поиску решений, ориентированных на экологические задачи в политологии, экономической географии, социологии и экономике. Ученых тем самым призывают более полно участвовать в «действиях, которые уменьшают известные риски для системы поддержания жизни Земли».

Мы полагаем, что общественные науки хорошо подготовлены к тому, чтобы выдвинуть идею антропоцена в новых и более производительных направлениях. Интерпретация, дифференцирование и переполитизация представляют собой базовые признаки следующего научного поколения антропоцена, в котором приветствуется участие множества лиц, заинтересованных в том, чтобы вскрыть противоречия в институциональных структурах планеты и между ее жителями и экспериментировать новыми. Чтобы облегчить данный вид политической мобилизации, необходимо справиться со сложными экологическими проблемами нашего времени, общественные науки должны сделать больше, чем от них требуют [20].

В таком случае вполне уместным будет применение методов таких наук, как науки о сложности, в целях нового понимания взаимодействий социума с внешним природным окружением.

Международная программа геосферы-биосферы (IGBP), реализуя науку сложности, предлагает, по сути, «вторую коперниканскую революцию» в понимании Земной Системы, приводя доводы в пользу нового поколения промежуточных моделей сложности, которые отражают двойственные отношения в экосоциальном окружении. Амстердамская декларация 2001 г. на основе этих идей вводит критерии порогов изменений и переломных моментов. Теперь уже в рамках программы «Будущее Земли» (FE) эти идеи/основания продвигаются, предвзяя «новые формы сотрудничества с пользователями и заинтересованными лицами» [10, p. 2].

Первыми примерами моделирования и интерпретации в масштабе антропоцена, известными уже более 40 лет, являются компьютерные программы World3 и «Пределы Роста», поддержанные Римским клубом и основанные на моделях динамики Систем Земли, развитых Форестером [21]. Несмотря на упрощение ключевых элементов этих моделей, они оказались довольно полезны. World3 использовалась для получения различных сценариев и, хотя эта модель была подвергнута резкой критике, она все же обеспечила разумно хорошее соответствие эмпирическим данным с 1972 г.

Результаты, полученные с применением World3, выдвигают на первый план вопрос о растущем риске экологической деградации, катастрофически воздействующей на население мира с середины XXI столетия. С 1970-х гг. произошли резкие изменения в нашем понимании биофизических аспектов Земной Системы, некоторые из них стали понятны благодаря использованию численных методов на эффективных вычислительных платформах. В результате были развиты и использовались несколько больших интегрированных моделей оценки глобальной устойчивости, выводы которых попали в отчеты по научной политике.

Однако беспрецедентные темпы изменений, растущая сложность взаимодействий и появление новых граничных условий генерируют новые проблемы для управления современными социально-экологическими системами. И более совершенные методы моделирования динамических отношений между социальными и экологическими явлениями востребованы сегодня как часть доказательной базы для соответствующих управленческих решений.

С 1988 г. Межправительственная группа по глобальному потеплению за более чем несколько десятилетий, возможно, сделала больше, чем любая

другая организация, чтобы смоделировать параметры вероятных условий окружающей среды, возможные сценарии их изменений и довести эту информацию до широкой общественности.

Сложные динамические системы имманентно непредсказуемы, особенно когда они включают людей. Тем не менее сравнение результатов моделирования с фактическими данными за известный период, способность модели представить наблюдаемую динамику реального мира обеспечивают ученым понимание той степени представления и упрощения, которая позволяет делать успешные прогнозы. Спектр версий меняется от моделей малой сложности к моделям, которые включают так много процессов и элементов, насколько это позволяют вычислительные средства. Модели обращаются к самым различным видам физических и социальных процессов в зависимости от временных рамок, например как в случае моделей климата, которые применяются в оценках Межправительственной группы по глобальному потеплению (IPCC) и в моделях изменений погоды, используемых Мировой программой исследований погоды (WWRP).

Однако и такие модели имеют определенные ограничения. Кроме того, специалистам часто недостает ясного видения того, что является «хорошим антропоценом», а у различных заинтересованных лиц могут быть противоречивые цели. Визуализация оптимизированных результатов может помочь обсудить и пересмотреть цели. Возможно, что еще более важно, осуществляя моделирование, они могут лучше понять и сформулировать цели, анализируя результаты расчетов, следующие из применения альтернативных «оптимальных стратегий управления» [10, р. 3].

Цели, по мнению авторов, должны согласовываться с альтернативными концепциями «хорошего общества» (или «хорошего антропоцена») и моделями, при помощи которых определяются способы достижения целей, диапазон сценариев и критериев идентификации степени приближения к установленным целям.

Основные направления развития нового поколения моделей поведения социоэкологических земных систем включают практику систематического распространения метаданных, обычно включаемых в базы данных, с целью рассмотрения (1) вопросов, на которые нужно найти ответ при помощи этих данных, (2) методов и методик, используемых при сборе и анализе данных, (3) типа выборки, единиц наблюдения и ана-

лиза, (4) рабочих гипотез и (5) эпистемологического статуса информации, полученной из данных.

Модели должны быть способны предсказать «полный социальный крах» (или, по крайней мере, обозначить признаки сил, которые выводят систему из устойчивого состояния), а также обозначить предупредительные знаки – границы переходов из одного состояния в другое. Такое моделирование позволило бы определить границы «безопасных операционных мест» в пределах пространства параметров реального мира. Авторы замечают, что определение этих границ зависит также от социальных предпочтений и норм, которые следует включать в разрабатываемые модели.

Альтернативные подходы к расчетам деятельности человека в крупномасштабных моделях включают так называемое увеличение масштабов (*upscaling*) картины местной динамики посредством идентификации совокупных паттернов возможного ответа/реакции на изменения, которые основаны на вычислении местных ответов. Вместо описания поведения людей на основе «агентских» моделей альтернативный подход описывает совокупное поведение сообществ, сохраняя отличительные особенности этих сообществ, зависящие от их состава и социокультурного контекста.

Увеличение масштабов может быть достигнуто посредством вложения детализированных моделей на отдельном уровне в пределах совокупной модели. Этот подход к вычислению локальных человеческих решений и реакций/ответов сопоставим с подходом, проявленным в физических Моделях промежуточной сложности для земных систем (EMICs), которые используют комбинацию методов (выбор процессов, которые будут представлены; объединенные реакции, вместо того чтобы моделировать отдельные основные процессы) для описания динамик земных систем.

В то время как глобальная связность местоположений растет, это не исключает, что большая доля принятых людьми решений все еще зависит от местных условий. Продукты питания, энергия и информация могут быть транспортированы по всему миру, но люди полагаются на множество услуг локальных экосистем (чистая вода, регулирование риска наводнения) или в местном масштабе (возможности отдыха, рекреационные услуги). Такие подходы, с учетом реакций человека на экологические изменения, в глобальном масштабе, вероятно, потребуют новой, с сильным центром, архитектуры управления социоэкосистемами.

Большинство моделей разрабатываются так, что оказываются автономными. Такое программное обеспечение определяет и калибрует переменные и множества, входные данные согласно своим дискретным алгоритмам, оно выдает свою продукцию и на этом заканчивает работу. Большинство моделей динамики земной поверхности имеет подобную внутреннюю структуру. Неудобство состоит в том, что необходимость перепроектирования всех компонентов такого продукта делает развитие новых моделей чрезвычайно дорогим.

Это одна из причин того, что Модели земных систем относительно немногим отличаются от других программ интегрированных оценок. Однако проблемы, обрисованные в общих чертах в реферируемой статье, должны решаться при помощи более разнообразных подходов, разработке которых препятствуют объемы затрат, которые необходимо делать буквально на пустом месте. Авторы предлагают применять компонентное моделирование, основанное на преимуществах технологии «включи и играй» (*"plug and play" technology*).

Модели-компоненты становятся, таким образом, функциональными единицами, которые когда-то были разработаны для особой структуры, может быть, вместе с другими моделями для решения определенной задачи. Структуры и архитектура дополнительно оказывают необходимые услуги, такие как пересчет данных на новую сеть (*regridding*), интерполяция времени и сохранение данных. Типовой компонент может общаться с другими компонентами, даже если они написаны в разных программных кодах.

Институциональная инерция также остается существенным препятствием. Крупные научно-исследовательские институты – поставщики кодов больших моделей «Земных Систем» предлагают такие «монструозные» продукты, которые почти невозможно разбить на меньшие компоненты. Кроме того, это обеспечение требует современных вычислительных платформ, работающих только по алгоритмам владельца(ев) кода. Менее крупные компании, не столь тесно связанные с такими затратными технологическими процессами, будут, вероятно, опережать «монстров» в моделировании антропоцена по технологии «включи и играй».

Результаты исследования

Важнейший вывод по итогам приведенных выше рассуждений заключается в том, что в таких научных областях, как исследования климата (адаптация к из-

менениям климата), политическая экология, исследования науки и техники (STS) и другие, где в предмет исследования включены социальные конструкции, представления о природе и обществах, являются сложносоставными и воспроизводятся как гибридные экосоциоэкономические культуры. Данный посыл подразумевает обращение к трансдисциплинарности.

Потребность в синтезе с целью поиска научных подходов, адекватных экологическим проблемам, была признана на международном уровне, и это привело, среди прочего, к созданию Межправительственной группы по глобальному потеплению (IPCC), Международной программы геобиосферы (IGBP), Международной программы по человеческим измерениям в глобальных экологических изменениях (IHDP), которые недавно были объединены в проекте «Будущее Земли» (FE).

Трансдисциплинарное исследование, по определению, вовлекает разнообразные научные дисциплины в сотрудничество со структурами политики и управления. Это контрастирует с междисциплинарным исследованием, которое изучает связи и отношения между академическими дисциплинами, не требуя их трансформации, несовокупно. Мультидисциплинарный подход подразумевает совокупное исследование академических дисциплин, т. е. их агрегирование.

Трансдисциплинарность относится к ряду новых моделей производства знаний, предложенных с целью преодоления дисциплинарных и институциональных границ, и представляет идеализацию того, как ученые «должны работать». В то время как трансдисциплинарный подход еще не считается «господствующим», его очарование для климатологов кроется в предполагаемых возможностях «балансирования эпистемологическо-дисциплинарной разнородности и более широких требований конвергенции знаний о воздействиях климата» [22, p. 161].

Для того чтобы трансдисциплинарная наука могла влиять на политику, ее аргументы должны быть убедительными, адекватными потребностям лиц, принимающих решения, и законными (производство знания должно быть организовано достоверно, непредубежденно и справедливо). В дополнение к «фундаментальной алхимии» науки формирования команды (*team science*) область трансдисциплинарности переполнена рассуждениями о том, как достигнуть общей концептуальной основы и преодолеть эписте-

мологические, организационные и персональные методологические границы.

На пути интеграции в этих исследованиях чаще всего возникают эпистемологические барьеры, так как эффективные коммуникации в области изучения адаптации к изменениям климата полагаются на всесторонний обмен знаниями между различными заинтересованными лицами. Бывает нелегко правильно идентифицировать объект исследования и по мере необходимости объединить восприятия в разнообразных системах знаний и сообществах.

С целью преодоления подобного рода барьеров предлагаются такие подходы, как триангуляция, анализ на основе множественных наблюдений (МЕВА), сценарный подход. Они, в отличие от преимущественно применяемых сегодня, представляют три основных принципа: экспериментирование с различными способами познания; отказ от использования принципов западной науки как точки отсчета в оценке и модификации всех прочих форм знания, прежде всего в контексте адаптации к изменениям климата, и возможное принятие «неудобных» способов познания.

Примерами практического применения таких подходов могут служить усилия ИРСС, которая в своей работе сталкивается с конкуренцией аналитических инструментов и конфликтами позиций, это так называемое противоречие «климатгейт», в процессе разрешения которого предъявляются права на относительную объективность и включение в рассмотрение/исключение отдельных трактовок и интерпретаций фактов и явлений.

Исследуемый Кленк и другими учеными [22] подход триангуляции, в котором существенны практическая и теоретическая значимость, обосновывается путем экспериментов, предлагает средство для построения «общего мира», в то время как МЕВА напоминает нам, что западная наука не должна быть конечным арбитром, а скорее одной из многих систем знаний. Наконец, когда ученые сталкиваются с неопределенностью в формулировке траекторий будущего развития, следует при разработке сценариев проявить внимание к способам чувствовать природу и действовать в ее границах, соединяя это чувство с тем, что было получено из нашего общего мира, и таким образом участвуя в политической переконфигурации существующего общественного строя.

Применение своим методам Кленк и другие ученые нашли в исследованиях арктических сообществ охот-

ников-собирателей – инуитов. Инуитская анимистическая онтология делает возможными различные виды отношений между людьми и другими субъектами природы (*non-humans*) и определяет также способы их адаптации к изменениям климата [22, р. 164]. Мысли и слова инуитов имеют самостоятельную сущность, что объясняет их молчаливость, когда дело касается предсказаний воздействий изменения климата, так как «необдуманное слово и категоричные заявления, которые не в состоянии отразить имманентную неопределенность мира, опасны» [22, р. 161].

По всей видимости, инуиты, как, в общем, и представители других коренных народов, принимают неопределенность, а изменение фундаментальных особенностей жизни в Арктике воспринимают как дар природы, стараясь получить о нем всесторонние знания вместе с навыками импровизации, чтобы гибко ответить на изменение ситуации.

Таким образом, авторы не приводят явных аргументов ни за, ни против трансдисциплинарной науки, но призывают рассматривать разнообразные инициативы по организации исследований и сотрудничества, не избегая новых проблем (таких как противоречивые системы знаний или мировоззрения).

Трансдисциплинарность, по мнению авторов, не может быть предшественником научной интеграции; вместо этого трансдисциплинарная наука об окружающей среде должна признать и оценить различие, поскольку это основа для производства знания, имеющего значение в политике.

Методика организации деятельности таких структур, как национальные и региональные центры синтеза, основана в значительной степени на трансдисциплинарной интеграции биофизических наук и связанной с экологической деятельностью социологии, а также определенного спектра дисциплин в рамках области экологической политики и управления. Центры синтеза обеспечивают форум, на котором в ходе структурированных процессов сотрудничества развиваются новые знания и подходы, поскольку в таких совместных усилиях объединяются секторные, дисциплинарные и культурные ресурсы.

К настоящему времени организовано более десятка центров синтеза в Северной Америке, Европе, Китае и Австралии, специализирующихся в синтезе усилий представителей наук экологической направленности, биомедицинских наук, математики, наук о Земле

и геномики. Их общая цель состоит в том, чтобы стимулировать креативное мышление, обеспечивать творческие группы технологической поддержкой, синтезировать и анализировать разнообразные наборы данных. Также можно сказать, что центры синтеза разработаны, чтобы заставить отраслевых специалистов «думать вне дисциплинарных шаблонов», обращаясь к вопросам, имеющим критическое значение в науке, политике и управлении.

Тем не менее центры синтеза различаются по своей специализации: китайская Научно-исследовательская сеть экосистемы (CERN) сосредоточилась на потребностях лиц, принимающих решения в Китае, тогда как Национальный центр экологического анализа и синтеза (NCEAS) в США работает в интересах внешних заказчиков.

Австралийский центр экологического анализа и синтеза (ACEAS) с 2009 до середины 2014 г. являлся структурой Научно-исследовательской сети экосистемы Земли (TERN). TERN была создана австралийским национальным правительством при участии правительства Квинсленда Южной Австралии в 2009 г., чтобы скоординировать сотрудничество ученых экосистемы и улучшить работу по интеграции данных, полученных представителями различных дисциплин. ACEAS призван более определенно решать задачи обеспечения дисциплинарной и междисциплинарной интеграции, синтеза и моделирования данных об экосистеме с целью информирования и продвижения экологических стратегий управления на основе фактических данных и политики в региональных, государственных и континентальных масштабах [23].

По мнению авторов, деятельность центров синтеза вообще может характеризоваться следующими критериями:

- расширенное совместное использование данных; центры способны помочь преодолеть нежелание разделить данные посредством (i) обеспечения регистрации прав интеллектуальной собственности владельцев данных, (ii) публикации результатов исследований (и данных) и (iii) безопасности распределения или многократного повторного использования данных;
- расширенное сотрудничество и организация сети на системной основе;
- рост объема работы и производительности; поддержка рабочих групп с междисциплинарным широким и/или трансдисциплинарным потенциалом,

которые включали в процесс конечных пользователей; поддержка рабочих групп с межкультурным ядром, чтобы облегчить дальнейший синтез и сотрудничество; общедоступный интерактивный интернет-портал, обеспечивающий пространственную визуализацию и другую иллюстративную информацию; использование социальных СМИ;

- расширение трансдисциплинарности за счет привлечения менеджеров и высших чиновников, таким образом смягчая ключевой риск, связанный с «большими» данными, то есть неверным истолкованием и неправильным употреблением знаний из-за плохого понимания ограничений данных;

- расширенное теоретическое и аналитическое понимание; почти все профессионалы сталкиваются с опасностью «жесткого» мышления или практик. Работа в трансдисциплинарных группах, особенно с социологами, специализирующимися на проблемах охраны окружающей среды, поможет «рассказать» ученым о сотрудничающей, а не преобладающей роли научных знаний в политике и управлении. Точно так же социологи узнают о том, в какой степени ученые полагаются на эмпирические доказательства, чтобы заявить о наличии или решении проблем;

- продвижение новых концепций; новые средства мультимедийных коммуникаций; множество форумов; пространственно-явные, интерактивные интернет-продукты, полезные для рассмотрения проблем реального мира (например, исследования аэробологии, телеметрия животных, биокультурное знание местных жителей);

- преобразование научных дискурсов в диалоги сообщества и обеспечение обратной связи.

Важными факторами эффективности оказываются: долговечность рабочих групп («погружение в "бесконечное время"»), организация рабочих сессий на регулярной основе поддерживает непрерывность процесса исследований и ускоряет продвижение знаний; совместные мероприятия рабочих групп (например, «большие мастерские»); выбор определенного стратегического направления; способность обеспечить информационную поддержку исследований также и вне физических коммуникаций (встречи лицом к лицу); способность оказать поддержку не только в рамках конкретного проекта, но и как отдаленное обязательство поставки нового продукта после окончания проекта; отдельная линия ответственности перед

правительственными органами; модель товарищества с ключевыми национальными университетами; сотрудничество с национальными советами высокого уровня или правление, представляющее широкие интересы биофизических и социальных наук, обеспечивающих гарантию качества, поддержку влиятельных лиц от науки, политики и управленческих секторов. Возможно, должны быть развиты дополнительные критерии, соответствующие конкретным целям рабочей группы.

Выводы

До настоящего времени антропоцен не был представлен как нормативная научная концепция, которая могла бы задать цели и дать надежду на благоприятные перспективы развития человека. Доминирующий научный дискурс представлял собой, скорее, еще одну из форм подачи сигнала о необходимости предпринимать безотлагательные действия ввиду экологического кризиса, пока еще не «слишком поздно». Так, в большинстве определений антропоцен, пришедший на смену голоцену, характеризует такое состояние планетарной системы, когда эксплуатация ее ресурсов человеком и деградация стали настолько распространяющимися и глубокими, что это стало конкурировать с некоторыми из могучих сил природы.

В то время как в данной области исследований ведут работу представители самых разнообразных направлений научной мысли, что включает неоклассические, посткапиталистические, постколониальные, постмодернистские дискурсы, их отличает описательный подход, что в итоге явно или неявно приводит к принятию постполитической формулировки антропоцена как «апокалиптического конца всем вещам» [4, p. 191].

Однако развитие трансдисциплинарного дискурса и методологического экспериментирования все более характеризует контекст таких научных областей, как «адаптация к изменениям климата». По определению, трансдисциплинарность понимают как рефлексивный, интегральный, методоориентированный подход, нацеленный на производство *нормативного* знания и действий, важных для решения социальных проблем в рамках экологической политики.

Авторы статьи предлагают принять социальный запрос на предписывающие установки, способные обеспечить «выздоровление» планетарной системы,

и приступить к формированию новой науки антропоцена в нормативном ключе. По нашему мнению, такую работу следовало бы начать с открытого объявления ценностей групп, заинтересованных как в «услугах экосистемы», так и в ее сохранении и воспроизводстве. Объявление ценностей должно сопровождаться более глубокими исследованиями альтернативных направлений развития различных форм цивилизаций в их естественном окружении. Такие исследования не должны ограничиваться только формами «западной» методологии и рамками доминирующих социально-экологических норм. Следует поддерживать открытые обсуждения эколого-политических альтернатив, анализ других вариантов социально-экологического будущего (например, экологическая модернизация, «зеленый рост» – услуги экосистемы, принципы развития форм экотехнологической и биологической цивилизаций). Такой анализ может обеспечить то, что «невозможное» покажется возможным, и тем самым показать новые, неожиданные и перспективные направления экологической политики.

Список литературы

1. Crutzen P., Schwagerl C. Living in the anthropocene: towards a new global ethos. *Yale Environ.* 360. 2011.
2. Dalby S. Biopolitics and climate security in the Anthropocene // *Geoforum*. 2013. No. 49. Pp. 184–192.
3. Human domination of earth's ecosystems / P. M. Vitousek, H. A. Mooney, J. Lubchenco, J. M. Melillo // *Science*. 1997. No. 277 (5325). Pp. 494–499.
4. The value of the world's ecosystem services and natural capital / R. Costanza, R. d'Arge, R. de Groot, S. Farber, M. Grasso, B. Hannon, K. Limburg, S. Naeem, R. V. O'Neill, J. Paruelo, R. G. Raskin, P. Sutton, M. van den Belt // *Nature*. 1997. No. 387. Pp. 253–260.
5. Daily G. C. *Nature's Services: Societal Dependence on Natural Ecosystems*. Washington: Island Press, 1997.
6. Kull C. A., De Sartre X. A., Castro-Larrañaga M. The political ecology of ecosystem services // *Geoforum*. 2015. No. 61. Pp. 122–134.
7. Resilience scientists as change-makers-Growing the middle ground between science and advocacy? / M. Milkoreit, M.-L. Moore, M. Schoonc, C. L. Meek // *Environmental science & policy*. 2015. No. 53. Pp. 87–95.
8. Nel A. The choreography of sacrifice: Market environmentalism, biopolitics and environmental damage // *Geoforum*. 2015. No. 65. Pp. 246–254.
9. Pauliuk S., Hertwich E. G. Socioeconomic metabolism as paradigm for studying the biophysical basis of human societies // *Ecological Economics*. 2015. No. 119. Pp. 83–93.

10. Methods and approaches to modelling the anthropocene / P. H. Verburg, J. A. Dearing, J. G. Dyke, S. Van der Leeuw, S. Seitzinger, W. Steffen, J. Syvitski // Global Environmental Change. 2015; URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2015.08.007> (дата обращения: 15.01.2016).

11. Who speaks for the future of Earth? How critical social science can extend the conversation on the Anthropocene / E. Lovbrand, S. Beck, J. Chilvers, T. Forsyth, J. Hedren, M. Hulme, R. Lidskog, E. Vasileiadou // Global Environmental Change. 2015. No. 32. Pp. 211–218.

12. Crutzen P. J., Stoermer E. F. The "anthropocene" // Glob. Change Newsl. 2000. No. 41. Pp. 17–18.

13. The new world of the Anthropocene / A. Zalasiewicz, M. Williams, W. Steffen, P. Crutzen // Environ. Sci. Technol. 2010. No. 44. Pp. 2228–2231.

14. Marsh G. P. The Earth as Modified by Human Action. New York: Scribner, Armstrong & Co., 1874. DOI: <http://dx.doi.org/10.5962/bhl.title.53722>.

15. Suess E. Das Antlitz der Erde (The Face of the Earth, 1906). Vol. 1. Leipzig, Germany: G. Freytag, 1885.

16. Вернадский В. Биосфера и Ноосфера. М.: Наука, 1989. 264 с.

17. Restall B., Conrad E. A literature review of connectedness to nature and its potential for environmental management // Journal of Environmental Management. 2015. No. 159. Pp. 264–278.

18. The dawn of Structural One Health: A new science tracking disease emergence along circuits of capital / R. G. Wallace, L. Bergmann, R. Kock, M. Gilbert, L. Hogerwerf, R. Wallace, M. Holmberg // Social Science & Medicine. 2015. No. 129. Pp. 68–77.

19. Latour B. We have never been modern. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 1993.

20. Future Earth, 2014. Strategic Research Agenda 2014. Priorities for a Global Sustainability Research Strategy. International Council for Science. Paris.

21. Forrester J. W. World Dynamics. Pegasus Communications, Waltham, Massachusetts, 1971.

22. Klenk N., Meehan K. Climate change and transdisciplinary science: Problematizing the integration imperative // Environmental Science & Policy. 2015. No. 54. Pp. 160–167.

23. Transdisciplinary synthesis for ecosystem science, policy and management: The Australian experience / A. J. J. Lynch, R. Thackway, A. Specht, P. J. Beggs, S. Brisbane, E. L. Burns, M. Byrne, S. J. Capon, M. T. Casanova, P. A. Clarke, J. M. Davies, S. Dovers, R. G. Dwyer, E. Ens, D. O. Fisher, M. Flanigan, E. Garnier, S. M. Guru, K. Kilminster, J. Locke, R. Mac Nally, K. M. McMahon, P. J. Mitchell, J. C. Pierson, E. M. Rodgers, J. Russell-Smith, J. Udy, M. Waycott // Science of the Total Environment. 2015. No. 534. Pp. 173–184.

**Список сокращений, использованных в статье /
List of abbreviations used in the article**

CBD: Convention on Biological Diversity – Соглашение по разнообразию форм жизни

CERN: Chinese Ecosystem Research Network – Научно-исследовательская сеть экосистемы

CGE: computable general equilibrium models – вычисляемая модель общего равновесия

EMICs: Earth system Models of Intermediate Complexity – Модели промежуточной сложности для земных систем

EMPRES: EMPRES Global Animal Disease Information System / FAO EMPRES – Глобальная информационная база заболеваний животных Организации по сельскому хозяйству и продовольствию США

ES: Ecosystem Services – Услуги экосистем

ESSP: Earth System Science Partnership – Научное партнерство Системы Земли

FE: Future Earth – Будущее Земли

ICSU: International Council of Science – Международный научный совет

IGBP: International Geosphere-Biosphere Program – Международная программа исследований геосферы-биосферы

IHDP: International Human Dimensions Program on Global Environmental Change – Международная программа по человеческим измерениям в глобальных экологических изменениях

IPBES: Intergovernmental Science-Policy Platform on Biodiversity and Ecosystem Services – Межправительственная платформа научной политики в области услуг экосистем и биологической вариативности

IO: input/output analysis – анализ вход/выход

IPCC: Intergovernmental Panel on Climate Change – Межправительственная группа по глобальному потеплению

LCA: life cycle assessment – Оценка жизненного цикла

LMO: The Land Matrix Observatory – Обзор Матрицы Земли

MEA: Millennium Ecosystem Assessment – Оценки экосистемы тысячелетия

МЕВА: Multiple Evidence-Based Approach – Анализ на основе множественных наблюдений

MFA: material flow accounting – Учет материальных потоков

NCEAS: the National Center for Ecological Analysis and Synthesis – Национальный центр экологического анализа и синтеза, США

OECD: The Organisation for Economic Cooperation and Development – Организация экономического сотрудничества и развития

RA: Resilience Alliance – Союз Упругости

REDD: Reducing Emissions from Deforestation and Degradation – Сокращения объема парниковых газов за счет деградации экосистем и обезлесения

SPB: Strategic Plan for Biodiversity – Стратегический план по биологической вариативности

STS: Science and Technology Studies – Исследования науки и техники

TEEB: Economics of Ecosystems and Biodiversity – Экономика экосистем и биологической вариативности

TERN: Terrestrial Ecosystem Research Network – Научно-исследовательская сеть экосистемы Земли

UNEP: United Nations Environment Program – Экологическая программа ООН

UN SEFA: UN System of Economic and Environmental Accounts – Система экономических и экологических счетов ООН

SEM: Socioeconomic Metabolism – модель социально-экономического метаболизма

WWRP: World Weather Research Program – Программа исследований мировой погоды

Дата поступления 29.02.16

Дата принятия в печать 04.04.16

© Дроздов Н. Н., Кураков Л. П., Пястолов С. М., Кураков А. Л., 2016. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; лицензия Татарского образовательного центра «Тагтимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.ieml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторах

Дроздов Николай Николаевич, доктор биологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; академик, Российская академия естественных наук
Адрес: 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1

Кураков Лев Пантелеймонович, доктор экономических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск; академик, Российская академия образования
Адрес: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68
E-mail: kurakov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6577-108X>
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/G-6624-2016>

Пястолов Сергей Михайлович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
Адрес: 117997, г. Москва, Нахимовский просп., 51/21
E-mail: piasts@mail.ru
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/D-7963-2014>

Контактное лицо:

Кураков Александр Львович, доктор экономических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
Адрес: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68
E-mail: kurakov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4529-0630>
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/G-5093-2016>

N. N. DROZDOV¹,

L. P. KURAKOV²,

S. M. PYASTOLOV³,

A. L. KURAKOV²

¹ Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russia

² National Research Mordovia State University named after N. P. Ogarev, Saransk, Russia

³ Institute for Scientific Information in Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ISSUES OF FORMING THE SCIENCE OF ANTHROPOCENE

Objective: to study the issues of anthropocene formation as a scientific concept.

Methods: dialectical method of cognition, detailization, logical generalization.

Results: the concepts of ES (ecosystem, ecosystem services), environmental Economics are viewed. Strengths and weaknesses were analyzed of the concept of "Ecosystem Services". The model of socio-economic metabolism (SEM) was proposed. In addition, the anthropocene is considered in the work as a socio-cultural phenomenon. The authors concluded that in such scientific fields as climate research (adaptation to climate change), political ecology, studies of technology and science (STS) and others, where the subject of the study includes social constructs, the concepts of nature and societies are complex and are reproduced as hybrid eco-socioeconomic cultures. This idea implies a call for transdisciplinarity.

Scientific novelty: anthropocene is presented as a normative scientific concept that could give hope for favorable prospects of human development.

Practical significance: the provision of social request for prescriptive directions, assisting in the "recovery" of the planetary system, and approaches to the development of the anthropocene science in a normative way.

Keywords: Economic theory; Ecosystem services; Socio-economic metabolism; Paradigm; Social-ecological system; Political ecology; Transdisciplinarity

References

1. Crutzen, P., Schwagerl, C. Living in the anthropocene: towards a new global ethos. *Yale Environ* 360, 2011.
2. Dalby, S. Biopolitics and climate security in the Anthropocene, *Geoforum*, 2013, No. 49, pp. 184–192.
3. Vitousek, P. M., Mooney, H. A., Lubchenco, J., Melillo, J. M. Human domination of earth's ecosystems, *Science*, 1997, No. 277 (5325), pp. 494–499.
4. Costanza, R., d'Arge, R., de Groot, R., Farber, S., Grasso, M., Hannon, B., Limburg, K., Naeem S., O'Neill R.V., Paruelo J., Raskin R. G., Sutton P., van den Belt M. The value of the world's ecosystem services and natural capital, *Nature*, 1997, No. 387, pp. 253–260.
5. Daily, G. C. *Nature's Services: Societal Dependence on Natural Ecosystems*, Washington: Island Press, 1997.
6. Kull, C. A., De Sartre, X. A., Castro-Larrañaga, M. The political ecology of ecosystem services, *Geoforum*, 2015, No. 61, pp. 122–134.
7. Milkoreit, M., Moore, M.-L., Schoon, M., Meek, C. L. Resilience scientists as change-makers—Growing the middle ground between science and advocacy? *Environmental science & policy*, 2015, No. 53, pp. 87–95.
8. Nel, A. The choreography of sacrifice: Market environmentalism, biopolitics and environmental damage, *Geoforum*, 2015, No. 65, pp. 246–254.
9. Pauliuk, S., Hertwich, E. G. Socioeconomic metabolism as paradigm for studying the biophysical basis of human societies, *Ecological Economics*, 2015, No. 119, pp. 83–93.
10. Verburg, P. H., Dearing, J. A., Dyke, J. G., Van der Leeuw, S., Seitzinger, S., Steffen, W., Syvitski, J. Methods and approaches to modelling the anthropocene, *Global Environmental Change*, 2015, available at: <http://dx.doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2015.08.007> (access date: 15.01.2016).
11. Lovbrand, E., Beck, S., Chilvers, J., Forsyth, T., Hedren, J., Hulme, M., Lidskog, R., Vasileiadou, E. Who speaks for the future of Earth? How critical social science can extend the conversation on the Anthropocene, *Global Environmental Change*, 2015, No. 32, pp. 211–218.
12. Crutzen, P. J., Stoermer, E. F. The "anthropocene", *Glob. Change Newsl.*, 2000, No. 41, pp. 17–18.
13. Zalasiewicz, A., Williams, M., Steffen, W., Crutzen, P. The new world of the Anthropocene, *Environ. Sci. Technol.*, 2010, No. 44, pp. 2228–2231.
14. Marsh, G. P. *The Earth as Modified by Human Action*, New York: Scribner, Armstrong & Co., 1874. DOI: <http://dx.doi.org/10.5962/bhl.title.53722>.
15. Suess, E. *Das Antlitz der Erde (The Face of the Earth, 1906)*, vol. 1, Leipzig, Germany: G. Freytag, 1885.
16. Vernadskii, V. *Biosfera i Noosfera (Biosphere and Noosphere)*, Moscow: Nauka, 1989, 264 p. (in Russ.).
17. Restall, V., Conrad, E. A literature review of connectedness to nature and its potential for environmental management, *Journal of Environmental Management*, 2015, No. 159, pp. 264–278.
18. Wallace, R. G., Bergmann, L., Kock, R., Gilbert, M., Hogerwerf, L., Wallace, R., Holmberg, M. The dawn of Structural One Health: A new science tracking disease emergence along circuits of capital, *Social Science & Medicine*, 2015, No. 129, pp. 68–77.
19. Latour, B. *We have never been modern*, Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1993.
20. *Future Earth, 2014. Strategic Research Agenda 2014. Priorities for a Global Sustainability Research Strategy*. International Council for Science. Paris.
21. Forrester, J. W. *World Dynamics*, Pegasus Communications, Waltham, Massachusetts, 1971.
22. Klenk, N., Meehan, K. Climate change and transdisciplinary science: Problematising the integration imperative, *Environmental Science & Policy*, 2015, No. 54, pp. 160–167.
23. Lynch, A. J. J., Thackway, R., Specht, A., Beggs, P. J., Brisbane, S., Burns, E. L., Byrne, M., Capon, S. J., Casanova, M. T., Clarke, P. A., Davies, J. M., Dovers, S., Dwyer, R. G., Ens, E., Fisher, D. O., Flanigan, M., Garnier, E., Guru, S. M., Kilminster, K., Locke, J., Mac Nally, R., McMahon, K. M., Mitchell, P. J., Pierson, J. C., Rodgers, E. M., Russell-Smith, J., Udy, J., Waycott, M. Transdisciplinary synthesis for ecosystem science, policy and management: The Australian experience, *Science of the Total Environment*, 2015, No. 534, pp. 173–184.

Received 29.02.16

Accepted 04.04.16

© Drozdov N. N., Kurakov L. P., Pyastolov S. M., Kurakov A. L., 2016. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; Licensee Tatar Educational Centre “Taglimat”. This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), which permits unrestricted use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.

Information about the authors

Nikolay N. Drozdov, Doctor of Biology, Professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Academician, Russian Academy for Natural Sciences

Address: 1 Leninskiye Gory, 119991, Moscow

Lev P. Kurakov, Doctor of Economics, Professor, National Research Mordovia State University named after N.P. Ogarev, Saransk, Russia; Academician, Russian Academy for Education

Address: 68 Bolshevistskaya Str., 430005, Republic of Mordovia

E-mail: kurakov@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6577-108X>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/G-6624-2016>

Sergey M. Pyastolov, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute for Scientific Information in Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russia

Address: 51/21 Nakhimovskiy prospect, 117997, Moscow

E-mail: piasts@mail.ru

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/D-7963-2014>

Contact:

Aleksandr L. Kurakov, Doctor of Economics, Professor, National Research Mordovia State University named after N. P. Ogarev

Address: 68 Bolshevistskaya Str., 430005, Republic of Mordovia

E-mail: kurakov@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4529-0630>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/G-5093-2016>

For citation: Drozdov N. N., Kurakov L. P., Pyastolov S. M., Kurakov A. L. Issues of forming the science of anthropocene, *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, vol. 10, No. 2, pp. 5–21.

ПОЗНАНИЕ

Тимирясова, А. В.

Инновационная деятельность как определяющий фактор развития современной экономики / А. В. Тимирясова, В. А. Мальгин, Л. В. Воронцова ; Институт экономики, управления и права (г. Казань). – Казань : Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2016. – 124 с.

В монографии рассматриваются теоретико-методологические проблемы совершенствования инновационной деятельности в российской экономике как определяющего факта ее развития. Исследуются основные направления воздействия инновационной деятельности на повышение конкурентоспособности экономики в современных условиях.

Важное место в монографии отводится исследованию проблем совершенствования государственного регулирования инновационной деятельности.

УДК 541:339.9.330.101

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.2.22-37>

Как цитировать статью: Неклесса А. И. Культиваторы будущего // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 2. С. 22–37.

А. И. НЕКЛЕССА¹

¹ *Лаборатория «Север – Юг», Институт Африки Российской академии наук, г. Москва, Россия*

КУЛЬТИВАТОРЫ БУДУЩЕГО

Цель: анализ зависимости миростроительства (ойко-номики) от становления европейского мировидения, осмысление роли элит и социальной ментальности в мироустроительном процессе и применительно к становлению российской действительности, ее актуальному состоянию.

Методы: комплексный подход к анализу определил реестр конкретных методов исследования: системный и ценностный анализ с позиций геоэкономики, геокультуры и геоантропологии, герменевтическая компаративистика, философское рассуждение.

Результаты: отмечена роль геоэкономики как актуального концепта для анализа мировых процессов и российской действительности; обоснована критическая роль элиты и систем знания в генезисе сложноорганизованного общества; обозначены особенности мироустроительной практики в католической, протестантской, православной ментальности.

Научная новизна: в статье рассмотрена специфика российской судьбы как континентального геоэкономического пространства, вводится в научный оборот понятие геоантропологии для определения роли антропологического фактора в сумме процессов и ситуаций, возникающих при распределении и перераспределении человеческих ресурсов на планете с учетом их качественных характеристик.

Практическая значимость: основные положения и выводы исследования актуальны для научно-исследовательской и педагогической работы, а также для развития методологии социально-гуманитарных наук. Представляет интерес при рассмотрении перспектив развития России в сложных обстоятельствах XXI века.

Ключевые слова: экономическая теория; геоэкономика; миростроительство; мироустроительство; элита

Культура – культивация дикого поля и выкорчевывание плевел в ожидании баснословного урожая. Образование личности – изживание тоски по изначальному образу, формирование из податливой телесности и подражательного ума подобия совершенного существа. Эволюция человека – обоснование, содержание и квинтэссенция истории, но совокупная судьба – длинная, извилистая дорога. История – *rite of passage*, деятельное воплощение метаморфоз сознания, темпоральная архитектура, в фундаменте которой сумма страстей и версий мировидения. Это промежуточный итог восполнения истинной природы: конфликт себялюбивой замкнутости, сохраняющей прошлое, и стремительной экзистенции открытой души.

1. ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ: ИСТОРИЯ КАК ШАНС

Порок достигается легко,
а овладеть *арете* трудно.

Гесиод

Преодоление прошлого ведет к обретению настоящего

История – лечебница и лестница: маршрут становления идеала (апокатастасис¹) и одновременно развилки, тупики действительного пути. Дистилляция

¹ Апокатастасис (др.-греч. ἀποκατάστασις – «возвращение», напр. возвращение корабля в родную гавань) – богословское понятие, означающее возвращение в изначальный образ, обновление, восстановление всего.

истории – перманентный выбор, корректировка стези; будущее – своеобразная ее эскалация: стремление обрести то, что искупает потраченную жизнь, без подобного результата время лишь мера разрушения, суетливый прислужник смерти. Мученики пути – проводники караванов, в засушливые годы раздающие собранную на стоянках мзду и указующие маршрут в непогоду. Сама возможность будущего – проявление некоего дивного дара и деятельного выбора. Истоки времени скрыты в человеческом прошлом: свойственное людям влечение к незримым землям, отысканию и заселению их, географическая экспансия и оргазм неведомого – следствие фантомов и фрагментов памяти об ином положении вещей. Устремленность к утраченному подобна тоске корабля о родной гавани: чувство, которое определяет извилистый маршрут истории как «время человеков», столь не схожее с монотонным «временем космоса».

Время, восполняя утраты, сопротивляется возвращению человека в отчий дом. История не онтологична, она манифестация совокупных усилий: функция и отчасти фикция, но ее не переписывают, а правят. Альтернатива обретению – омертвление жизни и оскудение духа, водоворот бессмысленных часов, вкус архаики, укутанной пергаментом бесконечных, словно лента Мебиуса, хроник, – это распад времен, импlosion истории.

Будущее – комплексная категория, постигаемая, трактуемая и прочитываемая несхожим образом, феномен с различными траекториями воплощения. В своей основе это свободно избранная асценденция: прерывание инерции быта, целенаправленная терапия, стремление к преодолению энтропии и стагнации, перебарывание себя и обстоятельств. Будущее где-то рядом, его ростки вокруг, семена – внутри, оно обретается предельным напряжением: «Мы будем сражаться на холмах». Человеческая жизнь – будущее, прорастающее сквозь настоящее. Время в подобных обстоятельствах воспринимается как эликсир.

История – это также персональный проект

Элита – доверенные лица истории, промышленные и воплощающие ее, проводники и созидатели будущего, но, конечно, такая точка зрения – субъективная констатация. Определения элиты страдают отсутствием универсальной верификации, в регистрируемых дефинициях царят разброд и эклектика.

Толкования противоречивы: социобиологическое, меритократическое, альтиметрическое, аксиологическое неравенство людей. Само определение феномена избранничества как элиты страдает снобизмом и отдает животной телесностью.

Талант есть дар свободы: невечерний свет, нечаянная радость, но если не используется либо используется уродливо, он утрачивается. У разных даров свои маршруты. У духовных – лестница, у интеллекта – образование, характер сопряжен с благородством, богатство – с состоятельностью. Герои способны преодолевать препоны земных ограничений, умирять суггестию деспотизма, пренебрегая инстинктом самосохранения и отстранив стражей аутопоэзиса. Порою их жизнь венчает явное либо скрытое мученичество, одиночество на пиру, но так обретаются путеводные звезды. Кризис мировидения – сумма накапливающихся персональных неурядиц. Субъект является таковым посредством объекта, т. е. проявляется в творческом акте и ради результата – *со-бытия* отца и сына, господина и слуги. В очередной раз конвертируя транзит в повседневность, мы покидаем виртуальный (*virtualis*), но именно поэтому подлинный (*virtus*) мир, где настоящее сожигает с представляемым, сущее с должным, возможное с действительным, а траектория жизни в заметно большей степени зависит от усилий человека и избранной им позиции [1].

Цивилизация как совместное предприятие

История – путь к исцелению и преображению. Основное действие элиты – производство будущего. Фундамент современной цивилизации, культуры, системы знания закладывался в Афинах и Иерусалиме, наделив людей пониманием личности, придав смысл истории.

В Древней Греции элитарность толковалась как аристократизм, т. е. персонификация *арете* (ἀρετή) в единении с *энтелехией* (ἐντελέχεια) и профетизмом. *Аристо* (ἄριστος) – это капитализация сакрального и чувствительность к символическому; добродетель, доблесть, достоинство и – перфект. Человек качества рожден на все времена, он субъект, а не сумма влияний. Ему свойственны умение развязывать узлы, опознавать смыслы, быть пророком и арбитром вкуса; а так как он «различает жизнь и реальность, то соприкасается с мудростью, владеет словом и искусством задавания вопросов. Цель жизни для него не счастье,

но поиск высокого смысла и разного вида балансов» (Валентин Куклев).

Весьма различны понимание и цена печати/клейма избранности в несхожие зоны. Тема соприсутствия версий сверхчеловека в человеческом космосе жила в сознании людей Древнего мира и Античности, пронизывая мифологические сюжеты, будь то нефиллимы, рефаимы в ближневосточных текстах либо герои-полубоги древнегреческих сказаний. Элитная траектория в Элладе – органичная трагедийность в глубинах изгойного естества, а на поверхности – катавасия прихотливостей: смех обыденности, порожденный страхом перед чужой или своей судьбой («над кем...»).

С точки зрения мироустроительного действия того времени – *праксис* (πρᾶξις) и знания как житейского опыта, благоразумия – *фронесис* (φρόνησις), выдающийся человек, в том числе политик, правитель, подвергается искушению дерзостью, сейчас мы назвали бы это амбицией, эллины же определяли как *гибрис* (ἴβρις). Что вело к сужению кругозора – *ата* (ἀτή), совершенно трагической, фатальной ошибки – *гамартия* (ἄμαρτία), отсроченному, но неизбежному моменту опознания истины – *анагнорисис* (ἀναγνώρισις) с осознанием вскрывшейся ситуации и реального положения, сопровождающегося обрушивающимися переменами – *перипетией* (περίπετεια – «превращение действий в их противоположность»). Иначе говоря, запускалась роковая последовательность событий – *ананке* (ἀνάγκη), приводящих в конечном счете и властителя (как человека), и управляемое им общество к *катастрофе* (καταστροφή): персональному возмездию и угрозе общего распада – *немесис* (νέμεσις). В неотвратимости данной механики проявлялась тяготевшая над человечеством божественная предопределенность – *диосаиса* (Διός αἴσα) или неизбежность судьбы – *мойра* (μοῖρα).

Свободный человек мыслился источником антропологического идеала мироустройства – его микрокосмом. Божественные и человеческие качества соединялись в свободной, образованной личности, имевшей для этого некие изначальные предпосылки, образуя в случае успеха *калокагатю* (καλοκαγαθία) как обретение внешней и внутренней соразмерности, красоты физической и нравственной. Процесс *пайдейи* (παιδεία) как становления, образования личности, обретения освобождающего знания, т. е. синтеза обучения, воспитания, развития, был смыслом

и целью жизни. Свободный, образованный гражданин противопоставлялся невежественному рабу (варвару), чьим уделом являлся физический план жизни, физический труд. Знание свободных людей – это благородное постижение умозрительной *теории* и ритмов общественной *практики*. Эталон, высший образец свободного человека – философ. Уделом же необразованного, несвободного являлась материальная отягощенность, погружение в земные обстоятельства, физическую деятельность и, соответственно, низший род знания – *технэ*, т. е. искусство как знание приемов ремесла (мастерство).

Образованный человек не просто грамотный, знающий индивид: «многознание уму не научает» (Гераклит), но «образовавшийся», нашедший и прошедший полный цикл обучения (ἐγκύκλιος παιδεία), т. е. изменившийся, проснувшийся, обретший себя, переживший второе рождение, уникальный (ср. рассуждение о вероятном содержании третьей части эпоса Гомера про искушение – крестный путь Одиссея – паломничество со странным «веслом» на спине). Образование/воспитание предполагало в качестве основы обладание тремя свойствами-умениями: «хорошо мыслить, хорошо говорить, хорошо действовать» (Демокрит). При этом древнегреческая система в перфекте формирует не профессионала, а личность. Для свободного человека главной целью мыслилось не освоение инструментария для карьеры, но полноценное развитие, т. е. именно «лепка» себя: самосозидание.

Вспомним историю о предельном мастерстве скульптора Пигмалиона и ответе богов – трансмутацию анимы-Галатеи. Сравним с воспитательными созвучиями и выразительными разночтениями историй Пиноккио и Буратино – различие апофеозов их, казалось бы, столь схожих судеб (и подспудно прописанных кодах практики): путь изживания неотесанности, трансмутацию в человека одного и сладость победы-мести вкупе с обретением земного предприятия другим. Более того, апофеоз виктории двусмыслен – нисхождение в отмеченную знаком молнии сокровищницу: подземную и театрализованную, т. е. иллюзорную и прелестную, «рай для кукол». Ощутимы та трагедийность и тот грех, за который актеров долгое время хоронили вне церковной ограды – проклятье профессионального лицедейства, чреватого вечной игрой, несмысливаемой маской, т. е. утратой подлинного лица.

Промышление знания

В Элладе впервые было совершено *промышление знания*, реализован категориальный (философский) подход [2]. Вещи и функции (роли) обрели статус понятий, категорий: «руль», «рулевой» превратились в искусство управления – κ(ε)ιβερνῆ/κυβερνητική, крепежная скоба мачты – в (ε)αρμονию/ἁρμονία как эстетическую категорию и т. п. В последовательном восхождении ума образовались два облака знания – традиционное и философское. Внутренняя же организация зависела от регистра исследования: бытие/состояние – человечество/изменение – изделия/опыт.

Мистерии древнего круга отразились в театре как анатомии божественной воли и человеческого акта, проекции драмы (δρᾶμα – действие) земного бытия как сопряжения рока с человеческой трансгрессией: экспликация напряженного маршрута души – в трагедии, и каскада ситуаций-трансформаций в комедии. Со временем мистерияльная эмпатическая сопричастность сменилась лицезрением сюжета и заместила вдумчивой рефлексией.

Первым доменом знания в старом круге, соприкасавшемся с древностью, была религиозно ориентированная рефлексия, т. е. осмысление манифестаций божественной гармонии как сочетания беспредельности и предела, совмещение исчисляемого и неисчислимого. В данный регистр входят: *мифология* – экспликация языка архетипов и вербализация ритуала; *космос* – размышления о совокупности проявлений имеющего границы и бездонного, разверзнутого, т. е. уяснение истоков, соотношений, форм субстанции бытия; *числовая мистика* – универсальный порядок, его аксиомы и теоремы, музыка сфер; *эстетика* – идеальные пропорции, разнообразие гармоник, законы конфигураций и красоты.

В новой системе это пространство *теории* (θεωρία) как исследование мира идей и принципов бытия. Предметами же являлись *метафизика* («первая философия»), *математика*, *физика*, *натурфилософия* (естествознание), *астрономия*.

Второй регистр – размышления о природе рукотворных перемен, о человеческой участи и натуре, людских свойствах и устремлениях, действиях и следствиях, девиациях и ограничениях. В доклассической организации знания это смешение *фронесиса* (φρόνησις – житейская мудрость, обретаемая с возрастом, охватывающая при этом наследуемые традиции) и отчасти *фюсиса*

(φύσις – развивающееся естество, здесь именно в аспекте антропологического развития). Иными словами, знание ритмов жизни и ее ситуаций вкупе с внутренними откровениями, диагностическими ориентациями, категориями правильного и неправильного, добра и зла; *этоса* (ἦθος – регулятивные черты характера) и *пайдеи* (παιδεία – воспитание/образование). Предметные же области: *литургия* (ритуал, т. е. невербальное знание и пути деятельной трансляции), *драма* (δρᾶμα – действие, исполнение), *поэтика* (ποίησις – творение) в иподстах трагедии и комедии. В новом знании это *практика* (πράξις) – исследование системы деятельностных взаимоотношений в человеческом общежитии, путях и способах обретения блага. Предметы которой – *этика* (ἠθικόν) и *политика* (πολιτική), включавшая *экономику* (οἰκονομία) и *хрематистику* (χρηματιστική).

Наконец третий ареал очерчивался фронесисом в аспекте сохранения и совершенствования умений. Это способы культивации мира, достижения результата, т. е. все то, что представляет искусство преодоления природных обременений и разрешения коллизий. Данное «поле» культивации умелого знания изначально сопрягалось с древнейшим своим изводом: чтимым земледелием, имевшим сакральные корни.

Истоки земледелия – в сакральном действии: литургии плодов и даров, творимой патриархом при коллективной тризне. Иначе говоря, в погребальных обрядах – жертвоприношениях чтимым покойникам лучших, отборных плодов, обильно возвращаемых затем богатым урожаем элитных сортов (ср. «священная роцца»). Утрачивая образ жреца, связующего с миром предков, посредник обретает облик землепашца. И даже более того: возможно, здесь коренятся (по крайней мере, отчасти) истоки не только селекции сортов, *растениеводства*, но также обретения сходящегося на сакральное пастбище и приручаемого богатством урожая стада, т. е. *животноводства*. По мере развития искусности здесь аранжируются в прикладные аппликации обретенные от божественного огня умения свободных людей, творческие знания. Аккумулируются также практические навыки – происходит обобщение опыта механических профессий, которыми могли заниматься и подневольные. А еще *педагогика* (παιδαγωγική): искусство элементарного взращивания человека, его воспитание. Модификация данного ареала в новой структуре получила название *технэ* (τέχνη), или искусство как мастерство.

Эвристическое изобилие

Возможность размышлять о предметах и явлениях независимо от их актуального состояния, рассуждать в условиях, когда доказательность имеет большее значение, нежели утверждение, произвела в умах революцию, навлекая на мыслящее сословие безумие тотального релятивизма, вызвав опьянение потенциями разума, оторванного от бытия, и порождая эвристическое бешенство софистики. Это была иная дерзость, нежели свойские отношения между людьми и богами, характерные для персонажей *Гомера*. Антропологический субъективизм становился руслом и регламентом умственного действия. Его лозунг «влиять, а не определять» намекает на будущие горизонты идеологии и политтехнологий. Выбор заключался в ответе на вопрос: «Что важнее – понять или утвердить?». Скепсис *Сократа* противопоставил смиренную созерцательность умозрительному дерзновению. Мысль о том, что рациональное знание необходимо и возможно именно потому, что ум знает свою ограниченность, имела далеко идущие последствия. По сути, Сократ обосновал разработку инструментария познания (его протезов) и обустройство интеллектуальной инфраструктуры. Следствием круговорота амбиций софистов и разочарований стойков явилась экзистенциальная растерянность киников, распятых меж миром века сего и миром горним (*Диоген*). Тем временем произошло переосмысление разрыва, схизмы между немощью человека и полнотой реальности – былым свойским отношениям с божественной запредельностью положен конец: осваиваемый ареал бытия определен как контур, тень истинного положения вещей (*Платон*). Обретение же когнитивных инструментов вело к формализации мировоззренческой конструкции и, как следствие, – рационализации жизни в виде мироустроительного проекта (политики и стратегии). Обнаружение же истины (познание) становилось технологическим действием, целостным, соразмерным в своей внутренней структуре, но опосредованным (т. е. не непосредственным) и суммарным в поступательной динамике рассуждения. Венцом ментальной инженерии стало значимое непротиворечивое суждение: аргументированное, испытанное дискуссией, признанное конклавом и потому принимаемое как истина (*Аристотель*).

Истина, таким образом, постигалась через полноту знаний (*гнозис*, *γνώσις*), понимаемую как синтез авторитетных суждений и выводов (*эпистема*, *ἐπιστήμη*), а сложность логически неодолимых препон – как комплексность, частично проясняемая по мере прохождения сквозь фильтры аксиом, препятствия теорем, ограничения таких волнорезов, как предикаты и категории, отчасти же как сверкающие мыслимыми гранями бриллианты апорий, которые можно разбить молотом, но нельзя процарапать ментальной субстанцией. Результатом явилась оригинальная для своего времени целостность: умозрительная, непротиворечивая эпистемология: «наука» зона как организованное логикой знание (правда, с пристройкой террариума неразрешимых парадоксов). В свою очередь, подразделяемая на *теорию* (размышления о принципах мироустройства), *практику* (объект рефлексии – социальные явления) и *технологию* (осмысление опыта умений, искусность). Соприкасаясь с миром природы и человеческих потребностей, мощь нового сознания рождала многочисленные производные от союза логики и эмпирики (в диапазоне между *Эвклидом*, *Эратосфеном*, *Архимедом*).

Утверждение мировоззрения, т. е. сопряжение ценностей с формой мышления, происходит не в зоне одинокого существования, но в пространствах общественной практики. Взаимодействие этики и политики формирует консенсус, утверждая нормы общежития. Мировоззрение производит правовой аппарат, который нормирует взаимодействия, превращая их в социальную организацию, что выражается, в частности, в главном номоканоне: писаной или неписаной конституции. Отсюда проистекают следствия, реализуемые в доктринах, концепциях, стратегиях².

Реституция совершенства. Девальвация имен

После сумерек Античности – распада Римской империи – европейский христианский мир превозмогает сумятицу Темных веков, продуцируя зеленую, демографическую, городскую революции. И порож-

² К примеру, в конфуцианской системе общество делилось на благородных и низких, критерием же разделения являлось отношение к моральным заповедям: следование закону и долгу отличало благородного мужа от простолоудина, заботящегося лишь о личной выгоде. Подобное качество давало элите моральное право управлять обществом.

дает затем феномены Ренессанса (Возрождения), Реформации (Преобразования), Просвещения (Просветления), Модернити (Современности), реализовав со временем глобальный статус цивилизации... *Christendom* – династический универсум, франко-германо-нормандская геральдическая сеть, в эпоху Средневековья аристократия организуется как сословие и правящий класс. Искушения господством сопрягаются здесь с возмездием и жертвой, честь отражается в генеалогии и закрепляется в геральдике. Святыи и лорды сосуществуют с избранными и проклятыми, героизмом и предательством, изменой и корыстью, молитвой и кровосмешением.

Историко-культурные коды персональной трансмутации предполагают избранничество и аутопоэзис, однако не только монахи и отшельники практикуют деятельное преображение: талант воспринимается как неслучайный дар, образование ведет к эскалации, профессиональное совершенство трактуется как миссия, а личностный сценарий отражает степень дерзновения. Византийская версия христианского мира, став историческим наследием, все же окормляет Европу. Также и трубадуры Прованса и Лангедака транслируют алхимию слова, пройдя сквозь четыре степени *leys d'amors*. Гуманизм рождает *homo virtuoso* – источник и субъект Ренессанса [3]. Император соперничает с папой, гвельфы с гибеллинами... Городская культура постепенно вытесняет феодальные домены и перемалывает сословную организацию.

Особая роль в культурном обустройстве и гражданском становлении принадлежит университетам и университетским корпорациям, обладавшим специальным правовым статусом (самоуправлением и экстерриториальностью), всему сообществу *noblesse de robe* (дворянству мантии). Университет предполагал профессиональное образование в четырех версиях: начальной (доктор философии) и трех схоластических сферах, охватывавших человека, общество и мироположение (доктор медицины, юриспруденции и теологии). Со временем, однако, образование вновь осознается как личностное развитие и познание мироустройства, одним из символов Возрождения становится академия, она же возрождает филологию как ступень горного восхождения и средство преображения естества. Противопоставив себя университету, гуманистическая практика освобождала приверженцев высокого образования от профессионализации как

дидактической функции, утверждая попутно «экспериментальную философию» (европейскую науку) в качестве законодателя – генерального арбитра знания.

Из Флоренции Медичи кровоток истории под стук молотка Лютера перемещается в реформационную Англию. Слияние старой и новой элит рождает новые формы политической организации – от парагосударственности Ост-Индской компании до сообщества Нового Света, учрежденного Мейфлауэрским соглашением: «Обязуемся объединиться в гражданское политическое общество для установления более совершенного порядка <...> и на основании этого составлять, учреждать, создавать по мере необходимости такие справедливые и основанные на всеобщем равенстве законы, ордонансы, постановления, конституции и обязанности, которые будут сочтены наиболее соответствующими и отвечающими интересам всеобщего блага колоний...»³

«Купцы света», излучая розенкрейцерское просвещение и блюда реформаторские идеалы, выстраивают в Европе невидимый миру храм науки – *Invisible college* как рассредоточенное по городам и весям общество пытливых, образованных, талантливых индивидов. Знание осознает себя силой. Политические пертурбации и социальная гравитация перемещают интеллектуалов по национальным квартирам: Академия деи Линчеи, Королевское общество, Академия бессмертных. Институализация гуманитарных, когнитивных центров трансформирует прежний оплот образования – университет в храм науки, соединив обучение с исследованием. Рациональность все более склоняется в сторону технологизации, т. е. эффективной редукции, порождая промышленную и военную лабораторию, наращивая мускулатуру индустриализма, производя «механических людей», предопределив тем самым революцию масс.

Элита индустриального общества – двусмысленная категория. Индустриализм ведет к производству копий, избытию дешевых вещей, массовому обществу, что в свою очередь обесценивает знаковую систему классовых различий: продукты и услуги – от костюма до образования – можно получить со скидкой и по заметно сниженным ценам. Сообщество людей знания

³ Мейфлауэрское соглашение 21 ноября 1620 года. URL: <http://istoria-usa.at.ua/publ/1-1-0-19> (дата обращения: 04.11.2015).

также претерпевает трансформацию: акцент переносится с познания на использование, социальное лидерство переходит от мыслителей к инженерам. Потребность в узкообразованных профессионалах, необходимых для функционирования мировой фабрики, равно как и растущий дискреционный доход трудящихся, взламывает классовые перегородки, обращая прежнюю стратификацию в пеструю социальную мозаику. Многолюдье, пополняемое населением третьего мира, отражается на политической и социальной архитектонике цивилизации. В массовом обществе демократическая система предоставляет шанс многим, эрзац-элита становится лидером масс. Властный субъект преобразуется в картель, регулируемый соперничеством частей (партий): государство обращается в политическую машину – аппарат, обслуживаемый особой страдой: бюрократией или номенклатурой.

Усложнение социальной и технической оболочки цивилизации приводит к постиндустриальному перевороту, революцию масс сменяет восстание элит. Преимущество переходит к самоорганизующимся системам, способным выживать и эффективно действовать в сложных обстоятельствах, вплоть до ситуаций критической неопределенности.

Икономия и экономика. Формулы миростроительства

Глобальная цивилизация, ее фундаментальные институты, декларированные идеалы в значительной мере зиждутся на христианском мировидении. Современные социальные конструкции и антропологические модели в конечном счете были основаны на интерпретациях Откровения о статусе человека и размышлениях о сочетании природ в Богочеловеческой личности, определив тем самым горизонты исторического маршрута и персональных дерзновений. Человеческая практика не вполне очевидным образом содержит в себе два регистра: земной и горний, отсюда дихотомия далеко не всегда совпадающих дольного целепологания и духовных ориентиров, социального продвижения и личностного роста, разнообразие шкал и параметров успеха. Люди стремятся в целом к конструктивному обустройству бытия, но одновременно с той или иной степенью осознания переживают ценностные конфликты и трансформации.

Земное домостроительство (экономика) реализуется сегодня посредством глобального рыночного механиз-

ма, в основе которого универсальная организующая субстанция – *деньги*. Актуальная домостроительная практика представляет самоорганизующуюся систему, где продуктивность инициатив автоматически получает оценку организационного мастерства в форме финансового успеха как универсального критерия востребованности. Но существует ли – и если да, то какова – универсальная субстанция духовного развития? Христианская модель личности, понимаемой как образ и подобие ее Творца, стремящейся вернуть утраченное совершенство и достичь спасения, содержит ответ на данный вопрос, определяя суть развития как стяжание *благодати*. Результативность данного действия полагается целью человеческой жизни, а соборное, хотя и не универсальное, восстановление – смыслом истории.

Христианское богословие, формулируя коды практики, различным образом определяло гармоники мирского и душеспасительного строительства. Упрощая проблему, модели прочтений и предпочтений католической, протестантской, православной культур можно попытаться интерпретировать следующим образом. Культурная матрица, связанная с католическим мировидением, демонстрирует стремление к гармоничному сопряжению мирской практики и горних идеалов, отсюда серьезное внимание к солидаризму и благотворительности. Мир видится как сочетание двух пространств: соиздание в русле истории цивилизации любви⁴ и работа по спасению души⁵. Протестантская модель, предполагая предопределенность в отношении спасения, переносит акцент практики с нищенствования Духа на реализацию талантов, выявляя, проявляя и подтверждая статус посредством плодов и успеха

⁴ «...цивилизация любви восторжествует над горячкой беспощадных социальных битв и даст миру столь ожидаемое преобразование человечества, окончательно христианского» (из речи папы Павла VI на закрытии первой сессии II Ватиканского собора 25 декабря 1975 г.) [4, с. 45–46].

⁵ Идеал прописывался следующим образом: при обязанности труда и трудолюбия (*industria*) подчеркивалось различие в добывании необходимого (*necessitas*) и избыточного (*superbia*) с соответствующей моральной оценкой, т. е. стремление к наживе оценивалось как позор (*turpitudō*) и даже сама деятельность профессионального торговца как едва ли угодная Богу (*Deo placere vix potest*). Уродливим же, но ярким примером ментальной матрицы, допускающей гибридизацию двух планов бытия, служит отвергнутая практика продаж индulgенций – попытка сочетать энергии финансов и благодати, т. е. сопрячь мир дольний и горний в единый континуум.

(не обязательно материального). Сложнее всего сочетание двух пластов бытия проявляется в православной, апофатической культуре: здесь земная практика, по сути, проявление обстоятельств, своего рода вешки и препоны внутреннего маршрута. Смысл земного бытия состоит в преодолении мирского предела – т. е. действия, убедительно реализуемого лишь немногими, в небрежении миром и напряженном, умном делании, имеющем целью опознание, контакт и обретение Божественных энергий, позволяющих трансмутировать личность. Подобное пренебрежение земным обустройством как таковым обладает катастрофным потенциалом, проявляясь в уплощенном, искаженном виде в ментальности, повседневном поведении, кодах социальной практики, сказываясь подчас на земных конструкциях деструктивным образом. Существует ли еще какой-то модус человеческой практики, могущий быть опознанным и истолкованным с позиций христианского мировидения? По-видимому, да. Это движение в направлении, противоположном спасению, сознательное ухудшение антропологических обстоятельств в тиранических манифестациях и утопической мифологии, личных и общественных. Иначе говоря, замена трудностей восхождения пестованием земных и inferнальных страстей («не очищение, а приращение, не умаление, но приложение»). В результате происходит рост (утяжеление) индивида в собственных глазах и в иллюзорном представлении – сепаратном от реальности мире: субъект осознанно прорастает в опрокинутых (*пре-исподних*) измерениях. Амбивалентность современного понимания элиты, выстроенного с позиций внешнего секулярного наблюдателя, не различает религиозные источники и метафизические координаты манифестаций личности. Однако и прагматичное миростроительство предполагает наличие определенных идеалов.

Кризис современности. Преадаптация

Кризис ментальности Нового времени обнажил различия в понимании цели и стратегии человеческой жизни. Конфликт индивидуации и социальности, смешение культур и народов, цивилизационные альтернативы – все это и многое другое обозначило рубеж новой эры с формальным (т. е. не отражающим содержание) определением «постсовременность». Чтобы эффективно действовать, нужна модель, адекватная реальности. Интеллектуальные экзерсисы

эпохи перемен, дешифруя коды постсовременного, постсекулярного мироустройства, прогнозируя траектории трансформации, постигая подвижную геометрию разновекторно действующих сообществ и коалиций, рождают оригинальные модели планетарных композиций. Анализ нынешних и планирование грядущих ситуаций в антропологическом универсуме объединяет инновационную практику с социальным и пространственным развитием.

Универсальный подход ранее обозначался как географический, подарив этим дисциплинированным рассуждениям приставку *гео-*. До сих пор применяется такой аналитический инструмент, как геополитика, однако ее толкования отражают скорее историческое прошлое. В прописях масштабного проектирования эстафета переходит от территориально-политических схем (в смысле государственного управления или иной формы властного контроля над территорией) к более результативным деятельным концептам, прежде всего *геоэкономическим*. Тут другая картография, свои способы проектирования при помощи специфических координат, где оперируют проекциями штабной экономики, высоких технологий, промышленной индустрии, природных ресурсов, имеющими географическую привязку. Есть также особое пространство – трансграничная изнанка экономической практики. В лабиринте геоэкономической криптографии деньги, технологии, ресурсы, изделия, услуги, люди (производители/потребители) образуют причудливые комбинации, двигаясь по хозяйственным маршрутам и финансовым траекториям. На сегодняшний день геоэкономическое мировидение лидирует, однако в битве за будущее выигрывает не только тот, кто не живет в прошлом, но в первую очередь тот, кто не ограничивается рамками настоящего.

Мир перманентно обновляется. По мере осознания перемен исследователи опознают и формализуют очередной уровень социальной картографии – действие, с которым связано редко употребляемое слово *преадаптация*. В историческом соревновании лидирует тот, кто осваивает пространства, актуальность которых лишь намечается, видит то, чего не видят другие. Перспективный метод социальных исследований, позволяющий анализировать текущие ситуации и прогнозировать будущие, – *геокультура*. Подобный подход заметно усложняет пространственный дескрипт,

добавляя измерения, фиксирующие иерархию социокультурных сообществ, силу притяжения, метаморфозы динамичной топографии, очертания ядерных ареалов, лимитрофов, зон ценностных конфликтов, определяя культурную идентичность как источник миростроительных практик и элитогенеза. Человеческий космос состоит из множества культур-галактик: мир европейский, китайский, арабский... и в этом же ряду – русский мир. Социокультурная гравитация – энергия культуры как эманации особого мировидения. Ее основа – коллективная идентичность, притягивающая людей и пробуждающая желание быть частью мира, вызывающего симпатию. Сюда устремляются по политическим, экономическим, социальным, культурным, персональным побуждениям – причем последние резоны создают наиболее крепкие узы.

Культурно-политическая интегральность как аксиологически сопряженное, но территориально диверсифицированное сообщество, приобрела актуальность именно в подвижном социуме с быстрым, свободным, массовым перемещением людей и идей. Тема социокультурной конкуренции властно прописалась в мировой повестке. В качестве примера сошлюсь на взрывной рост притягательности исламской культуры, которая сегодня привлекает и конвертирует обитателей иных культурных миров, инкорпорируя их в распределенное по планете множество исламской ойкумены. А моделью для сборки футуристичной архитектуры глобального сообщества может послужить конструкция социальных сетей.

Но ограничивается ли эволюция геостратегических дисциплин тремя данными изводами? Думаю, имеется аспект, который все более важен для опознания ландшафта постсовременности (лично ориентированного мира), – *геоантропология*. Концепт мыслится как связанный с анализом распределения и перераспределения человеческих ресурсов на планете с учетом их качественных характеристик. Ключевой фактор – наличие критической суммы лиц, способных эффективно познавать, управлять, действовать в новом мире. Сложный человек в сложном, диффузном обществе стоит перед новыми вызовами, испытывая в том числе сатанинские амбиции, прочитывая горизонты трансгуманизма (титанизма) как очередной сценарий антропологического империума... Переживаемый переворот, тектоника универсального кризиса, поиск путей его разрешения создают усло-

вия, когда апофатическое мировидение и синергичный тип интеллекта могут прийти на смену привычным кодам сознания и практики, став трамплином цивилизационной динамики.

II. ПАЛИТРА РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В саду растет больше цветов,
нежели посажено садовником.

Испанская пословица

Гуманитарная археология – обращение к подзабытому оригиналу, при реставрации которого важно соблюсти пропорции «золотой легенды», удерживая неочевидный миру рубеж. Изживание травм и гордость за содеянное – стимул и путеводная звезда национальной рефлексии. Применительно к России социокультурный и личностный императив понуждает размышлять о долговременном кризисе российской идентичности. «Где искать тень отцовства, с кого взыскивать долги и в какой мере ожидать исполнения надежд?» – привычка подобным образом осматриваться вокруг, вглядываясь с особым вниманием в европейское зеркало, привилась в России давно, что, впрочем, естественно – ведь христианская цивилизация на русские земли пришла из Европы: византийской и западной. Однако органичной частью Европы этот край так и не стал.

Но тогда что же такое Россия? Негативная диалектика Европы? Или ее псевдоморфозы следует сопрягать с восточными, азиатскими царствами? Геостратегические извилины и развилки психеи значили для русской идеи больше, нежели внятность социальной мысли. Славянофилы, западники, евразийцы размышляли, спорили именно в данном ключе, а сугубо интеллектуальная рефлексия дополнялась художественными интервенциями и мистическими откровениями. В русской душе странным образом уживались два конфликтующих чувства: смирение блудного сына, его тоска по дому и горделивость законного наследника-владельца. Оригинал русской идентичности простым образом дешифровать не удастся, но для раскрытия энигматичного образца есть реперные точки. Невидимый ищет свой образ в зеркалах, потерянный – в лицах, здесь же мнемоническими вешками послужит палитра исторических флагов Российской империи, цивилизационную криптограмму раскрасят пять цветов: белый, синий, красный, желтый и черный.

Страна на краю мира (белый)

«Сотни лет мы шли навстречу выюгам с юга вдаль, на северо-восток», – в строчках «мечтания о себе» Максимилиана Волошина зафиксированы два существенных тезиса. Во-первых, Россия опознана как страна пути, во-вторых, отмечена экстремальность ее маршрута. Русь, а затем Россия организованы посредством пути – земных путей, речных и сухопутных, и горного транзита. Наиболее известна дорога «из варяг в греки» – основание Киевской державности, но это не единственная русская страна. Был еще и Великий Новгород – крупнейшее по территории государство, торговая республика, Государь Великий Новгород, со стороны Балтийского моря примыкавший к Ганзейскому союзу – разветвленной морской трассе, а по Ледовитому морю – к Гиперборейскому океану, каботажным путем. По суше, образуя «соболиный тракт», земли уходили за Уральский хребет вплоть до «златокипящей» Мангазеи и еще дальше – за Енисей. Северный морской путь делился на морские ходы поморов – Грумаланский, Мангазейский, Новоземельский, Енисейский. Был еще и «особливый янтарный путь», и «заволоцкий торговый», и транзитное «поволочье», объединявшее реки, поймы, озера, разного рода переправы в сложные торгово-инженерные системы. Посредством поволочья через озерно-речную систему торговая нить протянулась к Поволжью, образуя по Волге – с выходом к Хвалынскому (Каспийскому) морю – Великий серебряный путь к «персам», который влиял не только на российскую историю. В подвижном евразийском пространстве возникали, разрастались ветви и радиации Великого шелкового пути, значительно позднее и уже в ином формате воссозданного как Великий Сибирский тракт – Транссибирская магистраль и связанная с ней Закаспийская железная дорога, достигавшая Ферганской долины. Сопряжение пространств торговых операций с военно-трофейной экономикой степи определило слияние в российской широте русской и кочевнической стихий.

Россия – белый снежный стан, страна, северо-восточный вектор которой, достигнутые рубежи обрываются в слабозаселенных землях на Крайнем Севере, где нет иных империй и государств, кроме царства Зимы. Земля вдоль Ледовитого океана, край обитаемого мира. Заселяют же край ватаги купцов и странников – первопроходцы, которые сражаются

не столько со странами и народами, изолируя военное и дипломатическое искусство, развивая социальные навыки и коммуникации, сколько пребывают в перманентном конфликте, немой борьбе с видимыми и невидимыми стихиями, шаг за шагом формируя тело империи – предельного царства северной Ромеи. «...древняя русская история есть история страны, которая колонизируется», – писал Сергей Соловьев [5]. Климат, география, судьба – бесчувственные враги, основные оппоненты, с которыми ведется непрерывная тяжба. Это удел людей, уходивших из-под ярма, избравших полуночные дороги, тяготы экзистенции, в то время когда другие шли вслед за теплом и солнцем на юг и запад. Особенность выбора континентального безбрежья, перманентное противостояние скорее природе и року, нежели социуму, определили психологический тип и социальный модус. Зима смиряла жар беглой героики, по-своему приучая к лишениям и терпению.

Попробуем реконструировать качества этой динамичной популяции – российской закваски, ее архетип, в основе которого люди-одиночки, трансграничные отряды, рассеянные на огромной территории, сопротивляющиеся обстоятельствам непреодолимой природной силы, где холод, голод, безлюдье пестовали характер. События на западных и южных рубежах страны описаны достаточно подробно, маршрут же «решительного меньшинства» на северо-восток известен скорее в образах, нежели фактах, усвоен метафорически, как не слишком вятная легендарная история мест, где жизнь требует максимальных усилий, ставя в ситуации отчаянного выбора. Где каждый день как последний, и развивается пренебрежение, даже презренье, к обыденности, размеренности. Нет особой разницы между действием и отдыхом, жизнь – «вечный бой, покой нам только снится» – эти энергии пронизывают жизнь и культуру.

Европейские государства окружены другими странами, зажаты высокой плотностью населения, социальные коммуникации интенсивны как внутри, так и вовне страны. Политические конфигурации складываются в договорном и династическом континууме как баланс сил и интересов, где устойчиво перераспределяются владения и полномочия, действует частное и публичное право, а военные действия ведутся в соответствии с законами и правилами. Войны же на российской территории, не разделенной морями на метрополию и колонизируемые зем-

ли, – это либо борьба с природой, либо «гибридные» и беспощадные. Некая аналогия внешней/внутренней «мозаичной» колонизации России прослеживается, но лишь отчасти, с историей Америки, Северной и Южной (ср. оценки процесса российской колонизации Карамзиным), – продвижение «фронтира» (подвижной границы) вглубь континента посредством строительства острогов (фортов), поселений, частно-государственных/казацко-армейских битв с туземцами: сибирью, чукчами, черкесами, другими. И войны с внешними силами, но уж если на своей территории, то с обоюдоострым участием третьей стороны – народной дубины.

Путь к последнему морю (синий)

Своеобразие России вроде бы сформулировал Николай I, и сделал это весьма категорично: «Россия не есть держава земледельческая, промышленная или торговая, Россия есть держава военная...»⁶ Грезы о «последнем море» претворялись в замыслы преодоления евразийской судьбы, или – в мечтах «русского Колумба» Григория Шелихова и «русского Писарро» Александра Баранова – трансформации России во «вселенскую океаническую державу». Эта ветвь исторического древа не принесла плода, лишь намекнув на возможности и горизонты, связанные с освоением Русской Америки (Славороссии) и вод Великого океана, о чем до сих пор напоминают остатки Елизаветинской крепости на Сандвичевых (Гавайских) островах, байки о факториях в Нанкине, рассказы о плаваниях в теплых морях, память об открытии Антарктиды. Здесь важны не географические ориентиры – запад, восток, а специфика государств континентальных и океанических. Географические конфигурации, климатические характеристики играют в судьбах народов существенную роль. Организация политики, экономики, культуры складывается по двум весьма разным лекалам – континентальному и морскому. Геополитическая континентальность – это не столько отсутствие береговой линии, но отсутствие незамерзающих океанических портов,

т. е. ограничение непрерывных транспортных потоков и торговых коммуникаций.

Исторически континентальное общество финансово бедное и скорее сельскохозяйственное (дважды бедное, когда земля и климат для этого не слишком приспособлены), поскольку не может интенсивно развивать промышленность, т. к. сужены экспортные возможности и велики накладные расходы. Кроме того, приходится производить широкий ассортимент изделий для собственного потребления, себестоимость которых конкурентоспособна лишь в данном месте, да и то не всегда. Положение корректировали торговые амортизаторы – таможенные и иные барьеры, замедлявшие, однако, товарообмен с внешним миром. Отсюда финансовые проблемы, тяготение к автаркичной и трофейной экономике, тяжелое положение населения. Общество же океаническое интенсивно развивает производство, поскольку в условиях прямого доступа к мировым коммуникациям и дешевого – к мировым ресурсам (посредством распределенных по миру колоний) может массово производить однотипную продукцию, что ведет к ее удешевлению при высокой скорости оборота.

Россия – страна-континент, которая не имела полноценного выхода к Мировому океану. Береговая линия Ледовитого океана и даже освоение со временем – фактически лишь к концу существования империи – тихоокеанского побережья, не решали задачи, а морских – Балтийского и Черноморского – лишь отчасти. История России – во многом история борьбы за выход к морским, океаническим рубежам. В дальнейшем эти приращения отозвались подспудно накопленной силой антиимперской, антиколониальной революции, развернувшейся в теле метрополии.

Российская модель власти (красный)

Начало российской самодержавной модели было положено на северо-востоке Руси Андреем Боголюбским (закреплено впоследствии Иваном Грозным и Петром I), избавившимся от боярского совета и народного веча, причем боярство-баронство замещалось милостниками (дворовыми служилыми людьми) – аналогом западноевропейских министериалов и прообразом будущего сословия дворян. Другая особенность – отсутствие в России городов как субъектов городского права, носителей коммунальной практики и рассадников культуры самоуправления (народовла-

⁶ Апокрифическая цитата – фраза, которую русский царь будто бы написал на полях учебника по географии: «Россия не есть держава земледельческая, промышленная или торговая, Россия есть держава военная, и назначение ее – быть грозой остальному миру» [6].

ствия), превращающих подданных в граждан (ср. «Городской воздух делает человека свободным»).

Своего рода скелет в шкафу русской истории – подробности внутренней колонизации и закрепощение населения вплоть до появления в России в XVIII в. института рабства. Действительно, распространенное преимущественно в центральных областях империи «крепостничество» – по сути стыдливое именованное рабовладения, т. е. открытой торговли бесправными и отчужденными от имущества соотечественниками оптом и в розницу с разделением семей, искажавшее природу как рабов, так и хозяев, что отвратительным образом сказывалось на психологии слуг империи. Универсальный патернализм власти затруднял индивидуацию и элитогенез. Население с правовой точки зрения разделялось на сословия, на «русских» и инородцев, православных и инославных/иноверцев, и с фактической – на покорившихся («центральная Россия») и уходящих (например, «сибирский люд» и т. п.). Но если индивидуальное бегство, внешнее и внутреннее (эскапизм), блокировало потенциал развития социума, коллективное поглощалось энергиями внешней экспансии.

Россия – это *потоковая социальность*, разъединенная обширными пространствами, симбиоз разбойной вольницы с произволением администраций. Общественное развитие сдерживалось лоскутным обитанием, провинциализмом и дискретным характером коммуникаций. Свойством русского бытия являлось парадоксальное смешение и возмущения центробежной (героической/эскапистской) и центростремительной (административной/культурной) энергий, что вело к кризисам и прорывам. Подобный контрапункт, отягощенный пространственной перенасыщенностью, сдерживал культурную, статусную идентификацию территорий, отнимал силы от их обустройства. Скоропись социального текста проявлялась в коллизиях между незавершенной, несовершенной властной оболочкой и разноязыким сообществом. Разноязыким не только в конфессиональном, цивилизационном, этническом отношении, но также социальном, вплоть до языковой автаркии – франкофонии верхов. Ситуация осложнялась дополнительными разделениями во внутреннем круге. Просвещенная часть общества при отсутствии полноценной городской среды испытывала затруднения с самоорганизацией, расходясь не только с народной культурой, но и с ого-

сударственным мироустройством, производя «лишних людей». Ситуация становилась критичной, конфликтогенной, оппозиционной к формам бытия тучного Левиафана. За рамкой рассуждения остается короткий по историческим меркам, но насыщенный событиями советский период, формировавший собственную версию народа – советскую идентичность. Этот импринтинг в национальной психике требует отдельного анализа: модернизация всегда критична для души, но опыт советской реконструкции радикален, что видно и в изменении имени/регалий/замыслов государства, и в насилии над человеческим достоинством, физическом и политическом истреблении общественной инициативы. Это была не только политическая перипетия, но символический и антропологический переворот, когда социальная периферия и колонизированная национальная провинция утвердили себя на месте сгнувшейся метрополии. И, восстановив на время границы наследства, воспроизвели в иной системе координат имперский формат.

Империзм как сумма народов (желтый)

Россия расположена на тектоническом разломе христианской цивилизации, культурно-цивилизационном пограничье, на околице нехристианской Азии. Контакты с разнообразием культур и народов, включавшие частью или поголовно эти народы («инородцев») в имперский текст, были чреватые политическими и социальными коллизиями. Тема «желтой опасности» (собирает название многочисленных и быстрорастущих азиатских народов) начинает активно обсуждаться к концу XIX в., в России же – особенно после масштабной экспансии в Центральную Азию и на Дальний Восток (планы созидания Желтороссии).

XX в. привнес на земли империи центробежную идею политических наций. Начиная с первых десятилетий перемалывались остатки имперской державности, производя национальную государственность. Имперские массивы можно подразделить на сухопутные (Российская, Австро-Венгерская, Османская империи), чьи колонизируемые территории сливались с метрополией («внутренние колонии»). И другой модус – империи морские, обраставшие заморскими, отделенными от метрополии колониями. Они избежали распространения антиколониальной революции на земли метрополии, заметно позже и легче пережили фазу деколонизации. Порою осколки имперской деко-

лонизации настигал особый, «девятый», вал политической бури, они оказывались во власти догоняющих волн деконструкции, кровавых этнонациональных конфликтов, разрушавших на сей раз локальных империалистов. Состоявшееся национальное государство сковывает подобные тенденции, в то время как кризис идентичности вкупе с провинциальными амбициями высвобождает их. Кроме того, ситуации отложенного национального строительства смыкаются с нынешним кризисом мироустройства, приводя в отдельных случаях к локальным обвалам цивилизации.

Коммунистический эксперимент обновил формулу интеграции с Россией, расширил сферу ее влияния с элементами не только положительной, но и отрицательной дискриминации. Крах эксперимента завершил процесс, предотвратив трансгрессию и домино индигенизации. Что же такое нынешняя Российская Федерация – скорректированный временем эрзац-наследник имперскости? Архипелаг Русской Атлантиды? Околица Гога и Магога? Царство Кошея, хранящее этнографический Грааль? Евразийский композит? «Вещь в себе»? Или прорастающее новым бытием семя? Каковы ее ценностные основания, возможная стратегия, историческая траектория, политическая перспектива? Насколько усвоен опыт прошлых турбулентностей и сколь значима произошедшая коррекция оригинальной идентичности?

Апофатическое мировидение (черный)

Люди, если не ищут идеал в прошлом, все же мыслят о будущем по его лекалам. Подсознательно, да и сознательно «эпоха перемен» воспринимается как транзит сквозь нестроения к новому сбалансированному статусу. Между тем равновесный мировой порядок, возможно, остается в прошлом, и новый статус мира – перманентно подвижное его состояние. Новый мир – это жизнь с коротким циклом обновления, высоким уровнем риска, отсюда заметная роль инициативы в творящейся на глазах вселенной.

Существует два способа освоения бытия: апофатический и катафатический. Речь идет не о богословии, хотя апофатика и катафатика – богословские понятия: постигать Творца и творения посредством определенных или пытаться подобно коже с плода снимать покровы, удерживая суть, и, если удастся удержать, прийти к постижению. Катафатический подход – позитивный, не позитивистский, а именно позитивный,

конструктивный модус, по которому в полемике христианского мировидения с античным наследием строился мир западноевропейской культуры. Однако конструктивность, позитивность эффективны до определенного предела, пока не превышен некий градус сложности. Апофатическая форма богословия более характерна для восточного христианства, в западном она также присутствует, не будем упрощать картину, но речь идет о культуре – подобное мировидение нисходит и растворяется в православной культуре. Неся в себе одновременно дар и угрозу, оно требует предельных усилий, тщательного внутреннего обустройства и особой чистоты человеческих качеств. В противном случае, превращаясь в свою катастрофическую противоположность, привносит вероятность обрушения в прошлое, поднимая из глубин архаичного естества накипь и пену. Но именно апофатичность когерентна сложному миру, радикальным переменам рефлексии, перевороту в методологии познания-действия.

Заселение и культивация территорий экзистенциального риска оказались близки людям, живущим в экстремальных условиях, привыкшим к неустойчивости быта и бытия. Проявляясь в том числе в крайних формах религиозного опыта, сектантстве, богоборчестве, социальном радикализме... Народу пути свойственны психологизация мировидения, способность к длительному напряжению и сверхусилию, непрехотливость, стойкость, выносливость, героизм, жертвенность, смирение, суровость/снисходительность, мечтательность, алогичность, экстаичность, интуиция, подвижничество, неформальность, непредсказуемость, изобретательность, новаторство, ряд иных свойств. Одновременно в русском характере присутствуют стихийность, противоречивость, нерешительность, максимализм как особый перфекционизм, свирепая устремленность к идеалу, тяга к утопиям при малой склонности к планированию, пренебрежение социальностью, правовой нигилизм, тенденция замещать реальность иллюзией, иррационализм, эсхатологизм, профессиональный дилетантизм, невежество, юродство, тоска, лихость, буйство, разгильдяйство, небрежность, неряшливость.

Человек пути субъективно готов к встрече с иным, даже рискуя «гибелью всерьез», соответственно, у русских людей, мира, культуры было свое окно в будущее, стремление воплотить грезы о нем. Экстремальность может стать жизненной прописью, из чего следует

и хлебниковское «степь отпоет», и особый внутренний мир – русская культура психологически многомерна. Для русского гения важен не столько сюжет, сколько вопрошание к себе, судьбе, Творцу, и настоящая интрига может строиться вокруг вопля персонажа: «Кто я, тварь дрожащая или право имею?», а судьба авторов порой сама становится произведением, нередко с трагическим финалом. России при всех пертурбациях была присуща некая культурная преференция, золотой ключик – ее *core competition* (со стигматом катастрофичности): способность к рождению неудобных и поразительных идей, образов, смыслов, мемов, прозрений, хотя не всегда сопровождающаяся их удержанием и развитием, тем более технологизацией. Претерпев страсти прошлого столетия, вскрыв на пороге распадающейся истории головокружительные измерения человеческой природы, Россия могла бы оказаться пророческим, творческим, а не «нефтегазовым» источником планеты людей. Могла бы... Киевский «Синописис» XVII в. так – то ли фантазийно, то ли провидчески – определил значение слова Россия: «Россія від розсіяння свого прозвалися».

Эпилог. Симулякр российской элиты

История – это кладбище аристократии.

Вильфредо Парето

История – перманентное обновление человека и воспроизводство ситуации выбора.

Россия – СССР на пороге 90-х могла стать частью мира, где сложноорганизованная личность и общество являются генераторами развития, однако дефицит самостоятельных, морально мотивированных субъектов оказался слишком велик, а качество правящего класса – низким. В стране тем временем назревал конфликт между стратой, связанной с комплексными системами, преимущественно «инженерными», и все менее компетентной номенклатурой, скованной охранительными инстинктами, но стремившейся снять с себя ограничения, накладываемые официальной идеологией. В каком-то смысле это было столкновением между футуристическими амбициями и бытовым благоденствием правящего сословия при временном консенсусе, достигнутом за счет ресурсов топливно-энергетического комплекса [7]. Правящее сословие в конце концов фактически обменяло общественную динамику на экспансию личных капиталов, предо-

пределив провал второй модернизации России. Если первая, индустриальная, была реализована, хотя и в искаженном, редуцированном виде, то вторая, постиндустриальная, потерпела фиаско. Общество, отринувшее критическую личность, обратив ее в «лишнего человека», т. е. жесткое и слабое, оказалось вне сюжетов эпохи, обходясь их симулякрами и обрекая себя на историческую неудачу.

Стабильность не является статичной величиной, самоподдерживающееся развитие связано с высокой адаптивностью, т. е. внутренней динамикой, перманентной готовностью и способностью к преодолению неожиданных/кризисных ситуаций. Событийные траектории наших дней неизбежно сопряжены с критическими обстоятельствами – более того, совершаемые действия могут вызывать цепную реакцию, затрагивающую не только чувствительные элементы, но ставя под вопрос саму будущность, само существование системы. Стремясь выжить в эпоху перемен, ригидные структуры тиражируют охранительные механизмы, в то время как высокоадаптивные организмы делают ставку на самоорганизацию. На закате существования России-СССР в стране складывалась эклектичная генерация людей – прообраз постиндустриального класса. Однако к управлению российской судьбой продвигались и другие группы. Постиндустриальная страта, нащупав пути к рычагам власти, взять ее тем не менее не смогла, сдав позиции другой пассионарной группе, основой деятельности которой стала «трофейная экономика» (*salvage economy*) и распределение/перераспределение природной ренты. Свойственные данной, также эклектичной, группе (спецслужбисты – криминал – комсомольцы) привычка жить вне правового поля, аморализм и короткий, оперативно-тактический горизонт планирования предопределили постиндустриальную контрреволюцию и обширную профанацию идеалов. Кадровая ротация (попытка кадрового и управленческого апгрейда) была вроде бы проведена, но в атмосфере морального и правового декаданса структуры власти приватизировались, в стране нарастала социальная апатия, общество деградировало: главными ценностями становятся денежный доход и авторитетная чиновничья позиция.

Новое правящее сословие не сумело совершить ни постиндустриальную (требующую соответствующего интеллекта, темперамента и напряжения), ни управленческую (менее амбициозный замысел) револю-

цию. Как и прежде, советское, оно не стремилось развивать общественную организацию, стимулировать гражданские инициативы, т. к. подобные действия ведут к конкуренции возможностей, усложнению и подвижности социального текста. То же относится к политической практике и публичной коммуникации. Очередной, на этот раз постсоветский, кризис управления был заложен практически сразу же – в начале 90-х, когда страх перед вызовами сложного общества, инстинктивная тяга к простой и обманчиво эффективной властной вертикали привели к уничтожению двоевластия (третья, судебная, ветвь ни тогда, ни впоследствии в стране не сформировалась). В результате были уничтожены сдерживавшие волюнтаризм механизмы, что предопределило каскад негативных событий: войну с Чечней, залоговые аукционы, олигархизацию, фальсификацию выборов, институт премничества, несменяемость власти и ее моральную катастрофу. Симптоматично, что генезис России – РФ, в отличие от других метаморфоз русской истории, не получил культурной верификации: дыхание творческого гения ее не коснулось. Историческая вина квазиэлиты – *казнь энтузиазма эпохи*. Был погашен порыв освобождения, а это была уникальная возможность, но слабых и поврежденных в стране оказалось много больше, нежели граждан и творцов. Будущее, изъятное из обращения, было растрачено, культурное наследие истощилось, стрелки на часах российской истории замедлили ход и, вздрогнув, провисли, указав на плотную приблизившийся исход. ... Философский

пароход так и не вернулся в родную гавань, превратившись в океанский лайнер, исчезающий в лучах заходящего солнца.

Список литературы

1. Неклесса А. И. Окна в будущее: культура сложности и самоорганизации // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 85–110.
2. Неклесса А. И. Прыжок лягушки. Кризис мировидения // Синла/Интелпрос. 2013. № 1 (18) / Научный совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации. М.: Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, 2013. 44 с.
3. Неклесса А. И. Кризис будущего. Наследие исихазма в постсовременном мире // Синла/Интелпрос. 2013. № 2 (19) / Научный совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации. М.: Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, 2013. 36 с.
4. Лобье П. Время конца времен: эссе на тему христианской эсхатологии. Минск, 1995. С. 45–46.
5. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 4. М.: Голос, 1993. С. 723.
6. Николай I. Мое самодержавное служение. Дневники, письма, документы. Свидетельства современников. М.: Эксмо, 2014. URL: http://fictionbook.ru/author/nikolayi_i/moe_samoderjavnoe_sluzhenie/read_online.html?page=1 (дата обращения: 10.02.16).
7. Неклеса А. Номенклатурната държава: нейният възход и падение // Философски алтернативи. Philosophical alternatives. Писане на Института за изследване на обществата и знанието при БАН. 2008. Vol. XX, № 5–6. София. С. 29–41.

Дата поступления 29.02.16

Дата принятия в печать 20.04.16

© Неклесса А. И., 2016. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.icml.ru>), 15.06.2016; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.icml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Неклесса Александр Иванович, председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, заведующий лабораторией «Север – Юг», Институт Африки Российской академии наук

Адрес: 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1, тел.: + 7 (495) 690-63-85

E-mail: neklessa@intelros.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7943-6856>

A. I. NEKLESSA¹

¹ "North-South" Laboratory, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences

CULTIVATORS OF THE FUTURE

Objective: to analyze the dependence of world-building (oico-nomics) on the formation of the European worldview, to comprehend the role of elites and social mentality in the world-building process and in relation to the formation of the Russian reality and its current state.

Methods: an integrated approach to the analysis determined the range of specific research methods: systemic and value analysis from the standpoint of geo-economics, geo-culture and geo-anthropology, hermeneutic comparative analysis, philosophical reasoning.

Results: the paper substantiates the critical role of elites and knowledge systems in the genesis of the complicated organization of the society; the features of world-building practices in Catholic, Protestant, Orthodox mentality are defined; the role of geo-economics as a relevant concept for the analysis of global processes, and Russian reality, is highlighted.

Scientific novelty: the article considers the specifics of Russia's destiny as a continental geo-economic space, introduces into scientific circulation the concept of geoanthropology to determine the role of anthropological factor in the totality of processes and situations that arise in the allocation and reallocation of human resources on the planet with regard to their quality characteristics.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the research are relevant to the scientific research and pedagogical work, as well as for the development of the methodology of the Social Sciences and Humanities. It is of interest when considering the prospects of Russia's development in the challenging circumstances of the 21 century.

Keywords: Economic theory; Geo-economics; World-building; World construction; Elite

References

1. Neklessa, A. I. Okna v budushchee: kul'tura slozhnosti i samoorganizatsii (Windows to the future: culture of complexity and self-organization), *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2015, No. 1, pp. 85–110 (in Russ.).
2. Neklessa, A. I. Pryzhok lyagushki. Krizis mirovideniya (Frog's leap. Crisis of world outlook), *Sinla/Intelros*, 2013, No. 1 (18), Moscow: Komissiya po sotsial'nym i kul'turnym problemam globalizatsii, 2013, 44 p. (in Russ.).
3. Neklessa, A. I. Krizis budushchego. Nasledie isikhazma v postsovremennom mire (Crisis of the future. Hesychasm heritage in post-modern world), *Sinla/Intelros*, 2013, No. 2 (19), Moscow: Komissiya po sotsial'nym i kul'turnym problemam globalizatsii, 2013, 36 p. (in Russ.).
4. Lob'e, P. *Vremya kontsa vremen: esse na temu khristianskoi eskhatologii* (The time of the end of times: essay on Christian eschatology), Minsk, 1995, pp. 45–46 (in Russ.).
5. Solov'ev, S. M. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen* (History of Russia since ancient time), vol. 4, Moscow: Golos, 1993, p. 723 (in Russ.).
6. Nikolai I. *Moe samoderzhavnoe sluzhenie. Dnevnik, pis'ma, dokumenty. Svidetel'stva sovremennikov* (My autocratic service. Diaries, letters, documents. Evidences of contemporaries), Moscow: Eksmo, 2014, available at: http://fictionbook.ru/author/nikolay_i/moe_samoderzhavnoe_sluzhenie/read_online.html?page=1 (access date: 10.02.16) (in Russ.).
7. Neklessa, A. Nomenklaturnata d'rzhava: neiniyatv"zkhod i padenie, *Filosofski alternativi. Philosophical alternatives. Pisanie na Instituta za izsledvane na obshchestvata i znaniето pri BAN*, 2008, vol. XX, No. 5–6, Sofiya, pp. 29–41.

Received 29.02.16

Accepted 20.04.16

© Neklessa A. I., 2016. Originally published in *Actual Problems of Economics and Law* (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; Licensee Tatar Educational Centre "Taglimat". This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), which permits unrestricted use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work, first published in *Actual Problems of Economics and Law*, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.

Information about the author

Aleksandr I. Neklessa, Head of the Commission on socio-cultural issues of globalization, member of the Bureau of the Academic Council "History of the World Culture" at the Presidium of the Russian Academy of Sciences, Head of the "North-South" Laboratory, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences

Address: 30/1 Spiridonovka Str., 123001, Moscow, tel.: +7 (495) 690-63-85

E-mail: neklessa@intelros.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7943-6856>

For citation: Neklessa A. I. Cultivators of the future, *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, vol. 10, No. 2, pp. 22–37.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ / ECONOMICS AND NATIONAL ECONOMY MANAGEMENT

УДК 336.6:378

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.2.38-58>

Как цитировать статью: Абанкина И. В., Абанкина Т. В., Филатова Л. М. Ловушки дифференциации в финансировании российских вузов // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 2. С. 38–58.

И. В. АБАНКИНА¹,
Т. В. АБАНКИНА¹,
Л. М. ФИЛАТОВА¹

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия*

ЛОВУШКИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В ФИНАНСИРОВАНИИ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

Цель: выявление причин и последствий усиливающегося расслоения вузов по объемам и источникам финансирования, а также по направлениям подготовки.

Методы: в процессе исследования использовались методы статистического и экономического анализа результатов деятельности вузов. С применением эконометрической модели оценены взаимосвязи ресурсной базы высшего образования, производственного и экономического потенциала регионов России, проведен эмпирический анализ факторов, влияющих на повышение общественного спроса на высшее образование.

Результаты: выявлены тенденции структурных изменений спроса на высшее образование в России за период с 2001 по 2014 гг., оценена региональная дифференциация финансового обеспечения вузов при переходе на эффективный контракт. Определены основные риски-ловушки, связанные со структурным рассогласованием спроса на высшее образование со стороны семей и предложений контрольных цифр приема по направлениям подготовки за счет бюджетных средств, с усиливающейся региональной дифференциацией, провоцирующей расслоение вузов России по объемам и источникам финансового обеспечения, с завышенными обязательствами по повышению зарплаты профессорско-преподавательского состава, приводящим к нехватке средств на содержание имущественного комплекса и обеспечение учебного процесса, что ставит под угрозу качество реализации образовательных программ.

Научная новизна: на основе эмпирического анализа, проведенного с использованием эконометрической модели, определены тенденции структурных изменений спроса на высшее образование в регионах России; оценено влияние экономического кризиса и платежеспособного спроса семей на финансовое обеспечение вузов; выявлены и обоснованы риски-ловушки дифференциации в финансировании вузов России.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы специалистами в области экономики и менеджмента при проектировании финансового обеспечения и стратегий развития организаций высшего образования.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; спрос на высшее образование; направления подготовки; контрольные цифры приема; численность студентов; платное обучение; источники доходов вузов; заработная плата профессорско-преподавательского состава

Благодарность. Исследование осуществлено в рамках работ Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) по апробации Аналитического компонента Комплексной системы управления финансами Минобрнауки России в 2015 г.

Введение

Общее состояние экономики Российской Федерации и политические установки позволяют отнести образование к социально значимым благам. Система высшего образования как сфера деятельности, определяющая потребности в профессиональных квалификациях, способна влиять на структурные изменения в сфере занятости, повышение конкурентоспособности и обеспечивать динамичное развитие региональной экономики. В России стабилизировать свое финансовое положение вузам позволяет диверсификация источников финансирования. Однако этот процесс идет крайне медленно: средства организаций в общих объемах российских государственных (муниципальных) образовательных организаций высшего образования в 2014 г. составляли 11,5 % (против 15,3 % в 2009 г.), внебюджетные фонды – 1,3 %, иностранные источники – 1,1 %, приток средств, полученных в результате развития фондов целевого капитала, – менее 1 %¹. И пока основным дополнительным источником доходов вузов в России служит расширение объемов платного образования. Фактически мы сталкиваемся с феноменом эффекта ловушки дифференциации, последствиями которого является усиливающееся расслоение вузов по объемам и источникам финансирования.

Глобализация экономики знаний и демографические изменения привели многие страны к изменению спроса на высшее образование наряду с сокращением государственных ассигнований. В среднем за десятилетний период (с 1995 по 2004 гг.) численность студентов в странах ОЭСР выросла на 41 %, а в 19 странах ЕС – на 48 %. Исключительно быстрый рост студенческого контингента был зафиксирован в Польше – 124 %, Венгрии – 118 %, Чешской Республике – 110 %. Умеренный рост численности студентов отмечался в Швеции – 45 % и Великобритании – 30 %. Общие расходы на высшее образование в этот период в странах ОЭСР росли быстрее численности студентов. В среднем этот показатель составил 55 %, несколько выше в 19 странах ЕС – 58 %. Еще в нескольких странах рост общих расходов отставал от динамики численности студентов. В Польше

¹ Индикаторы образования: 2016: статистический сборник. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2016. 320 с.

(102 %), Венгрии (59 %), Чешской Республике (45 %), Швеции (44 %) и Великобритании (22 %) отставание было весьма заметным². Эти обстоятельства подвигли университеты данных стран все больше полагаться на плату за обучение и искать альтернативные источники доходов. Для повышения общественного спроса на высшее образование разные страны выстраивают схожие стратегии, в рамках которых используются финансовые рычаги, направленные на увеличение оплаты обучения с проведением политики обязательного социального стимулирования студентов из малообеспеченных семей [1]. К примеру, в Аргентине доходы семей являются одним из важных факторов, влияющих на прием в государственные и частные университеты [2]. Эмпирические исследования М. Rozada и А. Menendez показали, что молодые люди из семей с более высокими доходами имеют большую вероятность обучаться в университетах, это подтверждается положительными значениями коэффициентов по доходам семей в расчете на душу населения по трем группам исследуемых наблюдений: студенты учебных заведений (0,720); студенты из полных семей, в которых глава семьи имеет высшее образование (0,478); студенты, проживающие с одним родителем (0,383). Большая вероятность поступления в университеты у молодежи в возрасте от 17 до 24 лет, о чем свидетельствуют коэффициенты по трем выделенным группам, соответственно, 1,204, 1,221 и 0,882. Однако основной проблемой, препятствующей росту численности студентов в государственном секторе, являются жесткие ограничения по финансированию высшего образования в стране. Для оценки финансовой состоятельности выпускников университетов в качестве зависимой переменной были исследованы ежемесячные доходы молодых специалистов с различным уровнем образования, наиболее высокие коэффициенты отмечались по выборке выпускников университетов (представители мужского и женского пола, соответственно, 1,279, 1,029), которые в три раза превосходили значения коэффициентов по выборке выпускников со средним образованием (представители мужского и женского пола, соответственно, 0,305, 0,249). Эти результаты показали, что отдельные студенты способны оплатить

² Education at a Glance 2007. OECD Indicators. OECD, Paris.

высшее образование после окончания университета при среднем месячном доходе в размере 1 943 доллара США. Для повышения эффективности в сфере высшего образования авторами исследования М. Rozada и А. Menendez предлагается введение платной системы обучения с включением стимулирующих стипендий и студенческих займов для привлечения наиболее талантливой молодежи из малообеспеченных семей, окончившей государственные средние школы. По мнению авторов, это должно положительно повлиять на спрос на высшее образование и повысить число выпускников высших учебных заведений в Аргентине [2].

Очень схожие выводы получены по результатам исследований ученых из Турции А. Caner и С. Okten [3]. Эконометрический анализ, выполненный на основе трехступенчатой модели отбора Хекмана, свидетельствует, что студенты из обеспеченных семей показывают лучшие результаты при поступлении и стараются «проходить обучение в университетах, получающих большие субсидии от государства» [3, с. 75]. Для повышения общественного спроса на высшее образование А. Caner и С. Okten предлагают увеличить плату за обучение в государственных вузах с обязательным введением финансовой помощи студентам из малообеспеченных семей.

Значительный вклад «инструментов преодоления социального неравенства» в обеспечение успешного поступления студентов отмечается в Финляндии [4]. Финская система образования преуспела в обеспечении начального и среднего уровня обучения. Эффективная практика софинансирования высшего образования позволила многим студентам из разных социально-экономических слоев повысить свои результаты при поступлении [5]. Однако для системы университетского образования необходимо усиление финансирования исследовательских программ и генерирование творческих идей, которые являются фундаментом для развития инноваций и экономического прогресса. Выводы авторов можно напрямую связать с утверждением, что «...эффективное образование способствует улучшению экономических показателей каждой страны и может смягчить финансовое давление в результате экономического роста приощрении покупательной способности» [6, с. 1].

В Германии исследование результатов естественного эксперимента, связанного с введением платы

за обучение в 7 из 16 федеральных земель в 2007 г., подтверждает значительное влияние финансового участия семей на изменение численности студентов. Результаты исследования по введению платного образования на землях Гамбурга, Баварии, Баден-Вюртемберга и Саара показали существенное положительное влияние на поступление студентов в университеты по переменным, которые связаны с количеством новых выпускников средних школ, реформой средней школы, уровнем безработицы и заработной платой (Гамбург – 0,0244, Бавария – 0,0172, Баден-Вюртемберг – 0,0104 и Саар – 0,0103). Только Гессен, Нижняя Саксония и Северный Рейн – Вестфалия не показали устойчивых положительных результатов [7, 8]. Использование эмпирического подхода при обосновании гипотетической ситуации по воздействию повсеместной платы за обучение в немецких землях свидетельствует о повышении численности студентов на 6–7 %.

Однако американские ученые М. Berger и Т. Kostal продемонстрировали определенные трудности сохранения уровня приема при увеличении платы за обучение, полученные с помощью двухступенчатой модели наименьших квадратов по исследованию спроса и предложения в государственном высшем образовании [9]. В подтверждение своих результатов М. Berger и Т. Kostal отмечают, что для сохранения объема существующего предложения на рынке высшего образования континентальные штаты США будут вынуждены увеличить число законодательных регламентов, обеспечивающих ассигнования университетам. В противном случае придется снижать объем предложения на рынке образовательных услуг посредством сокращения доли ассигнований со стороны властей штатов на высшее образование.

Для поддержания качества системы высшего образования в некоторых странах ОЭСР и ЕС были введены ограничения на количество государственных мест в университетах [10]. В некоторых вузах бюджетные ограничения привели к закрытию отдельных программ, к наиболее распространенным из них относятся освоение иностранных языков и музыкальное образование. Многие университеты по всей Европе претерпевают изменения, вызванные слиянием либо институтов, либо отдельных кафедр и факультетов из-за сокращения финансирования.

Моделирование общественного спроса на высшее образование и оценка факторов, влияющих на финансирование вузов в регионах России

Для обоснования факторов, влияющих на изменение спроса на высшее образование, исследуем взаимосвязь численности студентов, принятых на обучение в вузы по регионам России (зависимая переменная), с накопленным человеческим капиталом (занятые в экономике с высшим образованием)³ и другими объясняющими переменными за период 2001–2014 гг. С помощью метода исключения независимых переменных были отобраны факторы, наилучшим образом соответствующие допустимым критериям для описания зависимой переменной. В качестве независимых переменных, характеризующих производственное и экономическое развитие региона, т. е. физический капитал, использовались: инвестиции в основной капитал, размер вклада физических лиц в кредитных организациях; накопленный человеческий капитал – доля занятых в экономике с высшим образованием; и запасы человеческого капитала – выпускники школ (без вечерних) с аттестатом о среднем (полном) образовании.

Наилучшие результаты по оценке статистической значимости исходных данных показала нелинейная по оцениваемым параметрам регрессия, которая была преобразована с помощью логарифмирования в линейную:

$$Y_i^t = A + \alpha_1 X_{1i}^t + \alpha_2 X_{2i}^t + \alpha_3 X_{3i}^t + \alpha_4 X_{4i}^t + \varepsilon_i,$$

где $Y_i^t = \ln y_i^t$, $A = \ln a$, $X_{1i}^t = \ln x_{1i}^t$, $X_{2i}^t = \ln x_{2i}^t$, $X_{3i}^t = \ln x_{3i}^t$, $X_{4i}^t = \ln x_{4i}^t$; y_i^t – прием студентов в организации высшего образования в i -м регионе в году t ; a – константа; α_j – нестандартизованные коэффициенты при независимых переменных ($j = 1, \dots, 4$); x_{1i}^t – доля занятых с высшим образованием в экономике i -го региона в году t ; x_{2i}^t – выпускники школ (без вечерних) с аттестатом о среднем (полном)

³ В соответствии с обоснованием Р. Вагто, который выделяет в составе человеческого капитала накопленный человеческий капитал, характеризующий вовлечение населения соответствующего уровня образования: высшее образование, начальное, среднее общее, иногда уровень вовлечения в школьное образование детей школьного возраста (запас человеческого капитала), как показатели темпа накопления человеческого капитала [11].

образовании в i -м регионе в году t ; x_{3i}^t – инвестиции в основной капитал на душу населения в i -м регионе в году t ; x_{4i}^t – размер вклада физических лиц в кредитных организациях на душу населения в i -м регионе в году t ; ε_i – случайный остаток.

В расчетах использовались статистические данные по 79 регионам России за исключением Ненецкого автономного округа, Чукотского автономного округа, Республики Калмыкия и Чеченской Республики (до 2006 г.) из-за отсутствия необходимой информации.

Коэффициенты детерминации 14 регрессионных уравнений за весь период исследования 2001–2014 гг. достаточно высоки и колеблются в пределах 89–93 %. Значения доверительной вероятности соответствуют 95 %. Бета-коэффициент β_j показывает, на какую величину среднеквадратического отклонения изменится зависимая переменная Y^t с изменением независимой переменной X_j^t на величину своего среднеквадратического отклонения.

Нестандартизованные коэффициенты по вкладам физических лиц имеют явную тенденцию к росту с 0,096 % в 2001 г. до 0,513 % в 2012 г., причем период предкризисных волнений, который пришелся на 2006–2007 гг., четко обозначен небольшим снижением коэффициентов. В период новой волны санкционных ограничений и экономического спада в 2013–2014 гг. также наблюдается снижение коэффициентов (табл. 1).

До 2013 г. отмечается ликвидность вкладов населения, которая позволяет мобильно реагировать на предложения со стороны высшего образования. Очевидно, что рост вкладов населения положительно влияет на стремление молодежи получать высшее образование [12]. Чем выше величина накоплений у населения, свидетельствующая о финансовой стабильности в будущем, тем больше вероятность их использования родителями в качестве инвестиций на получение высшего образования детей. Таким образом, вклады физических лиц являлись наиболее существенным фактором, влияющим на прием студентов в вузы, лишь до момента критического воздействия санкционных ограничений и экономического спада.

Объясняющая переменная численность выпускников школ статистически значима и положительно влияет на прием студентов в вузы. Однако в динамике данного коэффициента отмечается ежегодное не-

значительное снижение с 1,13 % в 2001 г. до 1,01 % в 2010 г., что объясняется изменениями в структуре населения, вызванными демографическим спадом. Причем в начале финансового кризиса (2008 г.) произошел значительный всплеск в сторону повышения до 1,09 %. И уже с 2013 г. нестандартизованные коэффициенты при переменной, характеризующей влияние выпускников школ на прием студентов в вузы, существенно увеличились до уровня 2001 г. и стабилизировались в пределах 1,14 % в 2014 г. Таким образом, выпускники школ являются еще одним существенным фактором, положительно влияющим на зависимую переменную.

Нестандартизованные коэффициенты при занятых с высшим образованием имели в предкризисный финансовый период значительный рост от 0,46 до 0,84 % с 2002 по 2004 гг. Дальнейший период характеризуется резким снижением нестандартизованного коэффициента и отрицательным влиянием на прием студентов в вузы вплоть до 2013 г. Следовательно, накопленный человеческий капитал, характеризующий численность занятых с высшим образованием, оказывался наиболее существенным фактором, положительно влияющим на численность абитуриентов, поступающих в вузы, но только до 2004 г. Дальнейшие изменения в стране, вызванные финансовым кризисом, демографическим спадом, а также высокими требованиями к абитуриентам при поступлении в вузы в связи с повсеместным введением Единого государственного экзамена (ЕГЭ) в сфере высшего образования, снизили влияние накопленного человеческого капитала на прием студентов в вузы. И лишь в 2014 г., именно в период санкционных ограничений и экономического спада, отмечается позитивное влияние накопленного человеческого капитала на прием студентов в вузы. Это можно объяснить тем, что при снижении сбережений у населения наибольшую мотивацию на поступление в вузы и обучение за счет бюджетных средств получают выпускники школ, чьи родители имеют высшее образование. Весьма схожие результаты были получены А. Корицким: «...прием студентов в государственные вузы на бесплатной основе положительно зависит не только от накопленного в регионах человеческого капитала, но и от объема выпуска средних общеобразовательных школ в соответствующие годы. Данный результат можно интерпретировать вполне естественным образом, так как...

наибольшие шансы на поступление в вузы имеют выпускники средних общеобразовательных школ, возможно также, из семей, где родители имеют высшее образование. То есть наблюдается социальная наследственность (или преемственность поколений). Поэтому вполне естественно, что в регионах с большим запасом человеческого капитала наблюдается повышенное число поступающих в государственные вузы на бесплатной основе» [12, с. 138–139].

Коэффициенты при переменных, характеризующих инвестиции в основной капитал, статистически значимы только для третьей части рассматриваемого периода и не оказывали положительного влияния на численность принимаемых в вузы студентов, особенно в период финансового кризиса с 2008 вплоть до 2014 гг. Для формирования промышленного потенциала регионов необходимо наращивание инвестиций в основной капитал, что, в свою очередь, способствует развитию производительных сил регионов и, соответственно, покрытию дефицита трудовых ресурсов рабочих специальностей и снижению безработицы. Возможно, это является объяснением отсутствия положительного влияния объемов инвестиций в основной капитал на прием студентов в вузы.

Результаты исследования

Изменение структуры спроса на высшее образование является результатом взаимодействия экономической и социальной реальности с общественным сознанием. В настоящее время установление контрольных цифр приема (далее – КЦП) осуществляется административным способом, что провоцирует *первую ловушку* – «ловушку структурного рассогласования предложений КЦП и спроса семей».

По результатам исследования прослеживаются тенденции изменения общественного спроса на высшее образование. Основное влияние на его повышение оказывают платежеспособный спрос и экономическая устойчивость семей, которые сильно различаются по регионам России. Фактически мы сталкиваемся с феноменом эффекта *второй ловушки* – «ловушки дифференциации», последствиями которого является усиливающееся расслоение вузов по объемам и источникам финансирования.

Возможности обеспечить в соответствии с Указом Президента РФ № 597 от 07.05.2012 двукратное повышение заработной платы профессорско-преподава-

тельского состава (ППС) по отношению к средней по региону за счет диверсификации доходных источников сильно зависят от уровня развития региональной деловой среды, а также платежеспособности семей. Даже в экономически развитых регионах есть угроза попасть в *третью ловушку* – «ловушку завышенных обязательств». Концентрация ведущих университетов и значительной доли ППС в регионах с высоким уровнем заработной платы требует значительного притока дополнительных финансовых ресурсов в систему высшего образования, источники которых ограничены. Это порождает новые вызовы перед университетами по развитию экономической активности и инициативы.

Рассмотрим более подробно ловушки дифференциации в финансировании российских вузов.

Первая ловушка – ловушка структурного несогласования спроса на высшее образование со стороны семей и предложений контрольных цифр приема по направлениям подготовки за счет бюджетных средств.

Спрос на бакалавриат и магистратуру подвержен влиянию отличающихся друг от друга сил/факторов. Он определяется предпочтениями семей и зависит от уже сформированных стереотипов, влияния массовой культуры, моды, средств массовой информации (далее – СМИ), рекламы, слухов и т. п., а также отразившихся в массовом восприятии реальных сигналов рынка труда (требования тарифно-квалификационных справочников работодателей) – в какой профессии можно заработать, где требуются специалисты, где охотно берут молодежь [13]. Поведение абитуриентов магистратуры можно рассматривать как более рациональное и самостоятельное, чем поведение абитуриентов бакалавриата. При планировании КЦП отдельно рассматриваются два уровня образования – бакалавриат (вместе со специалитетом, так как по типу поведения потребителя они практически не отличаются) и магистратура с аспирантурой. Причем спрос на «верхние» уровни высшего образования находится в прямой зависимости от выпуска бакалавриата и специалитета, а также бюджетных ограничений и государственной политики в приоритетных направлениях подготовки [14].

Спрос на магистерские и аспирантские программы определяется рациональными целями студентов и воспринимаемыми ими сигналами рынка труда (превышение зарплат в выбираемой области дея-

тельности над средним уровнем по рынку, спрос на специалистов определенного типа, в том числе в науке). Спрос в этой части образования смещается вслед за инвестиционными и инновационными проектами, экономическими программами, реализуемыми в регионах России, которые отражаются в поле медиакоммуникаций.

Распределение спроса зависит от оценки абитуриентами собственных способностей и возможностей поступить в вузы на определенные направления подготовки в соответствии с полученными баллами ЕГЭ и конкурсом в вузах. Таким образом, к *детерминантам распределения спроса* на высшее образование относятся:

- популярность и перспективность определенных профессий и направлений подготовки в вузах;
- внимание государства и инвесторов к определенным отраслям и программам социально-экономического развития;
- восприятие обществом реальных сигналов с рынка труда, характеризующих развитие экономики в целом и отдельных отраслей – динамика отраслевых рынков труда, востребованность лиц с высшим образованием и потребность в молодых кадрах, уровень оплаты труда;
- распределение баллов ЕГЭ по специальностям и сложившийся конкурс в вузы на определенные направления подготовки.

Формирование распределения обучающихся с учетом оценки популярности свидетельствует о равномерности наполнения не только по направлениям подготовки, но и устойчивости предпочтений во времени. Влияние индекса популярности для гуманитарных направлений подготовки бакалавриата и специалитета является определяющим независимо от варианта прогноза спроса семей на высшее образование. Позитивное влияние на формирование притока студентов по инженерным направлениям оказывают индексы научной и экономической активности. В 2014 г. значительно выросла доля исследователей технических наук до 26 %, относительно 17,4 % в 2013 г., при этом снизилась доля научных исследователей естественных наук до 41,6 % по сравнению с 2013 г. – 44 %⁴. Данные

⁴ Индикаторы науки: 2016: статистический сборник. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2016. 304 с.

индексы существенно меняют структуру распределения КЦП по математическим и естественным наукам в сторону их уменьшения, т. е. происходит перераспределение потоков обучающихся в пользу инженерных направлений подготовки. При расширении формата индексов по сочетанию частот их появления в СМИ изменяются предпочтения в выборе направлений подготовки. Увеличение числа индексов приводит к сглаженному распределению по направлениям подготовки, при этом не меняются выявленные акценты по укрупненным группам специальностей [15, 16].

Процесс становления магистратуры в новых условиях сохраняет сложившиеся предпочтения по популярным специальностям (инженерные и наука об обществе). Этим можно объяснить неустойчивый характер долгосрочных прогнозов спроса на высшее образование. Значимость магистратуры по педагогическим наукам связана с серьезной переподготовкой по новым педагогическим стандартам действующих учителей. Для этих целей раздвигаются рамки очного и очно-заочного образования, вводится модульный формат. За счет этих мер повышается приток студентов по педагогическим наукам до 10,6 % в 2013 г., относительно 9,7 % в 2012 г. По другим направлениям динамика весьма сглаженная: гуманитарные науки – 20,6 %; экономика и управление – 23,8 %. Отдельные выбросы являются откликом на эффект «двойных выпусков», объединивших специалистов и бакалавров в один поток по завершении их обучения, к примеру, по экономике и управлению – 32,5 % в 2014 г.⁵

Результаты приема студентов 2013 г. свидетельствуют об итогах десятилетнего реформирования сферы образования. Численность принятых на обучение студентов составила 1 142 тыс. человек. При этом 417 тыс. обучаются за счет бюджетных средств – 37 % от общего приема. По направлению подготовки «Экономика и управление» на бюджетной основе получают образование около 10,3 % студентов, т. е. практически 90 % принятых на обучение самостоятельно оплачивают учебу в вузе. По гуманитарным наукам около 18,5 % обучаются за счет бюджетных средств и 81,5 % – на платной основе (рис. 1).

⁵ Российский статистический ежегодник. 2015: статистический сборник. Росстат. М., 2015. 728 с.

В настоящее время в подготовке кадров отмечается явная разница в сегментации приема по направлениям подготовки за счет бюджетных и внебюджетных источников финансирования.

Выбор семей свидетельствует о восьмикратном превышении приема студентов с полным возмещением затрат по направлению «Экономика и управление» относительно бюджетного контингента, четырехкратном – по направлениям «Гуманитарные науки» и «Сфера обслуживания».

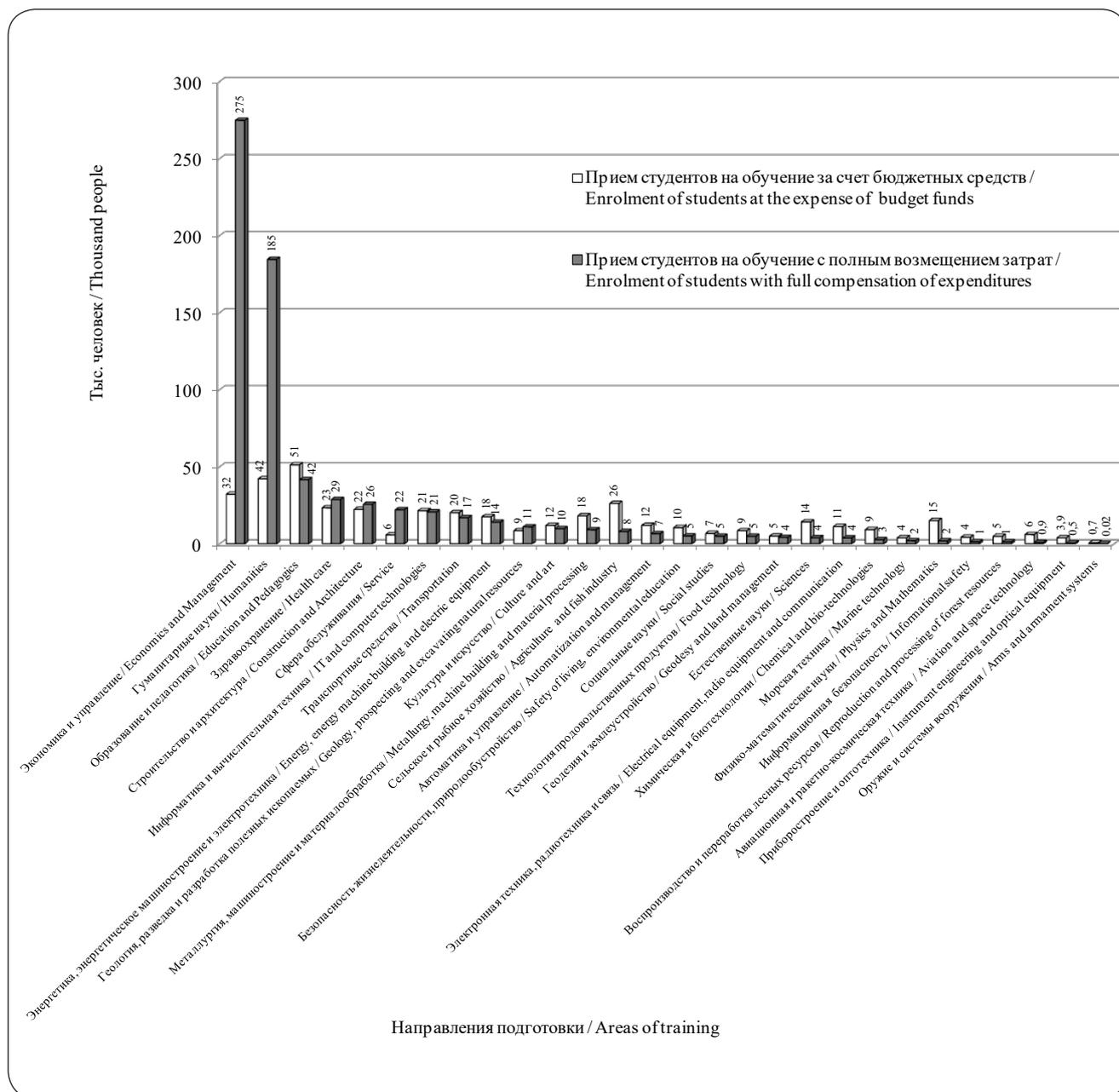
Несомненно, дифференциация приема студентов по образовательным программам отразится и на финансовых результатах вузов. При этом для обоснования качества обучения в вузах важно отслеживать соответствие профильной ориентации образовательных программ.

Прием в магистратуру (рис. 2) в настоящее время составляет примерно 30 % от выпуска из бакалавриата. При массовом выпуске из бакалавриата в ближайшие годы процент поступления в магистратуру может упасть до 20–25 % (по данным Аналитического компонента Комплексной системы управления финансами).

В магистратуре также отмечают направления подготовки, которые семьи готовы софинансировать в образовании: экономика и управление (63 % – платное обучение) и гуманитарные науки (56 % – платное обучение). Государство поддерживает другие направления подготовки, не пользующиеся спросом у населения. Таким образом, фактически сложилась существенная дифференциация не столько вузов, сколько направлений подготовки, приводящая к масштабному дисбалансу спроса и предложения в структуре высшего образования.

С 2010 г. отмечается снижение объемов поступлений из внебюджетных фондов и средств от населения (рис. 3). На фоне растущего спроса в данный период отмечалась в больших масштабах подготовка специалистов массовых направлений [17]. Следовательно, спрос населения в большей степени реагировал на предложения рынка высшего образования по наиболее популярным направлениям подготовки, к которым относятся экономика и управление, гуманитарные науки, образование и педагогика [18].

Вторая ловушка – ловушка региональной дифференциации, провоцирующей изменение структуры финансового обеспечения высшего образования в России.

Рис. 1. Прием студентов на обучение по образовательным программам бакалавриата и специалитета в 2013 г., тыс. человек*

* *Источник:* данные Аналитического компонента Комплексной системы управления финансами Минобрнауки России. URL: <http://fin.edu.ru/web/minobr> (дата обращения: 22.09.2015).

Fig. 1. Enrolment of students for bachelor and specialist educational programs in 2013, thousand people*

* *Source:* data of the Analytical component of the Integrated system of Financial Management of the Russian Ministry of Education and Science, available at: <http://fin.edu.ru/web/minobr> (access date: 22.09.2015).

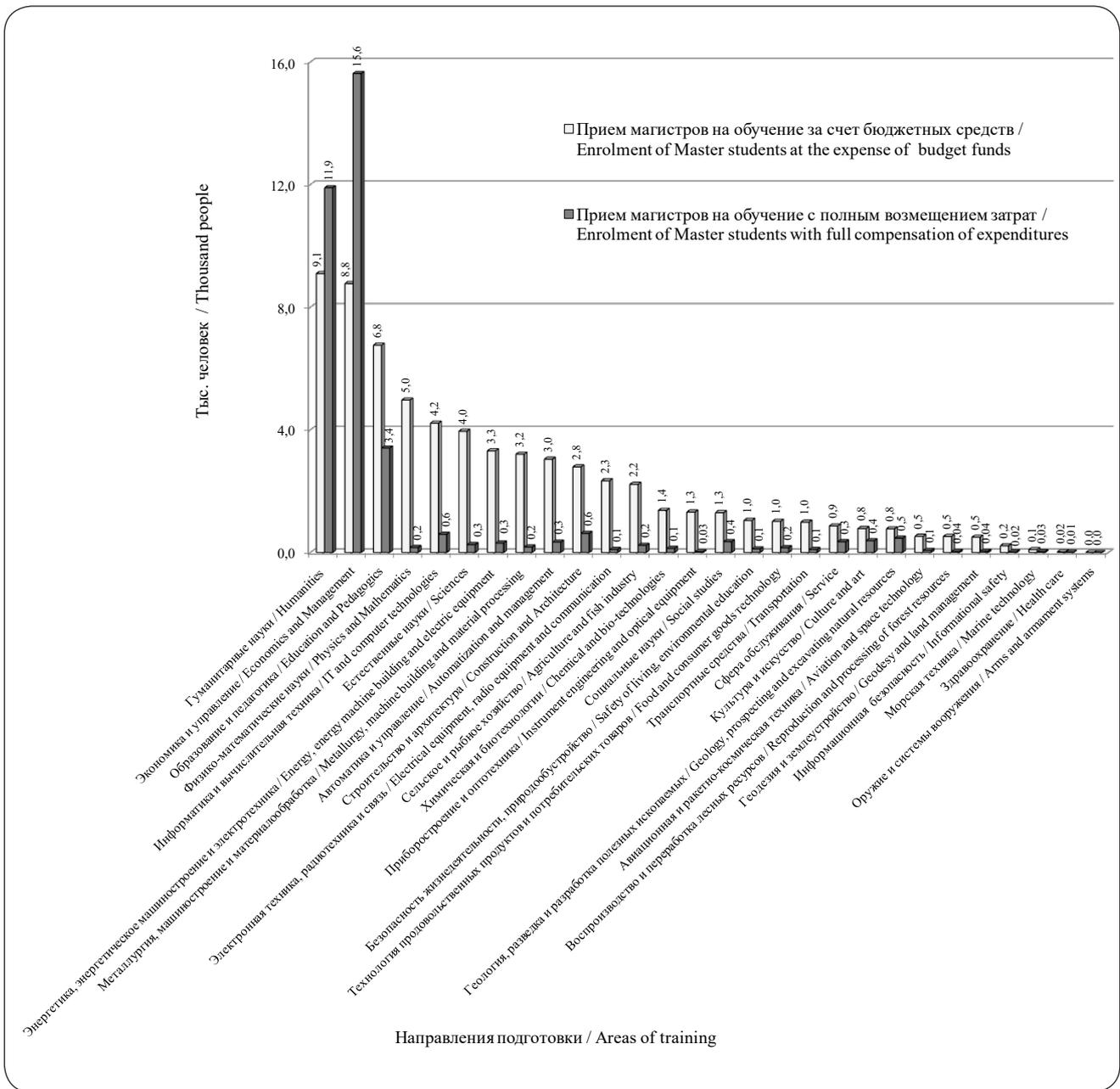

Рис. 2. Прием студентов на обучение по образовательным программам магистратуры в 2013 г., тыс. человек*

* Источник: данные Аналитического компонента Комплексной системы управления финансами Минобрнауки России. URL: <http://fin.edu.ru/web/minobr> (дата обращения: 22.09.2015).

Fig. 2. Enrolment of students for Master educational programs in 2013, thousand people*

* Source: data of the Analytical component of the Integrated system of Financial Management of the Russian Ministry of Education and Science, available at: <http://fin.edu.ru/web/minobr> (access date: 22.09.2015).

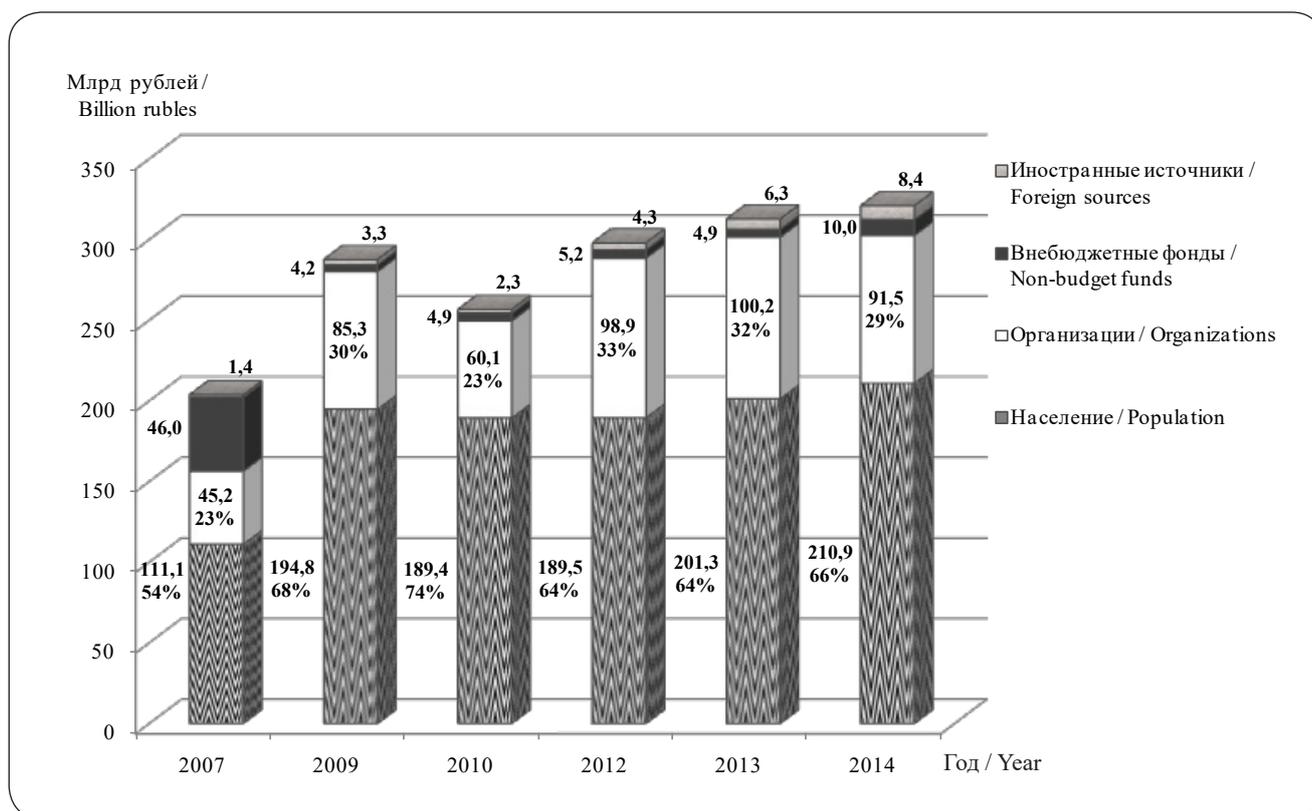

Рис. 3. Структура внебюджетных средств в сфере высшего образования*, млрд рублей*

* Источники: Единая информационная система обеспечения деятельности Минобрнауки России. URL: <http://eis.mon.gov.ru> (дата обращения: 16.11.2015).

Fig. 3. Structure of non-budget funds in the sphere of higher education*, bln rubles*

* Source: Integrated Information System of the Russian Ministry of Education and Science, available at: <http://eis.mon.gov.ru> (access date: 16.11.2015).

В период 2005–2014 гг. произошло перенасыщение рынка труда специалистами наиболее привлекательных для населения специальностей, чему способствовала платная (причем в большей степени очно-заочная и заочная) подготовка студентов государственным и частным секторами высшего образования. При этом сегмент технического и научно-инновационного высшего образования в значительной степени оставался в тени, что привело к сильной дифференциации по направлениям подготовки [19].

Демографический спад обусловил сокращение численности выпускников школ, соответственно снизились показатели приема студентов в высшие учебные заведения, начиная с 2006 г. Сначала изменения затрагивают негосударственные вузы – снижение приема до 268,0 тыс. человек, относительно 274,6 тыс.

человек в 2005 г., а с 2007 г. они охватывают и сектор государственного высшего образования – 1 681,7 тыс. человек относительно 1 641,7 тыс. человек в 2008 г.⁶ Рынок рос только в секторе заочного образования, а сектор очного сжимался. Основными причинами резкого снижения общественного спроса на высшее образование стали демографический спад и финансовый кризис, причем волна демографического спада докатилась до вузов как раз в период финансового кризиса [20, 21].

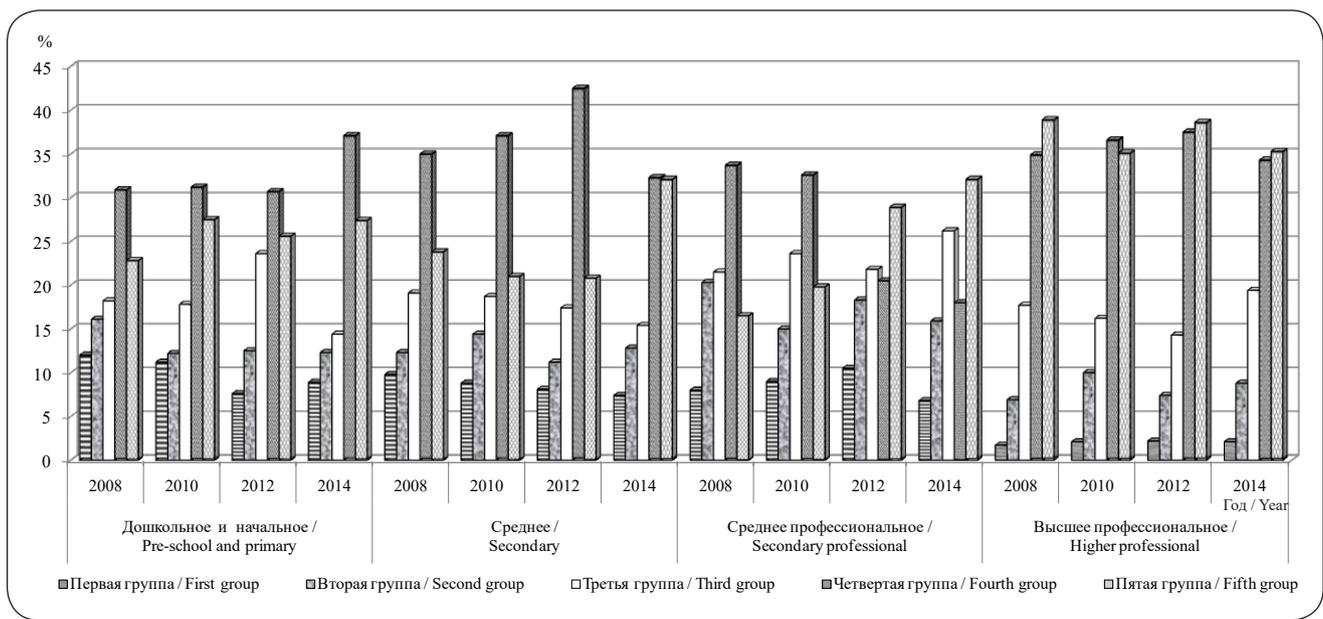
⁶ Российский статистический ежегодник. 2010: статистический сборник. Росстат. М., 2010. 813 с.

В системе высшего образования России в 2014/15 учебном году обучались 5 209 тыс. студентов, что на 438 тыс. меньше, чем в 2013/14 учебном году (приведем для сравнения контингент студентов в 2011/12 учебном году – 6 490 тыс., снижение на 560 тыс. относительно предыдущего периода)⁷. Платежеспособный спрос высокодоходных групп семей, ориентированных в большей степени на образование с высокой стоимостью обучения (по сравнению с семьями среднего достатка), в России упал из-за финансового кризиса до 35,3 % в 2014 г., относительно 38,6 % в 2012 г. (рис. 4). За уменьшением общей численности студентов последовали структурные изменения по формам обучения: существенно сократилась доля очного обучения, а доля заочного выросла более чем на 16 % и стала превалировать над очным.

Изменение общественного спроса на высшее образование, начиная с 2008 г., сопровождается снижением

потребительской активности. После 2008 г. объем средств, поступающих в систему высшего образования от населения в качестве платы за услуги, значительно сократился. Это было связано с уменьшением доходов семей из-за финансового кризиса [13].

Политика семей в структурировании своих расходов для высокодоходных групп домохозяйств после кризиса теряет свои позиции в сфере услуг на образование, т. е. именно высокодоходные группы в первую очередь сокращают свои расходы на образование, причем особенно заметно на высшее образование (рис. 4). Таким образом, семьи, особенно высокодоходные, сокращают свое участие в софинансировании образования. В структуре расходов высокодоходных групп домохозяйств расходы на образовательные услуги снижаются, а группы домохозяйств с более низкими доходами сохраняют устойчивую структуру расходов.

Рис. 4. Распределение расходов домашних хозяйств на оплату услуг в системе образования по 20-процентным группам обследуемого населения (первая группа – с наименьшими располагаемыми ресурсами, пятая – с наибольшими располагаемыми ресурсами), %*

* Источник: Платное обслуживание населения в России. Стат. сб. Росстат. М., 2015. 111 с.

Fig. 4. Distribution of households' expenditures for educational services, by 20 % groups of the examined population, %*

* Source: Paid services to the population in Russia, Statistical reference book of the Russian Statistical Agency. Moscow, 2015. 111 p.

⁷ Российский статистический ежегодник. 2015: статистический сборник. Росстат. М., 2015. 728 с.

В начале финансового кризиса казалось, что наиболее устойчивыми к кризису и демографическому спаду будут московские вузы: с одной стороны, это ведущие вузы страны, имеющие высокую репутацию у абитуриентов и их родителей, с другой – финансовое положение московских семей оценивалось как более стабильное по сравнению со среднероссийскими показателями. Однако на самом деле все сложилось иначе. В период кризиса Москве не удалось стянуть к себе больше абитуриентов из других регионов (снижение приема студентов в 2009 г. относительно 2008 г. составило 2,5 %), чтобы компенсировать сокращение численности выпускников московских школ на 6,8 % в 2009 г. по сравнению с 2008 г.⁸ Таким образом, влияние финансового кризиса и демографического спада сказалось на вузах Москвы сильнее, неблагоприятные тенденции обозначились на московском рынке высшего образования резче, чем в других городах России. Региональные вузы и даже вузы Санкт-Петербурга оказались менее чувствительны к изменению тенденций на образовательном рынке, у них не произошло существенного сокращения приема студентов (в региональных вузах и Санкт-Петербурге снижение приема студентов в 2009 г. составило соответственно 1,0 % и 0,9 % по сравнению с 2008 г.)⁹.

Перераспределение расходов в пользу обеспечения приоритетных задач, направленных на увеличение фондов оплаты труда для преподавателей, в значительной степени повлияли в 2014 г. на снижение расходов по формированию и поддержанию имущественного комплекса: оборудования (до 80,2 %), вычислительной техники (до 80,6 %), библиотечного фонда (96,4 %), а также материальных запасов (до 95,3 %). При этом уже в 2014 г. расходы на поддержание имущественного комплекса по увеличению стоимости основных фондов государственных (муниципальных) образовательных организаций высшего образования в Москве выросли в 9,7 раза относительно 2013 г. (табл. 2). Если учесть, что в Москве находится 16 % государственных (муниципальных) образовательных организаций высшего образования, то на поддержание имущественного комплекса этих вузов в 2014 г. были израсходованы 111 334,2 млн рублей, или 70,8 % от

общих расходов на увеличение стоимости основных средств, в остальных 84 % государственных (муниципальных) образовательных организациях высшего образования были использованы 20 699,5 млн рублей, или 13,2 % от общих расходов на увеличение стоимости основных средств.

Эти факты также подтверждают изменение структуры государственного финансирования высшего образования России по поддержанию и развитию имущественного комплекса высшего образования в наиболее перспективных регионах, способствующих формированию локальных точек роста ведущих групп вузов.

Третья ловушка – ловушка завышенных обязательств.

Для высшего образования Указом Президента Российской Федерации № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» от 07.05.2012 было предусмотрено, что заработная плата ППС должна быть вдвое больше по отношению к региональной средней заработной плате в экономике.

Сегодня в рамках реализации принципов эффективного контракта в российских университетах усилия государства направлены на стимулирование инноваций за счет стремления учебных заведений к поддержанию и постоянному повышению качества и конкурентоспособности, рост возможностей образовательного выбора для студентов, повышение автономии учебных заведений и оптимизации бюджетных расходов. Оптимизация механизма управления бюджетными ресурсами в России сводится к переходу от ассигнований на текущее содержание университетов к финансированию их деятельности – реализации образовательных программ и выполнения научных исследований и разработок на основе задания учредителя. Задание должно обеспечивать увязку показателей объемов и качества предоставляемых услуг (выполнения работ) с размерами направляемых на эти цели средств бюджета соответствующего уровня. Снижение темпов роста бюджетных поступлений в 2012 г. до 104,8 % (относительно 114,7 % в 2011 г.) не повлияло на расходы на оплату труда (с начислениями) в государственных и муниципальных образовательных организациях высшего образования (табл. 3). Прирост данных расходов в 2014 г. составил 11,1 % относительно 2013 г., темпы прироста в 2013 г. были несколько выше и соответствовали 12,3 % от-

⁸ Расчеты авторов по данным сборника Российский статистический ежегодник. 2010: статистический сборник. Росстат. М., 2010. 813 с.

⁹ Там же.

Таблица 2

Сведения о расходах государственных (муниципальных) образовательных организаций высшего образования в 2013 и 2014 гг., млн рублей*

Table 2. Information on the expenditures of state (municipal) higher educational organizations in 2013 and 2014, mln rubles*

Расходы / Expenses	Российская Федерация / Russian Federation			Образовательные организации высшего образования без г. Москвы / Higher educational organizations without Moscow			г. Москва / Moscow		
	Год / Year		Темпы роста / Growth rate, %	Год / Year		Темпы роста / Growth rate, %	Год / Year		Темпы роста / Growth rate, %
	2013	2014		2013	2014		2013	2014	
Расходы организаций – всего / Total expenditures of organizations	573 603,5	615 646,4	107,3	419 551,2	443 897,3	105,8	154 052,3	171 749,1	111,5
Оплата труда и начисления на оплату труда / Remuneration of labor and charges	366 031,9	399 478,1	109,1	264 932,6	282 367,8	106,6	101 099,4	117 110,3	115,8
Оплата работ, услуг / Payments for works and services	117 914,8	121 810,2	103,3	81 606,1	86 904,7	106,5	36 308,7	34 905,5	96,1
Социальное обеспечение / Social provision	4 961,3	5 466,2	110,2	4 339,0	4 853,5	111,9	622,3	612,7	98,5
Прочие расходы / Other expenditures	84 695,5	88 891,8	105,0	68 673,6	69 771,2	101,6	16 021,9	19 120,6	119,3
Увеличение стоимости основных средств / Increasing the value of capital assets	67 377,5	157 358,4	233,5	48 354,8	38 780,3	80,2	19 022,7	118 578,1	623,4
В том числе: машины и оборудование / including: machines and equipment	30 162,0	24 181,2	80,2	22 868,0	17 146,0	75,0	7 294,0	7 035,2	96,5
из них: вычислительная техника / including: computation devices	5 162,2	4 160,4	80,6	4 237,0	3 060,1	72,2	925,2	1 100,4	118,9
библиотечный фонд / library fund	1 186,0	1 143,4	96,4	973,4	934,8	96,0	212,7	208,7	98,1
прочие виды основных фондов / other capital assets	36 029,4	132 033,8	366,5	24 513,4	20 699,5	84,4	11 516,0	111 334,2	966,8
Увеличение стоимости материальных запасов / Increasing the value of material stock	29 948,6	28 537,7	95,3	24 133,6	22 612,8	93,7	5 815,1	5 924,9	101,9
Расходы на содержание общежитий / Expenditures for hostels maintenance	17 071,9	19 214,1	112,5	13 222,9	14 462,0	109,4	3 849,0	4 752,1	123,5

* *Источник:* Единая информационная система обеспечения деятельности Минобрнауки России. URL: <http://eis.mon.gov.ru> (дата обращения: 30.03.2016).

* *Source:* Integrated Information System of the Russian Ministry of Education and Science, available at: <http://eis.mon.gov.ru> (access date: 30.03.2016).

носителем 2012 г. При этом общие объемы расходов на оплату труда государственных (муниципальных) образовательных организаций высшего образования в 2014 г. составили 399 478,1 млн рублей, что сопоставимо с объемами общих бюджетных расходов 395 753,8 млн рублей. Следовательно, независимо от

того, каким образом происходит перераспределение средств из источников финансирования на обеспечение основной деятельности организаций высшего образования, общие объемы бюджетных средств позволяют покрыть только расходы на оплату труда всех работников, включая преподавателей.

Таблица 3

Расходы на оплату труда государственных (муниципальных) образовательных организаций высшего образования Российской Федерации в 2010–2014 гг.*
Table 3. Expenditures for the remuneration of labor in state (municipal) higher educational organizations in the Russian Federation in 2010–2014*

Расходы / Expenses	Год / Year				
	2010	2011	2012	2013	2014
Млн рублей / mln rubles					
Расходы в целом / Total expenditures	463 447,5	528 775,6	536 709,8	573 603,5	615 646,4
Расходы на оплату труда (с начислениями) из общих расходов / Expenditures for remuneration of labor (with charges) from the total expenditures	279 401,1	310 479,4	335 595,8	366 031,9	399 478,1
Бюджетные расходы / Budget expenditures	270 104,8	309 839,0	324 766,3	357 336,7	395 753,8
Бюджетные расходы на оплату труда (с начислениями) / Budget expenditures for remuneration of labor (with charges)	160 355,3	173 885,4	195 592,9	219 612,4	244 014,3
Темпы роста к предыдущему году / Growth rate compared with the previous year, %					
Расходы в целом / Total expenditures	100,0	114,1	101,5	106,9	107,3
Расходы на оплату труда (с начислениями) из общих расходов / Expenditures for remuneration of labor (with charges) from the total expenditures	102,6	111,1	108,1	109,1	109,1
Бюджетные расходы / Budget expenditures	101,8	114,7	104,8	110,0	110,8
Бюджетные расходы на оплату труда (с начислениями) / Budget expenditures for remuneration of labor (with charges)	104,0	108,4	112,5	112,3	111,1

* *Источники:* данные за 2010–2013 гг. – Образование в Российской Федерации: статистический сборник. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014. 464 с.; данные за 2014 г. Единая информационная система обеспечения деятельности Минобрнауки России. URL: <http://eis.mon.gov.ru> (дата обращения: 30.03.2016).

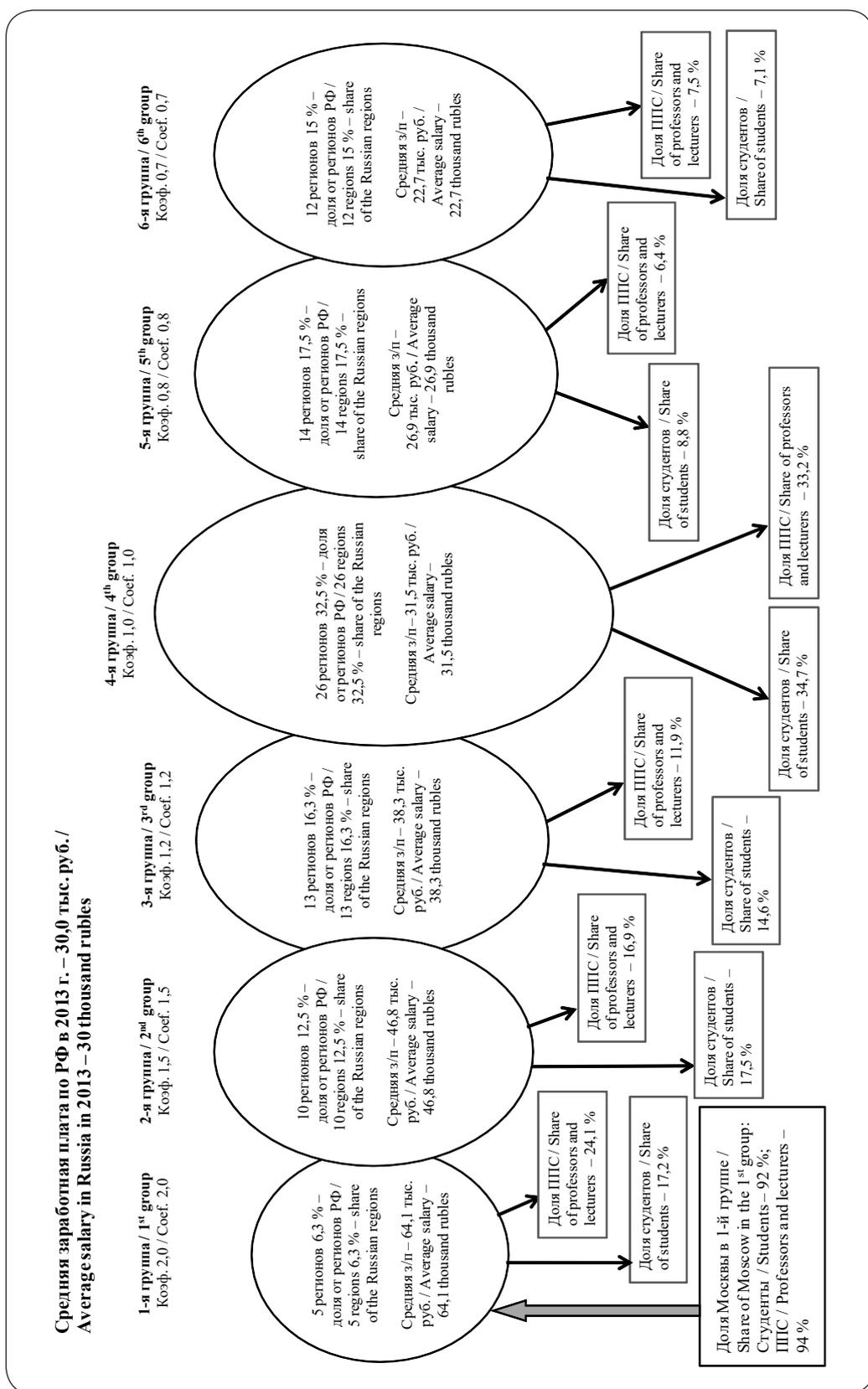
* *Sources:* data of 2010–2013 – Education in the Russian Federation: statistical review. Moscow: National Research University “Higher School of Economics”, 2014. 464 p.; data of 2014 – Integrated Information System of the Russian Ministry of Education and Science, available at: <http://eis.mon.gov.ru> (access date: 30.03.2016).

Для анализа финансовой обеспеченности вузов регионы России в ходе исследования были разбиты авторами статьи на шесть групп в зависимости от отклонения средней региональной заработной платы от средней по России. В первую группу попали регионы, в которых средняя зарплата более чем в два раза отклоняется от средней по России. Во вторую – регионы, в которых отклонение составляет от 1,5 до 2 раз. Третья и пятая группы отклоняются от средней заработной платы по России в пределах 20 % как в положительную, так и отрицательную сторону соответственно. Четвертую группу составляют регионы, в которых заработная плата отличается от средней по России менее чем на 20 %. И, наконец, в шестую группу попали регионы,

в которых заработная плата более чем на 30 % ниже среднероссийского уровня.

Финансовое обеспечение вузов по заработной плате сильно дифференцировано по регионам в зависимости от численности студентов и ППС (рис. 5). В отдельных регионах для выполнения обязательств по повышению заработной платы ППС фонд оплаты труда (далее – ФОТ) в нормативе финансирования повышается до 85 %.

Однако для того, чтобы обеспечить к 2018 г. намеченное увеличение на 200 % относительно среднемесячной заработной платы по экономике при сложившейся дифференциации по регионам необходимо практически на 30 % увеличивать объемы бюджетного финансирования на высшее образование (рис. 6).

Рис. 5. Региональные группы по заработной плате с учетом доли численности студентов и профессорско-преподавательского состава, %*

* Источник: данные Аналитического компонента Комплексной системы управления финансами Минобрнауки России. URL: <http://fin.edu.ru/web/minobr> (дата обращения: 15.10.2015).

* Source: data of the Analytical component of the Integrated system of Financial Management of Education and Science, available at: <http://fin.edu.ru/web/minobr> (access date: 15.10.2015).

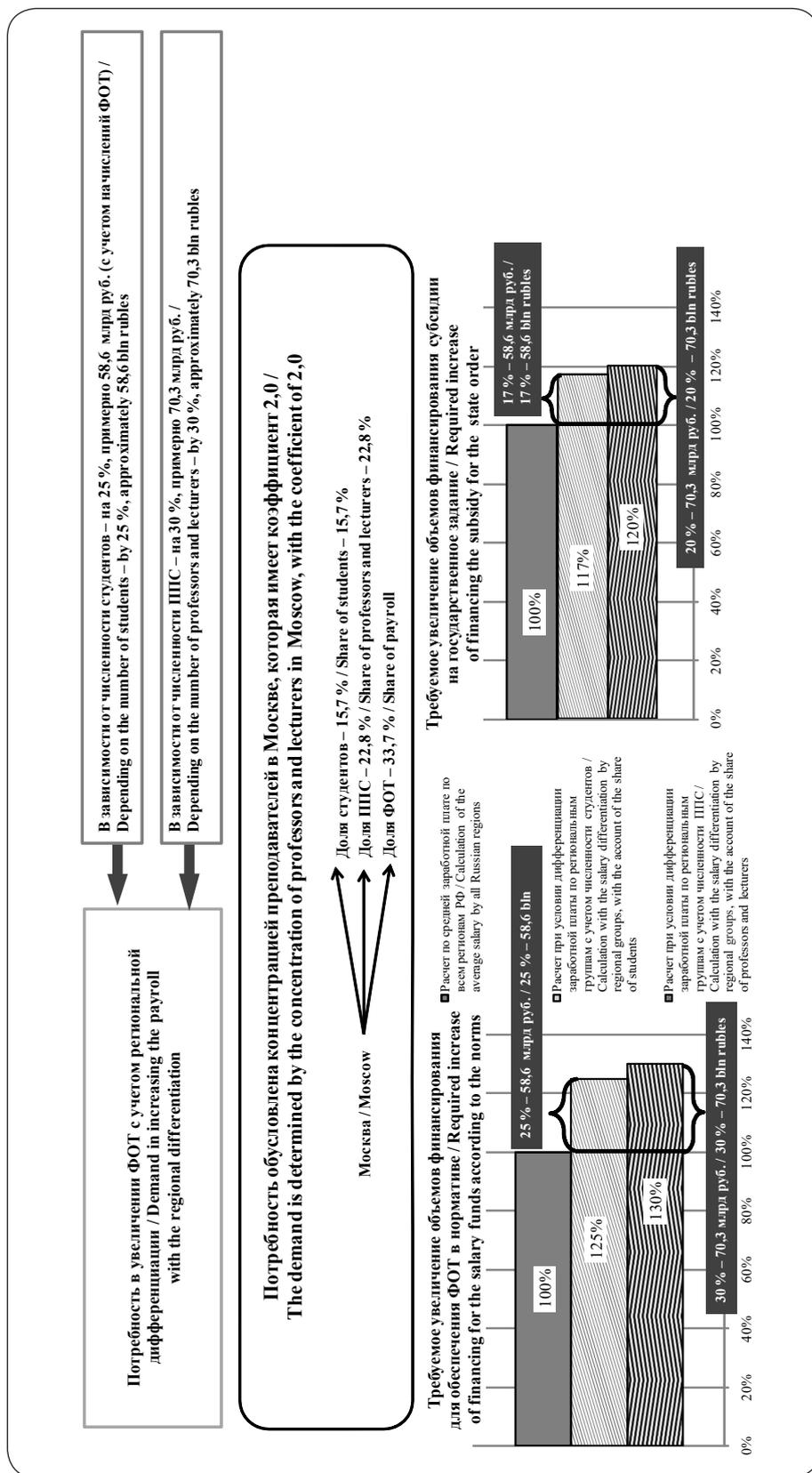

Рис. 6. Оценка дополнительных объемов финансирования высшего образования при увеличении оплаты труда профессорско-преподавательского состава в условиях региональной дифференциации*

* Источник: составлено авторами.

Fig. 6. Estimation of additional financing of higher education for the increased salary of the lecturers and professors under regional differentiation*

* Source: compiled by the authors.

Завышенные обязательства могут привести к дефициту бюджетных средств в условиях выполнения обязательств на реализацию мер по повышению средней заработной платы преподавателей организаций высшего образования до 200 % от средней заработной платы. Объем субсидии покрывает только расходы вузов на оказание услуг¹⁰: фонд оплаты труда с начислениями и учебные расходы. В результате доля фонда оплаты труда в нормативе финансирования повышается до 85 %, на другие расходы, связанные с содержанием имущественного комплекса и обеспечением учебного процесса, бюджетных ассигнований не хватает, что ставит под угрозу качество учебного процесса.

Подводя итоги, можно констатировать, что расходы федерального бюджета недостаточны для обеспечения перехода на эффективный контракт высшего образования. Фактически нехватка средств подталкивает вузы к следующим сценариям развития:

– либо выполняется эффективный контракт ППС, но при этом под угрозой недофинансирования остается имущественный комплекс, его содержание и развитие;

– либо выполняются обязательства по содержанию имущественного комплекса и материального обеспечения учебного процесса, но тогда выделенные бюджетные ассигнования не позволяют перейти к эффективному контракту ППС.

Список литературы

1. Сценарии устойчивого финансирования высшего образования / Д. Салми, А. П. Шадрикова, Я. А. Вазякова, Т. А. Мешкова // Вестник международных организаций. 2010. № 1. С. 79–95.
2. Rozada M. G., Menendez A. Public University in Argentina: subsidizing the rich? // Economics of Education Review. 2002. No. 21. Pp. 341–351.
3. Caner A., Okten C. Higher education in Turkey: Subsidizing the rich or the poor? // Economics of Education Review. 2013. No. 35. Pp. 75–92.

¹⁰ Без учета расходов на оплату коммунальных, транспортных услуг, услуг связи и расходов на содержание имущества организаций высшего образования, утвержденных в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации № 640 «О порядке формирования государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) в отношении федеральных государственных учреждений и финансового обеспечения выполнения государственного задания» от 26.06.2015.

4. Partanen A. What Americans keep ignoring about Finland's school success. From The Atlantic Mobile. December 29, 2011. URL: <http://m.theatlantic.com/national/archive/2011/12/what-americans-keep-ignoring-about-finlands-school-success/250564/> (дата обращения: 07.07.2015).

5. Sahlberg P. Finnish Lessons. What can the world learn from educational change in Finland? New York: Teachers College Columbia University, 2011. 208 p.

6. Wolff E., Baumol W., Saini A. A comparative analysis of education costs and outcomes: The United States vs. other OECD countries // Economics of Education Review. 2014. No. 39. Pp. 1–21.

7. Bruckmeier K., Wigger B.U. The effects of tuition fees on transition from high school to university in Germany // Economics of Education Review. 2014. No. 41. Pp. 14–23.

8. Hübner M. Do tuition fees affect enrolment behavior? Evidence from a 'natural experiment' in Germany // Economics of Education Review. 2012. No. 31. Pp. 949–960.

9. Berger M., Kostal T. Financial resources, regulation, and enrollment in US public higher education // Economics of Education Review. 2002. No. 21. Pp. 101–110.

10. Impact of the economic crisis on European universities. European University Association. January 2011. URL: http://www.eua.be/Libraries/Newsletter/Economic_monitoringJanuary2011final.sflb.ashx (дата обращения: 22.07.2015).

11. Barro R. J. Economic growth in a cross section of countries // Quarterly Journal of Economics. 1991. Vol. 106. No. 2. Pp. 407–443.

12. Корицкий А. В. Человеческий капитал как фактор экономического роста регионов России. Новосибирск: Сибирский университет потребительской кооперации, 2010. 368 с.

13. Тенденции изменения общественного спроса на высшее образование в современной России / И. В. Абанкина, Т. В. Абанкина, Л. М. Филатова, Е. А. Николаенко // Вопросы образования. 2012. № 3. С. 88–112.

14. Abankina I., Abankina T., Filatova L., Nikolayenko E., Seroshtan E. The effects of reform on the performance of higher education institutions // Journal of Applied Research in Higher Education. 2012. Vol. 4. No. 1. Pp. 23–41.

15. Abankina I. V., Aleskerov F. T., Belousova V., Gokhberg L., Zinkovsky K., Kiselgof S. G., Petrushchenko S., Shvydun S. V. Performance-Based Typology Of Universities: Evidence From Russia // Working papers by NRU Higher School of Economics. Series WP BRP «Science, Technology and Innovation». 2015. No. WP BRP 33/STI/2015.

16. Модель многоступенчатого выбора для прогнозирования поведения спроса на высшее образование / И. В. Абанкина, Т. В. Абанкина, Ф. Т. Алескеров, К. В. Зинковский, Д. Л. Огороднийчук, Л. М. Филатова, П. В. Деркачев, Е. А. Николаенко, Э. С. Сероштан, Л. Г. Егорова // Университетское управление: практика и анализ. 2014. № 4–5 (92–93). С. 84–94.

17. Carnoy M., Loyalka P., Dobryakova M. S., Dossani R., Froumin I., Kuhns K., Tilak J. B., Rong W. University Expansion in a Changing Global Economy: Triumph of the BRICs? Stanford University Press. Stanford. CA. 2013. 404 p.
18. Abankina I. V., Scherbakova I. Russian Higher Education Reforms and the Bologna Process // Journal of the European Higher Education Area. 2013. No. 3. Pp. 3–25.
19. Abankina I. V., Filatova L. Sustaining Student Enrolment: Impact of Demand Trends for Higher Education in Russia // Journal of US-China Public Administration. 2015. Vol. 12. No. 5. Pp. 345–359.
20. Абанкина И. Тенденции общественного спроса на образование в России // Федеральный справочник. Образование в России. Т. 9. М.: Издательский центр «Президент», 2013. С. 69–77.
21. Abankina I., Abankina T., Filatova L., Nikolayenko E. Education Development Trends in Russia // Journal of US-China Public Administration. 2012. Vol. 9. No. 10. Pp. 1198–1214.

Дата поступления 08.04.16

Дата принятия в печать 11.05.16

© Абанкина И. В., Абанкина Т. В., Филатова Л. М., 2016. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимпат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.ieml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторах

Абанкина Ирина Всеволодовна, кандидат экономических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Адрес: 101000, г. Москва, Потаповский пер., 16/10, тел.: +7 (495) 772-95-90*22073

E-mail: abankinai@hse.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1251-432X>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/K-5364-2015>

Абанкина Татьяна Всеволодовна, кандидат экономических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Адрес: 115054, г. Москва, ул. Малая Пионерская, 12, тел.: +7 (495) 772-95-90

E-mail: abankinat@hse.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0696-1809>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/K-5928-2015>

Контактное лицо:

Филатова Людмила Михайловна, кандидат экономических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Адрес: 101000, г. Москва, Потаповский пер., 16/10, тел.: +7 (495) 772-95-90*22079

E-mail: lmfilatova@hse.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6521-4913>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/K-5336-2015>

I. V. ABANKINA¹,

T. V. ABANKINA¹,

L. M. FILATOVA¹

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

THE PITFALLS OF DIFFERENTIATION IN THE FINANCING OF RUSSIAN UNIVERSITIES

Objective: to identify the causes and consequences of the increasing stratification of higher educational institutions by the volumes and sources of financing, as well as by the areas of training.

Methods: during the research we used methods of statistical and economic analysis of the results of the universities' activities. Using econometric models, the relationships were estimated of the resource base of higher education, industrial and economic potential of Russian regions; an empirical analysis of factors influencing the increasing public demand for higher education was conducted.

Results: the trends of structural changes in the demand for higher education in Russia during the period from 2001 to 2014 were described, the regional differentiation of financial provision of higher educational institutions in the transition to effective contract work was evaluated. The major risks were identified, associated with: the structural mismatch of the demand for higher education from families and the offer of admission quotas for the budget-funded education; with increasing regional differentiation, which provokes the separation of the Russian universities by the volumes and sources of financial provision; with high commitments to increase the salaries of the teaching staff leading to a shortage of funds for maintenance of the property complex and ensuring of the educational process, which jeopardizes the quality of educational programs' implementation.

Scientific novelty: basing on the empirical analysis using econometric models, the tendencies are identified of structural changes in the demand for higher education in the Russian regions; the impact is assessed of the economic crisis and the payable demand of families on the financial provision of universities; risks are identified and justified in the differentiation of Russian universities' financing.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used by experts in the field of Economics and Management in designing financial provision and development strategies of higher educational organizations.

Keywords: Economy and national economy management; Demand for higher education; Training areas; Target admission; Number of students; Paid training; Sources of income of universities; Salary of the teaching staff

Acknowledgements. The project was implemented within the framework of National Research University "Higher school of Economics" (NRU HSE) for the testing of the Analytical component of the Integrated system of financial management of the Russian Ministry of Education and Science in 2015.

References

1. Salmi, D., Shadrıkova, A. P., Vazyakova, Ya. A., Meshkova, T. A. Stsenarii ustoychivogo finansirovaniya vysshogo obrazovaniya (Scenarios of sustainable funding of higher education), *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*, 2010, No. 1, pp. 79–95 (in Russ.).
2. Rozada, M. G., Menendez, A. Public University in Argentina: subsidizing the rich? *Economics of Education Review*, 2002, No. 21, pp. 341–351.
3. Caner, A., Okten, C. Higher education in Turkey: Subsidizing the rich or the poor? *Economics of Education Review*, 2013, No. 35, pp. 75–92.
4. Partanen, A. What Americans keep ignoring about Finland's school success. From The Atlantic Mobile, 2011, December 29, available at: <http://m.theatlantic.com/national/archive/2011/12/what-americans-keep-ignoring-about-finlands-school-success/250564/> (access date: 07.07.2015).
5. Sahlberg, P. Finnish Lessons. What can the world learn from educational change in Finland? *New York: Teachers College Columbia University*, 2011, 208 p.
6. Wolff, E., Baumol, W., Saini, A. A comparative analysis of education costs and outcomes: The United States vs. other OECD countries, *Economics of Education Review*, 2014, No. 39, pp. 1–21.
7. Bruckmeier, K., Wigger, B. U. The effects of tuition fees on transition from high school to university in Germany, *Economics of Education Review*, 2014, No. 41, pp. 14–23.
8. Hübner, M. Do tuition fees affect enrolment behavior? Evidence from a 'natural experiment' in Germany, *Economics of Education Review*, 2012, No. 31, pp. 949–960.
9. Berger, M., Kostal, T. Financial resources, regulation, and enrollment in US public higher education, *Economics of Education Review*, 2002, No. 21, pp. 101–110.
10. *Impact of the economic crisis on European universities*. European University Association, January 2011, available at: http://www.eua.be/Libraries/Newsletter/Economic_monitoringJanuary2011final.sflb.ashx. (access date: 22.07.2015).
11. Barro, R. J. Economic growth in a cross section of countries, *Quarterly Journal of Economics*, 1991, vol. 106, No. 2, pp. 407–443.
12. Korickiy, A. V. *Chelovecheskiy kapital kak faktor ekonomicheskogo rosta regionov Rossii* (Human capital as a factor of economic growth in Russian regions), Novosibirsk: Sibirskiy universitet potrebitelskoy kooperatsii, 2010, 368 p. (in Russ.).
13. Abankina, I. V., Abankina, T. V., Filatova, L. M., Nikolayenko, E. A. Tendentsii izmeneniya obshchestvennogo sprosа na vysshee obrazovanie v sovremennoy Rossii (Trends in the social demand for higher education in modern Russia), *Voprosy obrazovaniya*, 2012, No. 3, pp. 88–112 (in Russ.).
14. Abankina, I., Abankina, T., Filatova, L., Nikolayenko, E., Seroshtan, E. The effects of reform on the performance of higher education institutions, *Journal of Applied Research in Higher Education*, 2012, No. 4 (1), pp. 23–41.
15. Abankina, I. V., Aleskerov, F. T., Belousova, V., Gokhberg, L., Zinkovsky, K., Kiselgof, S. G., Petrushchenko, S., Shvydun, S. V. Performance-Based Typology Of Universities: Evidence From Russia, *Working papers by NRU Higher School of Economics. Series WP BRP "Science, Technology and Innovation"*, 2015, No. WP BRP 33/STI/2015.
16. Abankina, I. V., Abankina, T. V., Aleskerov, F. T., Zinkovsky, K. V., Ogorodniychuk, D. L., Filatova, L. M., Derkachev, P. V., Nikolayenko, E. A., Seroshtan, E. S., Egorova, L. G. Model mnogostupenchatogo vybora dlya prognozirovaniya povedeniya sprosа na vysshee obrazovanie (Model of multi-stage choice for predicting the demand for higher education), *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 2014, No. 4–5 (92–93), pp. 84–94 (in Russ.).
17. Carnoy, M., Loyalka, P., Dobryakova, M. S., Dossani, R., Froumin, I., Kuhns, K., Tilak, J. B., Rong, W. *University Expansion in a Changing Global Economy: Triumph of the BRICs?* Stanford University Press, Stanford, CA, 2013, 404 p.
18. Abankina, I. V., Scherbakova, I. Russian Higher Education Reforms and the Bologna Process, *Journal of the European Higher Education Area*, 2013, No. 3, pp. 3–25.

19. Abankina, I. V., Filatova, L. Sustaining Student Enrolment: Impact of Demand Trends for Higher Education in Russia, *Journal of US-China Public Administration*, 2015, No. 12 (5), pp. 345–359.

20. Abankina, I. V. Tendentsii obshchestvennogo sprosа na obrazovanie v Rossii (Trends in public demand for education in Russia), *Federalnyi spravochnik. Obrazovanie v Rossii*, Moscow: Izdatelskiy tsentr "Prezident", 2013, No. 9, pp. 69–77 (in Russ.).

21. Abankina, I., Abankina, T., Filatova, L., Nikolayenko, E. Education Development Trends in Russia, *Journal of US-China Public Administration*, 2012, No. 9 (10), pp. 1198–1214.

Received 08.04.16

Accepted 11.05.16

© Abankina I. V., Abankina T. V., Filatova L. M., 2016. Originally published in *Actual Problems of Economics and Law* (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; Licensee Tatar Educational Centre "Taglimat". This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), which permits unrestricted use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work, first published in *Actual Problems of Economics and Law*, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.

Information about the authors

Irina V. Abankina, PhD (Economics), Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics

Address: 16/10 Potapovskiy pereulok, 101000, Moscow, tel.: +7 (495) 772-95-90*22073

E-mail: abankinai@hse.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1251-432X>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/K-5364-2015>

Tatyana V. Abankina, PhD (Economics), Professor, National Research University Higher School of Economics

Address: 12 Malaya Pionerskaya, 115054, Moscow, tel.: +7 (495) 772-95-90

E-mail: abankinat@hse.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0696-1809>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/K-5928-2015>

Contact:

Liudmila M. Filatova, PhD (Economics), National Research University Higher School of Economics

Address: 16/10 Potapovskiy pereulok, 101000, Moscow, tel.: +7 (495) 772-95-90*22079

E-mail: lmfilatova@hse.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6521-4913>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/K-5336-2015>

For citation: Abankina I. V., Abankina T. V., Filatova L. M. The pitfalls of differentiation in the financing of Russian universities, *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, vol. 10, No. 2, pp. 38–58.

УДК 336.22:330.13

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.2.59-67>

Как цитировать статью: Бондарева Н. А. Влияние трансакционных издержек на контрольную деятельность территориальных налоговых органов // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 2. С. 59–67.

Н. А. БОНДАРЕВА¹

¹ *Московский финансово-промышленный университет «Синергия», г. Москва, Россия*

ВЛИЯНИЕ ТРАНСАКЦИОННЫХ ИЗДЕРЖЕК НА КОНТРОЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ

Цель: раскрытие и обоснование трансакционных издержек контрольной деятельности территориальных налоговых органов и их влияния на налоговый контроль в условиях необходимости эффективной деятельности и принятия оптимальных решений для сокращения расходов государства на налоговый контроль.

Методы: общенаучные (синтез, дедукция, индукция, обобщение, тестирование, опрос, наблюдение, прогнозирование, научная абстракция, статистический анализ, логический), а также приемы группировки и классификации, экспертной оценки.

Результаты: проведены анализ и группировка трансакционных издержек контрольной деятельности территориальных налоговых органов. Выявлено, что наиболее затратными по времени и ресурсам являются выездные налоговые проверки, а также установлены факторы, оказывающие значительное влияние на эффективность налогового контроля. Обосновано, что высвобождение материальных и временных ресурсов способствует трансформации налоговых органов.

Научная новизна: основной проблемой осуществления выездного налогового контроля является его затратность. В имеющихся исследованиях не систематизированы издержки налогового контроля территориальных налоговых органов вообще и трансакционные издержки налогового контроля в частности. Автором показано, что сокращение трансакционных издержек как факторов влияния на налоговый контроль высвободит рабочее время проверяющих и принесет экономический эффект, а также позволит укрупнить территориальные налоговые органы, изменить статус налогового инспектора.

Практическая значимость: снижение затратности налогового контроля, что приобретает все большую значимость в условиях экономии финансовых ресурсов государства.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; налоговый контроль; трансакционные издержки; факторы налогового контроля; трансформация налоговых органов

Введение

С развитием институциональных систем, усложнением их взаимосвязей трансакционные издержки занимают все более важное место в деятельности их субъектов. Теорией трансакционных издержек занимались Д. Норт [1], Р. Коуз [2], К. Эрроу [3], К. Менар [4], А. Алчян и Г. Демсец [5] и другие ученые-экономисты, которые дали определения издержкам рассматриваемой категории, разработали различные классификации, обосновали их значимость и экономическую сущность.

Категория трансакционных издержек была введена в экономическую науку в 1930-е гг. Р. Коузом и ныне

получила широкое распространение. В своей статье «Природа фирмы» он определил трансакционные издержки как издержки функционирования рынка, способствующие увеличению доходов фирмы при одновременном их сокращении на производстве. Он приветствует внедрение улучшений для взаимного замещения: «Все новшества, которые улучшают технику управления, способствуют увеличению размеров фирмы» [2, с. 19].

В 1990-е гг. К. Менар классифицировал трансакционные издержки, выделив издержки вычленения, информационные, издержки масштаба, поведения [4]. Для рассматриваемой в статье проблемы актуальными

являются все вышеперечисленные пункты приведенной классификации.

Трансакции появляются там, где существуют временные и ресурсные факторы, оказывающие большое влияние на принятие решений оценочного характера. Трансакционные издержки могут касаться любых структур, в которых есть централизованное принятие решений [6, 7]. Так, для оценки эффективности проведенной деятельности одного субъекта по обеспечению (анализу, контролю) прав, обязанностей данного или другого субъекта необходимо затратить средства и время, причем основным направлением этой деятельности будет поиск информации и ее мониторинг, предупреждение оппортунистического поведения субъекта, проведение консультаций, подготовка и участие в судах и др. [8, с. 21–22]. Количество трансакционных издержек может влиять на развитие субъекта, а также на его институциональную среду, изменяя ее [9]. А. А. Алчян, Г. Демсец при изучении трансакционных издержек обратили внимание на увеличение эффективности деятельности при нахождении способа беззатратного контроля и тем самым возможности повышения денежных выплат [5].

В современной институциональной среде территориальные налоговые органы выполняют сложную, экономически значимую работу по наполнению доходной части бюджета государства [10, с. 79–85]. Учитывая основное назначение данного подразделения Федеральной налоговой службы (далее – ФНС) России – осуществление налогового контроля, государство ищет пути экономии средств на осуществление контроля при постоянном увеличении налоговых перечислений в бюджет [11]. Упростить контроль, сделать его более рациональным и при этом более эффективным – сложная задача [12]. В настоящее время она решается путем создания и внедрения программных продуктов, позволяющих контролировать достоверность показателей хозяйственной деятельности налогоплательщиков. При этом остается нетронутым изучение организации труда налоговых инспекторов.

На данный момент ни один нормативный правовой акт не регламентирует издержки осуществления налогового контроля, хотя ФНС в «Концепции кадровой политики» ставит целью в ближайшей перспективе сделать налоговый контроль эффективным, гибким,

отвечающим запросам экономики и общества¹, при этом не затрагивая пути сокращения издержек самого процесса контрольной работы. Другим документом предусматривается оптимизация деятельности налоговых органов с учетом эффективности затрат на ее осуществление, но за счет оптимизации структуры территориальных органов ФНС (перераспределения персонала), перехода на риск-ориентированное планирование проверок внутреннего аудита, внедрения автоматизированной информационной системы нового поколения АИС «Налог-3»². Издержки же налогового контроля регламентирует только ст. 131 гл. 17 Налогового кодекса РФ «Издержки, связанные с осуществлением налогового контроля»³ в отношении следующих лиц: свидетелей, переводчиков, специалистов, экспертов и понятых, а также судебных издержек, что объясняется привлечением специалистов других организаций для выполнения своих профессиональных обязанностей и оплатой их труда. Авторские разработки, касающиеся трансакционных издержек и их сокращения, отсутствуют.

Целью статьи является выявление трансакционных издержек налогового контроля непосредственно в деятельности работников территориального налогового органа, поиск путей их сокращения.

Результаты исследования

Наиболее затратными по времени и ресурсам являются выездные налоговые проверки, направленные на получение информации по месту нахождения налогоплательщика. Налоговые органы постоянно

¹ Приказ Федеральной налоговой службы № ММВ-7-4/436@ «Об утверждении Концепции кадровой политики Федеральной налоговой службы» от 11.07.2011. В данном документе определены цели и задачи кадровой политики, которые состоят в развитии системы управления кадровым потенциалом налоговых органов, основанной на рациональном планировании подготовки и подбора кадров, использовании современных образовательных технологий и эффективных мотивационных механизмов, позволяющих обеспечить налоговые органы персоналом, способным на высоком профессиональном уровне решать задачи повышения качества налогового администрирования.

² Приказ Федеральной налоговой службы № ММВ-7-12/303@ «Об утверждении Стратегической карты ФНС России на 2015–2019 гг.» от 22.07.2015. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71043968/#ixzz3tp3ykZ6P> (дата обращения: 01.12.2015).

³ URL: http://kodeks.systems.ru/nk_rf/ (дата обращения: 01.12.2015).

осуществляют оценку информации на достоверность, существенность, достаточность [13, 14].

Трансакционные издержки налогового контроля, предложенные экспертами, классифицированы по группам (табл. 1):

- получение и обработка информации;
- обработка и передача документов;
- доначисления;
- процедуры проверки;
- судебные разбирательства.

Таблица 1

Группировка трансакционных издержек*
 Table 1. Grouping of transactional costs*

Группы издержек / Groups of costs	Трансакционные издержки / Transactional costs
Получение и обработка информации / Obtaining and processing of information	Поиск информации из внутренних источников / Search of information in the internal sources
	Поиск информации из внешних источников / Search of information in the external sources
	Обработка информации в ИФНС / Processing the information in the tax inspection
	Обработка информации инспектором / Processing the information by the inspector
	Ожидание информации / Waiting for the information
Обработка и передача документов / Processing and delivery of documents	Обработка документов в камеральном отделе / Processing the documents in the office
	Обработка документов в аналитическом отделе / Processing the documents in the analytical department
	Обработка документов в отделе истребования документов / Processing the documents in the "Discovery of documents" department
	Передача документов в другие отделы / Transferring the documents to other departments
	Составление и передача документов в другой орган / Working out the documents and transferring them to other bodies
Доначисления / Extra charges	Анализ показателей для доначисления в камеральном отделе / Analysis of indicators for extra charges in the office
	Проведение допросов / Interrogations
	Проведение повторных проверок / Double checks
Процедуры проверки / Check procedures	Проведение выемки документов / Extraction of documents
	Проведение осмотра помещения / Examination of premises
	Экспертиза / Expertise
	Оформление результатов проверки / Presentation of results
Судебные разбирательства / Court procedures	Досудебный аудит / Pre-court audit
	Подготовка к суду / Preparation for the court
	Судебные расходы / Court costs

* Источник: составлено автором.

* Source: compiled by the author.

Трансакционные издержки являются факторами, влияющими на продолжительность и эффективность проверки. Анализ выявленных факторов отражает влияние издержек на проведение налогового контроля. Их исследование представляет большую сложность, так как на них влияют различные условия, большинство из которых не поддается количественной оценке с помощью определенного показателя [15].

В целях систематизации факторов и установления их значимости для обеспечения эффективности налогового контроля следует использовать такой метод, который позволяет обработать содержание факторов и балльной оценки их взаимного влияния. Для этого использован метод экспертной оценки [16, с. 54–60]. Он дает возможность установить степень актуальности фактора, выявить взаимосвязи между наиболее важными факторами и выбрать предпочтительные альтернативы.

Метод экспертной оценки предусматривал выполнение работы в два этапа. Первый этап заключался в выявлении автором исследования круга экспертов, которым было предложено определить факторы, влияющие на эффективность налогового контроля. Экспертная группа формировалась из специалистов, имеющих опыт работы в отделе выездных проверок, занимающих штатные должности в налоговых инспекциях⁴.

Путем сравнения факторов между собой по каждой группе эксперты присваивали факторам количество баллов по степени их весомости. Если весомость данного фактора, по мнению эксперта, выше другого, с которым он сравнивался, ему присваивался один балл. Если следующий фактор оказывался более весомым, чем этот, то присваивался еще один балл, и так до 4 баллов. Если весомость факторов одинакова, то им присваивалось одинаковое количество баллов.

Для выявления значимости факторов была составлена анкета, в которой экспертами проводилась их оценка. Все факторы были сформированы в пять групп соответственно выявленным издержкам. Ре-

⁴ Экспертная группа состояла из восьми налоговых инспекторов, являющихся работниками разных налоговых инспекций отделов выездных налоговых проверок. Так как в каждой ИФНС их по одному, то это число репрезентативно. Исследование показало, что трансакционные издержки выездных отделов можно экстраполировать на все ИФНС страны.

зультаты экспертного опроса, касающегося факторов эффективности налогового контроля, приведены в табл. 2⁵.

Из данных табл. 2 видно, что наибольшее влияние на эффективность налогового контроля оказывают факторы доначисления и судебные разбирательства. Процедуры проведения налоговой проверки также затратны по времени, так как они включают осмотры помещений, выемку документов с оформлением

протоколов и процедурами идентификации, экспертизы и анализа. Получение и обработка информации наименее затратны и оказывают самое малое влияние на эффективность проведения налогового контроля.

В табл. 3 проведено ранжирование факторов по степени их влияния на эффективность налогового контроля. Проведенные исследования позволили выявить факторы, оказывающие значительное влияние на эффективность налогового контроля.

Таблица 2

Результаты экспертного опроса*
Table 2. Results of the experts' survey*

Сравниваемые факторы / Compared factors	Эксперты / Experts								Сумма баллов / Sum of scores	Средняя оценка / Average score	Средняя цена по фактору / Average score of the factor
	1	2	3	4	5	6	7	8			
Поиск информации из внутренних источников / Search of information in the internal sources	2	1	2	1	1	2	2	1	12	1,3	1,9
Поиск информации из внешних источников / Search of information in the external sources	1	1	1	3	1	3	3	2	15	1,6	
Обработка информации в ИФНС / Processing the information in the tax inspection	3	1	3	1	1	1	2	2	14	1,5	
Обработка информации инспектором / Processing the information by the inspector	4	2	4	4	3	4	3	3	31	3,4	
Ожидание информации / Waiting for the information	1	3	1	3	1	2	3	3	17	1,8	1,7
Обработка документов в камеральном отделе / Processing the documents in the office	3	2	3	3	2	2	3	3	21	2,3	
Обработка документов в отделе истребования документов / Processing the documents in the "Discovery of documents" department	1	2	1	3	2	1	3	2	15	1,6	
Передача документов в другие отделы / Transferring the documents to other departments	1	2	1	1	2	1	2	1	11	1,2	
Составление и передача документов в другой орган / Working out the documents and transferring them to other bodies	3	3	2	3	3	1	1	1	17	1,8	2,4
Анализ показателей для доначисления в камеральном отделе / Analysis of indicators for extra charges in the office	2	1	2	4	4	2	4	4	23	2,5	
Проведение повторных проверок / Double checks	2	3	2	3	2	3	4	2	21	2,3	
Проведение допросов / Interrogations	4	3	2	3	2	3	4	2	23	2,5	
Проведение выемки документов / Extraction of documents	2	3	1	3	2	3	2	2	15	1,6	2,3
Оформление результатов проверки / Presentation of results	3	4	3	2	4	4	3	2	25	2,7	
Проведение осмотра помещения / Examination of premises	3	2	3	3	3	3	2	3	22	2,4	
Экспертиза / Expertise	3	1	1	1	4	3	4	4	21	2,3	
Подготовка к суду / Preparation for the court	2	2	2	1	3	2	1	1	14	1,5	2,4
Судебные расходы / Court costs	3	4	4	4	4	3	4	2	28	3,1	

* *Источник:* составлено автором.

* *Source:* compiled by the author.

⁵ Указанная классификация трансакционных издержек выездного налогового контроля ранее не приводилась другими авторами.

Таблица 3
Ранжирование факторов налогового контроля*
Table 3. Ranking the factors of tax control*

Наименование факторов / Factors	Ранговая оценка / Ranking
Получение и обработка информации / Obtaining and processing of information	1,9
Обработка и передача документов / Processing and delivery of documents	1,7
Доначисления / Extra charges	2,4
Процедуры проверки / Check procedures	2,3
Судебные разбирательства / Court procedures	2,4

* *Источник:* составлено автором.

* *Source:* compiled by the author.

Установлено, что издержки имеют интервал влияния – 25 %:

1 балл – 0–25 %; 2 балла – 26–50 %; 3 балла – 51–75 %; 4 балла – 76–100 %.

Расчет коэффициентов влияния факторов на эффективность налогового контроля позволит провести экономический анализ высвобождения рабочего времени и в дальнейшем сэкономить на заработной плате инспекторов выездных проверок [17].

Современные электронные технологии автоматизированной информационной системы «Налог», внедренные в налоговый контроль, оптимизируют процесс камерального контроля, сокращая издержки на получение информации о расчетах с бюджетом и на ввод информации в базу данных. Дальнейшие разработки и внедрение автоматизации деятельности камеральных отделов смогут значительно минимизировать объемы их работы, тем самым сократить количество сотрудников подразделения Инспекции Федеральной налоговой службы (далее – ИФНС), сэкономить суммы заработной платы, а также суммы платежей в государственные социальные внебюджетные фонды. По итогам автоматизированного камерального контроля информационные системы смогут выявить налогоплательщиков, подлежащих выездному налоговому контролю⁶. В большинстве стран тен-

⁶ В данной статье не рассматриваются транзакционные издержки камерального налогового контроля, так как они менее затратны, носят аналитический характер и могут успешно автоматизироваться с помощью специальных компьютерных программ, которые внедряются ФНС РФ в настоящее время. Так, в Великобритании существует система отбора деклараций

денция к созданию центра или агентства становится общепринятой, за исключением Германии и Швеции. Канада приняла эту систему в конце 1999 г. (ADCR), а Италия – в 2002 г. (АЕ) [18]. Анализ полученной информации, ее дальнейшее применение, подготовка по полученным результатам последующего контроля ложится на инспектора выездных налоговых проверок.

На основании вышеизложенного можно предположить, что высвободившиеся финансовые ресурсы камерального контроля могут увеличить заработную плату работникам выездных налоговых проверок, их количество и создать централизованный налоговый контроль, объединив несколько ИФНС в одно подразделение, сократив также затраты государства на их содержание. Функции центра налогового контроля должны быть направлены на сокращение затрат на налоговый контроль и повышать суммы налоговых платежей, отвечать принципам демократизации отношений налоговых органов и налогоплательщиков (рис. 1).

Таким образом, трансформация налогового контроля упорядочит контрольную работу, статус налогового инспектора возрастет. Это имеет большое значение не только для налогоплательщика, но и для общества в целом. Прежде всего, статус определяется высоким профессионализмом, предполагающим владение определенными профессиональными компетенциями (рис. 2) [19, с. 253].

В зарубежных налоговых системах налоговый инспектор занимается не только выявлением правонарушений, но и расследует обстоятельства их возникновения для дальнейшего избегания, что требует от него глубоких правовых и экономических знаний [20, с. 168–169]. Например, в Германии ключевые должности в инспекциях занимают юристы [21, с. 160–163].

Важным в налогообложении, и в частности в налоговом контроле, является налоговое консультирование, так как предупреждение правонарушений в этой сфере и формирование готовности уплаты налога

с помощью специальной компьютерной программы – системы PRISE (начальная сортировка деклараций). В основу ее работы заложены оценка и выявление факторов риска, таких как род деятельности налогоплательщика, значительные изменения в структуре расходов и т. д. Затем система суммирует эти факторы и выносит рекомендации для отбора налогоплательщиков, которые будут подвергнуты аудиторской проверке. С применением PRISE стало возможно учитывать самую разнообразную информацию, полученную на всех уровнях и из всех баз данных.

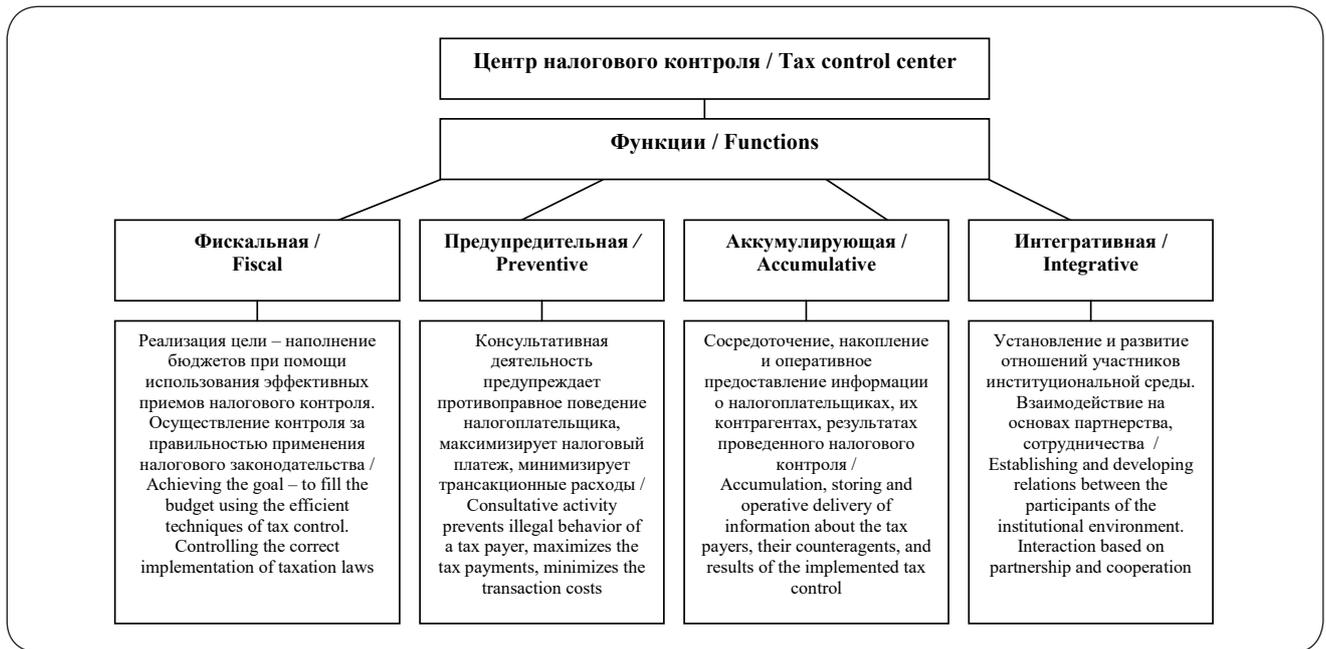

Рис. 1. Функции центра налогового контроля*

* Источник: составлено автором.

Fig. 1. Functions of the tax control center*

* Source: compiled by the author.

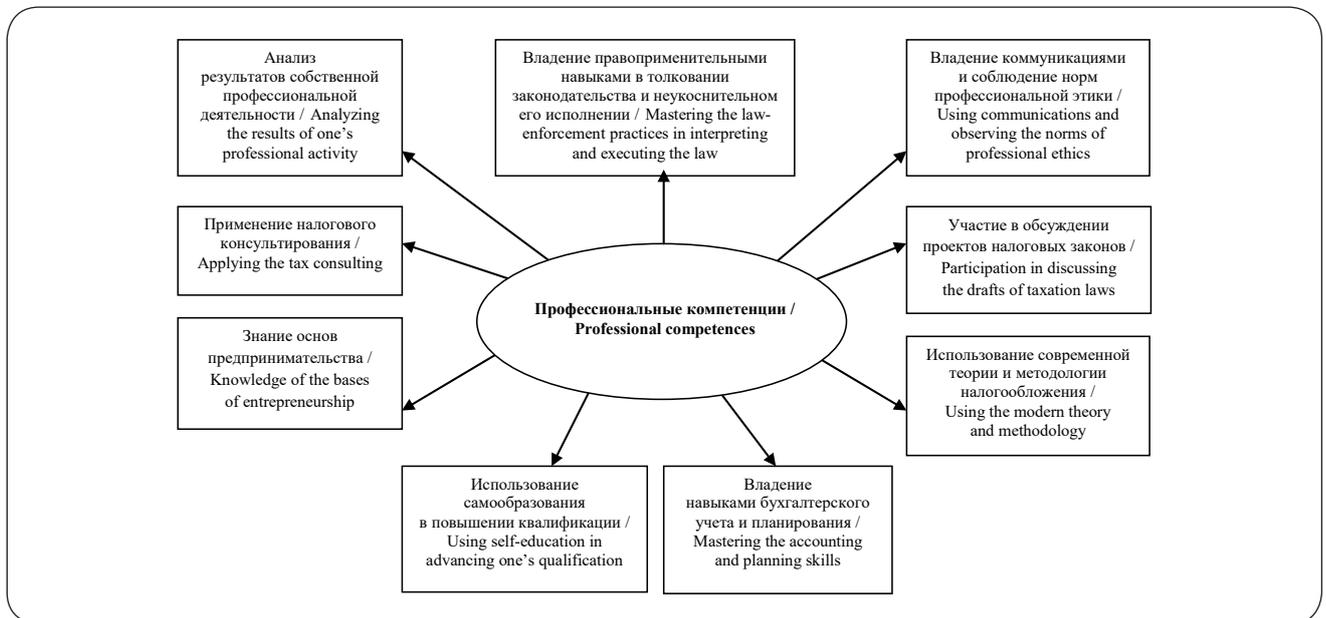

Рис. 2. Профессиональные компетенции налогового инспектора*

* Источник: составлено автором.

Fig. 2. Professional competences of a tax inspector*

* Source: compiled by the author.

гражданами в полной мере имеют первостепенное значение для формирования бюджетов [22]. В большинстве стран это специальные комитеты, агентства, палаты и т. д., лицензированные государством и на платной основе разъясняющие положения налогового законодательства. В России также существуют коммерческие организации, осуществляющие налоговый консалтинг, деятельность которых не регулируется государством. Целесообразно рассмотреть переложение данного вида деятельности на исполнителей налогового контроля – налоговых инспекторов. При этом возникает обоюдная ответственность: налоговый инспектор отвечает перед законом за правильность данной рекомендации в официальном порядке по запросу налогоплательщика, а налогоплательщик обязан указанную норму применить, тем самым избегая правонарушения. Данная деятельность повысит авторитет налоговой службы и статус налогового инспектора.

Выводы

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что сокращение транзакционных издержек существенно высвобождает материальные и временные ресурсы на осуществление налогового контроля, что дает возможность трансформировать структуру налоговых органов. Трансформация налоговых органов приведет к централизации налогового контроля, основным элементом которого будет корпус инспекторов выездного налогового контроля, обладающий специальными компетенциями, что повысит статус этого органа в обществе.

Список литературы

1. North D. C. Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge, 1990. P. 107.
2. Coase Ronald. The Institutional Structure of Production // The American Economic Review. 1992. Vol. 82. No. 4. Pp. 713–719 (Nobel Prize lecture).
3. Kenneth J. Arrow. The Potentials and Limits of the Market in Resource Allocation. In: G. R. Feiwel (ed.) // Issues in Contemporary Microeconomics and Welfare. London: Macmillan, 1985, Pp.107–124.
4. Ménard C. L'économie des organisations. Paris: La Découverte, 1990. P. 86.
5. Alchian A. A., Demsetz H. Production, Information Costs, And Economic Organization // American Economic Review. 1972. Vol. 62. Pp. 777–795.
6. Milgrom P. R., Roberts J. Economics, organization and management. Englewood Cliffs. 1992. Pp. 93–117.

7. Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики // Вопросы экономики. 1994. № 6. С. 104–113.
8. Попов Е. В., Коновалов А. А. Модель оптимизации издержек поиска информации // Проблемы управления. 2008. № 3. С. 71–72.
9. Кузьмин Е. А., Гусев А. В. Транзакционные издержки непроизводственных затрат экономических агентов: детерминированность от неопределенности и риска // Научные ведомости. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 1 (144). Вып. 25/1. С. 67.
10. Бондарева Н. А. Институциональная среда налогового контроля // Экономика и предпринимательство. 2013. № 12 (ч. 4). С. 79–85.
11. Дорофеева Н. А., Суворов А. В. О показателях оценки эффективности деятельности налоговых инспекций // Налоги и налоговое планирование. 2010. № 8. URL: <http://base.garant.ru/55008223/#ixzz46C10all1> (дата обращения: 01.12.2015).
12. Ефремова Т. А., Ефремова Л. И. Информационно-технологические основы модернизации налогового администрирования // Финансовое право и управление. 2012. № 1. С. 212–236.
13. Федоров А. С. Организация контрольной работы: системность и целенаправленность // Российский налоговый курьер. 2010. № 1–2.
14. Филатова А. В. Регламенты и процедуры в сфере реализации государственного контроля (надзора) / под ред. Н. М. Кониной. Саратов: Научная книга, 2009. 280 с.
15. Косорукова И. В., Прокимнов Н. Н. Стоимость и цена бизнеса: сущность, взаимосвязь и влияние финансовых показателей // Прикладная информатика. 2013. № 5 (47). С. 45–57.
16. Орлов А. И. Экспертные оценки // Заводская лаборатория. 1996. Т. 62. № 1. С. 54–60.
17. Усанов А. Ю. Методики экономического анализа, используемые для оценки финансового состояния предприятия // Управленческий учет. 2015. № 5. С. 61–66.
18. Бурцева А. М. Легальная и нелегальная минимизация налогов за рубежом // Российский налоговый курьер. 2005. № 5. С. 73.
19. Деркач А. А. Акмеологические основы развития профессионализма. М.: Изд-во Моск. психол.-социол. ин-та; Воронеж: Модек, 2004. 752 с.
20. Бобоев М. Р., Мамбеталиев Н. Т., Тютюрюков Н. Н. Налоговые системы зарубежных стран: Содружество Независимых Государств: учебн. пособие. М.: Гелиос АРВ, 2006. 623 с.
21. Поверенов Е. В. Принципы работы налоговых органов стран Евросоюза и повышение эффективности деятельности территориальных налоговых органов Российской Федерации // Регионология. 2011. № 4. С. 160–163.
22. Мазурина Л. А. Концепция налогового консультирования // Сибирская финансовая школа. 2012. № 1. С. 255–258.

Дата поступления 18.11.15

Дата принятия в печать 15.04.16

© Бондарева Н. А., 2016. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; лицензия Татарского образовательного центра «Таглитат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.ieml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Бондарева Наталья Анатольевна, кандидат экономических наук, преподаватель кафедры «Бухгалтерский учет и налогообложение», Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Адрес: 125190, г. Москва, Ленинградский пр., 80, корп. Г, тел.: 8 (495) 800-10-01

E-mail: bna008@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9621-1838>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/G-2907-2016>

N. A. BONDAREVA¹

¹ *Moscow Financial-Industrial University "Synergy", Moscow, Russia*

INFLUENCE OF TRANSACTION COSTS ON CONTROLLING ACTIVITY OF TERRITORIAL TAXATION BODIES

Objective: to disclose and justify transaction costs of controlling activities of the territorial taxation bodies and their impact on tax control under the need for effective functioning and optimal decision making with a view of reducing the state expenditures on tax control.

Methods: general scientific (synthesis, deduction, induction, generalization, testing, interviewing, observation, forecasting, scientific abstraction, statistical analysis, logic) and methods of grouping and classification, expert assessment.

Results: the analysis and grouping of transaction costs of controlling activities of the territorial taxation bodies have been carried out. It was found that the most time- and resource consuming are on-site tax inspections. The factors that have a significant impact on the efficiency of tax control were revealed. It is proved that the release of material and time resources contributes to the transformation of the tax bodies.

Scientific novelty: the main problem of implementation of the on-site tax control is its costs. The existing studies do not give a systematic list of tax control costs of the territorial tax bodies in general and transaction costs of tax control in particular. The author shows that the reduction of transaction costs as factors of influence on the tax control will free up the working time of the inspectors and will bring economic benefits, and also will allow to consolidate territorial tax bodies and change the status of a tax inspector.

Practical significance: reducing the cost of tax control is becoming increasingly important in terms of saving financial resources of the state.

Keywords: Economy and national economy management; Tax control; Transaction costs; Factors of tax control; Transformation of tax bodies

References

1. North, D. C. *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge, 1990, p. 107.
2. Coase, R. The Institutional Structure of Production, *The American Economic Review*, 1992, vol. 82, No. 4, pp. 713–719 (Nobel Prize lecture).
3. Kenneth, J. Arrow. The Potentials and Limits of the Market in Resource Allocation. In: G. R. Feiwel (ed.), *Issues in Contemporary Micro-economics and Welfare*, London: Macmillan, 1985, pp. 107–124.
4. Ménard, C. *L'économie des organisations*, Paris: La Découverte, 1990, p. 86.
5. Alchian, A. A., Demsetz, H. Production, Information Costs, And Economic Organization, *American Economic Review*, 1972, vol. 62, pp. 777–795.
6. Milgrom, P. R., Roberts, J. *Economics, organization and management*, Englewood Cliffs, 1992, pp. 93–117.
7. B'yukenen, Dzh. Konstitutsiya ekonomicheskoi politiki (Constitution of economic policy), *Voprosy ekonomiki*, 1994, No. 6, pp. 104–113 (in Russ.).
8. Popov, E. V., Konovalov, A. A. Model' optimizatsii izderzhkek poiska informatsii (Model of optimizing the costs of information search), *Problemy upravleniya*, 2008, No. 3, pp. 71–72 (in Russ.).
9. Kuz'min, E. A., Gusev, A. V. Transaktsionnye izderzhki neproizvodstvennykh zatrat ekonomicheskikh agentov: determinirovannost' ot neopredelennosti i riska (Transaction costs of non-production costs of economic agents: determination against risk and uncertainty), *Nauchnye vedomosti. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*, 2013, No. 1 (144), is. 25/1, p. 67 (in Russ.).
10. Bondareva, N. A. Institutsional'naya sreda nalogovogo kontrolya (Institutional environment of tax control), *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, 2013, No. 12 (part 4), pp. 79–85 (in Russ.).

11. Dorofeeva, N. A., Suvorov, A. V. O pokazatelyakh otsenki effektivnosti deyatel'nosti nalogovykh inspektsii (On the indicators of efficiency estimations of tax inspections), *Nalogi i nalogovoe planirovanie*, 2010, No. 8. URL: <http://base.garant.ru/55008223/#ixzz46C10al1i> (access date: 01.12.2015) (in Russ.).
12. Efremova, T. A., Efremova, L. I. Informatsionno-tekhnologicheskie osnovy modernizatsii nalogovogo administrirovaniya (Informational-technological bases of modernizing the tax administration), *Finansovoe pravo i upravlenie*, 2012, No. 1, pp. 212–236 (in Russ.).
13. Fedorov, A. S. Organizatsiya kontrol'noi raboty: sistemnost' i tselenapravlennost' (Organization of control work: systemic and purposeful character), *Rossiiskii nalogovyi kur'er*, 2010, No. 1–2 (in Russ.).
14. Filatova, A. V., Konin, N. M. *Reglamenty i protsedury v sfere realizatsii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora)* (Regulations and procedures in the sphere of state control (supervision)), Saratov: Nauchnaya kniga, 2009, 280 p. (in Russ.).
15. Kosorukova, I. V., Prokimmov, N. N. Stoimost' i tsena biznesa: sushchnost', vzaimosvyaz' i vliyanie finansovykh pokazatelei (Cost and price of business: essence, interaction and influence of financial indicators), *Prikladnaya informatika*, 2013, No. 5 (47), pp. 45–57 (in Russ.).
16. Orlov, A. I. Ekspertnye otsenki (Expert estimations), *Zavodskaya laboratoriya*, 1996, vol. 62, No. 1, pp. 54–60 (in Russ.).
17. Usanov, A. Yu. Metodiki ekonomicheskogo analiza, ispol'zuemye dlya otsenki finansovogo sostoyaniya predpriyatiya (Methods of economic analysis, used for evaluation of the enterprise's financial condition), *Upravlencheskii uchet*, 2015, No. 5, pp. 61–66 (in Russ.).
18. Burtseva, A. M. Legal'naya i nelegal'naya minimizatsiya nalogov za rubezhom (Legal and illegal minimization of taxes abroad), *Rossiiskii nalogovyi kur'er*, 2005, No. 5, p. 73 (in Russ.).
19. Derkach, A. A. *Akmeologicheskie osnovy razvitiya professionalizma* (Acmeological bases of developing professionalism), Moscow: Izd-vo Mosk. psikhol-sotsiol. in-ta; Voronezh: Modek, 2004, 752 p. (in Russ.).
20. Boboev, M. R., Mambetaliev, N. T., Tyutyuryukov, N. N. *Nalogovye sistemy zarubezhnykh stran: Sodruzhestvo Nezavisimykh Gosudarstv* (Taxation systems of foreign countries: Commonwealth of Independent States), Moscow: Gelios ARV, 2006, 623 p. (in Russ.).
21. Poverenov, E. V. Printsipy raboty nalogovykh organov stran Evrosoyuza i povyshenie effektivnosti deyatel'nosti territorial'nykh nalogovykh organov Rossiiskoi Federatsii (Principles of functioning of taxation bodies of EU countries and increasing the efficiency of functioning of territorial taxation bodies in the Russian Federation), *Regionologiya*, 2011, No. 4, pp. 160–163 (in Russ.).
22. Mazurina, L. A. Kontseptsiya nalogovogo konsultirovaniya (Conception of taxation consulting), *Sibirskaya finansovaya shkola*, 2012, No. 1, pp. 255–258 (in Russ.).

Received 18.11.15

Accepted 15.04.16

© Bondareva N. A., 2016. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; Licensee Tatar Educational Centre “Taglimat”. This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), which permits unrestricted use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.

Information about the author

Natalya A. Bondareva, PhD (Economics), lecturer of the Chair “Accounting and Taxation”, Moscow Financial-Industrial University “Synergy”
Address: 80 Leningradskiy prospect, building Г, 125190, Moscow, tel.: 8 (495) 800-10-01
E-mail: bn008@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9621-1838>
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/G-2907-2016>

For citation: Bondareva N. A. Influence of transaction costs on controlling activity of territorial taxation bodies, *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, vol. 10, No. 2, pp. 59–67.

УДК 338.2:336.22

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.2.68-79>

Как цитировать статью: Вахтина М. А. Прогрессивное налогообложение как инструмент обеспечения стабильности бюджетной системы // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 2. С. 68–79.

М. А. ВАХТИНА¹

¹ *Поволжский государственный университет сервиса, г. Тольятти, Россия*

ПРОГРЕССИВНОЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЫ

Цель: рассмотрение вопроса об альтернативных дополнительных источниках доходов государственного бюджета в рамках плана действий российского правительства по обеспечению социально-экономической стабильности страны в 2016 г.

Методы: сравнительного и динамического анализа, классификации и типологизации, описания и измерения, в том числе с применением инструментария институциональной экономики, данные интерпретировались с помощью таблиц.

Результаты: показано, что из-за недостатка финансовых ресурсов правительство вынуждено идти на непопулярные решения, которые снижают уровень социальной поддержки населения на ближайшую перспективу. Принятые в стране законы о применении принципов адресности и нуждаемости при предоставлении региональных мер социальной поддержки повышают риски бедности и неравенства. Проведен анализ рейтинговых позиций России и стран – участниц Организации экономического сотрудничества и развития по уровню ВВП на душу населения, Индексу человеческого развития, Индексу качества жизни. В статье аргументируется позиция о необходимости проведения институциональных преобразований по переходу страны к прогрессивному налогообложению и перераспределению налоговой нагрузки с бедных и средних слоев населения на сверхбогатых. Фиксированная ставка налога на доходы физических лиц не привела к желаемым результатам в виде роста налоговых поступлений в бюджет. Россия по-прежнему входит в десятку государств с наибольшими потерями от неуплаты налогов. Слабость перераспределительных механизмов, включая плоскую шкалу налога на доходы физических лиц, регрессивные взносы на социальное страхование и низкие налоги на имущество приводят к стагнации, неравенству, недофинансированию образования и здравоохранения.

Научная новизна: в статье обоснована необходимость введения элементов прогрессивного налогообложения в систему подоходных и имущественных налогов с целью финансового обеспечения потребностей бюджетной сферы в условиях сужения бюджетных доходов. Новизна заключается в комплексной и детальной оценке институциональных проблем современной налоговой политики и их влиянии на бюджетные возможности России и ее регионов. При этом оценка проведена также с точки зрения влияния налоговой политики на показатели уровня жизни и социального неравенства, которая основана на международных сопоставлениях.

Практическая значимость: предлагаемые в статье меры по переходу на прогрессивную шкалу налога на доходы физических лиц, налогов на недвижимость, имущество и землю, по повышению налогов на потребление предметов роскоши с одновременными действиями по деофшоризации доходов могут повысить уровень поступлений налогов в бюджеты различных уровней, а также послужат достижению социальной справедливости при налогообложении.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; социальный институт; антикризисная программа правительства; неравенство; социальная справедливость; прогрессивное налогообложение; дифференциация доходов

Введение

В марте 2016 г. Правительство Российской Федерации одобрило план действий по обеспечению социально-экономической стабильности страны в 2016 г. Обозначенные в плане объемы финансирования составляют немногим более 670 млрд руб. Более точные цифры будут определены в ходе исполнения

федерального бюджета на 2016 г.¹ В плане содержатся пункты, которые будут финансироваться только в том

¹ План действий Правительства Российской Федерации, направленных на обеспечение стабильного социально-экономического развития Российской Федерации в 2016 году: утв. Правительством РФ 01.03.2016. URL: www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71242368/ (дата обращения: 26.03.2016).

случае, если в бюджете окажутся необходимые для этого средства, поэтому ключевой проблемой выполнения антикризисного плана является поиск дополнительных средств. Предполагается, что они поступят в том числе из Фонда национального благосостояния и президентского резерва. Согласно базовому варианту прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на 2016 г. и на плановый период 2017 и 2018 гг., разработанному исходя из среднегодовой цены на нефть Urals 50 долларов за баррель, отток капитала из страны в 2016 г. составит 57 млрд долларов². В настоящее время сценарные условия уточняются, исходя из снижения среднегодовой цены до 35–40 долларов за баррель.

Проблемы с наполняемостью государственного бюджета в большой степени связаны с тем, что значение бизнеса как источника роста российской экономики уменьшается, основными источниками продолжают оставаться сырьевой сектор и государство [1, с. 120–130]. Базовый вариант прогноза социально-экономического развития России, положенный в основу параметров федерального бюджета на 2016 г., рассчитан с дефицитом в 3 % валового внутреннего продукта (далее – ВВП) (2,3 трлн руб.). При этом нефтяной рынок по-прежнему демонстрирует падение и по ценам, и по нефтедобыче. С учетом этих тенденций не исключено, что правительству вновь придется сокращать расходную часть бюджета, что негативно скажется на развитии экономики и социальной сферы.

Из-за дефицита финансирования правительство уже приняло ряд непопулярных решений, сокращающих социальные гарантии граждан на предстоящие годы. В частности, решение о продлении заморозки пенсионных накоплений, об отмене индексации пенсий работающим пенсионерам и поэтапной – неработающим (с 1 февраля 2016 г. пенсии проиндексированы на 4 %, в дальнейшем, при наличии средств, – на оставшиеся 8,2 %)³. На 34,2 млрд руб. снизятся

в бюджете 2016 г. расходы на оплату труда педагогов, врачей и соцработников, экономия обеспечивается за счет изменения правил расчета средней заработной платы в регионах. Изменяются схемы социальной поддержки, в том числе предусмотренные федеральными законами «О государственных пособиях граждан, имеющих детей», «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и «Об образовании в Российской Федерации»⁴. Во всех вышеперечисленных случаях речь идет о внедрении принципов адресности и нуждаемости в регионах. Снимая с себя обязательства по гарантированному уровню социальной поддержки за счет подмены принципа минимального прожиточного минимума, установленного законодательством, принципом нуждаемости, государство перекладывает ответственность на регионы. Меры коснутся выплат ежемесячного пособия на ребенка, социальной поддержки медицинским и фармацевтическим работникам, проживающим и работающим в сельских населенных пунктах, компенсации расходов на оплату жилых помещений и коммунальных услуг педагогическим работникам. Изменения также произойдут в части компенсации родителям (и их законным представителям) расходов за детский сад.

Таким образом, в условиях кризиса вопросы финансирования социальных расходов приобретают все более острый характер, в то время как источники поступлений остаются прежними. Правительство не решается на институциональные реформы, неотъемлемой частью которых является налоговая политика [2, с. 100–120].

Сложившаяся в стране система налогообложения тормозит качественный экономический рост; из-за сохранения регрессивной шкалы налога на доходы физических лиц (далее – НДФЛ), налогов на недвижимость, имущество и землю, а также высокой доли прямых налогов, включая отчисления с фонда оплаты труда, налоговая нагрузка перемещается от богатых и сверхбогатых к средним слоям населения, увеличивая количество бедных. Такие приоритеты не согласуются с принципами социальной справедливости.

² Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depMacro/20151026> (дата обращения: 26.03.2016).

³ Федеральный закон № 385-ФЗ «О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий» от 29.12.2015. URL: <http://rg.ru/2015/12/31/priostanovlenie-dok.html> (дата обращения: 20.03.2016).

⁴ Федеральный закон № 388-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части учета и совершенствования предоставления мер социальной поддержки исходя из обязанности соблюдения принципа адресности и применения критериев нуждаемости» от 29.12.2015. URL: <http://rg.ru/2015/12/31/kriterii-dok.html> (дата обращения: 20.03.2016).

О необходимости проведения в России системных институциональных реформ, неотъемлемой частью которых является реформа системы налогообложения, говорится в целом ряде программных документов, разработанных международными и отечественными экспертами. В частности, в «Экономическом обзоре ОЭСР» применительно к ситуации в Российской Федерации отмечается, что, несмотря на существенное улучшение структуры налогообложения в стране в последние несколько лет (обзор опубликован в январе 2014 г.), «налогообложение нефтяной отрасли могло бы более адекватно отражать экономическую ренту и способствовать развитию инвестиций; налоги на алкоголь относительно низки, а налоги на табачную продукцию ниже, чем во всех странах – членах Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) и в любой из крупных стран с развивающейся экономикой, и это несмотря на то, что высокий уровень потребления табака и алкоголя в России – одна из причин высокого уровня смертности. Кроме того, в России имеется потенциал к повышению ставок налогов на имущество и экологических налогов»⁵. В начале 2016 г. была официально представлена программа «Столыпинского клуба» «Экономика роста»⁶, авторами которой выступили видные российские экономисты и предприниматели: С. Ю. Беляков, В. А. Гамза, С. Ю. Глазьев, А. В. Данилов-Данильян, В. Ф. Звагельский, А. Н. Клепач и др. В составе рекомендаций документ содержит ряд принципиальных положений налоговой реформы, стимулирующих качественный экономический рост, низкие налоги на производство и, наоборот, высокие – на потребление и природную ренту. В ряду рекомендаций программы клуба – снижение уровня налогов на производство до среднемирового за счет снижения страховых платежей, налога на прибыль и НДС с одновременным повышением налогов на потребление и природную ренту. Важное место среди предложений занимает введение «налогов социальной справедливости», в частности, переход на прогрессив-

ную шкалу НДФЛ, налогов на недвижимость, имущество, землю, введение «офшорного» коэффициента для компаний с офшорными владельцами по налогу на прибыль, недвижимость, имущество, землю и др.⁷ В недавно вышедшей книге Дж. Стиглица «Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему» среди необходимых мер по сдерживанию неравенства содержатся предложения по развитию системы прогрессивного налогообложения, обеспечивающей перемещение налоговой нагрузки от менее к более обеспеченным, исходя из принципа эффективного налогообложения «иди туда, где есть деньги», и определяются меры по сокращению рентных доходов [3, с. 182].

Несмотря на актуальность, вопрос о справедливом налогообложении в стране по-прежнему не решается, о чем свидетельствует факт очередного (в конце 2014 г.) отклонения Государственной Думой РФ законопроекта по внесению изменений в Налоговый кодекс РФ по введению прогрессивной шкалы НДФЛ, а также сложная судьба законопроекта о налогообложении потребления предметов роскоши.

Цель статьи – обосновать положение о том, что для стабилизации российской экономики и формирования условий перехода к экономическому росту необходимо проведение институциональных преобразований, значимой составляющей которых является реформа налогообложения, лежащая в ракурсе проблемы повышения уровня социальной справедливости. Использование экстенсивных факторов экономического развития, основанных на добыче и экспорте энергоресурсов, имело результаты в условиях высоких цен на энергоносители, но не обеспечивало долгосрочных перспектив. Из-за недостатка ресурсов российское правительство в рамках антикризисных преобразований вынуждено сокращать социальные программы, в то время как в развитых странах и активно развивающихся экономиках все происходит наоборот – расходы на социальные программы в условиях кризиса растут [4, с. 101–109]. Изменения в области налоговой политики, направленные на восстановление принципов социальной справедливости и стимулирование экономического роста, могут обеспечить более надежные и стабильные допол-

⁵ Экономические обзоры ОЭСР. Российская Федерация. 2014. URL: www.slideshare.net/testantitrust/ss-54778638 (дата обращения: 26.03.2016).

⁶ Экономика роста: программа «Столыпинского клуба». URL: http://expert.ru/data/public/499741/499785/dir-polnaya-versiya-19_10_15.pdf (дата обращения: 20.03.2016).

⁷ Там же. С. 54.

нительные поступления в бюджет в долгосрочной перспективе. В статье ставятся следующие задачи: с использованием данных официальной статистики показать причины сокращения доходов государственного и консолидированного бюджетов Российской Федерации; на основе анализа законодательных изменений, произошедших в 2015 г., продемонстрировать последствия финансово-экономического кризиса для реализации ряда важнейших социальных программ и мер социальной поддержки населения; обосновать выводы, что налоговая нагрузка в существующих сегодня условиях из-за регрессивного налогообложения и офшоризации ставит богатых и сверхбогатых в более выгодные условия по сравнению со средними слоями населения, усугубляет проблему бедности; предложить институциональные изменения, направленные на восстановление важнейшего принципа социальной справедливости – равенства экономических возможностей.

Результаты исследования

Реализация мероприятий правительственного плана действий по обеспечению социально-экономической стабильности страны в 2016 г. может столкнуться с рядом неразрешимых трудностей, которые носят системный характер. Доля нефтегазовых доходов в доходах консолидированного бюджета РФ с 2009 г. по настоящее время неуклонно растет. При этом если в 2009 г. она составляла 40,7 %, то в 2014 г. – уже 51,3 %, достигнув исторического максимума⁸. Согласно последним данным Росстата, ситуация практически не меняется: по состоянию внешней торговли в январе 2016 г., в структуре российского экспорта доля сырой нефти и природного газа составила 42,4 %. Для сравнения: доля экспорта машин, оборудования и транспортных средств в этот же период составила немногим более 3 %⁹. По данным Росстата, инвестиции в добычу полезных ископаемых в 2014 г. по-прежнему составляют наибольшую долю – 16 %, в то время как в образование – 1,7 %, здравоохране-

ние и на предоставление социальных услуг – 1,4 %, научные исследования и разработки – 1 %¹⁰.

Так как российская экономика становится все менее диверсифицированной, ухудшение внешней конъюнктуры на нефтегазовом рынке приводит к ошутимому сокращению доходов бюджета. Из-за падения рентабельности бизнеса сокращается налоговая база. В 2014 г. доля налога на прибыль предприятий снизилась до 9 %, в то время как в докризисный 2007 г. она составляла 16,4 %. При этом 98 % прибыли 500 крупнейших компаний РФ приходится на нефтегазовый сектор¹¹. В сложившихся условиях правительство перераспределяет социальные обязательства с федерального бюджета на региональные, которые в 2016 г. столкнутся с еще большими сложностями, чем ранее. Поддержка регионам из федерального бюджета в 2016 г. году должна составить не менее 310 млрд руб., так как без дополнительных мер финансирования многим из них грозит дефолт. Проблема усугубляется тем, что Россия отличается высоким уровнем регионального неравенства [5, с. 238–246; 6, с. 39–58; 7, с. 70–81]. По оценкам экспертов ОЭСР, коэффициент Джини, оценивающий региональное неравенство по ВВП на душу населения, в нашей стране значительно выше, чем в странах ОЭСР (там он варьируется от 5 (в Швеции) до 30 (в Бразилии)), – его величина составляет 34 (выше только в Мексике – 37). Коэффициент Джини, оценивающий региональное неравенство по доходам, в странах ОЭСР – от 22 (в Словении, Дании, Норвегии) до 40 (в США). В России – 43 (в Мексике – 47)¹². Такой уровень неравенства не может не отразиться на выполнении социальных обязательств. Так, совместный ежемесячный мониторинг Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Института экономической политики им. Е. Гайдара и Всероссийской академии внешней

¹⁰ Российский статистический ежегодник. 2015: Стат. сб. / Росстат. С. 584. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (дата обращения: 20.03.2016).

¹¹ Экономика роста. Программа «Столыпинского клуба». С. 14–16. URL: http://expert.ru/data/public/499741/499785/dir-polnaya-versiya-19_10_15.pdf (дата обращения: 20.03.2016).

¹² Экономические обзоры ОЭСР. Российская Федерация. 2014. С. 36. URL: www.slideshare.net/testantitrust/ss-54778638 (дата обращения: 20.03.2016).

⁸ Там же. С. 15.

⁹ Росстат. Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации (на русском и английском языках). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/ftade/ (дата обращения: 20.03.2016).

торговли в регионах, уже модернизовавших программы соцподдержки в 2014–2015 гг., показывает, что последним (а это около 20 регионов) пока не удалось в полной мере реализовать принципы адресности и нуждаемости. Во-первых, нет единого порога получения адресной льготы (он колеблется в диапазоне от 1 до 2,5 прожиточного минимума, привязанного к средним региональным доходам населения). Во-вторых, регионы вынуждены категориально отменять те или иные виды соцподдержки, менять условия ее предоставления или приостанавливать действие отдельных статей законов из-за нехватки средств.

В этой связи вопрос о дополнительных источниках доходов, которые могут появиться только при условии проведения институциональных реформ, в том числе реформ в области налогообложения, становится насущной задачей. В настоящее время система налогообложения в РФ не стимулирует экономический рост, является по большей части регрессивной, ослабляя налоговую нагрузку на сверхбогатых, получающих рентные доходы. Меры по перераспределению налоговой нагрузки по НДФЛ с бедных и средних слоев населения на сверхбогатых за счет введения прогрессивного налогообложения по-прежнему не получают правительственной поддержки. Чаще всего противники мер говорят о том, что потенциальный фискальный эффект от роста налоговой нагрузки на богатых будет крайне незначителен и едва перекроет расходы на администрирование, кроме того, повысятся риски ухода в тень. С этими аргументами следует поспорить, так как переход к прогрессивному налогообложению должен подкрепляться другими мерами, предпринимаемыми правительством, прежде всего деофшоризацией. Именно отсутствие в стране эффективных действий по деофшоризации препятствует, на наш взгляд, должному поступлению налоговых доходов. Кроме того, нельзя забывать, что вышеназванные преобразования направлены не только на получение чисто фискальных результатов в краткосрочном периоде, не меньшее значение имеют косвенные эффекты, связанные с повышением уровня социальной справедливости, сокращением неравенства, ростом доверия и отдачи от социального капитала [8, с. 66–69; 9, с. 13–16].

В России высокий, по сравнению с развитыми и динамично развивающимися странами, уровень неравенства [10, с. 61–77]. Значение Индекса Джини

в РФ одно из самых высоких среди стран «большой двадцатки», притом что при расчете этого показателя не учитываются теневые и коррупционные доходы. Динамика индекса, согласно данным российских статистических ежегодников с 1991 по 2014 гг., показывает, что уровень неравенства в последние годы оставался высоким. В 1991 г. Индекс Джини составлял 26 %, в 1997 г. – 37,5 %, в 2001 г. – 39,9 %, в 2009 г. – 42,2 %, в 2011 г. – 41,7 %, в 2012 г. – 42 %, а в 2014 г. – 41,6 %¹³. Коэффициент фондов в стране – более 16 раз – также считается высоким [11, с. 158]. В докладе Международной организации труда (далее – МОТ) «Перспективы в сфере глобальной занятости и социальной сфере на 2015 год» говорится об угрозах возрастающего неравенства доходов в мире, когда доходы 10 % самых богатых людей достигнут 30–40 % от общего объема доходов, в то время как самых бедных – от 2 до 7 %, то есть средний разрыв составляет от 12 до 14 раз¹⁴. Высокое неравенство всегда соседствует с бедностью, в России происходит процесс институционализации бедности [12, с. 67–78].

Неравенство в России в значительной степени связано со слабостью перераспределительных механизмов. В стране действует плоская шкала НДФЛ на доходы физических лиц; шкала налогов на недвижимость, имущество и землю, хотя и дифференцируется, но назвать ее прогрессивной также нельзя; регрессивная шкала по страховым взносам не увязывается ни с какими результирующими показателями работы предприятий; налоги на потребление предметов роскоши имеют достаточно узкую налогооблагаемую базу.

Фиксированная ставка НДФЛ в России на уровне 13 % существует с 2000 г., когда уклонение от налогов приняло гигантские масштабы. До этого 95 % населения страны платили подоходные налоги по минимальной ставке (она была установлена в диапазоне от 12 до 35 %). Попытки вынести на рассмотрение

¹³ Росстат. Российские статистические ежегодники. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (дата обращения: 20.03.2016).

¹⁴ При сохраняющемся неравенстве в предстоящие пять лет уровень безработицы будет расти. Международная организация труда (МОТ). URL: <http://www.rbc.ru/fnews/open/20150121163102.shtml> (дата обращения: 20.03.2016).

в Государственную Думу поправки в Налоговый кодекс РФ о переходе на прогрессивное налогообложение доходов физических лиц потерпели очередную неудачу. В предлагаемом законопроекте, не получившем положительного заключения правительства, диапазон ставок и шкала доходов имели достаточно умеренные значения. В частности, в законопроекте предлагалось сохранить 13%-ную ставку при уровне доходов, не превышающих 5 млн рублей в год. Далее предлагалась такая схема: свыше 5 млн в год – ставка 18 %, свыше 50 млн руб. – 23 %, в случае превышения уровня годового дохода в 500 млн руб. максимальный уровень предлагалось ограничить 28 %. Законопроект нельзя было назвать радикальным, так как число россиян, чей трудовой доход в год превышает 5 млн рублей, согласно пояснительной записке к законопроекту, составляет в России не более 0,2 % лиц, занятых в экономике. Однако законопроект был в очередной раз отклонен.

Регрессивная шкала социальных страховых платежей (предельная величина базы регрессивной шкалы была повышена в 2016 г. до 796 тыс. руб.) не носит стимулирующий характер. Кроме того, получается, что взносы уменьшаются для тех, у кого годовой фонд оплаты труда больше, поэтому сводная ставка подоходного налога оказывается выше для бедных групп и ниже для богатых. Из-за регрессивности налоговых отчислений происходит увеличение эффективной налоговой ставки (сумма НДФЛ и взносов на социальное страхование в отношении располагаемого дохода) у домохозяйств 1-го дециля (самой богатой группы) на домохозяйства 9-го и 10-го децилей (самых бедных групп). Авторы программы «Экономика роста», в частности, предлагают поставить шкалу социальных страховых платежей в зависимость от производительности труда на предприятии в интересах стимулирования качественного экономического роста¹⁵. С данным предложением можно согласиться, так как в этом случае налоговые преимущества тех, кто получает больше, будут экономически обоснованы и более справедливы.

Правила изъятия имущественного налога в нашей стране изменились с 2015 г. Произошел переход к рас-

чету платежа по кадастровой стоимости, в то время как прежде он рассчитывался по инвентаризационной цене. Так как кадастровая оценка недвижимости в стране еще не завершена и для этого требуются значительные государственные ресурсы, предусмотрен переходный период сроком на 5 лет – с 2015 по 2020 гг. Муниципальные власти, которым передан окончательный расчет платежей, ограничены законодателем в действиях по установлению повышенных ставок. Вновь введенными нормами при этом предусмотрено, что жилищная недвижимость, кадастровая стоимость которой превышает 300 млн руб., должна облагаться налогом по повышенной ставке 2 %. Как видно, законодателем произведены определенные действия в направлении перехода к прогрессивному налогообложению недвижимости. Однако это очень робкие шаги, существенной дифференциации налоговой ставки в зависимости от уровня рыночных цен пока не произошло.

Увеличение налоговой нагрузки на средние слои населения объясняется еще и тем, что в последние годы доля заработной платы в структуре доходов россиян только возрастает. В табл. 1 показана квартальная структура денежных доходов населения в 2013–2015 гг.

Из табл. 1 видно, что доля заработной платы в структуре доходов населения растет, в то время как доходы от предпринимательской деятельности и доходы от собственности сокращаются. При этом, по данным Росстата, в 2015 г. реальные доходы населения сократились более чем на 5 %, а реальная зарплата – более чем на 8 %.

В условиях чрезвычайно высокого уровня расслоения населения по доходам и богатству решение вопроса о налогообложении потребления предметов роскоши, которые покупают в основном богатые, продвигается медленно. Законопроекты, касающиеся этой проблематики, регулярно откладывались Государственной Думой, пока в 2014 г. не был введен налог на дорогие автомобили с пороговой стоимостью 3 млн руб., ограничивший перечень объектов налогообложения только этой группой потребительских товаров.

Налог на дивиденды, которые получают в основном богатые, до 1 января 2015 г. облагался по ставке 9 %, что было даже ниже установленной 13%-й. После соответствующих изменений в Налоговый кодекс РФ ставка была поднята до уровня 13 %, но при этом, как видно, осталась фиксированной.

¹⁵ Экономика роста: программа «Столыпинского клуба». С. 54. URL: http://expert.ru/data/public/499741/499785/directionalna-versiya-19_10_15.pdf (дата обращения: 20.03.2016).

Таблица 1

Структура денежных доходов населения в 2013–2015 гг. (% , поквартальная, все доходы принимаются за 100 %)*

Table 1. Structure of the monetary incomes of the population in 2013–2015 (% , by quarter, all income is considered 100 %)*

Виды доходов / Types of income	2013 г.				В среднем за год / Average per year	2014 г.				В среднем за год / Average per year	2015 г.
	I	II	III	IV		I	II	III	IV		I
От предпринимательской деятельности / Entrepreneurial activity	8,5	7,9	8,7	9,2	8,6	8,3	7,3	7,8	7,8	7,8	8,0
Оплата труда, включая скрытую / Wages, including indirect	66,4	65,6	65	64,4	65,3	67,8	67,2	66,9	65,7	66,8	68,4
Социальные выплаты / Social payouts	18,5	18,9	18,5	18,5	18,6	17	18,7	18,2	18,7	18,2	16,8
От собственности / Property income	4,6	5,6	5,8	5,9	5,5	5,0	4,8	5,1	5,9	5,3	4,8
Другие / Other	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	1,9	2,0	2,0	2,0	1,9	2,0

* Источник: построено автором на основе: Доходы и расходы населения: основные изменения 2015 года / Институт управления социальными процессами. Центр анализа доходов и уровня жизни. Мониторинг доходов, расходов, потребления российских домохозяйств. С. 4. URL: https://www.hse.ru/data/2015/06/22/1083888513/2015_3s_Incomes1Q_z.pdf (дата обращения: 20.03.2016).

* Source: compiled by the author basing on: Income and expenditures of the population: basic changes in 2015 / Institute for Social Processes Management. Center for Analysis of Income and Living Standards. Monitoring of incomes, expenditures and consumption of the Russian households, p 4, available at: https://www.hse.ru/data/2015/06/22/1083888513/2015_3s_Incomes1Q_z.pdf (access date: 20.03.2016).

В экономически развитых странах, входящих в ОЭСР, применяется принцип прогрессивного налогообложения, а шкала ставок налога на доходы физических лиц имеет высокие пределы. За счет перераспределения налоговой нагрузки на богатых в этих странах решаются фискальные задачи, финансируются расходы на социально значимые товары и услуги (образование, здравоохранение). Кроме того, прогрессивное налогообложение наряду с государственными денежными трансфертами и отчислениями на социальное обеспечение продолжает играть значимую роль в сокращении неравенства в этих странах.

По имеющимся среди экспертов ОЭСР мнениям, вышеназванные меры сократили за последние годы неравенство среди работающего населения в среднем на четверть. В 2014 г. в странах ОЭСР средний доход 10 % самого богатого населения был в 9 раз выше дохода 10 % самого бедного. При этом в отдельных европейских странах этот разрыв был гораздо ниже (до 5 раз), в то время как в США соотношение составляло 14:1, а в Чили и Мексике – 27:1. Коэффициент Джини в среднем по странам ОЭСР достиг уровня 0,31 в 2008 г., при этом варьировался от 0,24 в Словении до 0,49 в Чили. И, хотя эксперты отмечают рост неравенства в 3/4 странах ОЭСР за последние

четверть века в среднем более чем на 4 процентных пункта, предварительные оценки показывают, что кризисные явления в меньшей степени повлияли на рост неравенства в этих странах, чем это предполагалось вначале [9].

В странах, входящих в ОЭСР, в особенности странах Европейского Союза, планка ставок подоходного налога остается достаточно высокой. Если не брать в расчет нулевые ставки в островных юрисдикциях и странах Ближнего Востока, то, по данным отчета компании KPMG за 2012 г., только в 8 странах мира их уровень ниже, чем в России (от 10 до 12 %).

При этом в первой десятке – страны со ставкой подоходного налога от 57 до 50 % (Швеция, Дания, Нидерланды, Испания, Финляндия, Япония, Австрия, Бельгия). Во второй десятке – европейские страны, где ее уровень составляет от 50 до 45 %¹⁶. Важна также разница между верхним и нижним порогом НДФЛ. В этих странах нижний порог часто отличается от верхнего в 2,8 раза, в Швеции, например, это соотношение составляет 57 и 0 %.

¹⁶ Как изменились налоги в разных странах // Деньги. Экономический еженедельник издательского дома «Коммерсантъ». 2015. № 12 (1020). С. 48–49.

Таблица 2
**Топ-20 стран по наименьшим ставкам
 подоходного налога***

Table 2. Top 20 countries by the lowest income tax rates*

№	Страна / Country	Ставка (%) / Rate (%)
1	Гватемала / Guatemala	7
2	Босния и Герцеговина / Bosnia and Herzegovina	10
3	Болгария / Bulgaria	10
4	Казахстан / Kazakhstan	10
5	Македония / Macedonia	10
6	Монголия / Mongolia	10
7	Белоруссия / Byelorussia	12
8	Макао / Macao	12
9	Россия / Russia	13
10	Иордания / Jordan	14
11	Коста-Рика / Costa Rica	15
12	Гонконг / Hong Kong	15
13	Литва / Lithuania	15
14	Сербия / Serbia	15
15	Йемен / Yemen	15
16	Маврикий / Mauritius	15
17	Судан / Sudan	15
18	Черногория / Montenegro	15
19	Венгрия / Hungary	16
20	Румыния / Romania	16

* *Источник:* Аудиторская компания KPMG, 2012. URL: <https://home.kpmg.com/xx/en/home/services/tax/tax-tools-and-resources/tax-rates-online/individual-income-tax-rates-table.html> (дата обращения: 20.03.2016).

* *Source:* KPMG Audit Company, 2012, available at: <https://home.kpmg.com/xx/en/home/services/tax/tax-tools-and-resources/tax-rates-online/individual-income-tax-rates-table.html> (access date: 20.03.2016).

Если в рыночных странах с передовыми экономиками доля подоходного налога в общей сумме налоговых поступлений составляет в пределах 25–35 % (по причине прогрессивности налога и более высоких доходов населения), то в России к 2000 г. его доля снизилась до уровня 6,5 %. В последующие годы поступления от НДФЛ росли. И хотя удельный вес этого налога в налоговых доходах российского бюджета превысил планку в 20 %, нагрузка по НДФЛ в среднем по стране составляет 4,5 % ВВП, что на порядок ниже, чем в развитых странах. Влияние налоговой

реформы на поступления НДФЛ после изменений 2000 г. не сильно отразилось на росте поступлений в бюджетную систему, которые ежегодно росли в среднем только на 0,1 % ВВП [13, с. 27–28]. Российские исследователи связывают этот рост по большей части с увеличением доходов бедных и средних слоев населения в этот период [14, с. 167–168].

Оказалось, что надежды, связанные с увеличением поступлений налоговой массы из-за низкой ставки, не оправдались. Россия остается в первой десятке стран, которые в наибольшей мере страдают из-за неуплаты налогов. По данным исследовательской группы The Tax Justice Network (ноябрь 2011 г.), недополученные российским бюджетом налоги в год (имеются в виду все виды налогов) составляют в общей сумме 221,0 млрд долларов. В табл. 3 представлены сравнительные данные по первой десятке стран, страдающих от неуплаты налогов, бюджет многих из которых в разы превышает российский.

Таблица 3

Топ-10 стран по объемам недополученных налоговых поступлений*

Table 3. Top 10 countries by the size of tax deficiency*

№	Страна / Country	Оценка недополученных налогов в год (млрд долл.) / Estimation of the tax deficiency a year (\$ bln)
1	США / USA	337,3
2	Бразилия / Brazil	280,1
3	Италия / Italy	238,7
4	Россия / Russia	221,0
5	Германия / Germany	215,0
6	Франция / France	171,3
7	Япония / Japan	171,1
8	Китай / China	134,4
9	Великобритания / Great Britain	109,2
10	Испания / Spain	107,4

* *Источник:* исследовательская группа The Tax Justice Network, ноябрь 2011 г.¹⁷

* *Source:* research group The Tax Justice Network, November 2011.

Отличаясь в целом умеренными показателями неравенства доходов и богатства, реализуя принципы прогрессивного налогообложения, европейские стра-

¹⁷ Там же. С. 53.

ны – члены ОЭСР традиционно входят в топ-50 стран по уровню ВВП на душу населения. Россия в списке Международного валютного фонда (список размещен на сайте International Monetary Fund в разделе Report for Selected Countries and Subjects) из расчета долларового ВВП на каждого жителя страны в 2015 г., по сравнению с 2014 г., опустилась на 28 позиций – с 45-го до 73-го места. При этом расчетный показатель сократился почти на 40 %, до 8 447 долл., и стал ниже среднемирового (12 675 долл.). Российский ВВП на душу населения, согласно этим данным, снижается второй год подряд и в 2015 г. сравнялся с 2009 г. Оценку по этому показателю проводят также Всемирный банк, ОЭСР и другие организации, расчеты немного отличаются, но это не влияет на общую тенденцию.

Еще более убедительными являются сравнительные оценки стран по таким показателям, как Индекс человеческого развития и Индекс качества жизни. Индекс человеческого развития в противоположность чисто экономическим оценкам является альтернативным показателем общественного прогресса. Он оценивает возможность здоровой жизни (средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении), получение образования (уровень грамотности взрослого населения и охвата населения начальным, средним и высшим образованием; средняя продолжительность получения образования), поддержание достойного жизненного уровня (величина ВВП на душу населения по паритету покупательной способности). Россия, по данным за 2015 г., входит в число стран с высоким уровнем Индекса человеческого развития (всего выделяется четыре уровня: очень высокий, высокий, средний и низкий). При этом страны – участники ОЭСР, отличающиеся более дифференцированной налоговой политикой и социальными программами, меньшим уровнем неравенства, традиционно входят в число стран с очень высоким показателем Индекса человеческого развития.

В отличие от предыдущего Индекс качества жизни – комбинированный показатель, разработанный независимой исследовательской компанией Economist Intelligence Unit, основывается на методологии, связывающей результаты исследований по субъективной оценке жизни с объективными детерминантами качества жизни. Индекс был подсчитан в 2005 г. в 111 странах-участниках, включая Россию. При расчете индекса учитываются девять факторов: уровень ВВП на душу

населения, ожидаемая продолжительность жизни, рейтинги политической стабильности и безопасности, семейная жизнь (число разводов на 1 000 чел. в год), активность добровольных сообществ, климат и география, уровень безработицы, индекс политической и гражданской свободы, соотношение доходов мужчин и женщин. Максимальное значение индекса составляет 10 баллов. При сравнении результатов вновь отмечаются сходные с ранее выявленными зависимости: Россия с показателем 4,796 оказалась 105-й, в то время как страны с высоким уровнем человеческого и социального капитала – в числе первых тридцати (наряду с ними в первую тридцатку вошли Сингапур, Гонконг, Китайская Республика и Мальта).

Слабость перераспределительных механизмов, включая плоскую шкалу НДФЛ, регрессивные взносы на социальное страхование и низкие налоги на имущество в России, приводит к тому, что трудовые доходы бедных и средних слоев населения облагаются большими налогами. В то же время социальные группы, которые получают доходы от собственности, инвестиционные, а также скрытые от наблюдения доходы, несут относительно меньшие налоговые нагрузки.

Выводы

Сокращение доходных источников консолидированного бюджета Российской Федерации привело к необходимости сокращения ряда социальных программ, переноса социальных обязательств на регионы, которые из-за дефицита финансирования не справляются с возложенными на них задачами. Современная система налогообложения в России не стимулирует экономический рост, является по сути регрессивной, что ослабляет налоговую нагрузку на богатых, благоприятствует получению рентных доходов. Вследствие этого в стране сложился высокий уровень неравенства, которое в значительной степени связано со слабостью перераспределительных механизмов: плоской шкалой НДФЛ; налогов на недвижимость, имущество, землю и дивидендов; узким перечнем объектов налогообложения, отнесенных к предметам роскоши. В экономически развитых странах, входящих в ОЭСР, за счет перераспределения налоговой нагрузки успешнее решаются фискальные задачи, в большем объеме финансируются расходы на социально значимые товары и услуги (образование, здравоохранение). Страны ОЭСР входят в топ-50

стран по уровню ВВП на душу населения, имеют высокие показатели Индекса человеческого развития и Индекса качества жизни.

В нашей стране назрела необходимость проведения комплексных преобразований налоговой системы, которая является важнейшим звеном экономического регулирования. Речь идет о переходе на прогрессивную шкалу НДФЛ, налогов на недвижимость, имущество и землю; повышении налогов на потребление с одновременными действиями по деофшоризации доходов, повышению налоговых ставок на офшорные компании и их владельцев.

Эти меры будут способствовать повышению уровня социальной справедливости в российском обществе, о необходимости которого заявляет большинство россиян [15, с. 80–95]. Согласно данным ВЦИОМ, распределение доходов (как и четверть века назад) большинство людей (77 %) считают несправедливым. Даже среди респондентов с высокими доходами таких 69 %, среди молодежи – 73 %. Возрастает острота проблемы бедности. Если в 1990 г. о том, что бедных в стране много, говорили 69 % россиян, то сейчас таких уже 82 %. 90 % считают, что государство должно гарантировать каждому доход не ниже прожиточного минимума¹⁸ [16, с. 20–31]. На этом фоне возрастают патерналистские настроения: в 1989 г. 64 % респондентов считали, что государство должно до минимума сократить вмешательство в распределение доходов, а сейчас таких только 27 %¹⁹. Переход к прогрессивному принципу НДФЛ, изменение подходов к формированию налогооблагаемой базы по налогам на потребление и богатство обеспечат дополнительные доходы бюджета в долгосрочной перспективе, так как способствуют сокращению избыточных неравенств и приближают общество к равенству возможностей за счет расширения доступа к социально значимым товарам и услугам.

¹⁸ Богатые и бедные – вчера и сегодня // Пресс-выпуск ВЦИОМ. 2015. № 2878. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115317> (дата обращения: 20.03.2016).

¹⁹ Распределение доходов в обществе: государственное регулирование или рыночный механизм? // Пресс-выпуск ВЦИОМ. 2015. № 2772. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115143> (дата обращения: 20.03.2016).

Список литературы

1. Гамукин В. В. Бюджетные риски: варианты траекторий // Вопросы регулирования экономики, 2015. Т. 6. № 4. С. 120–130.
2. Малкина М. Ю. Институциональные основы неравенства доходов в современной экономике // Журнал институциональных исследований, 2016. Т. 8. № 1. С. 100–120.
3. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015. 512 с.
4. Белокрылова О. С., Вахтина М. А. Справедливое институциональное устройство – условие стабильного и поступательного развития страны // Институты и механизмы регулирования в условиях глобальной нестабильности. Ростов н/Д: Содействие – XXI век, 2014. С. 101–109.
5. Малкина М. Ю. Исследование взаимосвязи уровня развития и степени неравенства доходов в регионах Российской Федерации // Экономика региона. 2014. № 2. С. 238–246.
6. Глушенко К. П. Об оценке межрегионального неравенства // Пространственная экономика. 2014. № 4. С. 39–58.
7. Колесников Ю. С., Дармилова Ж. Д. Совмещение принципов эффективности и социальной справедливости в региональной экономической политике как императив управления пространственным развитием России // Вопросы регулирования экономики. 2014. Т. 5. № 2. С. 70–81.
8. Вахтина М. А. Нарушение социальной справедливости в российской экономике: причины и следствия // Карельский научный журнал. 2015. № 2 (11). С. 66–69.
9. Вахтина М. А. Неравенство или эффективность: есть выбор // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2015. № 2. С. 13–16.
10. Анисимова Г. В. Методологические аспекты анализа экономического неравенства: советские и постсоветские проблемы // TERRA ECONOMICUS. 2016. № 1. С. 61–77.
11. Ферстер М. Ф., Мартин Д. П. Уравновешивание экономической эффективности и социальной справедливости // Альтернативы. 2014. № 1. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/alternativi/a1-2014/23387-uravnoveshivanie-ekonomicheskoy-effektivnosti-i-socialnoy-spravedlivosti.html> (дата обращения: 20.03.2016).
12. Шаховская Л. С., Климова К. О. Институционализация бедности в России: можно ли остановить этот процесс? // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 3 (336). С. 67–78.
13. Назаров В. С. Налоговая система России в 1991–2008 годах. История новой России. URL: <http://www.ru-90.ru/node/1170> (дата обращения: 20.03.2016).
14. Литвинцева Г. П., Воронкова О. В., Стукаленко Е. А. Инновационный процесс и налоговая система России: кто кого? // Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ): десять лет спустя / под ред. Р. М. Нуреева. Ч. III. М., 2010. 244 с.

15. Мареева С. В. Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян // Журнал институциональных исследований. 2015. Т. 7. № 2. С. 80–95.

16. Горшков М. К. Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 20–31.

Дата поступления 28.03.16

Дата принятия в печать 29.04.16

© Вахтина М. А., 2016. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.ieml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Вахтина Маргарита Анатольевна, доктор экономических наук, проректор, Поволжский государственный университет сервиса

Адрес: 445677, Россия, Тольятти, ул. Гагарина, 4, тел.: (8482) 22-91-74

E-mail: vahtina@tolgas.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3618-7957>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/F-2214-2016>

M. A. VAKHTINA¹

¹ Volga State University of Service, Togliatti, Russia

PROGRESSIVE TAXATION AS A TOOL FOR PROVIDING THE BUDGET SYSTEM STABILITY

Objective: to consider the alternative additional sources of income of the state budget in the framework of the action plan of the Russian government to provide socio-economic stability of the country in 2016.

Methods: comparative and dynamic analysis, classification and typology, description and measurements, including using the tools of institutional Economics, the data were interpreted using tables.

Results: it is shown, that due to the lack of financial resources, the government has to make unpopular decisions that reduce the level of social support of the population for the near future. The adopted laws stipulating the principles of address character and needs when providing regional measures of social support, increase the risks of poverty and inequality. The analysis has been made of the ranking position of Russia and member countries of the Organization for Economic Cooperation and Development in terms of GDP per capita, human development index, and quality of life index. The article grounds the need for institutional change to facilitate transition to progressive taxation and redistribution of the tax burden from the poor and middle classes to the super rich. The flat personal income tax rate has not led to the desired results of growing tax revenues in the budget. Russia is still among the top ten states with the largest tax evasion losses. The weak redistributive mechanisms, including a flat scale of personal income tax, regressive social security contributions and low property taxes lead to stagnation, inequality, underfunding of education and health.

Scientific novelty: the article grounded the necessity to introduce elements of progressive taxation in the system of income and property taxes in order to financially provide the needs of the budget sphere while the budget inflow is being reduced. The novelty is in the complex and detailed estimation of institutional problems of the modern taxation system and their influence on the budget possibilities of Russia and its regions. The estimation is carried out from the viewpoint of the influence of taxation policy on the living standards and social inequality, which is based on comparison in the global aspect.

Practical significance: the proposed measures on transition to a progressive scale of personal income tax, property and land taxes, increase of taxes on luxury goods consumption, with simultaneous action on de-offshorization of income can increase tax revenues in budgets of various levels, and will contribute to the achievement of social justice in taxation.

Keywords: Economics and national economy management; Social institution; Anti-crisis program of the government; Inequality; Social justice; Progressive taxation; Income differentiation

References

1. Gamukin, V. V. Byudzhetnye riski: varianty traektorii (Budget risks: variants of trajectory), *Voprosy regulirovaniya ekonomiki*, 2015, vol. 6, No. 4, pp. 120–130 (in Russ.).
2. Malkina, M. Yu. Institutional'nye osnovy neravenstva dokhodov v sovremennoi ekonomike (Institutional bases of income inequality in the modern economy), *Zhurnal institutional'nykh issledovaniy*, 2016, vol. 8, No. 1, pp. 100–120 (in Russ.).

3. Stiglits, Dzh. *Tsena neravenstva. Chem rassloenie obshchestva grozit nashemu budushchemu* (Price of inequality. How the society stratification threatens our future), Moscow: Eksmo, 2015, 512 p. (in Russ.).
4. Belokrylova, O. S., Vakhtina, M. A. Spravedlivoje institutsional'noe ustroystvo – uslovie stabil'nogo i postupatel'nogo razvitiya strany (Fair institutional order as a condition of stable and progressive development of a country), *Instituty i mekhanizmy regulirovaniya v usloviyakh global'noi nestabil'nosti*, Rostov n/D: Sodeistvie – XXI vek, 2014, pp. 101–109 (in Russ.).
5. Malkina, M. Yu. Issledovanie vzaimosvyazi urovnya razvitiya i stepeni neravenstva dokhodov v regionakh Rossiiskoi Federatsii (Research of the interaction of the development level and the degree of income inequality in the Russian regions), *Ekonomika regiona*, 2014, No. 2, pp. 238–246 (in Russ.).
6. Glushchenko, K. P. Ob otsenke mezhhregional'nogo neravenstva (On estimating the inter-regional inequality), *Prostranstvennaya ekonomika*, 2014, No. 4, pp. 39–58 (in Russ.).
7. Kolesnikov, Yu. S., Darmilova, Zh. D. Sovmeshchenie printsipov effektivnosti i sotsial'noi spravedlivosti v regional'noi ekonomicheskoi politike kak imperativ upravleniya prostranstvennym razvitiem Rossii (Combining the principles of efficiency and social justice in the regional economic policy as an imperative of managing the territorial development of Russia), *Voprosy regulirovaniya ekonomiki*, 2014, vol. 5, No. 2, pp. 70–81 (in Russ.).
8. Vakhtina, M. A. Narushenie sotsial'noi spravedlivosti v rossiiskoi ekonomike: prichiny i sledstviya (Violation of social justice in the Russian economy: causes and consequences), *Karel'skii nauchnyi zhurnal*, 2015, No. 2 (11), pp. 66–69 (in Russ.).
9. Vakhtina, M. A. Neravenstvo ili effektivnost': est' vybor (Inequality or efficiency: there is a choice), *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*, 2015, No. 2, pp. 13–16 (in Russ.).
10. Anisimova, G. V. Metodologicheskie aspekty analiza ekonomicheskogo neravenstva: sovetkie i postsovetkie problemy (Methodological aspects of economic inequality analysis: Soviet and post-Soviet issues), *TERRA ECONOMICUS*, 2016, No. 1, pp. 61–77 (in Russ.).
11. Ferster, M. F., Martin, J. P. Uravnoveshivanie ekonomicheskoi effektivnosti i sotsial'noi spravedlivosti (Balancing the economic efficiency and social justice), *Alternativy*, 2014, No. 1, available at: <http://www.intelros.ru/readroom/alternativi/a1-2014/23387-uravnoveshivanie-ekonomicheskoy-effektivnosti-i-socialnoy-spravedlivosti.html> (access date: 20.03.2016) (in Russ.).
12. Shakhovskaya, L. S., Klimkova, K. O. Institutsionalizatsiya bednosti v Rossii: mozno li ostanovit' etot protsess? (Institutionalization of poverty in Russia: can this process be stopped?), *Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'*, 2016, No. 3 (336), pp. 67–78 (in Russ.).
13. Nazarov, V. S. *Nalogovaya sistema Rossii v 1991–2008 godakh. Istoriya novoi Rossii* (Tax system in Russia in 1991–2008. History of the new Russia), available at: <http://www.ru-90.ru/node/1170> (access date: 20.03.2016) (in Russ.).
14. Litvintseva, G. P., Voronkova, O. V., Stukalenko, E. A. Innovatsionnyi protsess i nalogovaya sistema Rossii: kto kogo? (Innovative process and tax system in Russia: who will win?), *Ekonomicheskie sub"ekty postsovetkoi Rossii (institutsional'nyi analiz): desyat' let spustya* (Economic subjects of post-Soviet Russia (institutional analysis): ten years later), part. III, Moscow, 2010, 244 p. (in Russ.).
15. Mareeva, S. V. Spravedlivost' i neravenstvo v obshchestvennom soznanii rossiyan (Justice and inequality in the public conscience of the Russians), *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy*, 2015, vol. 7, No. 2, pp. 80–95 (in Russ.).
16. Gorshkov, M. K. Obshchestvennye neravenstva kak ob"ekt sotsiologicheskogo analiza (Public inequalities as an object of sociological analysis), *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2014, No. 7, pp. 20–31 (in Russ.).

Received 28.03.16
Accepted 29.04.16

© Vakhtina M. A., 2016. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; Licensee Tatar Educational Centre "Taglimat". This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), which permits unrestricted use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.

Information about the author

Margarita A. Vakhtina, Doctor of Economics, Vice Rector, Volga State University of Service
Address: 4 Gagarin Str., 445677, Togliatti, Russia, tel.: (8482) 22-91-74
E-mail: vahtina@tolgas.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3618-7957>
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/F-2214-2016>

For citation: Vakhtina M. A. Progressive taxation as a tool for providing the budget system stability, Actual Problems of Economics and Law, 2016, vol. 10, No. 2, pp. 68–79.

УДК 339.13

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.2.80-92>

Как цитировать статью: Гераськин М. И., Манахов В. В. Анализ кривых спроса на товарных и финансовых рынках монополистической конкуренции // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 2. С. 80–92.

М. И. ГЕРАСЬКИН¹,
В. В. МАНАХОВ¹

¹ Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Россия

АНАЛИЗ КРИВЫХ СПРОСА НА ТОВАРНЫХ И ФИНАНСОВЫХ РЫНКАХ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Цель: выявление закономерностей монополистической конкуренции применительно к рынкам товаров бытовой техники, потребительских кредитов и страховых продуктов России.

Методы: эконометрическое моделирование, трендовый, регрессионный анализ, анализ статистической значимости.

Результаты: проведен статистический анализ трендов рынка бытовой техники, страхового и кредитного рынков; произведена оценка статистической значимости и адекватности моделей; разработаны адекватные и достоверные регрессионные модели ценовых трендов бытовой техники и электроники, процентной ставки потребительских кредитов и тарифа страхования задолженности по кредитам.

Научная новизна: выявлены актуальные закономерности убывания кривых спроса на бытовую технику, потребительские кредиты и страховые продукты для соответствующих рынков РФ в 2009–2014 гг.

Практическая значимость: модели могут быть использованы для решения задач оптимального планирования стратегий ретейлеров, страховщиков и банков.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; монополистическая конкуренция; товарный рынок; кредитный рынок; страховой рынок; цена; процентная ставка; страховой тариф; регрессионная модель; коэффициент детерминации; критерий Фишера; критерий Стьюдента

Введение

Монополистическая конкуренция как рыночная структура, определенная Э. Чемберлином [1], в последних исследованиях оцениваемая по моделям Лернера (Lerner, 1934) [2], Бреснахана – Лая (Bresnahan, Lau, 1982) [3] и Панзара – Росса (Panzar, Rosse 1977) [4], в современной науке [5–14] трактуется следующим образом. Это рынок, характеризующийся однородностью товара, удовлетворяющего одну или несколько схожих потребностей покупателя, в случае дифференцированности товара только по второстепенным признакам (торговой марке, ареалу продаж, упаковке, качеству, условиям сервиса и др.). В связи с этим наличие на рынке множества продавцов не порождает конкуренцию предложения, поскольку совокупный спрос на агрегированную потребность дезагрегируется на соответствующее число продавцов количество рыночных сегментов, в каждом из которых кривая сегментного спроса сохраняет присутствующий общему спросу убывающий характер. Поэтому

каждая фирма на таком рынке, являясь квазимонополистом в границах своего рыночного сегмента, максимизирует прибыль, ориентируясь на кривую сегментного спроса, в силу чего статистический анализ кривых спроса является актуальной проблемой для рынков монополистической конкуренции.

Исследования конкретных отраслевых рынков российской экономики подтверждают наличие убывающих ценовых трендов на продукцию отдельных продавцов. В частности, модель прогнозирования развития российского рынка бытовой техники и электроники [15], по данным 2013–2014 гг., показала обратную корреляцию динамики розничных продаж с ростом сбережений населения, а поскольку последняя тенденция тесно связана с ростом цен, то можно сделать вывод о наличии убывающей кривой спроса в данном сегменте. Анализ рынка телевизоров и жидкокристаллических панелей [16] в 2008–2011 гг. в РФ показал повышение стоимостного выражения однопроцентного прироста

продаж, что свидетельствует о наличии понижающейся тенденции спроса с высоким коэффициентом эластичности. Анализ рынка кредитных продуктов банков Республики Бурятия в 2007–2009 гг. [17], банков Ивановской области в 2010–2011 гг. [18], ипотечного кредитного рынка РФ в 2010–2011 гг. [19] и других показывает обратно пропорциональную зависимость объемов кредитования от процентной ставки по кредитам. Анализ российского рынка страховых услуг за 2005–2010 гг. (с динамикой до 2012 г.) [20] показал рост показателя страховых премий на душу населения, что на фоне опережающего повышения собранных премий приводит к выводу о снижении страхового тарифа с ростом стоимости застрахованного имущества. Методики анализа рыночных структур, моделей спроса и предложения [21] позволили сформировать рыночные модели на рынках олигополии [22, 23], предназначенные для выработки стратегий корпоративной интеграции [24] и реструктуризации экономических механизмов [25] поликомпонентных (мультиагентных) систем при нескольких критериях эффективности [26].

Анализ структурирования рынков монополистической конкуренции приводит к выводу о закономерности процессов интеграции рынков разнородных товаров, удовлетворяющих взаимосвязанные потребности покупателей, в форме мультиагентных систем, создаваемых с целью повышения оптимумов агентов на убывающих кривых сегментного спроса. В частности, рынки ретейла непродовольственных товаров, розничного банковского кредитования и страхования жизни объективно проявляют коррелируемые тенденции. На фоне падения прироста физического объема продаж розничной торговли в 2014 г. (8,1 %) по сравнению с 2013 г. (11,2 %)¹ аналитики Банка России отмечают² существенное сокращение доли кредитов физическим лицам в общем объеме кредитов – с 24,6 % в 2014 г. до 21,9 % в 2013 г., что обусловлено снижением темпов прироста кредитов населению с 28,7 % в 2013 г. до 13,8 % в 2014 г.; в 2014 г. темпы прироста кредитов физическим лицам закономерно сокращались, в основном в силу резкого сужения сегмента необеспеченного потребительского

кредитования (годовой темп прироста этого сегмента снизился за год почти втрое и на 01.01.2015 составил 8,9 %). Также отмечается существенная зависимость темпов роста страхового рынка от интеграции с банковским сектором: насыщение рынка кредитования физических лиц в 2014 г. негативно повлияло на рисковое страхование жизни (прирост сборов сократился с 45,8 % в 2013 г. до 16,2 % в 2014 г.), страхование от несчастных случаев и болезней (падение прироста сборов с 25,0 до 0,9 %), страхование предпринимательских и финансовых рисков (падение прироста сборов с 12,0 до 1,2 %). В связи с этим актуальной проблемой интеграции агентов на рынках монополистической конкуренции являются верификация теоретических моделей спроса, а также формирование адекватных и достоверных регрессионных моделей спроса для широкого спектра отраслевых рынков.

Результаты исследования

1. Статистический анализ трендов рынка бытовой техники

Исследуем кривые спроса на бытовую технику и электронику на основе показателей товарооборота ООО «ДНС-Волга»³ и ООО «Эльдорадо»⁴, являющихся ведущими сетевыми ретейлерами Самарской области. Представим товароборот в виде четырех ассортиментных групп, охватывающих 97 % выручки фирм: 1) телевизоры и жидкокристаллические панели; 2) крупногабаритная бытовая техника (холодильники, стиральные машины, посудомоечные машины); 3) электроника (смартфоны, планшеты, ноутбуки, компьютеры); 4) малогабаритная бытовая техника. Динамические ряды цен сформируем исходя из средневзвешенных значений по товарным группам:

$$p_j = \frac{\sum_{i=1}^I p_{ji} Q_{ji}}{\sum_{i=1}^I Q_{ji}}, j = 1, \dots, J,$$

где p_j – средневзвешенная цена товаров j -й группы; p_{ji} , Q_{ji} – фактические значения цены и объема реализации i -го товара из j -й группы.

¹ Официальный сайт Росстата. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 23.03.2016).

² Центральный банк России. Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора. 2014. URL <http://www.cbr.ru/publ/?PrtlId=nadzor> (дата обращения: 23.03.2016).

³ Сайт ООО «ДНС», о компании. URL: <http://www.dns-shop.ru/about> (дата обращения: 23.03.2016).

⁴ Сайт ООО «Эльдорадо», о компании. URL: <http://www.eldorado.ru/company/> (дата обращения: 23.03.2016).

Предположим наличие степенных функций спроса вида:

$$p_j = a_j Q_j^{b_j}, a_j > 0, b_j < 0, |b_j| < 1, j = 1, \dots, J, \quad (1)$$

где a_j, b_j – коэффициенты регрессий. Временные ряды объемов продаж и средневзвешенных цен по группам рассматривались в ретроспективном периоде 2012–2014 гг. при статистически значимом количестве (свыше 30) отчетных периодов. На рис. 1–4 показаны фактические значения цен и объемов продаж, а также кривые сформированных алгоритмом метода наименьших квадратов в процессоре Excel согласно методикам [27] регрессионных моделей:

$$p_1 = 49990 Q_1^{-0.09}, p_2 = 36550 Q_2^{-0.07}, p_3 = 37640 Q_2^{-0.08}, \\ p_4 = 22000 Q_2^{-0.18}. \quad (2)$$

Анализ коэффициентов эластичности спроса b для регрессионных моделей цен (2) показывает, что спрос на бытовую технику и электронику в целом, во-первых, является убывающим по объему продаж ($b_j < 0$); во-вторых, низкоэластичным, поскольку ко-

эффициент эластичности по абсолютной величине составляет от 0,07 % по крупногабаритной бытовой технике до 0,18 % по малогабаритной бытовой технике.

Следовательно, ценовые стратегии ретейлеров, связанные с понижением цен, для таких товаров малоэффективны, так как не приводят к весомому приросту продаж; кроме того, стратегия максимизации прибыли в этом случае требует достижения весьма высоких уровней объемов продаж.

2. Статистический анализ трендов страхового рынка

Исследуем закономерности динамики тарифов, применяемых при страховании кредитов на приобретение бытовой техники и электроники. В качестве информационной базы используем статистику страхования одного из крупнейших розничных страховщиков России ООО «Страховая компания «Ренессанс Жизнь», входящего, начиная с 2013 г., в десятку лидеров страхового рынка⁵, в портфеле которого страхование жизни заемщиков кредитов в 2013–2014 гг. достигало 96–98 %⁶ [16].

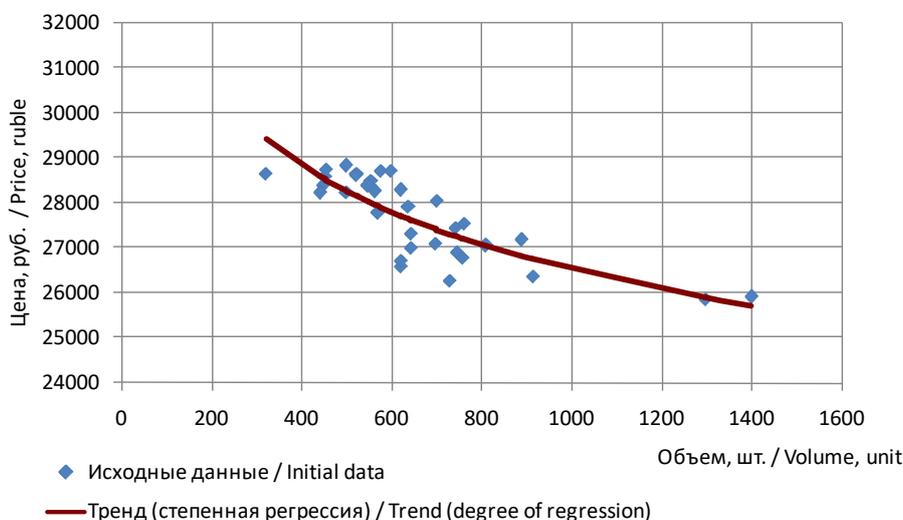

Рис. 1. Ценовые тренды телевизоров за 2012–2014 гг.*

* Источник: составлено авторами.

Fig. 1. Price trends for television sets in 2012–2014*

* Source: compiled by the authors.

⁵ Центральный банк России. Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора. 2014. URL: <http://www.cbr.ru/publ/?PrId=nadzor> (дата обращения: 23.03.2016).

⁶ Официальный сайт ООО «Страховая компания «Ренессанс Жизнь». URL: <http://www.renlife.com/> (дата обращения: 23.03.2016).

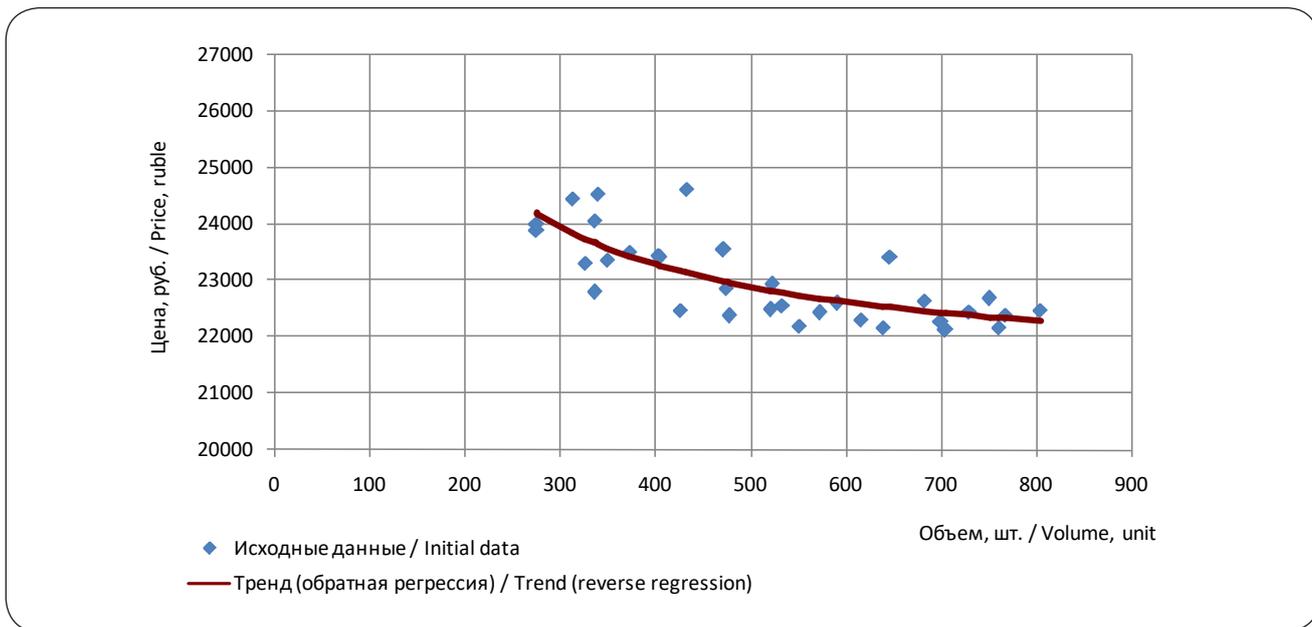

Рис. 2. Ценовые тренды крупногабаритной бытовой техники за 2012–2014 гг.*

* Источник: составлено авторами.

Fig. 2. Price trends for large household appliances in 2012–2014*

* Source: compiled by the authors.

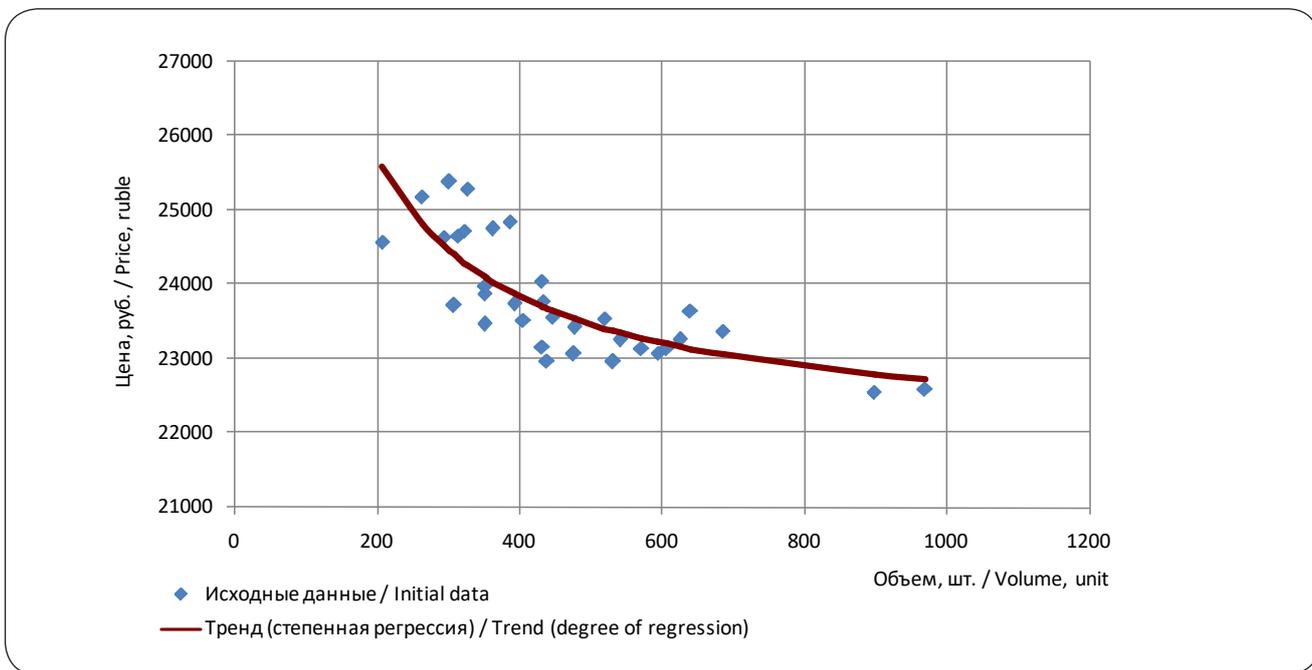

Рис. 3. Ценовые тренды электроники за 2012–2014 гг.*

* Источник: составлено авторами.

Fig. 3. Price trends for electronics in 2012–2014*

* Source: compiled by the authors.

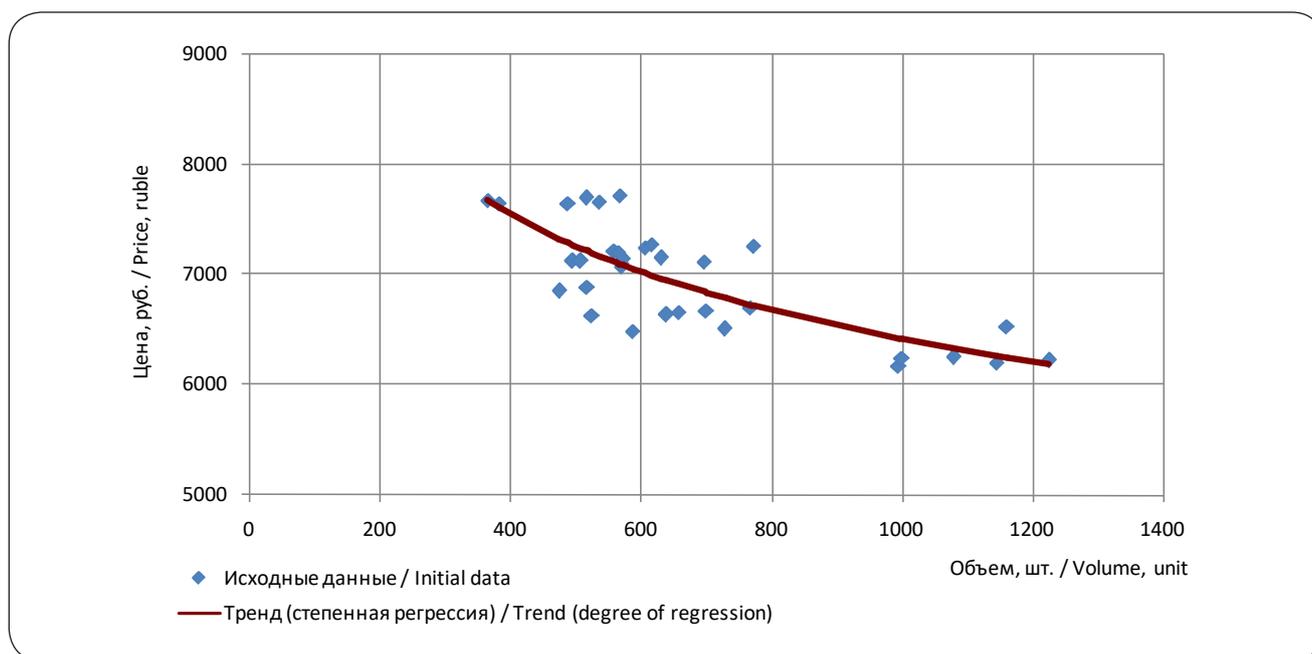

Рис. 4. Ценовые тренды малогабаритной бытовой техники за 2012–2014 гг.*

* Источник: составлено авторами.

Fig. 4. Price trends for small household appliances in 2012–2014*

* Source: compiled by the authors.

Отметим, что механизм страхования товарных кредитов населению основан на страховании жизни и потери трудоспособности заемщика, который выступает страхователем; база страхования представляет собой остаток задолженности по кредиту; при наступлении страхового события возмещение выплачивается в пользу банка. В связи с этим при страховании жизни тарифы фактически рассчитываются как при имущественном: страховая премия пропорциональна сумме остатка задолженности по кредиту. Поэтому установим статистическую связь между динамикой страхового тарифа и объемами застрахованных кредитных обязательств заемщиков, предположив наличие степенной кривой спроса:

$$s = A_2 Q_2^{B_2}, A_2 > 0, B_2 < 0, |B_2| < 1, \quad (3)$$

где s – страховой тариф; Q_2 – объем застрахованного имущества; A_2, B_2 – коэффициенты регрессии страхового тарифа.

Необходимые для статистического анализа временные ряды страховых тарифов и объемов застрахованного имущества сформируем расчетным путем, так как в отчетности страховщиков не представлена

соответствующая информация. На основе квартальной статистики страховых премий и оформленных в 2010–2014 гг. (20 отчетных периодов) страховых договоров⁷ рассчитаем объемы застрахованных кредитных обязательств исходя из количества заключенных договоров страхования и среднего размера товарных кредитов ретейлеров:

$$Q_{2t} = q n_{2t}, t = 1, \dots, T,$$

где Q_{2t} – объем имущества, застрахованного в период t , q – средневзвешенное значение товарных кредитов за период T , принимаемое при моделировании равным 34000 руб.; n_{2t} – фактическое количество заключенных договоров страхования в период t . Средневзвешенный страховой тариф рассчитаем, исходя из фактических объемов страховых премий и расчетных объемов

⁷ Рэнкинг страховых компаний по итогам 2014 года / Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг». URL: http://riarating.ru/insurance_companies_rankings/20150319/610649976.html (дата обращения: 23.03.2016); Динамика показателей страховой компании «Ренессанс Жизнь» / Медиаинформационная группа «Страхование сегодня». URL: <http://www.insur-info.ru/orgsandcomps/1700/analytics/> (дата обращения: 23.03.2016).

застрахованных кредитных обязательств в соответствующие периоды:

$$S_t = \frac{S_t}{Q_{2t}}, t = 1, \dots, T,$$

где S_t – фактический объем собранных страховщиком страховых премий в период t .

Сформируем регрессионную модель страхового тарифа от объема застрахованного имущества (3) методом наименьших квадратов в табличном процессоре Excel согласно методикам [27] в виде:

$$s = 0,785 Q_2^{-0,24}. \quad (4)$$

Анализ коэффициента эластичности спроса B_2 регрессионной модели страхового тарифа (4) показывает, что спрос на страховые продукты, во-первых, является убывающим по объему застрахованных кредитных обязательств ($B_2 < 0$); во-вторых, он низкоэластичен, так как снижение тарифа на 1 % приводит к росту продаж страховых продуктов не более чем на 0,24 %; в-третьих, эластичность спроса на продукты страховщика выше таковой на бытовую технику и электронику. В связи с этим понижающая ценовая стратегия страховщиков малоэффективна, но приводит к большему росту продаж, чем демпинг

ритейлеров, а стратегия максимизации прибыли потребует не настолько высокого уровня объема продаж, как для ритейлеров.

3. Статистический анализ трендов кредитного рынка

На первом этапе проведем исследование временных рядов процентных ставок потребительского кредитования, сформированных по данным Банка России⁸; используем для анализа объемы кредитования, агрегированные по банковской отрасли РФ, за период 1999–2014 гг. С учетом резкого спада экономической активности, произошедшего в период кризиса 2008 г., выразившегося в резком скачке процентных ставок, для выявления трендов рассмотрим два периода: с 1999 по 2007 гг. (рис. 6) и с 2009 по 2014 гг. (рис. 7). Предположим, что в каждом периоде тренд процентной ставки от объема кредитования может быть аппроксимирован степенной функцией:

$$i = A_3 Q_3^{B_3}, A_3 > 0, B_3 < 0, |B_3| < 1, \quad (5)$$

где i – процентная ставка по кредитам физическим лицам, Q_3 – объем потребительского кредитования, A_3, B_3 – коэффициенты регрессии процентной ставки.

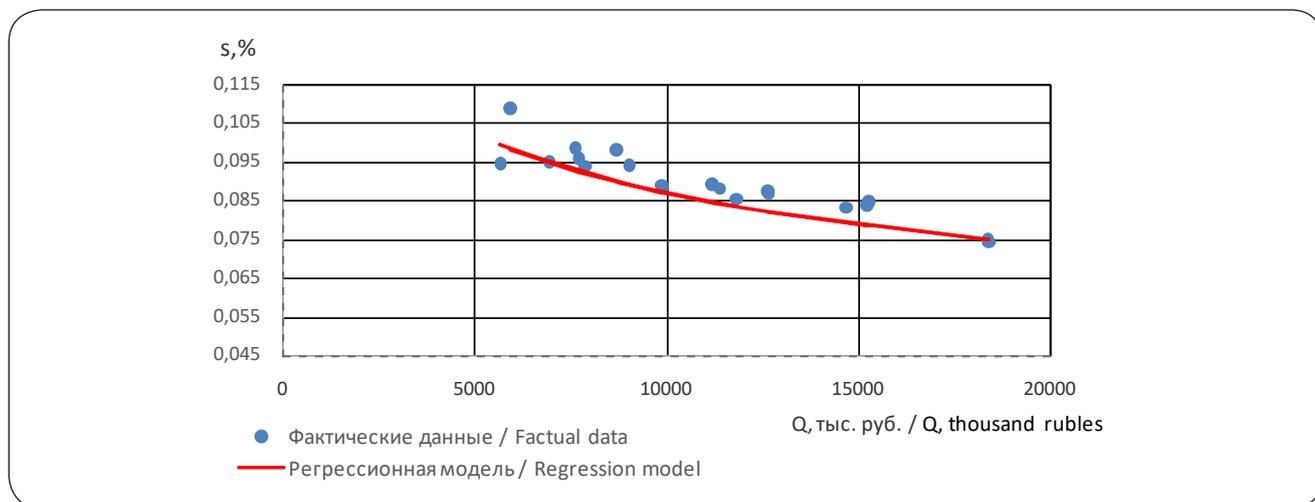

Рис. 5. Динамика страховых тарифов в зависимости от объема застрахованных кредитов и регрессионная модель в 2010–2014 гг.*

* Источник: составлено авторами.

Fig. 5. Dynamics of insurance rates depending on the size of insured credits and regression model in 2010–2014*

* Source: compiled by the authors.

⁸ Статистический бюллетень банка России. URL: http://www.cbr.ru/publ/?Prtid=bbs&ch=itm_11816#CheckedItem (дата обращения: 23.03.2016).

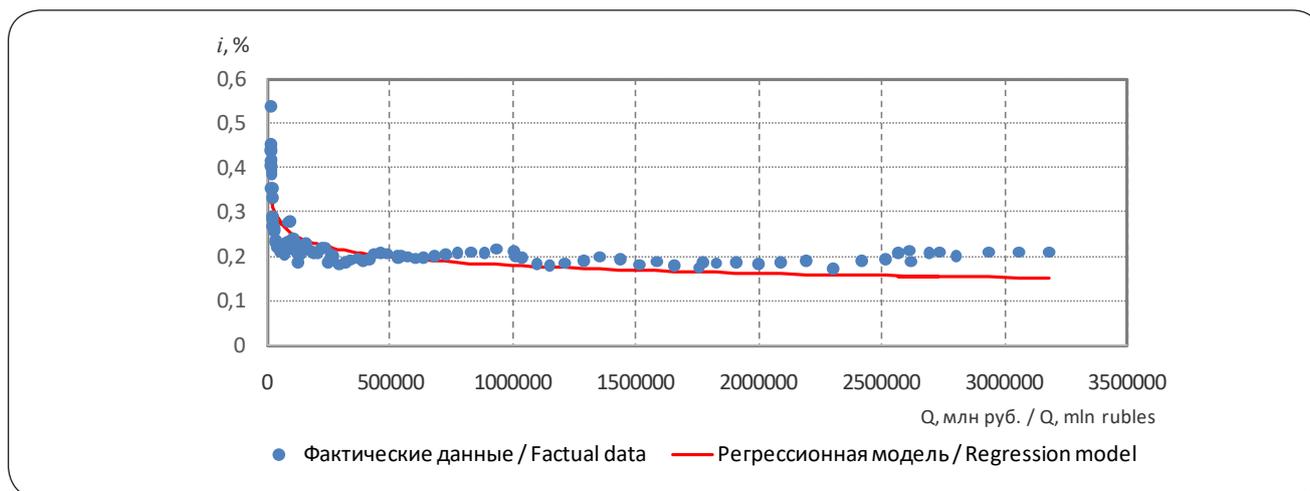

Рис. 6. Динамика годовых процентных ставок (в долях единицы) потребительских кредитов по банковской системе РФ и регрессионная модель в 1999–2007 гг.*

* Источник: составлено авторами.

Fig. 6. Dynamics of the yearly interest rates (in fractions of one) of consumer credits in the Russian banking system and regression model in 1999–2007*

* Source: compiled by the authors.

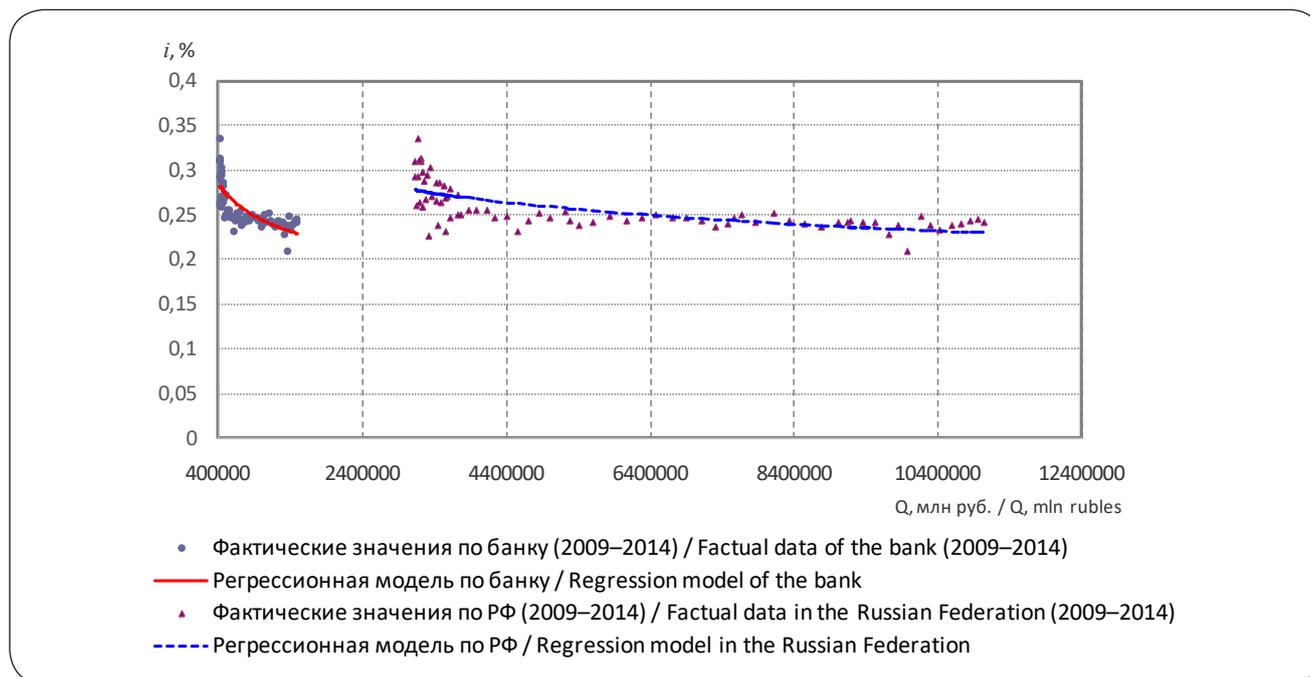

Рис. 7. Динамика годовых процентных ставок (в долях единицы) потребительских кредитов и модель по банкам РФ и банку ООО «Хоум Кредит» в 2009–2014 гг.*

* Источник: составлено авторами.

Fig. 7. Dynamics of the yearly interest rates (in fractions of one) of consumer credits in the model of the Russian banks and "Home Credit Bank" Ltd in 2009–2014*

* Source: compiled by the authors.

Регрессионные модели процентной ставки, графики которых приведены на рис. 6, 7, полученные с помощью методики [27], имеют вид:

$$\begin{aligned} i &= 1,71Q_3^{-0,167}, t \in [1999, 2007], \\ i &= 2,61Q_3^{-0,15}, t \in [2009, 2014]. \end{aligned} \quad (6)$$

Далее исследуем модель процентной ставки потребительского кредитования, сформированную на базе временного ряда в 2009–2014 гг. (72 отчетных периода), предполагая, что более современные данные отражают актуальную тенденцию рынка.

На втором этапе сформируем модель связи процентной ставки потребительского кредитования с объемом кредитования банка ООО «Хоум Кредит энд Финанс Банк», одного из ведущих агентов на рынке розничного кредитования⁹, входящего в 2015 г. в первую десятку банков России по кредитному портфелю физических лиц. Для этого скорректируем объем кредитования по банковскому сектору РФ, исходя из коэффициента масштаба μ , равного $\mu = \frac{\sum_{t=1}^T Q_{3t}}{\sum_{t=1}^T Q_{3\Sigma t}}$, где Q_{3t} – фактический объем потребительских кредитов банка в период t ; $Q_{3\Sigma t}$ – фактический объем кредитов, выданных банковским сектором в целом в период t . Коэффициент μ характеризует относительный рыночный сегмент банка и составил 5,6 % в 2009–2014 гг. Поэтому для формирования модели (5) используем временные ряды объемов кредитования вида $Q_{3t} = \mu Q_{3\Sigma t}$, $t = 1, \dots, T$.

Регрессионная модель процентной ставки банка, график которой приведен на рис. 7, имеет вид:

$$i = 2,35Q_3^{-0,164}. \quad (7)$$

Исследование коэффициента эластичности спроса B_3 регрессионной модели процентной ставки (7) показывает, что спрос на потребительские кредиты убывает по объему кредитования ($B_3 < 0$) и является низкоэластичным, так как снижение ставки на 1 % приводит к росту кредитования на 0,16 %. Отметим, что спрос на продукты банка более эластичен, чем на бытовую технику и электронику (кроме малогабаритной), но менее эластичен, чем на страховые

услуги. Это означает, что, как и для ретейлеров, понижение цены несущественно увеличивает продажи, однако стратегия максимизации прибыли банка потребует меньшего прироста объема продаж, чем для ретейлеров.

4. Оценка статистической значимости и адекватности моделей

Установим статистическую значимость сформированных регрессий на основе F -критерия Фишера [28], определяемого по формуле:

$$F = \frac{(T-1) \sum_{t=1}^T (\hat{p}_t - \bar{p})^2}{m \sum_{t=1}^T (p_t - \bar{p})^2} = \frac{R^2}{1-R^2} \frac{T-m-1}{m},$$

где m – количество коэффициентов, подбираемых в регрессии, для моделей (1), (3), (5) равно $m = 2$; $(\hat{p}_t - p_t)^2$ – оценка отклонения величины ошибки аппроксимации; p_t – фактическое значение величины p в момент t ; $\hat{p}_t$ – рассчитанное по регрессионной модели значение величины p в момент t ; $\bar{p}$ – среднее значение величины p ; T – количество наблюдений (отчетных периодов). Фактическое значение F -критерия сравнивается с критическим (табличным) значением при уровне значимости $\alpha = 5\%$ и степенях свободы $k_1 = m$ и $k_2 = T - m - 1$.

Оценим адекватность (объясняющую способность) сформированных регрессий, определив для них следующие статистические оценки [28]. Коэффициент детерминации R^2 определяется по формуле:

$$R^2 = 1 - \frac{\sum_{t=1}^T (\hat{p}_t - p_t)^2}{\sum_{t=1}^T (p_t - \bar{p})^2}.$$

Средняя ошибка аппроксимации (MAPE-оценка) рассчитана по формуле:

$$MAPE = \frac{100\%}{T} \sum_{t=1}^T \left| \frac{\hat{p}_t - p_t}{p_t} \right|.$$

Оценку значимости коэффициентов регрессий проведем по формуле t -критерия Стьюдента: $t = \frac{\hat{a}}{\hat{\sigma}}$, в которой использованы обозначения: $\hat{a} = \{\hat{a}_j, \hat{b}_j, j = 1, \dots, J, \hat{A}_2, \hat{B}_2, \hat{A}_3, \hat{B}_3\}$ – вектор

⁹ Рейтинг банков, 2015 / Рейтинговое агентство «Банкиру». URL: <http://www.banki.ru/banks/ratings> (дата обращения: 23.03.2016).

оценок коэффициентов регрессий (1), (3), (5);
 $\hat{\sigma} = \left\{ \hat{\sigma}_{a_j}, \hat{\sigma}_{b_j}, j = 1, \dots, J, \hat{\sigma}_{\lambda_2}, \hat{\sigma}_{\beta_2}, \hat{\sigma}_{\lambda_3}, \hat{\sigma}_{\beta_3} \right\}$ – вектор стандартных отклонений коэффициентов $\hat{a}$. Фактическое значение t -критерия сравнивается с критическим (табличным) значением при уровне значимости $\alpha = 5\%$ и степени свободы $k_2 = T - m - 1$. Результаты расчетов статистических оценок сформированных регрессионных моделей приведены в табл. 1.

выборки, содержащей множество незакономерных флуктуаций; модель страхового тарифа уступает в качестве по МАРЕ-оценке (11,4%), но имеет высокий коэффициент детерминации. Значимость коэффициентов регрессионных моделей по t -критерию, минимальное фактическое значение которого для каждого из коэффициентов регрессии приведено в табл. 1, достаточно высокая.

Таблица 1
Статистические оценки регрессионных моделей*
Table 1. Statistical evaluations of regression models*

Регрессионная модель / Regression model	$t (m = 2, \alpha = 0,05)$			R^2	МАРЕ, %	$F (m = 2, \alpha = 0,05)$	
	критич. / critical	факт. / actual				критич. / critical	факт. / actual
		a	b				
Группа «Телевизоры» (T = 33) / "Televisions" group	1,697	52,2	30,5	0,67	1,44	3,32	30,45
Группа «Крупная бытовая техника» (T = 33) / "Large household appliances" group	1,697	46,3	28,2	0,57	1,48	3,32	19,88
Группа «Электроника» (T = 33) / "Electronics" group	1,697	26,7	37,2	0,63	1,47	3,32	25,54
Группа «Малая бытовая техника» (T = 33) / "Minor household appliances" group	1,697	46,2	32,5	0,61	3,15	3,32	23,46
Процентная ставка по кредиту (T = 72) / Interest rate for credit	1,671	14,8	33,6	0,57	9,64	3,15	20,04
Страховой тариф (T = 20) / Insurance tariff	1,74	12,3	23,2	0,84	11,4	3,49	21,56

* Источник: составлено авторами.

* Source: compiled by the authors.

Анализ статистических оценок (табл. 1) показывает, что все регрессии статистически значимы по критерию Фишера, критические значения которого существенно ниже фактических. Регрессии характеризуются высоким общим качеством по МАРЕ-оценке и имеют приемлемую объясняющую способность по коэффициенту детерминации; модель процентной ставки уступает по общему качеству (МАРЕ-оценка 9,6%) другим регрессиям вследствие значительной

Выводы

Авторами статьи разработаны регрессионные модели ценовых трендов бытовой техники и электроники, процентной ставки потребительских кредитов и тарифа страхования задолженности по кредитам, выражающие принципы поведения покупателей на товарных и финансовых рынках, интегрированных в целостную систему бизнес-процесса продажи товаров длительного пользования в кредит. Анализ рассмотренных рынков подтвердил предположение об отнесении их к монополистической конкуренции, а анализ ценовых трендов, отражающих кривые спроса на товары, кредитные и страховые продукты, показал убывающую зависимость цен от объемов продаж. Сформированные регрессии могут быть использованы для решения задач согласованного оптимального планирования стратегий ретейлеров, страховщиков и банков в соответствии с методиками [29, 30].

Сравнительный анализ моделей спроса показал, что спрос на бытовые товары (телевизоры, электронику и крупногабаритную технику) наименее эластичен (коэффициент эластичности не превышает 0,1%); на потребительские кредиты (эластичность 0,16%) и малогабаритную бытовую технику (эластичность 0,18%) более эластичен; наиболее эластичным оказался спрос на страховые продукты (0,24%). Отметим, что этот показатель является косвенным, позволяющим определить потенциального инициатора интегрированной системы: чем ниже эластичность спроса, тем есть чем менее чувствителен он к влиянию цены, тем более соответствующий агент заинтересован в использовании неценовых инструментов стимулирования спроса, в частности механизмов кредитования. Поэтому ретейлеры, сталкивающиеся по подавляющей части ассортимента с низкоэластичным спросом, заинтересованы в интеграции с банками и страховщиками и являются инициаторами создания интегрированного бизнес-процесса кредитного товарооборота.

Список литературы

1. Чемберлин Э. Теория монополистической конкуренции. М.: Экономика, 1993. 496 с.
2. Lerner A. P. The concept of monopoly and the measurement of monopoly power // Review of Economic Studies. 1934. No. 1. Pp. 157–175.
3. Bresnahan T. F. Monopolization and the fading dominant firm // Competition Law and Economics: Advances in Competition Policy Enforcement in the EU and North America. 2010. Pp. 264–290.
4. Panzar J. C., Sidak J. G. When does an optional tariff not lead to a pareto improvement? The ambiguous effects of self-selecting nonlinear pricing when demand is interdependent or firms do not maximize profit // Journal of Competition Law and Economics. 2006. No. 2 (2). Pp. 285–299.
5. Assenza T., Grazzini J., Hommes C., Massaro D. PQ strategies in monopolistic competition: Some insights from the lab // Journal of Economic Dynamics and Control. 2015. No. 50. Pp. 62–77.
6. Besbes O., Sauré D. Product Assortment and Price Competition under Multinomial Logit Demand // Production and Operations Management. 2016. No. 25 (1). Pp. 114–127.
7. D'Aspremont C., Dos Santos Ferreira R. Oligopolistic vs. monopolistic competition: Do intersectoral effects matter? // Economic Theory. 2015.
8. Feenstra R.C. Gains from Trade Under Monopolistic Competition // Pacific Economic Review. 2016. No. 21 (1). Pp. 35–44.
9. Huck S., Lünser G. K., Tyran J.-R. Price competition and reputation in markets for experience goods: An experimental study // RAND Journal of Economics. 2016. No. 47 (1). Pp. 99–117.
10. Kumar S., Chatterjee A. K. A profit maximising product line optimisation model under monopolistic competition // International Journal of Production Research. 2015. No. 53 (5). Pp. 1584–1595.
11. Mansouri D. E. K., Benyettou M. Price optimisation of cloud computing service in a monopolistic competitive market // Multiagent and Grid Systems. 2016. No. 11 (4). Pp. 259–271.
12. Moul C. C. Estimating demand for spatially differentiated firms with unobserved quantities and limited price data // Economics Letters. 2015. No. 131. Pp. 50–53.
13. Sá N. Market structure and welfare under monopolistic competition // Economics Letters. 2015. No. 132. Pp. 69–72.
14. Schweinberger A. G., Woodland A. D. Entrepreneurship and conflict generating product price changes // European Economic Review. 2015. No. 78. Pp. 158–174.
15. Платонова Ю. О., Сосунова Л. А. Прогнозирование динамики спроса на бытовую технику и электронику // Проблемы совершенствования организации производства и управления промышленными предприятиями: Межвузовский сборник научных трудов. 2013. № 1. С. 114–120.
16. Пуляшкин В. В., Вирник В. Ю. Динамика и тенденции розничных продаж ЖК-телевизоров в РФ // Альманах современной науки и образования. 2013. № 1 (68). С. 119–123.
17. Доржиева И. Ц., Тимофеев В. И. Модель финансового регулирования кредитных отношений в АПК Республики

Бурятия // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2009. № 3. С. 93–103.

18. Грабарь Т. Ю. Равновесная модель конъюнктуры рынка кредитных ресурсов в условиях конкуренции // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2011. № 2. С. 161–167.

19. Задонский Г. Ипотека в РФ // Экономическое развитие России: Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара. 2014. № 11. URL: https://www.hse.ru/data/2014/11/09/1103079717/Russian_Economic_Developments_11_2014.pdf (дата обращения: 23.03.2016).

20. Российский страховой рынок в 2005–2010 годах. Аналитический обзор рейтингового агентства «Эксперт РА» / Н. Данзурун, Н. Комлева, А. Янин, П. Самиев. М., 2011. 84 с.

21. Гераськин М. И. Инновационный менеджмент наукоемких технологий. Самара: Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С. П. Королева (национальный исследовательский университет), 2006. 161 с.

22. Гераськин М. И., Кореева Е. Б., Кузнецов А. В. Модели согласования экономических интересов агентов на рынке сотовой связи Самарской области // TERRA ECONOMICUS. Т. 6. № 4–2. 2008. № 84. С. 278–285.

23. Гераськин М. И., Чхартишвили А. Г. Моделирование структур рынка олигополии при нелинейных функциях спроса и издержек агентов // Проблемы управления. 2015. № 6. С. 10–22.

24. Гераськин М. И. Процессы и стратегии корпоративной интеграции в российском авиастроении // Экономические стратегии. 2005. № 5–6. С. 92–97.

25. Гераськин М. И., Мазурмович О. Н. Процессы реструктуризации и формирования экономических механизмов взаимодействий предприятий нефтяной промышленности // Научное обозрение. 2012. № 4. С. 416–423.

26. Гераськин М. И. Формирование управления поликомпонентной системой при нескольких критериях эффективности на основе графа управлений // Известия СНЦ Российской академии наук. 2003. Т. 5. № 1. С. 134–142.

27. Гераськин М. И., Квашин Д. А. Оптимизация государственных инвестиционных социальных проектов на основе регрессионных моделей регионального развития // Проблемы управления. 2014. № 3. С. 38–49.

28. Елисеева И. И. Эконометрика. М.: Финансы и статистика, 2007. 576 с.

29. Гераськин М. И., Манахов В. В. Оптимизация взаимодействий в мультиагентной сильносвязанной системе «ритейлер – банк – страховщик» // Проблемы управления. 2015. № 4. С. 9–18.

30. Гераськин М. И. Модели оптимизации управления неиерархическими системами корпораций при межкорпоративных взаимодействиях // Проблемы управления. 2010. № 5. С. 28–38.

Дата поступления 20.03.16

Дата принятия в печать 29.04.16

© Гераськин М. И., Манахов В. В., 2016. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.ieml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторах

Гераськин Михаил Иванович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой математических методов в экономике, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева

Адрес: 443086, г. Самара, Московское шоссе, 34, тел.: +7 (846) 335-18-26

E-mail: ssau@ssau.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0381-5830>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/F-9518-2016>

Контактное лицо:

Манахов Владимир Валерьевич, аспирант, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева

Адрес: 443086, г. Самара, Московское шоссе, 34, тел.: +7 (846) 335-18-26

E-mail: ssau@ssau.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2731-2931>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/E-6227-2016>

M. I. GERAS'KIN¹,

V. V. MANAKHOV¹

¹ Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, Samara, Russia

ANALYSIS OF DEMAND CURVES IN THE STOCK AND FINANCIAL MARKETS OF MONOPOLISTIC COMPETITION

Objective: to identify patterns of monopolistic competition as applied to markets of household appliances, consumer loans and insurance products in Russia.

Methods: econometric modeling, trending, regression analysis, analysis of statistical significance.

Results: the statistical analysis of trends in the market of household appliances, insurance and credit markets has been carried out; the statistical significance and adequacy of the models has been assessed; adequate and accurate regression models of price trends of household appliances and electronics have been developed, as well as of the interest rates of consumer loans and insurance rates for loan debts.

Scientific novelty: the actual patterns of decreasing demand curves for household appliances, consumer loans and insurance products were found for the relevant markets in the Russian Federation in 2009–2014.

Practical significance: the model can be used for solving problems of optimal planning strategies of retailers, insurers and banks.

Keywords: Economy and national economy management; Monopolistic competition; Product market; Credit market; Insurance market; Price; Interest rate; Insurance rates; Regression model; Determination coefficient; Fisher criterion; Student criterion

References

1. Chamberlin, E. *Teoriya monopolisticheskoi konkurentsii* (Theory of monopolistic competition), Moscow: Ekonomika, 1993, 496 p. (in Russ.).
2. Lerner, A. P. The concept of monopoly and the measurement of monopoly power, *Review of Economic Studies*, 1934, No. 1, pp. 157–175.
3. Bresnahan, T. F. Monopolization and the fading dominant firm, *Competition Law and Economics: Advances in Competition Policy Enforcement in the EU and North America*, 2010, pp. 264–290.
4. Panzar, J. C., Sidak, J. G. When does an optional tariff not lead to a pareto improvement? The ambiguous effects of self-selecting nonlinear pricing when demand is interdependent or firms do not maximize profit, *Journal of Competition Law and Economics*, 2006, No. 2 (2), pp. 285–299.
5. Assenza, T., Grazzini, J., Hommes, C., Massaro, D. PQ strategies in monopolistic competition: Some insights from the lab, *Journal of Economic Dynamics and Control*, 2015, No. 50, pp. 62–77.
6. Besbes, O., Sauré, D. Product Assortment and Price Competition under Multinomial Logit Demand, *Production and Operations Management*, 2016, No. 25 (1), pp. 114–127.
7. D'Aspremont, C., Dos Santos Ferreira, R. Oligopolistic vs. monopolistic competition: Do intersectoral effects matter? *Economic Theory*, 2015.
8. Feenstra, R. C. Gains from Trade Under Monopolistic Competition, *Pacific Economic Review*, 2016, No. 21 (1), pp. 35–44.
9. Huck, S., Lünser, G. K., Tyran, J.-R. Price competition and reputation in markets for experience goods: An experimental study, *RAND Journal of Economics*, 2016, No. 47 (1), pp. 99–117.

10. Kumar, S., Chatterjee, A. K. A profit maximising product line optimization model under monopolistic competition, *International Journal of Production Research*, 2015, No. 53 (5), pp. 1584–1595.
11. Mansouri, D. E. K., Benyettou, M. Price optimization of cloud computing service in a monopolistic competitive market, *Multiagent and Grid Systems*, 2016, No. 11 (4), pp. 259–271.
12. Moul, C. C. Estimating demand for spatially differentiated firms with unobserved quantities and limited price data, *Economics Letters*, 2015, No. 131, pp. 50–53.
13. Sá, N. Market structure and welfare under monopolistic competition, *Economics Letters*, 2015, No. 132, pp. 69–72.
14. Schweinberger, A. G., Woodland, A. D. Entrepreneurship and conflict generating product price changes, *European Economic Review*, 2015, No. 78, pp. 158–174.
15. Platonova, Yu. O., Sosunova, L. A. Prognozirovanie dinamiki sprosа na bytovuyu tekhniku i elektroniku (Forecasting the dynamics of demand for household appliances and electronics), *Problemy sovershenstvovaniya organizatsii proizvodstva i upravleniya promyshlennymi predpriyatiyami: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* (Issues of improving production organization and management at industrial enterprises: Inter-university collection of research works), 2013, No. 1, pp. 114–120 (in Russ.).
16. Pulyashkin, V. V., Virnik, V. Yu. Dinamika i tendentsii roznichnykh prodazh ZhK televizorov v RF (Dynamics and trends of LD television sales in Russia), *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*, 2013, No. 1 (68), pp. 119–123 (in Russ.).
17. Dorzhieva, I. Ts., Timofeev, V. I. Model' finansovogo regulirovaniya kreditnykh otnoshenii v APK Respubliki Buryatiya (Model of financial regulation of credit relations in agrarian-industrial complex of Buryat Republic), *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii*, 2009, No. 3, pp. 93–103 (in Russ.).
18. Grabar', T. Yu. Ravnovesnaya model' kon'yunktury rynka kreditnykh resursov v usloviyakh konkurentsii (Equilibrium model of the market conjuncture of credit resources under competition), *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya: Ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom*, 2011, No. 2, pp. 161–167 (in Russ.).
19. Zadonskii, G. Ipoteka v RF (Mortgage in the Russian Federation), *Ekonomicheskoe razvitie Rossii: Institut ekonomicheskoi politiki imeni E. T. Gaidara*, 2014, No. 11, available at: https://www.hse.ru/data/2014/11/09/1103079717/Russian_Economic_Developments_11_2014.pdf (access date: 23.03.2016) (in Russ.).
20. Danzurin, N., Komleva, N., Yanin, A., Samiev, P. *Rossiiskii strakhovoi rynek v 2005–2010 godakh. Analiticheskii obzor reitingovogo agentstva "Ekspert RA"* (Russian insurance market in 2005–2010. Analytical review of the rating agency “Expert RA”), Moscow, 2011, 84 p. (in Russ.).
21. Geras'kin, M. I. *Innovatsionnyi menedzhment naukoemkikh tekhnologii* (Innovative management of science-consuming technologies), Samara: Samarskii gosudarstvennyi aerokosmicheskii universitet im. akademika S. P. Koroleva (natsional'nyi issledovatel'skii universitet), 2006, 161 p. (in Russ.).
22. Geras'kin, M. I., Koreeva, E. B., Kuznetsov, A. V. Modeli soglasovaniya ekonomicheskikh interesov agentov na rynke sotovoi svyazi Samarskoi oblasti (Models of harmonization of agents' economic interests in the cellular communications market in Samara region), *TERRA ECO-NOMICUS*, vol. 6, No. 4–2, 2008, No. 84, pp. 278–285 (in Russ.).
23. Geras'kin, M. I., Chkharishvili, A. G. Modelirovanie struktur rynka oligopolii pri nelineinykh funktsiyakh sprosа i izderzhk agentov (Modelling the oligopoly market structures with non-linear functions of demand and agents' costs), *Problemy upravleniya*, 2015, No. 6, pp. 10–22 (in Russ.).
24. Geras'kin, M. I. Protsessy i strategii korporativnoi integratsii v rossiiskom aviastroenii (Processes and strategies of corporate integration in the Russian aviation-building sector), *Ekonomicheskie strategii*, 2005, No. 5–6, pp. 92–97 (in Russ.).
25. Geras'kin, M. I., Mazurmovich, O. N. Protsessy restrukturalizatsii i formirovaniya ekonomicheskikh mekhanizmov vzaimodeistvii predpriyatii neftyanoi promyshlennosti (Processes of restructuring and forming the economic mechanisms of interaction of oil enterprises), *Nauchnoe obozrenie*, 2012, No. 4, pp. 416–423 (in Russ.).
26. Geras'kin, M. I. Formirovanie upravleniya polikomponentnoi sistemoi pri neskol'kikh kriteriyakh effektivnosti na osnove grafa upravlenii (Forming the management of poly-component system with several criteria of efficiency based on management graph), *Izvestiya SNTs Rossiiskoi akademii nauk*, 2003, vol. 5, No. 1, pp. 134–142 (in Russ.).
27. Geras'kin, M. I., Kvashin, D. A. Optimizatsiya gosudarstvennykh investitsionnykh sotsial'nykh proektov na osnove regressionnykh modelei regional'nogo razvitiya (Optimization of state investment social projects based on regression models of regional development), *Problemy upravleniya*, 2014, No. 3, pp. 38–49 (in Russ.).
28. Eliseeva, I. I. *Ekonometrika* (Econometrics), Moscow: Finansy i statistika, 2007, 576 p. (in Russ.).
29. Geras'kin, M. I., Manakhov, V. V. Optimizatsiya vzaimodeistvii v mul'tiagentnoi sil'nosvyazannoi sisteme "reteiler – bank – strakhovshchik" (Optimization of interactions in the multi-agent tightly coupled system “retailer – bank – insurer”), *Problemy upravleniya*, 2015, No. 4, pp. 9–18 (in Russ.).
30. Geras'kin, M. I. Modeli optimizatsii upravleniya neierarkhicheskimi sistemami korporatsii pri mezhkorporativnykh vzaimodeistviyakh (Models of optimization of non-hierarchical corporate management systems of inter-corporate interactions), *Problemy upravleniya*, 2010, No. 5, pp. 28–38 (in Russ.).

Received 20.03.16

Accepted 29.04.16

© Geras'kin M. I., Manakhov V. V., 2016. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; Licensee Tatar Educational Centre "Taglimat". This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), which permits unrestricted use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.

Information about the authors

Mikhail I. Geras'kin, Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of Mathematical methods in Economics, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev

Address: 34 Moskovskoye shosse, 443086, Samara, tel.: +7 (846) 335-18-26

E-mail: ssau@ssau.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0381-5830>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/F-9518-2016>

Contact:

Vladimir V. Manakhov, post-graduate student, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev

Address: 34 Moskovskoye shosse, 443086, Samara, tel.: +7 (846) 335-18-26

E-mail: ssau@ssau.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2731-2931>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/E-6227-2016>

For citation: Geras'kin M. I., Manakhov V. V. Analysis of demand curves in the stock and financial markets of monopolistic competition, *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, vol. 10, No. 2, pp. 80–92.

ПОЗНАНИЕ

Тенденции и закономерности развития современного российского общества: экономика, политика, социально-культурная и правовая сферы : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Чистополь, 15 апреля 2016 г. Часть I / Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП). – Казань : Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП), 2016. – 318 с.

В сборнике представлены материалы Всероссийской научно-практической конференции школьников, учителей, студентов, аспирантов и ученых. Тезисы и статьи студентов, аспирантов, музейных, педагогических работников и общественных деятелей, специализирующихся в филологической, исторической, философской и иных отраслях научных знаний. В работах представлены наиболее важные проблемы экономики, политики, социальной, культурной и правовой сфер.

Предназначен для студентов, аспирантов и ученых, а также всех, кто проявляет интерес к рассматриваемым проблемам.

УДК 338.45:629.7

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.2.93-101>

Как цитировать статью: Иванов Д. Ю. Модель анализа и прогнозирования динамики промышленного производства и ракетно-космической отрасли Российской Федерации // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 2. С. 93–101.

Д. Ю. ИВАНОВ¹

¹Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, г. Самара, Россия

МОДЕЛЬ АНАЛИЗА И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ДИНАМИКИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА И РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цель: проведение сравнительного анализа динамики промышленного производства и ракетно-космической отрасли России.

Методы: метод асинхронного гармонического анализа, сравнительный.

Результаты: получены прогнозы развития ракетно-космической промышленности на 2015 и 2016 гг., которые сопоставлены с данными Министерства экономического развития и Всемирного банка развития. Сопоставление результатов показало, что полученные в ходе анализа данные и прогноз Министерства экономического развития и Всемирного банка развития совпадают лишь частично. Показана тенденция к увеличению объемов ракетно-космической промышленности.

Научная новизна: предложены математические модели динамики промышленного производства и ракетно-космической отрасли Российской Федерации, построенные на основе асинхронного гармонического анализа. Рассматривается ретроспектива развития ракетно-космического комплекса.

Практическая значимость: при помощи предложенных математических моделей динамики промышленного производства и ракетно-космической отрасли Российской Федерации, основанных на цикличности экономики, можно делать более точные прогнозы экономического развития.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; асинхронный гармонический анализ; экономические циклы; фаза; частота; амплитуда; динамика промышленного производства; динамика ракетно-космической отрасли

Введение

Особенности современного состояния экономики актуализируют совершенствование имеющегося и создание принципиально нового инструментария анализа динамики экономических процессов, в связи с чем представляет интерес апробация сравнительно недавно предложенного метода асинхронного гармонического анализа, первые опыты применения которого дали положительные результаты, подтвердив высокую информативность данного подхода [1]. В современной научной литературе до сих пор встречаются работы, в которых отрицается сам факт цикличности экономического развития [2]. Вместе с тем важно отметить и то обстоятельство, что усилиями разных направлений мировой экономической

мысли (марксистского, кейнсианского, монетаристского и других) и благодаря разработкам отдельных исследователей, в том числе и российских, создан серьезный теоретический фундамент для изучения циклических процессов в рыночных экономиках [3, 4]. Обнаружено около 200 видов различных по продолжительности экономических циклов в экономической среде. Сформировались определенные классификации видов циклических колебаний, ведутся дискуссии об их причинах и возможностях проведения антициклических мер [5–8]. С учетом накопленного эмпирического материала уточняется продолжительность некоторых циклов, открываются новые виды циклов.

Метод асинхронного гармонического анализа строится на предположении о наличии в макроэконо-

мике определенных экономических циклов, имеющих вполне определенную природу, которые оказывают влияние на динамику мезоэкономики и микроэкономики, что, в свою очередь, определяет динамику макроэкономических процессов, поэтому в реальной экономике можно обнаружить смесь гармонических составляющих с разными периодами, амплитудами и сдвигами по фазе [9, 10].

Результаты исследования

1. Описание модели

Асинхронный гармонический анализ представляет собой последовательное исключение гармоник с варьируемыми фазами, частотами и амплитудами, заканчивающееся с исчезновением автокорреляции случайных остатков. При таком подходе модель временного ряда с наблюдаемыми значениями y_i представляется следующим образом:

$$y_i = y(t_i) = y_0(t_i) + \sum_{k=1}^m y_k(t_i) + \varepsilon_i, i = 1, \dots, n;$$

$$y_k(t) = u_k \sin\left(\frac{2\pi}{T_k}(t - t_{0k}) - \vartheta_k\right); k = 1, \dots, m,$$

где y_i – значение наблюдаемого параметра, $y_0(t_i)$ – тренд или долгосрочная компонента, отображающая основную тенденцию, $y_k(t_i)$ – гармоника с номером, k , ε_i – случайная компонента, u_k – амплитуда колебаний k -й гармоники, T_k – период колебаний k -й гармоники, ϑ_k – сдвиг k -й гармоники, i – номер наблюдения, t – координата точек отсчета, t_{0k} – сдвиг по фазе k -й гармоники.

Основная зависимость $y_0(t)$ находится по методу наименьших квадратов. Относительно координат точек отсчета будем предполагать, что они фиксируются с постоянным шагом $\Delta t = t_i - t_{i-1} = \text{const}$ ($i = 2, \dots, n$). В задачах экономического характера шаг отсчета обычно представляет собой некую единицу отсчета: неделя, месяц, квартал, год, поэтому примем, что $t_i = i$, $\Delta t = 1 - \text{const}$.

Рассмотрим процедуру выделения первой гармоники:

$$y_1(t) = u_1 \sin\left(\frac{2\pi}{T_1}(t - t_{01}) - \vartheta_1\right).$$

Используем минимизацию суммы квадратов отклонений:

$$S_1 = S_1(T_1, t_{01}, u_1, \vartheta_1) = \sum_{i=1}^n [y_i - y_0(t_i) - u_1 \sin\left(\frac{2\pi}{T_1}(t_i - t_{01}) - \vartheta_1\right)]^2 \Rightarrow \min,$$

где S_1 – функция суммы квадратов отклонений для гармоники с номером 1.

Период первой гармоники может принимать значения от $T_{1\min}$ до $T_{1\max}$. При единичном шаге отсчетов времени примем минимальное число точек отсчета для идентификации периода гармоники $T_{1\min} = 3$.

Представим, что величина $\alpha = 1/K$ показывает, какую часть периода в долях от общей длительности исследуемого временного ряда мы можем уверенно идентифицировать при асинхронном анализе. В этой связи при числе точек отсчетов $n = 12 - 24$ представляется возможным использовать значение $\alpha = 1/4$, тогда при единичном шаге времени получим $T_{1\max} = K \cdot n = 4 \cdot n$.

Рассмотрим предлагаемую численную процедуру оценки параметров первой гармоники. Допустим, что сначала на каждом шаге решения поочередно задаются периоды гармоник:

$$T_{1i} = 2 + i \quad (i = 1, 2, \dots, 4 \cdot n).$$

При фиксированном периоде итерационным методом находим сдвиг первой гармоники t_{01} таким образом, чтобы обеспечивалось максимальное значение коэффициента детерминации:

$$R_1^2 = 1 - \frac{ESS_1}{TSS} \Rightarrow \max,$$

$$\text{где } TSS = \sum_{i=1}^n (y_i - \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n y_i)^2;$$

$$ESS_1 = \sum_{i=1}^n [y_i - y_0(i) - u_1 \sin\left(\frac{2\pi}{T_1}(t_i - t_{01}) - \vartheta_1\right)]^2.$$

Поскольку для реализации численной процедуры необходимо задать интервал возможных значений рабочей переменной, то в данном случае можно предложить следующие ограничения:

$$k_L \cdot T_1 \leq t_{01} \leq k_U \cdot T_1,$$

где $k_L = -0,5$; $k_U = 0,5$.

Введение отрицательных значений сдвига по фазе обеспечивает выделение гармоник исключительно в виде синусоид, в то время как при использовании только положительных сдвигов необходимо помимо синусоид рассматривать еще и косинусоиды, что нерационально, так как происходит дополнительное усложнение решения задачи.

Считая, что при выполнении численной процедуры на ее конкретном шаге зафиксированы текущие значения периода и сдвига по фазе, обратимся к оценке амплитуды и сдвига первой гармоники, применяя для их нахождения метод наименьших квадратов, в соответствии с которым получим аналитические выражения для вычисления текущих значений амплитуды и сдвига в виде:

$$u_1 = \frac{\sum_{i=1}^n y_i \cdot S_1(i) - \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n y_i \cdot \sum_{i=1}^n S_1(i)}{\sum_{i=1}^n S_1^2(i) - \frac{1}{n} (\sum_{i=1}^n S_1(i))^2}, \quad \vartheta_1 = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n S_1(i) - \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n y_i,$$

где $y_i = y_i - y_0(t_i)$.

Представив сумму квадратов отклонений наблюдаемых и расчетных значений как функцию одного параметра ω_{1j} , произведем ее численную минимизацию, что обеспечивает получение оценок всех параметров выделяемой гармоники:

$$S = S(\omega_{1j}) \rightarrow \min \Rightarrow \omega_{1j}, t_{01j}, u_{1j}; \quad j = -n, \dots, n,$$

где ω_{1j} – частота колебаний первой гармоники.

После этого, вычислив расчетные дисперсии, определим значения коэффициентов детерминации для всех принятых в начале процедуры значений:

$$R_{1j}^2 = \frac{D_{\text{расч}1j}}{D_y},$$

где $D_{\text{расч}1j} = D[y_0(t) + y_1(t)]$, $j = -n, \dots, n$.

Выбрав решение с максимальным значением коэффициента детерминации, найдем первую гармонику:

$$R_{1j}^2 \rightarrow \max; \quad j = -n, \dots, n \Rightarrow \omega_1, t_{01}, u_1.$$

На следующем шаге решения переходим к выделению второй гармоники, используя соотношения, соответствующие логике предыдущих соображений:

$$y_2(t_i) = u_2 \sin(\omega_2(t_i - t_{02})) = y_i - y_0(t_i) - y_1(t_i).$$

$$t_{02j} = t_j^*; \quad j = -n, -n+1, \dots, 0, \dots, n-1, n,$$

если $j < 0$, то $t_j^* = -t_j$; если $j = 0$, то $t_j^* = 0$, если $j > 0$,

то $t_j^* = t_j$.

$$\frac{\partial S}{\partial u_{2j}} = 0 \Rightarrow u_{2j}.$$

$$S = S(\omega_{2j}) \rightarrow \min \Rightarrow \omega_{2j}, t_{02j}, u_{2j}; \quad j = -n, \dots, n.$$

$$R_{2j}^2 = \frac{D_{\text{расч}2j}}{D_y} \rightarrow \max; \quad j = -n, \dots, n \Rightarrow \omega_2, t_{02}, u_2.$$

Выделение гармоник прекращается после того, как исчезнет автокорреляция остатков:

$$\varepsilon_i = y_i - y_0(t_i) - \sum_{k=1}^m y_k(t_i); \quad i = 1, \dots, n,$$

где m – число гармоник, выделенных к данному шагу решения.

В качестве индикатора отсутствия автокорреляции остатков используем статистику Дарбина – Уотсона:

$$d = \frac{\sum_{i=2}^n (\varepsilon_i - \varepsilon_{i-1})^2}{\sum_{i=1}^n (\varepsilon_i)^2}.$$

Условие отсутствия автокорреляции определяется совместным выполнением неравенств:

$$d_u < d < 4 - d_u,$$

в которых верхнее критическое значение d_u выбирается по таблицам Дарбина – Уотсона $d_u = d_u(\alpha, n)$ в зависимости от принимаемого уровня значимости расхождений α и от числа наблюдений n [11]. В работе [12] предложен аналитический инструмент определения критических значений статистики Дарбина – Уотсона, избавляющий от необходимости использования соответствующих таблиц, что имеет определенный смысл при разработке программного обеспечения, реализующего рассматриваемый метод.

2. Применение модели

Рассмотрим применение асинхронного гармонического анализа к исследованию такой базовой характеристики макроэкономики, как валовый объем промышленного производства Российской Федерации (далее – ВПП), используя поквартальные данные Федеральной службы государственной статистики за период с 2005 по 2014 гг., содержащие 40 наблюдений, которые представлены графически на рис. 1.

В качестве основной зависимости выделен квадратичный тренд с коэффициентом детерминации $R^2 = 0,482$ при среднем квадратическом отклонении остатков $s_0(\varepsilon) = 688,3$

$$y_0(t_i) = 1,176t_i^2 + 7,239t_i + 11749.$$

Проверка автокорреляции остатков при уровне значимости 0,95 показала присутствие только одной гармоники, для которой, применяя описанную выше процедуру, получим следующее выражение:

$$y_1(t) = -491,1 \sin\left(\frac{2\pi}{16}(t_i - 0,172)\right).$$

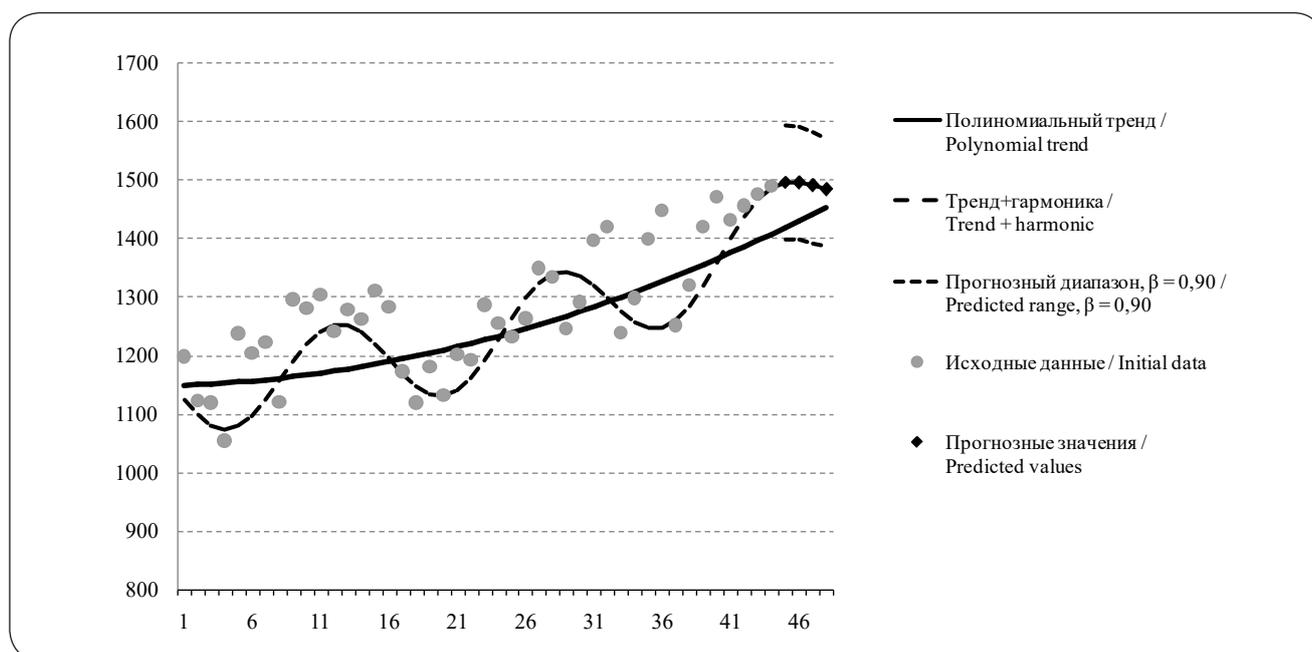

Рис. 1. Поквартальная динамика ВВП (2005–2016 гг.), млрд руб.*

* Источники: URL: <http://www.worldbank.org> (дата обращения: 20.03.2016); Федеральная служба государственной статистики; расчетные значения, полученные автором по описанной выше модели.

Fig. 1. Quarterly dynamics of GDP (2005–2016), bln rubles*

* Sources: available at: <http://www.worldbank.org> (access date: 20.03.2016); Federal Agency for State Statistics; calculated values obtained by the author on the basis of the above model.

Выявленный период $T_1 = 16$ позволяет сделать вывод о наличии четырехгодичного цикла, что со всей определенностью указывает на эффективность государственного регулирования промышленного производства.

Композиция квадратического тренда и первой гармоники имеет коэффициент детерминации $R^2 = 0,613$ и среднее квадратическое остатков $s_1(\epsilon) = 594,9$, при этом значение статистики Дарбина – Уотсона составляет 1,761, что позволяет сделать вывод о том, что автокорреляция остатков отсутствует с вероятностью более 0,95, следовательно, дальнейшее выделение гармоник не требуется.

Полученные прогнозные поквартальные значения для российской промышленности на 2016 г. приведены в табл. 1 и на рис. 1, начиная со значений $T = 45$ (I квартал 2016 г.), с доверительным интервалом $\beta = 0,90$.

Прогноз макроэкономических показателей экономического развития России на 2016 г., выполненный Всемирным банком развития, указывает на предполагаемый рост промышленного производства на 1,3 %.

Ожидаемое уменьшение конечного спроса частично может быть компенсировано эффектом импортозамещения и сокращения долларовых издержек¹ [13–15].

Таким образом, обобщенный тренд в виде суммы основного тренда и первой гармоники, выявленный с помощью асинхронного гармонического анализа, не совпадает с прогнозом Всемирного банка развития, однако построенный доверительный интервал не исключает развития ситуации по его сценарию.

Наиболее наукоемкой и конкурентоспособной на мировом уровне отраслью промышленности Российской Федерации является ракетно-космическая промышленность (далее – РКП), в связи с чем инструментальный анализ динамики РКП представляет особый интерес.

¹ Всемирный банк: прогноз по ВВП России на 2015 и 2016 годы. URL: <http://www.worldbank.org> (дата обращения: 08.05.2015); Всемирный банк развития. Прогноз экономического развития России в 2015–2018 годах. URL: <http://www.veb.ru/common/upload/files/veb/analytics/macro/progn15-18.pdf> (дата обращения: 21.04.2015).

Таблица 1
Прогноз промышленного производства РФ
на 2016 г., млрд руб.*

Table 1. Forecast of the industrial production
in the Russian Federation for 2016, bln rubles*

Год / Year	Период / Period	Нижняя граница, $\alpha = 0,05$ / Lower bound	Ожидаемые средние значения / Expected average	Верхняя граница, $\alpha = 0,95$ / Upper bound
2016	I квартал / I quarter	1397,4	1495,9	1594,4
	II квартал / II quarter	1397,7	1495,2	1591,6
	III квартал / III quarter	1392,1	1490,6	1582,1
	IV квартал / IV quarter	1386,0	1483,5	1582,0

* *Источник:* расчетные значения, полученные автором по описанной выше модели.

* *Source:* calculated values obtained by the author on the basis of the above model.

Космическая деятельность является самостоятельной частью мировой экономики с годовым оборотом в несколько сотен миллиардов долларов. Мировой рынок космических услуг представляет собой систему внутригосударственных и международных товарно-денежных отношений в сфере космической деятельности и использования ее результатов в других сферах: телекоммуникации, обороне, науке, культуре, создаваемых как в сфере именно космической деятельности, так и при использовании ее результатов вне этой сферы в интересах безопасности, решения социально-экономических задач, науки и международного сотрудничества.

Многие страны мира являются производителями космических услуг, еще большее количество государств – их потребителями. Зачастую мотивы престижа и политических интересов определяют государственную политику ряда держав, стремящихся развивать и поддерживать уровень технологий, соответствующий требованиям современного космического рынка. Например, доля России на мировом рынке космических услуг составила в 2014 г. 12 %². Государственная программа «Космическая деятель-

ность России на 2013–2020 годы» предусматривает дальнейший рост доли в этом секторе мирового рынка до 14 % в 2015 г. и до 16 % в 2020 г.³

Анализ современного состояния и развития ракетно-космической деятельности в мире показывает, что полным спектром возможной ракетно-космической продукции и услуг обладают только Россия и США. Активно стремятся к лидирующим позициям Китай и Индия [16]. Остальные участники рынка способны присутствовать только в отдельных нишах инфраструктуры космических услуг (Великобритания, Франция и др.).

Россия является пионером космической деятельности, поскольку именно советский гражданин Юрий Гагарин первым побывал в космосе, открыв эру пилотируемых космических полетов. Стремительно развиваясь, к началу 1990-х годов советская космическая программа превосходила программу США, единственную, которая тогда могла конкурировать с СССР. Так, в СССР было вдвое больше типов космических аппаратов и больше запусков космических летательных аппаратов, чем в США. В СССР максимум космической деятельности пришелся на период с 1970 по 1991 г., когда на орбиту доставлялось более 100 космических аппаратов (далее – КА) в год. С 1991 г. космическая деятельность РФ резко сократилась. Так, в 2000-е гг. Россия успешно запустила на орбиту только 214 КА, т. е. около 20 КА ежегодно [17].

За последние десять лет Россия вернула себе лидирующие позиции по производству космических аппаратов. В этот период в США было построено 38 % от общего числа КА, в России – 20 %, в Европе – 17 %, в Китае – 9 %, в Японии – 6 % [16].

Состояние ракетно-космической промышленности России имеет выраженные особенности по сравнению с другими высокотехнологическими отраслями. За период 2006–2010 гг. объем продукции, произведенной предприятиями РКП, вырос на 197,3 %. За этот же период общий объем продукции, произведенной всей российской промышленностью, вырос только на 112,1 %. Ни одна из отраслей промышленности

² Коммерческий космический рынок. URL: <http://ecospace.me/Коммерческий%20космический%20рынок.html> (дата обращения: 08.04.2015).

³ Государственная программа Российской Федерации «Космическая деятельность России на 2013–2020 годы», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации № 2594-р от 28.12.2012. URL: <http://www.federspace.ru/115/> (дата обращения: 21.03.2015).

не имеет темпов роста производства, превосходящих динамику РКП, более того, РКП – единственная отрасль, в которой не было спада во время кризиса в 2009 г. [16, с. 8].

В связи с этим становится интересным изучение вопроса о том, имеется ли взаимосвязь в динамике развития ВПП и РКП нашей страны. Воспользуемся асинхронным гармоническим анализом для определения наличия взаимосвязи этих характеристик, а также выполним прогноз этих показателей в ближнесрочной перспективе.

Для асинхронного гармонического анализа динамики ракетно-космической промышленности используем временной ряд, содержащий 40 значений, использование которого приводит к идентификации следующей основной зависимости:

$$y_0(t_i) = 0,051t_i^2 + 0,925t_i + 35,52.$$

Среднеквадратическое отклонение остатков составило 11,857 и $R^2 = 0,900$. Полученное значение критерия Дарбина – Уотсона 1,862 свидетельствует о том, что автокорреляция остатков отсутствует с вероятностью более 0,95, поэтому выделение гармоник

не имеет смысла. Прогнозные значения РКП на 2016 г. по кварталам приведены в табл. 2 и на рис. 2, начиная со значений $T = 45$ (I квартал 2016 г.), с доверительным интервалом $\beta = 0,90$.

Таблица 2

Прогнозные значения РКП, млрд руб.*
Table 2. Predicted values of rocket and space industry, bln rubles*

Год / Year	Период / Period	Нижняя граница, $\alpha = 0,05$ / Lower bound	Ожидаемые средние значения / Expected average	Верхняя граница, $\alpha = 0,95$ / Upper bound
2016	I квартал / I quarter	160,1	180,0	199,1
	II квартал / II quarter	165,6	185,0	204,6
	III квартал / III quarter	171,2	190,7	210,2
	IV квартал / IV quarter	177,0	196,4	215,9

* Источник: расчетные значения, полученные автором по описанной выше модели.

* Source: calculated values obtained by the author on the basis of the above model.

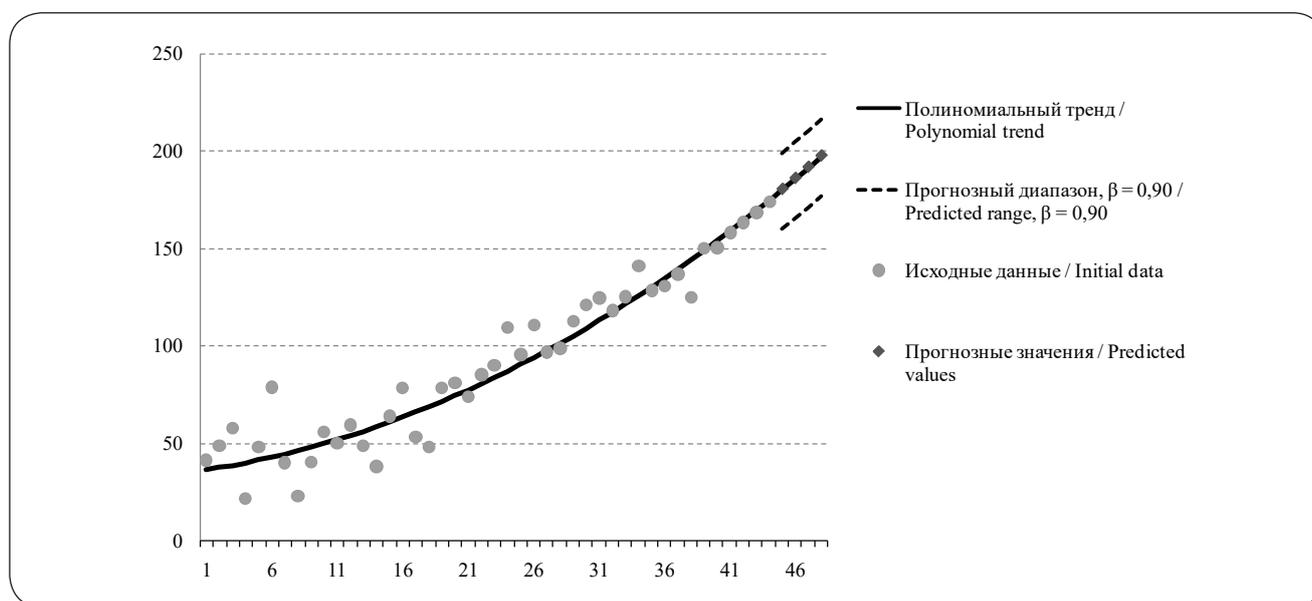

Рис. 2. Поквартальная динамика РКП (2005–2016 гг.), млрд руб.*

* Источники: URL: <http://ecoruspace.me> (обращения: 20.03.2016); расчетные значения, полученные автором по описанной выше модели.

Fig. 2. Quarterly dynamics of rocket and space industry (2005–2016), bln rubles*

* Sources: available at: <http://ecoruspace.me> (access date: 20.03.2016); calculated values obtained by the author on the basis of the above model.

Идентифицированная динамика РКП подтверждает тенденцию к увеличению объемов ракетно-космической промышленности⁴ и не содержит гармонических составляющих, как и включающая ее промышленность в целом.

Выводы

Таким образом, использование асинхронного гармонического анализа выявило принципиально разный характер динамики общего промышленного производства и роста объема ракетно-космического производства, при этом последняя имеет собственную траекторию развития и не имеет общих тенденций развития с более общим показателем.

Проведенный инструментальный анализ лишь частично совпадает с прогнозами Министерства экономического развития, Всемирного банка и государственной программой «Космическая деятельность России на 2013–2020 годы».

Список литературы

1. Дуплякин В. М., Княжева Ю. В., Ситникова А. Ю. Рациональный асинхронный анализ временных рядов // Математические модели современных экономических процессов анализа и синтеза экономических механизмов: сб. ст. II Междун. (IV Всерос.) научно-практич. конф. Вып. 4 / под ред. А. Г. Зибарева, Д. А. Новикова. Самара: Самарский государственный аэрокосмический университет, 2009. С. 34–39.
2. Смирнов А. Еще раз о мифе кондратьевских волн // Экономист. 2012. № 4. С. 36–60.
3. Клепач А., Куранов Г. О циклических волнах в развитии экономики США и России (вопросы методологии и анализа) // Вопросы экономики. 2013. № 11. С. 4–32.
4. Diebold F. X., Engle R. F., Favero C., Gallo G. M., Schorfheide F. The econometrics of macroeconomics, finance, and the interface // Journal of Econometrics. Vol. 131. Is. 1–2, March – April 2006. Pp. 1–2.
5. Порубова П. В. Моделирование цикличности в экономике РФ на основе асинхронного гармонического анализа // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 12. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/12/43085> (дата обращения: 03.03.2016).
6. Ickes B. W. Cyclical fluctuations in centrally planned economies: A critique of the literature // Soviet Studies. 1986. No. 38. Pp. 36–52.

7. Harrison M., Markevich A. Great War, Civil War, and Recovery: Russia's National Income, 1913 to 1928 // Journal of Economic History. 2011. Vol. 71. No. 3. Pp. 672–703.

8. Minford P., Agénor P.-R., Nowell E. A new classical econometric model of the world economy // Economic Modelling. Vol. 3. Is. 3. July 1986. Pp. 154–174.

9. Дуплякин В. М., Выборнова Л. А. Прогнозирование объемов регионального потребления бензина предприятиями общественного автотранспорта // European Social Science Journal. 2014. № 10–1 (49). С. 52–58.

10. Дуплякин В. М., Федотова К. С., Ярмухаметова Р. Р. Разработка имитационно-прогностической модели управления ликвидностью банка // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского гос. аграрного ун-та. 2014. № 103. С. 567–586.

11. Эконометрика: учебник / И. И. Елисеева, С. В. Курышева, Т. В. Костеева и др.; под ред. И. И. Елисеевой. М.: Финансы и статистика, 2007. 576 с.

12. Дуплякин В. М. Алгоритмизация использования критерия Дарбина – Уотсона // Проблемы экономики современных промышленных комплексов. Финансирование и кредитование в экономике России: методологические и практические аспекты: сб. ст. X Всерос. науч.-практ. конф. Вып. 10. / под ред. А. Г. Зибарева, Д. А. Новикова. Самара: Изд-во СГАУ, 2015. С. 19–23.

13. Курилов К. Ю., Курилова А. А. Использование системы таргет-костинг для повышения эффективности деятельности предприятий российской автомобильной промышленности // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2014. № 3. С. 50–54.

14. Ajupov A. A., Kurilova A. A., Ivanov D. U. Formation of Financial Planning for the Automotive Industry // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. No. 1S3 (2015). Pp. 40–44.

15. Ajupov A. A., Kurilova A. A., Ivanov D. U. Application of Financial Engineering Instruments in the Russian Automotive Industry // Asian Social Science. 2015. Vol. 11. No. 11. Pp. 162–167.

16. Крылов А. Сравнительный анализ космической деятельности России, Китая и Индии. URL: http://arhidoka.ru/files/2011/12/akd_rki.pdf (дата обращения: 14.04.2015).

17. Состояние и механизмы развития ракетно-космической промышленности России / Бауэр В. П., Ковков Дж. В., Московский А. М., Сенчагов В. К. М.: Институт экономики РАН, 2012. 54 с.

Дата поступления 28.03.16

Дата принятия в печать 28.04.16

⁴ Основы политики Российской Федерации в области космической деятельности на период до 2020 года и дальнейшую перспективу: утв. Президентом РФ 24.04.2008.

© Иванов Д. Ю., 2016. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.ieml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Иванов Дмитрий Юрьевич, доктор экономических наук, заведующий кафедрой организации производства, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева

Адрес: 443086, г. Самара, Московское шоссе, 34, тел.: (846) 335-19-19

E-mail: ssau_ivanov@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0619-9340>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/F-4809-2016>

D. YU. IVANOV¹

¹ Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, Samara, Russia

MODEL OF ANALYZING AND FORECASTING THE DYNAMICS OF INDUSTRIAL PRODUCTION AND SPACE SECTOR OF THE RUSSIAN FEDERATION

Objective: to carry out a comparative analysis of the dynamics of industrial production and the rocket and space industry of Russia.

Methods: an asynchronous method of harmonic analysis, comparative method.

Results: the forecasts of the development of rocket and space industry for 2015 and 2016 are obtained, which are compared with the data of the Ministry of Economic Development and the World Bank of Development. The comparison of the results showed that the analysis and forecast data of the Ministry of Economic Development and the World Bank of Development coincide only partially. The tendency to increase the volumes in rocket and space industry is shown.

Scientific novelty: the mathematical models are presented for the dynamics of industrial production and the rocket and space industry of the Russian Federation, built on the basis of the asynchronous harmonic analysis. The retrospective of the rocket-space complex development is considered.

Practical significance: using the proposed mathematical models of the dynamics of industrial production and the rocket and space industry of the Russian Federation, based on the economy cycles, the more accurate forecasts of economic development can be made.

Keywords: Economics and national economy management; Asynchronous harmonic analysis; Economic cycles; Phase; Frequency; Amplitude; Dynamics of industrial production; Dynamics of the space industry

References

1. Duplyakin, V. M., Knyazheva, Yu. V., Sitnikova, A. Yu. Ratsional'nyi asinkhronnyi analiz vremennykh ryadov (Rational asynchronous time-series analysis), *Matematicheskie modeli sovremennykh ekonomicheskikh protsessov analiza i sinteza ekonomicheskikh mekhanizmov*: sb. st. II Mezhdun. (IV Vseros.) nauchno-praktich. konf. (Mathematical models of the modern economic processes of analysis and synthesis of economic mechanisms: collection of works of the 2nd International (4th All-Russia) scientific-practical conference), is. 4, Samara: Samarskii gosudarstvennyi aeoroksmicheskii universitet, 2009, pp. 34–39 (in Russ.).
2. Smirnov, A. Eshche raz o mife kondrat'evskikh voln (Once again on the myth of Kondratiev waves), *Ekonomist*, 2012, No. 4, pp. 36–60 (in Russ.).
3. Klepach, A., Kuranov, G. O tsiklicheskh volnakh v razvitiu ekonomiki SShA i Rossii (voprosy metodologii i analiza) (On cyclic waves in the economic development of the USA and Russia (issues of methodology and analysis)), *Voprosy ekonomiki*, 2013, No. 11, pp. 4–32 (in Russ.).
4. Diebold, F. X., Engle, R. F., Favero, C., Gallo, G. M., Schorfheide, F. The econometrics of macroeconomics, finance, and the interface, *Journal of Econometrics*, vol. 131, is. 1–2, March – April 2006, pp. 1–2.
5. Porubova, P. V. Modelirovanie tsiklichnosti v ekonomike RF na osnove asinkhronnogo garmonicheskogo analiza (Modeling the cyclicity in the Russian economy based on asynchronous harmonic analysis), *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*, 2014, No. 12, available at: <http://web.snauka.ru/issues/2014/12/43085> (access date: 03.03.2016) (in Russ.).
6. Ickes, B. W. Cyclical fluctuations in centrally planned economies: A critique of the literature, *Soviet Studies*, 1986, No. 38, pp. 36–52.
7. Harrison, M., Markevich, A. Great War, Civil War, and Recovery: Russia's National Income, 1913 to 1928, *Journal of Economic History*, 2011, vol. 71, No. 3, pp. 672–703.
8. Minford, P., Agénor, P.-R., Nowell, E. A new classical econometric model of the world economy, *Economic Modelling*, vol. 3, is. 3, July 1986, pp. 154–174.

9. Duplyakin, V. M., Vybornova, L. A. Prognozirovanie ob'emov regional'nogo potrebleniya benzina predpriyatiyami obshchestvennogo avtotransporta (Forecasting the volumes of regional consumption of petrol by the public transport enterprises), *European Social Science Journal*, 2014, No. 10–1 (49), pp. 52–58 (in Russ.).

10. Duplyakin, V. M., Fedotova, K. S., Yarmukhametova, R. R. Razrabotka imitatsionno-prognosticheskoi modeli upravleniya likvidnost'yu banka (Elaboration of the imitation-prognostic model of the bank liquidity management model), *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gos. agrarnogo un-ta*, 2014, No. 103, pp. 567–586 (in Russ.).

11. Eliseeva, I. I., Kuryшева, S. V., Kosteeva, T. V. *Ekonometrika* (Econometrics) M.: Finansy i statistika, 2007. 576 p. (in Russ.).

12. Duplyakin, V. M. Algoritmizatsiya ispol'zovaniya kriteriya Darbina – Uotsona (Algorithmization of applying the Durbin-Watson criterion), *Problemy ekonomiki sovremennykh promyshlennykh kompleksov. Finansirovanie i kreditovanie v ekonomike Rossii: metodologicheskie i prakticheskie aspekty*: sb. st. X Vseros. nauch.-prakt. konf. (Economic issues of modern industrial complexes. Financing and crediting in the Russian economy: methodological and practical aspects: collection of works of the 10th All-Russia scientific-practical conference), is. 10. Samara: Izd-vo SGAU, 2015, pp. 19–23 (in Russ.).

13. Kurilov, K. Yu., Kurilova, A. A. Ispol'zovanie sistemy target-kosting dlya povysheniya effektivnosti deyatelnosti predpriyatii rossiiskoi avtomobil'noi promyshlennosti (Applying the system of target-costing for increasing the efficiency of functioning the enterprises of the Russian automotive industry), *Azmut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*, 2014, No. 3, pp. 50–54 (in Russ.).

14. Ajupov, A. A., Kurilova, A. A., Ivanov, D. U. Formation of Financial Planning for the Automotive Industry, *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, vol. 6, No. 1S3 (2015), pp. 40–44.

15. Ajupov, A. A., Kurilova, A. A., Ivanov, D. U. Application of Financial Engineering Instruments in the Russian Automotive Industry, *Asian Social Science*, 2015, vol. 11, No. 11, pp. 162–167.

16. Krylov, A. *Sravnitel'nyi analiz kosmicheskoi deyatelnosti Rossii, Kitaya i Indii*, available at: http://arhidoka.ru/files/2011/12/akd_rki.pdf (access date: 14.04.2015) (in Russ.).

17. Bauer, V. P., Kovkov, Dzh. V., Moskovskii, A. M., Senchagov, V. K. *Sostoyanie i mekhanizmy razvitiya raketno-kosmicheskoi promyshlennosti Rossii* (Condition and development mechanisms of the rocket and space industry in Russia), Moscow: Institut ekonomiki RAN, 2012, 54 p. (in Russ.).

Received 28.03.16

Accepted 28.04.16

© Ivanov D. Yu., 2016. Originally published in Actual problems of economics and law (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; Licensee Tatar Educational Centre “Taglimat”. This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), which permits unrestricted use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.

Information about the author

Dmitriy Yu. Ivanov, Doctor of Economics, Head of the Chair of Production Organization, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev

Address: 34 Moskovskoye shosse, 443086, Samara, tel.: (846) 335-19-19

E-mail: ssau_ivanov@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0619-9340>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/F-4809-2016>

For citation: Ivanov D. Yu. Model of analyzing and forecasting the dynamics of industrial production and space sector of the Russian Federation, *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, vol. 10, No. 2, pp. 93–101.

УДК 338.47:656

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.2.102-112>

Как цитировать статью: Курилова А. А., Курилов К. Ю. Основные факторы, влияющие на падение продаж на российском автомобильном рынке // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 2. С. 102–112.

А. А. КУРИЛОВА¹,

К. Ю. КУРИЛОВ¹

¹ Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Россия

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПАДЕНИЕ ПРОДАЖ НА РОССИЙСКОМ АВТОМОБИЛЬНОМ РЫНКЕ

Цель: выявление негативных факторов, влияющих на развитие российского автомобильного рынка.

Методы: системный подход, обобщение и сравнение результатов, метод индукции. Выводы аргументированы результатами исследований и наблюдений, полученными сравнительно-историческим, диалектико-синтетическим и абстрактно-логическим методами.

Результаты: на основании данных Международной организации производителей автомобилей (ОИКА) был определен показатель перепроизводства транспортных средств во всем мире; по результатам анализа показателя автомобилизации населения в различных странах мира сформирован прогноз развития автомобильного парка России; на основе анализа макроэкономической информации определены основные факторы, влияющие на развитие автомобильного рынка России.

Научная новизна: заключается в выявленных закономерностях динамики развития мирового и российского автомобильных рынков. Также к научной новизне можно отнести выявленные воздействующие на российский автомобильный рынок факторы.

Практическая значимость: заключается в том, что российские компании – производители автомобилей могут использовать информацию о развитии мирового и российского автомобильных рынков для формирования прогнозных планов своей деятельности.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; автомобильная промышленность; отрасль по производству транспортных средств; динамика развития мировой автопромышленности; спрос на автомобили; прогноз развития российской автопромышленности; программа 2020

Введение

Автомобилестроение, несомненно, является важнейшей составляющей любой национальной и мировой экономики. По данным Международной организации производителей автомобилей (далее – ОИКА)¹, в отрасли заняты около 9 млн человек. С учетом косвенной занятости в других отраслях автомобилестроение обеспечивает рабочими местами около 60 млн человек. Падение продаж автомобилей в результате мирового кризиса 2008–2009 гг. вызвало депрессию в отрасли и привело к банкротству и санации автопроизводителей. В дальнейшем кризисные моменты были преодолены, годовой объем производства и продаж вырос, по данным ОИКА, до 90 млн

транспортных средств в год. Показатель падения российского автопрома оказался более значительным: по расчетам авторов, проведенным на основе данных ОИКА, продажи автомобилей упали на 50,6 % [1, с. 97].

После кризиса 2009 г. рынок продолжил рост вплоть до 2012 г., когда началось падение продаж транспортных средств на российском рынке. При этом мировой рынок демонстрирует рост продаж транспортных средств. Так, продажи автомобилей в 2009 г. упали до уровня 2005 г., по сравнению с 2007 г. снижение составило 8,12 % (рис. 1). За последующие периоды объем производства и продаж транспортных средств значительно вырос и приблизился вплотную к 90 млн транспортных средств в год [2, с. 35].

Что касается России, то «кроличья нора» оказалась намного глубже – по сравнению с 2008 г. продажи легковых автомобилей в России упали на 50,6 % (рис. 2).

¹ URL: <http://oica.net/category/production-statistics/> (дата обращения: 20.03.2016).

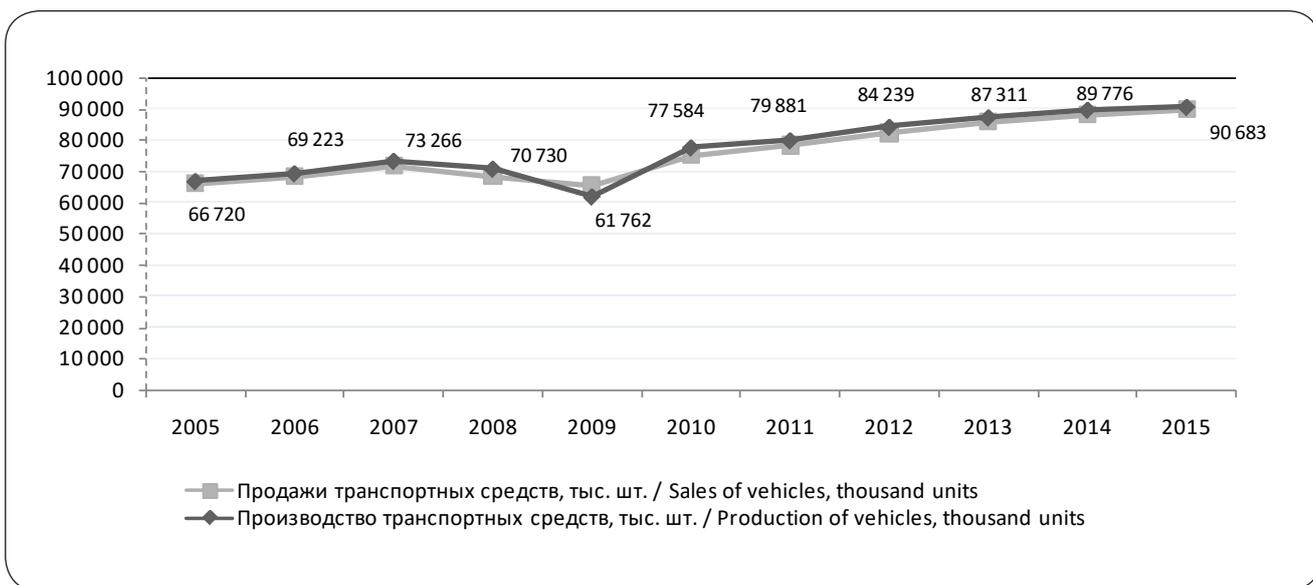

Рис. 1. Динамика изменения объемов продаж транспортных средств во всем мире с 2005 по 2015 гг.*

* Источник: составлено авторами на основе [3, с. 41].

Fig. 1. Dynamics of changes of vehicles sales globally, from 2005 till 2015*

* Source: compiled by the authors on the basis of [3, p. 41].

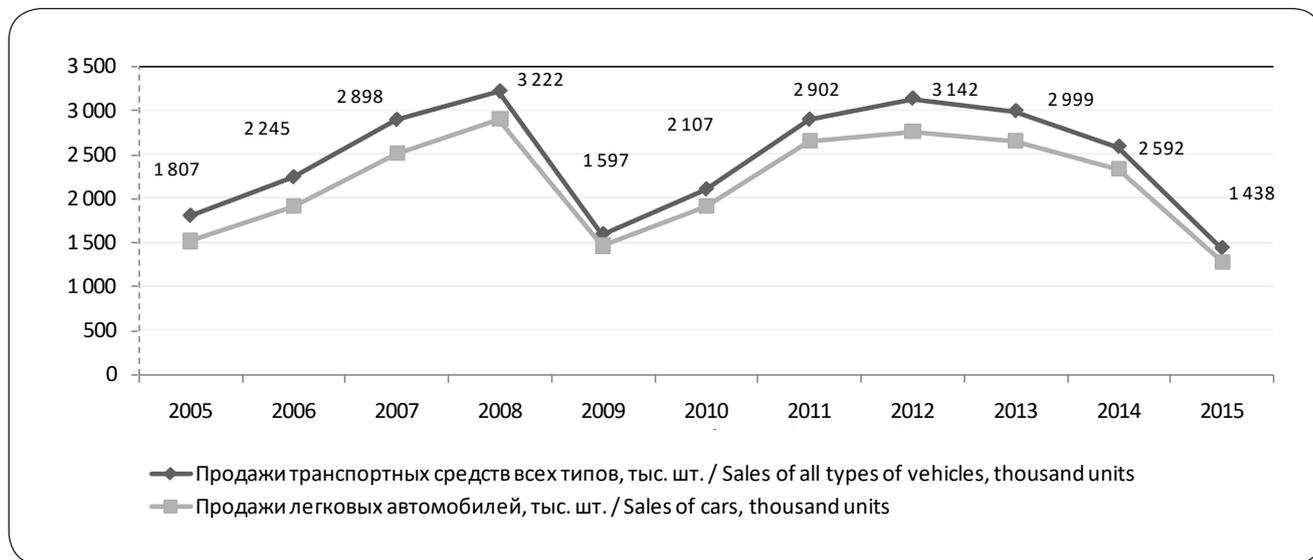

Рис. 2. Динамика изменения объемов продаж легковых автомобилей в России с 2004 по 2015 гг.*

* Источник: составлено авторами на основе [7, с. 43].

Fig. 2. Dynamics of changes of cars sales in Russia, from 2004 till 2015*

* Source: compiled by the authors on the basis of [7, p. 43].

После кризиса 2009 г. рынок продолжил рост вплоть до 2012 г., когда началось падение продаж транспортных средств на российском рынке. При этом в целом мировой рынок демонстрирует рост продаж транспортных средств [4, с. 100]. В 2015 г. стагнация достигла максимальных размеров, объем продаж упал до 1,4 млн штук транспортных средств в год, что ниже на 44,53 % уровня продаж, достигнутого в 2014 г., и более чем в 2,2 раза меньше объема продаж, который был зафиксирован по итогам 2012 г. [5, с. 44].

В целом необходимо отметить, что кризис был преодолен за счет государственной поддержки правительств практически всех стран – производителей автомобилей, которые в сложившейся ситуации оказались неспособны справиться с финансовыми проблемами. Это позволило обеспечить рост объемов продаж и производства автомобилей за период с 2010 по 2012 гг., однако в дальнейшем возможно возобновление «турбулентных» явлений в мировой автомобильной промышленности за счет обострения существующих противоречий в развитии компаний автомобилестроительной отрасли, а также мировой экономики в целом [6, с. 90].

Результаты исследования

Подобная ситуация уже сложилась на российском автомобильном рынке и может распространиться на мировой рынок в целом. Причины возникновения колебаний объемов продаж транспортных средств можно разделить на две группы. Первая группа проблем связана с перепроизводством транспортных средств (рис. 3).

Если проанализировать величину перепроизводства, рассчитанную на основе данных Международной организации производителей автомобилей, то она составляет от 2 до 4 % от общего объема продаж. При этом непосредственно перед кризисом величина перепроизводства возросла с 2 до 4 % от объема продаж. В 2009 г. объем производства оказался ниже объема продаж, что, по-видимому, положительно сказалось на будущем спросе в 2010–2011 гг., когда меры, принятые правительствами большинства стран, вызвали рост спроса, который не мог быть удовлетворен только за счет излишков складских запасов и вызвал рост производства и стабилизацию в мировом автомобилестроении. Примечательно, что в 2010 г. объем перепроизводства в относительном выражении, как

и в 2008 г., превысил 3 %, что объясняется резким восстановлением спроса на транспортные средства, а затем снизился до уровня, не превышающего 3 % (рис. 3).

Тревожным моментом являлся рост в 2012 г. объемов перепроизводства до уровня, превышающего предкризисные значения в 2007 г. (рис. 3). Однако постепенно этот показатель снизился до уровня ниже 2005 г., т. е. 1,11 %. Это говорит о том, что в мире растет спрос на продукцию автомобилестроения [8, с. 46]. Также, возможно, производители переходят на вытягивающую систему (покупатели формируют спрос) с толкающей, т. е. выпускают продукцию, нацеленную на конкретного потребителя, а не на предполагаемый необоснованный спрос, что в конечном счете приводит к затовариванию площадок дилеров и кризису продаж предприятия [9, с. 58].

Что касается российского автомобилестроения, то, с одной стороны, несмотря на кризисные явления, для него свойственны значительные перспективы, обусловленные относительно слабым уровнем автомобилизации российского общества (рис. 4).

Как видно из рис. 4, количество автомобилей в расчете на одного человека в России, хотя и превосходит такие страны, как Бразилия, Турция, Украина и Китай, все же недотягивает до среднего значения – 316 автомобилей на 1 тыс. человек.

Легко предположить, что в будущем парк автомобилей в России будет расти как минимум до уровня ее бывших союзников по социалистическому лагерю – Польши и Чехии – и составит не менее 438–453 автомобилей на 1 тыс. человек. Следовательно, с учетом существующей в настоящий момент численности населения России можно сделать вывод о том, что парк автомобилей в России в будущем вырастет на 21,36 млн шт. и составит около 56,7 млн шт.

Однако на пути успешной реализации этого сценария существует несколько препятствий, связанных с параметрами внутренней и внешней среды в России, определяющих цену эксплуатации [11, с. 109].

Во-первых, это стоимость приобретения автомобиля в кредит, которую определяют ставки по автокредитам, в свою очередь зависящие от ставки рефинансирования национальных центральных банков (рис. 5), гораздо выше, чем в большинстве развитых стран [12, с. 364].

Рис. 3. Динамика объемов перепроизводства транспортных средств во всем мире с 2005 по 2015 гг. в относительном выражении*

* Источник: составлено авторами на основании данных OICA. URL: <http://oica.net/category/production-statistics/> (дата обращения: 20.03.2016).

Fig. 3. Dynamics of overproduction of vehicles globally, from 2005 till 2015, comparatively*

* Source: compiled by the authors on the basis of OICA data, available at: <http://oica.net/category/production-statistics/> (access date: 20.03.2016).

Во-вторых, существенным фактом, влияющим на продажи автомобилей, является наличие мест парковок автомобилей как рядом с местом жительства покупателя автомобиля, так и рядом с объектами потенциальных поездок – работой, магазинами, школой и пр. Фактически в большинстве городов РФ проблема парковок проявляется с нарастающей быстротой и становится критической [13, с. 39]. Проблема актуальна как для Москвы и Санкт-Петербурга, так и для других городов. Усугубляет проблему точечная застройка новых жилых домов, съедающая последние существующие и потенциальные парковки [14, с. 480].

На фоне жесткого дефицита парковочных мест разворачивается борьба местных органов власти с владельцами транспортных средств, припарковавшимися в нарушение правил дорожного движения, путем эвакуации автомобилей. Это значительно повышает стоимость владения автомобилем в большинстве городов России и снижает мотивацию потенциальных автовладельцев к его приобретению. При этом стоимость официальных парковочных мест в виде

парковок и гаражей, по данным «Эксперт онлайн»² и компании «ПрайсвогтерхаусКуперс»³, в среднем выше, чем в развитых странах. Также отмечается рост затрат, связанных с парковкой [15, с. 300].

В-третьих, существенное влияние на стоимость владения автомобилем оказывают расходы на топливо, стоимость которого за последнее время значительно выросла, особенно с учетом повышения акциза на топливо с 1 апреля 2016 г.⁴

Необходимо также отметить значительный размер налога с владельцев транспортных средств, который, по данным британской компании Prestige Performance

² URL: http://expert.ru/magazine_auto/2013/04/pochemu-tak-dorogo/ (дата обращения: 20.03.2016).

³ URL: http://www.pwc.ru/ru/automotive/publications/assets/e-ver_auto_2015_rus-1.pdf (дата обращения: 20.03.2016).

⁴ URL: <http://www.rbc.ru/economics/05/04/2016/5702dc9a79473b691fb3f1?from=main> (дата обращения: 20.03.2016).

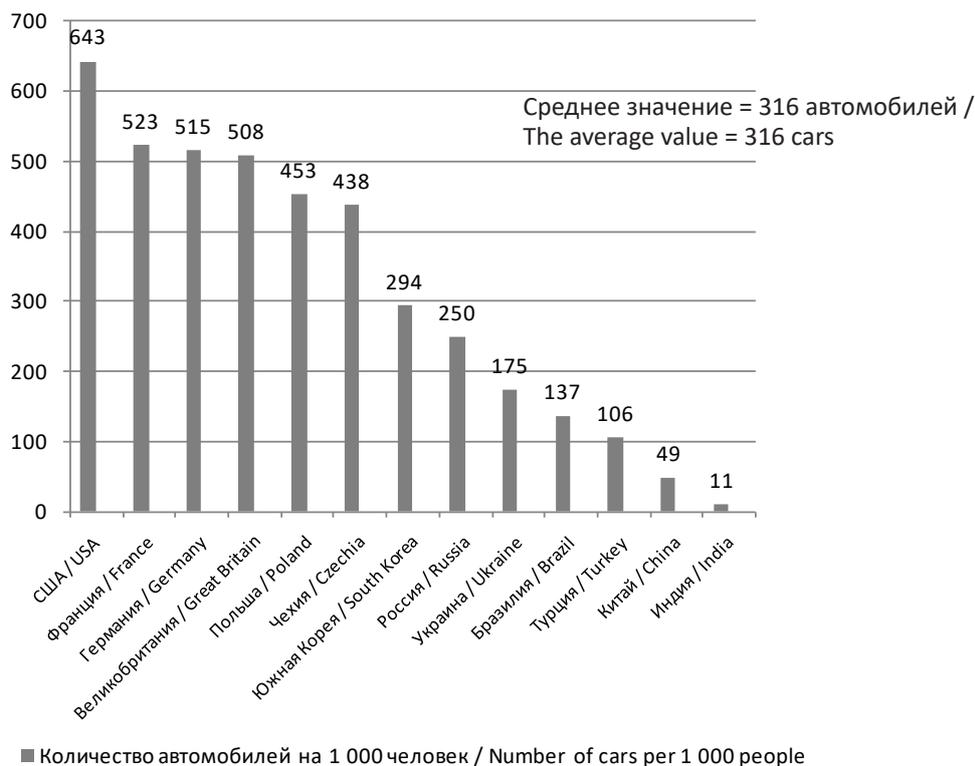

Рис. 4. Количество автомобилей на 1 000 человек в различных странах мира по состоянию на 2013 г.*

* Источник: составлено авторами на основе [10, с. 67].

Fig. 4. Number of cars per 1 000 people in different countries in 2013*

* Source: compiled by the authors on the basis of [10, p. 67].

Center⁵, выводил Россию на третье место в мире по этому показателю [16, с. 500].

Все эти проблемы привели к тому, что, по оценкам экспертов «ПрайсвотерхаусКуперс»⁶ и «Эксперт онлайн»⁷, совокупный объем расходов на владение автомобилем в России превысил аналогичный уровень для США и Великобритании [17, с. 12]. Конечно,

⁵ URL: http://www.zr.ru/content/news/545894-opredeleny_samyje_dorogije_strany_dla_avtomobilistov/ (дата обращения: 20.03.2016).

⁶ URL: http://www.pwc.ru/ru/automotive/publications/assets/ever_auto_2015_rus-1.pdf (дата обращения: 20.03.2016).

⁷ URL: http://expert.ru/magazine_auto/2013/04/pochemu-tak-dorogo/ (дата обращения: 20.03.2016).

с учетом падения курса рубля по отношению к мировым валютам объем расходов в пересчете на твердую валюту мог снизиться, однако расходы в рублевом эквиваленте в целом возросли за счет роста цены автомобилей, запасных частей и ГСМ, стоимость которых зависит от курса национальной валюты [18, с. 33].

В такой ситуации достижение показателя «автомобилизации» в 400 автомобилей на 1 тыс. человек, характерного для развитых стран бывшего социалистического лагеря, для российского общества является сложной задачей. Это подтверждается существующей тенденцией к замедлению темпов роста российского рынка, которая началась в конце 2012 г. и продолжается до сих пор. В замедлении виновато в том числе и изменение покупательских предпочтений: россий-

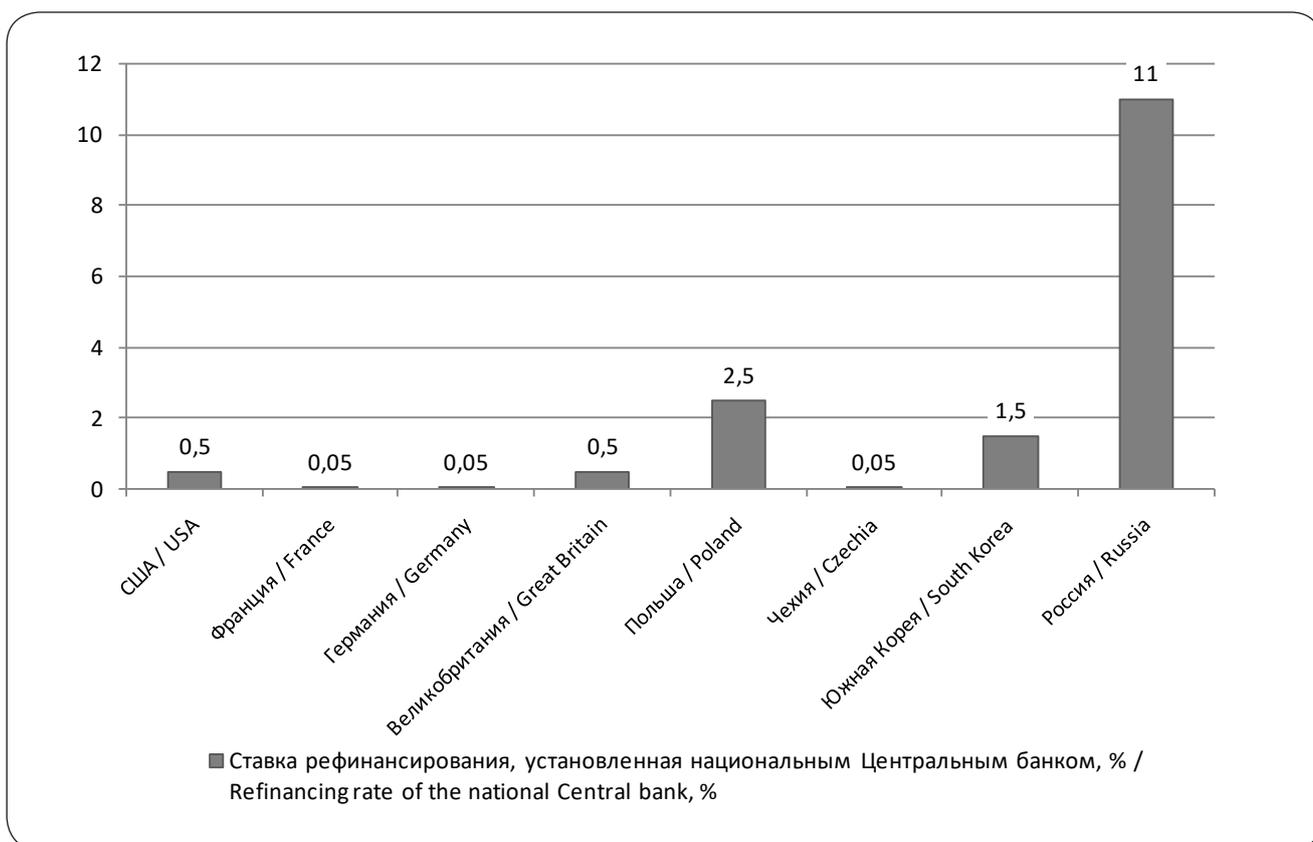

Рис. 5. Ставки рефинансирования национальных банков*

* Источник: составлено автором по данным книги фактов ЦРУ. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2207rank.html> (дата обращения: 20.03.2016).

Fig. 5. Refinancing rates of national banks*

* Source: compiled by the author by the data from CIA factbook, available at: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2207rank.html> (access date: 20.03.2016).

ский рынок постепенно движется к западной модели, когда автомобили сами по себе уже не продаются – автопроизводителям и дилерам надо прикладывать усилия, чтобы привлечь покупателей. Однако высокая стоимость владения автомобилем также является сдерживающим фактором, влияющим на темпы роста российского автомобильного рынка [19, с. 20].

Отсутствие стабильных темпов российского рынка может привести к срыву достижения целей и задач, отраженных в программе развития автомобильной промышленности до 2020 г., которая предусматривает производство силами российских автопроизводителей 3 745 тыс. автомобилей в год. При этом заявленный показатель не является экстраординарным для стран

БРИК. Например, Китай, по данным ОИКА⁸, произвел в 2015 г. более 24,5 млн автомобилей, а Бразилия и Индия – 2,4 млн и 4,1 млн соответственно. А ведь в целях реализации программы развития автомобильной промышленности до 2020 г. были израсходованы значительные финансовые ресурсы, которые являются в том числе средствами налогоплательщиков [20, с. 49]. Они были направлены на поддержку отечественных автопроизводителей во время кризиса и финансирования их инвестиционных программ.

⁸ URL: <http://oica.net/category/production-statistics/> (дата обращения: 20.03.2016).

При отсутствии стабильного спроса израсходованные средства не принесут достаточной экономической и социальной выгоды [21, с. 209].

Необходимо отметить, что совокупный потенциал российского рынка далеко не исчерпан, а максимальный показатель насыщения рынка определен уровнем автомобилизации США, который составляет 600–650 автомобилей на 1 тыс. человек. В этом случае российский парк автомобилей достигнет объема 91,2 млн шт. [22, с. 15]. Таким образом, российским автопроизводителям совместно с зарубежными концернами необходимо будет произвести около 70 млн машин. При средней цене порядка 15 000 евро это 1 050 млрд евро выручки, которая будет распределена между автопроизводителями и дилерами, вызовет соответствующий рост спроса на услуги банков и страховых компаний, а также количества занятых в различных отраслях промышленности. Наличие автомобильного парка таких размеров в РФ создаст сферу деятельности для сопутствующего бизнеса, начиная от сервиса по ТО автомобилей, продажам запасных частей и расходных материалов, горюче-смазочных материалов (далее – ГСМ). Как следствие, вырастут налоговые поступления в региональные и федеральные бюджеты, а массовая автомобилизация позволит реализовать новую мобильную концепцию российского гражданина, который может свободно путешествовать и передвигаться по огромной стране, создавая большой внутренний спрос на туристические услуги и обеспечивая значительную мобильность рабочей силы. Наконец, спрос на сталь, пластики и другие сырьевые компоненты, необходимые для производства автомобилей, возможно, избавит экономику РФ от пресловутой экспортной зависимости и снимет Россию с нефтяной «иглы», создав мощную базу для платежеспособного внутреннего спроса [22, с. 15].

Выводы

Неужели великолепные перспективы развития российских автопрома и автомобильного рынка разобьются об отсутствие парковочных мест, доступных кредитов и прочие внешние причины?

По нашему мнению, для реализации амбициозной программы развития автомобильной промышленности и ее дальнейшего претворения в соответствии со сценарием, описанным выше, необходимы консолидированные усилия государства и частного бизнеса,

которые, по нашему мнению, должны заключаться в следующем:

1. Обеспечение доступных кредитов покупателям транспортных средств. При этом доступной должна быть не только процентная ставка как плата за кредит, но и сам кредит для большинства заемщиков, в том числе с неофициальными доходами [23, с. 344]. Субсидирование процентных ставок по автокредитам со стороны государства и автопроизводителей, контроль условий автокредитования со стороны ЦБ РФ.

2. Снижение расходов владельцев на ГСМ путем фиксации внутренних цен по формуле «средняя цена бензина в США – понижающий коэффициент». При определении цены должны учитываться как цены на ГСМ, устанавливаемые компаниями-производителями, так и сумма налогов и сборов, заложенная в цене ГСМ. По нашему мнению, такая процедура ценообразования будет наиболее справедливой, так как закупаемое сырье поступает в США по более высокой цене с учетом значительного транспортного плеча [24, с. 53]. Дополнительными мерами по снижению стоимости ГСМ может стать развитие рынка газомоторного топлива, т. е. увеличение продаж сжатого природного газа (CNG) и сжиженного натурального газа (LNG).

Этот сценарий требует усилий как со стороны государства, так и со стороны газовых компаний. Также не стоит обходить вниманием вариант использования бензина и дизельного топлива с добавлением этанола и/или метанола. Это даст дополнительный стимул для развития сельского хозяйства и/или химической промышленности. Использование альтернативных моторных топлив окажет дополнительное естественное давление на топливный рынок, заставив топливные монополии обеспечить приемлемую цену на внутреннем рынке. Со стороны отечественных автопроизводителей должны быть приняты меры по снижению расхода ГСМ на один километр пройденного пути, а также по обеспечению топливной гибкости автомобилей в использовании различных видов моторных топлив. Например, в США, Канаде и Бразилии выпускаются автомобили, в которых доля этанола в топливе может достигать до 90 %.

3. Реализация федеральной программы строительства автомобильных дорог, повышение эффективности строительства дорог, улучшение соотношения «цена – качество» дорог, обеспечение бесплатных доступных парковок и стимулирование приобрете-

ния парковочных мест автовладельцами, реализация федеральных программ по строительству бесплатных парковок для транспортных средств, субсидирование строительства за счет бесплатного предоставления земельных участков, права аренды и пр.

4. Для снижения налоговых платежей возможно определение ставок налога на владельцев транспортных средств исходя из среднего уровня доходов населения региона, в котором он взимается, учет специфических факторов (развитие дорожной инфраструктуры, качество дорог; развитие общественного транспорта и пр.) [25, с. 300]. Фиксация и оптимизация других обязательных платежей (взносов, штрафов и прочего), формирование системы, нацеленной не на наказание, а на повышение культуры вождения и соблюдения ПДД, в том числе со стороны сотрудников ДПС.

5. Оптимизация страховых взносов владельцев транспортных средств возможна путем усиления конкуренции за счет привлечения иностранных страховых компаний, а также увеличения скидок за безаварийную езду (система «бонус-малус»).

По нашему мнению, предложенные мероприятия обеспечат долгосрочный потенциал для роста автомобильного рынка и позволят выполнить амбициозные цели и задачи, поставленные в программе развития российской автомобильной промышленности до 2020 г. Это является достаточно актуальным, ведь на ее выполнение израсходованы значительные средства налогоплательщиков, в том числе на поддержку отечественных автопроизводителей, которые при отсутствии достаточного спроса на продукцию окажутся не в состоянии выполнить поставленные перед ними амбициозные задачи и будут ввергнуты в новый кризис. И дело может оказаться не только в качестве и цене продаваемых в России автомобилей, но и в банальном отсутствии возможности потенциальных покупателей парковать свой автомобиль у мест работы, учебы и прочих, на первый взгляд кажущихся мелкими и незначительными, проблемах. Ведь не секрет, что России необходим новый сценарий развития, и его успешная реализация будет зависеть от многих отраслей, в числе которых автомобилестроение будет играть значительную роль. Отсутствие внимания к сфере производства продуктов с высокой добавленной стоимостью и ориентация на экспорт сырья может «заморозить» Россию в состоянии, которое можно охарактеризовать выражением «колосс на глиняных ногах».

Список литературы

1. Курилов К. Ю., Богатырев В. Д., Иванов Д. Ю. Прогнозы развития отечественной автомобильной промышленности // Сб. науч. трудов V Междунар. науч.-практ. конф. Тольятти, 2015. С. 96–98.
2. Курилов К. Ю., Курилова А. А. Цикличность развития мировой автомобильной промышленности // Экономический анализ: теория и практика. 2010. № 35. С. 33–44.
3. Курилова А. А. Прогноз развития автомобильной промышленности до 2026 г. // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2012. № 1. С. 40–42.
4. Курилов К. Ю., Курилова А. А. Формирование прогноза продаж транспортных средств до 2025 года // Аудит и финансовый анализ. 2011. № 5. С. 98–110.
5. Курилов К. Ю., Курилова А. А. Оценка финансовых результатов предприятий автомобильной промышленности // Вестник НГИЭИ. 2015. № 1 (44). С. 42–46.
6. Анализ развития мировой автопромышленности / А. А. Курилова, М. О. Искосков, А. А. Руденко, К. Ю. Курилов // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. 2015. № 3 (41). С. 87–92.
7. Курилов К. Ю. Принципы формирования системы затрат промышленного предприятия // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2015. № 3 (12). С. 41–45.
8. Курилова А. А., Фролова О. Ю. Управление рисками на предприятиях авиастроительной промышленности // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2014. № 4. С. 45–47.
9. Курилов К. Ю. Применение программы обратного выкупа на предприятиях автомобильной промышленности // Карельский научный журнал. 2014. № 2. С. 57–60.
10. Курилов К. Ю. Хеджирование как способ повышения эффективности предприятий автомобилестроения // Карельский научный журнал. 2014. № 3. С. 62–69.
11. Шмыгов А. Ф., Фролова О. Ю. Тенденции автомобильного кластера Самарской области на современном этапе развития // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2014. № 3. С. 107–110.
12. Курилов К. Ю., Курилова А. А. Динамика развития мирового и российского автомобильного рынка в 2012 г. // Аудит и финансовый анализ. 2013. № 6. С. 363–366.
13. Курилов К. Ю. Развитие российского автомобильного рынка до 2020 года // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2012. № 1. С. 37–40.
14. Kurilov K. Y. World and Russian automotive industry development perspectives // Studies on Russian Economic Development. 2012. Vol. 23. No. 5. Pp. 478–487.
15. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. М.: Прогресс, 1992. 752 с.
16. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, Астрель, 2005. 642 с.

17. Жамбю М. Иерархический кластерный анализ и ответственности. М.: Финансы и статистика, 1988. С. 11–15.
18. Жугляр К. Кризис и бизнес-циклы во Франции, Англии и США. Лондон: Максимилян Паблшер, 1862. С. 30–35.
19. Дюрэн Б., Одед П. Кластерный анализ. М.: Статистика, 1977. С. 15–25.
20. Дэйвисон М. Многомерное шкалирование. М.: Финансы и статистика, 1998. С. 47.
21. Дьюи Э. Р., Мандино Ог. Таинственные силы, которые вызывают события. Нью-Йорк: Hawthornbooks inc, 1971. 211 с.
22. Китчин Д. Циклы и тренды в экономике // Обзор экономической статистики. Вып. 5. № 1 (январь). 1923. С. 10–16.
23. Кондратьев Н. Д., Яковец Ю. В., Абалкин Л. И. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002. С. 341–393.
24. Модельский Дж., Томпсон У. Волны Кондратьева, развитие мировой экономики и международная политика // Вопросы экономики. 1992. № 10. С. 49–57.
25. Форрестер Дж. Основы кибернетики предприятия (индустриальная динамика). М.: Прогресс, 1971. 340 с.

Дата поступления 28.03.16

Дата принятия в печать 29.04.16

© Курилова А. А., Курилов К. Ю., 2016. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.ieml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторах

Курилова Анастасия Александровна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Финансы и кредит», Тольяттинский государственный университет

Адрес: 445667, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14, тел.: (8482) 53-91-83

E-mail: aakurilova@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1943-5675>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/F-6007-2016>

Контактное лицо:

Курилов Кирилл Юрьевич, кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры «Финансы и кредит», Тольяттинский государственный университет

Адрес: 445667, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14, тел.: (8482) 53-91-83

E-mail: aakurilova@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1540-5388>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/F-6038-2016>

A. A. KURILOVA¹,

K. YU. KURILOV¹

¹ Togliatti State University, Togliatti, Russia

MAIN FACTORS INFLUENCING THE FALL OF SALES IN THE RUSSIAN AUTOMOBILE MARKET

Objective: to identify the negative factors affecting the development of the Russian automobile market.

Methods: systemic approach, generalization and comparison of results, method of induction. The findings are based on the research results and observations obtained with the comparative-historical, dialectical-synthetic and abstract-logical methods.

Results: basing on data of the International organization of motor vehicle manufacturers (OICA), the rate of vehicles overproduction worldwide was determined; the analysis of motorization index in various countries allowed to form the forecast for the development of automotive fleet in Russia; basing on the analysis of macroeconomic data, the main factors influencing the development of the Russian automobile market were determined.

Scientific novelty: the regularities of dynamics of development of the global and Russian automobile markets were revealed. The factors influencing the Russian car market were identified.

Practical significance: the Russian car manufacturers can use information about the development of the global and Russian automobile markets to create plans for their activities.

Keywords: Economy and national economy management; Automobile industry; Sector of vehicles production; Dynamics of the global automobile industry; Demand for cars; Forecast of development of the Russian automobile industry; Program 2020

References

1. Kurilov, K. Yu., Bogatyrev, V. D., Ivanov, D. Yu. Prognozy razvitiya otechestvennoi avtomobil'noi promyshlennosti (Forecast of the Russian automobile industry development), *Sb. nauch. trudov V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, Togliatti, 2015, pp. 96–98 (in Russ.).
2. Kurilov, K. Yu., Kurilova, A. A. Tsiklichnost' razvitiya mirovoi avtomobil'noi promyshlennosti (Cyclicality of the global automobile industry development), *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*, 2010, No. 35, pp. 33–44 (in Russ.).
3. Kurilova, A. A. Prognoz razvitiya avtomobil'noi promyshlennosti do 2026 g. (Forecast of the automobile industry development up to 2026), *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*, 2012, No. 1, pp. 40–42 (in Russ.).
4. Kurilov, K. Yu., Kurilova, A. A. Formirovanie prognoza prodazh transportnykh sredstv do 2025 goda (Forming the prediction of vehicle sales up to 2025), *Audit i finansovyi analiz*, 2011, No. 5, pp. 98–110 (in Russ.).
5. Kurilov, K. Yu., Kurilova, A. A. Otsenka finansovykh rezul'tatov predpriyatii avtomobil'noi promyshlennosti (Evaluation of financial results of automobile enterprises), *Vestnik NGIEI*, 2015, No. 1 (44), pp. 42–46 (in Russ.).
6. Kurilova, A. A., Iskoskov, M. O., Rudenko, A. A., Kurilov, K. Yu. Analiz razvitiya mirovoi avtopromyshlennosti (Analysis of development of the global automobile industry), *Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo universiteta servisa. Seriya: Ekonomika*, 2015, No. 3 (41), pp. 87–92 (in Russ.).
7. Kurilov, K. Yu. Printsipy formirovaniya sistemy zatrat promyshlennogo predpriyatiya (Principles of forming the cost system of an industrial enterprise), *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*, 2015, No. 3 (12), pp. 41–45 (in Russ.).
8. Kurilova, A. A., Frolova, O. Yu. Upravlenie riskami na predpriyatiyakh aviastroitel'noi promyshlennosti (Risk management at aviation-building enterprises), *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*, 2014, No. 4, pp. 45–47 (in Russ.).
9. Kurilov, K. Yu. Primenenie programmy obratnogo vykupa na predpriyatiyakh avtomobil'noi promyshlennosti (Implementing the trade-in program at automobile enterprises), *Karel'skii nauchnyi zhurnal*, 2014, No. 2, pp. 57–60 (in Russ.).
10. Kurilov, K. Yu. Khedzhirovanie kak sposob povysheniya effektivnosti predpriyatii avtomobilstroeniya (Hedging as a means of increasing the efficiency of automobile enterprises), *Karel'skii nauchnyi zhurnal*, 2014, No. 3, pp. 62–69 (in Russ.).
11. Shmygov, A. F., Frolova, O. Yu. Tendentsii avtomobil'nogo klastera Samarskoi oblasti na sovremennom etape razvitiya (Trends of automobile cluster of Samara region at the modern stage of development), *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*, 2014, No. 3, pp. 107–110 (in Russ.).
12. Kurilov, K. Yu., Kurilova, A. A. Dinamika razvitiya mirovogo i rossiiskogo avtomobil'nogo rynka v 2012 g. (Dynamics of the development of the Russian and global automobile market in 2012), *Audit i finansovyi analiz*, 2013, No. 6, pp. 363–366 (in Russ.).
13. Kurilov, K. Yu. Razvitie rossiiskogo avtomobil'nogo rynka do 2020 goda (Development of the Russian automobile market up to 2020), *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*, 2012, No. 1, pp. 37–40 (in Russ.).
14. Kurilov, K. Y. World and Russian automotive industry development perspectives, *Studies on Russian Economic Development*, 2012, vol. 23, No. 5, pp. 478–487.
15. Braudel, F. *Vremya mira. Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm. XV–XVIII vv.* (Time of the world. Material civilization, economy and capitalism. 15–18 cc.), Moscow: Progress, 1992, 752 p. (in Russ.).
16. Gumilev, L. N. *Etnogenez i biosfera Zemli* (Ethnogenesis and biosphere of the Earth), Moscow: AST, Astrel', 2005, 642 p. (in Russ.).
17. Zhambyu, M. *Ierarkhicheskii klasternyi analiz i sootvetstviya* (Hierarchy cluster analysis and correlations), Moscow: Finansy i statistika, 1988, pp. 11–15 (in Russ.).
18. Juglar, K. *Krizis i biznes-tsikly vo Frantsii, Anglii i SShA* (Crisis and business cycles in France, Great Britain and the USA), London: Maksimil'yan Pablisher, 1862, pp. 30–35 (in Russ.).
19. Duran, B., Odell, P. *Klasternyi analiz* (Cluster analysis), Moscow: Statistika, 1977, pp. 15–25 (in Russ.).
20. Davison, M. *Mnogomernoe shkalirovanie* (Multidimensional scaling), Moscow: Finansy i statistika, 1998, p. 47 (in Russ.).
21. Dewey, E. R., Mandino, Og. *Tainstvennyye sily, kotorye vyzyvayut sobytiya* (Mysterious powers causing events), New York: Hawthornbooks inc, 1971, 211 p. (in Russ.).
22. Kitchin, D. Tsikly i trendy v ekonomike (Cycles and trends in economy), *Obzor ekonomicheskoi statistiki*, is. 5, No. 1, 1923, pp. 10–16 (in Russ.).
23. Kondratiev, N. D., Yakovets, Yu. V., Abalkin, L. I. *Bol'shie tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya. Izbrannye trudy* (Large cycles of conjuncture and theory of prediction. Selected works), Moscow: Ekonomika, 2002, pp. 341–393 (in Russ.).
24. Model'skii, J., Thompson, U. Volny Kondrat'eva, razvitie mirovoi ekonomiki i mezhdunarodnaya politika (Kondratiev waves, global economy development and international policy), *Voprosy ekonomiki*, 1992, No. 10, pp. 49–57 (in Russ.).
25. Forrester, J. *Osnovy kibernetiki predpriyatiya (industrial'naya dinamika)* (Bases of an enterprise's cybernetics (industrial dynamics)), Moscow: Progress, 1971, 340 p. (in Russ.).

Received 28.03.16

Accepted 29.04.16

© Kurilova A. A., Kurilov K. Yu., 2016. Originally published in Actual problems of economics and law (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; Licensee Tatar Educational Centre "Taglimat". This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), which permits unrestricted use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.

Information about the authors

Anastasiya A. Kurilova, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Char “Finance and Credit”, Togliatti State University
Address: 14 Belorusskaya Str., 445667, Togliatti, tel.: (8482) 53-91-83
E-mail: aakurilova@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1943-5675>
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/F-6007-2016>

Contact:

Kirill Yu. Kurilov, PhD (Economics), Associate Professor, Professor of the Char “Finance and Credit”, Togliatti State University
Address: 14 Belorusskaya Str., 445667, Togliatti, tel.: (8482) 53-91-83
E-mail: aakurilova@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1540-5388>
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/F-6038-2016>

For citation: Kurilova A. A., Kurilov K. Yu. Main factors influencing the fall of sales in the Russian automobile market, *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, vol. 10, No. 2, pp. 102–112.

ПОЗНАНИЕ

Зубаков, В. М.

Воспроизводственная функция общего благосостояния в системе национального накопления / В. М. Зубаков, Р. И. Хикматов, Р. М. Кочеткова ; Институт экономики, управления и права (г. Казань). – Казань : Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2015. – 200 с.

В монографии задача достижения общего благосостояния в стране раскрывается на примере двух основных законов благосостояния, а также с учетом третьего, в основу которого положена система социального страхования населения. Главным жизненным стимулом для любого человека в любой стране является уверенность, что его старость будет спокойной и обеспеченной. Главным побудительным стимулом человека к накоплению на свою будущую обеспеченную старость являются пенсионные отчисления, которые мотивируют индивида в течение долгой активной жизни на упорный производительный труд и обеспечивают воспроизводственную функцию политики общего благосостояния в системе национального накопления. Поэтому авторы считают, что в основе страховой финансовой политики в любой стране должно присутствовать не сбережение нынешних пенсионных накоплений (до выхода на пенсию), а умножение будущего пенсионного потребления (после выхода на пенсию). Этот, по сути, воспроизводственный рыночный подход к социально-экономическим процессам в любом обществе наиболее полно отражается в третьем законе благосостояния, который сформулирован авторами и которому найдено место в структуре формирования системы общего благосостояния в стране.

Будет интересна широкому кругу участников рыночных отношений – как экспертам социальных программ правительства, так и практическим работникам органов власти всех уровней. Информацию из монографии можно также использовать на занятиях со студентами старших курсов экономических вузов и специальностей.

УДК 338.24:658.15

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.2.113-123>

Как цитировать статью: Никифорова Е. В. Формирование и раскрытие информации об устойчивом развитии компании // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 2. С. 113–123.

Е. В. НИКИФОРОВА¹

¹ *Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия*

ФОРМИРОВАНИЕ И РАСКРЫТИЕ ИНФОРМАЦИИ ОБ УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ КОМПАНИИ

Цель: доказательство необходимости своевременного раскрытия информации об устойчивом развитии компании на современном этапе для оценки стейкхолдерами результатов ее деятельности.

Методы: монографический, анализа и синтеза, сравнения, группировки, детализации и обобщения, исторического и логического анализа.

Результаты: рассмотрены аспекты показателей отчетности; основные международные и национальные документы, регулирующие аспекты отражения информации компании об устойчивом развитии; принципы формирования отчетности; описаны этапы подготовки отчетности об устойчивом развитии компании.

По мнению автора, компании должны включить в отчеты информацию по следующим показателям: показатели, контролируемые компанией, должны быть представлены в показателях результативности деятельности; показатели с большей долей влияния компании должны коррелироваться со сведениями о подходах в области ее системы управления; в границы, охваченные материалом описательного характера, должны быть включены показатели, не находящиеся под контролем или существенным влиянием компании, но которые могут быть связаны ключевыми проблемами для него в силу значимости воздействия этих единиц. Отчет должен охватывать все организационные единицы в рамках границ отчета.

Показатели экономической результативности при анализе устойчивого развития компании имеют отличия от традиционных финансовых коэффициентов, рассчитываемых на базе его бухгалтерской (финансовой) отчетности. Основная цель разработки и анализа показателей экономической результативности – отражение воздействия компании на интересы стейкхолдеров, прямо или косвенно взаимодействующих с ней.

Научная новизна: расширение концептуальных подходов к формированию и представлению отчетности об устойчивом развитии компании стейкхолдерам.

Практическая значимость: позволяет предоставить более полную, сбалансированную и достоверную информацию о деятельности компании стейкхолдерам, что формирует ее деловую репутацию.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; компания; информация; устойчивое развитие; стейкхолдеры; показатели отчетности; ресурсы; эффективность использования

Введение

Современные компании заинтересованы в создании новых моделей производства продукции, основанных на повышении энергоэффективности производства и производительности труда работников компании, без дополнительной нагрузки на природные ресурсы и климатическую систему нашей планеты. Российской экономике необходим уход от сырьевой модели и переход к «экономике знаний», основанной на политике радикального повышения энергоэффективности, сочетающей экологический эффект и сокращение дифференциации в развитии регионов России. Переход к «экономике знаний» не-

возможен без формирования информации о деятельности компаний в области устойчивого развития.

Устойчивое развитие компаний – долгосрочная стратегия их деятельности с целью обеспечения роста стоимости бизнеса, основанная на их эффективном взаимодействии со стейкхолдерами при соблюдении требований экономико-социальной и экологической ответственности бизнеса. Обеспечение устойчивого развития компании находит свое отражение в достижении системы экономических, социальных и экологических целей [1].

При реализации компанией модели устойчивого развития прибыль является не конечной ее целью,

а средством достижения цели непрерывности деятельности и устойчивого развития. Показатели отчетности в части устойчивого развития компании представляются в разрезе трех аспектов:

– экономического, состоящего из финансовых и нефинансовых показателей компании, таких как добавленная стоимость, размеры инвестиций в интеллектуальный капитал, наличие необходимого производственно-технологического и организационного потенциала для удовлетворения запросов стейкхолдеров, эффективная маркетинговая политика, рациональное использование ресурсов, инновационная активность, вклад компании в развитие национальной экономики, эффективность взаимодействия со стейкхолдерами и т. п.;

– социального – содержит индикаторы о вкладе компании в охрану труда, здоровья сотрудников, физкультурно-оздоровительные и социальные программы помощи населению, в которых приняла участие компания, доказательство соблюдения ею прав человека. К основным параметрам компании в части социальной ответственности можно отнести: стабильную выплату заработной платы; правила управления персоналом, корпоративный кодекс; отношения компании с населением территории присутствия; дополнительные виды страхования сотрудников; использование обучающих программ, подготовки и повышения квалификации в развитии человеческих ресурсов; материальная помощь; социальные инвестиции в программы территорий присутствия компании; поддержание социального благополучия, безопасности и устойчивости территорий присутствия;

– экологического, нацеленного на защиту окружающей среды и относящегося к применяемым компанией технологиям для поддержания экологического баланса. В этом аспекте основными параметрами являются: показатели, характеризующие деятельность компании в части защиты и восстановления окружающей среды (включая снижение вредных выбросов в атмосферу); снижение потребления энергии, водных и прочих биоресурсов; объемы переработки и повторного использования материалов и ресурсов; комплексное развитие территории посредством рационального потребления и восстановления природного баланса флоры и фауны; оценка объема невозможных ресурсов; описание управленческих решений менеджмента компании, влияющих на окружающую среду,

и предложение мер по нивелированию негативных последствий воздействия на окружающую среду.

Успешное развитие компании будет достигнуто при балансе трех взаимообозначенных аспектов. Принятие решений о раскрытии компанией информации о деятельности в области устойчивого развития является достаточно сложным процессом. В компании должна действовать система, поддерживающая реализацию программы устойчивого развития, обязательно включающая такие элементы, как контроль, оценка результатов, система мотивации, побуждающая сотрудников компании на достижение стратегических целей.

При разработке отчетности по устойчивому развитию компании составителям необходимо помнить о том, что форма, сроки, объем и степень детализации, а также показатели, определения, системы сбора данных полностью зависят от поставщика данной информации [1]. Тем не менее этот документ должен быть структурирован следующим образом: определение содержания отчета; обеспечение его качества; раскрытие его элементов, определений и показателей; использование модели отчета, ориентированного на устойчивое развитие хозяйствующего субъекта.

Отчетность об устойчивом развитии компании должна включать общие и специфичные для отрасли, в которой работает компания, материалы о результатах деятельности.

Рассмотрим основные международные и национальные документы, регулирующие аспекты отражения информации компании об устойчивом развитии. В целом управление устойчивым развитием осуществляется посредством: декларации (Глобальный договор ООН, Социальная Хартия российского бизнеса); международных стандартов и руководств (ISO 26000, GRI, AA1000SES, AA1000AS, SA8000); национальных стандартов и руководств, соответствующих международным (аналоги) [2, 3]¹.

Компания, опирающаяся на вышеперечисленные стандарты, может выстроить систему эффективного управления ее деятельностью в области устойчивого развития.

¹ ГОСТ Р 54598.1-2011 «Менеджмент организации. Руководство по обеспечению устойчивого развития». М.: Стандартинформ, 2012.

В России национальным стандартом в области ответственного поведения компании в части устойчивого развития выступает «Социальная хартия российского бизнеса», опубликованная Российским союзом промышленников и предпринимателей (РСПП) в 2005 г. Социальная хартия – это свод принципов ответственной деловой практики².

Компании могут использовать содержание Социальной хартии для формулирования собственной миссии, ценностей, постановки управленческих целей, направленных на достижение сбалансированного устойчивого развития. Одновременно хартия выступает в роли методологического инструмента, очерчивающего общие границы и направления ответственности компании, что повышает сравнимость действий разнородных компаний.

Отчетность об устойчивом развитии компаний способствует реализации их стратегий, являясь инструментом оценки результатов деятельности компаний, сочетая интересы стейкхолдеров.

При использовании компанией «Руководства по отчетности в области устойчивого развития» (далее – GRI), а также других элементов GRI в отчетности об устойчивом развитии компании необходимо сообщить об этом Глобальной инициативе по отчетности после опубликования документа следующими способами: отправить его на бумажном или электронном носителе в адрес GRI; зарегистрировать в базе отчетов GRI; обратиться в GRI о проверке самодекларации уровня применимости «Руководства по отчетности в области устойчивого развития».

Построение отчетности об устойчивом развитии хозяйствующего субъекта основывается на использовании ряда принципов. Принципы GRI рассматривают процесс подготовки отчетности об устойчивом развитии компании как «инструмент для преобразований» – живой инструмент и процесс, не ограничивающийся публикацией отчетности, а являющийся неотъемлемой частью более крупного процесса разработки стратегии компании, реализацией планов действий и оценки полученных результатов, служащий инструментом взаимодействия со стейкхолдерами и способ-

ствующий проведению полезных преобразований в организационных процессах компании³.

GRI классифицирует принципы формирования отчетности об устойчивом развитии компании на две группы: принципы для определения тем и показателей для включения в отчет об устойчивом развитии компании; принципы для обеспечения качества и адекватного представления информации, включенной в данный документ.

Содержание отчетности об устойчивом развитии компании также формируется ее принципами и критериями, позволяющими протестировать информацию, подлежащую включению в нее как необходимую для раскрытия в соответствии с запросами пользователей.

Принципы:

А. Прописанные в GRI [4]

A1. Принципы для определения содержания отчета

– *Существенности* – раскрытие данных, адекватных основным целям финансово-хозяйственной деятельности компании, с отражением существенного воздействия на экономику, экологию и общество и баланса доходообразующей базы компании по реализации принципа непрерывности деятельности.

– *Охват интересов* стейкхолдеров компании, подготовка отчета об устойчивом развитии с выявлением интересов стейкхолдеров и пояснением в нем их разумных ожиданий и выгоды. Интересы стейкхолдеров являются основными для составителей отчетности об устойчивом развитии компании при определении границ такого отчета. Составителям документа следует соблюдать баланс этих интересов. Постоянное изучение запросов стейкхолдеров со стороны поставщиков информации будет повышать полезность отчетности об устойчивом развитии компании, укрепляя доверие между составителями отчета и стейкхолдерами.

– *Устойчивого развития* – отчет должен раскрывать результаты деятельности компании по сбалансированности доходообразующей базы и отражению существенного воздействия на экономику, экологию и общество.

² Официальный сайт Союза промышленников и предпринимателей. URL: <http://www.rspp.ru/simplepage/> (дата обращения: 19.03.2016).

³ GRI Sustainability Reporting Guidelines // Global Reporting Initiative. URL: <https://www.globalreporting.org/> (дата обращения: 19.03.2016).

– *Полноты* – охват существенных тем, показателей и границ отчетности об устойчивом развитии компании с отражением существенного воздействия на экономику, окружающую среду и общество, позволяющих стейкхолдерам оценить результаты ее деятельности за отчетный период.

А2. Принципы для обеспечения качества отчета

– *Сбалансированности* – отчет об устойчивом развитии компании должен содержать как положительные, так и отрицательные аспекты деятельности компании, способствуя обоснованной оценке общей результативности ее деятельности, формированию объективной информации о результатах деятельности компании.

– *Сопоставимости* – данные о деятельности компании должны быть сопоставимы с аналогичной информацией предшествующих периодов и с данными о деятельности других компаний.

– *Точности* – отражение в отчетности об устойчивом развитии компании тех явлений, для описания которых она предназначена, для того чтобы стейкхолдеры могли оценить результаты деятельности компании, подготовившей отчет.

– *Своевременности* (уместности – возможности использования информации для принятия решения определяющего характера) – доступ к информации при возникновении потребности у стейкхолдера.

– *Надежности* – таковой может считаться информация, отражающая объективно и достоверно жизнеспособность компании. Все данные должны быть документированы и проанализированы, обеспечивая качество и существенность информации.

Б. Дополнительные принципы, предлагаемые для более полного удовлетворения запросов стейкхолдеров.

– *Прогнозная ценность* – заключается в возможности получения информации о жизнеспособности компании в длительном периоде.

– *Обратная связь* – помогает подтвердить или откорректировать ранее принятое решение ее пользователями.

– *Ясность* – представление информации в отчетности об устойчивом развитии компании в формате, понятном и доступном для стейкхолдеров. Отчет об устойчивом развитии хозяйствующего субъекта раскрывает информацию так, чтобы она была понятна, доступна и практически полезна различным стейкхол-

дерам хозяйствующего субъекта, позволяя им найти важную информацию, формирующую представление об устойчивом развитии компании без чрезмерных усилий и с умеренными данными.

– *Преобладание содержания над формой* – операции и события, раскрываемые в отчетности об устойчивом развитии компании, рассматриваются либо с точки зрения юридической формы, либо с экономической стороны существа явления.

– *Нейтральность* – отсутствие акцента на удовлетворении запросов одной группы стейкхолдеров в ущерб другой.

– *Осмотрительность* – проявление осмотрительности при отражении событий, произошедших в прошлом, влияющих на оценки этих событий в будущем.

– *Понятность* – информация, содержащаяся в документе, должна быть легко интерпретируема, чтобы стейкхолдеры могли понимать ее суть [5, 6].

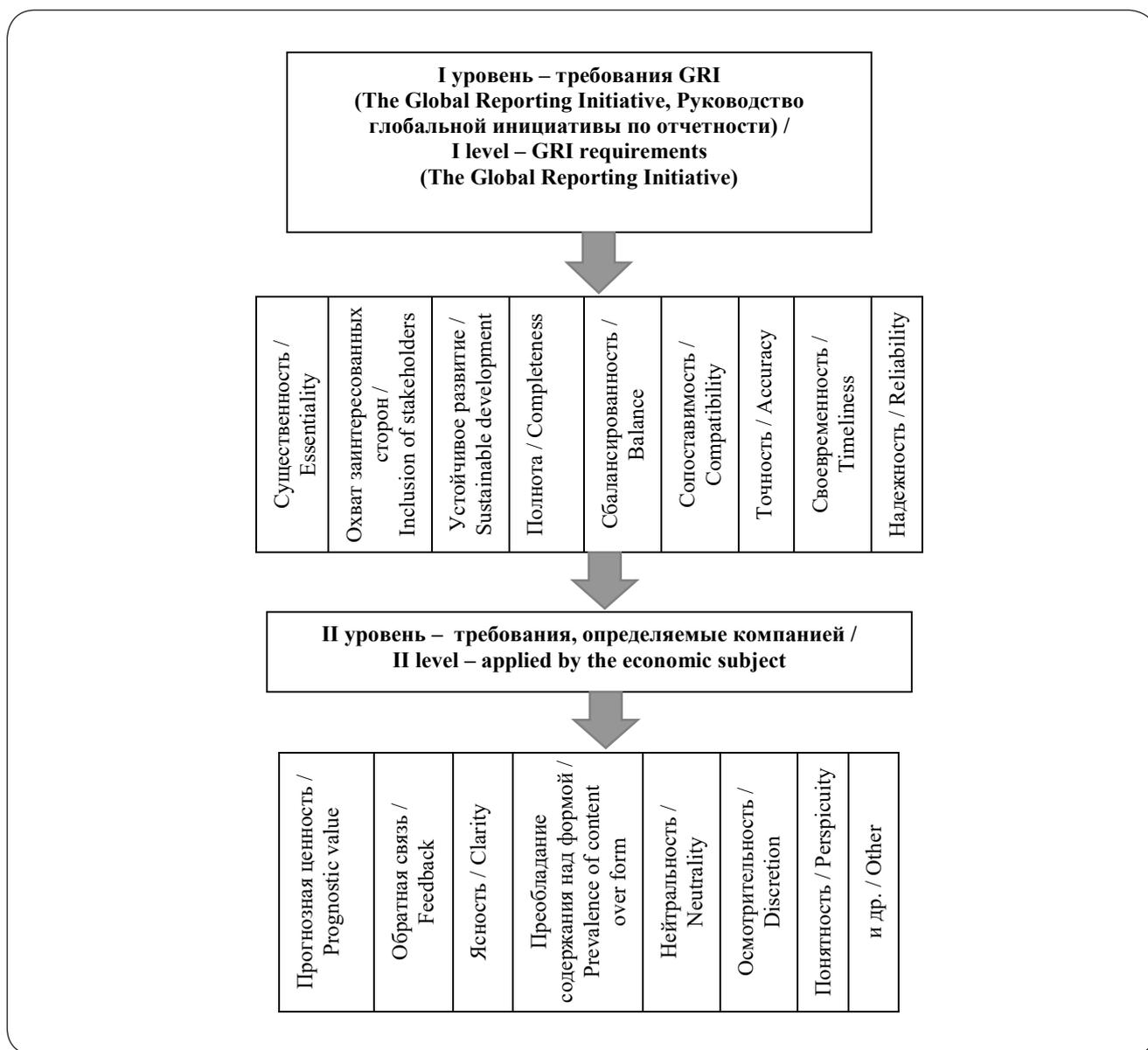
Формат предоставления отчетности об устойчивом развитии заинтересованным пользователям определяется непосредственно компанией. Возможны следующие варианты: отдельная публикация (в сети Интернет, на бумажном носителе, в виде брошюры и т. п.); публикация в годовых (финансовых) отчетах.

Компаниям также следует определить цикличность выпуска отчетности об устойчивом развитии: ежегодный цикл; раз в два года; регулярное обновление информации между выпусками консолидированных отчетов о результатах деятельности компании [7, 8].

Иерархия принципов формирования отчетности об устойчивом развитии компании представлена на рисунке.

Как следует из Руководства глобальной инициативы по отчетности, при подготовке нового отчета компания может определить информацию, которая не изменилась по сравнению с предыдущим отчетом (например, текст политики, которая не была изменена), и обновлять только темы и показатели, которые изменились⁴. Однако компаниям необходимо опираться на принципы полноты и понятности в части формирования отчетности об устойчивом развитии и предоставления ее стейкхолдерам. Поэтому полагаем, что не всегда приемлемо обновление только тех

⁴ Официальный сайт Глобальной инициативы по отчетности (Global Reporting Initiative). URL: <https://www.globalreporting.org/> (дата обращения: 12.03.2016).

Рис. Иерархия принципов формирования отчетности об устойчивом развитии компании

* Источник: составлено автором на основе [7].

Fig. Hierarchy of the principles of forming a report on the sustainable development of a company

* Source: compiled by the author basing on [7].

тем и показателей, которые претерпели изменение. Необходимо отражение информации в документе таким образом, чтобы стейкхолдеры могли найти ответы на все интересующие их вопросы.

В Руководстве глобальной инициативы по отчетности в части определения границ отчетности

об устойчивом развитии значится, что она должна включать:

– все организационные единицы, создающие существенное воздействие на устойчивое развитие (фактическое или потенциальное), и/или все единицы, находящиеся под контролем или существенным

влиянием компании, готовящей отчет, в отношении финансовых и операционных политик и практик;

– информацию по этим единицам, включенную в отчет с использованием показателей результативности деятельности, показателей результативности менеджмента или материалы описательного характера⁵.

Компания должна включить в свой отчет информацию по нижеперечисленным показателям следующими способами:

– показатели, контролируемые компанией, должны быть представлены в показателях результативности деятельности;

– показатели с большей долей влияния компании должны коррелироваться со сведениями о подходах в области ее системы управления;

– в границы, охваченные материалом описательного характера, должны быть включены показатели, не находящиеся под контролем или существенным влиянием компании, но которые могут быть связаны с ключевыми проблемами для нее в силу значимости воздействия этих единиц;

– документ должен охватывать все организационные единицы в рамках границ отчета.

В ходе процесса подготовки отчета компания может отказаться от сбора определенных данных относительно конкретной единицы или группы на основании соображений эффективности при условии, что такое решение не приведет к существенному изменению итоговых результатов элемента отчетности и показателя⁶.

Исходя из вышеизложенного, предложим этапы подготовки отчетности об устойчивом развитии компании.

Этап 1. Определить круг стейкхолдеров, их запросы. Вопросы, раскрываемые на этом этапе: перечень стейкхолдеров; их интересы; чьи интересы они выражают; насколько влиятельным представителем заинтересованной стороны является стейкхолдер; в чем именно заключается его влияние (область, направление, существенность влияния); сформулировать их потребности, области пересечения их интересов. Основными стейкхолдерами (потенциальными выгодополучателями от деятельности) любой компании являются:

собственники и инвесторы, покупатели и поставщики, служащие компании, местное сообщество, государство.

Эффективное взаимодействие компании со стейкхолдерами будет способствовать обеспечению условий долгосрочного и устойчивого ее развития. Определение круга стейкхолдеров и их запросов обуславливает отбор ключевых из них, разработку мероприятий взаимодействия с ними и показателей для оценки эффективности такого взаимодействия.

Разработка мероприятий взаимодействия со стейкхолдерами позволит компании достичь уровня устойчивого развития, от которого выигрывают все: и хозяйствующий субъект, и его стейкхолдеры, и общество.

Этап 2. Определить содержание отчета об устойчивом развитии компании исходя из запросов стейкхолдеров. Содержание документа всецело зависит от тем, которые намерена раскрывать компания, и набора показателей, раскрывающих эти темы. Выбор показателей строится с использованием принципов существенности, охвата заинтересованных сторон и устойчивого развития. Темы и используемые показатели тестируются на соответствие критериям, приведенным для каждого принципа. После тестирования принимается окончательное решение по включению этих тем и показателей в документ.

В отчетности об устойчивом развитии компании необходимо:

– дать определения основных содержащихся терминологических единиц, чтобы она была понятной стейкхолдерам;

– определить принципы, на которых она будет строиться (за основу можно взять принципы GRI);

– определить границы охвата отчетности с указанием четких причин таких границ, а также вопросы, подлежащие раскрытию в ней. Вопросы должны быть нацелены на освещение наиболее существенных сторон деятельности компании (экономический, социальный и экологический), оказывающих влияние на оценки и решения стейкхолдеров.

Разработка стратегии предполагает определение долгосрочных целей и задач, которые необходимо решить компании для достижения устойчивого развития бизнеса. Необходимость выделения устойчивого развития компании в ее комплексную долгосрочную стратегию продиктована тем, что решения, связанные с обеспечением устойчивого развития: влияют

⁵ GRI Sustainability Reporting Guidelines // Global Reporting Initiative. URL: <https://www.globalreporting.org/> (дата обращения: 12.03.2016).

⁶ Там же.

на всю цепочку создания стоимости компании, начиная с разработки и производства продукции и заканчивая развитием клиентской базы; носят сложный комплексный, зачастую противоречивый характер, включая конфликты интересов отдельных групп и финансовых и нефинансовых целей компании, затрагивают взаимодействие с широким кругом заинтересованных лиц, влияние которых на долгосрочную устойчивость компании может быть существенным; принимаются в условиях неопределенности, которую формируют такие факторы, как изменение климата, геополитические события, меняющееся законодательство, интересы работников, потребителей и других стейкхолдеров.

Этап 3. Выбрать формат предоставления отчетности об устойчивом развитии компании. Выделить показатели, раскрываемые в ней, которые могут заинтересовать стейкхолдеров: экономические, социальные, экологические. Ранее перечислены группы таких показателей, сейчас же обратимся к рассмотрению показателей эффективности деятельности компании.

Итак, отчетность об устойчивом развитии компании должна представлять стейкхолдерам информацию по следующим показателям эффективности деятельности:

- результативности, отражающей достижение определенных целей и задач в области устойчивого развития компании;
- эффективности бизнес-модели ресурсов, бизнес-процессов и результатов;
- проектно-портфельный подход к реализации стратегии устойчивого развития, ориентированный на мониторинг и разработку самой стратегии устойчивого развития;
- показатели, используемые для определения эффективности взаимодействия компании со стейкхолдерами.

Выбранные показатели эффективности в области устойчивого развития компании должны способствовать: определению области, где улучшения являются наиболее целесообразными с точки зрения устойчивого развития; установлению параметров достижения цели и задач; оценке соблюдения правовых норм; характеристике эффективности предпринятых мер, то есть оценке достигнутого прогресса в области устойчивого развития; выявлению соответствия требованиям ключевых стейкхолдеров.

Показатели в отчетности об устойчивом развитии компании подразделяются на основные и дополнительные.

Основные показатели – общепринятые для компаний. В данную группу включаются показатели отраслевой направленности. Чтобы обеспечить высокую аналитичность отраженных в отчетности об устойчивом развитии компании показателей, следует придерживаться ряда требований к такой отчетности: сопоставимость/измеримость (показатели должны способствовать определению изменения производительности, контролю за изменениями, происходящими в компании); использование для принятия управленческих решений менеджментом компании; целостность – охват всех аспектов устойчивого развития компании; понятность – должны быть четкими, избегающими неоднозначной их оценки; эффективность – затраты на расчет, интерпретацию и отражение показателей должны приносить компании выгоду.

Показатели экономической результативности при анализе устойчивого развития компании имеют отличия от традиционных финансовых коэффициентов, рассчитываемых на базе его бухгалтерской (финансовой) отчетности. Основная цель разработки и анализа показателей экономической результативности состоит в том, чтобы отразить воздействие компании на интересы стейкхолдеров, прямо или косвенно взаимодействующих с компанией.

Этап 4. Обеспечение качества отчета. Качество отчетности об устойчивом развитии компании формируется посредством: полноты раскрытия информации; ее сбалансированности; своевременности ее раскрытия; достоверности информации; ее понятности и сопоставимости.

Документ должен содержать полную информацию, позволяющую стейкхолдерам оценить результаты деятельности компании в достаточном объеме.

В свою очередь, деятельность крупных промышленных предприятий невозможна без привлечения дополнительных средств от инвесторов, которые преследуют одну лишь цель – сохранить и приумножить временно свободный капитал [9–14].

В отчетности должны отражаться как положительные результаты деятельности компании, так и отрицательные. Такой сбалансированный подход будет позволять компании предоставлять стейкхолдерам объективную информацию.

Своевременность раскрытия информации означает, что она должна предоставляться периодически на регулярной основе, чтобы стейкхолдеры имели разумные рамки временной доступности отчетности для ее изучения.

Достоверность отчетности – она должна быть точной, надежной, для того чтобы стейкхолдеры могли оценить результаты деятельности компании и принять обоснованные решения.

Информация должна быть понятной для различных стейкхолдеров, не обладающих специальными знаниями по прочтению подобных документов.

Сопоставимость информации в отчетности об устойчивом развитии компании заключается в возможности анализа стейкхолдерами различных временных периодов деятельности компании.

В современных экономических условиях с целью практической реализации методики, соприкосновения ее теоретической и практической плоскостей необходимо формирование адекватной системы информационного и аналитического обеспечения [15–20].

Раскрытие информации в отчетности об устойчивом развитии компании через нефинансовые (социальные) отчеты, карты стейкхолдеров позволит компании предоставить данные не о том, сколько и каких хороших дел делается, а о том, каких изменений удалось достичь в результате этих хороших дел. И, таким образом, отчетность об устойчивом развитии компании позволит стейкхолдерам оценить эффективность деятельности компании, исходя из их информационных запросов [21].

Выводы

В данной статье предложен авторский подход к формированию принципов отчетности об устойчивом развитии компании. Помимо предлагаемых «Руководством по отчетности в области устойчивого развития» принципов, предложены дополнительные принципы, влияющие на качество подготовки и предоставления информации в отчетности об устойчивом развитии компании стейкхолдерам, такие как прогнозная ценность, обратная связь, ясность, преобладание содержания над формой, нейтральность, осмотрительность, понятность. Предложены четыре этапа подготовки и предоставления отчетности об устойчивом развитии компании стейкхолдерам. Обоснована необходимость такой отчетности для развития в стране «экономики знаний».

Список литературы

1. Никифорова Е. В. Методические подходы к подготовке отчетности об устойчивом развитии хозяйствующего субъекта // Учет. Анализ. Аудит. 2015. № 4. С. 75–78.
2. Ефимова О. В. Отчет об устойчивом развитии как новая форма корпоративной отчетности компании // Аудиторские ведомости. 2014. № 8. С. 36–47.
3. Ефимова О. В. Разработка аналитического обеспечения стратегии устойчивого развития коммерческих организаций // Аудит и финансовый анализ. 2014. № 3. С. 303–308.
4. Никифорова Е. В., Шнайдер О. В. Отчетность об устойчивом развитии экономического субъекта: принципы, этапы подготовки // Вопросы региональной экономики. 2015. № 4 (25). С. 161–166.
5. Nikiforova E. V. Paradigm of Public Reporting of Economic Entities // World Applied Sciences Journal. 2014. No. 29 (5). Pp. 667.
6. Никифорова Е. В. Содержание публичной отчетности в инновационной экономике // Экономика и управление: проблемы и решения. 2014. № 3 (27). С. 141–144.
7. Информационно-аналитическое обеспечение устойчивого развития экономических субъектов / В. И. Бариленко, О. В. Ефимова, Г. В. Сергеева, Е. В. Никифорова и др.; под ред. проф. О. В. Ефимовой. М.: Русайнс, 2015. 160 с.
8. Информационно-аналитическое обеспечение механизма устойчивого развития экономических субъектов / В. И. Бариленко, О. В. Ефимова, Г. В. Сергеева, Е. В. Никифорова // РИСК: Ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2015. № 2. С. 128–135.
9. Ефимова О. В. Анализ устойчивого развития компании: стейкхолдерский подход // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 45 (348). С. 41–51.
10. Шнайдер В. В. Особенности механизма формирования инвестиционной привлекательности хозяйствующего субъекта // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2013. № 4. С. 38–40.
11. Шнайдер В. В., Атаулов Р. Р. К актуальным вопросам инвестиционной привлекательности коммерческой организации в современных условиях ведения бизнеса // Вестник НГИЭИ. 2015. № 1 (44). С. 79–83.
12. Шнайдер В. В. Инвестиционная привлекательность как определенная совокупность факторов и характеристик // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2015. № 3 (12). С. 90–94.
13. Рехтета А. Н. Экономическое обоснование инвестиционной политики региона // Карельский научный журнал. 2015. № 3 (12). С. 79–83.
14. Шнайдер В. В., Атаулов Р. Р. Влияние инвестиций на экономическое развитие хозяйствующего субъекта // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2013. № 4. С. 41–44.
15. Фирсов Ю. И. Маркетинговый подход к экономическому и социальному развитию территории, привлекатель-

ной для инвестора // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. 2013. № 3 (29). С. 69–72.

16. Шнайдер О. В. Аналитическая диагностика экономического потенциала финансового состояния дилерских организаций автопрома: дис. ... канд. экон. наук. Тольятти: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2007. С. 12–17.

17. Никифорова Е. В., Шнайдер О. В. Экономический потенциал как совокупность ресурсов финансово-хозяйственной деятельности // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2013. № 1. С. 20–22.

18. Шумилова И. В., Шнайдер О. В. Учетно-аналитическое обеспечение управления финансовой устойчивости предприятий // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 3. С. 104–106.

19. Никифорова Е. В. Методика формирования экономического потенциала субъекта хозяйствования // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2013. № 4. С. 28–30.

20. Никифорова Е. В. Информационное обеспечение аналитического обоснования программ модернизации производственного капитала предприятий реального сектора экономики // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2015. № 3 (12). С. 72–74.

21. Никифорова Е. В. К вопросу о подготовке отчетности об устойчивом развитии хозяйствующего субъекта // Международный финансово-экономический форум «Экономическая политика России в условиях глобальной турбулентности». М.: Финансовый университет, 2014. С. 205–214.

Дата поступления 28.03.16

Дата принятия в печать 29.04.16

© Никифорова Е. В., 2016. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; лицензия Татарского образовательного центра «Таглитат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.ieml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Никифорова Елена Владимировна, доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Адрес: 125993, Москва, ул. Кибальчича, 1, тел.: +7 (499) 270-22-91

E-mail: EVNikiforova@fa.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9503-6716>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/F-5556-2016>

E. V. NIKIFOROVA¹

¹Financial University at the Russian Government, Moscow, Russia

FORMATION AND DISCLOSURE THE INFORMATION ON THE COMPANY'S SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Objective: to prove the necessity of timely disclosure of information on corporate sustainability at the present stage of society development for evaluation of the results of its functioning by stakeholders.

Methods: monographic, analysis and synthesis, comparison, grouping, detailization and summarizing, historical and logical analysis.

Results: the aspects of performance reporting are studied; the basic international and national documents regulating the aspects of reporting information on the sustainable development the company are viewed; principles of reporting are listed; stages of reporting on the company sustainable development are described.

According to the authors, the company reports must include information on the following indicators: indicators controlled by the company should be reflected in the performance indicators; indicators with a larger share of the company's influence should correlate with information about the approaches to its management; the descriptive material should include the indicators which are not under the control or significant influence of the company, but which may be associated with key issues due to the significance of the impact of these units. The report should cover all institutional units.

Indicators of economic efficiency in the analysis of sustainable development differ from traditional financial ratios, calculated on the basis of its accounting (financial) reports. The main purpose of the development and analysis of indicators of economic performance is to reflect the company's direct or indirect impact on stakeholder interests.

Scientific novelty: extension of conceptual approaches to the formation of and reporting on the company's sustainable development to the stakeholders.

Practical significance: provides a more complete, balanced and accurate information about the company's activities to stakeholders, that builds its business reputation.

Keywords: Economy and national economy management; Company; Information; Sustainable development; Stakeholders; Report indicators; Resources; Efficiency of implementation

References

1. Nikiforova, E. V. Metodicheskie podkhody k podgotovke otchetnosti ob ustoichivom razvitii khozyaistvuyushchego sub"ekta (Methodological approaches to reporting on the sustainable development of an economic subject), *Uchet. Analiz. Audit*, 2015, No. 4, pp. 75–78 (in Russ.).
2. Efimova, O. V. Otchet ob ustoichivom razvitii kak novaya forma korporativnoi otchetnosti kompanii (Report on the sustainable development as a new form of corporate reporting of a company), *Auditorskie vedomosti*, 2014, No. 8, pp. 36–47 (in Russ.).
3. Efimova, O. V. Razrabotka analiticheskogo obespecheniya strategii ustoichivogo razvitiya kommercheskikh organizatsii (Elaboration of analytical provision of the strategy of sustainable development of commercial organizations), *Audit i finansovyi analiz*, 2014, No. 3, pp. 303–308 (in Russ.).
4. Nikiforova, E. V., Shnaider, O. V. Otchetnost' ob ustoichivom razvitii ekonomicheskogo sub"ekta: printsipy, etapy podgotovki (Reporting on the sustainable development of an economic subject: principles, stages of preparation), *Voprosy regional'noi ekonomiki*, 2015, No. 4 (25), pp. 161–166 (in Russ.).
5. Nikiforova, E. V. Paradigm of Public Reporting of Economic Entities, *World Applied Sciences Journal*, 2014, No. 29 (5), pp. 667.
6. Nikiforova, E. V. Soderzhanie publichnoi otchetnosti v innovatsionnoi ekonomike (Content of public accounting in innovative economy), *Ekonomika i upravlenie: problemy i resheniya*, 2014, No. 3 (27), pp. 141–144 (in Russ.).
7. Barilenko, V. I., Efimova, O. V., Sergeeva, G. V., Nikiforova, E. V. *Informatsionno-analiticheskoe obespechenie ustoichivogo razvitiya ekonomicheskikh sub"ektov* (Information-analytical provision of sustainable development of economic subjects), Moscow: Rusains, 2015, 160 p. (in Russ.).
8. Barilenko, V. I., Efimova, O. V., Sergeeva, G. V., Nikiforova, E. V. Informatsionno-analiticheskoe obespechenie mekhanizma ustoichivogo razvitiya ekonomicheskikh sub"ektov (Information-analytical provision of mechanism of sustainable development of economic subjects), *RISK: Resursy, informatsiya, snabzhenie, konkurentsiya*, 2015, No. 2, pp. 128–135 (in Russ.).
9. Efimova, O. V. Analiz ustoichivogo razvitiya kompanii: steikholderskii podkhod (Analysis of sustainable development of a company: stakeholder approach), *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*, 2013, No. 45 (348), pp. 41–51 (in Russ.).
10. Shnaider, V. V. Osobennosti mekhanizma formirovaniya investitsionnoi privlekatel'nosti khozyaistvuyushchego sub"ekta (Features of a mechanism of forming the investment attraction of an economic subject), *Azimet nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*, 2013, No. 4, pp. 38–40 (in Russ.).
11. Shnaider, V. V., Ataulov, R. R. K aktual'nym voprosam investitsionnoi privlekatel'nosti kommercheskoi organizatsii v sovremennykh usloviyakh vedeniya biznesa (On the topical issues of investment attraction of a commercial organization under the modern business conditions), *Vestnik NGIEI*, 2015, No. 1 (44), pp. 79–83 (in Russ.).
12. Shnaider, V. V. Investitsionnaya privlekatel'nost' kak opredelennaya sovokupnost' faktorov i kharakteristik (Investment attraction as a particular complex of factors and their characteristics), *Azimet nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*, 2015, No. 3 (12), pp. 90–94 (in Russ.).
13. Rekheta, A. N. Ekonomicheskoe obosnovanie investitsionnoi politiki regiona (Economic grounding of the investment policy of a region), *Karel'skii nauchnyi zhurnal*, 2015, No. 3 (12), pp. 79–83 (in Russ.).
14. Shnaider, V. V., Ataulov, R. R. Vliyanie investitsii na ekonomicheskoe razvitiye khozyaistvuyushchego sub"ekta (Influence of investment on the economic development of an economic subject), *Azimet nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*, 2013, No. 4, pp. 41–44 (in Russ.).
15. Firsov, Yu. I. Marketingovyi podkhod k ekonomicheskomu i sotsial'nomu razvitiyu territorii, privlekatel'noi dlya investora (Marketing approach to economic and social development of a territory, attractive for an investor), *Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo universiteta servisa. Seriya: Ekonomika*, 2013, No. 3 (29), pp. 69–72 (in Russ.).
16. Shnaider, O. V. *Analiticheskaya diagnostika ekonomicheskogo potentsiala finansovogo sostoyaniya dilerskikh organizatsii avtoproma: dis. ... kand. ekon. nauk* (Analytical diagnostics of economic potential of financial condition of dealers organizations in automobile industry: PhD (Economics) thesis), Tol'yatti: Saratovskii gosudarstvennyi sotsial'no-ekonomicheskii universitet, 2007, pp. 12–17 (in Russ.).
17. Nikiforova, E. V., Shnaider, O. V. Ekonomicheskii potentsial kak sovokupnost' resursov finansovo-khozyaistvennoi deyatel'nosti (Economic potential as an integrity of resources of financial-economic activity), *Azimet nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*, 2013, No. 1, pp. 20–22 (in Russ.).
18. Shumilova, I. V., Shnaider, O. V. Uchetno-analiticheskoe obespechenie upravleniya finansovoi ustoichivosti predpriyatii (Accounting-analytical provision of managing the financial sustainability of an enterprise), *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*, 2014, No. 3, pp. 104–106 (in Russ.).
19. Nikiforova, E. V. Metodika formirovaniya ekonomicheskogo potentsiala sub"ekta khozyaistvovaniya (Methodology of forming the economic potential of an economic subject), *Azimet nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*, 2013, No. 4, pp. 28–30 (in Russ.).

20. Nikiforova, E. V. Informatsionnoe obespechenie analiticheskogo obosnovaniya programm modernizatsii proizvodstvennogo kapitala predpriyatii real'nogo sektora ekonomiki (Information provision of analytical grounding of modernization programs of production assets of enterprises in the real sector of economy), *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*, 2015, No. 3 (12), pp. 72–74 (in Russ.).

21. Nikiforova, E. V. K voprosu o podgotovke otchetnosti ob ustoychivom razvitiy khozyaistvuyushchego sub"ekta (On the issue of preparing reports on the sustainable development of an economic entity), *Mezhdunarodnyi ekonomicheskii forum "Ekonomicheskaya politika Rossii v usloviyakh global'noi turbulentsii"* (International financial-economic forum "Economic policy in Russia under global turbulence"), Moscow: Finansovyi universitet, 2014, pp. 205–214 (in Russ.).

Received 28.03.16

Accepted 29.04.16

© Nikiforova E. V., 2016. Originally published in Actual problems of economics and law (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; Licensee Tatar Educational Centre "Taglimat". This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), which permits unrestricted use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.

Information about the author

Elena V. Nikiforova, Doctor of Economics, Professor, Financial University at the Russian Government, Moscow

Address: I Kibalchich Str., 49, 125993, Moscow, tel.: +7 (499) 270-22-91

E-mail: EVNikiforova@fa.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9503-6716>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/F-5556-2016>

For citation: Nikiforova E. V. Formation and disclosure the information on the company's sustainable development, *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, vol. 10, No. 2, pp. 113–123.

ПОЗНАНИЕ

Женщина-мусульманка: права человека в современном мире : материалы Международной научно-практической конференции, 16–17 октября 2014 г. / отв. ред. С. Х. Сабурская, А. В. Тимирясова. – Казань : Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2015. – 172 с.

В сборнике представлены доклады по широкому спектру вопросов, касающихся реализации, защиты и охраны прав и свобод женщин.

Предназначен для научных и педагогических работников, практикующих юристов, аспирантов, студентов и всех интересующихся проблемами реализации прав и свобод человека.

УДК 330.341.4:338.2(470+571)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.2.124-139>

Как цитировать статью: Осокина Н. В., Слесаренко Е. В. Структурные диспропорции как угроза экономической безопасности России // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 2. С. 124–139.

Н. В. ОСОКИНА¹,
Е. В. СЛЕСАРЕНКО¹

¹ Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева,
г. Кемерово, Россия

СТРУКТУРНЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Цель: определение влияния структурных диспропорций на уровень экономической безопасности национальной экономики.

Методы: сравнения, обобщения, наблюдения, системного анализа, группировки данных, теоретического познания, а также метод аналогии и исторический метод.

Результаты: на основе анализа научной экономической литературы и статистических данных выявлены исторические предпосылки возникновения структурных диспропорций в экономике России, истоки которых были заложены задолго до образования СССР и имели тенденцию к закреплению в советский период, а позже и в период трансформационных процессов, охвативших страну на рубеже XX–XXI вв.; определено влияние структурных диспропорций на безопасность российской экономики, которое можно трактовать как угрозу, характеризующуюся полной деиндустриализацией экономики, снижением инновационного развития, деградацией хозяйственной базы и научного потенциала, ростом зависимости по жизненно важным товарам потребительского и производственного назначения и прочим; определена необходимость смены вектора социально-экономического развития России и формирования новой модели структурной модернизации.

Научная новизна: в статье впервые на основе представленных методов исследовано влияние структурных диспропорций на уровень экономической безопасности национальной экономики.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов обеспечения экономической безопасности национальной экономики.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; угроза; структурные диспропорции; экономическая безопасность; структурная модернизация

Введение

Исторические особенности формирования экономической структуры нашей страны обусловили возникновение серьезных диспропорций в современной российской экономике. Речь идет о таких общеизвестных структурных противоречиях, как непомерное развитие сырьевых отраслей, спекулятивной деятельности и торговли на фоне упадка обрабатывающих производств, особенно наукоемких и высокотехнологичных; диспропорции в концентрации финансовых ресурсов, собственности и распределении занятых по отраслям и сферам экономики и др.

В российской научной среде отмеченные диспропорции теперь редко кто оспаривает, признавая при

этом необходимость формирования прогрессивной структуры экономики с опорой на наращивание индустриальной базы [1, с. 17; 2, с. 6; 3, с. 17; 4, с. 7–8]. Важность ускоренного развития обрабатывающих производств, особенно средне- и высокотехнологичных, признается на всех уровнях государственного управления. Однако на практике должных модернизационных процессов осуществить пока не удастся, что заставляет российских ученых вновь возвращаться к далеко не новым, но значимым вопросам и выводам, которые, заметим, еще более актуализируются в условиях обострения международных политических и экономических противоречий. К слову, деформированность структуры российской экономики

была признана в качестве наиболее опасной угрозы экономической безопасности еще в 1996 г.¹ С тех пор прогрессивных изменений так и не произошло, а это не может не означать движения назад, поскольку тридцать лет спустя перед государством и обществом, по существу, стоят все те же вопросы и задачи, что и в 1990-е гг.

Результаты исследования

Административно-командная экономика СССР не создала необходимых условий и предпосылок для интенсивного развития национального хозяйства, хотя структура производства этой экономики, несмотря на существенные диспропорции, все же была прогрессивней, нежели в Российской Федерации, что и подтверждается дальнейшим анализом. Трансформационные процессы конца XX в. также не привели к формированию эффективного механизма интенсивного развития экономики. Они, напротив, спровоцировали затяжной экономический спад, последствия которого наша страна не может преодолеть до сих пор. В этих условиях прогрессивного экономического развития просто не могло быть, поскольку трансформация осуществлялась без учета национальной специфики и особенностей развития, в интересах стран «центра», рассматривавших нашу страну в качестве источника накопления капитала за счет притока дешевого сырья, интеллектуальных и финансовых ресурсов, квалифицированной рабочей силы [5, с. 106]. Вопрос о наследии прошлого и его последствиях для современной российской экономики освещают в своих публикациях и зарубежные ученые. В частности, Дж. Стиглиц отчаянно критиковал российских руководителей за применение рецептов Вашингтонского консенсуса и нежелание пойти собственным путем [6, pp. 163].

В результате необдуманных, односторонних преобразований, продиктованных Западом, Россия окончательно превратилась в поставщика топливно-энергетических ресурсов, обеспечив себе одновременно с этим высокую зависимость от постоянных колебаний цен на мировом рынке сырьевых товаров.

В итоге сложившаяся и имеющая тенденцию к закреплению модель участия России во внешней торговле при любом заметном падении цен на мировом рынке угрожает нашей экономике значительными финансовыми потерями, которые пока никак не компенсируются наращиванием экспорта продукции с высокой долей добавленной стоимости. Такие потери неминуемы еще и ввиду более быстрого роста мировых цен на готовые изделия (которые в товарной структуре российского экспорта составляют менее 20 %), чем на сырьевые товары, что, как следствие, влечет за собой усиление отставания темпов внешнеэкономического обмена России от мировых показателей².

Развитие российской экономики на основе роста добывающего сектора давно исчерпало себя еще и потому, что абсолютно не имеет никаких импульсов к инновационному развитию в силу сохраняющейся высокой рентабельности, а также присущей этой отрасли консервативности процесса производства. Этот тезис подтверждают и статистические данные. Так, доля инновационно активных предприятий добывающей промышленности составляет около 7 %, что заметно ниже не только показателей обрабатывающих производств, но и среднероссийских значений³. При существенном износе основных фондов в этой отрасли (порядка 54 %, несмотря на высокую инвестиционную привлекательность), суровых климатических условиях, заметно увеличивающих издержки добычи полезных ископаемых, не только эффективность, конкурентоспособность, но и дальнейшая жизнеспособность и этой отрасли России может оказаться под угрозой. Именно поэтому наблюдаемый в начале XXI в. рост валового внутреннего продукта (далее – ВВП) получил название «рост без развития», поскольку, как правило, основывался на экстенсивных факторах и носил краткосрочный характер. Так, индекс добычи топливно-энергетических ресурсов за период 2005–2014 гг. находился в пределах 99,1–112,3 %, а индекс производства в обрабатывающей промышленности не превышал и 90,6 % относительно 1991 г.⁴ По отдельным производствам обрабатывающей промышленности ситуация оказывалась еще хуже.

¹ Указ Президента РФ № 608 «О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (основных положениях)» от 29.04.1996.

² Россия и страны мира: стат. сб. / Росстат. М., 2014. С. 364.

³ Россия в цифрах: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 379–386.

⁴ Россия в цифрах: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 242–244.

Между тем в советский период темп роста промышленного производства в среднем за 1960–1986 гг. составлял 118–124 %, и наибольший вклад в этот рост вносила именно обрабатывающая промышленность⁵. Таким образом, современные российские значения вышеуказанных показателей свидетельствуют о деиндустриализации национальной экономики. С этим выводом соглашаются и многие отечественные ученые. Так, по расчетам А. Г. Аганбегяна, «из ежегодного прироста ВВП в размере 7 % примерно 4 % приходится на влияние роста экспортных цен и дополнительного притока валюты в страну и только 3 % экономического роста за счет внутренних источников и факторов» [7, с. 137], что и является ростом без развития.

В периоды рецессий и экономической нестабильности особенности экономической структуры России еще более обнажали ее уязвимость к действию внешних факторов, свойственную периферийным моделям. Это наглядно продемонстрировал кризис 2008 г. Будучи президентом Российской Федерации, Д. А. Медведев отмечал: «... в докризисных условиях и при высоких ценах на энергоносители российская экономика показывала уверенный рост. Но как только случился кризис, мы обвалились. И обвалились больше, чем многие другие страны. Со времен развала Советского Союза в экономике, по сути, менялись лишь названия компаний, при этом экономика как была, так и осталась ориентированной на экспорт энергоресурсов. Все это время лоббировались лишь интересы крупного бизнеса. Так дальше развиваться нельзя. Это тупик»⁶.

Необходимость изменения структуры экономики обусловлена и тем, что топливно-сырьевая направленность ограничена, с одной стороны, исчерпываемостью минеральных ресурсов, с другой – прогрессирующим загрязнением окружающей среды, о чем стоит сказать отдельно.

Функционирование отечественной экономики в последние десятилетия, связанное с безудержным наращиванием добычи природных ресурсов без учета внутренних потребностей в них и соблюдения экологических норм, не может быть признано устойчивым и безопасным. Оно чревато не только снижением уровня жизни населения, которое неминуемо последует за ухудшением экологической ситуации, но также и увеличением финансового бремени, связанного с покрытием издержек, необходимых для снижения прогрессирующего негативного воздействия на окружающую среду. Другими словами, бездумное наращивание объемов добычи природных ресурсов способно принести лишь сиюминутную выгоду собственникам добывающих предприятий, которые часто даже не являются резидентами Российской Федерации, а для всего остального населения, проживающего в непосредственной близости от таких производств, может обернуться серьезным экологическим ущербом, который вряд ли удастся полностью нейтрализовать.

Более того, углубление структурных диспропорций фактически обусловило деградацию хозяйственной базы и консервацию технико-технологической отсталости в обрабатывающей промышленности [8, с. 18]. Достаточно взглянуть на индексы производства, которые свидетельствуют о многократном снижении темпов роста практически по всем отраслям обрабатывающей промышленности относительно советского периода⁷. Обращает на себя внимание и высокая степень износа основных фондов, которая в среднем к концу 2014 г. составила 50 %, при этом по отдельным обрабатывающим отраслям ситуация выглядит еще хуже⁸.

Не лучше дела обстоят и с показателями инновационного развития российской экономики. Активность российских организаций в этой области в несколько раз ниже аналогичных значений развитых и развивающихся стран мира, несмотря на неуклонную повышательную динамику. Так, разработку и внедрение технологических инноваций осуществляют около 8 % промышленных предприятий в России, тогда как в развитых странах таких предприятий – 80–87 %⁹.

⁵ Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбилейный стат. ежегодник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1987. С. 95.

⁶ Выступление Президента РФ Д. А. Медведева перед лидерами думских фракций «У нынешней российской экономики нет будущего» // Новости, бизнес, финансы. 2009. 10 августа. С. 4–6.

⁷ Россия в цифрах: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 242–244.

⁸ Там же. С. 72.

⁹ Россия в цифрах: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 379–386; Россия и страны мира: стат. сб. / Росстат. М., 2014. С. 333.

Полный и бесконтрольный доступ чиновно-олигархической элиты к национальному достоянию, ставший результатом преобразований конца XX в., и такое же распоряжение доходами от его продажи фактически обусловили изъятие финансовых ресурсов из обрабатывающих секторов национальной экономики, поскольку такие ресурсы, как правило, инвестировались в виды экономической деятельности с наиболее быстрой отдачей или вовсе направлялись за границу, становясь средством личного обогащения.

Надо признать, что капитал функционирует с целью извлечения прибыли, при этом частному инвестору, как правило, безразлично, откуда извлекать прибыль, главным критерием его выбора остается высокодоходность и низкорискованность сделок. В ситуации господства частного капитала в российской экономике и фактического отсутствия развитого обрабатывающего сектора капитал либо остается в добывающей промышленности, учитывая значительную ее прибыльность, либо направляется в сферу торговли и финансовых спекуляций, искусственно наращивая сектор, абсолютно бесполезный для роста общественного производства, но трактуемый как постиндустриальный. Как справедливо замечает С. Дзарасов, «манипуляции с деньгами и другими финансовыми активами превратились в основной род не только предпринимательской деятельности, но и государственной политики, при полном игнорировании структурного и производственно-технического состояния экономики и уровня народного благосостояния» [9, с. 77].

В такой ситуации создание и развитие наукоемких, интеллектуальных производств приходит в противоречие с интересами накопления частных состояний узкого круга олигархической элиты, которая не заинтересована в финансировании фондо-, затратоемких отраслей, с длительным инвестиционным циклом, развитие которых в странах Западной Европы и США обеспечило переход на постиндустриальную ступень развития.

Вместо реального развития постиндустриального сектора в российской экономике имеет место гипертрофированный спекулятивный сектор, который по своей природе всегда являлся менее регулируемым и оттого более криминогенным даже в условиях сильных государственных структур. Дальнейшее усиление его роли в национальной экономике, на наш

взгляд, грозит не только увеличивающимся разрывом в ресурсном обеспечении спекулятивного и реального секторов, но и еще большим распространением теневого сектора. К слову, невиданное до настоящего времени массовое и повсеместное распространение коррупции охватило даже те сферы экономики, которые до этого были наименее подвержены данным процессам (образование, здравоохранение, культура, спорт и т. д.). Ежегодно международное движение по противодействию коррупции Transparency International публикует индекс восприятия коррупции, по итогам расчетов которого на протяжении последних лет Россия стабильно занимает место во второй сотне стран с высоким уровнем коррупции, соседствуя с Ираном, Нигерией, Кыргызстаном, Ливаном и Камеруном¹⁰. А по оценкам отдельных экспертов, коррупция «съедает» почти величину валового внутреннего продукта нашей страны [10, с. 397].

Надо сказать, что за время существования российской экономики значительно изменилось и распределение занятых между секторами и сферами народного хозяйства, что, в свою очередь, повлекло за собой изменение профессиональной структуры выпускников без учета современных потребностей рынка труда России.

Несмотря на увеличение в целом количества специалистов с высшим профессиональным образованием (Россия по численности обучающихся по программам высшего образования, приходящихся на 1 000 человек населения, уступает только Республике Корея и США), потребности производственных секторов в кадрах высшей квалификации, в частности обрабатывающей промышленности, пока никак не обеспечиваются. Так, средний возраст научно-производственных кадров на большинстве предприятий обрабатывающей промышленности – порядка 50–60 лет, при этом доля таких специалистов в выпуске в среднем по России составляет около 15 %, заметно уступая ряду развитых и развивающихся стран мира [11, с. 53].

В то же время по масштабам подготовки специалистов в таких областях знаний, как сфера услуг, бизнес

¹⁰ Индекс восприятия коррупции 2014 // Трансперенси Интернешнл России. URL: <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriatiia-korruptcii/indeks-vospriatiia-korruptcii-2014-otcenka-rossii-upala-na-odin-ball> (дата обращения: 10.12.2015).

и право, Россия уверенно опережает ряд ведущих стран мира – 59,4 % выпуска против 24,6 % в Швеции, 29,3 % – в Германии, 34,8 % – в Великобритании, 45,3 % – во Франции и 45,5 % – в США. Социально значимые специальности, а также компьютерные науки, продуцирующие современные технологии, меньше всего пользуются спросом среди российской молодежи. Если, например, в Великобритании, Германии, Италии на них приходится порядка 17–19 % выпуска, а в Швеции – 28,7 %, то в нашей стране всего 7,9 % [11, с. 53].

Более того, качество отечественного образования в полной мере не отвечает его миссии. Так, всего лишь несколько российских вузов представлены в признанных международным образовательным сообществом рейтингах, а социологические опросы свидетельствуют о неудовлетворенности российских работодателей (руководителей промышленных предприятий) качеством знаний выпускников. Такое положение дел в российской образовательной сфере неминуемо обернется острой нехваткой высококвалифицированного персонала для потребностей производства с одновременным ухудшением качественного состава научно-производственных кадров. Наряду со значительной эмиграцией из России высококвалифицированных кадров и рабочей силы эти процессы могут нанести серьезный урон экономической независимости страны, лишая экономику национального интеллектуального кадрового потенциала.

Углубление структурных диспропорций отрицательно сказалось и на продовольственной безопасности нашей страны, которой угрожают сложившаяся специализация регионов России, более 40 из которых являются индустриальными, неблагоприятная экологическая обстановка, ограниченность природных ресурсов, необходимых для ведения сельского хозяйства, а также отсутствие должной государственной поддержки. Объем государственной поддержки отечественным сельскохозяйственным производителям в настоящее время составляет 10 % от полученного результата. Для сравнения: в странах Европейского союза это значение находится на уровне 23 %, а в Японии – 60 %¹¹. Наряду с низкой рентабельно-

стью и невысокими заработными платами это заметно отягощает условия развития агропромышленного комплекса в нашей стране, увеличивая издержки и без того затратно-производства.

Следует подчеркнуть, что одним из важнейших элементов экономической безопасности любого государства является ее продовольственная составляющая, показывающая способность национальной экономики удовлетворять первичные потребности населения в продовольствии отечественного производства соответствующего качества. В конечном счете степень обеспеченности продуктами питания и их качество во многом определяют уровень жизни населения. Недаром еще А. Брийе-Саварен отмечал, что «судьбы наций зависят от того, как они питаются» [12, с. 50].

На правительственном уровне также подчеркиваются важность и необходимость развития агропромышленного комплекса страны. С этой целью президентом Д. А. Медведевым был подписан указ «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». В данном документе, кроме всего прочего, установлены пороговые значения удельного веса отечественной сельскохозяйственной продукции в общем объеме товарных ресурсов¹².

Однако в настоящее время приходится констатировать снижение производства некоторых продовольственных товаров в нашей стране, что не позволяет соответствовать заявленным в доктрине целям. Так, произошло сокращение производства зерна и картофеля в среднем на 30 % относительно 1992 г.; молока – на 35 %; яиц – на 5 %¹³. Общий объем мяса и мясопродуктов, произведенных отечественными агропроизводителями, в общем объеме товарных ресурсов хотя и увеличивался начиная с 2005 г., однако ни в одном году не достигал критического значения (85 %), установленного в доктрине. В настоящее время в среднем этот показатель находится на уровне 75 %¹⁴. Аналогичная ситуация наблюдается по производству молока и молокопродуктов. Удельный вес отечествен-

¹¹ IDK.Эксперт // Электронный журнал. URL: <http://exp.idk.ru> (дата обращения: 15.01.2016).

¹² Указ Президента Российской Федерации № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» от 30.01.2010.

¹³ Россия в цифрах: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 287–292.

¹⁴ Там же. С. 292.

ного производства их в общем объеме товарных ресурсов в среднем составляет 73 %, неуклонно снижаясь с 2000 г., при критическом значении в 90 %¹⁵.

На фоне уменьшающихся объемов производства отечественного продовольствия происходит закономерное увеличение его импорта. Так, за последние 15 лет импорт продовольственных товаров в абсолютном выражении увеличился в 5,4 раза, хотя и произошло некоторое его снижение в общей структуре импорта. В среднем Россия завозит продовольствия на сумму около 30 млрд долл. «Если бы эти деньги направить на развитие сельского хозяйства нашей страны, то оно "задышало" бы по-другому»¹⁶, – утверждает вице-президент Российской академии сельскохозяйственных наук И. Ушачев, и с этим нельзя не согласиться. В качестве отдельных примеров увеличения импорта продовольственных товаров первой необходимости можно привести мясо, рыбу, молоко и молочные продукты. Так, по сравнению с 2000 г. импорт мяса (без мяса птицы) в нашу страну увеличился в 1,9 раза; рыбы – в 2 раза; масла сливочного – в 2,1 раза; молока и молокопродуктов – в 1,9 раза¹⁷. В целом отметим, что доля импорта во внутреннем потреблении мяса и мясопродуктов за весь постсоветский период выросла с 13,1 до 21,2 %; молока и молокопродуктов – с 6,1 до 22,6 % с небольшим снижением к концу 2014 г.¹⁸ Несмотря на некоторое снижение в последние годы, в целом импорт продуктов питания в нашу страну остается по-прежнему очень высоким, что ставит под угрозу продовольственную независимость национальной экономики.

Ситуация усугубляется еще и низким качеством продуктов, поступивших по импорту, которые зачастую не соответствуют ни стандартам качества, ни экологическим нормам, а это создает уже прямую угрозу жизни и здоровью российского населения.

Следует признать, что импортные продукты питания по многим товарным позициям оказывались хуже отечественных. К числу таких товаров эксперты относят рыбу и рыбную продукцию, крупы, кондитерские изделия, животные масла, маргариновую и майонез-

ную продукцию. Отдельно следует отметить превышение доли импортных товаров с ненадлежащим качеством над отечественными по таким жизненно важным для населения продуктам питания, как молочная продукция, сыры, мясо (особенно мясо птицы)¹⁹.

Угроза, связанная с потреблением импортной продукции, многократно увеличивается еще и в силу всеобщей химизации сельского хозяйства, характерной в большей степени для развитых и некоторых развивающихся стран мира, на долю которых и приходится большая часть поступившего в нашу страну продовольствия. Для улучшения урожайности, снижения потерь вследствие неблагоприятных климатических условий и ущерба от вредителей развитые и многие развивающиеся страны мира нередко прибегают к использованию большого количества удобрений, в состав которых входят вещества, отравляющие человеческий организм. Нередким явлением в наше время стало и применение различных добавок, улучшающих внешний вид, вкусовые качества продуктов и позволяющих увеличить их срок хранения. Вместе с тем специалисты Всемирной организации здравоохранения признают многие такие добавки небезопасными для человека. Их накопление в организме способно привести к возникновению серьезных заболеваний, не говоря уже о многочисленных аллергических реакциях.

Для повышения уровня экономической безопасности российской экономики в рамках ее структурной модернизации, на наш взгляд, особое место следует отвести модернизации агропромышленного комплекса, в силу особой его значимости. Недаром мировой опыт свидетельствует, что высоких темпов роста и развития национальной экономики сумели достичь те государства, которые на начальных этапах модернизации наряду с наращиванием промышленного потенциала обеспечивали себе и формирование сельскохозяйственного базиса. Отметим также, что в развивающихся странах мира, несмотря на относительное увеличение доли наукоемких и высокотехнологичных производств, вклад сельского хозяйства (включая охоту и лесное хозяйство) в ВВП по-прежнему остается на достаточно высоком уровне. Так, в Китае этот показатель составляет 10 %, в Ин-

¹⁵ Там же. С. 292.

¹⁶ ИДК.Эксперт // Электронный журнал. URL: <http://exp.idk.ru> (дата обращения: 15.01.2016).

¹⁷ Там же. С. 292, 535.

¹⁸ Там же. С. 292.

¹⁹ Россия в цифрах: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 355.

дии – 17,6 %, в Бразилии – 5,6 %²⁰. Напомним, что в России представленный показатель на протяжении всего постсоветского периода не превышал и 5 %, имея при этом понижающую динамику к 2014 г.²¹

Однако самый разрушительный эффект структурные диспропорции российской экономики оказали на машиностроение. Машиностроительный комплекс, выступающий системообразующим элементом любого промышленно развитого государства и поддерживающий устойчивое функционирование всех отраслей промышленности, в России практически развалился [8, с. 18].

Вследствие этого российская экономика выпала из мирового технологического контекста, обязывающего хозяйствующие субъекты (если они хотят быть конкурентоспособными) следить за производством и внедрять передовые технологии, снижать в перспективе материальные и энергетические затраты и использовать в своей деятельности современные информационные системы. В силу этого обстоятельства Россия в настоящее время лишена возможности играть заметную роль на мировом рынке высокотехнологичной продукции и вынуждена зависеть от стран, по мнению М. Делягина, определяющих, полностью контролирующих и самостоятельно формирующих рынки и направления реализации своего продукта [13]. Такая ситуация неизбежно привела не только к потере внешних, но и отдаче внутренних рынков зарубежным ТНК, не стремящимся, как правило, к полной передаче технологий, а всего лишь осуществляющим продажу права на их использование или ограниченного тиражирования.

Рассмотрим конкретные примеры последствий структурных диспропорций для машиностроительной отрасли. Так, производство металлорежущих станков сократилось по сравнению с концом советского периода не менее чем на 90 %, при износе оборудования в 70 %. Если в конце 1990-х гг. Россия была в тройке мировых лидеров по производству станкостроительной продукции, то в настоящее время не входит даже в двадцатку крупнейших²². Современный вклад этой отрасли в ВВП составляет не более 0,023 %, тогда как,

например, в Германии – 0,71 %, в Японии – 0,73 %, а в Китае – 0,78 % [14, с. 126].

Одновременно с этим ввоз такой продукции, который преимущественно осуществляется из «новых индустриальных стран» Азии, за аналогичный период возрос в 13 раз [14, с. 126]. В настоящее время импорт электронного оборудования и приборов более чем в 3 раза превышает собственное производство. Отметим, что к 2014 г. выпуск электрооборудования, электронного и оптического оборудования в целом увеличился на 30,8 % относительно конца советского периода, однако такое увеличение едва ли можно назвать развитием в сравнении с темпами роста в развивающихся странах мира.

Углубление структурных диспропорций в российской экономике оказывает серьезное сдерживающее влияние и на развитие судостроительной и авиационной промышленности гражданского назначения. Отсутствие должного внимания и поддержки на государственном уровне; разобщенность процесса производства, обслуживания и ремонта; отставание научно-технического и технологического заделов от реального производства; недостаток научных и технических кадров фактически обусловили деградацию собственного производства в этих отраслях обрабатывающей промышленности, что в конечном счете привело к увеличению импорта. На тех немногих предприятиях, которые продолжают заниматься производством судостроительной и авиационной техники, сформировалась нацеленность на использование преимущественно импортных компонентов сборки. Ситуация усложняется еще и ввиду особенностей развития обозначенных отраслей, которые сопряжены с высокой затратностью, наукоемкостью, длительностью производственного цикла и, соответственно, периода инвестиционной окупаемости, что мало соотносится с личными интересами частных инвесторов и собственников, нацеленных на быстрое извлечение прибыли.

Очень емко оценил ситуацию, которая происходит в настоящее время в авиационной промышленности нашей страны, В. Леонов, отметив, что «мы переживаем то, что пережили после Второй мировой Германия и Япония – отказ от собственной авиационной промышленности. Но там был запрет победителей, а мы разрушаем все своими собственными руками» [15, с. 4].

По заключению В. А. Осипова, И. С. Астафуровой и Л. Н. Жилиной, отечественная судостроительная

²⁰ Россия и страны мира: стат. сб. / Росстат. М., 2014. С. 88.

²¹ Россия в цифрах: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 185.

²² Россия в цифрах: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 414–415.

промышленность также находится в состоянии структурного кризиса [16, с. 15–20]. Россия почти не выпускает больших и средних рыбопромысловых судов, а малые производятся в ограниченном количестве. Спуск судов гражданского назначения в среднем за год еле достигает десятка, при этом импорт без преувеличения в 100 раз превышает собственное производство, что отягощает конечную цену дополнительными таможенными пошлинами, а также увеличивает расходы по дальнейшему обслуживанию и ремонту.

В настоящее время материально-техническая база в авиационной и судостроительной промышленности во всех отношениях является растущим фактором в решении возникающих политических и экономических противоречий. Задачи модернизации судостроительной промышленности для России актуализируются еще и в силу усиления конкуренции и влияния со стороны «новых индустриальных стран» Азии (в частности, Китая), которые уже сейчас способны производить судостроительную технику, превосходящую по многим параметрам российские и западные аналоги. На сегодняшний день это обстоятельство признают ученые всего мира [16, с. 18–20; 17, pp. 331].

В этой связи стратегически важным направлением структурной модернизации в целях закрепления интересов нашей страны в международном сотрудничестве, обеспечения не только экономической, но и национальной безопасности в целом должно стать воссоздание судостроительной и авиационной промышленности гражданского назначения.

Автомобилестроительная промышленность, которая и без того никогда не занимала лидирующие позиции в отечественном промышленном производстве, в настоящих условиях также переживает не самые лучшие времена. Автопром в российской экономике до сих пор остается самым убыточным видом деятельности, насчитывая до 60 % убыточных организаций в 2009 г. и около 44 % в 2014 г.²³

Несмотря на увеличение в среднем на 30 % относительно 1992 г. количества выпущенных автомобилей отечественного производства, и в частности на 78 % легковых машин, эти показатели заметно отстают от аналогичного производства во многих других развивающихся странах мира. Так, производ-

ство легковых автомобилей в Индии за 1990–2012 гг. увеличилось в 12 раз, в Китае – в 248 раз, в Таиланде – в 3,8 раза, в Республике Корея – в 4,4 раза, в Бразилии – в 10,6 раза²⁴.

Качество и безопасность также не являются фактором повышения конкурентоспособности отечественного автомобилестроения. В настоящее время основная часть российских потребителей отдает предпочтение иностранным автомобилям известных производителей ввиду более качественных технических характеристик. Те, кто все же останавливаются свой выбор на покупке отечественного автомобиля, руководствуются скорее отсутствием необходимых финансовых возможностей, чем доверием к качеству. Другими словами, современное положение дел в автомобильной промышленности окончательно развеяло веру в то, что приобретение отечественного авто для российских граждан будет когда-нибудь столь же солидно, как покупка дорогих иностранных машин известных марок.

В настоящее время в России существует всего шесть крупнейших предприятий автомобильной промышленности (АвтоВАЗ, КАМАЗ, ГАЗ, «Соллерс», ЗИЛ, БАС). Однако оставшиеся концерны по выпуску транспортных средств в России сложно в полной мере назвать отечественным производством, поскольку детали, комплектующие изделия, компоненты сборки и сама технология сборки, по сути, являются импортными. Более того, за период с 2000 по 2010 гг. на территории Российской Федерации было построено несколько десятков автозаводов, представляющих иностранные бренды. А самой значимой статьей в товарной номенклатуре импорта России на протяжении всего постсоветского периода по-прежнему остаются машинотехнические изделия, на долю которых приходится около 50 %.

Учитывая, что российский авторынок демонстрирует рост, развитие автомобильной промышленности в России и удовлетворение потребностей на внутреннем рынке отечественными автотранспортными средствами при условии повышения их качества и надежности является, на наш взгляд, перспективным направлением структурной модернизации.

²³ Россия в цифрах: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 427–430.

²⁴ Россия и страны мира: стат. сб. / Росстат. М., 2014. С. 199–200.

Как следует из вышесказанного, результатом углубления имеющихся в российской экономике структурных диспропорций стало снижение независимости, конкурентоспособности, самообеспеченности национальной экономики, что в целом определяло ее безопасность. Снижение уровня экономической безопасности российской экономики отбросило страну на «обочину» и по качеству жизни населения.

Во-первых, диспропорции в отраслевой структуре российской экономики породили существенную дифференциацию в доходах населения. Так, максимальная начисленная заработная плата наблюдается в добывающих отраслях и в сфере финансовой деятельности. Значения начисленной оплаты труда в представленных отраслях в 1,8 и 2,1 раза соответственно превосходят средние значения в целом по экономике. Между тем в добывающих отраслях и финансовой деятельности совместно трудится не более 3 % занятого населения страны. Это ниже, чем в сельском хозяйстве, в 3,2 раза, в 5 раз ниже, чем в обрабатывающих производствах, в 2,8 раза, чем в образовании, и в 2 раза, чем в здравоохранении. Однако заработные платы в сельском хозяйстве, отраслях обрабатывающей промышленности, образовании, здравоохранении недотягивают даже до средних значений в целом по экономике. Например, в сельском хозяйстве заработная плата в 1,9 раза меньше, чем в среднем по экономике, и в 3,4 раза меньше, чем в добывающих отраслях. В обрабатывающих отраслях, здравоохранении и образовании значения оплаты труда в целом ниже, чем в среднем по экономике, на 10 % и в 2 раза, чем в добывающих отраслях²⁵. При этом максимальные значения заработной платы в обрабатывающей промышленности зафиксированы в отраслях, обслуживающих экспортный сектор. Так, заработная плата в сфере производства кокса и нефтепродуктов в 2014 г. достигла максимальной величины в целом по экономике и составила 75 663 руб.²⁶, что в 2,3 раза меньше, чем в наиболее перспективных и актуальных в современном мире видах экономической деятельности. В частности, средняя заработная плата в машиностроительной отрасли России по итогам 2014 г. составила чуть более 30 тыс. руб.²⁷

Значимость и приоритетность развития отраслей для конкретного государства, на наш взгляд, должны определяться в том числе по величине оплаты труда. Могут ли быть престижны и востребованы отрасли промышленного производства, необходимые для инновационного развития, если заработная плата в них едва достигает средних значений по стране? Ведь в других случаях можно зарабатывать гораздо больше при меньших физических и интеллектуальных усилиях.

Среди прочих выявленных угроз следует выделить и абсолютную угрозу бедности, усиливающуюся на фоне увеличения структурного перекоса в российской экономике. Средний уровень доходов (от 19 000 до 45 000 руб.), по итогам 2014 г., можно наблюдать только у 38,5 % российского населения, и только 15,6 % имеют высокий уровень. Оставшуюся часть можно смело отнести к находящимся на пороге и за чертой бедности (а это порядка 46 %) ²⁸. Официальный показатель бедности, измеряющий долю населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума, хотя и снизился с 29,0 % в 2000 г. до 11,2 % в 2014 г.²⁹, однако все еще превышает установленное в 1996 г. экспертами Совета безопасности пороговое значение в размере не более 10 % ³⁰.

Реальные показатели бедности в нашей стране еще более драматичны, поскольку не стоит забывать о понятии относительной бедности, характеризующей соотношение уровня благосостояния члена одного общества с уровнем благосостояния члена другого общества. На этот счет С. Ю. Буланов заметил, что «доходы 60 % населения России остаются ниже, чем у 10 % беднейшего населения США» [18, с. 3].

Для полноты картины следует сказать и о критически высокой смертности населения России, несмотря на некоторые позитивные тенденции, наблюдаемые в последние годы. В частности, опасаться следует того, что высокая смертность в нашей стране наблюдается среди трудоспособного населения, прежде всего мужчин, ввиду концентрации на территории России вредных и опасных производств, особенно в монопрофиль-

²⁵ Россия в цифрах: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 129–132.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Россия в цифрах: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 134–135.

²⁹ Там же. С. 122–123, 136.

³⁰ Указ Президента РФ № 608 «О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (основных положениях)» от 29.04.1996.

ных регионах и городах, где больше занято мужское население, в связи с их участием в боевых действиях и несением службы в правоохранительных органах, нередко сопряженными со смертельной опасностью.

Среди названных факторов высокой смертности стоит выделить те, которые непосредственно обусловлены структурными диспропорциями, как, например, ухудшение экологической обстановки; снижение качества трудовой жизни; низкий уровень жизни большей части российского населения; ухудшение качества услуг в системе социального обеспечения, в том числе снижение качества услуг, предоставляемых на бесплатной основе. Последний фактор следует связывать с недостаточностью государственного финансирования социальной сферы российской экономики, параметры которого можно оценить на основе такого показателя, как доля социальных расходов бюджета в ВВП. Отметим, что в развитых странах мира значение данного показателя сохраняется на уровне не менее 20 %, в развивающихся странах – около 18 %³¹. В Российской Федерации это значение едва превышает отметку в 6 %, при этом в последние годы наметилась стойкая понижающая тенденция. Если в 2012 г. значение показателя находилось на уровне 8,5 %, то в 2013 г. составляло уже 7,9 %, а к 2014 г. снизилось до 6,8 %³².

Учитывая значительные колебания цен на энергоносители на мировых рынках, нестабильность военной, политической и экономической ситуации в мире, которая неизбежно влечет за собой и увеличение расходов на национальную оборону и безопасность, а также рост расходов на обслуживание государственного долга, увеличения финансирования социальной сферы в перспективе вряд ли следует ожидать. Это значит лишь одно: без должного участия государства угрозы экономической безопасности в социальной сфере российской экономики будут только нарастать.

Уже сейчас Российская Федерация по показателю продолжительности жизни занимает «скромное» 113-е место в мире, пропуская вперед не только наиболее развитые и развивающиеся страны мира, но и многие менее развитые государства Африки и Азии³³.

Выводы

Подводя итог, хотелось бы отметить следующее. Структурные диспропорции, зародившиеся еще в Советском Союзе, закрепились в период трансформационного кризиса и углубились в настоящее время, что обусловило деиндустриализацию современной российской экономики, проявляющуюся в деградации ее хозяйственной базы, научного потенциала и консервации технико-технологической отсталости от передовых стран. Их следствием выступает чрезмерное имущественное и финансовое расслоение общества и рост бедности наряду с ухудшением качества трудовой жизни наемных работников, а также формирование таких жизненных стандартов, как культ потребительства и жажда легкой наживы, что крайне негативно сказывается на трудовом и предпринимательском поведении.

Сложившаяся в российской экономике ситуация требует незамедлительного воссоздания индустриального базиса с опорой на развитие высокотехнологичных производств в целях обеспечения ее безопасности. Надо сказать, что важность материально-технического обновления отраслей обрабатывающей промышленности осознается и на государственном уровне. Так, с целью развития отечественного научно-технического потенциала и повышения значимости и конкурентоспособности российской техники был разработан ряд важных государственных документов, в числе которых «Стратегия развития судостроительной промышленности на период до 2020 года и дальнейшую перспективу»³⁴, Федеральная целевая программа «Развитие гражданской морской техники на период 2009–2016 годы»³⁵, государственная программа Российской Федерации «Развитие авиационной промышленности на 2013–2025 годы»³⁶ и др. Однако из порядка 40 государственных программ, принятых в последние годы, реальному развитию индустриального базиса посвящено не более 9, что вряд ли способно кардинально изменить структуру российской экономики (в чем она неизбежно нуж-

³¹ Россия и страны мира: стат. сб. / Росстат. М., 2014. С. 304–305.

³² Россия в цифрах: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 396.

³³ О странах: географический справочник. URL: http://ostranah.ru/_lists/life_expectancy.php (дата обращения: 03.02.2016).

³⁴ URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/92194/> (дата обращения: 30.01.2016).

³⁵ URL: <http://rg.ru/2008/03/17/mortex-site-dok.html> (дата обращения: 30.01.2016).

³⁶ URL: <http://rg.ru/2014/04/24/aviaciya-site-dok.html> (дата обращения: 30.01.2016).

дается). Необходима принципиальная смена вектора социально-экономического развития страны, формирование новой модели структурной модернизации.

О смене модели развития, господствующей до сих пор в российской экономике, говорят и видные современные отечественные ученые. Так, С. Дзарасов отмечает, что «требуется не латание дыр, а формирование новой модели социально-экономического развития, которая служила бы не интересам обогащения одних за счет лишения прав и собственности других, а открыла всем гражданам равный доступ к материальным и духовным благам общества» [9, с. 82].

Для формирования новой модели структурной модернизации в российской экономике авторы считают необходимым качественное изменение роли государства в национальном хозяйстве.

Так, мировой опыт свидетельствует, что структурная модернизация стала возможной благодаря расширению функций и полномочий государства в экономике, его возможности выступать фундаментом для определения основных направлений преобразований. Достаточно вспомнить опыт стран «азиатского экономического чуда», где действующая система индикативного планирования, сочетающая в себе преимущества централизованного и децентрализованного управления, обеспечила высокие темпы роста национальной экономики. А развитие высоких технологий, приведшее к быстрой смене технологических укладов, стало возможным лишь в тех странах, где именно государство инициировало необходимые предпосылки к этому.

Более того, в условиях глобализации экономического пространства, особенность которой связана с функционированием центрально-периферийной формы отношений, идеи о рыночной саморегуляции и самостоятельном возврате экономики в равновесное состояние кажутся авторам малоперспективными. Поскольку во времена сильнейшей технологической дифференциации стран мира, усиления конкуренции со стороны наиболее развитых государств, ограниченности доступа к мировым экономическим ресурсам снижение участия государства в экономике периферийных стран приводит лишь к еще большей консервации отсталости, снижению конкурентоспособности и дальнейшему ослаблению позиций в международных вопросах. К слову, эта проблема активно обсуждается не только в среде российских ученых, ей посвяще-

но огромное количество и зарубежных трудов [19, pp. 577–595; 20, pp. 160–172; 21, pp. 224–226].

Таким образом, подход к преобразованию структуры экономики, предполагающий, с одной стороны, характерное увеличение роли государства, видение его в качестве регулирующей, стабилизационной силы при рецессиях и экономических спадах, с другой – ни в коем случае не отрицающий рыночных механизмов, видится авторам наиболее приемлемым на современном этапе в рамках структурной модернизации российской экономики [22, с. 54–55].

В частности, основными мерами государственной политики должны стать многократное увеличение расходов на научные исследования и разработки; увеличение государственных инвестиций в основной капитал организаций реального сектора экономики, занятых научно-исследовательскими работами. К слову, практика развитых и развивающихся стран мира показывает, что государства, осуществляющие структурную перестройку и модернизацию экономики, в течение длительного периода поддерживали высокий уровень инвестиций. Так, норма накопления в Европе вплоть до 1970-х гг. сохранялась на уровне 25 %, в Японии в этот же период составляла 30 %, в период индустриализации в СССР – 40 % [23, с. 35]. Отношение объема инвестиций в процентах к ВВП в период активной структурной перестройки в Китае достигало порядка 47 %, а государственные затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки до сих пор продолжают играть существенную роль в развитии национальной промышленности³⁷. В России значение представленного показателя за весь постсоветский период не превышало и 19 % ВВП³⁸.

При этом стоит отметить, что увеличение финансовой помощи государства должно происходить при одновременном смещении инвестиционных акцентов в пользу развития обрабатывающих производств. К слову, в период масштабной структурной модернизации наибольший удельный вес инвестиций, поступивших на обновление основного капитала, в «новых индустриальных странах» Азии приходился именно на обрабатывающие производства (порядка 35 %) [24, с. 49].

³⁷ Россия и страны мира. 2014: стат. сб. / Росстат. М., 2014. С. 324.

³⁸ Россия в цифрах: стат. сб. / Росстат. М.: 2015. С. 453.

Необходимость усиления государственного участия в вопросах перераспределения финансовых ресурсов между отраслями и сферами национальной экономики связана с тем, что на начальных этапах не все отрасли народного хозяйства могут быть эффективными, особенно если создание таких предприятий сопряжено с существенными затратами. Именно поэтому в условиях свободного распределения ресурсов, отвечающих рыночным принципам хозяйствования, когда ресурсы направляются на удовлетворение повышенного спроса тех отраслей, которые обеспечивают максимальную и быструю отдачу собственникам капитала, финансирование фондо-, затрато- и трудоемких отраслей обрабатывающей промышленности немыслимо без государственного участия.

Однако в условиях острой нехватки национальных инвестиционных ресурсов осуществить структурные преобразования исключительно за счет собственного инвестиционного потенциала не представляется возможным, требуется активизация усилий по привлечению зарубежных инвестиций. Опыт развивающихся стран Азии свидетельствует, что именно влияние зарубежного капитала способствовало быстрой их индустриализации и повышению конкурентоспособности национальной экономики. В частности, с этой целью в Китае были созданы специальные экономические зоны, через которые в страну поступило около 60 % всех иностранных инвестиций.

На сегодняшний день проблема привлечения иностранного капитала в российскую экономику наряду с ограничением его оттока стоит очень остро. В частности, чистый вывоз капитала преобладал над его ввозом на протяжении всего постсоветского периода, а с 2008 г. Россия без преувеличения вступила в фазу массового «бегства» капитала из страны. Так, вывоз частного капитала из России только в 2008 г. достиг 133 млрд долларов, по итогам 2012 г. сумма составила 54 млрд долларов, тогда как в 2013 г. фиксировалась уже на уровне 64 млрд долларов [25, с. 6]. В первом полугодии 2014 г. чистый вывоз капитала из РФ достиг 80 млрд долларов, что значительно выше, чем за аналогичный период 2013 г. [25, с. 6].

С привлечением иностранных инвесторов дела в России обстоят не лучше. Несмотря на острую нехватку зарубежного капитала, приток иностранных инвестиций в российскую экономику остается на низком уровне, а периодами наблюдается его критическое

снижение, и это учитывая, что на государственном уровне официально взят курс на привлечение иностранного капитала. Так, максимальное значение прямых иностранных инвестиций можно было наблюдать в 2008 г. (около 27 млн долларов), однако уже начиная с 2009 г. происходило их ощутимое снижение, которое удалось все же преодолеть к 2013 г.³⁹ Несмотря на рост прямых иностранных инвестиций к 2013 г., докризисных значений так и не удалось достичь. В этой связи создание эффективной системы привлечения зарубежного капитала по опыту Китая с поправкой на национальную специфику, а также противодействие его оттоку из страны является важным обстоятельством на пути преобразования производительных сил российской промышленности.

Вместе с тем преобразование производительных сил, изменение их качественного состава, отвечающего передовым производственным технологиям, невозможно без преобразования производственных отношений, которое, прежде всего, проявляется в нахождении оптимального соотношения государственной и частной форм собственности. В период масштабной приватизации, начавшейся в 1990-х гг. и продолжающейся до сих пор, в России была существенно снижена доля государственной собственности. Однако столь форсированная и чрезмерная приватизация не сумела достичь заявленных целей, выражавшихся, прежде всего, в наполнении бюджета необходимыми финансовыми ресурсами, формировании эффективного частного собственника и повышении конкурентоспособности российской продукции.

Современные российские значения соотношения государственной и частной собственности сопоставимы со значениями ряда развитых стран мира. К слову, доля государственной собственности в российской экономике составляет около 7 %, в США и Германии около 10 %, несколько выше значения во Франции, Великобритании и Японии [24, с. 49]. Однако не стоит забывать, что начавшаяся в конце 1980-х гг. на Западе приватизация, в отличие от российской, сумела достичь позитивных результатов, не вымывая финансовые ресурсы из государственного сектора и не нанося ущерб национальной безопасности. В полной мере заявленные задачи в развитых странах мира были

³⁹ Финансы России: стат. сб. / Росстат. М., 2014. С. 294.

решены посредством постепенного, планомерного характера приватизации, где в стратегически важных отраслях промышленности преобладала государственная форма собственности вплоть до конца 1990-х гг.

Более того, на заре становления такой высокотехнологической отрасли, как телекоммуникации в Европе, более чем 75 % предприятий принадлежали государству, именно государство и обеспечивало появление и развитие высоких технологий [12, с. 394]. Многие компании из перечисленных секторов экономики в Европе до сих пор находятся под государственным контролем, поскольку причислены к жизнеобеспечивающим. А совокупная доля госсектора в Швеции и в настоящее время остается достаточной высокой – около 60 %.

Также отметим, что важным обстоятельством, обеспечившим успешную структурную модернизацию экономики в Китае, на наш взгляд, явилась высокая доля государственной собственности. Так, например, в настоящее время казенными там являются порядка 85 % предприятий, производящих и поставляющих электроэнергию, тепло, и около 70 % предприятий, осуществляющих добычу нефти и газа [24, с. 49]. В целом же в государственной собственности в Китае находится порядка 49 % всех предприятий, которые производят около 47 % валовой продукции⁴⁰.

Учитывая опыт развитых и развивающихся стран мира, а также последствия отечественной приватизации, считаем, что российская экономика, напротив, нуждается в увеличении государственной собственности с последующим постепенным и осторожным переходом к частно-государственному партнерству с учетом приоритетности развития отраслей, предпринимательской зрелости населения, оценки возможности повышения эффективности деятельности конкретных предприятий и их функционирования в рамках единой государственной политики.

Список литературы

1. Губанов С. С. Системный выбор России и уровень жизни // *Экономист*. 2011. № 11. С. 3–55.
2. Сухарев О. С. Реиндустриализация России: возможности и ограничения // *Экономист*. 2013. № 3. С. 6–12.
3. Логачев В., Кочергин Д. Целевое содержание предстоящей индустриализации: «пост» или «нео»? // *Экономист*. 2013. № 11. С. 11–19.

⁴⁰ Там же. С. 49.

4. Принуждение к инновациям: стратегия для России: сборник статей и материалов / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2009. 288 с.

5. Многоуровневый анализ формирования инновационной экономики: мир-система, регион, предприятие / под ред. В. А. Логачева, Е. Е. Жернова; Мин-во образ. и науки РФ; Кузбасский гос. техн. ун-т имени Т. Ф. Горбачева; каф. экономики. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2014. 331 с.

6. Stiglitz J. E. *Globalization and its Discontents*. NY: W.W. Norton & Company, 2002. 282 pp.

7. Аганбегян А. Г. Инвестиции в стратегии социально-экономического развития // *Проблемы модернизации экономики и экономической политики России. Экономическая доктрина Российской Федерации: мат-лы Российского научного экономического собрания (Москва, 19–20 октября 2007 г.)*. М.: Научный эксперт, 2008. С. 124–146.

8. Осокина Н. В., Слесаренко Е. В. Проблема эффективного взаимодействия государственного и частного секторов в национальной экономике // *Экономический анализ: теория и практика*. 2015. № 26. С. 13–23.

9. Дзарасов С. Российский кризис: истоки и уроки // *Вопросы экономики*. 2009. № 5. С. 69–85.

10. Сухарев О. С. *Экономика технологического развития*. М.: Финансы и статистика, 2008. 481 с.

11. *Российский инновационный индекс* / под ред. Л. М. Гохберга. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2011. 84 с.

12. Гордеев А., Черняков Б. Некоторые аспекты продовольственной проблемы мира // *Вопросы экономики*. 2001. № 6. С. 50–59.

13. Делягин М. Место России в условиях глобализации // *Наш современник*. 2001. № 7. URL: <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2001&л=7&id=4> (дата обращения: 19.11.2015).

14. Грибков А., Захарченко Д., Корниенко А. Конкурентоспособность станкостроения России // *Вопросы экономики*. 2013. № 3. С. 126–137.

15. Леонов В. *Авиация в инновационном смерче* // *Аргументы недели*. 2011. № 4. 3 февраля.

16. Осипов В. А., Астафурова И. С., Жилина Л. Н. *Проблемы развития судостроительно-судоремонтного комплекса Дальнего Востока России*. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2014. 219 с.

17. Slobodian Q. How to see the world economy: statistics, maps, and Schumpeter's camera in the first age of globalization // *Journal of Global History*. 2015. No. 10. Pp. 307–332.

18. Буланов С. Ю. *Социально-экономические угрозы экономической безопасности России в условиях транзитивной экономики: автореф. дис. ... канд. экон. наук*. М., 2007. 27 с.

19. Teney C., Laceywell O. P., de Wilde P. *Winners and losers of globalization in Europe: attitudes and ideologies* // *European Political Science Review*. 2014. No. 4. Pp. 575–595.

20. Sanjay G. Reddy. *The Dilemmas of Globalization* // *Ethics and international affairs*. 2001. No. 15. Pp. 159–172.

21. Yamashita N. A materialist approach to early modern globality // *International Journal of Asian Studies*. 2010. Vol. 7. No. 02. Pp. 221–226.

22. Осокина Н. В., Слесаренко Е. В. Особенности структурной модернизации «новых индустриальных стран» Азии и возможности их применения в российских условиях // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2016. № 3. С. 45–58.

23. Глазьев С. Ю. Мировой экономической кризис как процесс смены технологических укладов // *Вопросы экономики*. 2009. № 3. С. 26–38.

24. Калабеков И. Г. Россия, Китай и США в цифрах: справочное издание. М., 2014. 254 с.

28. Аганбегян А. Г. Социально-экономическое развитие России: анализ и прогноз // *Проблемы прогнозирования*. 2014. № 3. С. 3–15.

Дата поступления 18.02.16

Дата принятия в печать 20.04.16

© Осокина Н. В., Слесаренко Е. В., 2016. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.icml.ru>) 15.06.2016; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.icml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторах

Осокина Наталья Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева

Адрес: 650000, г. Кемерово, ул. Весенняя, 9, тел.: (384) 239-69-33

E-mail: osokina.kurchin@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8088-7534>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/H-4835-2016>

Контактное лицо:

Слесаренко Екатерина Владимировна, аспирант кафедры экономики, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева

Адрес: 650000, г. Кемерово, ул. Весенняя, 9, тел.: +7 (384) 239-69-33

E-mail: slekvlad@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0030-646X>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/H-1121-2016>

N. V. OSOKINA¹,

E. V. SLESARENKO¹

¹ *Kuzbass Technical University named after T. F. Gorbachev, Kemerovo, Russia*

STRUCTURAL DISPROPORTIONS AS A THREAT TO ECONOMIC SECURITY OF RUSSIA

Objective: to determine the impact of structural disproportions on the level of economic security of the national economy.

Methods: comparison, generalization, observation, systemic analysis, data grouping, theoretical cognition, the method of analogy and historical method.

Results: basing on the analysis of scientific economic literature and statistical data, the historical background is revealed of the emergence of structural disproportions in the Russian economy, the origins of which had been laid long before the formation of the USSR and tended to strengthen during the Soviet period, and later during the period of transformation processes that swept the country at the turn of XX–XXI centuries; the influence of structural disproportions on the security of the Russian economy was described, which can be interpreted as a threat, characterized by a complete de-industrialization of the economy, reduction of innovation development, degradation of economic base and scientific potential, increasing dependence on vital consumer and industrial goods; there is a need to change the vector of socio-economic development of Russia and form a new model of structural modernization.

Scientific novelty: for the first time on the basis of the presented methods, the article studies the impact of structural disproportions on the level of economic security of the national economy.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and teaching activities in addressing issues of economic security of the national economy.

Keywords: Economics and national economy management; Risk; Structural disproportions; Economic security; Structural modernization

References

1. Gubanov, S. S. Sistemnyi vybor Rossii i uroven' zhizni (Systemic choice of Russia and the livig standards), *Ekonomist*, 2011, No. 11, pp. 3–55 (in Russ.).
2. Sukharev, O. S. Reindustrializatsiya Rossii: vozmozhnosti i ogranicheniya (Re-industrialization of Russia: possibilities and limitations), *Ekonomist*, 2013, No. 3, pp. 6–12 (in Russ.).
3. Logachev, V., Kochergin, D. Tselevoe sodержanie predstoyashchei industrializatsii: «post» ili «neo»? (Purpose content of the coming industrialization: “post” or “neo”?), *Ekonomist*, 2013, No. 11, pp. 11–19 (in Russ.).
4. Inozemtsev, V. L. *Prinuzhdenie k innovatsiyam: strategiya dlya Rossii: sbornik statei i materialov* (Compulsion to innovations: strategy for Russia: collection of works and materials), Moscow: Tsentr issledovaniy postindustrial'nogo obshchestva, 2009, 288 p. (in Russ.).
5. Logachev, V. A., Zhernov, E. E. *Mnogourovnevnyi analiz formirovaniya innovatsionnoi ekonomiki: mir-sistema, region, predpriyatie* (Multilevel analysis of forming the innovative economy: world-system, region, enterprise), Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2014, 331 p. (in Russ.).
6. Stiglitz, J. E. *Globalization and its Discontents*, NY: W.W. Norton & Company, 2002, 282 p.
7. Aganbegyan, A. G. Investitsii v strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya (Investment into the strategies of social-economic development), *Problemy modernizatsii ekonomiki i ekonomicheskoi politiki Rossii. Ekonomicheskaya doktrina Rossiiskoi Federatsii: mat-ly Rossiisko-go nauchnogo ekonomicheskogo sobraniya (Moskva, 19–20 oktyabrya 2007 g.)* (Issues of modernization of economy and economic policy in Russia. Economic doctrine of the Russian Federation: works of the Russian scientific economic assembly (Moscow, 19–20 October 2007)), Moscow: Nauchnyi ekspert, 2008, pp. 124–146 (in Russ.).
8. Osokina, N. V., Slesarenko, E. V. Problema effektivnogo vzaimodeistviya gosudarstvennogo i chastnogo sektorov v natsional'noi ekonomike (Issue of effective interaction of the state and private sectors in the national economy), *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*, 2015, No. 26, pp. 13–23 (in Russ.).
9. Dzarasov, S. Rossiiskii krizis: istoki i uroki (Russian crisis: sources and lessons), *Voprosy ekonomiki*, 2009, No. 5, pp. 69–85 (in Russ.).
10. Sukharev, O. S. *Ekonomika tekhnologicheskogo razvitiya* (Economics of technological development), Moscow: Finansy i statistika, 2008, 481 p. (in Russ.).
11. Gokhberg, L. M. *Rossiiskii innovatsionnyi indeks* (Innovative index of Russia), Moscow: Natsional'nyi issledovatel'skii universitet "Vysshaya shkola ekonomiki", 2011, 84 p. (in Russ.).
12. Gordeev, A., Chernyakov, B. Nekotorye aspekty prodovol'stvennoi problemy mira (Some aspects of food problem of the world), *Voprosy ekonomiki*, 2001, No. 6, pp. 50–59 (in Russ.).
13. Delyagin, M. Mesto Rossii v usloviyakh globalizatsii (Position of Russia under globalization), *Nash sovremennik*, 2001, No. 7, available at: <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2001&n=7&id=4> (access date: 19.11.2015) (in Russ.).
14. Gribkov, A., Zakharchenko, D., Kornienko, A. Konkurentosposobnost' stankostroeniya Rossii (Competitiveness of the Russian machine-building sector), *Voprosy ekonomiki*, 2013, No. 3, pp. 126–137 (in Russ.).
15. Leonov, V. Aviatsiya v innovatsionnom smerche (Aviation in innovation whirlwind), *Argumenty nedeli*, 2011, No. 4, 3 Feb (in Russ.).
16. Osipov, V. A., Astafurova, I. S., Zhilina, L. N. *Problemy razvitiya sudostroitel'no-sudoremontnogo kompleksa Dal'nego Vostoka Rossii* (Issues of ship-building and ship-maintenance sector in the Russian Far East), Vladivostok: Izd-vo VGUES, 2014, 219 p. (in Russ.).
17. Slobodian, Q. How to see the world economy: statistics, maps, and Schumpeter's camera in the first age of globalization, *Journal of Global History*, 2015, No. 10, pp. 307–332.
18. Bulanov, S. Yu. *Sotsial'no-ekonomicheskie ugrozy ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii v usloviyakh tranzitivnoi ekonomiki: dis. ... kand. ekon. nauk* (Social-economic threats to the economic security of Russia under transitive economy: PhD (Economics) thesis), Moscow, 2007, 27 p. (in Russ.).
19. Teney, C., Laceywell, O. P., de Wilde, P. Winners and losers of globalization in Europe: attitudes and ideologies, *European Political Science Review*, 2014, No. 4, pp. 575–595.
20. Sanjay, G. Reddy. The Dilemmas of Globalization, *Ethics and international affairs*, 2001, No. 15, pp. 159–172.
21. Yamashita, N. A materialist approach to early modern globality, *International Journal of Asian Studies*, 2010, vol. 7, No. 02, pp. 221–226.
22. Osokina, N. V., Slesarenko, E. V. Osobennosti strukturnoi modernizatsii "novykh industrial'nykh stran" Azii i vozmozhnosti ikh primeneniya v rossiiskikh usloviyakh (Features of structure modernization of “new industrial countries” of Asia and possibility of applying them under Russian conditions), *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, 2016, No. 3, pp. 45–58 (in Russ.).
23. Glaz'ev, S. Yu. Mirovoi ekonomicheskii krizis kak protsess smeny tekhnologicheskikh ukладov (World economic crisis as a process of changing the technological setups), *Voprosy ekonomiki*, 2009, No. 3, pp. 26–38 (in Russ.).
24. Kalabekov, I. G. *Rossiya, Kitai i SShA v tsifrakh: spravochnoe izdanie* (Russia, China and the USA in figures: reference book), Moscow, 2014, p. 254 p. (in Russ.).
28. Aganbegyan, A. G. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii: analiz i prognoz (Social-economic development of Russia: analysis and prognosis), *Problemy prognozirovaniya*, 2014, No. 3, pp. 3–15 (in Russ.).

Received 18.02.16

Accepted 20.04.16

© Osokina N. V., Slesarenko E. V., 2016. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (<http://apel.ieml.ru>) 15.06.2016; Licensee Tatar Educational Centre "Taglimat". This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), which permits unrestricted use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.

Information about the authors

Natalya V. Osokina, Doctor of Economics, professor, Professor of the Chair of Economics, Kuzbass Technical University named after T. F. Gorbachev

Address: 9 Vesennyaya Str., 650000, Kemerovo, Russia, tel.: +7 (384) 239-69-33

E-mail: osokina.kurchin@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8088-7534>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/H-4835-2016>

Contact:

Ekaterina V. Slesarenko, post-graduate student of the Chair of Economics, Kuzbass Technical University named after T. F. Gorbachev

Address: 9 Vesennyaya Str., 650000, Kemerovo, Russia, tel.: + 7 (384) 239-69-33

E-mail: slekvlad@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0030-646X>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/H-1121-2016>

For citation: Osokina N. V., Slesarenko E. V. Structural disproportions as a threat to economic security of Russia, *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, vol. 10, No. 2, pp. 124–139.

ПОЗНАНИЕ

Формирование культуры здорового образа жизни: социально-экономические и психолого-педагогические аспекты : материалы международной науч.-практ. конф., Нижнекамск, 11 декабря 2014 г. / отв. ред. Э.Н. Ахметшина, Р.Ф. Гатауллина, Р.З. Галимова. – Казань : Изд-во Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП), 2016. – 328 с.

В сборнике представлены материалы Международной научно-практической конференции «Формирование культуры здорового образа жизни: социально-экономические и психолого-педагогические аспекты», направленной на исследование наиболее актуальных психолого-педагогических, социально-экономических проблем современного российского общества – теоретических и практических вопросов формирования ценностей здорового образа жизни.

Адресован практикам и ученым, исследующим вопросы формирования культуры здорового образа жизни. Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 339.138:004.738.5:330.322:332.1

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.2.140-149>

Как цитировать статью: Фадеева А. Ю. Social Media Marketing как инструмент продвижения региональных инвестиционных порталов // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 2. С. 140–149.

А. Ю. ФАДЕЕВА¹

¹ *Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия*

SOCIAL MEDIA MARKETING КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОДВИЖЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПОРТАЛОВ

Цель: определение потенциала Social Media Marketing как инструмента продвижения региональных инвестиционных порталов в информационной среде, выявление наиболее эффективных путей его использования и определение уровня владения данным инструментом российскими регионами.

Методы: общенаучные (наблюдение, сравнение, анализ, индукция, дедукция, аналогия, классификация).

Результаты: проведенный анализ показал, что на сегодняшний день Social Media Marketing является неотъемлемым инструментом взаимодействия с инвестиционным сообществом и одним из самых эффективных способов продвижения регионального портала, который позволяет повышать знание и лояльность к бренду, увеличивать целевой трафик сайта, повышать осведомленность инвесторов о специфике работы портала и агентств регионального развития, оперативно получать информацию об инвестиционной среде и устанавливать контакты с инвесторами. В то же время исследование SMM-активности российских регионов показало довольно низкий уровень качества управления коммуникацией с инвесторами через социальные сети.

Научная новизна: в статье впервые исследована значимость и проведен сравнительный анализ Social Media Marketing-каналов применительно к продвижению инвестиционных агентств, а также результаты работы самих региональных структур по выстраиванию эффективной коммуникации посредством социальных сетей.

Практическая значимость: основные результаты исследования могут использоваться региональными инвестиционными агентствами в целях продвижения сайта, повышения качества коммуникации с инвесторами и инвестиционной привлекательности региона в целом.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; Social Media Marketing; продвижение регионального портала; региональная экономика; инвестиционный портал; инвестиционная привлекательность региона; привлечение инвестиций; коммуникация с инвесторами; региональный интернет-портал; агентства регионального развития

Введение

Наличие специализированного регионального инвестиционного портала является не просто одним из пятнадцати требований инвестиционного стандарта¹, но и необходимым инструментом коммуникации, оказывающим непосредственное влияние на инвестиционную привлекательность субъекта. Однако действительно работающим инструментом инвестиционный портал может стать только в том случае, если качество его формирования и управления будет находиться на высоком уровне.

Что касается управления инвестиционным порталом, то данный процесс подразумевает перманентную

работу над поддержанием актуальности информации, оценку эффективности работы ресурса, управление пользовательским поведением, а также продвижение сайта в интернет-пространстве, в том числе посредством Social Media Marketing (далее – SMM).

Для государственных структур данный способ продвижения портала и установления связей с инвесторами является относительно новым и нетипичным. При этом возможности, которые содержит в себе Social Media Marketing, а также опыт многих успешных иностранных агентств указывают на высокий потенциал влияния данного инструмента на инвестиционную среду региона [1, 2].

В силу обозначенных обстоятельств необходимо исследовать данный канал продвижения применительно к сфере инвестиционных отношений в российских регионах, выявить наиболее эффективные пути его

¹ О стандарте. Инвестклимат.РФ. URL: <http://investstandart.ru/o-standarte/> (дата обращения: 13.05.2015).

использования, а также определить, на каком уровне владения данным инструментом находятся российские региональные инвестиционные агентства.

Для достижения обозначенной цели были использованы такие методы исследования, как наблюдение, сравнение, анализ, индукция, дедукция, аналогия, классификация.

Существенное значение для написания данной статьи имели работы специалистов в области интернет-маркетинга, маркетинговых коммуникаций, интернет-продвижения и Social Media Marketing. Особую ценность имеют статья доктора филологических наук, профессора МГУ им. Ломоносова Л. В. Минаевой «Сайт как инструмент продвижения территории» [3], пособие профессора по интернет-маркетингу Лондонского университета Вилсона Озуема и Гордона Боуэна «Competitive Social Media Marketing Strategies» [4], статья Т. Смита «The social media revolution» [5], исследование онлайн-взаимодействия бизнес- и государственного секторов М. А. Эстлик, С. Л. Лотса и П. Варингтон «Understanding online B-to-C relationships: An integrated model of privacy concerns, trust, and commitment» [6], анализ построения эффективных социальных медиа Д. Хэкадона «Critical Success Factors for Creating and Implementing Effective Social Media Marketing Campaigns» [7] и др.

Вместе с тем опыт бизнес-среды по построению социальных медиа продолжает существовать отдельно от практики государственных структур, при том что в современных условиях региональные агентства по привлечению инвестиций оказываются в ситуации жесткой межрегиональной и международной конкуренции.

Как показали исследования, большинство регионов недооценивают важность Social Media Marketing, притом что данный инструмент обладает огромным потенциалом влияния на качество коммуникации с инвесторами [8, 9]. Кроме того, те региональные агентства, которые практикуют SMM, делают это недостаточно эффективно.

Таким образом, в данной статье впервые исследовалась практика построения эффективных социальных медиа для региональных агентств развития с целью повышения инвестиционной привлекательности региона.

Результаты исследования

Social Media Marketing – совокупность мероприятий по использованию социальных платформ в качестве каналов для продвижения бренда, привлечения

пользователей и решения определенных бизнес-задач [10]. Основой SMM является качественный контент, на который пользователи реагируют и который распространяют через социальные сети [11]. Если для продвижения массовых товаров и услуг Social Media Marketing является средством повышения доверия и лояльности, базирующимся на рекомендательной схеме распространения за счет сети знакомств, лежащей в основе взаимодействия компании и клиентов [12], то для инвестиционной сферы, которая относится к категории B2B, социальные медиа являются в первую очередь коммуникационным каналом [13].

В то же время продвижение в социальных сетях обеспечивает точечное воздействие на целевую аудиторию, выбор площадок, которые активно посещают потенциальные инвесторы, и наиболее подходящие способы коммуникации с ними при минимальном вовлечении нерелевантных пользователей [14].

Social Media Marketing также может стать эффективным способом инкорпорирования активности инвестиционного портала в социальную среду инвестора. Маловероятно, что инвесторы станут посещать инвестиционный портал по 5–6 раз в день, чтобы отслеживать изменения и узнавать новости. Более вероятно, что с такой и даже более высокой частотой они посещают социальные сети в течение дня. Соответственно, активное взаимодействие с инвесторами посредством Social Media Marketing как канала коммуникации может стать эффективным механизмом постоянного присутствия в поле зрения инвесторов.

По данным на январь 2015 г., порядка 30 % жителей по всему миру являются пользователями социальных сетей. При этом в среднем каждый день на одного пользователя приходится около 2,4 часа активности в социальных сетях. Рекордные показатели были зафиксированы в Аргентине, где данный показатель превысил 4 часа [15].

Социальные сети в рамках интернет-пространства представлены в широком разнообразии: Facebook, Google+, LinkedIn, Instagram, «ВКонтакте», «Одноклассники», «МойМир», «МойКруг», «Профессионалы.ру», Viadeo, Twitter, «ЖивойЖурнал», «Я.ру», YouTube, «Яндекс.Видео», Pinterest и др. При этом каждая из сетей имеет разный портрет посетителей и специфику взаимодействия, что необходимо учитывать при выстраивании эффективной коммуникации с инвесторами.

При выборе социальной сети необходимо учитывать такие характеристики, как:

- срез аудитории площадки по социально-демографическим, географическим и другим параметрам;
- процент присутствия представителей инвестиционного бизнеса;
- особенности контента, который является определяющим для данной сети (новостной, аналитический, развлекательный и т. д.);
- направленность социальной сети (бизнес-общение, профессиональные контакты, досуг и т. д.);
- уровень вовлеченности аудитории;
- наличие инструментов и возможностей для выстраивания коммуникаций с инвесторами [16].

Активность продвижения при помощи SMM предполагает решение широкого круга задач: регулярное размещение постов, которые согласуются с контент-маркетингом, взаимодействие в комментариях (обсуждениях) с подписчиками, продуманная работа с негативными отзывами и критикой, поскольку в рамках социальной сети комментарии становятся доступны всем подписчикам, аналитика SMM-активности и разработка стратегии ее непрерывного улучшения и т. д. Все это требует много напряжения и времени, поэтому бизнес-участники социальных медиа, как правило, концентрируют свои усилия не на большом количестве сетей, а на нескольких наиболее релевантных с точки зрения контента и аудитории [17].

Таким образом, для использования SMM как способа управления коммуникацией с инвесторами важно учитывать параметр B2B-взаимодействия и подбирать такие сети, которые в наибольшей степени обеспечивают достижение поставленных целей инвестиционного портала.

При управлении системой коммуникации инвестиционным порталом необходимо обратить внимание на следующие социальные сети.

Google+ – достаточно масштабная социальная сеть, которая предоставляет определенные преимущества для бизнеса. Во-первых, размещение контента в Google+ напрямую влияет на его позиции в поисковой выдаче. В том числе в форме отображения публикуемых материалов на странице персональной выдачи пользователей, входящих в круги Google+. Что не менее важно, Google+ позволяет размещать разные типы контента, включая онлайн-видео. Кроме того, такие социальные сигналы, как ссылки, «лайки», репосты,

комментарии и т. п., активно учитываются поисковыми системами для оценки популярности и качества контента, что положительно влияет на контент-маркетинг.

Во-вторых, в Google+ есть возможность создавать бизнес-страницы брендов. При этом заинтересованные пользователи могут подписываться на данные страницы и непосредственно коммуницировать с проектами. В свою очередь, это позволяет инвестиционному portalу использовать такое взаимодействие для выстраивания отношений с потенциальными инвесторами.

Сервис «ВидеоВстречи» от Google+ является еще одним преимуществом для бизнеса. Этот инструмент позволяет организовать видеоконференцию в режиме реального времени и опубликовать ее непосредственно после завершения.

В качестве примера SMM-активности в Google+ можно привести Российский фонд прямых инвестиций, который регулярно публикует свежую информацию, часто сопровождаемую видеоконтентом². Но, например, страница Агентства регионального развития Калужской области является неактуальной, последняя активность по ней отмечалась в 2014 г.³

Аккаунт Invest in Russian regions также находится в неактуальном состоянии, поскольку состоит из одного участника и последняя публикация относится к 2013 г.⁴

Среди сообществ Google+ можно выделить такие полезные группы, как Fdi Intelligence, которая является подразделением Financial Times Ltd, крупнейшего центра передового опыта прямых иностранных инвестиций (ПИИ) по всему миру⁵.

В то же время важно отметить, что активное использование Google+ для распространения развлекательного контента является отрицательной стороной использования этой сети для проведения B2B-маркетинговых кампаний [18]. Многие пользователи Google+ не акцентируют внимание на биз-

² Страница РФПИ в Google+. URL: <https://plus.google.com/107526156345959015296/posts> (дата обращения: 12.05.2015).

³ Страница Агентства регионального развития Калужской области в Google+. URL: <https://plus.google.com/108296230767492110553/posts> (дата обращения: 12.05.2015).

⁴ Страница Invest in Russian regions в Google+. URL: <https://plus.google.com/communities/102738361988326500708> (дата обращения: 12.05.2015).

⁵ Страница FDI Intelligence в Google+. URL: <https://plus.google.com/+fDiIntelligence/posts> (дата обращения: 12.05.2015).

нес-сообщениях, что снижает ценность сети с точки зрения маркетинга. Кроме того, многие все еще не воспринимают Google+ в качестве полноценной маркетинговой площадки.

Среди социальных сетей для делового общения необходимо выделить **LinkedIn**, поскольку она является наиболее релевантной платформой для реализации бизнес-кампаний.

Завязывание деловых отношений и поиск потенциальных клиентов являются доминирующей направленностью функционирования сети, соответственно, устанавливать взаимоотношения с инвесторами в ее рамках значительно проще.

Несомненным преимуществом LinkedIn является возможность коммуникации в тематических бизнес-группах. Соответственно, вступив в инвестиционные, а также финансовые группы, инвестиционное агентство может устанавливать релевантные связи для распространения контента и поиска инвесторов.

С помощью инструмента LeadBuilder инвестиционный портал может:

- создавать и сохранять списки инвесторов, представляющих интерес;
- находить нужных пользователей по заранее заданным критериям;
- объединять потенциальных инвесторов в группы по обозначенным признакам (по странам, отраслям и т. д.) с помощью ProfileOrganizer.

Еще одним преимуществом LinkedIn является возможность получать интересующую информацию о потенциальном инвесторе и легко устанавливать контакт с выбранным пользователем. В данной сети среди сообществ также присутствует Invest in Russian regions, которая, к сожалению, находится в неактуальном состоянии, поскольку последняя публикация относится к 2012 г.⁶

Инвестиционному portalу следует рассматривать LinkedIn в большей степени как инструмент взаимодействия с западными инвесторами, поскольку в России данная сеть пользуется меньшей популярностью.

Кроме того, инвестиционным portalам стоит обратить внимание на FDI Forum, который ориентирован на расширение бизнес-контактов в сфере ПИИ⁷.

Сервис микроблогинга **Twitter** – самый простой способ быстро сообщить инвестиционному сообществу важную новость в формате коротких сообщений и сослаться на важные веб-страницы.

С помощью Twitter можно находить потенциальных инвесторов и группировать их в private списки. Отслеживая сообщения потенциальных партнеров, инвестиционное агентство может получить полезную информацию об их приоритетах и бизнес-планах. А это важный шаг к выстраиванию эффективной коммуникации в будущем [19].

У Twitter есть определенные особенности, которые позволяют использовать SMM в максимально эффективном формате:

- самые актуальные новости часто появляются именно в Twitter. За счет принятого короткого формата сообщения инвестиционный портал может практически мгновенно опубликовать новость без детальной проработки полноценного текста;
- пользователи Twitter часто общаются друг с другом в режиме реального времени, что дает возможность позиционировать инвестиционный портал не как номинальную структуру, а как реально работающий институт развития, который находится в режиме постоянного доступа и взаимодействия;
- используя приложение Twitter для смартфона, можно вести прямой репортаж о любых событиях. Небольшие анонсы конференций и других мероприятий являются визуальным дополнением к текстовым сообщениям;
- специфика работы Twitter и использование хештегов позволяют инвестиционному portalу быстро распространять информацию о конференциях, бизнес-сессиях, семинарах и других событиях.

В частности, регулярную активность в Twitter поддерживают агентства регионального развития Калуж-

⁶ Страница Invest in Russian regions в LinkedIn. URL: <https://www.linkedin.com/grp/home?gid=4522158> (дата обращения: 12.05.2015).

⁷ Страница FDI Forum в LinkedIn. URL: <https://www.linkedin.com/groups?gid=2775766&mostPopular=&trk=tyah&trkInfo=clickedVertical%3Agroup%2Cidx%3A1-1-1%2CstarId%3A1432583939033%2Ctas%3Afdi%20foru> (дата обращения: 12.05.2015).

ской области⁸ и Республики Татарстан⁹. В Twitter также представлено сообщество Invest in Russia, последняя публикация которого относится к августу 2014 г.¹⁰

В качестве примера полезных групп можно привести FDI Magazine¹¹.

Twitter не является частью Google, что снижает его ценность в вопросах индексации. Кроме того, сообщения, публикуемые в Twitter, чаще игнорируются по сравнению с информацией, публикуемой в других сетях. В Twitter можно легко найти потенциальных инвесторов, но процесс взаимодействия с ними строится сложнее. Кроме того, многие пользователи считают сервис микроблогинга переполненным бесполезными ссылками, поэтому относятся к ним достаточно поверхностно.

Facebook является самой крупной социальной сетью в мире, и, несмотря на ее менее бизнес-ориентированный подход, инвестиционный портал может эффективно использовать данный канал.

Во-первых, беспрецедентный охват интернет-пользователей в мировом масштабе является высокой ценностью, так как позволяет практически безгранично расширять список подписчиков и партнеров.

Во-вторых, наличие бизнес-страниц и тематических групп позволяет взаимодействовать с целевой аудиторией и с помощью удобных инструментов Email-маркетинга осуществлять рассылку подписчикам или членам групп.

Однако необходимо отметить неудобный формат поиска групп и сообществ в данной социальной сети.

На Facebook также представлены группы инвестиционных структур регионов, например, Invest in Ural¹², инвестиционный портал Москвы¹³, Агентство

регионального развития Калужской области¹⁴ и др. Необходимо отметить, что аккаунты Калужской области в Facebook и Twitter не дублируют контент друга в абсолютной степени, что говорит о качественном управлении и является мощным стимулом для подписки на обе страницы.

Каждая из рассмотренных выше сетей имеет ярко выраженные преимущества (Google+ – влияние на позиции в поисковой выдаче, LinkedIn – абсолютная бизнес-ориентированность, Twitter – оперативность взаимодействия, Facebook – масштабный охват), которые раскрывают ряд возможностей для инвестиционных агентств и при совместном использовании способны покрывать все потребности социального интернет-продвижения [20].

Следует подчеркнуть, что такие популярные социальные сети, как «ВКонтакте», «Одноклассники», «Мой Круг», не могут быть рекомендованы для связи с инвесторами по ряду причин. Во-первых, аудитория данных сетей в преобладающем большинстве является русскоязычной, в силу чего они не подходят для выстраивания отношений с иностранными инвесторами. Во-вторых, направленность сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники» является в первую очередь развлекательной, а не бизнес-ориентированной.

Исследования показывают, что важно иметь активные аккаунты сразу на многих социальных площадках [21, 22]. Анализ международной практики подтверждает это положение. Так, на инвестиционном портале Люксембурга представлено 5 ссылок на социальные сети¹⁵, а инвестиционный портал Австрии активен в 7 социальных сетях¹⁶.

Если для многих иностранных инвестиционных структур ведение социальных сетей является привычной активностью, то для российских регионов использование социальных интернет-каналов представляет собой новую практику, в связи с чем важно

⁸ Страница Агентства регионального развития Калужской области в Twitter. URL: https://twitter.com/ardkr_rus (дата обращения: 14.05.2015).

⁹ Страница Invest in Tatarstan в Twitter. URL: <https://twitter.com/InvestTatarstan> (дата обращения: 14.05.2015).

¹⁰ Страница Invest in Russia области в Twitter. URL: https://twitter.com/Invest_in_ (дата обращения: 14.05.2015).

¹¹ Страница FDI Magazine в Twitter. URL: <https://twitter.com/fDiMagazine> (дата обращения: 12.05.2015).

¹² Страница Invest in Ural в Facebook. URL: <https://www.facebook.com/pages/Invest-in-Ural/159514710774960> (дата обращения: 14.05.2015).

¹³ Страница Инвестиционного портала Москвы в Facebook. URL: <https://www.facebook.com/investmoscow.ru> (дата обращения: 14.05.2015).

¹⁴ Страница Агентства регионального развития Калужской области в Facebook. URL: <https://www.facebook.com/ARDKR> (дата обращения: 25.05.2015).

¹⁵ Социальные сети, поддерживаемые на инвестиционном портале Luxembourg for Business. URL: <http://www.investinluxembourg.lu/en/about-lfb> (дата обращения: 06.05.2015).

¹⁶ Социальные сети, поддерживаемые на инвестиционном портале Invest in Austria. URL: <http://investinaustria.ru/EN/Home/Research%20%20Development/Research++Development.aspx> (дата обращения: 12.05.2015).

проанализировать текущее положение и выявить особенности, характерные для региональных инвестиционных агентств.

База данных Инвестиционного портала регионов содержит контактную информацию 76 корпораций развития и ответственных представителей региональной власти¹⁷.

Для формирования комплексной оценки SMM-активности региональных инвестиционных агентств в России была проанализирована деятельность каждого агентства.

В основу анализа были включены следующие факторы:

- количество и качество социальных сетей, в которых ведется активность агентства;
- регулярность, достаточность, уникальность, качество и полнота обновляемой информации;
- очевидность и доступность иконок/ссылок перехода с инвестиционного портала в социальные сети;
- качество оформления и подачи информации;
- индивидуальный подход к ведению каждого социального аккаунта.

Анализ показал довольно существенные различия в уровне социальной интернет-активности между регионами, начиная от качественного ведения аккаунтов социальных медиа на уровне международных структур и заканчивая полным отсутствием практики социального маркетинга.

По итогам анализа каждому инвестиционному агентству был присвоен один из четырех типов оценки SMM-активности:

1. Полностью отсутствует SMM-активность.
2. SMM-активность присутствует, но не несет коммуникативной ценности и позитивного влияния на инвестиционную привлекательность.
3. Удовлетворительная, но недостаточная SMM-активность для достижения заметного влияния на инвестиционную привлекательность региона.
4. Высокий уровень качества SMM-активности.

Первый тип активности подразумевает, что у инвестиционного агентства нет собственного аккаунта ни в одной социальной сети. Кроме того, на инвестиционном портале не внедрена функция «Поделиться»

в социальных сетях. То есть полностью отсутствует практика социального интернет-маркетинга.

Анализ показал, что к данному типу относятся 39 регионов из 76.

Второй тип активности присвоен региональным порталам, в рамках которых реализована связь с социальными сетями (присутствуют иконки либо ссылки на социальные сети), но по факту присутствие в социальном интернет-пространстве не несет коммуникативной ценности и не оказывает заметного позитивного влияния на инвестиционную привлекательность, является скорее номинальным, чем практическим инструментом. Подобная неэффективность вызвана рядом причин.

Довольно частой практикой со стороны региональных агентств является создание аккаунтов в социальных сетях, по которым не ведется регулярная работа. На практике созданные группы являются неактивными. В них размещена устаревшая информация, либо последняя публикация имеет давний срок. Количество участников таких групп крайне незначительное, что показывает их непопулярность среди инвестиционного сообщества.

Анализ инвестиционных порталов также показал, что многие региональные сайты размещают на своих страницах иконки социальных сетей, при клике на которые появляются всплывающие окна, которые предоставляют функцию «Поделиться» ссылкой на инвестиционный портал. То есть посетитель инвестиционного портала может только поделиться ссылкой на региональный сайт в рамках своего профиля. Агентства не обладают самостоятельными аккаунтами в социальных сетях. Кроме того, иконки социальных сетей на некоторых порталах являются нефункциональными. При клике на них не происходит никаких действий, то есть ссылки являются неработающими. Также часть региональных сайтов размещает на своих страницах ссылки на социальные группы, которые являются недоступными. При клике на иконки социальных сетей появляется сообщение о том, что аккаунт недоступен либо закрыт.

По результатам анализа ко второму типу были причислены 19 региональных агентств из 76.

Регионы, которые были отнесены к третьему типу, представлены в социальном интернет-пространстве, но уровень и качество активности недостаточны для того, чтобы оказывать заметное влияние на инвестиционную привлекательность региона.

¹⁷ База данных Инвестиционного портала регионов России. URL: <http://investinregions.ru/regions/> (дата обращения: 06.09.2015).

Как правило, недостаточность связана с тем, что инвестиционный портал присутствует только в одной социальной сети. Даже качественное ведение аккаунта в такой сети не покрывает все потребности, которые можно удовлетворить, лишь активно коммуницируя с инвесторами посредством нескольких каналов, поскольку каждый из них включает уникальные опции [23].

Кроме того, региональный сайт относится к третьей группе в том случае, если активность в социальных сетях носит вялотекущий характер. То есть контент группы обновляется, но недостаточно регулярно для того, чтобы аккаунт представлял информационную ценность для инвесторов.

Одна из причин причисления инвестиционного портала к третьей группе заключается в наличии на нем ссылок на несколько социальных сетей, среди которых не все являются активными и доступными. Поскольку ссылка – это всегда определенное обещание со стороны портала, подобная практика может оставить негативное впечатление даже в случае активности и доступности других социальных интернет-каналов.

Также в третью группу попали инвестиционные порталы, которые качественно ведут несколько аккаунтов в социальных сетях, но при этом на самом региональном сайте отсутствуют ссылки на социальные сети (то есть узнать о существовании подобных групп можно только через поиск), либо они являются неочевидными, сложно распознаваемыми на странице портала. На некоторых порталах иконки на социальные сети располагаются только на части страниц и при этом отсутствуют на главной странице.

Учитывая все перечисленные выше факторы, к третьей группе были отнесены 9 инвестиционных агентств из 76.

Инвестиционные порталы, чья социальная интернет-активность отражает высокий уровень качества, составляют четвертую группу.

Высокий стандарт качества ведения интернет-маркетинга посредством социальных каналов выражается в первую очередь активным присутствием сразу в нескольких социальных сетях, которые относятся к международным и наиболее популярным среди инвестиционной аудитории.

Не менее важным условием причисления в данную группу является практика регулярного обновления информации в каждой социальной группе. Кроме того, для заметного влияния на качество коммуникации

важно, чтобы контент каждой социальной группы инвестиционного портала не дублировался в абсолютной степени [24].

Неоспоримым преимуществом является не просто регулярная и активная публикация контента, но и правильная, грамотная подача информации, когда контент подкрепляется интересными данными, помимо важных фактов. Эстетичность оформления и ведения группы также имеет важное значение и учитывалась при анализе. Показателем эффективности ведения данного канала коммуникации также является количество подписчиков, читателей, репостов и других интернет-маркеров.

Из проанализированных 76 инвестиционных порталов в данную категорию вошли 9 региональных сайтов:

1. Корпорация развития Вологодской области: <http://www.invest35.ru/>

2. Корпорация развития Калининградской области: <http://kgd-rdc.ru>

3. Инвестиционный портал Калужской области: <http://www.investkaluga.com/>

4. Управление инвестиционной и промышленной политики Администрации Костромской области: <http://www.investkostroma.ru>

5. Министерство экономики Краснодарского края: <http://www.investkuban.ru>

6. Инвестиционный портал Ленинградской области: <http://www.lenoblinvest.ru/ru/>

7. Министерство инвестиций и инноваций Московской области: <http://www.mii.mosreg.ru>

8. Корпорация развития Пензенской области: <http://www.krpo.ru>

9. Корпорация развития Тульской области: <http://www.invest-tula.com/>

Выводы

Таким образом, на сегодняшний день Social Media Marketing является неотъемлемым инструментом взаимодействия с инвестиционным сообществом и одним из самых эффективных способов продвижения регионального портала, который позволяет повышать знание и лояльность к бренду, увеличивать целевой трафик сайта, повышать осведомленность инвесторов о специфике работы портала и агентств регионального развития, оперативно получать информацию об инвестиционной среде и, наконец, устанавливать контакты с инвесторами.

В рамках данной статьи был также проведен анализ социальной медийной активности российских региональных инвестиционных порталов. В исследовании приняли участие 76 региональных сайтов, у 39 из которых полностью отсутствует практика интернет-маркетинга, у 19 агентств данная активность носит номинальный характер, 9 инвестиционных порталов ведут активную, но недостаточную деятельность в данном направлении, и только практика 9 региональных сайтов отражает высокий уровень качества владения данным коммуникативным инструментом.

Подобные результаты говорят о том, что в российской практике SMM-активность пока не находит практического выражения, несмотря на очевидную важность и попытки развиваться в данном направлении. Только небольшая часть регионов владеет данным инструментом профессионально.

Что касается наиболее часто используемых социальных сетей в практике российских инвестиционных порталов, то безусловными лидерами здесь являются Facebook и Twitter. На втором месте по популярности находятся социальные сети «ВКонтакте» и LinkedIn.

Исследование также показало, что одно из самых активных проникновений в социальные сети среди государственных структур по привлечению прямых иностранных инвестиций наблюдается в Индии. Индийские группы представлены практически во всех социальных сетях, в них ведется регулярная и крайне активная работа по продвижению контента, кроме того, они дифференцированы в разрезе отдельных отраслей.

Для усиления инвестиционной привлекательности региональным структурам следует вести более активную работу по продвижению собственных порталов при помощи Social Media Marketing. Среди наиболее рекомендуемых сетей необходимо выделить: LinkedIn, Google+, Facebook. Важно подчеркнуть, что агентства не должны ограничиваться одной социальной сетью, поскольку каждая из них обладает рядом особенностей и совместное использование позволит задействовать весь потенциал Social Media Marketing, а также увеличить вероятность установления эффективной коммуникации с инвесторами. При этом необходимо вести перманентную работу над контентом и обеспечить регулярное обновление данных, только в этом случае возможно позитивное влияние на инвестиционные процессы.

Список литературы

1. Sinclair J. K., Clinton E. V. Adoption of social networking sites: an exploratory adaptive structuration perspective for global organizations // *Information Technology Management*. 2011. No. 12 (4). Pp. 293–314. DOI 10.1007/s10799-011-0086-5.
2. Smith P., Smith P. R., Berry Ch., Pulford A. *Strategic Marketing Communications: New Ways to Build and Integrate Communications*, Kogan Page Publishers, 1999. P. 300.
3. Минаева Л. В. Сайт как инструмент продвижения территории // *Практика муниципального управления*. 2012. № 2. С. 100–104.
4. Ozuem W., Bowen G. *Competitive Social Media Marketing Strategies*. IGI Global, 2016. P. 317.
5. Smith T. The social media revolution // *International journal of market research*. 2009. Vol. 51. Iss. 4. Pp. 559–561.
6. Eastlick M. A., Lotz S. L., Warrington P. Understanding online B-to-C relationships: An integrated model of privacy concerns, trust, and commitment // *Journal of Business Research*. 2006. No. 59 (8). Pp. 877–886.
7. Heckadon D. A. *Critical Success Factors for Creating and Implementing Effective Social Media Marketing Campaigns*. New York University, 2010. P. 44.
8. Неякин Г. Н. Влияние социальных медиа на бизнес-коммуникации: доклад // *Интернет-конференция «Диалогические коммуникации в бизнесе»*, 2010. С. 17.
9. Алексеева Е. Г. *Влияние через социальные сети*. М.: Фокус-Медиа, 2010. 200 с.
10. Saravanakumar M., Suganthalakshmi. *Social Media Marketing* // *Life Science Journal (LSJ)*. 2012. No. 9 (4). URL: http://dems.unimib.it/corsi/817/esercitazioni/social_media_mktg.pdf (дата обращения: 04.03.2015).
11. Brown J., Broderick A. J., Lee N. Word of mouth Communication within Online communities: Conceptualizing the online Social network // *Journal of interactive marketing*. 2007. Vol. 21. No. 3. Pp. 1–20.
12. Минаева Л. В. К вопросу о корпоративной коммуникации в социальных сетях. Казань: КНИТУ-КАИ им. А. Н. Туполева, 2014. С. 250–252.
13. Neti S. *Social Media and Its Role in Marketing* // *International Journal of Enterprise Computing and Business Systems*. 2011. No. 1 (2). URL: <http://www.ijecbs.com/July2011/13.pdf> (дата обращения: 30.05.2015).
14. Вебер Л. Эффективный маркетинг в Интернете. Социальные сети, блоги, Twitter и другие инструменты продвижения в Сети. Манн, Иванов и Фербер, 2010. С. 320.
15. Digital, Social & Mobile Worldwide in 2015. Report by Simon Kemp January 2015. URL: <http://wearesocial.net/blog/2015/01/digital-social-mobile-worldwide-2015/> (дата обращения: 22.02.2015).
16. Evans D. *Social Media Marketing: The Next Generation of Business Engagement*. John Wiley & Sons, 2010. URL: <https://books.google.ru/books?id=7l2OR6giC6AC&pg=PT15&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 14.01.2015).

17. Hanna R., Rohm A., Crittenden V. We're all connected: The power of the social media ecosystem // *Business Horizons* (BH). 2011. No. 54 (3). URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0007681311000243> (дата обращения: 13.03.2015).
18. Ganim Barnes, N. Society for new communications research study: Exploring the link between customer care and Brand reputation in the age of social media // *Journal of New Communications Research*. 2008. Vol. Iii. Iss. 1. Pp. 86–91.
19. Багиев Г. Л. Маркетинг взаимодействия: измерение и оценка качества маркетингового обеспечения бизнес-коммуникации // *Известия СПбГУЭФ*. 2010. № 4. С. 17.
20. Tsimonis G., Dimitriadis S. Brand strategies in social media // *Journal Marketing Intelligence & Planning*. 2014. Vol. 32. Iss. 3. Pp. 328–344.
21. Пичугина О. А. Трансформация массовой коммуникативной реальности в эпоху социальных медиа // *Вестник РГГУ. Политология. Социально-коммуникативные науки*. 2013. № 1. С. 9.
22. Subramani M. R., Rajagopalan B. Knowledge-sharing and influence in online social networks via viral Marketing // *Communications of the ACM*. 2003. Vol. 46. No. 12. Pp. 300–307.
23. Li C., Bernoff J. *Groundswell: Winning in a world transformed by social technologies*. Boston, MA: Harvard Business Press, 2008. 286 p.
24. Веселов С. В. *Маркетинг в рекламе: учеб. для студентов вузов, обучающихся по спец. 350700 – Реклама. Ч. 1, 2*. М.: Изд-во Междунар. ин-га рекламы, 2002. 978 с.

Дата поступления 15.09.15

Дата принятия в печать 29.03.16

© Фадеева А. Ю., 2016. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; лицензия Татарского образовательного центра «Таглитат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.ieml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Фадеева Алиса Юрьевна, аспирантка, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; ведущий менеджер по работе с ключевыми клиентами, ООО «Яндекс»

Адрес: 119021, Россия, Москва, ул. Льва Толстого, 16, тел.: +7 (495) 739-70-00

E-mail: Kallista89@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3983-1912>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/G-8492-2016>

A. YU. FADEYEVA¹

¹ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

SOCIAL MEDIA MARKETING AS A TOOL FOR PROMOTING THE REGIONAL INVESTMENT PORTALS

Objective: to investigate the potential of Social Media Marketing as a tool for promoting regional investment portals in the information environment, to identify the most effective ways of its implementation and to determine the level of mastering of this tool by the Russian regions.

Methods: general scientific methods (observation, comparison, analysis, induction, deduction, analogy, classification).

Results: the analysis showed that today Social Media Marketing is an essential tool for interaction with the investment community and one of the most effective ways to promote the regional portal, which allows to increase the knowledge of and loyalty to the brand, to increase the targeted website traffic, to increase the awareness of investors about the specific features of the portal and the regional development agencies' functioning, to promptly receive information about the investment environment and to establish contacts with investors. At the same time, the study of SMM-activity in the Russian regions revealed a very low level of quality of communication with investors through social networks.

Scientific novelty: for the first time the article investigates the significance and makes the comparative analysis of the Social Media Marketing channels with regard to investment promotion agencies, as well as the results of the regional structures functioning for effective communication through social networks.

Practical significance: the main results of the research can be used by the regional investment agencies in order to promote their websites, increase the quality of communication with investors and promote the investment attractiveness of the region as a whole.

Keywords: Economy and national economy management; Social Media Marketing; Promotion of regional portal; Regional economy; Investment; Investment attractiveness of the region; Investment attraction; Communication with investors; Regional Internet portal; Agencies for regional development

References

1. Sinclair, J. K., Clinton, E. V. Adoption of social networking sites: an exploratory adaptive structuration perspective for global organizations, *Information Technology Management*, 2011, No. 12 (4), pp. 293–314. DOI 10.1007/s10799-011-0086-5.
2. Smith, P., Smith, P. R., Berry, Ch., Pulford, A. *Strategic Marketing Communications: New Ways to Build and Integrate Communications*, Kogan Page Publishers, 1999, p. 300.

3. Minaeva, L. V. Sait kak instrument prodvizheniya territorii (Website as a tool for territory promotion), *Praktika munitsipal'nogo upravleniya*, 2012, No. 2, pp. 100–104 (in Russ.).
4. Ozuem, W., Bowen, G. *Competitive Social Media Marketing Strategies*, IGI Global, 2016, p. 317.
5. Smith, T. The social media revolution, *International journal of market research*, 2009, vol. 51, iss. 4, pp. 559–561.
6. Eastlick, M. A., Lotz, S. L., Warrington, P. Understanding online B-to-C relationships: An integrated model of privacy concerns, trust, and commitment, *Journal of Business Research*, 2006, No. 59 (8), pp. 877–886.
7. Heckadon, D. A. *Critical Success Factors for Creating and Implementing Effective Social Media Marketing Campaigns*, New York University, 2010, p. 44.
8. Neyaskin, G. N. Vliyanie sotsial'nykh media na biznes-kommunikatsii: doklad (Influence of social media on business communications: report), *Internet-konferentsiya "Dialogicheskie kommunikatsii v biznese"* (Internet conference “Dialogue communications in business”), 2010, p. 17 (in Russ.).
9. Alekseeva, E. G. *Vliyanie cherez sotsial'nye seti* (Influence through social networks), Moscow: Fokus-Media, 2010, 200 p. (in Russ.).
10. Saravanakumar, M., Suganthalakshmi. Social Media Marketing, *Life Science Journal (LSJ)*, 2012, No. 9 (4), available at: http://dems.unimib.it/corsi/817/esercitazioni/social_media_mktg.pdf (access date: 04.03.2015).
11. Brown, J., Broderick, A. J., Lee, N. Word of mouth Communication within Online communities: Conceptualizing the online Social network, *Journal of interactive marketing*, 2007, vol. 21, no. 3, pp. 1–20.
12. Minaeva, L. V. *K voprosu o korporativnoi kommunikatsii v sotsial'nykh setyakh* (On the issue of corporate communication in social networks). Kazan: KNITU-KAI im. A. N. Tupoleva, 2014. Pp. 250–252 (in Russ.).
13. Neti, S. Social Media and Its Role in Marketing, International, *Journal of Enterprise Computing and Business Systems*, 2011, No. 1 (2), available at: <http://www.ijecbs.com/July2011/13.pdf> (access date: 30.05.2015).
14. Veber, L. *Effektivnyi marketing v Internete. Sotsial'nye seti, blogi, Twitter i drugie instrumenty prodvizheniya v Seti* (Effective marketing in the Internet. Social networks, blogs, Twitter and other tools for promotion in the net), Mann, Ivanov i Ferber, 2010, p. 320 (in Russ.).
15. *Digital, Social & Mobile Worldwide in 2015*: report by Simon Kemp, January, 2015, available at: <http://wearesocial.net/blog/2015/01/digital-social-mobile-worldwide-2015/> (access date: 22.02.2015).
16. Evans, D. *Social Media Marketing: The Next Generation of Business Engagement*, John Wiley & Sons, 2010, available at: <https://books.google.ru/books?id=712OR6giC6AC&pg=PT15&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (access date: 14.01.2015).
17. Hanna, R., Rohm, A., Crittenden, V. We're all connected: The power of the social media ecosystem, *Business Horizons (BH)*, 2011, No. 54 (3), available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0007681311000243> (access date: 13.03.2015).
18. Ganim Barnes, N. Society for new communications research study: Exploring the link between customer care and Brand reputation in the age of social media, *Journal of New Communications Research*, 2008, vol. Iii, iss. 1, pp. 86–91.
19. Bagiev, G. L. Marketing vzaimodeistviya: izmerenie i otsenka kachestva marketingovogo obespecheniya biznes-kommunikatsii (Marketing of interaction: measuring and estimation of the quality of marketing provision of business communication), *Izvestiya SPbGUEF*, 2010, No. 4, p. 17 (in Russ.).
20. Tsimonis, G., Dimitriadis, S. Brand strategies in social media, *Journal Marketing Intelligence & Planning*, 2014, vol. 32, iss. 3, pp. 328–344.
21. Pichugina, O. A. Transformatsiya massovoi kommunikativnoi real'nosti v epokhu sotsial'nykh media (Transformation of mass communication reality in the epoch of social media), *Vestnik RGGU. Politologiya. Sotsial'no-kommunikativnye nauki*, 2013, No. 1, p. 9 (in Russ.).
22. Subramani, M. R., Rajagopalan, B. Knowledge-sharing and influence in online social networks via viral Marketing, *Communications of the ACM*, 2003, vol. 46, no. 12, pp. 300–307.
23. Li, C., Bernoff, J. *Groundswell: Winning in a world transformed by social technologies*, Boston, MA: Harvard Business Press, 2008, 286 p.
24. Veselov, S. V. *Marketing v reklame* (Marketing in advertisement), part 1, 2. Moscow: Izd-vo Mezhdunar. in-ta reklamy, 2002, 978 p. (in Russ.).

Received 15.09.15

Accepted 29.03.16

© Fadeyeva A. Yu., 2016. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; Licensee Tatar Educational Centre “Taglimat”. This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), which permits unrestricted use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.

Information about the author

Alisa Yu. Fadeyeva, post-graduate student, Lomonosov Moscow State University; leading manager on the work with key clients, Yandex Ltd
Address: 16 Lva Tolstogo Str., 119021, Moscow, Russia, tel.: +7 (495) 739-70-00
E-mail: Kallista89@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3983-1912>
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/G-8492-2016>

For citation: Fadeyeva A. Yu. Social Media Marketing as a tool for promoting the regional investment portals // *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, vol. 10, No. 2, pp. 140–149.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА / THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

УДК 340.11:347.4

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.2.150-157>

For citation: Tikhomirov Yu. A. Risks: diagnosing and eliminating, *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, vol. 10, No. 2, pp. 150–157.

YU. A. TIKHOMIROV¹

¹*Institute for Legislation and Comparative Legal Studies at the Russian government, Moscow, Russia*

RISKS: DIAGNOSING AND ELIMINATING

Objective: to develop conceptual theoretical and legal provisions and scientific recommendations on the identification, analysis and elimination of risk.

Methods: universal dialectic method of cognition, as well as scientific and private research methods based on it.

Results: the system was researched of risks diagnostics in the legal sphere and mechanism of influencing the "risk situations" and their consequences (damage to the environment and harm to society). The concept of risk in the legal sphere was formulated; the author's classification of risks in the legal sphere is presented. The rules of analysis, evaluation and prevention of risks and the model risk management framework are elaborated.

Scientific novelty: the mechanism for the identification, analysis and elimination of risk has been developed and introduced into scientific circulation; the author has proposed the classification and types of risks, the reasons and the conditions promoting the risk occurrence.

Practical significance: the provisions and conclusions of the article can be used in the scientific, law-making and law-enforcement activity, as well as in the educational process of higher educational establishments.

Keywords: Theory and history of law and state; Risk; Legal risk; Risk diagnostics; Risk elimination; Classification and types of risk; Causes and consequences of risk

Introduction

Risk is a dangerous phenomenon

Managing the social-economic processes requires making the well-grounded legal decisions and their consistent implementation. However, risk is an inevitable "black comitant" of predictions, programs and legal acts. It is the aberration from the parameters of sustainable development, inflicting harm to nature and society. *In the legal sphere, risk is a probable illegitimate aberration from the legal models and the existing and projected laws and other legal normative acts.* That is why the study of risks is a task for all branches of the legal science, demanding the summarization of the law-making, managerial and economic practices.

Besides, the problem of risks has an enormous international value due to the complex interactions between the national-state processes and the development of the global community. Risks are the main dangers for the world in the nearest future. This is stated in the new report of the World Economic Forum (WEF) "Global risks 2015"¹. The "Global risks 2015" report was prepared in collaboration with Marsh & McLennan Companies, Swiss Reinsurance Company, Zurich Financial Services, Wharton Risk Management and Decision Processes Center, Oxford Business

¹ Available at: <http://reports.weforum.org/global-risks-2015/> (access date: 26.03.2016).

School and Singapore National University on the basis of consultations with the leading political and social figures, economists and researchers from all over the world.

According to the research, in 2015 the main global challenges are *geopolitical risks*. They rank first in the hierarchy of the most probable threats listed in the report. The researchers state that in the previous years, especially after the global economic crisis, the geopolitical risks were not actually threatening the world order, but 25 years after the end of the Cold War, geopolitics is again in the centre of the global agenda. The most probable risks include *interstate conflicts, destruction of the state institutions and risks of the loss of power by the national governments, up to the complete disintegration of states*.

At the same time, geopolitics acquires a larger impact on the economic processes around the world, as the economic tools are more and more often used to solve geopolitical tasks. On the one hand, the states try to broaden their geopolitical influence through the policy of interregional economic integration, formation of trade alliances or across-the-border investment; on the other hand, they use such tools as protectionism or economic sanctions as the means of influence.

In perspective such actions may threaten the very principle of global economic cooperation. That is why the report pays special attention to interrelations between risks, which have systemic consequences demanding advanced flexibility from states and institutions. The main risks are economic and social threats (like the growth of property inequality and unemployment) and ecologic ones (natural disasters and climate change). *Besides the geopolitical risks, the social and ecologic ones are also among the most significant.* They include unemployment and underemployment, climate change, global epidemics, water deficit in the Central Asia, Middle East and Northern Africa.

All this requires large-scale research of the risks problems. The article studies some topical issues of forecasting and preventing risks, especially in legal sphere. However, it is obvious that they, on the one hand, are derived from the political, economic and other risks, and on the other hand, influence them.

Research results

Legal regulation of “anti-risk” activity

The complex and contradictory dynamics of risks requires implementation of legal regulators, which allow

to reveal, analyze, estimate, prevent and eliminate them. Without them it is hard to orient the law subjects towards systematic work in that direction and to prevent failures in management and legal regulation. These actions must not be reduced to the “finish line reaction”, when the risks are already implemented in events and phenomena, loss and damages. Systemic approach is essential, as constitutional principles and norms allow to forecast and eliminate the risks in all spheres of law and legislation, and to react to “risk transitions” from one sphere of regulations into another. The intra-systemic links are revealed in situations of legal uncertainty and distinctive chain reaction. The neglected risk in one sphere often causes risks in adjacent spheres.

It is notable that *the Russian Constitution contains the anti-risk norms*, which stipulate the legal actions in collision and conflict situations. Such are, for example, Clause 4 of Article 3, Clause 4 of Article 15, Article 16, Clauses 3, 5, 6 of Article 76, Article 85, Clause 3 of Article 90, Clause 3 of Article 115. To these one should add the mention of the federal collision law (Clause “p” of Article 71). These norms serve as a preventive-orientation means for preventing risks in legal sphere.

One should not underestimate risks arising in constitutional relations, as they are a threat. Unfortunately, the citizens poorly know the norms of the existing Constitution, which is confirmed by sociological research; hence, alienation from the law has not been overcome.

It can be reminded that in the early 90-s the crisis of federalism was clearly felt, and the declaration of the center towards the regions – “take as much sovereignty as you wish” – threatened with separatism and dramatic decrease in the state unity. That was a useful lesson.

Besides, *the threats towards the country’s security, both internal and external, are still in place.* Extremism, terrorism, nationalism, external pressure, global crisis (financial, food, ecological, etc) are acting up.

Constitutional risk is sometimes expressed in the sharp opposition of powers, as well as in the trends towards excess centralization, weakening of the institutions of political system and civil society.

Finally, there is drastic violation and even rejection of constitutional principles under sharp conflicts, as in Ukraine in the late 2013 – early 2015.

Apparently, constitutional risks threaten the country’s sustainable development and its political and economic system. They are hard to reveal as they are derived from

the changes in various spheres of social and public life. The changes may seem local or limited to a certain sphere, but their cumulative effect may become negative for the state. The consequences can be very hard. Prevention of constitutional risks at the stage of constitutional decisions' making can be seen as the task not only for political elites and developers, but also the social powers. The constitutional provisions must be fulfilled in all spheres.

Let us view the norms of the Federal Law "On banks and banking activity". Article 11.1-2 "Requirements to the risk and capital management systems, internal control of a credit organization" was introduced by the Federal Law of 02.07.2013 No. 146-ФЗ.

A credit organization (the head organization of a banking group) must observe the requirements of the Bank of Russia to the risk and capital management systems, internal control, including the requirements to the functioning of the head of internal control department and the head of internal audit department of a credit organization, in banking groups.

A person appointed the head of risks management department, the head of internal control department and the head of internal audit department of a credit organization, during all the period of their being in those positions, must comply with the reputation and qualification requirements stipulated by the Bank of Russia and Article 16 of the above mentioned Federal Law.

The credit organization must inform the Bank of Russia in the written form about the appointment of the head of risks management department, the head of internal control department and the head of internal audit department of a credit organization, in a three days period from the date of the above mentioned decision.

Regulation of ecological risks carried out by the Federal Law "On environmental protection", which contains the notion of ecological risk as the probability of an event threatening the environment and caused by the negative influence of economic and other activity, as well as emergencies of natural and anthropogenic character. Article 18 stipulates ecological insurance, and Article 48 lists the requirement to environmental protection when using radioactive substances and nuclear materials.

The Russian Law "On mineral resources" stipulates that the amount of regular payments for the use of mineral resources are defined according to the economic-geographical conditions, the size of the land lot, the type of natural resources, the duration of works, the extent of geological exploration, and the degree of risk.

In the Land Code, the main principles of land laws are stipulated. What are they?

First, *the priority of land protection* as the main component of environment and means of production in agriculture and forestry, compared to using land as real estate. This principle states that the land lots' owners can use them freely, as long as it does not harm the environment.

Second, *the priority of human life and health protection*. It states that the use and protection of lands must be accompanied by such decisions and measures that provide preservation of human lives and prevent the negative (harmful) impact on the human health, even if that demands large expenses.

The Federal Law "On protection of the population and territories against emergencies of natural and anthropogenic character" is also important. Prevention of emergencies is a complex of measures carried out beforehand and aimed at maximal possible reduction of emergency risks, as well as at preserving the people's health, reducing the harm to environment and material loss in case of their occurrence.

Citizens have the right for protection of their lives, health and personal property in case of emergency; in compliance to the emergency elimination plans they may use the means of collective and individual protection and other property of the executive authorities of the Russian Federation subjects, local self-government bodies and organizations, which is designed to protect the population against emergencies; the citizens must be informed about the risk they are subject to in certain places on the country's territory, and about the necessary safety measures.

The Federal Law "On safety of hydro-technical structures" introduces the criteria of the *hydro-technical structures safety* – the limit values of quantitative and qualitative indicators of the hydro-technical structures states and the conditions of its exploitation, which correspond to the acceptable level of risk of the hydro-technical structures' damage, adopted in due order by the federal executive power bodies which supervise the safety of hydro-technical structures. The acceptable level of risk of the hydro-technical structures' damage is the value of the risk of the hydro-technical structures' damage stipulated by the normative documents.

General requirements are stated to providing the safety of hydro-technical structures, ensuring the civil liability for the damage inflicted by the hydro-technical structures' damage, ensuring the civil liability for the damage infliction.

The Federal Law “On the air protection” stipulates the indicators of the harmful impact on the environment and human health: harmful (polluting) chemical and biological substances or the mixtures of such substances, contained in the atmospheric air, which in certain concentrations influence harmfully on the human health and environment; harmful physical impact on the atmospheric air of noise, vibration, ionizing radiation, temperature and other physical factors, changing the temperature, energy, wave, temperature and other physical properties of the atmospheric air and negatively influencing the human health and environment.

The above anti-risk measures should be complemented by such general notion as the need to fully regulate these phenomena by the legislation. Such an approach gives more efficiency to the particular forms of risk dynamics regulation in governmental acts devoted to the issue of industry, agriculture, construction and labor relations development.

Anti-risk measures must be stipulated in strategies and conceptions of social-economic development, in target programs, in the sections on legal provision.

Types of risks: characteristics and prediction

The diverse activities of business structures, state and municipal bodies and establishments I always connected with the analysis of situations, selection of objectives and making decisions, as well as taking measures for their implementation. Many norms are implemented, violated or distorted, thus one should carefully analyze the phenomenon of risks dangerous for the stability of the state and economic institutions. Further we study the probably types and estimations of risks.

Risks in the law-making activity may arise in the following cases:

- a) violation of systemic links within the legislation (within sectors, between sectors, between the laws) and probability of contradictions and duplication – *the risk of legal collisions*;
- b) wrong selection of the objectives and object of legal regulation and means of legal regulation – *risk of correlation and factual mistakes*;
- c) underestimation of probable deviations in using the public authorities and implementation of the status of business structures and establishments – *functional risk*;
- d) poor accounting or lack of analysis of the behavior of social strata, citizens, and underestimation of social institutions – *risk of social alienation*;

e) underestimation of systemic regulation (procedures, control, etc) and analysis of the defects in legal conscience and behavior of officials and other persons – *corruption risk*;

f) lack of forecasts of the probable law implementation and its consequences (economic, social, political laws, etc);

g) risk of *inefficiency*. It requires the analysis of correlation between the indicators of actual procedures, the corresponding legal acts and the probable changes in the latter due to failures or inclinations in the former;

h) underestimation of the juridical technique and probable mistakes in interpretation and implementation of authorities and links of the law subjects – *technical-juridical risk*.

It is essential to forecast the risks of the external impact – changes in the economy, political sphere, social relations, external policy.

The risk in the process of law implementation can be revealed at the stage of law-making or the practice of law implementation. They include:

a) lack of operative information about the actual socio-economic processes and actual implementation of the legal norms – summarizing the experience and analysis by law monitoring;

b) erroneous actions of public authorities and business structures, connected with deviations from the legal statuses;

c) erroneous adoption of bylaws (authority abuse, misuse of rights, inaction);

d) revealed incompleteness of the resource provision of law (material, financial, personnel, etc.);

e) revealed new economic, social and other phenomena, not regulated by law;

f) risks at various stages of law implementation – initial and further;

g) probable gaps in legislation due to “risk situations” in regulated spheres (production decline, crop failure, financial crisis, etc);

h) risks due to anthropogenic, natural and other disasters and the need to introduce special legal regimes.

In the sphere of state and municipal management, where the norms of constitutional, administrative and financial legislation dominate, the “risk situations” arise very often. The inability and unwillingness to forecast and energetically prevent them result in hard consequences.

They are based on such false imperative of conscience and behavior as “appropriateness is above the law”. However, the law is the reflection of the highest public appropriateness, a kind of a conception of combination of the public and private interests.

Many managerial risks arise due to other reasons – economic, social, psychological. *They can be united into the following groups:*

- a) competence risks (interference into the competence of other bodies, etc.);
- b) corruption risks (action against the interests of state and municipal authorities);
- c) resource risks (deficit of means and desire to “compensate” it);
- d) information risks (incomplete and false information);
- e) erroneous administrative acts;
- f) risks of underestimation and ignoring the interests of other participants of management (business, civil society institutions).

The mentioned risks require serious effort to increase the managerial competence and the level of law conscience in state and municipal officials.

The Analytical Report contains a section “Risk-oriented approach in implementing the controlling-supervising authorities”. It states that introduction of risk management in the implementation of the state control (supervision) and municipal control in Russia should follow the two main goals: to increase the efficiency of the controlling-supervising activity and to increase the comfort in doing business.

The increase of the efficiency of the controlling-supervising activity implies the increase of safety, reduction of the number of mandatory requirements’ violation, with preservation or reduction of the state costs for controlling measures. At the same time, the increase of the comfort in doing business (concerning the state and municipal control) implies the reduction of costs of the supervised persons during the controlling measures, and the compliance of these costs with the level of danger incurred by the activity of the supervised subjects.

The legal and organizational tools are needed, which provide:

- 1) estimation of risks, consisting of revealing the danger, defining its characteristics and estimating the impact (probable consequences of damage and its scale);
- 2) risk management, understood as implementing the activities aimed at minimization or exclusion of risks;

3) revealing information about risks and ways of their elimination.

When creating the system of risk estimation, it is recommended to use the 3-level division of the supervised subjects by the risk extent, with an additional category of special risk subjects. Thus, each risk subject (object) will belong to one of the 4 categories: special risk group, high risk group, middle risk group and low risk group. To attribute the supervised subject to a certain category, at the initial stage it is recommended to use the static system of the risk degree estimation, further transiting to the dynamic system.

Serious damage to economy is inflicted by risks in the business sphere. Various interests meet here – public, corporate, personal, sectoral and territorial. It is sometimes hard to reveal and forecast risks which can result in the reduction of the level of economic relations. *The most typical risks are:*

- a) non-fulfillment of contract liabilities;
- b) incomplete information about the situation in the stock and labor markets;
- c) unlawful administrative pressure (when registering business, rendering services, etc.);
- d) breaking the law due to “particular reasons”;
- e) sudden changes in economic course or situation;
- f) conservatism in economic and legal thinking;
- g) risks of crisis in the global economy.

It is essential to increase the quality of the local acts.

It is easy to notice that the risks in legislation, managerial and business activity are closely interwoven. They often “castle” and acquire the properties of the cause or consequence.

Technique of analysis, estimation and elimination of risks

The research of the practice of management and economic activity shows the increase of the “risk threat” due to the growing scale of socio-economic development in the country and the processes of globalization in the modern world. The “price” of risks becomes especially high, thus new approaches in this sphere are required.

First of all, one should overcome the obsolete interpretation of risk as an accidental phenomenon in different situations. Subjective estimations should be substituted for realization that risk is a “shadow satellite” of plans, programs, forecasts, decisions and actions. “Anti-risk” measures must become a natural element at all stages of their elaboration, adoption and implementation.

Risk prevention largely depends on the level of professional training of the personnel in all spheres of activity. Introduction of special courses on risk management mechanisms in juridical, economical and other universities is an urgent need. Knowledge of the techniques of risks diagnosing is an essential element of competence of administration and specialists.

The “Classification of risks in the legal sphere”, designed by the author, is sure to be of use.

The risks are classified according to the degree of their predictability and the scale of danger for the decision-making subject.

I level – “Juridical-text risks” expected:

- violation of systemic links in legislation;
- erroneous definition of the objectives and means of regulation (regulators);
- technical-juridical errors;
- erroneous definition of the statute of the legal subject.

II level – “Risks – unexpected actions”:

- actions outside the legal statute of the subject;
- unexpected actions of partners;
- situational actions;
- public dissatisfaction (critique, protests);
- lack of resources (negligence).

III level – “Risks of new situations”:

- contradictory consequences of a new political and economic course;
- disadvantageous consequences of reforms;
- influence of crisis phenomena;
- passiveness and non-fulfillment of the executors.

IV level – “Force majeure risks”:

- alienation of the population from the law;
- destruction of state and other institutions;
- emergencies (anthropogenic catastrophes, ecological, coup d'états, wars).

The carried out analysis allows to propose the following “Rules for analyzing, estimating and preventing risks”.

The objective of the Rules is to increase the level of competence of specialists in the course of anti-risk activity.

1. The risk is a probable aberration of the projected decision, which can take place and inflict harm.

2. The risk and prediction are connected with each other and should be viewed as mutually influencing.

3. The risks should be distinguished:

3.1) by the spheres of occurrence (economical, ecological, anthropogenic);

3.2) by inter-territorial borders – intra-state and international;

3.3) by the time of the probable action (short-term, long-term, etc.);

3.4) by the degree of danger (acceptable, objectionable, critical, etc.);

3.5) by the degree of legal regulation.

4. The causes of risks should be analyzed and revealed:

4.1) errors in calculations;

4.2) ungrounded predictions and their consequences;

4.3) conflict situations: conflict of interests, juridical collisions, disputes on competence;

4.4) global and regional ecological and anthropogenic catastrophes, wars, coup d'états.

5. Analysis and estimation of risks are carried out continuously in the regime of law monitoring.

6. Risk prevention should be provided with a constantly renovated information base (statistical, scientific, thematic, etc.).

7. In the course of risks revelation one should define their causes, conditions and factors of influence, changes in the character of implementation of the projected decisions and actions, probable consequences.

8. Preventive anti-risk actions are also useful qualitative regulation of statutes and interactions of the acting persons, experiment, certifies quality of particular elements, high qualification of elaborators and specialists.

9. Operative-analytical information about the revealed risks should be immediately communicated to the decision-making persons.

10. Minimization and overcoming of risks implies elimination of their causes and revelations, correcting the erroneous or disputable decisions (actions), improving the regimes of activity.

11. Means of compensatory mechanism should be elaborated, provided and applied:

11.1) insurance;

11.2) reserve funds;

11.3) reimbursement of damage (loss);

11.4) changing the terms of activity;

11.5) using additional legal regulators.

During the anti-risk activity one should differentially apply measures of stimulating and inciting as well as measures of liability to the employees responsible for the corresponding actions (non-fulfillment).

Conclusions

Thus, we consider it useful to elaborate a typical pattern of risk management. Its main constituents are grouped on a systemic basis. *They are the following:*

a) estimation of the typical “failures” in an organization, in management and classification of risks according to the above types;

b) analysis of factors influencing the functioning of structures in the regulated sphere and the probable stages of risk danger;

c) establishing the levels of responsibility for executing actions in the given sphere (bodies, structural divisions, personnel);

d) introduction of the system of “risk-oriented” control and supervision;

e) monitoring the “risk situations” and signals about their threatening dynamics in compliance with the Russian President’s Decree “On monitoring of law implementation”;

f) making decisions and implementing other anti-risk measures to prevent risks and correct projects, resource provision, etc.

Basing on the typical pattern, special risk management systems are approved in sectors, spheres and levels of management. An illustration for this is “Manual for

forming (improving) a system of measures for risk management in registering activity” adopted by the Board of Directors of PARTAD on September 21, 2011, in concordance with the Federal Agency on Financial Markets.

The above elements of the risk management mechanism should not be viewed as an autonomous system, as they should be a constituent of the mechanism of optimal legal regulation. Adopting of the long-awaited Federal Law “On normative acts in the Russian Federation” will open way for bringing order into the system of acts, improving their quality basing on the methodology of regulating impact estimation and the criteria for estimating the efficiency of legal decisions implementation.

References

1. Tikhomirov, Yu. A., Shakh-ray, S. M. *Risk and law: scientific edition*, Moscow: Moscow University Publishers, 2012, 64 p. (in Russ.).

2. Aryamov, A. A. *General theory of risk: juridical, economical and psychological analysis*. 2nd edition, Moscow: WoltersKluwer, 2010, 208 p. (in Russ.).

3. Tikhomirov, Yu. A. Predictions and risks in the legal sphere, *Journal of the Russian Law*, 2014, No. 3 (in Russ.).

4. Tikhomirov, Yu. A., Lapina, M. A. *Risk in the sphere of public and private law*, Moscow, 2014, 310 p. (in Russ.).

Received 01.04.16

Accepted 11.05.16

© Tikhomirov Yu. A., 2016. Originally published in Actual problems of economics and law (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; Licensee Tatar Educational Centre “Taglimat”. This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), which permits unrestricted use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.

Information about the author

Yuriy A. Tikhomirov, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Russian Federation, Deputy Head of the Center for Public-legal Studies, Institute for Legislation and Comparative Legal Studies at the Russian government

Address: 34 Bolshaya Cheremushkinskaya Str., 117218, Moscow, tel.: +7 (495) 719-70-00

E-mail: tikhomirov@izak; izak1@izak.ru

Ю. А. ТИХОМИРОВ¹

¹ *Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия*

РИСКИ: ДИАГНОСТИКА И УСТРАНЕНИЕ

Цель: разработка концептуальных теоретико-правовых положений и научных рекомендаций по выявлению, анализу и устранению риска.

Методы: всеобщий диалектический метод познания, а также основанные на нем общенаучные и частноправовые методы исследования.

Результаты: рассмотрены система диагностики рисков в правовой сфере и механизм воздействия на «рисковые ситуации» и их последствия (ущерб природе и вред обществу). Сформулировано понятие риска в правовой сфере; приведена авторская классификация рисков в правовой сфере. Разработаны правила анализа, оценки и предотвращения рисков, а также типовая схема управления рисками.

Научная новизна: разработан и введен в научный оборот механизм выявления, анализа и устранения риска, предложены авторские классификации и виды рисков, обозначены причины и условия, способствующие возникновению риска.

Практическая значимость: выводы и положения статьи могут быть использованы в научной, законотворческой и правоприменительной деятельности, учебном процессе учреждений высшего образования.

Ключевые слова: теория и история права и государства; риск; правовой риск; диагностика риска; устранение риска; классификации и виды риска; причины и последствия риска

Список литературы

1. Тихомиров Ю. А., Шахрай С. М. Риск и право. М.: Изд-во Московского университета, 2012. 64 с.
2. Арямов А. А. Общая теория риска: юридический, экономический и психологический анализ. 2-е изд. М.: Волтерс Клувер, 2010. 208 с.
3. Тихомиров Ю. А. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. 2014. № 3.
4. Риск в сфере публичного и частного права / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, М. А. Лапина. М.: От и До, 2014. 310 с.

Дата поступления 01.04.16

Дата принятия в печать 11.05.16

© Тихомиров Ю. А., 2016. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.ieml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Тихомиров Юрий Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заместитель руководителя Центра публично-правовых исследований, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Адрес: 117218, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34, тел.: +7 (495) 719-70-00

E-mail: tikhomirov@izak; izak1@izak.ru

Как цитировать статью: Тихомиров Ю. А. Риски: диагностика и устранение // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 2. С. 150–157.

УДК 340.13:342.5:347.97/.99

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.2.158-169>

Как цитировать статью: Лазарев В. В. Восприятие законодателем судебного права // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 2. С. 158–169.

В. В. ЛАЗАРЕВ¹

¹ *Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА);
Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия*

ВОСПРИЯТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЕМ СУДЕБНОГО ПРАВА

Цель: разработка концептуальных теоретико-правовых положений и научных рекомендаций по имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации.

Методы: всеобщий диалектический метод познания, а также основанные на нем общенаучные и частноправовые методы исследования.

Результаты: обосновывается необходимость анализа принципиальных (прецедентных) судебных решений на предмет возможной имплементации правовых позиций судов в законодательные акты. Проблема не исчерпывается восприятием положений, создаваемых конституционными (уставными) судами. В работе указаны основные направления предстоящей деятельности по реализации идеи имплементации. Показана работа отдела, созданного в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, на который возложены соответствующие функции.

Научная новизна: разработан и введен в научный оборот механизм имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации.

Практическая значимость: выводы и положения статьи могут быть использованы в научной, законотворческой и правоприменительной деятельности, учебном процессе учреждений высшего образования.

Ключевые слова: теория и история государства и права; естественное право; позитивное право; коммуникация; интегративный подход; суд; судебное решение; имплементация; правовые позиции; прецедент; мониторинг; инновация; источник права; совершенствование законодательства

Введение

Право в идеале более всего вяжется со свободой, правдой, справедливостью. В установленных законодателем нормах это абстрактные правда и справедливость. И только в судах они материализованы привязкой к субъектам правовых отношений. Там они выражены полнее и глубже, что соответствует философской интерпретации общего, особенного и единичного. Более того, названные ценности привязаны не только к конкретным субъектам, но и к месту и времени происходящего. Поэтому всегда актуализируется установление права в судебных решениях. Отсюда, например, понятны заключения конституционного судьи Г. А. Гаджиева: «Поскольку общественные отношения в реальной действительности находятся в постоянном развитии, юридические нормы постоянно устаревают. Объективно необходим такой юридический механизм, который позволил бы законодателю делегировать полномочия по осовре-

мениванию закона от законодателя судам» [1, с. 20]. И далее: «Возникла объективная необходимость отказаться от узкореалистического понимания воли законодателя и заменить его на юридическое понятие юридической воли государства» [1, с. 21].

Мы акцентируем внимание на последнем положении и в этой связи полагаем уместным подчеркнуть единство властей в государстве. Разделение властей имеет свои позитивные стороны, но только в том случае, если это власти единого государства, если каждая из них выражает государственную волю в рамках своей компетенции. Придерживаясь волевой теории права, приходится признать разные формы выражения этой воли, и в том числе выражение ее в судебных актах. Главенство источников права, их соотношение в разное время было разным, и признание их было разным, но всегда право формировалось всеми государственными властями. В решениях каждой из них можно было «отыскивать» (устанавливать) право.

Результаты исследования

В советское время политическая власть брала на себя всю полноту руководства развитием права. При этом это была даже не государственная, а партийная власть. Отсюда право понималось как выражение классовой справедливости. Одним из главенствующих его источников признавалось совместное постановление ЦК КПСС и правительства. За судом в СССР признавалось только право на применение и толкование законов, хотя в реалии под видом толкования создавались и новые нормы. В современной России по большинству классификационных признаков отсутствует определенность и нет единства и стабильности в понимании права вообще и источников права в частности. Между тем право и закон часто различают и противопоставляют не только в доктрине, но и в судебной практике. В силу разных причин издаваемые парламентом законы не всегда пользуются доверием граждан и удовлетворяют потребности практики. Но и судебная система подвергается столь решительной критике, что рушатся все ее ценностные свойства¹. Вместе с тем нет оснований отказываться от понимания права как выражения справедливости (*id quod justum est*) и от возложения на суд задачи поиска этой справедливости.

В поиске новизны заявленную тему предлагаем воспринимать именно в свете того аспекта общей теории разделения властей, который делает акцент не на противопоставлении законодательной, исполнительной и судебной власти, а на их единстве. Представляется слишком односторонним и гипертрофированным подход тех авторов, которые видят в данной теории систему сдержек и противовесов и не замечают, что это власти одного государства. Следовало бы в этой связи ставить вопрос о пределах сдержек одной власти другой, о пределах противопоставления их друг другу. Методологически неточно и односторонне видеть в каждой ветви власти противника. Это еще вопрос, из какой презумпции следует исходить: презумпции негативного или позитивного в деятельности соответствующей власти. В разных обстоятельствах места и времени вопрос решается

¹ Критика часто небезосновательна: «...Неблагополучие с механизмом судебной власти в нашей стране осознается как "сверху" – руководством государства, так и "снизу" – самим судебским сообществом...» [2].

конкретно исторически. Однако при любых условиях в работе и конечных итогах деятельности соответствующих органов, представляющих ту или иную власть, есть нечто позитивное, заслуживающее внимания и развития в тех или других формах, в том или ином объеме и в соответствии с установленной компетенцией. Отсюда актуализируется проблема позитивного восприятия решений органа одной власти органами другой. Более того, может возникать потребность имплементации положений одних актов в акты других органов и другого уровня. «Восприятие» и «имплементация» расцениваются в определенном смысле как равнозначные понятия, хотя при более внимательном подходе можно увидеть определенное несходство.

Было бы ошибочно в силу принципа разделения власти орган одной власти безоговорочно ставить выше какого-либо органа другой. Каждый орган «высок» (самостоятелен) в отправлении своих полномочий. Иерархия возможна только на основе закона и только в рамках одной ветви государственной власти. И вообще, «разделение» происходит в рамках одной власти, власти народа, осуществляемой им самим или органами государства. Не подлежит сомнению, что всеми властями воспринимаются позиции законодателя, нашедшие воплощение в законах. Позиции правительства находят воплощение в законодательстве, коль скоро этот орган реализует свое право законодательной инициативы, но и суды эти позиции принимают во внимание не только через посредничество закона, но и напрямую ссылаясь на акты правительства и соответствующих ведомств в конкретных судебных решениях. Здесь много нюансов, которые заслуживают специального анализа. Но мы сосредоточиваемся на восприятии позиций судов и только в деятельности законодателя [3, 4]. Последовательные сторонники теории разделения властей изначально могут усомниться в нашем подходе, усмотрев некое посягательство судебной власти на прерогативы власти законодательной. Приверженцы теорий народоправства увидят в нем умаление роли представительного органа. Принципиальные демократы могут усмотреть отрицание демократических принципов реформирования законодательства, отклонение от демократического политического режима. Привычная (господствующая) парадигма правового сознания скорее допустит подзаконное правотворчество правительства, министерств и ве-

домств, чем правотворчество судебных органов. Между тем не лишена оснований точка зрения, согласно которой из Конституции РФ не вытекает, что судебной власти отведено среди властей лишь третье место. Не все здесь просто в практическом плане, как хотелось бы.

Строго говоря, теория разделения властей не допускает, чтобы одна власть подменяла другую, хотя бы и косвенно, но становилась на место другой и решала бы по-иному. Классическим юристам континентальной правовой системы привычно положение, согласно которому суд следует воле законодателя, и совершенно недопустимо обратное: чтобы законодатель в своем творчестве следовал судебной воле. Но в предложениях о необходимости имплементировать судебные решения (не всякие) в законодательство не идет речь об **обязанности** законодателя закрепить судебную позицию нормой закона², как и о том, чтобы судебная «норма» действовала наряду, или вместе, или вопреки закону. Избирается компромиссный вариант: законодатель делает позицию суда своей. Это отвечает и строгому социологическому подходу, согласно которому большинство законодательных норм вышли из содержания «норм решения», сформулированных конкретным юристом применительно к конкретному спору, содержащему вербализованный смысл, претендующий на общезначимость [6, с. 212–213]. Национальное законодательство призвано имплементировать в том числе и прецедентные решения международных судов, в частности решения Европейского суда по правам человека. В более широком смысле имплементация предполагает учет национальным законодателем легитимных решений иных международных органов. Разумеется, при этом процессы имплементации требуют системного контроля и экспертизы на предмет соответствия

вводимых норм Конституции РФ, решениям Конституционного Суда РФ (далее – КС)³.

Не бесспорно мнение, согласно которому общепризнанные принципы и нормы международного права являются частью федерального права России и функционируют именно в этом качестве. Соответственно ратифицированные, вступившие для России в силу и должным образом опубликованные международные договоры также отдельными учеными рассматриваются как часть федерального законодательства России. Но Конституция Российской Федерации включает общепризнанные принципы

³ Национальная правовая система Российской Федерации открыта для восприятия международно-правовых ценностей, выработанных сообществом национальных государств в процессе общения и мирного сотрудничества. Отсюда становится чрезвычайно актуальным совершенствование национальной правовой системы на предмет надлежащей реализации в ней правовых актов, поступающих извне, достижения согласованности последних с внутренними актами. К сожалению, до сих пор проблемные вопросы еще не подверглись тщательной научной проработке. В современной научной литературе нет специальных работ, посвященных особенностям и формам реализации в национальной правовой системе решений европейских международных органов, и в частности органов Совета Европы. Специалисты в области теории государства и права или конституционного права не устанавливали юридическую силу актов Парламентской ассамблеи Совета Европы или Кабинета министров, а в отношении юридической силы решений Европейского суда по правам человека до настоящего времени продолжают дискуссии. Представляется, что решению принципиальных вопросов послужат постановления Конституционного Суда РФ по делу «О проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации" и по делу «О возможности исполнения постановления Европейского суда по правам человека» от 04.07.2013 «Анчугтов и Гладков против России». Позиция автора изложена на международной конференции «Совершенствование национальных механизмов эффективной имплементации Европейской конвенции по правам человека». URL: http://www.threefold.ru/files/programma_konferencii_ks_i_se.pdf; <https://yadi.sk/d/C5EHnB05kFDyU> (дата обращения: 25.01.16).

² Даже в американской правовой системе, несмотря на признание принципа *stare decisis*, общее право занимает самую нижнюю ступеньку в иерархии источников права и законодатель может по своему усмотрению отменять или изменять созданные на его основе (или даже на основе толкования статутных норм) прецеденты [5, с. 106, 108].

и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в **правовую систему** Российской Федерации. Не в законодательство, не в систему права и не в право. Правовая система, как установлено в теории права и государства, включает в себя и правовую идеологию, и систему правоотношений, и правоприменение, и органы, обеспечивающие действие права. Часто употребляемый для характеристики соотношения внутреннего и международного права термин «имплементация» как раз говорит о соответствующей реализации принципов и норм международного права (*impliment* – осуществлять, обеспечивать выполнение).

Анализ любого международно-правового документа предполагает, прежде всего, установление характера положений, которые в нем содержатся: являются ли они декларациями, рекомендациями (пожеланиями), принципами или обязательными общепризнанными принципами и нормами. Если это решение по конкретному делу, то всегда актуален вопрос его соответствия принципам и нормам международного права. Не предсудительно обеспечивать положения международных документов в национальном законодательстве при любом характере содержащихся в них положений. Но юридическое и регулирующее их значение зависит, прежде всего, от факта и формы признания соответствующих положений национальными государствами.

В России высшая юридическая сила признается все-таки за правилами, содержащимися в международном договоре. Только применительно к нему Конституция подчеркивает верховенство по отношению к закону. Кстати, было бы неправильно относить термин «общепризнанные» и к принципам, и к нормам, и к договорам. Последние по определению не могут быть общепризнанными, если не иметь в виду условно договоры, участниками которых является подавляющее число государств. Вообще, общепризнанными по большому счету могут быть только принципы международного права, поскольку на этих общих положениях сходится большинство государств. Нормы же могут быть и не быть общепризнанными. И даже региональная норма международного права общепризнана, если она является воплощением общепризнанного принципа международного права.

В нашей стране имеется орган, в чьи функции входит изучение правовых последствий решений Европейской комиссии по правам человека и Европейского

суда. Таковым является Уполномоченный РФ при Европейском суде по правам человека (далее – ЕСПЧ). И, хотя уполномоченный не решает вопросов права, в его функции входит «изучение правовых последствий постановлений суда, вынесенных в отношении государств – членов Совета Европы, и подготовка с учетом практики суда и Комитета министров Совета Европы рекомендаций по совершенствованию законодательства Российской Федерации и правоприменительной практики, а также по участию Российской Федерации в международных договорах и по развитию норм международного права, отвечающих интересам Российской Федерации»⁴.

Учет принципиальных позиций ЕСПЧ, гармонизирующих внутреннюю и международную правовые системы, является обязанностью правотворческих органов. Но пока преждевременно объявлять решения ЕСПЧ частью национального права; предпочтительней формула «входят в правовую систему». Тем самым не нивелируются особенности систем национального и международного права, а, напротив, идет поиск их оптимального взаимодействия в национальном механизме правового регулирования. В этом поиске, в нахождении точек сближения правовых систем, «недопустимо некритически копировать и воспроизводить такие нормы, которые предназначены для регулирования правовых отношений в обществах с другой культурой, традицией, массовым менталитетом» [7]. Отсюда и предложение профессора В. Д. Зорькина начать осторожную, продуманную, обязательно системную ревизию международного права, в котором немало юридически размытых формулировок – «серых» правовых зон, впускающих в глобальный мир турбулентность, риски и хаос, которые фактически освящаются постмодернистской философией и практикой.

Нет никакой сложности продемонстрировать восприятие законодателем позиции Конституционного Суда Российской Федерации. К этому обязывает законодателя Конституция РФ и Конституционный закон о Конституционном Суде. Следует особо обратить внимание на то обстоятельство, что норма

⁴ Указ Президента РФ № 310 «Об Уполномоченном РФ при Европейском суде по правам человека» от 29.03.98 // Собрание законодательства Российской Федерации № 14 от 06.04.1998. Ст. 1540.

ст. 79 названного закона («юридическая сила решения») изложена очень корректно: «Государственный орган или должностное лицо, принявшие этот нормативный акт, рассматривают вопрос о принятии нового нормативного акта». Между тем ст. 80 названа «Обязанность государственных органов и должностных лиц по приведению законов и иных нормативных актов в соответствие с Конституцией Российской Федерации в связи с решением Конституционного Суда Российской Федерации», и хотя в ней федеральный законодательный орган не упоминается и Государственная Дума не является адресатом этой обязанности, но механизм восприятия позиции КС запускается. Здесь установлена обязанность одного из субъектов законодательной инициативы, обязанность Правительства Российской Федерации не позднее трех месяцев после опубликования решения Конституционного Суда Российской Федерации внести в Государственную Думу проект нового федерального конституционного закона, федерального закона или ряд взаимосвязанных проектов законов либо законопроект о внесении изменений и (или) дополнений в закон, признанный неконституционным в отдельной его части. Вообще, как отметил в своем выступлении в Государственной Думе⁵ председатель Конституционного Суда В. Д. Зорькин, взаимодействие Конституционного Суда и Государственной Думы в целом носит конструктивный и взаимоуважительный характер, что полностью соответствует конституционному принципу разделения властей. Это обстоятельство само по себе уже может рассматриваться как важное достижение, поскольку природа конституционного правосудия как институционального средства ограничения власти законодателя несет в себе опасность антагонизма между судом и законодателем, о котором предупреждал еще основатель конституционного правосудия Г. Кельзен.

Конституционный Суд на протяжении долгого времени обрабатывал соответствующие формулы, которыми обязывал законодателя следовать его позиции. В последнее время превалирует, например, такая: «Федеральному законодателю надлежит – в силу требований Конституции Российской Федерации и с

учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения, направленные на урегулирование...»⁶ Здесь, как убеждаемся, говорится только об «учете правовых позиций КС» и нет жесткого, буквально выраженного требования исполнять решение суда (оно, кстати, было бы излишним, поскольку содержится в общей норме Конституционного закона о Конституционном Суде), но в то же время есть императивное «надлежит» и «требований Конституции». Если учесть, что содержательно требования Конституции раскрываются исключительно Конституционным Судом, все встает на свои места – позициями КС надлежит руководствоваться, их надлежит исполнять.

В то же время председатель Конституционного Суда ориентировал депутатов Государственной Думы на «более глубокое и творческое отношение к реализации решений КС», на то, чтобы «иметь в виду, что КС, принимая решение по конкретному делу, ограничен предметом проверки, а парламент не связан подобными рамками и вполне может распространять правовые позиции КС за пределы проверенных им норм»⁷.

В системах романо-германской правовой семьи законодатель обязан отреагировать на решение конституционного суда, и одной из форм такой реакции будет закрепление судебной правовой позиции в законодательной норме. Это позволяет отдельным авторам характеризовать Конституционный Суд Российской Федерации в качестве «квазиправотворческого органа»⁸. Разумеется, есть решения КС, которые какое-то время остаются не реализованными

⁶ URL: www.Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195170; www.Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180218 (дата обращения: 21.02.2016).

⁷ URL: <http://www.rg.ru/2014/12/18/zorkin.html> (дата обращения: 21.02.2016).

⁸ «Конституционный Суд, получая институциональное оформление как правоприменительный юрисдикционный орган, объективно, по самой природе своей деятельности и особенностям юридической силы принимаемых решений, все в большей степени приближается в своих итогово-правовых характеристиках к нормативно-установительной юридической практике, к правотворчеству» [8, с. 96]. Подобное положение, по мнению ряда ученых, а также практиков, занимает и Верховный Суд Российской Федерации (см., например, [9]).

⁵ URL: <http://www.rg.ru/2014/12/18/zorkin.html> (дата обращения: 21.02.2016).

законодателем. Но причины этого разные, и было бы трудно доказать, что законодатель принципиально не воспринимает те или другие позиции. Мы находим право в решениях Конституционного Суда, основываясь на формальных признаках. Между тем более значимым в установлении права является его содержание. И в этом плане наиболее эффективно работают традиционные естественно-правовые подходы к праву и современный либертарный подход, в котором в центр ставятся свобода, равенство и справедливость.

Проблема не исчерпывается имплементацией правоположений, создаваемых конституционными судами и судами межгосударственными. Общие суды также причастны к нормотворчеству. Такой подход оправдан и по отношению к российским судам, которые в отдельных случаях выносят столь же принципиальные решения. В ходе судебных разбирательств рождается иногда не менее, а даже более абстрактное правило, чем правило, созданное законодателем [10, с. 105]. Верховный Суд России формирует иногда такие позиции, которые по своей глубине и значению непременно претендуют на закрепление в законе. В особенности такая ситуация складывается там, где речь идет о правах человека и гражданина. Сфера прав, и особенно сфера ограничения прав, – это компетенция законодателя. Между тем разные судебные инстанции могут формировать разные правовые позиции, что порождает некую неопределенность в правовом регулировании и должно побуждать законодателя воспринять одну из этих позиций.

В отечественной литературе обращается внимание на рождение правовых норм именно в ходе обобщения и анализа сложившейся практики. При этом решения отдельных судов по отдельным (знаковым) делам чаще всего остаются без внимания. Между тем, особенно при пробелах в законодательстве, именно в них прямо формулируется или системно просматривается новое нормативное положение, заслуживающее стать полноценной нормой через особую процедуру восприятия законодателем. Отсюда напрашивается создание полновесной системы обратной связи законодателя и правоприменителя, отработка информационных и организационных аспектов системы мониторинга принципиальных решений. Установление мониторинга законодательных и правоприменительных актов, закрепление соответствующих обязанностей правовыми актами высокой юридической силы и возложе-

ние контрольных функций на Минюст сказывается положительно. Однако необходимо доктринальное сопровождение проводимой работы. Именно эту цель преследует создание в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ отдела по имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации. Задачи перед ним ставятся узкоспециализированные, но, как представляется, сердцевидные во всей деятельности по мониторингу положения дел в правовой сфере.

Все органы, которые так или иначе, прямо или косвенно имеют отношение к проявлению законодательной инициативы, имеют структуры, на которые возлагается обязанность обобщать правоприменительную практику, практику реализации права. Но особо важное значение приобретает работа специальных отделов анализа и обобщения практики, созданных в Конституционном Суде РФ, в Верховном Суде РФ и в отделе Уполномоченного РФ в Европейском суде по правам человека. Это объясняется по меньшей мере двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что именно в названных органах формируются основополагающие правовые позиции, имеющие значение для совершенствования действующего законодательства и, во-вторых, тем общим обстоятельством о близости судебных органов к первичным процессам формирования (рождения) права.

Создание отдела Института законодательства по имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации стратегически инновационно, поскольку учитывает перспективы сближения правовых систем.

В России вопрос о восприятии решений судебных органов встает еще и по той причине, что официальной доктриной судебный прецедент подвергается сомнению в качестве самостоятельного источника и всякое нормативное регулирование связывается с изданием в установленном порядке общего правила поведения. Но тогда вполне логично всякую принципиальную общую позицию судов проводить через законодательную процедуру. Возможно даже, что более логично и, что немаловажно, экономично, проводить такое решение через специальную процедуру имплементации решений судебных органов в действующее законодательство.

В новейшей литературе подчеркивают участие судов Российской Федерации в выработке и осуществ-

влении правовой политики и, соответственно, признают роль судебной политики в коррекции политики законодательных органов, но только по отношению к ЕСПЧ делают вывод о беспрецедентном (по степени) воздействии его решений на законодательство и соответствующие институты правовой системы [11, с. 9; 12; 13 и др.]. Между тем такой подход оправдан и по отношению к российским судам, которые в отдельных случаях выносят столь же принципиальные решения.

Сформулированные высшими инстанциями общих судов позиции формально не обязательны для законодателя, но в действительности последний всегда черпает в них содержательный материал для своих актов. И было бы правильным процедурными (регламентными) нормами закрепить обязательность вовлечения судебных позиций в законодательный процесс. Можно утверждать, что сегодня в этом направлении работа не проводится. Однако было бы актуально провести исследование того, в какой части представляемые в законодательный орган проекты законов обосновываются результатами судебной практики, есть ли ссылки на нее в пояснительных записках к законопроекту, в выступлениях докладчиков, представителей соответствующих органов и тех, кто участвует в прениях. К настоящему времени накопился громадный массив таких решений, которые в разной степени и в разных формах формируют право. Специально и комплексно на предмет экспертиз текущей нормотворческой деятельности этот массив права никто специально не изучает. Не исследуются даже те решения, в которых прямо или косвенно предполагается последующая деятельность законодателя.

По оценкам экспертов, каждый седьмой закон содержит серьезные ошибки [14]. А если считать и «несерьезные»? А могут ли вообще быть несерьезными ошибки в такого рода документе? А почему не учитывается тот факт, что в отдельном законе может быть по семь и более ошибок? Ошибку законодателя вправе официально констатировать в конечном счете единственный орган – суд. Теория разделения властей, кроме всего прочего, имеет как раз и этот аспект: противостоять ошибочным решениям законодательной власти. В Российской Федерации в настоящее время получил уже достаточно широкое практическое воплощение институт судебного обжалования нормативных правотворческих актов, и это прямое подтверждение не просто демократизма си-

стемы, приближения к правовому государству и т. д., но и нахождения оптимального пути практического решения сугубо юридической проблемы – избавления от допущенных правотворческих ошибок. Считаю возможным просто сослаться на одно из решений Конституционного Суда, которое является показательным с точки зрения констатации многообразных и достаточно характерных ошибок законодателя⁹.

Столкновение жизненных интересов, судебные споры, противостояние позиций сторон – вот основа развития живого права. Это то, что неведомо законодателям, чей образ жизни связан скорее с политикой¹⁰. Многие теоретические, практические, идеологические и исторические обстоятельства позволяют отдавать первенство в правотворчестве именно судебным органам, а не парламентам. Да, законодатель возводит право в закон, но это уже другая стезя, иная по сути своей работа.

Суд – один из субъектов, осуществляющих в правопорядке коммуникацию. Это правоприменитель, и ранее нами излагались осуществляемые в ходе правоприменения информационно-коммуникативная, аффективно-коммуникативная и регулятивно-коммуникативная функции [12, с. 275 и далее]. Но через властные полномочия суда идут правообразование, правореализация и правоохрана. Нельзя не согласиться с исследователями, которые считают правосудие причастным как к естественному, так и к позитивному праву; видят в нем критерий для всякого решения и любой инстанции; видят его присутствие в каждом законе в качестве идеи, внеюридической предпосылки для законодательной мысли; рассматривают правосудие в качестве посредника между божественными и человеческими законами, между разумом и справедливостью [17, с. 175; 18, с. 67]. Отсюда только один шаг для представления о праве как «динамично-функциональной, всепроникающей,

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР "О Государственной налоговой службе РСФСР" и Законов Российской Федерации "Об основах налоговой системы в Российской Федерации" и "О федеральных органах налоговой полиции"» от 15.07.1999 (см. подробно [15]).

¹⁰ С точки зрения автора, однозначно отдающего первенство в правотворчестве судьям, законодатели не имеют понятия о 99 % того, что происходит вокруг них, о реальных сделках, договоренностях, установках, чувствах и убеждениях людей, которые их решениями затрагиваются [16, с. 38].

социально установленной сети совокупных коммуникаций и юридических действий» [19]. И коль скоро законодательство базируется на праве, логично обоснование того, чтобы законодатель призывался к восприятию того, что нарабатывает суд.

К настоящему времени накопился громадный массив таких решений, которые в разной степени и в разных формах формируют право. Специально и комплексно на предмет экспертиз текущей нормотворческой деятельности этот массив права никто не изучает. Не исследуются даже те решения, в которых прямо или косвенно предполагается последующая деятельность законодателя.

Представляется, что суды всегда озабочены поиском тех параметров, в которых люди могут удовлетворить свои естественные потребности наиболее эффективно и безопасно. Это будут прежде всего естественно-правовые нормы, часть из которых в силу социальных причин и обстоятельств уже закреплена или требует закрепления в человеческих законах (в позитивном праве). Естественное право (лат. *jus naturale*) в литературе чаще всего противопоставляется позитивному праву: 1) как совершенная идеальная норма – несовершенной существующей; 2) как норма, вытекающая из самой природы и потому неизменная, – изменчивой и зависящей от человеческого установления. Однако такой подход нуждается в уточнении и конкретизации. Во-первых, сегодня даже теологическая концепция естественного права описывает его как право с изменяющимся содержанием; во-вторых, нормы естественного права в том или ином объеме вошли в содержание позитивного права в любой из существующих правовых систем; в-третьих, естественно-правовые нормы с точки зрения совершенства могут быть разными и противоречащими друг другу; в-четвертых, естественные права конкретного человека при определенных условиях могут быть представлены в качестве отъемлемых и ограничиваемых [13, 20].

Не может не вызывать сомнений определение естественного права как совокупности принципов, правил, прав, ценностей, продиктованных естественной природой человека и тем самым как бы независимых от конкретных социальных условий¹¹.

¹¹ Философская энциклопедия. URL: <http://sbiblio.com/biblio/content.aspx?dictid=89&wordid=793896> (дата обращения: 21.02.2016).

Во-первых, теряется определенность (позитивный смысл) содержания естественного права, поскольку природа человека вообще неопределенна (звериная или ангельская), а природа разных людей различна. Во-вторых, такое естественное право можно было видеть только в том естественном состоянии, которое давно уже уступило место социально организованной жизни людей. В-третьих, определение уводит нас в лишенный социальности виртуальный мир и тем самым делает непригодным использование соответствующих ценностей в реальной законотворческой практике¹².

В поиске оснований естественного права недостаточно выявить естественную природу человека (у Гроция она характеризуется возвышенно: человек – общительное существо; у Гоббса, напротив, в естественном состоянии люди враги друг другу и естественное право человека оказывается причиной «состояния войны») [22, с. 309, 315–316], недостаточно обратить внимание на якобы имевшие место договоры людей между собой и с властью. Большое значение здесь имеет так называемая природа вещей, которую можно интерпретировать в аспекте «права разума». В законах разума при соотнесении их с естественными реалиями жизни людей отыскивается интеллектуальная, по-своему объективная основа для ограничения произвола частных стремлений. Рационалистическая основа естественного права обосновывается в трудах многих выдающихся философов.

А практическая основа связана с деятельностью суда, который в каждом конкретном деле находит справедливое решение для вполне определенных субъектов применительно к данным условиям места и времени, что и обуславливает необходимость введения установленной судами «естественности» в нормативный массив позитивного права. При этом в позитивное право (в закон) возводятся не только права, но и незыблемые и непререкаемые естественные обязанности, что далеко не всегда воспринимается либеральной концепцией переустройства общества.

¹² В общем плане нельзя не видеть обоснованность критики модернистских подходов к праву в части дефицита в них социальной содержательности, нельзя не признать полезности «потребностного понимания» права, когда просматриваются средства удовлетворения (или ограничения, подавления и т. д.) индивидуальных и коллективных потребностей [21, с. 17, 29].

Рефлексируя проблему в свете глобального исторического опыта, наш современник пишет: «Естественные права – это право на жизнь, право собственности, право на свободу. Убежден, что естественные права должны уравниваться обязанностями. Право на жизнь уравнивается обязанностью сохранять и продолжать жизнь. Право наследовать собственность уравнивается обязанностью защищать и приумножать собственность. Право на свободу уравнивается обязанностью самоограничения. Праву корреспондирует в первую очередь обязанность самозащиты этого права тем лицом, который им обладает. Самозащита естественного права включает в себя пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, а также восстановление положения, существовавшего до нарушения права, если это возможно. Если лицо (или группа лиц, или все население какого-то государства) не выполняет обязанностей по самозащите своих естественных прав, то оно этих прав неизбежно лишается» [23].

Выводы

На Западе до настоящего времени популярны идеи Т. Гоббса. И в свете вышеизложенного представляется уместным подчеркнуть, что Гоббс задолго до Дюги и других мыслителей XIX в. в своей главной книге описывает «обязанности людей сначала как представителей рода человеческого, далее – как граждан, наконец – как христиан», исходя из того, что «в этих обязанностях содержится как сущность оснований естественного и общенародного права, включая происхождение и силу справедливости, так и сущность христианской религии» [24, с. 287]¹³. Остается лишь заключить, что государство обеспечивает проведение в жизнь социальных обязанностей и прав граждан не только посредством закрепления их в парламентских актах, но и через судебное установление официальных нормативов равенства и справедливости. Таков интегративный взгляд на право.

¹³ Не устаревает предупреждение исследователя естественного права: «Польза от хорошо изложенного учения об обязанностях столь же велика, сколь велик вред, приносимый подменяющим его заблуждением» [22, с. 288].

Список литературы

1. Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2014. 320 с.
2. Клеандров М. И. Конституция Российской Федерации и системные проблемы судебной власти // Российское правосудие. 2014. № 2. С. 6.
3. Лазарев В. В. Учет решений Конституционного Суда Российской Федерации в законодательной деятельности // Проблемы исполнения федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации решений Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. М.: Формула права, 2001. С. 91–100.
4. Лазарев В. В. Российский парламент как адресат решений Конституционного Суда // Парламентаризм: проблемы теории, истории, практики: сб. научных статей к 60-летию заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Исакова Владимира Борисовича. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 54–65.
5. Бернам Уильям. Правовая система США. 3-й вып. / под ред. В. А. Власихина. М.: Новая юстиция, 2006. 1216 с.
6. Эрлих О. Основоположение социологии права. СПб.: Университетский издательский консорциум, 2011. 704 с.
7. Зорькин В. Право в условиях глобальных перемен. URL: http://rapsinews.ru/international_publication/20130515/267367948.html (дата обращения: 20.02.2016).
8. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. 544 с.
9. Гук П. А. Нормотворческая функция высших судебных органов России // Правовое государство и правосудие: проблемы теории и практики: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конференции 15–19 апреля 2013 г. М.: РАП, 2014. 544 с.
10. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006. 644 с.
11. Суд как субъект правовой политики / под ред. А. В. Малько. М.: Юрлитинформ, 2014. 232 с.
12. Лазарев В. В. Избранные труды. В 3 т. Т. I: Закон. Законность. Применение закона. М.: Новая юстиция, 2010. 648 с.
13. Лазарев В. В. Ограничение прав и свобод как теоретическая и практическая проблема // Журнал российского права. 2009. № 9. С. 45.
14. Ямшанов Б. Ошибка в законе // Российская газета. 2007. № 275. 7 декабря.
15. Лазарев В. В. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в установлении и преодолении ошибок законодателя // Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах: материалы Междунар. науч.-практ. круглого стола

(29–30 мая 2008 г.) / под ред. В. М. Баранова, И. М. Мацкевича. М.: Проспект, 2008. 1115 с.

16. Бруно Л. Свобода и закон. М.: ИРИСЭН, 2008. 312 с.

17. Исаев И. А. Власть и закон в контексте иррационального. М.: Юрист, 2006. 478 с.

18. Ямпольский М. Физиология символического. Кн. 1: Возвращение Левиафана. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 800 с.

19. Кравиц В. Юридическая коммуникация в современных правовых системах (теоретико-правовая перспектива) // Правоведение. 2011. № 5. С. 18.

20. Лазарев В. В. Права человека и права гражданина: диалектика отношений // Новая юстиция. Журнал судебных precedентов. 2009. № 1.

21. Рабинович П. М. Вступительное слово // Неклассическая философия права: вопросы и ответы / ред. А. В. Стомба. Харьков: Тарасенко В. П., 2013. 272 с.

22. История политических и правовых учений / отв. ред. В. В. Лазарев. М., 2008. 917 с.

23. Романов И. Естественные права. URL: http://confuz.ru/plugins/p2_news/printarticle.php?p2_articleid=733 (дата обращения: 20.02.16).

24. Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. М., 1964.

Дата поступления 21.02.16

Дата принятия в печать 25.04.16

© Лазарев В. В., 2016. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; лицензия Татарского образовательного центра «Таглитат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.ieml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Лазарев Валерий Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА); заведующий отделом имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
Адрес: 117218, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34, тел.: + 7 (495) 719-70-00
E-mail: lazarev@izak.ru

V. V. LAZAREV¹

¹ *Moscow State Juridical University named after O. E. Kutafin;*

Institute for Legislation and Comparative Law Studies at the Russian Government, Moscow, Russia

PERCEPTION OF THE JUDICIARY LAW BY THE LAW-MAKER

Objective: to develop conceptual-theoretical provisions and scientific recommendations for the implementation of judiciary decisions in the legislation of the Russian Federation.

Methods: universal dialectic method of cognition, as well as the general scientific and private research methods based on it.

Results: the necessity to analyze the fundamental (precedent) judicial decisions for the possible implementation of the legal positions of courts into legislative acts. The problem is not confined to the perception of provisions created by the constitutional (charter) courts. The paper shows the main directions of future activities on the implementation idea. The operation of the Department is shown, which was created at the Institute for Legislation and Comparative Law at the Government of the Russian Federation, entrusted with the relevant functions.

Scientific novelty: the mechanism of implementation of judiciary decisions in the Russian legislation has been developed and introduced into scientific circulation.

Practical significance: the findings of this paper can be used in scientific, legislative and law-enforcement activities, and the educational process of institutions of higher education.

Keywords: Theory and history of state and law; Natural law; Positive law; Communication; Integrative approach; Court; Judicial decision; Implementation; Legal positions; Precedent; Monitoring; Innovation; Source of law; Improvement of legislation

Лазарев В. В. Восприятие законодателем судебного права / Lazarev V. V. Perception of the judiciary law by the law-maker

References

1. Gadzhiev, G. A. *Ontologija prava (kriticheskoe issledovanie juridicheskogo koncepta dejstvitel'nosti)* (Ontology of law (critical research of the juridical concept of reality)), Moscow: Norma, NIC INFRA-M, 2014. 320 p. (in Russ.).
2. Kleandrov, M. I. Konstitucija Rossijskoj Federacii i sistemnye problemy sudebnoj vlasti (Constitution of the Russian Federation and systemic problems of judiciary power), *Rossijskoe pravosudie*, 2014, No. 2, p. 6 (in Russ.).
3. Lazarev, V. V. Uchet reshenij Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii v zakonodatel'noj dejatel'nosti (Account of the Russian Constitutional Court's decisions in legislative activity), *Problemy ispolnenija federal'nymi organami gosudarstvennoj vlasti i organami gosudarstvennoj vlasti sub'ektov Rossijskoj Federacii reshenij Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii i konstitucionnyh (ustavnyh) sudov sub'ektov Rossijskoj Federacii* (Issues of executing the Russian Constitutional Court's decisions and the Russian subjects' constitutional (charter) courts' decisions by the Russian federal state and subjects' authorities), Moscow: Formula prava, 2001, pp. 91–100 (in Russ.).
4. Lazarev, V. V. Rossijskij parlament kak adresat reshenij Konstitucionnogo Suda (Russian Parliament as the addressee of the Constitutional Court's decisions), *Parlamentarizm: problemy teorii, istorii, praktiki: sb. nauchnyh statej k 60-letiju zaslužennogo jurista RF, doktora juridicheskich nauk, professora Isakova Vladimira Borisovicha* (Parliamentarism: problems of theory, history, practice: collection of scientific works to the 60th anniversary of an Honored Lawyer of Russia, Doctor of Law, Professor Isakov Vladimir Borisovich), Moscow: Jurlitinform, 2010, pp. 54–65 (in Russ.).
5. Bernam, U. *Pravovaja sistema SShA* (Legal system of the USA), is. 3, Moscow: Novaja justicija, 2006, 1216 p. (in Russ.).
6. Jerlih, O. *Osnovopolozhenie sociologii prava* (Principles of the sociology of law), Saint Petersburg: Universitetskij izdatel'skij konsorcium, 2011, 704 p. (in Russ.).
7. Zor'kin, V. *Pravo v uslovijah global'nyh peremen* (Law under global changes), available at: http://rapsinews.ru/international_publication/20130515/267367948.html (access date: 20.02.2016) (in Russ.).
8. Bondar', N. S. *Sudebnyj konstitucionalizm v Rossii v svete konstitucionnogo pravosudija* (Court constitutionalism in Russia in the light of constitutional justice), Moscow: Norma; INFRA-M, 2011, 544 p. (in Russ.).
9. Guk, P. A. Normotvorcheskaja funkcija vysshih sudebnyh organov Rossii (Norm-making function of the higher court bodies in Russia), *Pravoe gosudarstvo i pravosudie: problemy teorii i praktiki: materialy VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konferencii 15–19 aprelya 2013 g.* (Legal state and justice: problems of theory and practice: works of the 8th International scientific-practical conference 15–19 April, 2013), Moscow: RAP, 2014, p. 512–513 (in Russ.).
10. Hajek, F. *Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda: Sovremennoe ponimanie liberal'nyh principov spravedlivosti i politiki* (Law, legislation and freedom: Modern interpretation of liberal principles of justice and policy), Moscow: IRISJeN, 2006, 644 p. (in Russ.).
11. Mal'ko, A. V. *Sud kak sub'ekt pravovoj politiki* (Court as a subject of legal policy), Moscow: Jurlitinform, 2014, 232 p. (in Russ.).
12. Lazarev, V. V. *Izbrannye trudy* (Selected works), in 3 v., vol. I: *Zakon. Zakonnost'. Primenenie zakona* (Law. Order. Implementation of law), Moscow: Novaja justicija, 2010, 648 p. (in Russ.).
13. Lazarev, V. V. Ogranichenie prav i svobod kak teoreticheskaja i prakticheskaja problema (Limitation of rights and freedoms as theoretical and practical problem), *Zhurnal rossijskogo prava*, 2009, No. 9, p. 45 (in Russ.).
14. Jamshanov, B. Oshibka v zakone (Mistake in law), *Rossijskaja gazeta*, 2007, No. 275, 7 dekabrja (in Russ.).
15. Lazarev, V. V. Rol' Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii v ustanovlenii i preodolenii oshibok zakonodatelya (Role of Constitutional Court of the Russian Federation in ascertainment and elimination of law-maker's mistakes), *Pravotvorcheskie oshibki: ponjatie, vidy, praktika i tehnika ustraneniya v postsovetskij gosudarstvah: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. kruglogo stola (29–30 maja 2008 g.)* (Law-making mistakes: notion, types, practice and technique of elimination in the post-Soviet states: works of International scientific-practical Round table (29–30 May, 2008)), Moscow: Prospekt, 2008, 1115 p. (in Russ.).
16. Bruno, L. *Svoboda i zakon* (Freedom and law), Moscow: IRISJeN, 2008, 312 p. (in Russ.).
17. Isaev, I. A. *Vlast' i zakon v kontekste irracional'nogo* (Power and law in the context of irrational), Moscow: Jurist, 2006, 478 p. (in Russ.).
18. Jampol'skij, M. *Fiziologija simvolicheskogo* (Physiology of the symbolic). B. 1: *Vozvrashhenie Levifana* (Return of Leviathan), Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004, 800 p. (in Russ.).
19. Kravic, V. Juridicheskaja kommunikacija v sovremennyh pravovyh sistemah (teoretiko-pravovaja perspektiva) (Juridical communication in the modern legal systems (theoretical-legal prospective)), *Pravovedenie*, 2011, No. 5, p. 18 (in Russ.).
20. Lazarev, V. V. Prava cheloveka i prava grazhdanina: dialektika otnoshenij (Rights of a human and rights of a citizen: dialectics of relationships), *Novaja justicija. Zhurnal sudebnyh precedentov*, 2009, No. 1 (in Russ.).
21. Rabinovich, P. M. Vstupitel'noe slovo (Foreword), *Neklassicheskaja filosofija prava: voprosy i otvety* (Non-classical philosophy of law: questions and answers), Har'kov: Tarasenko V. P., 2013, 272 p. (in Russ.).
22. Lazarev V. V. *Istorija politicheskich i pravovyh uchenij* (History of political and legal doctrines), Moscow, 2008, 917 p. (in Russ.).
23. Romanov, I. *Estestvennye prava* (Natural rights), available at: http://confuz.ru/plugins/p2_news/printarticle.php?p2_articleid=733 (access date: 20.02.16) (in Russ.).
24. Gobbs, T. *Leviafan (Leviathan)*, Gobbs, T. *Izbrannye proizvedeniya* (Selected works), in 2 v., vol. 2, Moscow, 1964 (in Russ.).

Received 21.02.16

Accepted 25.04.16

© Lazarev V. V., 2016. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; Licensee Tatar Educational Centre “Taglimat”. This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), which permits unrestricted use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.

Information about the author

Valeriy V. Lazarev, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Russian Federation, Professor of the Chair of Theory of State and Law, Moscow State Juridical University named after O. E. Kutafin; Head of the Department of Court Decisions Implementation in the Russian Legislation, Institute for Legislation and Comparative Law Studies at the Russian Government

Address: 34 Bolshaya Chermushkinskaya Str., 117218, Moscow, tel.: + 7 (495) 719-70-00

E-mail: lazarev@izak.ru

For citation: Lazarev V. V. Perception of the judiciary law by the law-maker, *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, vol. 10, No. 2, pp. 158–169.

ПОЗНАНИЕ

Мировая художественная культура : учеб.-практ. комплект / автор-сост. Е. Л. Яковлева. – Казань : Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2015. – 188 с.

Учебно-практический комплект включает в себя примерную программу курса «Мировая художественная культура» с содержанием, вопросами практических занятий для осмысления и зачетного опроса для проверки знаний, связанных с пониманием, блоком организационно-методической работы, итоговым тестом, а также хрестоматией, включающей в себя тексты по истории мировой художественной культуры.

Может быть рекомендован в качестве дополнительной учебной литературы по дисциплинам: МХК, религиоведение, философия, культурология, культура и межкультурное взаимодействие в современном мире, краеведение.

НАЛОГОВОЕ ПРАВО / TAX LAW

УДК 347.73

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.2.170-185>

Как цитировать статью: Бачурин Д. Г. Институциональные парадоксы НДС в условиях развивающейся экономики переходного периода // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 2. С. 170–185.

Д. Г. БАЧУРИН¹

¹ Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПАРАДОКСЫ НДС В УСЛОВИЯХ РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ ЭКОНОМИКИ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Цель: определение характеристик деструктивного воздействия налогообложения добавленной стоимости в режиме налога на добавленную стоимость (НДС) на социально-экономическое положение Российской Федерации.

Методы: в основу исследования положена комплексная экономико-правовая методология с использованием институционального подхода, учитывающего специфику внутринациональных социально-экономических и правовых реалий, определяющих условия функционирования отраслей и отдельных предприятий российской экономики.

Результаты: рассмотрены условия и особенности введения НДС в Российской Федерации; вскрыты причины формирования и упрочения в отечественной налоговой системе проблемного налогообложения добавленной стоимости; проанализированы социально-экономические последствия применения НДС; обоснована состоятельность идеи замены НДС налогом с оборота.

Научная новизна: сформулировано концептуальное положение о том, что в реалиях реформируемой экономики Российской Федерации нормативно-правовой контур налогообложения добавленной стоимости дополняет накапливаемый разрушительно-деструктивный потенциал, преграждающий путь к индустриальному росту в национальной экономике, расширяет асимметричность условий функционирования различных форм собственности, а фактичность отечественного переходного периода не соответствует основной идее и задачам НДС как института эффективного перемещения значительной части вновь создаваемой добавленной стоимости в социальные сектора и модернизирующего влияния на производительные силы в целях технологического совершенствования промышленности.

Практическая значимость: положения и выводы статьи могут быть использованы при обсуждении вопросов о необходимости реформирования в Российской Федерации НДС, в том числе путем перехода к налогу с оборота.

Ключевые слова: налоговое право; НДС; правовое регулирование налогообложения; принцип экономической обоснованности налога; ставка НДС; концепция развития налоговой системы

Введение

Постановка проблемы и необходимость исследования. Содержание и роль налогообложения добавленной стоимости (далее – НДС) как одного из доминирующих элементов налоговых систем совре-

менности продолжает оставаться в центре юридического и экономического дискурсов.

Настоящее обращение к этой теме обусловлено тем обстоятельством, что при обобщении имеющегося практического и теоретического материала открывает-

Бачурин Д. Г. Институциональные парадоксы НДС в условиях развивающейся экономики переходного периода /
Bachurin D. G. Institutional paradoxes of vat under developing economy of transition period

ся широкая панорама сложноструктурированного воздействия механизма правового регулирования НДС на общественную реальность, которая обнаруживает часто разнонаправленные интересы социально-экономических акторов и приводит в итоге к парадоксальным, на первый взгляд, выводам. Одним из таких выводов является утверждение, что современное теоретическое положение о безусловной всеобщей прогрессивности НДС [1, с. 13] есть научный миф. Аналогично тому, как руководители Международного валютного фонда в итоге прекращают длительную неудачную практику рекомендаций по экономическому росту государствам с переходной экономикой, а следование этим навязанным рецептам неизменно приводит развивающиеся страны к негативным последствиям, необходимо и в Российской Федерации обратить пристальное внимание на институционалии, которые были навязаны нашей стране в начале рыночных преобразований. В сфере налогообложения подобной сомнительной рекомендацией, безусловно, выступает НДС.

Поэтому автор выдвигает тезис о том, что в условиях переходной экономики налог с оборота является приемлемой альтернативой НДС, и предлагает положить его в начало дискуссии о необходимости отказа от НДС и перехода к налогу с оборота в Российской Федерации.

Методология исследования. В основу методологии настоящего исследования взят конституционно значимый принцип налогового права, закрепленный в п. 3 ст. 3 Налогового кодекса РФ (далее – НК) и устанавливающий правило экономического основания налогов. Соответственно, автор сосредотачивает внимание не на формальной проверке состоятельности юридической конструкции российского НДС, а рассматривает проблематику НДС с использованием комплексного экономико-правового подхода, в рамках которого сформулирована версия принципа экономической обоснованности налога, последовательно отстаиваемая Ю. А. Крохиной, о том, что «при установлении налога и определении его существенных элементов должны учитываться макро- и микроэкономические последствия как для государственной казны или определенной отрасли экономики, так и для конкретного налогоплательщика» [2; 3; 4, с. 74].

Дополнительным методологическим условием в данном случае выступает использование институ-

туционального подхода, учитывающего специфику внутринациональных социально-экономических и правовых реалий, определяющих условия функционирования отраслей и отдельных предприятий российской экономики. На важность этого условия обращают особое внимание отечественные парламентарии, отмечая в своем докладе, что «особенно опасен подход по копированию актов, норм и подходов, которые приводят к неоправданным шагам по имплементации образцов чужих решений. Можно закрепить норму, которая хорошо работает в другой стране, но система организации управления в ней сильно отличается от российской»¹.

Результаты исследования

История вопроса. В 1991 г. среди основных посылов по введению НДС в российскую налоговую систему, где уже присутствует вся акцизная линейка в виде отдельных акцизов, налогов с оборота и налога с продаж, берет верх взаимосвязанная идеологическая и фискальная мотивация.

Идеологический посыл состоит в привнесении западного налогового опыта в отечественную налоговую систему в контексте рыночных рекомендаций и «удачно» стыкуется с фискальными устремлениями по охвату максимально возможных объектов налогообложения. НДС предлагается как своеобразная панацея от всех существовавших финансовых проблем и не сопровождается предварительным факторным анализом возможных последствий его введения для отдельных отраслей отечественной экономики.

Задача облегчается тем, что в течение длительного времени господствующая неоклассическая традиция приуменьшает, а то и полностью игнорирует значение институциональных факторов [5], представляющих собой «правила игры», структурирующие взаимодействия социальных акторов, и предлагает модели равновесия, где экономическое развитие описывается как функция экзогенно задаваемых рядов переменных, таких как капитал, природные ресурсы, предложение труда и технологий.

Положенные в основу политики реформирования постулаты неолиберализма, таким образом, освобождают

¹ Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 2007 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации». М.: Совет Федерации, 2008. 672 с.

законодателя от учета реального состояния российской экономики и возможных последствий введения НДС. Дефицитность этого подхода состоит в том, что принятие НДС происходит в виде безусловной данности, которую впоследствии нужно приспособлять к объективной материальной реальности. При этом задача сохранения и модернизации отечественного производства не стоит. Напротив, ввиду явной неконкурентности российской промышленности на глобальных мировых рынках предполагается уничтожение ее значительной части в соответствии с «научно обоснованными» неолиберальными идеями о перенесении производства товаров в условия наименьших издержек [6, с. 297].

Автор не является сторонником гипотезы наличия «пятой колонны» в экономическом блоке современной российской элиты, но факт остается фактом – на коллапсирующую российскую экономику в 1992 г. обрушивается невероятно высокая ставка НДС в размере 28 %². Ее снижение поправкой от 16.06.1992 до 20 % предпринято в связи с отсутствием налоговых поступлений и массовым предъявлением предприятиями НДС к возмещению из бюджета. Но и такая ставка в совокупности с введением метода прямого расчета НДС в кратчайшие сроки оказывает разорительное воздействие на отечественное производство, и, если бы не вынужденный налоговый нигилизм большинства руководителей предприятий, принявших на свой страх и риск решения об ограниченной уплате НДС, вся отечественная обрабатывающая промышленность осталась бы в 1990-х.

Для сравнения: в год, предшествующий принятию законодательства о НДС в Российской Федерации, ставки НДС в наиболее развитых странах Евросоюза варьировались от 14 % в Германии до 18,6 % во Франции, 22 % в Швеции. На этом уровне ставки НДС находились после более чем 20 лет их применения, при первоначальном установлении в Германии (1968 г.) в размере 10 %, во Франции (1968 г.) – в 13,6 %, в Швеции (1969 г.) – 18 %³.

Важно отметить, что конец 1960-х характеризуется пиком темпов экономического развития в западном

мире, когда на повестку дня у западноевропейской элиты встают вопросы удержания промышленного производства на траектории подъема, запуска социальных секторов экономики и расширения процессов общеевропейской интеграции. НДС становится идеальным налоговым инструментом в контексте решения данной проблематики. Настолько идеальным, что евробюрократия объявляет НДС условием членства в ЕС и активно развивает нормативно-правовое регулирование НДС на наднациональном уровне, обращая внимание на мягкое, при минимальных первоначальных ставках, внедрение НДС в налоговые системы членов ЕС (в Австрии – 8 %, в Великобритании – 10 %, в Италии, Испании, Нидерландах – 12 %) [7, с. 473].

Однако даже в пору всеобщего триумфа НДС решения о его признании не всегда принимаются автоматически. Широкие дискуссии о целесообразности введения НДС в Великобритании начинаются после доклада «Благоприятные условия для обеспечения быстрого экономического роста» (Conditions Favorable for Faster Growth) [8, с. 39] в Британском национальном совете по экономическому развитию в апреле 1963 г., в ходе которых основным аргументом в пользу введения нового налога становится не прямая экономическая целесообразность, а политическое решение об участии в процессе формирования и становления европейского сообщества [9, с. 15]. Британская управляющая элита в целом достаточно скептически воспринимает экономическую обоснованность НДС для экономики Соединенного Королевства, но необходимость участия в рыночной интеграции Европы перевешивает доводы, высказываемые против НДС.

Справедливо упомянуть, что в начале 2000-х гг. западные исследователи переходят к попыткам «эндогенизировать»⁴ процесс роста и утверждают, что «институты имеют значение» [10], а «международные финансовые и экономические механизмы срабатывают контрпродуктивно в отношении развивающихся стран» [11, с. 311].

Однако теоретический разворот неолиберальной экономической науки уже не оказывает влияния на правовое регулирование добавленной стоимости в Российской Федерации. В итоге российский НДС

² Закон РФ № 1992-1 «О налоге на добавленную стоимость» от 06.12.1991 // Ведомости СНД и ВС РСФСР № 52 от 26.12.1991. Ст. 1871.

³ Материалы официального сайта Европейской комиссии. Раздел «Налоговый и таможенный союз». URL: http://ec.europa.eu/taxation_customs/index_en.htm (дата обращения: 12.02.2016).

⁴ В настоящем контексте имеется в виду «сделать внутренним», развивающимся на основе внутренних институтов, а не внешних факторов.

в течение двадцати пяти лет находится в стадии реформирования и, по утверждениям российских авторов [12, 13, 14], отличается недостаточной теоретической разработанностью и юридическим несовершенством. Многолетние труды по приспособлению НДС к отечественным социально-экономическим реалиям не приводят к успеху и требуют постоянных корректирующих дополнений к гл. 21 НК РФ. Для того чтобы НДС действительно обрел качества соответствия основным принципам налогового права, необходимо, чтобы действие налогообложения добавленной стоимости было направлено в сторону общественно принимаемых и экономически обусловленных результатов, а не против них. В качестве такой меры ряд авторов обосновывают снижение ставки НДС, которое может стать «не только средством стимулирования экономической активности в силу того, что формирует конечную цену произведенной продукции, но также способствует снижению теневого сектора экономики в сфере налогообложения» [15, с. 824].

С другой стороны, НДС оказывается чрезвычайно удобным для реализации широкого спектра задач номенклатурного управления и за время своего применения уже настолько «пророс» в систему распределительных отношений и интересов российской управляющей бюрократии, что чиновники грудью встают на его защиту с заявлениями о фискальной несопоставимости НДС выдвигаемой альтернативе налога с продаж⁵.

Более того, в 2015 г. в дополнение к многочисленным манипулятивным возможностям в условиях коррупционной системы государственного управления НДС внезапно обретает еще и явно полицейские функции. При сдаче деклараций по НДС в бумажном виде или даже в форме электронных файлов информация о налогоплательщике еще ограничена итоговыми показателями выручки и суммами НДС за отчетный период. С введением требования об отправках электронных файлов книг покупок-продаж с информацией о счетах-фактурах информационный контур финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика приобретает заверченный вид с фактически неопределенным до-

ступом. В соответствии с порядком, действовавшим до 31.12.2014, ознакомление со счетами-фактурами могло производиться лишь в рамках налоговой проверки уполномоченными должностными лицами налогового органа при соблюдении формальных процедур. В условиях электронного накопления всей операционной информации о финансово-хозяйственной деятельности организаций, отражаемой в счетах-фактурах, налогоплательщик фактически полностью открывается для пользователей баз данных налоговых органов. При всеобъемлющей коррупции руководителей и уполномоченных лиц налоговых органов, наглядно продемонстрированной в ходе тотальных мошенничеств с НДС в 2006–2015 гг., не остается сомнений, что круг пользователей данной информации будет расширен не только за счет представителей контролирующих и правоохранительных органов.

К этой последней «новации» в налогообложении добавленной стоимости в полной мере можно отнести характеристики, данные сомнительным нормативно-правовым «новациям» последних лет В. Д. Зорькиным: «На мой взгляд, для России опасна та постмодернистская новизна "глобальной турбулентности", которая размывает устойчивую массовую мораль с ее представлениями о справедливом и должном, пытаясь заменить ее всеохватывающей толерантностью ко всем – даже самым радикальным – индивидуальным нормам. Эта новизна опасна потому, что разрушает то пока еще существующее в нашей стране моральное большинство, которое способно стать социальной опорой реформирования» [16]. Новации с электронными счетами-фактурами грозят стать тем рычагом, который ставит под жесткий коррупционный контроль и в итоге разрушает «моральное большинство» в предпринимательстве, а ожидаемые позитивные эффекты подобного мониторинга в деле выявления фирм-однодневок могут быть легко преодолены путем усложнения цепочек транзакций с НДС. При этом ничто не запрещает одной из организаций-звеньев декларировать НДС к уплате, но не уплачивать его, а оставаться с налоговой недоимкой, легализуя возмещение НДС другим участникам схемы.

Нельзя не обратить внимания на риторику тех сравнительных исследований, где альтернативой НДС систематически выступает налог с розничных продаж. Единственной видимой причиной таких сравнений оказывается явная предопределенность их итогов в пользу НДС ввиду несопоставимости фискальных

⁵ Правительство РФ против налога с продаж. 25.12.2012. URL: <http://ria.ru/economy/20121225/916217759.html>; <http://www.forbes.ru/news/231497-medvedev-vystupil-protiv-zameny-nds-na-nalog-s-prodazh> (дата обращения: 12.02.2016).

потенциалов НДС и налога с продаж. Претендующим на наибольшую развернутость и репрезентативность в этом ряду выступает исследование Института экономики переходного периода, выполненное в 2010 г. за счет средств Агентства международного развития США. Авторы отвергают необходимость «революционной модернизации налога», подвергая проверке заведомо несостоятельные варианты:

- замены НДС налогом с продаж;
- перехода к применению балансового метода при исчислении НДС [17].

Очевидно, что процесс научного поиска в рассматриваемой сфере испытывает воздействие не только российской властной элиты, которая приспособливает НДС для централизованного изъятия добавленной стоимости и последующего дотационного перераспределения, усиливающего влияние центра на субфедеральном уровне [18], а налог с продаж периодически рассматривает в качестве дополнительного платежа для поддержки консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации, но и контролирующее влияние соответствующих служб правительства США⁶.

В связи с кризисом вертикального распределения платежей от налогообложения добавленной стоимости, который выразился в том, что лишь три субъекта РФ из 85 к началу 2015 г. остаются с бездотационными бюджетами, в разработанном Министерством финансов РФ документе «Основные направления бюджетной политики на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов» вновь «предусматривается возможность введения регионами налога с продаж со ставкой в размере до 3 %»⁷.

⁶ Деятельность Агентства США по международному развитию (АМР) в Российской Федерации прекращена с 1 октября 2012 г. В связи с этим официальный представитель МИД России Александр Лукашевич пояснил, что «такое решение вызвано в первую очередь тем, что характер работы представителей агентства в нашей стране далеко не всегда отвечал заявленным целям содействия развитию двустороннего гуманитарного сотрудничества. Речь идет о попытках влиять через распределение грантов на политические процессы».

Воробьев В. Дети капитала гранта // Российская газета. 2012. № 5889 (216). 20 сентября. URL: <http://rg.ru/2012/09/19/usaaid-site.html> (дата обращения: 12.02.2016).

⁷ Основные направления бюджетной политики на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов. Текст документа взят с публикации на сайте. URL: <http://www.minfin.ru> (по состоянию на 11.07.2014).

Предлагаемая аргументация. Ни научное сообщество налоговедов, ни практические специалисты не предпринимают никаких шагов для разработки принципиально важной проблематики несостоятельности НДС и проверки возможности перехода к налогу с оборота. Имеются лишь единичные упоминания о гипотезе перехода от НДС к налогу с оборота, не содержащие пояснительной аргументации. В частности, В. Садков и Д. Аронов, предлагая модель налоговой системы РФ, определяют, что «вместо налога на добавленную стоимость и налога с продаж должен быть введен один "налог с выручки", где в качестве налогооблагаемой базы берется объем выручки от реализации (оптовой или розничной продажи). Это обусловлено большей простотой расчета и сбора налога по сравнению с расчетами и сбором налога на добавленную стоимость» [19]. В публикациях на тему замены НДС налогом с оборота в основном не подвергается сомнению положение о том, что налогоплательщик несет необоснованно высокие издержки, уплачивая налог с суммы налога, включенного в цену приобретения материальных ресурсов. При этом обычно авторы ошибочно используют термин «налог с продаж», который взимается однократно при розничной реализации товаров и услуг физическим лицам. Так, Н. Н. Баценков указывает, что «цена товара зависит от количества звеньев в цепочке "производитель – конечный покупатель". А если цепочка будет содержать много звеньев, цена продукции, прежде всего за счет налога с продаж, может увеличиться в разы» [20]. Однако если внимательно рассмотреть влияние каскадного эффекта налогообложения оборота, то выяснится несколько иная картина.

При ставке налога с оборота в 10 % налогоплательщик теряет на втором обороте 1 % от суммы реализации, при ставке 7 – 0,49 %, при ставке 5 – 0,25 %. Такие потери могут быть компенсированы добавленной стоимостью, возрастающей на каждой следующей ступени разделения труда. Очевидно, что чем выше уровень переработки, тем значительней увеличивается стоимость вновь создаваемого продукта на следующей стадии производства.

Каскадные издержки предпочтительней в сравнении с издержками и рисками, которые несет добросовестный предприниматель в режиме уплаты НДС.

Арбитражная практика неопровержимо свидетельствует, что более половины судебных споров в сфере налогообложения связаны с проблематикой налого-

обложения добавленной стоимости, а их итогом в большинстве случаев становится прекращение финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщиков⁸.

Кроме того, переход к налогообложению оборота позволяет достичь тех целей, которые безуспешно пытаются решить сторонники модернизации НДС. Замена НДС налогом с оборота обеспечивает разрешение массы накопившихся проблем:

1) снижение налоговой нагрузки промышленных предприятий и более равномерное ее перераспределение по всему кругу налогоплательщиков [15, с. 824–825]. «В отличие от остальных налогов НДС оказывает непосредственное влияние на ценообразование конечной продукции, повышая при этом затраты предприятий в последующих звеньях реализации товаров, а также снижая покупательскую способность населения» [21];

2) преодоление сложности исчисления НДС и высокого, практически не снижаемого постоянного риска налогоплательщика⁹;

3) ликвидация «стимулов для коррупции» [22] и злоупотреблений с НДС со стороны организованных групп бюрократии, состоящих из чиновников правоохранительных, контролирующих и судебных органов;

4) закрытие сектора криминальной экономики НДС-мошенничеств [23];

5) высвобождение значительных сил и средств налогового администрирования и контроля;

6) интеграция малого предпринимательства (субъектов упрощенной системы налогообложения, не уплачивающих НДС) в систему разделения труда крупного и среднего бизнеса.

Если провести структурный анализ изменений налогового воздействия при переходе от НДС к налогу с оборота, то выяснится, что в промышленном произ-

водстве от запретительно-высокого НДС-обложения освобождаются заработная плата, амортизация, процентные платежи за кредитные средства и другие производственные затраты, по которым не возмещается НДС.

Когда дешевый труд выступает ресурсом экономического развития и получения конкурентных преимуществ на глобальных рынках, как это происходит в течение последних 30 лет в развивающихся экономиках Индии и Китая, нельзя выбирать заработную плату в качестве преимущественного предмета налогообложения. В теоретическом аспекте верность данного утверждения абсолютно очевидна при прямом способе расчета НДС, однако при детальном рассмотрении оно справедливо и во всех остальных вариантах. В переходный период дешевый труд выступает ресурсом развития до тех пор, пока не созданы высокотехнологичные рабочие места. Высокий уровень налогообложения труда закрывает возможности для сохранения профессиональных кадров и компетенций в производстве промышленной продукции и, наоборот, открывает внутренний рынок для замещения российских товаров более дешевыми и качественными зарубежными аналогами.

Поэтому если содержательно вести речь об импортозамещении, то первоочередной мерой должна стать отмена НДС и введение налога с оборота. Таким образом, промышленное производство сразу получает комплекс положительных налоговых эффектов – радикальное снижение налогообложения для производственного сектора экономики, расширяющее ресурсы предприятий для технологического переоснащения в части труда, кредитных ресурсов и амортизации. В условиях сетевой организации и фрактального построения современного производства можно легко избежать каскадного эффекта при налогообложении оборота. В тех случаях, когда каскадный эффект налога с оборота непреодолим, его значительно снижает положение, при котором на каждой следующей стадии производственного цикла стоимость передела продукции можеткратно увеличиваться в сравнении с предыдущей.

В большей, но не критичной степени каскадный эффект проявляется в торгово-посреднических операциях, приносящих неоправданно высокие доходы. Принципиально важно, что в новом режиме налогообложения для торгово-финансового посреднического капитала объективно сужаются возможности уклоне-

⁸ Тимин Е. Рейтинг безопасности налоговых схем за II полугодие 2014 года. Практическое налоговое планирование. 30.10.2014. URL: <http://www.nalogplan.ru/article/3653-reyting-bezopasnosti-nalogovyh-shem-zaiipolugodie-2014goda> (дата обращения: 12.02.2016.)

⁹ В данном случае речь идет о целой группе НДС-рисков, основным из которых является риск недобросовестного контрагента, или так называемых компаний-однодневок, не уплачивающих налоги, через которые могут проводиться фактические поставки товаров добросовестным организациям-налогоплательщикам.

ния от уплаты налога, поскольку налогообложение оборота отличается простотой и прозрачностью процедур налогового контроля. Замещение НДС налогом с оборота при снижении налоговой ставки ведет к увеличению фактической налоговой нагрузки торгового-финансового капитала до экономически обоснованных величин для данного сектора экономики.

С позиций международной торговли переход от НДС к налогу с оборота также не вызывает непреодолимых проблем. При экспорте произведенные товары могут облагаться по ставке 0 %, а к операциям по ввозу может быть применена специальная ставка, равная общей ставке налога с оборота либо несколько выше ее.

Автор не подвергает сомнению общие теоретические посылы о преимуществах НДС, но утверждает, что эти достоинства работают в развитой экономике с передовым технологическим уровнем производительных сил и судебными институтами, гарантирующими защиту прав собственности.

Исключительно при наличии таких условий НДС продуцирует эффекты снижения общей стоимости труда через увеличение его технологичности и производительности. При перераспределении поступлений в социальные сектора экономики НДС повышает уровень общественного благосостояния, снижает безработицу, обеспечивает платежеспособный потребительский спрос.

Лабораторно-стерильные сопоставления неприемлемы для исследования налоговых конструкций – и НДС, и налог с оборота, и налог с продаж бессмысленно подвергать абстрактной оценке вне конкретных социально-экономических условий их применения. Научный миф о НДС как налоговом инструменте, безусловно способствующем максимизации общего социального благосостояния, практически сразу обнаруживает свою несостоятельность, как только технический скелет налогообложения добавленной стоимости втискивается в матрицу переходной экономики с пороками государственно-правовых институтов обеспечения прав собственности.

В реалиях реформируемой экономики на этапе перехода налоговый инструментарий НДС начинает воспроизводить разрушительно-деструктивный потенциал. Можно сколько угодно теоретизировать в попытках приспособления НДС под фискальные приоритеты российской управляющей элиты, можно и далее проводить многолетние безуспешные натурные

эксперименты над собственным производством и экономикой в целом, но истина состоит в том, что НДС прежде всего эффективный налоговый инструмент социального государства с высокотехнологическим уровнем промышленности. Практическое применение российского НДС свидетельствует, что механизм правового регулирования изъятия добавленной стоимости не учитывает и не воспринимает необходимость перераспределения неравномерно распределенного богатства [24], предусмотренную теорией максимизации общей полезности [25]. Напротив, НДС, погруженный в отечественные реалии, способствует появлению петель обратного влияния, активно расширяющих поляризации распределенного богатства.

Объективно НДС в развивающейся переходной экономике работает на основе принципа максимизации богатства (wealth maximization) [26], который диаметрально отличен от «принципа максимизации общей полезности, существующей в рамках общества» [27, с. 72], положенного в основу функционирования системы НДС развитых экономик социально ориентированных стран Северной Европы и направленного в интересах максимизации общего социального благосостояния.

НДС – это институт эффективного перемещения значительной части вновь создаваемой добавленной стоимости в социальные сектора национальной экономики и непрерывной перенастройки производительных сил в целях технологического совершенствования промышленности, которая в пределе должна функционировать при все более радикальном минимуме работников или вообще без таковых. Предел сегодня уже достигнут на ряде предприятий Японии, когда в круглосуточно работающих цехах выключено освещение, поскольку в нем нет необходимости для сенсорно ориентированного роботизированного оборудования [28]. Кроме того, важнейшая роль в деле эффективного функционирования системы НДС принадлежит национальным правовым институтам, ограждающим предпринимателей от чрезмерных притязаний со стороны государственных администраторов и препятствующих расширению НДС.

Российская Федерация в настоящее время не отвечает ни одному из трех основных критериев необходимости и достаточности введения НДС:

– отсутствует перераспределение добавленной стоимости в социальные сектора национальной экономики. Они не расширяются и финансируются по остаточному принципу с задачей максимально воз-

возможного сокращения затрат, что влечет деградацию сфер образования, здравоохранения и культуры;

– сохраняется крайне низкий технологический уровень отечественных предприятий, отсутствует производство современного металлообрабатывающего оборудования;

– предпринимательская деятельность сопровождается высокими рисками отъема собственности.

Система НДС дает очевидные сбои и все более обнаруживает свои недостатки. Официальная статистика констатирует, что фискальные показатели не просто падают, а в значительной части регионов страны становятся отрицательными. При этом сформировалась достаточно устойчивая группа субъектов РФ, где на протяжении всего наблюдаемого периода суммы возмещения из бюджета превышают поступления НДС (табл. 1).

Экспертные оценки потерь от НДС-деликтов составляют более 25 % от общей суммы НДС, уплачиваемого в бюджет [23]. В частности, в 2008 г. в ходе проверок НДС по Свердловской области было начислено 8 849,8 млн рублей, что составляет 29 % от 30 239,1 млн рублей налога на добавленную стоимость, поступившего в бюджет [15, с. 824]. Исследователи отмечают, что «принятые меры, в принципе, позволяют посчитать, сколько украдено из бюджета средств, но, к сожалению, не могут воспрепятствовать этому»¹⁰. Однако более значимым в настоящей статье представляется не обзор широкомасштабных проявлений криминальных эффектов в виде НДС-мошенничеств, в основном осуществляемых с участием или под руководством работников контролирующих и правоохранительных органов, а выявление роли НДС как одного из важнейших стратегических инструментов управляющей элиты в достижении целей концентрации собственности и власти. В качестве подтверждения приоритета указанного применения НДС следует отметить позиции, заявленные в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.

В перечне основных секторов экономики, перечисленных в приложении № 2 «Структура добавленной стоимости по основным секторам экономики», отсутствуют сектора промышленного производства

и обрабатывающих отраслей промышленности, что вызывает предположение об их учете в строке «прочие сектора», где запланировано падение доли совокупной добавленной стоимости в течение 2015–2020 гг. на 2,3 % [29]. Среди пяти основных поименованных секторов экономики отдельно указан сектор оптовой и розничной торговли с прогнозом ощутимо высокой и не снижаемой на протяжении всего периода доли суммарной добавленной стоимости в размере 17 %. Таким образом, стратегические ориентиры процессов налогового уничтожения отечественной промышленности остаются неизменными, как и сохранение налоговых преференций для торгового капитала.

Современная история многократно отмечена выраженными противоречиями между владельцами разных видов собственности по поводу итогов распределения связанных с ней доходов. В частности, это противоречие сформулировано и учтено при создании основ правового регулирования США. Один из авторов американской конституции и четвертый президент США Д. Мэдисон отмечает, что «у цивилизованных народов с неизбежностью формируются интересы землевладельцев, промышленников, торговцев и банкиров, и эти интересы разделяют их на различные классы, возбуждаемые различными взглядами и чувствами. Принципиальная задача современных законодательств заключается в регулировании этих разнообразных и мешающих друг другу интересов, что и привносит дух партийных раздоров в необходимые и обычные действия правительства» [30].

Если принять во внимание принципиальное отличие производственного капитала от торгового и финансового, то суть происходящего явственно проступает в поле правительственной риторики, под прикрытием которой в стране ведется жесткая борьба между промышленным и торгово-финансовым капиталом. Торговый капитал легко переместить на любую территорию. Его расширение возможно на основе определения задач на ближайшую перспективу и краткосрочного кредитного финансирования.

Производственный капитал привязан к месту производства и размещения ресурсов. Он имеет материальное воплощение в средствах производства. Его нельзя легко переместить без ощутимых потерь. Для качественного расширения производственного капитала необходимы долгосрочные инвестиции и длинный горизонт планирования.

¹⁰ О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года // Собрание законодательства РФ № 47 от 24.11.2008. Ст. 5489.

Таблица 1

Субъекты РФ, где суммы возмещения из бюджета превышают поступления НДС (2006–2015 гг.)* /
Table 1. Russian Federation subjects, in which the sum of reimbursement from the budget exceed VAT payments
(2006–2015)*

Наблюдаемый период (календарный год) / Observed period (calendar year)	Перечень субъектов РФ с превышением сумм возмещения НДС над поступлениями в бюджет / List of the Russian Federation subjects, in which the sum of reimbursement exceed payments to the budget	Общее число субъектов РФ/число субъектов РФ с отрицательным показателем НДС/их доля в % / Total number of the Russian Federation subjects / number of the Russian Federation subjects with negative VAT / their share in %	Размеры возмещения НДС из бюджета РФ (млрд руб.) / Size of the VAT reimbursement from the Russia budget (bln rubles)
2015	Ненецкий АО, Еврейская АО, Чукотский АО, Новгородская, Магаданская, Амурская, Липецкая, Тульская области, республики Бурятия, Калмыкия, Хакасия, Якутия / Nenets Autonomous Okrug (AO), Jewish Autonomous oblast, Chukotskiy AO, Novgorod, Magadan, Amur, Lipetsk, Tula oblasts, republics Buryatia, Kalmykia, Khakassiya, Yakutia	83/12/14,46	21,47
2014	Ненецкий, Чукотский АО, Еврейская АО, Магаданская, Липецкая, Тульская области, республики Тыва, Хакасия, Якутия / Nenets, Chukotskiy AO, Jewish Autonomous oblast, Magadan, Lipetsk, Tula oblasts, republics Tyva, Khakassiya, Yakutia	83/9/10,84	16,25
2013	Ненецкий, Чукотский АО, Амурская, Астраханская, Кемеровская, Магаданская, Липецкая, Тульская, Тюменская области, республики Хакасия, Бурятия, Тыва, Якутия, Хабаровский край / Nenets, Chukotskiy AO, Amur, Astrakhan, Kemerov, Magadan, Lipetsk, Tula, Tyumen oblasts, republics Khakassiya, Buryatia, Tyva, Yakutia, Khabarovsk region	83/14/16,87	74,86
2012	Ненецкий, Чукотский АО, Амурская, Магаданская, Липецкая, Тульская, Тюменская области, республики Хакасия, Бурятия, Кабардино-Балкарская, Тыва, Якутия / Nenets, Chukotskiy AO, Amur, Magadan, Lipetsk, Tula, Tyumen oblasts, republics Khakassiya, Buryatia, Kabardino-Balkarsk, Tyva, Yakutia	83/12/14,46	47,42
2011	Ненецкий, Чукотский АО, Липецкая, Магаданская, Сахалинская области, республики Хакасия, Северная Осетия / Nenets, Chukotskiy AO, Lipetsk, Magadan, Sakhalin oblasts, republics Khakassiya, North Osetia	83/8/9,64	28,39
2010	Ненецкий, Чукотский АО, Астраханская, Брянская, Иркутская, Липецкая, Магаданская, Сахалинская, Тульская, Тюменская области, Республика Хакасия / Nenets, Chukotskiy AO, Astrakhan, Bryansk, Irkutsk, Lipetsk, Magadan, Sakhalin, Tula, Tyumen oblasts, Khakassiya Republic	83/11/13,25	35,56
2009	Ненецкий, Чукотский АО, Липецкая, Магаданская, Сахалинская, Тюменская области, республики Хакасия и Карелия / Nenets, Chukotskiy AO, Lipetsk, Magadan, Sakhalin, Tyumen oblasts, republics Khakassiya and Karelia	83/8/9,64	19,31
2008	Ненецкий АО, Липецкая, Сахалинская, Тюменская, Тульская области, Республика Хакасия / Nenets AO, Lipetsk, Sakhalin, Tyumen, Tula oblasts, Khakassiya Republic	84/6/7,14	53,07
2007	Ненецкий, Чукотский АО, Липецкая, Магаданская, Сахалинская, Тюменская области, Республики Хакасия и Калмыкия / Nenets, Chukotskiy AO, Lipetsk, Magadan, Sakhalin, Tyumen oblasts, Republics Khakassiya and Kalmykia	86/7/8,13	41,87
2006	Корякский, Таймырский, Чукотский АО, Липецкая, Магаданская, Сахалинская, Тульская, Тюменская области, республики Хакасия и Калмыкия / Koryak, Taymyr, Chukotskiy AO, Lipetsk, Magadan, Sakhalin, Tula, Tyumen oblasts, republics Khakassiya and Kalmykia	89/10/11,23	13,26

* Источники: Уточненные отчеты по форме № 1-НМ в разрезе субъектов Российской Федерации за 2006–2015 гг. URL: https://www.nalog.ru/m33/related_activities/statistics_and_analytics/forms/4185658/ (дата обращения: 15.04.2016). Данные приведены без учета Республики Крым и г. Севастополя.

* Source: Specified reports by 1-NM form in the aspect of the Russian subjects in 2006–2015, available at: https://www.nalog.ru/m33/related_activities/statistics_and_analytics/forms/4185658/ (access date: 15.04.2016). Data are given without Crimea Republic and Sevastopol.

При этом НДС является тем налоговым механизмом, который объективно способствует расширению асимметричности результатов деятельности для различных форм собственности. Достаточно показательно в данном контексте выглядят результаты сравнительного сопоставления финансовых и налоговых результатов от продаж для предприятий

обрабатывающих производств и торговли, приведенные в табл. 2, расчетные и фактические данные о налоговых поступлениях (табл. 3), финансовые результаты с учетом отраслевой рентабельности предприятий (табл. 4) в режиме НДС и налога с оборота, выполненные автором для целей настоящего исследования.

Таблица 2

Сравнительное сопоставление финансовых и налоговых результатов в системе НДС и налога с оборота предприятий обрабатывающих производств и торговли (в условных денежных единицах)*

Table 2. Comparison of the financial and tax results with VAT and turnover tax for processing and trading enterprises (in arbitrary monetary units)*

Этапы реализации продукции / Stage of the product selling	Стоимость готовой продукции без налогов / Cost of the final product without taxes	Сумма затрат, по которым возмещается НДС/ сумма добавленной стоимости в разрезе каждого этапа** / Sum of the expenditures by which VAT is reimbursed / sum of VAT at each level**	Сумма налоговой базы по НДС/сумма соответствующего налогового платежа/ итоговая стоимость, оплаченная покупателем с НДС / Sum of taxation base by VAT / sum of the corresponding tax payment / final cost paid by the customer with VAT	Сумма налоговой базы по налогу с оборота/ сумма соответствующего налогового платежа/ итоговая стоимость, оплаченная покупателем с налогом с оборота/ Sum of taxation base by turnover tax/sum of the corresponding tax payment/final cost paid by the customer with turnover tax	Финансовый результат с учетом отраслевой рентабельности*** до налогообложения в системе НДС и налога с оборота / Financial result with the account of sector profitability1*** before VAT and turnover tax
Реализация продукции первого передела / Selling of the products of the first processing	100	30/70	70/12,6/118	100/7/107	8,9
Реализация продукции второго передела / Selling of the products of the second processing	1 100	200/800	800/144/1 298	1 107/77,49/1 184,49	97,9
Реализация продукции третьего передела / Selling of the products of the third processing	4 100	1 200/1 800	1 800/324/2 124	4 184,49/292,91/4 477,40	364,9
Реализация готовых изделий предприятиями торговли / Selling of the final products by trading enterprises	5 000	300/600	600/108/5900	5 377,40/ 376,42/5 753,82	390
Итоговая стоимость, оплаченная покупателем / Final price paid by the consumer	5 000	1 880/3 120	5 000/900/5900	5 377,40/376,42/5 753,82	

* Источник: составлено автором.

** Данные приведены без учета затрат, по которым НДС принимается к возмещению.

*** Отраслевая рентабельность в торговле и обрабатывающих отраслях взята по публикации: Росстат: онлайн-сборник «Россия в цифрах». 2015 г. URL: <http://nangs.org/news/industry/rosstat-onlajn-sbornik-rossiya-v-tsifrah-vypusk-2015-goda-1932> (дата обращения: 10.02.2016).

Рентабельность продаж за 2014 г. составляет: в оптовой торговле – 10,3 %; розничной – 2,2 %; средневзвешенная по торговле – 7,8 %; на производстве транспортных средств и оборудования – 5,5 %; на обрабатывающих производствах – 10,7 %; на производстве машин и оборудования – 6,8 %; производстве электрооборудования, электронного и оптического оборудования – 10,2 %; средневзвешенная по обрабатывающим производствам – 8,9 %.

* Source: compiled by the author.

** Data are given without expenditures by which VAT is taken for reimbursement.

*** Sector profitability in trade and processing sectors is taken from: Rosstat: on-line reference book “Russia in figures”. 2015, available at: <http://nangs.org/news/industry/rosstat-onlajn-sbornik-rossiya-v-tsifrah-vypusk-2015-goda-1932> (access date: 10.02.2016).

Sales profitability in 2014 is: in wholesale trade – 10.3 %; in retail trade – 2.2 %; weight average in trade – 7.8 %; production of vehicles and equipment – 5.5 %; processing industries – 10.7 %; production of machines and equipment – 6.8 %; production of electrical, electronic and optical equipment – 10.2 %; weight average in processing industries – 8.9 %.

Таблица 3

Показатели расчетного исчисления и фактического поступления налогов в режиме НДС и налога с оборота (в условных денежных единицах)*

Table 3. Indicators of calculated and actual taking of VAT and turnover tax into the budget (in arbitrary monetary units)

	Исчисленный налог с учетом всего круга предприятий/исчисленный налог по предприятиям, представленным в табл. 2 / Calculated tax with the account of all enterprises/calculated tax of the enterprises listed in Table 2	Фактическое поступление налога в бюджет по всему кругу предприятий с учетом уровня собираемости** 57 % – НДС и 90 % – налог с оборота / Actual taking of tax into the budget from all enterprises with the account of collectability** 57 % – VAT and 90 % – turnover tax	Фактическое поступление налога в бюджет по предприятиям, представленным в табл. 2, с учетом уровня собираемости 57 % – НДС и 90 % – налог с оборота / Actual taking of tax into the budget for enterprises listed in Table 2, with the account of collectability 57 % – VAT and 90 % – turnover tax
НДС / VAT	900/588,6	513	335,5
Налог с оборота / Turnover tax	678,44/678,44	610,56	610,56

* *Источник:* составлено автором.

** Уровень собираемости (УС) НДС как соотношение фактических доходов от НДС к теоретической сумме налога, исчисленной на основе финансово-экономической статистики в среднем за 2003–2007 гг. УС НДС приведен по источнику [22, с. 83].

УС налога с оборота определен равным 90 % с учетом истории взимания налога с оборота, свидетельствующей о минимальном уклонении от его уплаты.

* *Source:* compiled by the author.

** Collectability level (CL) of VAT as a correlation of the actual income from VAT to the theoretical sum of the tax, calculated basing on financial-economic statistics as an average in 2003–2007. The VAT CL is taken from: Kazakova M. V. Quality of VAT administration in OECD and Russia. Reforming the Russian taxation system [23, p. 83].

Turnover tax CL is defined as 90 % basing on the history of the turnover tax collectability, which testifies to the minimal avoidance.

Таблица 4

Финансовый результат с учетом отраслевой рентабельности в режиме НДС и налога с оборота (в условных денежных единицах)*

Table 4. Financial result with the account of sector profitability with VAT and turnover tax (in arbitrary monetary units)

	НДС / VAT	Налог с оборота / Turnover tax	Отраслевая рентабельность / Sector profitability	Финансовый результат до налогообложения НДС и налога с оборота / Financial result before VAT and turnover tax	Финансовый результат с учетом НДС / налога с оборота / Financial result with VAT / turnover tax
Предприятия торговли / Trade enterprises	108	376,42	7,8 %	390	282/13,58
Предприятия обрабатывающих производств / Processing enterprises	480,6	377,40	8,9 %	471,7	- 8,9/64,3

* *Источник:* составлено автором.

* *Source:* compiled by the author.

Приведенные расчеты свидетельствуют, что поступления налога с оборота как минимум не уменьшают дохода бюджета в сравнении с НДС. Уместно также заметить, что налог с оборота в СССР обеспечивает наибольшие налоговые поступления, которые в 1980 г. составляют 15,2 % ВВП [31].

При рентабельности продаж в 7,8 % торговые предприятия получают доход после уплаты НДС

в сумме 282 ден. ед. и в сумме 13,58 ден. ед. после уплаты налога с оборота. При рентабельности продаж в 8,9 % производственные предприятия получают убыток после уплаты НДС в сумме 8,9 ден. ед. и доход после уплаты налога с оборота в сумме 64,3 ден. ед.

Легко заметить, что торговля получает сверхвысокий финансовый результат в системе НДС и умеренный результат при налогообложении оборота,

а обрабатывающие производства подвергаются ликвидационному НДС-обложению и имеют положительный финансовый результат при уплате налога с оборота. В реальности финансовые итоги предприятий торговли и обрабатывающих производств еще более разнесены по интервалам доходов и убытков. В связи с этим необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства:

1) денежный оборот в торговле может более чем десятикратно превышать производственный оборот обрабатывающих предприятий, что при равной рентабельности единичных продаж в течение финансового года вызывает соответствующее более чем десятикратное преимущество итоговой рентабельности торговли;

2) предприятия торговли часто используют широкий спектр мер налоговой оптимизации, так как, маневрируя товарными потоками и замыкаясь на розничного покупателя, получают широкие возможности по занижению размеров фактической реализации товаров в налоговой отчетности;

3) в структуре оборота производственных предприятий основную часть составляют затраты без возмещения НДС: оплата труда, амортизационные отчисления по основным средствам, проценты по кредитам;

4) в структуре оборота торговых предприятий основную часть составляют затраты на закупку товаров с возмещением НДС: оплата труда, амортизационные отчисления по основным средствам, проценты по кредитам составляют сравнительно незначительную часть затрат.

В конечном итоге введение налога с оборота в Российской Федерации вместо НДС есть вопрос преимущественного развития производственного капитала и ограничения доходов торгового капитала. Этот вопрос сопряжен с проблемой приоритетов отечественной управляющей элиты, сосредоточившей свои интересы на получении доходов, прежде всего, в торгово-финансовой сфере, так как торгово-финансовый капитал генерирует несравненно большие доходы для собственников в сравнении с капиталом производственным. Поскольку при оставлении государственной службы риски отъема собственности в полной мере традиционно распространяются и на представителей «нового дворянства», то важнейшей здесь остается задача вывода доходов от капитала с территории управления. Для этих целей

торгово-финансовый капитал в условиях Российской Федерации остается более предпочтительным и увлекает управляющую элиту на дальнейший демонтаж отечественного производства.

Выводы

Государство, как ведущий актор решения задачи модернизации отечественной экономики, в лице патристично и прагматично настроенных представителей властной элиты, в большей степени должно быть заинтересовано в ликвидации препятствий для создающего реальные ценности производственного капитала, а не капитала торгово-финансового, по экономической природе спекулятивного, стремящегося к «всевозможному расширению собственной фиктивности» [32]. Одним из основных препятствий для этого выступает налогообложение добавленной стоимости на основе системы НДС, которое в условиях развивающейся экономики по индустриальному типу преграждает путь к экономическому росту в переходный период, создавая налоговые преференции для торговых и финансовых организаций перед обрабатывающими предприятиями. В варианте налога с оборота финансовый результат и налоговая позиция торговых предприятий несколько ухудшаются, но остаются достаточно высокими, а производственные предприятия выходят в зону положительных финансовых результатов.

Тем важнее представляется необходимость широкого общественного обсуждения и внесения предлагаемых изменений в налоговое законодательство таким образом, каким его полагал И. А. Покровский, когда писал, что «задача будущего в оживлении и одухотворении законодательства, в усовершенствовании его аппарата, дабы оно могло лучше улавливать голос жизни и живее реагировать на него» [33, с. 89–100].

Решению этой задачи в идеале должна предшествовать выработка долгосрочной концепции развития налоговой системы с учетом основополагающей идеи об обустройстве страны, в которой было бы достаточно комфортно организовывать жизнь, совместно увеличивая общественное благосостояние. И только впоследствии, после достижения необходимого уровня общественного благосостояния в соединении с технологически конкурентным промышленным производством и надлежащими юридическими гарантиями собственности можно вести речь о достаточности условий для использования практических преимуществ НДС.

Список литературы

1. Современный НДС / Эбрилл Л., Кин М., Боден Ж.-П., Саммерс В. М.: Весь мир, 2003. 274 с.
2. Крохина Ю. А. Правовой принцип экономической обоснованности налога // *Налоги и финансовое право*. 2012. № 3. С. 141–146.
3. Крохина Ю. А. Принцип экономической обоснованности налога в правовых позициях КС РФ // *Налоговед.* 2004. № 7. С. 7–15.
4. Крохина Ю. А. *Налоговое право России*. М.: Норма, 2003. 656 с.
5. Пеннингтон М. *Классический либерализм и будущее социально-экономической политики*. М.: Мысль, 2014. 452 с.
6. Шумпетер Й. А. *Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия*. М.: ЭКСМО, 2008. 864 с.
7. Майбуров И. А., Иванов Ю. Б. *Налоговые реформы. Теория и практика*. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 463 с.
8. George S. *An awkward partner: Britain in the European Community*. Oxford University Press, 1998.
9. Вавилова М. А. *НДС в системе косвенных налогов Европейского союза и Российской Федерации: Сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук*. М., 2007. 151 с.
10. Voettke P., Coyne C., Leeson P., Sautet F. *The Comparative Political Economy // Review of Austrian Economics*. 2005. No. 18 (3–4). Pp. 281–304.
11. Доклад Стиглица. *О реформе международной валютно-финансовой системы: уроки глобального кризиса. Доклад комиссии финансовых экспертов ООН*. М.: Междунар. отношения. 2012. 328 с.
12. Русакова О. В. *КС РФ и иные высшие судебные инстанции как источники налогового права по НДС // НДС: проблемы и решения*. 2012. № 12. С. 56–60.
13. Кочкалов С. А. *Возмещение экспортного НДС: теоретические и практические аспекты // Современное право*. 2010. № 7. С. 81–86.
14. Шишкин Р. Н. *Правовое регулирование налога на добавленную стоимость / под ред. Н. А. Поветкиной*. М.: Юриспруденция, 2012. 128 с.
15. *Социально-экономические риски: диагностика причин и прогнозные сценарии нейтрализации / под ред. В. А. Черешнева, А. И. Татаркина*. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 1200 с.
16. Зорькин В. Д. *Россия должна взять правовой барьер (к двадцатилетию Конституции Российской Федерации) // Журнал конституционного правосудия*. 2013. № 6. С. 1–12.
17. Казакова М. В. *Качество администрирования НДС в странах ОЭСР и России. Реформирование российской системы взимания налога*. М.: ИЭПП, 2010. 128 с.
18. Бачурин Д. Г. *Межбюджетное перераспределение НДС как основа отечественного налогово-бюджетного федерализма // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право*. 2015. № 11–12. С. 123–130.
19. Садков В., Аронов Д. *Бюджетно-налоговый федерализм в Российской Федерации и налоговая политика // Налоги*. 2007. № 18. С. 10–14.
20. Баценков Н. Н. *Правовая природа налога на добавленную стоимость // Налоги*. 2014. № 6. С. 3–6.
21. Бачурин Д. Г. *Система НДС как социально-правовой институт переходного периода // Журнал правовых и экономических исследований*. 2016. № 1. С. 23–27.
22. Казакова М. В. *Качество администрирования НДС в странах ОЭСР и России. Реформирование российской системы взимания налога*. М.: ИЭПП, 2010. С. 96.
23. Бачурин Д. Г. *Внеэкономическое номенклатурное посредничество и сопутствующее ему незаконное возмещение НДС // Вопросы экономики и права*. 2016. № 3. С. 19–31.
24. Грехениг К., Гелтер М. *Трансатлантические различия в правовой мысли: американский экономический анализ права против немецкого доктринализма // Вестник гражданского права*. 2010. № 6. С. 207–278.
25. Kaplow L., Shavell S. *Why the Legal System is Less Efficient Than the Income Tax in Redistributing Income // Journal of Legal Studies*. 1994. Vol. 23. P. 667.
26. Calabresi G. *The Cost of Accidents*. Yale University Press, 1970. P. 24.
27. Calabresi G. *An Exchange: About Law and Economics: A Letter to Ronald Dworkin // Hofstra Law Review*. 1980. Vol. 8. P. 553.
28. Кавкаева Н. В. *Основы экономики и технологий важнейших отраслей хозяйства*. М., 2015. 236 с.
29. Пирого С. С., Пирого И. С. *Главный недостаток НДС – налоговые правоотношения между плательщиками // Налоги*. 2014. № 4. С. 45–48.
30. Madison J. *The Federalist Number Ten / in Benjamin F. Wright, ed., The Federalist*. Cambridge: The Belknap Press. 1961. P. 131.
31. Рыкунова В. П. *НДС и налог с продаж: исторический аспект применения // Современная наука. Серия: Экономика и право*. 2011. № 2. URL: <http://www.nauteh-journal.ru/index.php/---ep02-11/282> (дата обращения: 20.03.2016).
32. Маркс К. *Капитал. Критика политической экономии*. Т. 3. Кн. 3. Гл. 25: Кредит и фиктивный капитал. М.: Политиздат, 1985. С. 394–407.
33. Покровский И. А. *Основные проблемы гражданского права*. М.: Статут, 1998. 353 с.

Дата поступления 19.11.15

Дата принятия в печать 16.04.16

© Бачурин Д. Г., 2016. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; лицензия Татарского образовательного центра «Таглитат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.ieml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Бачурин Дмитрий Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита, Тюменский государственный университет

Адрес: 625003, г. Тюмень, ул. Красина, 7а, тел.: +7 (3452) 46-17-98

E-mail: 01ter@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4335-6675>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/H-5102-2016>

D. G. BACHURIN¹

¹ *Tyumen State University, Tyumen, Russia*

INSTITUTIONAL PARADOXES OF VAT UNDER DEVELOPING ECONOMY OF TRANSITION PERIOD

Objective: to determine the characteristics of the destructive impact of VAT taxation on the socio-economic situation of the Russian Federation.

Methods: the research is based on the complex economic and legal methodology, including the institutional approach, with the account of the national socio-economic and legal realities determining the conditions of functioning of branches and particular enterprises in the Russian economy.

Results: the conditions and characteristics of the introduction of VAT in the Russian Federation are viewed; the reasons are revealed for the formation and development of the problem-causing VAT in the domestic tax system; the socio-economic implications of VAT are analyzed; the viability of replacing VAT for a turnover tax is demonstrated.

Scientific novelty: for the first time the conceptual position is articulated that, under the realities of the reformed Russian economy, the normative-legal outline of the VAT complements the accumulated destructive potential, blocking the way to the industrial growth in the national economy, enhances the asymmetry of conditions of different forms of ownership, while the actual conditions of the transition period in Russia do not correspond to the main idea and purpose of VAT as an institution aimed at the efficient relocation of a significant part of the newly created value added to the social sectors and at the modernizing effect on the productive forces for technological improvement in industry.

Practical significance: the provisions and conclusions of the article can be used when discussing issues on the need for the VAT reform in the Russian Federation, including switching to the turnover tax.

Keywords: Taxation law; VAT; Legal regulation of taxation; Principle of the economic feasibility of tax; VAT rate; Concept of development of the taxation system

References

1. Ebrill, L., Kin, M., Boden, Zh.-P., Sammers, V. *Sovremenniy NDS (VAT nowadays)*, Moscow: Ves' mir, 2003, 274 p. (in Russ.).
2. Krokhnina, Yu. A. Pravovoi printsip ekonomicheskoi obosnovannosti naloga (Legal principle of economic feasibility of tax), *Taxes and financial law*, 2012, No. 3, pp. 141–146 (in Russ.).
3. Krokhnina, Yu. A. Printsip ekonomicheskoi obosnovannosti naloga v pravovykh pozitsiyakh KS RF (Principle of economic feasibility of tax in the legal positions of the Russian Constitutional Court), *Nalogoved*, 2004, No. 7, pp. 7–15 (in Russ.).
4. Krokhnina, Yu. A. *Nalogovoe pravo Rossii* (Russian taxation law), Moscow: Norma, 2003, 656 p. (in Russ.).
5. Penington, M. *Klassicheskiy liberalizm i budushchee sotsial'no-ekonomicheskoi politiki* (Classical liberalism and the future of social-economic policy), Moscow: Mysl', 2014, 452 p. (in Russ.).
6. Shumpeter, I. A. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya* (Theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy), Moscow: EKSMO, 2008, 864 p. (in Russ.).
7. Maiburov, I. A., Ivanov, Yu. B. *Nalogovye reformy. Teoriya i praktika* (Tax reforms. Theory and practice), Moscow: YuNITI-DANA, 2010, 463 p. (in Russ.).
8. George, St. *An Awkward Partner: Britain in the European Community*, Oxford University Press, 1998.

9. Vavilova, M. A. *NDS v sisteme kosvennykh nalogov Evropeiskogo soyuza i Rossiiskoi Federatsii: Sravnitel'no-pravovoi analiz: dis. ... kand. yurid. nauk* (VAT in the system of indirect taxes of the European Union and the Russian Federation: Comparative-legal analysis: PhD (Law) thesis), Moscow, 2007, 251 p. (in Russ.).
10. Boettke, P., Coyne, C., Leeson, P., Sautet, F. The Comparative Political Economy, *Review of Austrian Economics*, 2005, No. 18 (3–4), pp. 281–304.
11. *Doklad Stiglitsa. O reforme mezhdunarodnoi valyutno-finansovoi sistemy: uroki global'nogo krizisa. Doklad komissii finansovykh ekspertov OON* (Stiglitz report. On the reform of international currency-financial system: lessons of the global crisis. Report of the Commission of the UNO financial experts), Moscow: Mezhdunar. otnosheniya, 2012, 328 p. (in Russ.).
12. Rusakova, O. V. KS RF i inye vysshie sudebnye instantsii kak istochniki nalogovogo prava po NDS (Russian Constitutional Court and other high courts as sources of tax law on VAT), *NDS: problemy i resheniya*, 2012, No. 12, pp. 56–60 (in Russ.).
13. Kochkalov, S. A. Vozmeshchenie eksportnogo NDS: teoreticheskie i prakticheskie aspekty (Reimbursement of the export VAT: theoretical and practical aspects), *Sovremennaya pravo*, 2010, No. 7, pp. 81–86 (in Russ.).
14. Shishkin, R. N. Pravovoe regulirovanie naloga na dobavlenuyu stoimost' (Legal regulation of VAT), Moscow: Yurisprudentsiya, 2012, 128 p. (in Russ.).
15. Chereshneva, V. A., Tatarkina, A. I. *Sotsial'no-ekonomicheskie riski: diagnostika prichin i prognoznye stsennarii neutralizatsii* (Social-economic risks: diagnosing the causes and prognosing the scenarios of neutralization), Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2010, 1200 p. (in Russ.).
16. Zor'kin, V. D. Rossiya dolzhna vzyat' pravovoi bar'er (k dvadtsatiletyu Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii) (Russian should take the legal barrier (for the 20th anniversary of the Russian Constitution)), *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 2013, No. 6, pp. 1–12 (in Russ.).
17. Kazakova, M. V. *Kachestvo administrirovaniya NDS v stranakh OESR i Rossii. Reformirovanie rossiiskoi sistemy vzimaniya naloga* (Quality of VAT administration in OECD and Russia. Reforming the Russian taxation system), Moscow: IEPP, 2010, 128 p. (in Russ.).
18. Bachurin, D. G. Mezhyudzhnetnoe pereraspredelenie NDS kak osnova otechestvennogo nalogovo-byudzhethnogo federalizma (Cross-budget redistribution of VAT as the basis of the Russian tax-budget federalism), *Sovremennaya nauka: Aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo*, 2015, No. 11–12, pp. 123–130 (in Russ.).
19. Sadkov, V., Aronov, D. Byudzheto-nalogovyi federalizm v Rossiiskoi Federatsii i nalogovaya politika (Tax-budget federalism in the Russian Federation and tax policy), *Nalogi*, 2007, No. 18, pp. 10–14 (in Russ.).
20. Batsenkov, N. N. Pravovaya priroda naloga na dobavlenuyu stoimost' (Legal nature of VAT), *Nalogi*, 2014, No. 6, pp. 3–6 (in Russ.).
21. Bachurin, D. G. Sistema NDS kak sotsial'no-pravovoi institut perekhodnogo perioda (VAT system as a social-legal institution of transition period), *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy*, 2016, No. 1, pp. 23–27 (in Russ.).
22. Kazakova, M. V. *Kachestvo administrirovaniya NDS v stranakh OESR i Rossii. Reformirovanie rossiiskoi sistemy vzimaniya naloga* (Quality of VAT administration in OECD and Russia. Reforming the Russian taxation system), Moscow: IEPP, 2010, p. 96 (in Russ.).
23. Bachurin, D. G. Vneekonomicheskoe nomenklaturnoe posrednichestvo i soputstvuyushchee emu nezakonnoe vozmeshchenie NDS (Extra-economic nomenclature mediation and the accompanying illegal VAT reimbursement), *Voprosy ekonomiki i prava*, 2016, No. 3, pp. 19–31 (in Russ.).
24. Grekhenig, K., Gelter, M. Transatlanticheskie razlichiya v pravovoi mysli: amerikanskii ekonomicheskii analiz prava protiv nemetskogo doktrinalizma (Transatlantic differences in legal doctrine: American economic analysis of law versus German doctrinalism), *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2010, No. 6, pp. 207–278 (in Russ.).
25. Kaplow, L., Shavell, S. Why the Legal System is Less Efficient Than the Income Tax in Redistributing Income, *Journal of Legal Studies*, 1994, vol. 23, p. 667.
26. Calabresi, G. *The Cost of Accidents*, Yale University Press, 1970, p. 24.
27. Calabresi, G. About Law and Economics: a Letter to Ronald Dworkin, *Hofstra Law Review*, 1980, vol. 8, p. 553.
28. Kavkaeva, N. V. *Osnovy ekonomiki i tekhnologii vazhneishikh otraslei khozyaistva* (Bases of economy and technology of the topical economic sectors), Moscow, 2015, 236 p. (in Russ.).
29. Piroga, S. S., Piroga, I. S. Glavnyi nedostatok NDS – nalogovye pravootnosheniya mezhdru platel'shchikami (Main defect of VAT is tax legal relations between the payers), *Nalogi*, 2014, No. 4, pp. 45–48 (in Russ.).
30. Madison, J. *The Federalist Number Ten* / in Benjamin F. Wright, ed., *The Federalist*. Cambridge: The Belknap Press, 1961, p. 131.
31. Rykunova, V. P. NDS i nalog s prodazh: istoricheskii aspekt primeneniya (VAT and sales tax: historical aspect of implementation), *Sovremennaya nauka. Seriya: Ekonomika i pravo*, 2011, No. 2, available at: <http://www.nauteh-journal.ru/index.php/---ep02-11/282> (access date: 20.03.2016) (in Russ.).
32. Marks, K. *Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii* (Capital. Critique of political economy), vol. 3, s. 3, chap. 25: Kredit i fiktivnyi kapital, Moscow: Politizdat, 1985, pp. 394–407 (in Russ.).
33. Pokrovskii, I. A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* (Basic issues of civil law), Moscow: Statut, 1998, 353 p. (in Russ.).

Received 19.11.15
Accepted 16.04.16

© Bachurin D. G., 2016. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; Licensee Tatar Educational Centre “Taglimat”. This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), which permits unrestricted use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.

Information about the author

Dmitriy G. Bachurin, PhD (Law), Associate Professor of the Chair of Finance, Monetary Circulation and Credit, Tyumen State University
Address: 7a Krasin Str., 625003, Tyumen, tel.: +7 (3452) 46-17-98
E-mail: 01ter@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4335-6675>
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/H-5102-2016>

For citation: Bachurin D. G. Institutional paradoxes of vat under developing economy of transition period, *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, vol. 10, No. 2, pp. 170–185.

ПОЗНАНИЕ

Якупов, З. С.

Институт налогового контроля в системе налогового администрирования: концепция и направления развития / З. С. Якупов ; под ред. Р. М. Нуримухаметова ; Институт экономики, управления и права (г. Казань) – Казань : Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2015. – 360 с.

В монографии исследованы теоретические основы экономической природы налогового контроля и практические аспекты его осуществления. Значительное место уделено вопросам развития методологии налогового контроля в системе государственного налогового администрирования, а также методическим аспектам проведения камеральных и выездных налоговых проверок. На основе анализа направлений развития государственного и корпоративного налогового менеджмента автором предлагается концепция государственно-частного партнерства в системе налогового контроля. Исследованы вопросы влияния гармонизации и информатизации на развитие института налогового контроля.

Предназначен для научных работников, преподавателей, студентов, магистрантов, аспирантов экономических вузов, а также специалистов финансовых и налоговых органов.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО / CONSTITUTIONAL LAW

УДК 347.965:340.1:342.4

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.2.186-191>

Как цитировать статью: Мамедов Р. О. О природе адвокатуры как института гражданского общества // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 2. С. 186–191.

Р. О. МАМЕДОВ¹

¹ *Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия*

О ПРИРОДЕ АДВОКАТУРЫ КАК ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Цель: определение сущности адвокатуры исходя из интересов общества и государства.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, определил использование в исследовании таких методов, как системный, сравнительно-правовой и формально-логический.

Результаты: показано, что с учетом реализации публичных интересов адвокатура содействует отправлению правосудия в рамках предоставления юридической помощи, гарантированной Конституцией РФ. Однако публичный интерес, воплощающийся в правозащитной природе адвокатуры и обеспечивающий состязательный характер судебного процесса, не позволяет назвать адвокатуру исключительно институтом гражданского общества. Сделан вывод об узости трактовки статуса адвокатуры как института гражданского общества в Федеральном законе № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002. Предложено понятие адвокатуры не столько как института гражданского общества, сколько как важного общественно-государственного института, участвующего в реализации публичных интересов, прежде всего, содействующего отправлению правосудия и участвующего тем самым в формировании системы сдержек и противовесов в отношениях государства и гражданского общества в России.

Научная новизна: в отечественной научной литературе исследование адвокатуры как института гражданского общества не находит должного внимания. В статье автором предпринята попытка осмысления возможности причисления адвокатуры к числу институтов гражданского общества в свете реализации публичных интересов.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при изучении институтов гражданского общества в России в целом и адвокатуры в частности.

Ключевые слова: конституционное право; государство; гражданское общество; институты гражданского общества; адвокатура; публичный интерес

Введение

Совершенствование современного государственного механизма неразрывно связано с модернизацией существующих и внедрением новых форм взаимоотношений между властью и институтами гражданского общества [1, с. 9]. Важнейшим из этих институтов является адвокатура. Российское законодательство прямо закрепляет

статус адвокатуры в качестве института гражданского общества. Так, ст. 3 Федерального закона № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 установлено, что она является профессиональным сообществом адвокатов и как институт гражданского общества не входит в систему органов государственной власти и органов местного са-

моуправления. Придерживаются этого подхода и такие исследователи, как А. Г. Кучерена [2] и И. С. Яртых [3].

Однако бесспорность данного утверждения вызывает сомнения в науке. Например, один из параграфов диссертационного исследования «Гражданское общество как среда институционализации адвокатуры» Н. В. Андрианова назван «Критика концепций института адвокатуры, относящих его к гражданскому обществу» [4, с. 16].

Анализ научных работ об адвокатуры [1, 2, 3, 4] позволил выявить следующую тенденцию: понимание адвокатуры невозможно без исследования ее природы и роли в государстве и обществе. Представляется, что становление института адвокатуры неразрывно связано с государством, поскольку природа адвокатуры неотделима от государства. Обозначенные противоречия и предопределяют необходимость исследования, прежде всего, адвокатуры во взаимоотношениях с государством и гражданским обществом в целях выявления ее роли.

Методологической основой исследования является комплекс методов научного познания социальных процессов, обстоятельств и фактов. Преобладающее значение имеет диалектический метод познания, предполагающий исследование правовых и социальных явлений в их исторической и логической взаимосвязи и взаимообусловленности. Принципы научной объективности и историзма диктуют необходимость использования объективного и всестороннего анализа фактического материала, учет конкретной исторической обстановки и всей совокупности правовых, политических, экономических и социальных факторов, оказывающих влияние на взаимодействие государства и гражданского общества. В рамках системного метода исследовалась природа адвокатуры, в результате чего были сделаны соответствующие выводы о месте адвокатуры в государстве и обществе. С помощью формально-логических методов изучались подходы к соотношению государства и гражданского общества.

Результаты исследования

Правовой анализ нормы федерального законодательства об адвокатуры, фиксирующей статус адвокатуры как института гражданского общества, не входящего в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления, предопределяет необходимость раскрытия природы взаимоотношений государства и гражданского общества. Проведенное сравнение

представлений по данному вопросу позволяет отметить отсутствие единства в оценках. Полагаем возможным выделить несколько основных подходов по вопросу взаимодействия государства и гражданского общества.

Одним из наиболее распространенных подходов является рассмотрение гражданского общества как равноправного партнера государства, дополняющего его. Так, рассматривая гражданское общество, К. С. Гаджиев воспринимает его как «систему независимых от государства и самостоятельных общественных институтов, которые призваны обеспечить условия для самореализации индивидов и коллективов, реализации их интересов и потребностей» [5, с. 30]. Этот подход является развитием идей, обозначенных передовыми философами Европы: Т. Гоббсом [6], Б. Спинозой [7], И. Кантом [8], Дж. Локком [9].

Продолжая выделять критерий независимости как ключевую характеристику гражданского общества, В. Н. Влазнев, говоря о самостоятельности гражданского общества, отмечает развитость правовых, политических, экономических и культурных отношений между членами гражданского общества, что и обеспечивает независимость от органов власти [10, с. 28]. Данный подход соответствует сложившимся в школах права Великобритании и США подходам: так, еще Т. Пейн отмечал, что чем более совершенно гражданское общество, тем оно больше должно решать собственные дела, ограничивая власть государства и его органов [11]. Аналогичного мнения придерживались Дж. С. Милль и А. Токвиль. В их работах можно проследить развитие тезиса о самоорганизующейся природе гражданского общества, заключающейся в том числе и в создании преград для злоупотребления властью государством [12, 13].

Близка к обозначенному подходу и концепция гражданского общества О. Е. Кутафина и Е. И. Козловой, которые называют гражданское общество системой самостоятельных и независимых от органов государства общественных институтов, которые обеспечивают реализацию частных интересов [14, с. 59].

Иного мнения придерживается М. В. Баглай, который ставит гражданское общество выше государства, рассматривая в нем не столько независимое, сколько стоящее над государством общество, в основе которого признание свободы инициативы граждан и их объединений в политической и экономической сферах [15, с. 16].

Несмотря на возникающие расхождения, в целом считаем возможным охарактеризовать гражданское

общество как «независимую, отделенную от государства систему, существующую в политической системе общества, обеспечивающую баланс государственных, общественных и частных интересов на основе принципов взаимосвязи и взаимодействия гражданского общества и государства между собой, основанной на принципах индивидуальной свободы личности, верховенства прав и свобод человека и гражданина, ограничении государственной власти» [16, с. 67].

В контексте данной дефиниции определение адвокатуры как института гражданского общества является логичным шагом законодателя. Адвокатура как профессиональное сообщество адвокатов действует вне государства на основе принципов независимости, самоуправления и корпоративности, что в полной мере отражает сущность гражданского общества. Однако возникает вопрос: отражая в законе сущность адвокатуры как института гражданского общества, учел ли законодатель в полном объеме специфику адвокатуры как публичного института, отражаются ли в определении адвокатуры как института гражданского общества соответствующие публичные интересы?

Понятие «публичного интереса» не является новым в отечественной юриспруденции и достаточно подробно исследовано. Рассуждая на эту тему в работе «Публичное право», Ю. А. Тихомиров определяет публичный интерес как «признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит условием и гарантией ее существования и развития». «Публичный интерес нельзя понимать только как интерес государства, отделенный от интересов граждан и общества. Публичный интерес есть общесоциальный интерес, отражающий в концентрированной форме весь спектр интересов в обществе» [17, с. 28].

С. В. Михайлов, отмечая широту общественного интереса по сравнению с государственным, утверждал, что «для решения проблемы субординации интересов важно то, что понятие общественного интереса шире понятия государственного интереса, так как носителем общественного интереса является общество, а не государство, выступающее как особое правовое образование» [18, с. 8].

М. И. Васильева в число публичных интересов включает:

1) государственные интересы в той их части, которая отражает интересы общества в целом;

2) общественные интересы, понимаемые как интересы гражданского общества в той степени, которая соответствует уровню их познания и которая может быть обеспечена правозащитой [19, с. 64].

Полагаем необходимым присоединиться к позиции В. Д. Мазаева, отмечавшего существенное значение государства в вопросе изучения соотношения государственного и публичного интереса: «Представителем государственного интереса является государственный аппарат. Вместе с тем существует много теорий... когда государственный аппарат представляется синонимом государства. В таком случае публичный (государственный) интерес сводится к интересу государственной бюрократии и соответственно противопоставляется общественному. Это довольно сложная как в теоретическом, так и в практическом отношении проблема, требующая отдельного анализа» [20, с. 71].

Таким образом, можно согласиться с С. А. Дехановым, что «понятие "публичный интерес" выражает потребности как государства, так и потребности гражданского общества, конституционно оформленные и имеющие установленные формы правового признания» [21, с. 172].

Развивая обозначенный подход о конституционном оформлении публичных интересов, позволим себе отметить, что ключевым документом, регулирующим публичные интересы, необходимо признать конституцию государства, которая должна содержать те публичные интересы, которые признаются данным государством и поддерживаются его гражданским обществом.

Говоря о Конституции РФ, необходимо отметить, что достаточно большой блок правовых норм гл. 2 Основного Закона посвящен охране публичных интересов, связанных с адвокатурой. Так, в частности, ч. 1 ст. 46 установлено, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, ч. 1 ст. 48 закреплена право на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе в случаях, предусмотренных законом, бесплатной юридической помощи, ч. 2 ст. 48 содержит прямое указание на право каждого задержанного, заключенного под стражу, обвиняемого в совершении преступления пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. Не менее важные положения содержатся в ст. 49 и 50 Конституции РФ: данные нормы закрепляют такие права, как презумпция невиновности,

право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, а также право просить о помиловании или смягчении наказания. Представляется, что данные положения подтверждают тот факт, что адвокатура осуществляет публичные функции в части доступа к правосудию.

Особенность данных принципов заключается в их двойной роли: с одной стороны, это правила отправления правосудия, с другой – гарантии прав гражданина на справедливое судебное разбирательство. Вместе с тем далеко не всегда все граждане получают доступ к справедливому правосудию, поскольку существует достаточно большое количество обстоятельств для лишения этих возможностей, одним из которых, например, является отсутствие средств у малоимущих, а также социально незащищенных граждан (дети, инвалиды, пожилые лица) для обращения к адвокатам.

Необходимо констатировать тот факт, что оказание квалифицированной юридической помощи в правовой системе любого современного государства обходится достаточно дорого, поэтому и юридическое сообщество в целом, и адвокаты в частности относятся к одной из наиболее высокооплачиваемых сфер. Соответственно, участники процесса берут на себя расходы, связанные с оплатой труда адвокатов, что порождает проблемы с доступом к правосудию тех граждан, кто не может оплатить эти услуги. Это и становится причиной формирования специальных моделей оказания бесплатной юридической помощи или на льготных условиях, прежде всего, за счет государства. Это позволяет сделать вывод, что адвокатура становится инструментом, способствующим утверждению справедливости и правопорядка в государстве, а также гарантом справедливости и доступности правосудия. Это, как нам представляется, наиболее полно проявляет публично-правовой характер адвокатуры в современных условиях. Она выступает одним из ведущих институтов, реализующих принцип верховенства права как ключевой основы построения и развития гражданского общества и правового государства [22, с. 29], что свидетельствует о ее особом статусе как общественно-государственного института.

Выводы

Подводя итог проведенному исследованию, нужно отметить, что в рамках сформулированного на основе анализа научных представлений понятия гражданского общества возможно согласиться с тем,

что адвокатуру можно рассматривать как институт гражданского общества, поскольку Федеральным законом № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 она определяется как самостоятельное и независимое сообщество, организованное на принципах корпоративности и самоуправления.

Однако более глубокий анализ природы адвокатуры исходя из категории «публичный интерес» позволил сделать вывод, что адвокатура призвана выполнять ключевые функции в области публичных интересов, связанных с отправлением правосудия, в частности, выступать гарантией состязательности судебного процесса, предоставления профессиональной правовой помощи, защиты интересов, в том числе на бесплатной основе. Это позволяет охарактеризовать адвокатуру как сложный субъект конституционно-правовых отношений, поскольку природа адвокатуры переплетается из начал не только частных, но и публичных интересов, образуя ее единство. Именно это позволяет отметить узость данной в федеральном законодательстве дефиниции адвокатуры исключительно как института гражданского общества.

Сегодня адвокатура является не столько институтом гражданского общества, сколько общественно-государственным инструментом, вмонтированным в судебную систему и призванным реализовывать интересы как гражданского общества, так и государства в этой сфере, прежде всего, справедливости вынесения судебных решений. В этом в равной мере заинтересовано как общество, так и государство.

Проведенный анализ показал, что факт большего статуса адвокатуры, чем института гражданского общества, подтверждается конституционными нормами: в Конституции РФ 1993 г. содержатся нормы, отражающие публично-правовой характер адвокатуры, прежде всего, гарантии обеспечения каждому квалифицированной юридической помощи, гарантии судебной защиты прав и свобод человека и гражданина. Возложение государством на адвокатуру функции предоставления квалифицированной помощи и профессиональной защиты и подтверждает роль адвокатуры как гаранта справедливости отправления правосудия в интересах гражданского общества и государства.

Список литературы

1. Михеева Т. Н., Горнев Р. В. К вопросу о формировании общественных советов при органах местного самоуправления // Российская юстиция. 2015. № 8. С. 9–11.

2. Кучерена А. Г. Адвокатура в условиях судебно-правовой реформы в России. М.: Спарк, 2009. 434 с.
3. Яртых С. И. Адвокатура и гражданское общество. Ульяновск, 2007. 334 с.
4. Андрианов Н. В. Гражданское общество как среда институционализации адвокатуры: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 24 с.
5. Гаджиев К. С. Концепция гражданского общества // Вопросы философии. 1991. № 7. С. 21–29.
6. Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. 478 с.
7. Спиноза Б. Трактаты. М.: Мысль, 1998. 446 с.
8. Кант И. Сочинения. Т. 1. М., 1991. 388 с.
9. Локк Дж. Сочинения. В 3 т. Т. 3: Два трактата о правлении. М.: Мысль, 1988. 405 с.
10. Влазнев В. Н. Гражданское общество как предмет конституционно-правового исследования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 200 с.
11. Пейн Т. Избранные сочинения. М., 1959. 386 с.
12. Милль Дж. Ст. О Свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половины XX века). М.: Прогресс-Традиция, 2000. 696 с.
13. Токвиль Ал. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. 554 с.
14. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. М., 2008. 585 с.
15. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2009. 784 с.
16. Белоусов Е. И. О роли средств массовой информации как института гражданского общества // Закон и право. 2015. № 1. С. 66–70.
17. Тихомиров Ю. А. Публичное право. М., 1995. 496 с.
18. Михайлов С. В. Интерес как общенаучная категория и ее отражение в науке гражданского права // Государство и право. 1999. № 7. С. 86–92.
19. Васильева М. И. Публичные интересы в экологическом праве. М., 2003. 416 с.
20. Мазаев В. Д. Публичная собственность в России. Конституционные основы. М.: 2004. 384 с.
21. Деханов С. А. Адвокатура в Западной Европе: опыт и современное состояние: дис. ... доктора юрид. наук. М., 2011. 383 с.
22. Михеева Т. Н. О принципе верховенства права на современном этапе развития правового государства // Закон и право. 2013. № 9. С. 29–31.

Дата поступления 28.10.15
Дата принятия в печать 03.03.16

© Мамедов Р. О., 2016. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; лицензия Татарского образовательного центра «Таглитат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.ieml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Мамедов Рауф Октаевич, аспирант кафедры конституционного и административного права, Марийский государственный университет
Адрес: 424001, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1, тел.: +7 (8632) 68-80-02
E-mail: rauf1391@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2132-6005>
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/A-9249-2016>

R. O. MAMEDOV¹

¹ Mari El State University, Yoshkar-Ola, Russia

ON THE NATURE OF ADVOCACY AS AN INSTITUTION OF CIVIL SOCIETY

Objective: to determine the nature of advocacy in terms of the interests of society and the state.

Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in the context of the totality of objective and subjective factors, determined the use of research methods such as systematic, comparative-legal and formal-logical.

Results: it is shown that, taking into account the implementation of public interests, advocacy promotes the administration of justice within the frameworks of the legal assistance, guaranteed by the Constitution of the Russian Federation. However, the public interest, embodied in the human rights nature of the legal profession and ensuring the adversarial nature of the judicial process, does not allow to consider advocacy solely the civil society institution. The conclusion is made about the narrowness of interpretation of the advocacy status as the institution of civil society in the Federal Law No 63-FZ "On advocacy activity and advocacy in Russian Federation" of 31.05.2002. The concept of advocacy is proposed, not so much as an institution of civil society, but as an important public institution, participating in implementation of public interests, thus promoting the administration of justice and thereby participating in the formation of the system of checks and balances in relations between the state and the civil society in Russia.

Мамедов Р. О. О природе адвокатуры как института гражданского общества /
Mamedov R. O. On the nature of advocacy as an institution of civil society

Scientific novelty: in the Russian scientific literature, the study of advocacy as an institution of civil society is not addressed adequately. In this article the author attempts to comprehend the possibility of considering the advocacy to be a civil society institution in the light of implementation of public interests.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and pedagogical activity in studying of institutions of civil society in Russia in general and advocacy in particular.

Keywords: Constitutional law; State; Civil society; Civil society institutions; Advocacy; Public interest

References

1. Mikheeva, T. N., Gornev, R. V. K voprosu o formirovanii obshchestvennykh sovetov pri organakh mestnogo samoupravleniya (On the issue of forming the public councils at the local self-government bodies), *Rossiiskaya yustitsiya*, 2015, No. 8, pp. 9–11 (in Russ.).
2. Kucherena, A. G. *Advokatura v usloviyakh sudebno-pravovoi reformy v Rossii* (Advocacy under court-legal reform in Russia), Moscow: Spark, 2009, 434 p. (in Russ.).
3. Yartikh, S. I. *Advokatura i grazhdanskoe obshchestvo* (Advocacy and civil society), Ul'yanovsk, 2007, 334 p. (in Russ.).
4. Andrianov, N. V. *Grazhdanskoe obshchestvo kak sreda institutsionalizatsii advokatury: dis. ... kand. yurid. nauk* (Civil society as a environment for advocacy institutionalization: PhD (Law) thesis), Moscow, 2005, 24 p. (in Russ.).
5. Gadzhiev, K. S. Kontsepsiya grazhdanskogo obshchestva (Conception of a civil society), *Voprosy filosofii*, 1991, No. 7, pp. 21–29 (in Russ.).
6. Gobbs, T. *Leviatan* (Leviathan), Moscow: Mysl', 2001, 478 p. (in Russ.).
7. Spinoza, B. *Traktaty* (Treatises), Moscow: Mysl', 1998, 446 p. (in Russ.).
8. Kant, I. *Sochineniya* (Works), vol. 1, Moscow, 1991, 388 p. (in Russ.).
9. Lokk, Dzh. *Sochineniya* (Works), in 3 v., vol. 3. *Dva traktata o pravenii* (Two treatises on government), Moscow: Mysl', 1988, 405 p. (in Russ.).
10. Vlaznev, V. N. *Grazhdanskoe obshchestvo kak predmet konstitutsionno-pravovogo issledovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk* (Civil society as an object of constitutional-legal research: PhD (Law) thesis), Moscow, 2002, 200 p. (in Russ.).
11. Pein, T. *Izbrannye sochineniya* (Selected works), Moscow, 1959, 386 p. (in Russ.).
12. Mill', Dzh. St. *O Svobode. Antologiya mirovoi liberal'noi mysli (I poloviny XX veka)* (On freedom. Anthology of the world liberal thought (1st half of the 20th c)), Moscow: Progress-Traditsiya, 2000, 696 p. (in Russ.).
13. Tokvil', Al. *Demokratiya v Amerike* (Democracy in America), Moscow: Progress, 1992, 554 p. (in Russ.).
14. Kozlova, E. I., Kutafin, O. E. *Konstitutsionnoe pravo Rossii* (Constitutional law of Russia), Moscow, 2008, 585 p. (in Russ.).
15. Baglai, M. V. *Konstitutsionnoe pravo Rossiiskoi Federatsii* (Constitutional law of the Russian Federation), Moscow, 2009, 784 p. (in Russ.).
16. Belousov, E. I. O roli sredstv massovoi informatsii kak instituta grazhdanskogo obshchestva (On the role of mass media as an institution of civil society), *Zakon i pravo*, 2015, No. 1, pp. 66–70 (in Russ.).
17. Tikhomirov, Yu. A. *Publichnoe pravo* (Public law), Moscow, 1995, 496 p. (in Russ.).
18. Mikhailov, S. V. Interes kak obshchenauchnaya kategoriya i ee otrazhenie v nauke grazhdanskogo prava (Interest as a general scientific category and its reflection in the science of civil law), *Gosudarstvo i pravo*, 1999, No. 7, pp. 86–92 (in Russ.).
19. Vasil'eva, M. I. *Publichnye interesy v ekologicheskom prave* (Public interests in ecological law), Moscow, 2003, 416 p. (in Russ.).
20. Mazaev, V. D. *Publichnaya sobstvennost' v Rossii. Konstitutsionnye osnovy* (Public property in Russia. Constitutional foundations), Moscow, 2004, 384 p. (in Russ.).
21. Dekhanov, S. A. *Advokatura v Zapadnoi Evrope: opyt i sovremennoe sostoyanie: dis. ... d-ra yurid. nauk* (Advocacy in Western Europe: experience and modern condition: doctoral (Law) thesis), Moscow, 2011, 383 p. (in Russ.).
22. Mikheeva, T. N. O printsipe verkhoventva prava na sovremennom etape razvitiya pravovogo gosudarstva (On the principle of the supremacy of law at the present stage of the legal state development), *Zakon i pravo*, 2013, No. 9, pp. 29–31 (in Russ.).

Received 28.10.15

Accepted 03.03.16

© Mamedov R. O., 2016. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; Licensee Tatar Educational Centre "Taglimat". This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), which permits unrestricted use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.

Information about the author

Rauf O. Mamedov, post-graduate student of the Chair of Constitutional and Administrative Law, Mari El State University

Address: 1 Lenin Square, 424001, Yoshkar-Ola, Mari El Republic, tel.: +7 (8632) 68-80-02

E-mail: rauf1391@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2132-6005>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/A-9249-2016>

For citation: Mamedov R. O. On the nature of advocacy as an institution of civil society, *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, vol. 10, No. 2, pp. 186–191.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО / CIVIL LAW

УДК 347.441 (73)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.2.192-216>

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Бар-Гилл О., Бен-Шахар О. Выход из контракта // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 2. С. 192–216.

О. БАР-ГИЛЛ¹,

О. БЕН-ШАХАР²

¹ Гарвардский университет, г. Кембридж, шт. Массачусетс, США

² Чикагский университет, г. Чикаго, шт. Иллинойс, США

ВЫХОД ИЗ КОНТРАКТА*

Цель: рассмотрение процедуры выхода из контракта, ее недостатков и преимуществ.

Методы: статистический; сравнительный анализ.

Результаты: свободный выход из контракта – один из самых мощных инструментов защиты прав потребителя. Эта процедура освобождает потребителя от нежелательных сделок и является одной из характеристик честного бизнеса. Однако потребители часто выбирают контракты с ограничением выхода, отказываясь от права на свободный выход ради других преимуществ. В данной статье рассмотрены преимущества и издержки свободного выхода из контракта по сравнению с ограничением права выхода. По мнению авторов, предусмотренные существующим законодательством (США) наказания за выход из контракта не решают проблем ограниченного выхода, особенно в свете современных условий рынка. Статья также обращает внимание законодателей на вознаграждения за лояльность, которые являются таким же мощным средством воздействия на потребителя, как наказание за выход, и таким же вредным.

Научная новизна: в статье выявлено парадоксальное положение в законодательстве США: регулирование выхода из контракта активнее всего происходит там, где оно менее всего необходимо. Наказания за выход представляют собой очевидную мишень для судов, тогда как программы лояльности кажутся безвредными и не требующими вмешательства закона.

Практическая значимость: работа представляет интерес для отечественной юридической науки и законодательной власти, поскольку в России проблема выхода из контракта так же актуальна, как и в США, и требует решения, не ущемляющего прав ни потребителей, ни продавцов товаров и услуг.

Ключевые слова: гражданское право; контракт; программа лояльности; штраф за досрочное расторжение контракта; нулевой контракт

Благодарность. Авторы выражают благодарность Ian Ayres, Rick Brooks, Clay Gillette, William Hubbard, Florencia Marotta-Wurgler, Ariel Porat, Richard Revesz и участникам мастер-классов в University of Chicago и Yale Law School за ценные замечания. Бар-Гилл выражает благодарность за финансовую поддержку Filomen D'Agostino и Max E. Greenberg Research Fund в NYU School of Law.

---

* Впервые статья опубликована в Oxford University Press on behalf of The John M. Olin Center for Law, Economics and Business at Harvard Law School. Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи. Для коммерческого использования обратитесь к journals.permissions@oup.com doi:10.1093/jla/lau003

Цитирование оригинала статьи на английском языке: Bar-Gill O., Ben-Shahar O. Exit from Contract // Journal of Legal Analysis. 2014. Vol. 6. No. 1. Pp. 151–183.

1. ВВЕДЕНИЕ

Проблема возможных злоупотреблений в потребительских контрактах давно известна. Речь идет о неоправданно завышенных суммах оплаты, давлении при продажах, когда подчеркиваются достоинства товара и замалчиваются связанные с ним риски, а также о дезинформации. Законодатели давно пытаются решить эти проблемы. Так, в последнее время (*статья опубликована на английском языке в 2014 г.* – Прим. ред.) Конгресс принял такие законодательные акты, как Акт об ответственности за раскрытие информации о кредитных картах и подотчетности по ним (123 Stat. 1734) и Акт о реформе Dodd-Frank Wall Street и защите потребителей (124 Stat. 1376) (США. – Прим. ред.), направленные против недобросовестных финансовых схем. Созданное Бюро по финансовой защите потребителей регулирует деятельность на рынках финансовых продуктов, где отмечено наибольшее количество злоупотреблений [1]. Федеральная комиссия по коммуникациям занимается злоупотреблениями в сфере беспроводной связи (см., например, *In the Matter of Verizon Wireless Data Usage Charges*, Federal Communications Commission File No. EB-09-TC-458, DA 10 – 2068 (решение суда в соответствии с заключенным сторонами мировым соглашением)). Суды в свою очередь рассматривают использование мелкого шрифта в потребительских контрактах (см., например, *Cheshire Mortgage Service v. Montes et al.*, 223 Conn. 80 (1992)). Для защиты потребителей используется целый ряд законодательных мер – от мандата на разглашение и стандартных правил, дающих преимущество потребителю, до прямого запрета на отдельные виды деятельности [2, 3]. Однако существует мощное средство против злоупотреблений, которое до сих пор не получило должного освещения, – это выход из контракта.

Возможность для потребителя выйти из нежелательного контракта дает значительную защиту от злоупотреблений. Во-первых, она позволяет потребителю прекратить злоупотребления вместе с прекращением договорных отношений. Во-вторых, угроза выхода сдерживает злоупотребления; продавец имеет мощный стимул поддерживать удовлетворенность клиента, если знает, что неподобающее поведение приведет к потере и клиента, и прибыли.

Выход из контракта играет важную роль в защите потребителя в рамках любых отношений между по-

ставщиком и клиентом, которые имеют потенциал долгосрочных. Очевидно, что таких отношений большинство, и они составляют значительную долю в экономике. Как будет показано ниже, эта доля возрастает, поскольку поставщики проводят целенаправленную работу по повышению лояльности клиентов, таким образом преобразовывая прежде одноразовые отношения в долгосрочные.

Среди потребительских сделок, в которых выход из контракта играет ключевую роль, значительную часть составляют рынки телекоммуникаций – беспроводная связь, Интернет, кабельные сети. Сюда относятся и рынки потребительских финансовых продуктов, такие как кредитные карты, текущие счета, ипотека и мелкие инвестиции; продукты и услуги, связанные со страхованием, членством в спортивных и книжных клубах, подпиской на газеты и журналы, охраной дома и даже авиаперелетами (в рамках программ лояльности). Практически на всех рынках долгосрочные отношения начинают играть важнейшую роль. Например, покупатель регулярно совершает покупки в одном и том же супермаркете, аптеке, книжном магазине, инновационные виды контрактов преобразуют даже такие, традиционно одноразовые, сделки в долгосрочные отношения. В целом значительная часть экономики в настоящее время представлена рынками, где выход из контракта служит мощным инструментом защиты потребителя.

Однако, защищая потребителя, механизм выхода может нанести ущерб поставщику. Ни один поставщик не захочет терять бизнес. Привлечение новых клиентов может потребовать значительных издержек, поэтому неудивительно, что поставщики стараются не допустить выход клиента из договора. Многие понимают, что удержать можно, предоставляя услуги высокого качества. Но другие пытаются сделать выход затратным для потребителя с помощью условий контракта.

Такие поставщики пользуются методом кнута и пряника. «Кнутом» являются наказания за выход, а именно штрафы за досрочное расторжение контракта (далее – ШДР), которые широко распространены, хотя их популярность начинает снижаться. «Пряник» включает в себя различные программы лояльности, когда клиенты вознаграждаются за повторное обращение скидками, бонусами, милями авиаперелетов, возвратом наличных и т. п. В отли-

чие от «кнута» использование «пряника» набирает популярность¹.

Данная статья состоит из трех частей. Часть 2 – описательная. Она содержит обзор различных потребительских рынков, где «выход» играет или может играть важную роль в защите потребителя. Далее описаны тенденции использования различных стратегий предотвращения выхода, доказывающие сокращение роли наказаний и повышение роли вознаграждений за выход из контракта.

Интересной тенденцией в потребительских сделках является появление нулевого контракта. Потребителя привлекают заявлением, что никаких обязательств не требуется, т. е. он вправе разорвать отношения в любой момент без какого-либо наказания. На интернет-страницах, рекламных щитах и вывесках можно увидеть чрезвычайно убедительные уверения в этом. Провайдеры беспроводной связи и Интернета, кабельного телевидения, охранных систем, фитнес-клубы и даже поставщики электроэнергии и бутилированной воды, которые раньше удерживали клиентов с помощью штрафов за выход из контракта, теперь соблазняют их удобствами нулевого контракта.

Кроме нулевого контракта, роль наказаний за выход уменьшается благодаря еще одной рыночной стратегии. Компании переманивают клиентов, предлагая им оплатить их штрафы за досрочное расторжение и покрыть издержки перехода к другому поставщику.

Такие инновации в контрактах свидетельствуют о сокращении способов удержания клиента с помощью «кнута», тогда как удержание с помощью «пряника» набирает популярность. Программы лояльности развиваются в рамках различных потребительских рынков – от авиалиний и кредитных карт до супермаркетов, веб-сайтов и книжных магазинов. Если раньше поход в магазин – будь то аптека, универсам или магазин бытовой техники – был одноразовой акцией, то теперь это звено в цепи (образуемой от-

крытием карты), в конце которой постоянного клиента ожидают дополнительные бонусы.

Часть 3 – нормативная, она содержит аналитическое ядро статьи. В то время как выход из контракта имеет явную фактическую ценность в качестве меры защиты потребителя, его ожидаемая ценность для потребителя не так очевидна. Поставщик может предложить клиенту привлекательные скидки в обмен на право выхода, тем самым осуществляя базовый баланс между ценой и качеством (в данном случае качеством законных прав).

Основные выводы нашего исследования заключаются в следующем. Во-первых, по сравнению с контрактом с ограничением выхода механизм свободного выхода из контракта защищает потребителя от повышения цены. Однако эта свобода выхода и гарантия от повышения цен означают, что потребитель получит меньше скидок и бонусов. Здесь применим стандартный принцип, описанный в экономической литературе по отношению к «издержкам смены поставщика»: в долгосрочном периоде общая цена для потребителя не зависит от типа контракта. Механизм выхода предполагает меньшие уровни повышения цен и в итоге более низкие цены, но эта экономия (актуарное допущение для поставщика) в точности возмещается более высокой первоначальной ценой. Будь то контракт с ограничением или со свободным выходом, потребители платят в среднем ту же сумму.

Однако это лишь методологический принцип. Если отбросить предположения о результате варианта со свободным выходом, мы обнаружим различные общие обстоятельства, которые ухудшают положение потребителя при контракте с ограничением выхода и снижают эффективность рынка в целом. В итоге первоначальные выгоды фиксированного контракта сопровождаются издержками – повышением цен, снижением качества, невозможностью свободно переключиться на более выгодного провайдера. Потребители, способные предвидеть это, рационально оценят плюсы и минусы того или иного типа контракта. Потребители, хуже понимающие положение вещей, недооценят итоговые затраты или переоценят первоначальные выгоды фиксированного контракта, тем самым вступая в невыгодные отношения. Это может привести к количественным диспропорциям – чрезмерные покупки в период низких цен и недостаточные покупки в период высоких цен. Кроме того, долгосрочные контракты с ограничением выхода

¹ Возможности выхода как стратегии защиты потребителя ограничены также издержками смены поставщика, которые не отражаются в контракте. Такая смена требует времени, усилий и иногда денег. Инерция – поведенческие издержки – также играет важную роль. Такие издержки переплетаются с издержками, включенными в контракт, и могут быть усугублены поставщиками, стремящимися удержать клиентов. В рамках данной статьи мы анализируем только издержки смены поставщика, отраженные в контракте.

снижают подвижность рынка, не позволяя потребителям приспособиться к меняющимся условиям и технологиям, переходя на продвинутые продукты. И, наконец, контракты с ограничением выхода могут затруднить вход на рынок новым поставщикам, тем самым сдерживая конкуренцию.

Таким образом, появление нулевого контракта можно рассматривать как ответ рынка на неэффективность договора с ограничением выхода. Потребители, которые в силу недостатка понимания заключили множество контрактов с ограничением выхода, научились предвидеть трудности, связанные с долгосрочными соглашениями, – «шок от счета» (или от снижения качества), часто наступающий в более поздние периоды действия контракта с ограничением выхода. Быстрое развитие технологий, когда продукт устаревает раньше, чем закончится действие контракта, научило потребителей определять цену негибкости, связанной с контрактом с ограничением выхода. Эти потребители и являются целевой аудиторией рекламных щитов, прославляющих свободу нулевого контракта, хотя совсем недавно те же щиты убеждали заключать договоры с ограничением выхода, соблазняя скидками и другими бонусами первоначального периода.

В то время как нулевой контракт символизирует упадок стратегии «кнута» для ограничения выхода из контракта, стратегия «пряника» процветает в форме программ лояльности. Почему потребители осознают издержки договора с ограничением выхода при наказании за выход, но не при использовании программ лояльности? Ответ в ничтожности издержек смены поставщика, ведь это скорее упущенная выгода, чем реальная оплата. Это подтверждается и положениями когнитивной психологии и бихевиористской экономики: расходы кажутся больше, чем упущенная выгода.

В рамках нашей общей нормативной оценки мы рассматриваем также аргументы за ограничение выхода. Одна из интуитивных гипотез заключается в том, что свободный выход приведет к снижению инвестиций в качество продукции. Компании, которые не могут полагаться на долгосрочные поступления от своих клиентов, не будут делать дорогостоящие вложения в свою инфраструктуру. Снижение инвестиций приведет к снижению уровня обслуживания. Однако мы покажем, что мотивы для вложения капитала могут быть более значительными, чем свободный выход, так как компании под постоянной угрозой ухода клиентов

будут вынуждены поддерживать удовлетворенность своих потребителей, предоставляя качественные услуги. В этом проявляется эффект угрозы.

Другой аргумент подчеркивает сигнальную роль свободного выхода. Он дает гарантию от скрытых платежей, неожиданных повышений цен и снижения качества; служит сигналом качества: лучшие поставщики – это те, кто может позволить себе дать клиентам право свободного выхода, потому что их клиенты менее склонны воспользоваться этим правом.

Наконец, часть 4 является предписывающей, или доктринальной, где дается критический обзор того, что мы называем «законом контракта с ограничением выхода». Прежде всего, мы отмечаем, что закон концентрируется исключительно на ограничении выхода с помощью наказания, совершенно игнорируя стратегию ограничения выхода с помощью поощрения, что может быть настолько же проблематично. Кроме того, законное использование наказаний за выход, т. е. ШДР, осуществляется с серьезными нарушениями.

Суды рассматривают штрафы за досрочное расторжение контракта, иногда признавая их чрезмерными, в рамках устаревшей «доктрины наказаний», которая запрещает возмещение ущерба в размере, превышающем возможную выгоду, или в рамках положений различных местных актов о защите прав потребителей, выполняющих подобную функцию (например, California Civil Code § 1671). Рассматривая ШДР как форму возмещения ущерба от расторжения контракта, суды принимают во внимание довод потребителей, что такие штрафы не должны превышать размер упущенной выгоды поставщика от досрочного расторжения контракта. Например, если двухгодичный контракт на услуги мобильной связи предусматривал штраф за досрочное расторжение в размере \$250, причем этот штраф может взыскиваться даже в конце срока действия контракта, то суд отменял это положение контракта, тем самым смягчая механизм фиксированного договора (например, *In re Cellphone Termination Fee Cases*, 193 Cal App 4th 298, 122 Cal Rptr 3d 726 (2011), reh'g denied (March 24, 2011), review denied (June 15, 2011), cert denied, 132 S Ct 555, 181 L Ed 2d 397 (2011)).

Наш анализ показывает, что признание судом ШДР чрезмерным – ошибочно. Штрафы являются частью контракта с ограничением выхода, по условиям которого потребители пользуются первоначальными скидками, а поставщики принимают на себя первоначальные

потери. Нельзя априори считать, что более высокая первоначальная цена и более лояльные наказания лучше для потребителей, чем более низкая первоначальная цена и более высокие ШДР. Ошибочно также думать, что ШДР в конце срока контракта являются чрезмерными для поставщика, если мы не учли первоначальные скидки, которые уменьшили его прибыль.

Это несовершенство «закона контракта с ограничением выхода» вкупе с повышением грамотности потребителей относительно штрафов приводит к тому, что вмешательство закона в проблему контракта с ограничением выхода на основе наказаний должно сокращаться. Это подтверждается популярностью нулевого контракта.

Что касается проблемы договора с ограничением выхода на основе поощрений, то мы приходим к противоположному выводу. Вызывает удивление тот факт, что те, кто ратует за свободный выход из контракта и против контракта с ограничением выхода, полностью игнорируют эту альтернативную, причем все более набирающую популярность, форму контракта с ограничением выхода на основе поощрений. Поставщики громко заявляют об отсутствии штрафов за досрочное расторжение, но мы нигде не наблюдаем рекламных щитов с лозунгом «Никаких наград за лояльность». И это несмотря на то, что, как показывает наше исследование, награды за лояльность приводят ко многим из нарушений, которые создает ограничение выхода на основе наказаний.

В заключении мы ставим вопрос, не следует ли судам и законодателям, обеспокоенным опасностью наказания за выход, переключить свое внимание на программы лояльности.

2. УСЛОВИЯ ВЫХОДА ИЗ КОНТРАКТА

Одной из фундаментальных характеристик любой сделки является возможность для каждой из сторон прекратить отношения. В рамках взаимоотношений компании с потребителем право клиента покинуть данную компанию и обратиться к другой не только определяет размер его выплат, но и справедливо считается мощным средством защиты прав. Следовательно, его можно рассматривать как центральное положение законодательства о защите прав потребителя, и оно является ключевым во многих потребительских договорах. Далее мы покажем центральную роль положения

о выходе из контракта на потребительском рынке и опишем самые распространенные ограничения выхода, используемые компаниями, чтобы удержать клиентов.

2.1. Понятие выхода из контракта

Трудно представить такой потребительский договор, в котором положение о выходе не играет ключевой роли. Возьмем, к примеру, покупку дома, сделку, которую совершают, возможно, один раз в жизни. Покупка дома – альтернатива аренде жилья, а последняя дает клиенту возможность выйти из контракта. Будучи предметом длительного пользования, жилье часто приобретается в расчете на перепродажу (выход из контракта). Другой пример – здравоохранение. Пациент не может покинуть больницу в процессе операции. Однако право на выход играет существенную роль, когда пациент выбирает долгосрочный план медицинского обслуживания. Реклама медицинских услуг рассчитана именно на тех потребителей, которые могут отказаться от своего нынешнего поставщика медицинских услуг.

Действительно, многие потребительские рынки подразумевают длительные отношения с поставщиком товаров или услуг и дают возможность выхода и возвращения в рамках этих взаимоотношений. Хороший пример – телекоммуникационные услуги: подключение к оператору мобильной связи или интернет-провайдеру дает много возможностей и соблазнов поменять его. Неудивительно, что именно рынок телекоммуникационных услуг (в США – Прим. ред.) стал главной лабораторией для испытания условий контракта, ограничивающих или позволяющих досрочный выход (подробнее об этом см. далее). Аналогичным образом страхование является услугой, которая востребована постоянно, но отношения с отдельной организацией могут быть прерваны в любой момент. Отсюда понятно, почему в 2011 г. страховая компания Geico Insurance потратила 994 миллиона долларов на рекламную кампанию, объявляющую, что клиенту потребуется всего 15 минут, чтобы прервать контракт (переключившись на Geico)². Сделки с потребительскими кредитами – через кредитные карты, ипотеки и банковские займы – это часто долгосрочные

² «Пятнадцать минут могут сэкономить Вам пятнадцать и более процентов на автомобильной страховке». URL: https://en.wikipedia.org/wiki/GEICO_advertising_campaigns

контракты, но возможности досрочной оплаты, рефинансирования и перевода остатка долга позволяют заемщику покинуть своего кредитора.

Таким образом, выход из контракта является фундаментальным аспектом долгосрочного договора услуг. Но его важность не менее значительна в краткосрочных и даже одноразовых сделках. Каждая покупка товара – это отдельный договор, но и из него можно выйти, что отражено в праве возврата товара и денег. Это право закреплено либо контрактом (например, сеть Walmart предоставляет право свободного возврата в течение 90 дней), либо законом (например, от ипотечного кредита можно отказаться в течение 72 часов). Кроме того, поставщики соперничают за постоянных клиентов. Вероятность того, что потребитель начнет делать свои постоянные покупки в другом магазине, оформлена в контракте в виде бонусов за такой переход. Многие розничные сети предоставляют скидки – но только тем покупателям, которые открывают счет и предъявляют членскую карточку. Точно так же каждый авиаперелет – это разовая сделка (часто без права возмещения оплаты и, следовательно, без права выхода), но коммерческий успех авиакомпании во многом зависит от лояльности клиентов, т. е. от вступления в долгосрочные взаимоотношения и выхода из них. Есть множество других подобных примеров: развлечения – покупка абонемента на сезон в отличие от разового билета; покупка автомобиля в отличие от долгосрочной или разовой аренды; членство в оздоровительных клубах – долгосрочное обслуживание или разовое посещение и др. Значение выхода почти так же велико, как значение самого контракта, так как затрагивает большую часть потребительских сделок и большую долю коммерческой деятельности.

2.2. Ограничение выхода

Выход из контракта может служить сильным оружием в арсенале защиты прав потребителя. Но он не всегда прост и бесплатен. Выход разрушает связь, которая поддерживала взаимоотношения, а это непросто. Множество экономических исследований затрагивает эти «издержки перехода» – сложности, связанные со сменой провайдера. Мы рассматриваем искусственные издержки перехода – механизмы, созданные поставщиком для получения преимуществ от ограничения выхода. Чтобы сделать выход более сложным и менее привлекательным для потребителя, поставщики ис-

пользуют в договорах два общих приема: штрафы за выход из контракта (в форме ШДР) и вознаграждение за невыход (в форме программ лояльности). Прежде всего стоит отметить, что закрепленные в контракте издержки перехода, о которых мы говорим, – это всего лишь один из видов издержек, хотя и важный. К преобладающим относятся издержки перехода, не отраженные в контракте. Примерами являются: технологическая несовместимость, затраты на переобучение и временные затраты (время, которое требуется, чтобы найти альтернативу и перейти на нее). Кроме того, некоторыми из этих издержек могут управлять, т. е. создавать их, сами поставщики. Данное исследование во многом относится также и к этому виду издержек перехода.

2.2.1. Ограничение выхода с помощью наказания

Самый простой способ ограничить выход – это наложить штраф на выходящего клиента. Такие штрафы широко применяются на многих потребительских рынках³. Стандартный контракт на услуги мобильной связи включает условие, ограничивающее выход в течение двух лет с постепенно снижающейся шкалой выплат за досрочное расторжение⁴. Аналогично некоторые ипотечные контракты содержат ШДР.

Еще более явным, хотя и не упоминаемым напрямую, наказанием за выход из контракта является любой запрет на возврат денег за товар или услугу: как неотменимое обязательство платить в течение установленного периода. Так, фитнес-клуб продает годичный абонемент за \$1000, подразумевая (явно или неявно), что обязанность заплатить не зависит от того, сколько раз вы посетили клуб, или от решения бросить через семь месяцев. (Такой контракт известен как *take-or-pay*.) Он не предусматривает явных ШДР. Но оплата услуг, которыми вы не пользуетесь, является, по сути, наказанием за выход. Подписка на журналы, членство в книжных клубах и тому подобное дают скидку за

³ Штрафы за досрочное расторжение в области беспроводной связи будут рассмотрены ниже. Другие примеры включают: Xbox live (URL: www.xbox.com/en-US/Legal/xbox-live-contract-terms); DirecTV (URL: www.directv.com/DTVAPP/content/legal/customer_agreement); фитнес-клубы (см., например, URL: www.joinmysportsclubs.com/join.aspx?club=113); охранные системы (URL: http://www.adt.com/downloads/legal/Contract_Terms_and_Conditions_Non-California_Customers_5401UE04.pdf).

⁴ См. FCC Encyclopedia, Early Termination Fees (URL: <http://www.fcc.gov/encyclopedia/early-termination-fees>).

долгосрочное участие, но требуют от потребителя соблюдать схему take-or-pay либо в отношении объема покупок, либо длительности обслуживания. Тот же результат достигается в случае срочного страхования жизни с фиксированными выплатами. Большой объем выплат в первые годы обслуживания приводит к тому, что позже переключаться на другую страховую компанию становится невыгодно. Выплаты в первые годы служат перекрестным субсидированием для позднейших выплат, и эту субсидию клиент теряет при выходе.

На некоторых продвинутых потребительских рынках ограничение выхода все меньше используется в контрактах, в то время как все большее распространение получает так называемый нулевой контракт⁵. На самом деле это такой же контракт с ограничивающими обязательствами, как и любой другой: потребители обязаны вносить своевременные платежи за услуги, и контракт содержит разделы мелким шрифтом. Поставщики услуг также несут обязательства – в первую очередь предоставлять определенные услуги по установленной цене. Идея нулевого контракта (и он действительно реализует ее эффективно и без обмана) в том, что потребители не привязаны к договору, который их не устраивает. Нет ни долгосрочных обязательств, ни установленных сроков (за исключением, как правило, срока в 1 месяц), а также никаких штрафов и наказаний⁶.

Кроме того, угроза ШРД уменьшается, если конкуренты склоняют потребителей перейти к ним с помощью возмещения ШРД. Например, одна из крупных компаний беспроводной связи предлагает потребителям перейти на их сеть, возмещая все штрафы [4].

⁵ Нулевой контракт предлагают, например, фитнес-клубы и провайдеры охранных систем. См., например, URL: www.absolutefitness.com/2012/05/no-contracts-on-open-gym-memberships/ (фитнес-клуб); www.pointalarm.com/commitment.asp (охранные системы). Также нулевой контракт предлагают телекоммуникационные компании и интернет-провайдеры, например, URL: <http://online.wsj.com/news/articles/SB10001424052748704895204575320700280294646>

⁶ В области беспроводной связи существует два типа нефиксированных контрактов: обслуживание на месяц без возможности апгрейда и нулевой контракт, позволяющий потребителям проводить апгрейд чаще, чем стандартный двухлетний период. В частности, Verizon Edge, AT&T Next, и T-Mobile Jump предоставляют эти расширенные возможности. См. [6].

2.2.2. Ограничение выхода с помощью поощрения

Очевидно, что ШРД делают выход менее привлекательным. Другой, менее явный, способ предотвратить выход из контракта – это вознаграждать за невыход с помощью предусмотренных договором поощрений. Рассмотрим программы лояльности, которые вознаграждают потребителей за повторные покупки бесплатными перелетами, скидками в отелях, возвратом наличных и т. п. Потребитель, переключившийся от поставщика А к поставщику Б, возможно, получает выгоду, например, более низкую цену или лучшее качество, но он также терпит убытки в форме потерянных бонусов за лояльность. Поощрение за невыход эквивалентно наказанию за выход, в том смысле, что оно создает тот же разрыв между преимуществами продолжения и разрыва контракта.

В то время как стратегии ограничения выхода, основанные на наказании, теряют популярность, программы лояльности набирают ее. В 2012 г. в США действовало более 2,5 миллиарда индивидуальных программ лояльности; больше всего их было в области финансовых услуг (548 миллионов) и авиаперелетов (371 миллион) [5, примеры 1 и 4].

ШРД воспринимаются как наказание и отвергаются, тогда как программы лояльности вызывают одобрение. Компании не склонны афишировать свои «самые высокие штрафы за выход», но очень громко рекламируют «лучшие программы лояльности». Во многих областях – от страховых компаний до казино – предлагаются скидки и бонусы постоянным клиентам. Ограничение выхода с помощью вознаграждения находится на пике популярности.

3. СВОБОДНЫЙ ВЫХОД ИЛИ ОГРАНИЧЕНИЕ ВЫХОДА: ТЕОРИЯ

Начнем рассмотрение влияния свободного выхода на благосостояние потребителя и на общую эффективность с явления, которые мы называем «инвариантным результатом». Основная идея состоит в том, что при определенных условиях свободный выход из контракта не имеет значения для клиента, потому что он полностью отражен в других его положениях. Эта идея является критерием для последующего анализа; затем мы одно за другим отбрасываем инвариантные допущения, показываем благотворный эффект свободного выхода и доказываем, что он является мощным инструментом защиты прав потребителя.

3.1. Эталонный инвариантный результат

Приведем простой пример. Два продавца, А и Б, предлагают идентичный товар. Имеется два периода времени, и в течение каждого периода отдельный покупатель желает купить по одной единице товара. Цена на товар может колебаться как у разных продавцов, так и в течение времени. Предположим, что между продавцами существует ценовая конкуренция, все обладают полной информацией, в течение периодов скидки не предоставляются.

После того как покупатель выбрал продавца на период 1, существуют три возможности:

Свободный выход – в конце периода 1 покупатель может перейти к другому продавцу безо всяких затрат.

Ограничение выхода с помощью наказания – покупатель может перейти к другому продавцу в конце периода 1 только после оплаты установленного в контракте штрафа в пользу продавца периода 1.

Ограничение выхода с помощью поощрения – покупатель может перейти к другому продавцу в конце периода 1, но утратить право на вознаграждение за лояльность.

Предположим, что оба продавца могут предложить каждую единицу товара за \$100. Рассмотрим все возможности по порядку. Примем затраты на переход за \$20, в форме штрафа за выход или упущенной выгоды от программы лояльности.

Свободный выход. Конкуренция между продавцами приведет к тому, что в каждый период установятся цены, равные удельной цене, т. е. \$100. Поскольку в период 2 покупатель может без потерь перейти к другому продавцу, ни один продавец не сможет установить цену выше \$100 в этот период (а также установить цену ниже, что приведет к убыткам). Ожидая отсутствие дополнительной прибыли в период 2, цены в период 1 должны покрывать стоимость в период 1, т. е. \$100, а конкуренция – сдерживать цены. Следовательно, оба продавца установят цену в \$100 на период 1. Покупатель может остаться у первого поставщика или переключиться на другого в конце периода 1. Общая сумма, выплаченная покупателем за два периода, составит \$200.

Ограничение выхода с помощью наказания. Начнем с рассмотрения периода 2, если в период 1 покупатель покупал у продавца А. Если он перейдет к продавцу Б, то должен будет выплатить штраф в размере \$20. Продавец Б может попытаться убедить покупателя перейти к нему, но он не может предложить цену ниже \$100

(убыток продавца Б в период 2 не будет возмещен, поскольку период 2 считается последним). Понимая это, продавец А может назначить во втором периоде цену в \$120 без риска потерять клиента, и прибыль составит \$20. Теперь рассмотрим период 1: оба продавца будут пытаться привлечь покупателя и заработать \$20. Для этого им придется установить в периоде 1 цену ниже себестоимости. Оба продавца установят цену в \$80 – их себестоимость за период 1 в \$100 минус ожидаемая прибыль в периоде 2. Покупатель останется с тем же продавцом и заплатит \$80 и \$120 в 1-м и 2-м периодах соответственно, т. е. \$200 за все время. Из-за издержек переключения продавец периода 1 имеет фактическое преимущество на рынке, которое он использует, поднимая цены в периоде 2 и получая прибыль в \$20. Однако эта прибыль полностью перекрывается сниженной ценой в период 1. (Наш анализ ситуаций с ограничением выхода здесь и далее основан на [7].)

Ограничение выхода с помощью поощрения. Вознаграждение за лояльность можно рассматривать как наказание за выход с помощью утраты выгоды; выходя из отношений, клиент теряет вознаграждение за лояльность. Однако экономический анализ программ лояльности как механизма удержания клиента отличается от экономического анализа ограничения выхода с помощью штрафов. Главное отличие состоит в том, что программы лояльности оплачиваются по равновесной траектории, а штрафы за выход – нет. Рассмотрим сначала программы лояльности, не предполагающие вступительного взноса. Например, многие авиалинии предлагают бесплатно вступить в их программы лояльности. Рассмотрим период 2, если в периоде 1 клиент совершил покупку у продавца А. Продавец Б предлагает цену \$100. Чтобы удержать клиента, продавец А должен предложить номинальную цену не выше \$120, т. е. с учетом скидки за лояльность в \$20 эффективная цена в период 2 не превысила \$100. Возвращаясь к периоду 1, поскольку продавец А ожидает нулевую прибыль в период 2, цена в период 1 будет равна удельной стоимости в \$100.

Этот простой пример приводит к нескольким интересным выводам. Во-первых, заметим, что суммарная цена во всех случаях одинакова – \$200 и равна себестоимости за два периода (2 x \$100). Следовательно, для клиента нет разницы между тремя типами ситуации. Это эталонный инвариантный результат. В случае ограничения выхода с помощью наказания инвариант возникает благодаря тому, что любое влияние на рынок в период 2

полностью предопределено периодом 1. Поскольку скидка в период 1 возникает напрямую из потенциальной прибыли в период 2, ее размер будет в точности равняться величине прибыли. Каждый доллар прибыли, который продавец сможет извлечь в период 2, благодаря ограничениям выхода для клиентов, на доллар увеличивает скидку, которую продавец готов сделать в период 1, чтобы привлечь покупателей. В случае ограничения выхода с помощью поощрения общая сумма также составит \$200, но эффективная цена за каждый период равняется \$100, как и в случае свободного выхода.

Во-вторых, хотя общая сумма за два периода остается постоянной во всех случаях, ограничение выхода имеет значение, потому что в этом случае, будь то ограничение с помощью наказания или поощрения, клиент покупает только у одного продавца. В случае с наказанием цена растет с течением времени. Это часто наблюдается на рынках, где переход связан с издержками. Продавцы активнее борются за покупателя «на входе», предлагая скидки, привлекательные тарифы, подарки за подключение или бесплатные опции. После того как покупатель связан обязательствами, наступает пресловутый «период 2» – продавцы поднимают цены и увеличивают свою прибыль за период. Разница между ценами в периодах 1 и 2 определяется исключительно перераспределением издержек.

Инвариантный результат достаточно надежен [8]. В частности, он действует, когда стороны дают скидки на будущие выплаты, и тогда, когда мы рассматриваем более двух периодов. Ниже будут рассмотрены ситуации, когда иррелевантный результат нарушен и ограничение выхода ухудшает положение. Это ухудшение возникает из-за тех двух эффектов, о которых мы сейчас упоминали, – колебания цены и невозможности выхода. Но сначала прокомментируем проблему обязательств: почему продавец не может закрепить в контракте фиксированные цены на период? Почему продавец в нашем примере не может установить цену в \$100 в каждом из двух периодов? При наличии такого обязательства инвариантный результат превысит общую цену в сторону цен за оба периода во всех трех случаях⁷.

⁷ В основном примере продавец может придерживаться любой пары цен, которая в сумме составляет \$200, т. е. [\$100, \$100], [\$80, \$120] или [\$120, \$80]; когда мы рассмотрим искажения, возникающие при отклонении от ценовой схемы [\$100, \$100], станет понятно, что продавец предпочтет придерживаться схемы [\$100, \$100].

Обязательство на самом деле возможно, и мы наблюдаем это на потребительских рынках. Например, провайдеры беспроводной связи придерживаются фиксированной ежемесячной оплаты⁸. Однако возможности продавцов придерживаться своих обязательств ограничены. Во-первых, продавцы могут взимать дополнительные платежи в период 2. Например, это могут быть штрафы за просрочку платежа, за превышение неких ограничений, за недостаток средств на счете, оплата роуминга, комиссия за предоплату наличными и т. д. [9, 10]⁹. Во-вторых, перенося центр внимания с цен на качество, продавцы могут понизить качество товаров и услуг во второй период. Поскольку качество зачастую труднее измерить, чем цену, в контракте труднее отразить обязательства по критериям качества [7, Sec. 2.3.2]. Очевидно, что повышение оплаты и снижение качества – это важнейшие проблемы защиты прав потребителей, и решить эти проблемы может свободный выход из контракта. Для этого необходимо изучить последствия несовершенства контрактных обязательств.

3.2. Издержки ограничения выхода

Анализ в разд. 3.1 показал, что условия контракта не влияют на общую сумму, оплачиваемую покупателями, а значит, не должны влиять на их благосостояние или размещение средств. Как всякий инвариантный результат, его полезно рассматривать

⁸ Еще один интересный пример, когда закрепление обязательств оказывается возможным, это ограничение выхода с помощью поощрения. Оно не относится к примерам, описанным выше, где никаких обязательств не предполагалось. Мы говорим о другом типе программ лояльности, а именно со вступительным взносом. Например, кредитная карта выдается при условии оплаты вступительного взноса за участие в программе лояльности. В основном примере цена за период 1, включая вступительный взнос, составит \$120. В периоде 2 оплата с учетом вознаграждения за лояльность в размере \$20 составит \$80. Такие программы основаны на обязательстве продавца установить цену ниже себестоимости в периоде 2. При отсутствии обязанности продавец А установит эффективную цену в \$100 за период 2 (как это происходит в программах лояльности без обязательств). И, имея в виду цену \$100 в период 2, продавец А не сможет установить завышенную стоимость в \$120 в период 1. Интересно, что программы лояльности со вступительным взносом приводят к противоположному профилю цен по сравнению с ситуацией ограничения выхода с помощью наказаний.

⁹ С другой стороны, наблюдается также тенденция упрощения ценообразования и уменьшения штрафов. См. [10, ch. 2] (обсуждение работы Citi's «Simplicity Card»).

не в качестве эмпирического прогноза, а скорее как начальную точку для дальнейшего изучения причин, по которым различия в условиях контракта все же имеют значение. Такое исследование показывает, что ограничение выхода потенциально ущемляет клиента.

Дальнейший анализ включает три стадии. Сначала мы показываем несостоятельность предположения о совершенном прогнозе, которое лежит в основе рассуждения об инвариантном результате. Если мы отказываемся от смелого предположения о рациональном выборе, то ограничение выхода приводит к краху рынка. Затем мы показываем, как неблагоприятные последствия этого падения рынка усугубляются, когда мы отказываемся от дополнительных упрощений эталонного анализа, заключающихся в том, что качество неизменно, а продавцы идентичны. Наконец, мы рассматриваем другой тип краха рынка – угрозу конкуренции, которая возникает, когда эталонный анализ позволяет эндогенный вход на рынок.

3.2.1. Информация и рациональность

Основная угроза эффективности возникает из-за несовершенства предвидения потребителей. Вспомним, что ограничение выхода с помощью ШДР приводит к повышению цен в периоде 2 (либо снижению качества) плюс к штрафам за выход. Потребители, способные к совершенному предвидению, понимают это. Наступление периода 2 не открывает для них ничего нового. С их точки зрения, это всего лишь перераспределение денежных потоков, которое не влияет на экономическое поведение. Это инвариантный результат. В реальности нечасто можно встретить потребителя, который идеально информирован и способен предсказать изменение цен. На таких рациональных потребителей не производят сильного впечатления временные выгоды контрактов с ограничением выхода¹⁰.

Можно выделить по крайней мере три ошибочных предположения потребителей. Во-первых, потребители могут недооценивать издержки перехода или переоценивать выгоды отказа от перехода. Отраженные в контракте наказания часто недооцениваются, потому что не подчеркиваются при заключении контракта. Ин-

формация о штрафах дается мелким шрифтом, который потребители не читают. И, наоборот, преимущества лояльности – другой тип издержек перехода – часто переоцениваются, поскольку о них громко провозглашает реклама. Обе причины усиливают тенденцию потребителей заключать контракты с ограничением выхода.

Во-вторых, потребители могут не понимать связи повышения цены с ограничением выхода с помощью наказания, особенно если цена устанавливается в виде сложной многофакторной формулы, включающей множество отдельных выплат¹¹. Кроме того, потребители часто не видят границы между периодами 1 и 2, так как продавец не афиширует ее, пока не наступит время первого – взрослого – счета в периоде 2 (отсюда разговорное выражение «шок от счета»)¹². Противоположность повышению цен – снижение качества – также может недооцениваться покупателями. Аналогичным образом потребители могут предвкушать вознаграждение за лояльность, не обращая внимания на повышение цен на пути к нему.

В-третьих, потребители могут недооценивать свои потенциальные возможности в течение периода 2. Они могли бы получить большие выгоды от перехода

¹¹ Когда потребитель полностью рационален, повышение цен происходит только в случае ограничения выхода с помощью наказания. Когда потребитель не полностью рационален, повышение цен происходит также в случае ограничения выхода с помощью поощрения. В последнем случае увеличение эффективной цены происходит за счет завышенной оценки обещанного вознаграждения за лояльность. Такие обещания часто сопровождаются множеством ограничений, указанных мелким шрифтом: вспомните об ограничении вылета в определенные дни для постоянных пассажиров авиалиний или о сроках действия купонов. Потребители часто недооценивают такие ограничения, таким образом переоценивая ценность вознаграждения за лояльность. В первом примере номинальное повышение цены в периоде 2 в точности соответствовало величине вознаграждения за лояльность. Если потребители переоценивают ценность обещанного вознаграждения, то возрастание цены в период 2 превысит величину вознаграждения. Итоговая прибыль в период 2 повлечет за собой снижение цены в период 1, как показано в случае ограничения выхода с помощью наказания.

¹² По данным FCC, 30 миллионов американцев – каждый шестой пользователь мобильного телефона – испытывали «шок от счета», т. е. внезапное повышение ежемесячного платежа, которое не было вызвано изменением плана обслуживания. Почти половина пользователей мобильных телефонов и почти две трети пользователей широкополосных каналов связи, которые заключили контракты с ШДР, не знают размера штрафа, который они потенциально должны заплатить. См. [12].

¹⁰ Сходным нарушением восприятия потребителей является переоценка ими выгод свободного выхода, когда они не осознают, что он не исключает других издержек перехода, не отраженных в контракте. Ср. [11].

на продукты и технологии, которые в период 1 еще не существовали. Если потребители недооценивают скорость технологических изменений или условий рынка, либо изменений в их собственных предпочтениях, то они будут недооценивать и выгоды от возможности перехода, а значит, и существующие ограничения выхода. Например, заемщики, которые соглашаются на штрафы за досрочное погашение – даже те из них, кто понимает значение этого условия, – могут не осознавать всех экономических издержек от невозможности рефинансирования.

Ошибочные представления об ограничении выхода не всегда вредят потребителям. Например, потребитель может понять издержки ограничения и согласиться с ними (подробнее об этом ниже). Кроме того, конкуренция между продавцами может сделать нерациональный выбор более выгодным. Вспомним первый пример, когда на продукт стоимостью \$100 цена поменялась с \$80 до \$120 за счет штрафа за выход в размере \$20. Потребители получают значительное повышение цен в периоде 2, но даже если бы они предвидели его, они не обязательно отказались бы от такого контракта. Возможно, они и были разочарованы, но все равно поступили бы так же, и их не расстроит тот факт, что они не могли предвидеть изменений.

В других случаях, однако, нерациональные предположения потребителей воспринимаются ими как ущерб и приводят к неэффективным сделкам. Предположим, что потребитель не знает о штрафе за выход в размере \$20, ошибочно считая, что это \$0. Тогда он не сможет предвидеть повышения цены в период 2. Теперь предположим, что из-за этого повышения плохо информированный потребитель получает переплату в период 2, которую рациональный потребитель предвидел (и учел в период 1). Например, предположим, что цена продукта для потребителя составляет \$95. Продавец устанавливает цену в \$80 за период 1 и \$115 за период 2¹³. Доверчивый потребитель делает покупку в период 1 и желает разорвать контракт в период

2. Он экономит \$15 в период 1, но потеряет \$20 на штрафе за выход в период 2. Общий баланс составит -\$5. Частные убытки оборачиваются убытками для общества в целом из-за неэффективной покупки товара стоимостью в \$95 за \$80 в период 1. Конкуренция между компаниями не устраняет, а может и усугубить данные перекосы, потому что компании конкурируют за привлечение покупателей, даже если они платят меньшую цену.

В целом, поскольку отсроченные и ошибочно воспринимаемые условия контракта с ограничением выхода влекут за собой издержки и расходы, общая стоимость такого продукта или услуги будет недооцениваться. Значит, спрос на эти продукты и услуги будет искусственно завышен: потребители будут покупать продукты и услуги, которые им не следует покупать. Одно из проявлений этого противоречия – чрезмерная увлеченность первоначальными бонусами контрактов с ограничением выхода. Подарки, бесплатное оборудование и множество других бонусов «соблазняют» покупателя, но рациональные потребители часто предпочтут отказаться от этих приманок, так как понимают их истинную цену. Многие из них будут лучше пользоваться своим старым смартфоном, чем обменять его на слегка улучшенную модель с условием продления контракта с ограничением выхода со своим провайдером. Аналогичным образом спрос будет искусственно завышен, если обещанные преимущества вознаграждения за лояльность оказались переоцененными или если потребители недооценили повышение цены, которое предусматривают некоторые программы лояльности.

Ограничение выхода является рациональным ответом продавца на несовершенство предвидения или информированности со стороны покупателя. По сравнению со свободным выходом ограничение выхода предполагает недооценку будущих издержек или переоценку будущих выгод. Таким образом, продукт, предлагаемый при условии ограничения выхода, кажется более привлекательным. Соответственно, продавец, предлагающий свободный выход, проигрывает продавцу, предлагающему контракт с ограничением выхода [10].

3.2.2. Переменное количество и неоднородность сторон

Ущерб от ошибочных представлений потребителя увеличится, если мы откажемся от двух дополнитель-

¹³ Если в период 2 цена превысит \$115, то потребители предпочтут заплатить \$20 штрафа за выход, так как покупка по этой цене превысит ущерб в \$20. Тогда продавец получит штраф за выход в размере \$20. Если в период 2 цена составит \$115 или ниже, то покупатели предпочтут сделать покупку, но прибыль продавца составит максимум \$15.

ных допущений эталонного анализа, а именно, что количество товара фиксированно и что стороны – и продавцы, и покупатели – однородны.

3.2.2.1. *Переменное количество.* Инвариантный результат предполагал, что в каждый период приобретается одна единица товара. На практике количество покупок – это функция от предпочтений покупателя и, что очень важно, от цены товара. Контракты с ограничением выхода могут привести к неэффективному количеству товара. Это относится только к контрактам с ограничением выхода на основе наказания и является следствием повышения цен, которое характерно для таких контрактов. В частности, в таких случаях цена в период 1 низкая, а в период 2 высокая, тогда как контракты двух других типов не предусматривают изменения цен в разные периоды. Такое положение может вести к снижению эффективности. При контракте со свободным выходом и с ограничением выхода на основе поощрения цена в обоих периодах равна. Такое положение ведет к эффективности количества товара. В каждом периоде покупатель приобретет товар тогда и только тогда, когда его выгода превышает цену.

С другой стороны, в случае ограничения выхода на основе наказания более низкие цены в период 1 ведут к чрезмерному количеству товара, а завышенные в период 2 – к неоправданно низкому. Такие перекосы не только приводят к неэффективности, но и наносят ущерб потребителям. Например, высокая цена в период 2 сокращает потребление¹⁴. Кредитные карты с низкими ставками в период 1 могут спровоцировать чрезмерные займы. Идеально информированные и абсолютно рациональные потребители способны предвидеть такие количественные перекосы. Они понимают, что контракты с ограничением выхода, поскольку в них заложено повышение цены, снижают общую ценность их сделок; они будут отказываться от таких контрактов или подстраивать количественные показатели своего потребления, чтобы преодолеть эти перекосы. Например, они осознают, что первоначальные скидки приведут их к покупке товара, который иначе они не могли бы себе позволить, и что позже придется нести дополнительные издержки. Или они могут совершать

¹⁴ Более детальный анализ проблемы количественной неэффективности, а также других издержек ограничения выхода, см. в [8].

более дорогие и менее необходимые покупки, чтобы получить вознаграждение. Доверчивые потребители могут недооценивать издержки таких количественных колебаний и, следовательно, поддерживать необходимую дисциплину потребления и воздерживаться от неэффективных контрактов с ограничением выхода.

3.2.2.2. *Неоднородность продавцов.* Инвариантный результат предполагает, что продавцы идентичны, следовательно, приверженность к любому из них не имеет значения. Если же продавцы неоднородны, ограничение выхода может дорого обойтись. Важное различие между свободным выходом и ограничением выхода – показанное на множестве примеров, в том числе с инвариантностью цены, – это «лояльность» покупателя одному продавцу, т. е. отсутствие перехода при равновесии. При эталонном анализе это было несущественно, так как предполагается, что продавцы однородны, т. е. удельная себестоимость и удельная выгода для покупателей одинаковы, независимо от продавцов и периода. В реальности такое свойство идентичности может привести к неэффективности. Эмпирически понятно, что в динамических конкурентных рынках продавцы постоянно улучшают свой товар и предлагают его более высокого качества или по более низкой цене. Таким образом, качество и цена товара будут отличаться у разных продавцов и в течение времени. Качество товара может и снижаться. Лояльность, на которую влияют и издержки перехода, уменьшает вероятность того, что покупатели перейдут на более качественный, инновационный продукт или перестанут покупать дешевый товар. Такое явление мы называем отклонением негибкости. Отметим, что эта проблема относится к ограничениям выхода как с помощью наказания, так и с помощью поощрения.

Отклонение негибкости сдерживает выгодные переходы и уменьшает общую ожидаемую ценность сделки. Как и при переменном количестве, отклонение негибкости не имеет большого значения, если покупатели способны предвидеть последствия. Если продавцы неоднородны и ограничение выхода может предотвратить переход к более привлекательному продавцу, продвинутый покупатель понимает, что контракт с ограничением выхода уменьшает общую ожидаемую ценность сделки, и воздерживается от заключения такого контракта. Если покупатели предвидят потенциальные издержки контракта с ограничением выхода, они будут требовать свободного выхода

(или более крупные скидки за ограничение выхода, которые продавцы сделать не могут). Но когда менее продвинутый покупатель недооценивает отклонение негибкости, такое уравнивающее давление со стороны спроса не может предотвратить появление затратных контрактов с ограничением выхода.

3.2.2.3. Неоднородность покупателей. Предположим, что ущерб от контракта с ограничением выхода различен для разных покупателей. Одни клиенты ценят гибкость и возможность перейти от одного поставщика к другому, другие – привычки и не стремятся часто менять их. В идеале первые будут чаще выбирать контракты со свободным выходом, чем вторые, отказываясь от первоначальных скидок или наград за лояльность, присущих контрактам с ограничением выхода.

Возможно, однако, что преобладание контрактов с ограничением выхода сокращает возможности потребителей выбирать свободный выход. Представим поставщика, предлагающего хорошие бонусы за лояльность. Выше мы показали, что даже в отсутствие какого-либо несовершенства рынка ценность бонуса полностью перекрывается более высокой ценой. В нашем эталонном анализе потребители, участвующие, например, в программе поощрения авиакомпании, платят более высокую номинальную цену за отдельную сделку, возмещая эти дополнительные платежи через бонусы по программе лояльности. Потребители, не вступившие в программу лояльности, платят меньше и не получают бонусов. Если потребители рациональны и хорошо информированы, поставщики перераспределяют уровень цен между ними на основе их членства в программах лояльности, и клиенты сами выбирают между свободным выходом и ограничением выхода.

Однако, как мы видели, многие потребители не являются рациональными и хорошо информированными, поэтому такое эффективное сегментирование рынка не всегда отражается на практике. Если в программе лояльности участвует множество потребителей и поставщики хотят побудить еще больше клиентов участвовать в ней, то они могут предложить одинаковую цену независимо от членства в программе. Например, авиалинии или отели не устанавливают более высокую цену для клиентов, которые не участвуют в программе лояльности. Единые цены отражают ожидаемые бонусы, на которые потребители имеют право. Одинаково высокие цены

могут устанавливать как авиакомпании с щедрой программой лояльности для постоянных клиентов, так и авиакомпании с высоким вступительным взносом. Например, если 80 % клиентов авиакомпании подписаны на программу лояльности, а каждый перелет дает право на бонус в размере \$100, то единая цена будет на \$80 (80 % x \$100) выше, чем цена авиакомпании без программы лояльности. Потребители, предпочитающие контракты со свободным выходом и более низкие цены за отдельный перелет, могут летать более дешевыми авиакомпаниями, где бонусы и вступительные взносы ниже, но у них будет ограниченный выбор. Ограничение выхода, особенно с помощью поощрений, перекладывает издержки на тех потребителей, которые ценят гибкость, а не бонусы за лояльность, т. е. на тех, кто предпочитает контракты со свободным выходом.

3.2.3. Эндогенный вход

Инвариантный результат, рассмотренный в разд. 3.1, основывался на еще одном упрощении: количество продавцов определяется внешними факторами. Но продавцы могут вступать на рынок и выходить из него, а интенсивность конкуренции может зависеть от условий контрактов [13]. Делая переход к новому поставщику более сложным для клиента, контракты с ограничением выхода – как с помощью наказания, так и с помощью поощрения – делают вступление на рынок менее выгодным. В результате ограничение выхода помогает поддерживать олигопольные рынки и лишает потребителей преимуществ более интенсивной конкуренции [7, Sec. 2.7]. Эти эффекты были хорошо изучены на примере рынка авиаперевозок. Программы для постоянных клиентов – аналог программ лояльности, помогающие крупным авиакомпаниям занимать ключевые аэропорты, где их доминирование не позволяет выйти на рынок потенциально более эффективным конкурентам. Затем доминирующая авиакомпания может устанавливать высокие цены, от чего страдают потребители [14, 15, 16].

Такой сдерживающий эффект вступления на рынок и конкуренцию действует даже тогда, когда потребители рациональны и хорошо информированы. Продвинутый потребитель может отлично понимать, что контракт с ограничением выхода не позволит более эффективному поставщику вступить в рынок в период 2. Но тот же потребитель понимает, что его

индивидуальный отказ от контракта с ограничением выхода не окажет значимого влияния на возможность вступления на рынок для эффективного конкурента. Проблема здесь заключается в одном из видов экстерналий или коллективной деятельности, а не в несовершенстве информации или рациональности.

3.3. Эффективность инвестиций

Ценность продукта или услуги во многом определяется инвестициями, которые поставщик вкладывает в их улучшение. Провайдеры кабельных сетей могут повысить ценность своих услуг, инвестируя в более качественный и разнообразный контент или в широкополосную инфраструктуру, а провайдеры беспроводной связи – вкладываясь в создание сети или строительство вышек. Спутниковому телевидению поможет установка дополнительных антенн. Фитнес-клуб может инвестировать в новое оборудование. Если свободный выход должен служить средством защиты прав потребителя, то он должен способствовать вложениям, которые поддерживают или улучшают качество продукта. Так ли это на самом деле? Как свободный выход, в сравнении с ограничением выхода, способствует эффективным инвестициям?

Базовое, эмпирическое умозаключение может быть следующим: ограничение выхода гарантирует поставщику более длительное действие контракта, а значит, и больший возврат инвестиций. В результате ограничение выхода должно быть связано с большим объемом инвестиций и более высоким качеством продукта. Это умозаключение оказывается ошибочным, так как не учитывает более тонкого эффекта: при свободном выходе, несмотря на потенциально более короткий срок отношений, поставщик имеет дополнительный стимул для инвестиций – удержать клиента. Не полагаясь на штрафы за выход из контракта, он вынужден улучшать качество продукта, чтобы убедить клиента остаться.

В предыдущих исследованиях [8] мы показали, что нельзя утверждать, что поставщики будут инвестировать меньше при условии свободного выхода. Ограничение выхода заставляет клиента оставаться с данным поставщиком на более долгий период. Но при свободном выходе потребитель может добровольно остаться на более долгий период. При равновесии поставщики контрактов со свободным выходом инвестируют в качество, и потребители остаются с ними дольше, чем на один период (таким образом оправды-

вая инвестиционные затраты). Когда стратегическая мотивация поддержания удовлетворенности клиентов сильна, инвестиции при условии свободного выхода превышают инвестиции при условии ограничения выхода. Этот результат отражает одну из основных характеристик свободного выхода как инструмента защиты прав потребителя: способность уменьшить низкое качество.

3.4. Сигнальное устройство

До сих пор мы по умолчанию считали, что покупатели осведомлены о качестве предлагаемого продукта¹⁵. На многих потребительских рынках это допущение нереалистично. Потребители осведомлены о качестве товара лишь в ограниченной степени. Рассмотрим качество беспроводной связи (качество приема). Провайдер разбирается в нем, но потребители в целом имеют слабое представление. Поставщики продукта высокого качества (тип В) желают сообщить о нем потребителям. Но простое заявление «Наш продукт высокого качества» никого не убедит. Любой поставщик, включая поставщика продукта низкого качества (тип Н), может сделать такое заявление (закон против недостоверной рекламы (США. – Прим. ред.) не может искоренить все такие попытки). Поэтому В-поставщикам необходимо средство, надежно доказывающее высокое качество их продукта. При этом оно должно быть защищено от использования Н-поставщиками.

Таким инструментом является контракт со свободным выходом¹⁶. В-поставщик знает, что если потребитель купил его продукт в период 1, то он будет доволен его качеством и купит его также в период 2. Ограничения выхода не требуется. Н-поставщик, наоборот, предвидит, что потребитель будет недоволен качеством и, в отсутствие ограничения выхода, перейдет к другому поставщику в период 2. Такой дифференцирующий эффект права свободного выхода

¹⁵ Мы делали допущение о несовершенстве информации и даже о предвзятом восприятии касательно условий контракта. См. выше разд. 3.2.

¹⁶ Другие положения контракта выполняют сходную сигнальную роль. Например, производители автомобилей предлагают дорогостоящее гарантийное обслуживание, чтобы показать, что они уверены в высоком качестве своей продукции. См. [17]. Продавцы также могут предлагать контракты с условием значительных выплат в случае дефектов продукта, подчеркивая низкую вероятность таких поломок. См. [18].

в случае поставщиков В и Н типов делает это право надежным сигналом качества. Только В-поставщик предложит свободный выход.¹⁷

Результатом станет сигнальное равновесие: вместо того чтобы просто заявить о высоком качестве своего продукта, В-поставщик подкрепит его условием свободного выхода. Теперь, когда они могут надежно заявить о высоком качестве своего продукта, можно обоснованно устанавливать на него более высокую цену.

Некоторые потребители будут платить эту цену; другие предпочтут более низкое качество и более низкую стоимость продукта, предлагаемого Н-поставщиком¹⁸.

Сигнальное равновесие демонстрирует интересную особенность: когда потребитель хочет выйти из контракта или перейти к другому поставщику из-за низкого качества продукта, ограничение выхода не позволяет ему этого сделать. Но когда потребитель удовлетворен высоким качеством продукта и не хочет прерывать контракт, контракт В-поставщика со свободным выходом позволяет ему выход.

3.5. Выводы

Подведем итоги нашей дискуссии по экономическим характеристикам контракта со свободным выходом. Парадоксальным выводом из нашего анализа стал иррелевантный результат: на первый взгляд, контракты с ограничением выхода, будь то с помощью наказания или поощрения, безвредны, влияют как максимум на цены внутри периодов, но не затрагивают общую цену за несколько периодов. Наш последующий анализ показал, что ущерб вызывается перераспределением издержек и выгод между периодами времени, возникающими вследствие условия ограничения выхода, а также ошибочными представлениями из-за такого перераспределения. Кроме того, ограничение выхода затрудняет вступление на рынок, подавляя конкуренцию и инновации.

¹⁷ Что произойдет, если Н-поставщики попытаются притвориться В-поставщиками и предложат свободный выход? Н-поставщики столкнутся с более частными случаями выхода, и их доля рынка понизится. Следовательно, в долгосрочной перспективе только В-поставщики будут предлагать свободный выход.

¹⁸ Некоторые из несовершенного рациональных потребителей также будут покупать у Н-поставщиков из-за недооценки издержек ограничения выхода. См. выше разд. 3.2.

Кроме того, наш анализ инвестиционной эффективности показал сдерживающее влияние выхода из контракта; угроза выхода заставляет поставщика быть честным и поощряет поддерживать и повышать качество своей продукции. Наконец, свободный выход дает возможность поставщикам качественной продукции ответственно заявить о ее ценности и отделить себя от конкурентов с низким качеством продукции.

В нашем анализе особое внимание уделялось издержкам ограничения выхода. Эти издержки, однако, не являются неизбежными и не наблюдаются на всех рынках и относительно всех потребителей. Также не все потребители страдают от недостатка информированности или рациональности, что не позволяет оценить ущерб от ограничения выхода. Действительно, как будет показано ниже, потребители становятся все более продвинутыми в своих представлениях о выгоде свободного выхода и издержках ограничения выхода из контракта. Аналогичным образом риск того, что контракты с ограничением выхода затрудняют эффективное вступление на рынок новых поставщиков, относится к некоторым рынкам, но не ко всем.

Анализ проливает свет на недавнее широкое распространение свободного выхода как условия контракта. Когда потребители недооценивали издержки ограничения выхода, особенно ограничения с помощью наказаний, продавцам было выгодно заключать такие контракты, получая прибыль с потребителей, которые не могли разорвать контракт. Положение изменилось, когда потребители осознали бремя этих контрактов – повышение цен, штрафы за выход, дорогостоящее отсутствие гибкости. В результате потребители стали гораздо осторожнее относительно краткосрочных выгод и ограничения выхода взамен.

Это, в свою очередь, вынудило поставщиков использовать контракт со свободным выходом (часто под лозунгом нулевого контракта) в качестве скрепляющего механизма – обязательства поддерживать высокое качество и избегать эксплуатации потребителей, а также в качестве сигнального устройства для поставщиков высококачественной продукции.

В то время как ошибочные представления о контракте с ограничением выхода с помощью наказания постепенно исчезают, этого нельзя сказать о контракте с ограничением выхода с помощью поощрения. Издержки перехода, на которые опираются программы лояльности, менее явные – это скорее издержки

упущенной выгоды, чем прямые выплаты; именно поэтому многие потребители продолжают недооценивать ущерб от ограничения выхода. Потребители знают много о штрафах за досрочное расторжение и относительно мало об издержках программ лояльности – это еще одна причина, почему эти две схемы по-разному воспринимаются при оценке издержек перехода. Штрафы воспринимаются как убыток, а бонусы за лояльность – как выигрыш. А как известно, убытки всегда кажутся больше, чем выигрыш [19].

Вступая в программу, чтобы получить баллы за пребывание в отеле, авиаперелет или аренду машины, потребители представляют себе выгоды, которые они получают, при этом считая, что все остальные условия равны. Они часто упускают из виду, что прочие условия не равны – например, цены выше или нельзя выбрать более выгодную альтернативу. И спустя время поток бонусов заставит не думать об издержках, связанных с ограничением выхода¹⁹. Неудивительно, что тенденция свободного выхода сопровождается уменьшением количества контрактов со штрафами, а не с программами лояльности. Тем не менее стоит заметить, что по крайней мере некоторые программы лояльности становятся менее щедрыми [20, 21]. Хотя считается, что такое сокращение неблагоприятно для потребителей, наш анализ доказывает обратное. Уменьшение бонусов за лояльность сокращает скрытые издержки контрактов с ограничением выхода, давая потребителям защиту в виде свободного выхода.

4. ЗАКОН СВОБОДНОГО ВЫХОДА ИЗ КОНТРАКТА

Мы показали, что ограничение выхода может нанести ущерб потребителям и общественному благу. Этот ущерб объясняет пристальное внимание закона к некоторым формам контрактов с ограничением выхода. Суды рассматривают штрафы за досрочное расторжение контракта – основное условие контрактов с ограничением выхода с помощью наказаний – как

потенциально незаконные оплаченные убытки в рамках общего закона «О наказаниях» и федеральных и региональных законов о защите прав потребителей (США. – Прим. ред.). Использование штрафов за досрочное расторжение на некоторых потребительских рынках было ограничено как на уровне законодателей, так и судов. (В некоторых случаях при оспаривании ограничений выхода может также использоваться антитрестовый закон.)

Законы, регулирующие наказания за выход, рассматриваются в разд. 4.1. Раздел 4.2 дает оценку законодательства в свете теоретических положений, разработанных в разд. 3. Мы считаем, что использование закона «О наказаниях» в отношении ШДР является полностью ошибочным. Раздел 4.3 показывает, что условия выхода более явно прописываются в контрактах, а поставщики отвечают на запрос о свободе выхода со стороны информированных клиентов. Тенденция свободного выхода, которая во многом является добровольным ответом рынка на возросшее понимание потребителями издержек ограничения выхода, сокращает необходимость во вмешательстве закона. Фактически обязательное право выхода уменьшит возможности потребителей выбирать между более или менее выгодными вариантами выхода из контракта.

Существует, однако, важное препятствие на пути к такому светлому будущему: это программы лояльности. Как мы уже видели, это своего рода закрепленные в контракте издержки перехода, которые также ограничивают для потребителя выход из контракта, но без соответствующей негативной окраски. По этой причине программы лояльности продолжают пользоваться популярностью, несмотря на то, что контракт со свободным выходом отвечает неприятию клиентов контрактов с ШДР. Что касается вмешательства закона, то, как ни парадоксально, ему, возможно, следует сфокусироваться на программах лояльности, которые так нравятся клиентам, а не на всем ненавистных штрафах за досрочное расторжение.

4.1. Незаконный оплаченный ущерб

Ограничение выхода часто обеспечивается заранее установленным штрафом за досрочное расторжение, который в контрактах обычно именуется ШДР. Договорное право рассматривает ШДР как оплаченный ущерб за нарушение контракта потребителем. Тра-

¹⁹ Некоторые условия «мелким шрифтом» относительно бонусов за лояльность, как, например, ограничение в некоторые дни права на бесплатные мили авиаперелетов, становятся лучше известны потребителям, как через их собственный опыт, так и через рекламу конкурентов. См., например, URL: <http://www.starwoodhotels.com/alofthotels/programs/index.html>

диционно такой ущерб оценивается в соответствии с законом «О наказаниях», который позволяет судам применять статьи о превышенном оплаченном ущербе²⁰. Кроме того, местные законы о защите прав потребителей иногда включают специальные запреты против чрезмерного возмещения ущерба (например, California Civil Code § 1671; Ill. Consumer Fraud and Deceptive Practices Act, 815 ILCS 505/2DDD (d)(6)(e)). Федеральное законодательство вводит подобные запреты на определенных рынках, например, на рынке аренды или потребительских кредитов (Federal Consumer Leasing Act, 90 Stat. 257 (15 §§ 1601, 1640, 1667, 1167a to 1667e); Dodd-Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act of 2010, Pub. L. 111-203, Sec. 1414).

Основной вопрос, который рассматривает закон «О наказаниях», – является ли ШДР компенсаторным или карательным. Для ответа на этот вопрос методология требует сравнить величину ШДР и потерянную прибыль от досрочного выхода из контракта. Большая часть судебных процессов касалась контрактов в сфере беспроводной связи.

Примерно до 2008 г. типичный контракт в сфере беспроводной связи включал ограничение на выход в течение двух лет и установленный размер ШДР. Обычно ШДР равнялся \$250 независимо от времени досрочного расторжения, будь то первый или последний месяц двухгодичного срока. Фиксированные ШДР в контрактах в сфере беспроводной связи представляли собой легкую мишень в суде. Поскольку убыток провайдера от досрочного расторжения контракта представляет собой функцию остатка времени от двухгодичного срока, такие фиксированные ШДР не являлись убедительным обоснованием ущерба. В частности, если расторжение происходит в конце двухгодичного срока, то ШДР, очевидно, будет чрезмерной компенсацией²¹.

²⁰ См. Restatement (Second) of Contracts, Sec. 356 (1981); Uniform Commercial Code, § 2-718. О применении доктрины наказаний к ШДР, см. United Air Lines Inc. v. Austin Travel Corp. 867 F. 2d 737 (2d Cir., 1989).

²¹ См., например, [22]. Компании сотовой связи заявляли, что, хотя реальный ущерб зависел от времени расторжения контракта, даже нижний уровень ущерба превышал установленные ШДР. См. In re Cellphone Termination Fee Cases, 193 Cal App 4th 298, 122 Cal Rptr 3d 726 (2011), reh'g denied (March 24, 2011), review denied (June 15, 2011), cert denied, 132 S Ct 555, 181 L Ed 2d 397 (2011).

При этом суды пытались найти подходящий метод расчета прибыли, потерянной в результате выхода клиента из контракта, – это необходимое условие для оценки законности ШДР. В результате суды обратили внимание на важнейший вопрос: является ли цель ШДР компенсаторной?²² Так, в 2011 г. суд Калифорнии принял решение по делу In re Cellphone Termination Fee Cases (193 Cal App 4th 298, 122 Cal Rptr 3d 726 (2011)) ("Cellphone Cases"), отменив ШДР в контрактах на беспроводную связь Sprint из-за отсутствия компенсаторного назначения этих штрафов. Опираясь на внутренние переговоры между сотрудниками Sprint, суд обнаружил, что назначением ШДР было уменьшение так называемого коэффициента текучести – доли клиентов, досрочно разрывающих контракт, а не покрытие убытков от таких досрочных расторжений. Другими словами, суд решил, что ШДР неприменимы в той функции, которую они выполняли, – предотвращения досрочных расторжений, а не компенсации ущерба. Суд счел нерелевантным утверждение Sprint, что ШДР приносят выгоду потребителям, позволяя компании Sprint предлагать низкие ежемесячные тарифы и оборудование со скидкой. ШДР, которые не несут функцию возмещения убытков, являются незаконными.

Практические последствия решений как по данному делу, так и по другим, касающимся ШДР в контрактах в сфере беспроводной связи, ограничены. В ответ на судебные разбирательства по поводу ШДР и под угрозой возможных решений Федеральной комиссии по коммуникациям все крупные провайдеры в США перешли от инвариантным к пропорциональным ШДР – это штрафы, которые уменьшаются в пропорции к оставшемуся сроку контракта.²³ Такие штрафы гораздо сложнее оспорить в рамках закона

²² Центральная роль назначения является в некоторой степени результатом применения законов, специфичных для Калифорнии. См. Hitz v. First Interstate Bank, 38 Cal. App. 4th 274, 289, 44 Cal. Rptr. 2d 890 (Cal. App. 1 Dist., 1995). («Важно не то, что оплаченный ущерб непропорционален ущербу от расторжения, а то, что штраф должен был значительно превысить ущерб, т. е. принести прибыль».)

²³ Контракт с компанией Verizon Wireless устанавливает ШДР в размере \$350, или менее \$10 за каждый полный месяц (URL: [www.verizon-wireless.com/b2c/globalText?textName=CUSTOMER_AGREEMENT&jspName=footer/customer Agreement.jsp](http://www.verizon-wireless.com/b2c/globalText?textName=CUSTOMER_AGREEMENT&jspName=footer/customer%20Agreement.jsp), дата обращения 24.07.2012); контракт с AT&T устанавливает ШДР

«О наказаниях», и, действительно, до сих пор не было судебных решений по пропорциональным ШДР²⁴.

Помимо потребительских контрактов в сфере телекоммуникаций, доктрина оплаченных убытков часто используется для регулирования досрочного расторжения в различных долгосрочных контрактах. Например, в сфере лизинга Федеральный закон о потребительском лизинге запрещает чрезмерную компенсацию оплаченных убытков, пользуясь терминологией, сходной с Общим Законом «О наказаниях» (Pub. L. 94-240, March 23, 1976, 90 Stat. 257 (15 §§ 1601, 1640, 1667, 1167a to 1667e))²⁵. Данный закон с успехом применялся при оспаривании ШДР при лизинге автомобилей. Автомобили быстро теряют товарную стоимость при лизинге. Владельцы пытались доказать, что большую часть ущерба от утраты товарной стоимости автомобиля (или весь ущерб) должны нести те потребители, кто досрочно расторгает контракт лизинга. Некоторые пошли еще дальше, устанавливая ШДР в размере, превышающем общие выплаты по договору лизинга. Суды в основном отменяли ШДР, если обнаруживали, что досрочное

расторжение договора лизинга приносит крупную выгоду владельцу (например, *Mitchell v. Ford Motor Credit Co.*, 702 F. Supp. 2d 1356, 1368 (MD Fla. 2010)).

Как мы видели, некоторые суды отменяют ШДР, если он превышает реальный ущерб или если назначение его не компенсаторное. Другие суды, не желая критиковать контракты с ограничением выхода, отказываются признавать, что ШДР неоправданно завышены или не имеют компенсаторного назначения. Взамен такие суды оспаривают саму классификацию ШДР как оплаченного ущерба. Вместо этого они предлагают считать ШДР «альтернативным образом действий». Имеется в виду, что потребитель может продолжать действовать в рамках контракта, осуществляя ежемесячные платежи, или прервать контракт и выплатить ШДР. При такой интерпретации решение потребителя прервать контракт не считается нарушением, поэтому ШДР не являются оплаченным ущербом²⁶. Некоторые потребительские контракты закрепляют это разграничение и явно указывают, что «ШДР является частью данного соглашения, а не наказанием»²⁷.

Что касается правил на отдельных рынках, то на определенных потребительских рынках законы

в размере \$325, или менее \$10 за каждый полный месяц (URL: <http://www.att.com/shop/legalterms.html?toskey=wirelessCustomerAgreement&>, дата обращения 24.07.2012); Контракт с компанией Sprint \$10 за каждый оставшийся месяц (\$20 за «продвинутое оборудование»), но не более \$200 и не менее \$50 (максимум \$350 и минимум \$100 за «продвинутое оборудование») (URL: http://support.sprint.com/support/article/Learn_about_early_termination_fee/case-sp061027-20110823-171256, дата обращения 24.07.2012); контракт с компанией T-Mobile устанавливает ШДР в размере \$200 за остаток срока более 180 дней, \$100 за 91-180 дней, \$50 за 30-90 дней, \$50 или ежемесячный платеж, считая то, что меньше, за 30 и менее дней (URL: <http://support.t-mobile.com/docs/DOC-2938>, дата обращения: 24.07.2012). См. также [22].

²⁴ Кроме того, было оспорено, что закон штата, включая ограничения величины оплаченного ущерба, противоречит Федеральному закону о коммуникациях, запрещающему штатам регулировать тарифы на беспроводную связь. Раздел 332 данного федерального закона, 47 USC 151-615(b) (2006) устанавливает, что «никакой штат или местное правительство не имеет полномочий устанавливать тарифы на коммерческие услуги мобильной связи или частного провайдера мобильной связи, однако данный параграф не запрещает регулирование других условий предоставления коммерческих услуг мобильной связи».

²⁵ По этому закону оплаченный ущерб допускается только при условии его «разумности», с учетом 1) ожидаемого или реального ущерба, 2) невозможности доказать убытки и 3) невозможности получить адекватную компенсацию другим способом. См. 15 USC § 1667b(b).

---

²⁶ См., например, *Hutchison v. AT&T Internet Services, Inc*, CV07-3674 SVW (JCX), 2009 WL 1726344 (CD Cal May 5, 2009) *affd sub nom Hutchison v. Yahoo! Inc.*, 396 F App'x 331 (9th Cir., 2010) ("настоящая функция ШДР не наказание, а альтернативный способ ведения бизнеса"); *Minnick v. Clearwire US, LLC*, 683 F. Supp. 2d 1179, 1184 (W.D. Wash. 2010) (там же); *Schneider v. Verizon Internet Services, Inc.*, 400 F. App'x 136, 138 (9th Cir. 2010) (там же); *Williams v. Oberon Media, Inc.*, CV098764-JFW AGRX, 2010 WL 1644888 (C.D. Cal. Mar. 4, 2010) (там же, в контракте на обслуживание видеоигры). Некоторые из судов, придерживавшихся такой точки зрения на ШДР, опирались на тот факт, что ШДР «примерно равны» стоимости продления контракта для потребителя. См., например, *Minnick v. Clearwire U.S. LLC*, 174 Wash. 2d 443, 446, 275 P.3d 1127, 1129 (2012) («Поскольку ШДР в момент заключения контракта предоставлял потребителю "реальную возможность" и примерно равнялся по цене альтернативной возможности выполнения контракта, мы считаем, что это альтернативное условие контракта, а не условие оплаченного ущерба» (выделено авторами)).

Другие суды считают, что ШДР не являются «альтернативным способом ведения бизнеса», отмечая, что «контракт, предусматривающий альтернативное исполнение, является, по сути, контрактом, допускающим единственное, конкретное условие с дополнительной оплатой нарушения такого условия». *Cellphone Cases*, 193 Cal App 4th 298, at 328 (2011).

²⁷ См. контракт с Xbox live, разд. 11, на URL: <http://www.xbox.com/en-US/Legal/xbox-live-contract-terms>.

и правила устанавливают свои пределы допустимой величины ШДР. Яркий пример таких правил – комиссии за досрочное погашение в ипотечных договорах. Закон о защите прав потребителей Dodd-Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act от 2010 г. ограничивает такие комиссии только первичными ипотечными кредитами с фиксированными ставками. Кроме того, даже если комиссии допустимы, накладывается ограничение на их размер и продолжительность: комиссия за досрочное погашение не может превышать 3 % суммы платежа в течение первого года после заключения ипотечного договора, 2 % в течение второго года и 1 % в течение третьего. Далее никаких комиссий за досрочное погашение не взимается (Pub. L. 111203, Sec. 1414)²⁸.

Кроме того, многие штаты регулируют ШДР в контрактах на коммунальное обслуживание. Так, в Нью-Йорке ШДР в контрактах с альтернативными поставщиками электроэнергии не может превышать \$100 при остатке срока менее 12 месяцев и \$200 при остатке срока более 12 месяцев [23]. В Иллинойсе альтернативные поставщики газа не могут назначать ШДР более \$50 [24]; ШДР в контрактах кабельной связи регулируются строгими формулами (220 ILCS 5/22-501(I)).

4.2. Является ли доктрина о наказаниях надлежащей точкой отсчета?

В разд. 3 мы рассмотрели законодательную базу, определяющую экономические основания для вмешательства в контракты с ограничением выхода. Такими являются ситуации, когда подобные контракты наносят ущерб потребителям и общественному благу в целом. Затем мы показали, что суды рассматривают контракты с ограничением выхода и освобождают потребителей от их долгосрочных обязательств, когда ШДР кажутся чрезмерными в рамках доктрины о наказаниях. В данном разделе мы ставим вопрос, является ли правовое рассмотрение ШДР в рамках

доктрины о наказаниях правомерным с точки зрения экономических оснований для вмешательства в контракты. Мы считаем, что такая правомерность ограничена. Доктрина о наказаниях и соответствующее законодательство не представляются подходящими для применения экономических положений контрактов с ограничением выхода.

В целом вопрос суда, является ли ШДР чрезмерным, ошибочен. ШДР являются частью контракта с ограничением выхода, по условиям которого потребители пользуются первоначальными скидками, а поставщики принимают на себя первоначальные потери. Если в течение первого периода поставщик предоставил потребителю большую скидку (\$20 в нашем примере в разд. 3), то во втором периоде он может назначить большой штраф (те же \$20). Адекватный вопрос состоит в том, должны ли поставщики иметь право предлагать первоначальные бонусы за последующие издержки, а не в том, являются ли ШДР чрезмерными.

Расследование по поводу назначения платежей, как в случае *Cellphone Cases*, также нерелевантно. Суд отменил ШДР на основании того, что они были назначены для уменьшения «коэффициента текучести». Поскольку они служили карательным, а не компенсаторным средством, ШДР были признаны незаконными²⁹. Однако карательная и компенсаторная функции не исключают друг друга. ШДР могут в одно и то же время служить снижению уровня досрочного расторжения и компенсировать ущерб от потерянной выгоды, если оно все же произошло. Более того, даже полностью компенсаторная функция оплаченного ущерба обычно сочетается с намерением повлиять на решение о расторжении или продолжении контракта.

Вопрос состоит не в том, пользуется ли компания чрезмерной компенсацией за ущерб или имеет скрытые цели за пределами компенсации, когда устанавливает ШДР³⁰. Вместо этого следует выяснить, могут ли потребители предвидеть долгосрочные издержки контракта с ограничением выхода, включая количественные перекосы и ущерб от отсутствия гибкости.

²⁸ Подобные ограничения действуют и в Европе, но в отношении более широкого спектра потребительских займов. В Германии штрафы за досрочное погашение потребительских займов не могут превышать 1 % суммы погашения (или 0,5 % при остатке срока менее 1 года по договору займа), они также не могут превышать величины процентов, которая должна была быть уплачена за период между досрочным и плановым погашением. См. Гражданский кодекс Германии, § 502.

²⁹ См. обсуждение судебного дела *Cellphone Cases* выше.

³⁰ Аналогично различие между ШДР как оплаченным ущербом и ШДР как «альтернативным способом ведения бизнеса» (см. разд. 4.1) представляется произвольным и экономически необоснованным.

К сожалению, на этот вопрос суды не могут ответить, так как ответ зависит от факторов, не выносимых на рассмотрение в индивидуальных случаях.

Кроме того, экономический анализ в разд. 3 подвергает сомнению необходимость любого законодательного акта, запрещающего или ограничивающего ШДР. Правовые запреты контрактов с ограничением выхода уменьшают дифференциацию контрактов и ущемляют права потребителей, которые предпочитают более низкие первоначальные цены, даже если они сопровождаются высокими ШДР. Кроме того, как показано в разд. 3.4, контракт со свободным выходом может служить сигналом качества. Чтобы он выполнял эту полезную роль, поставщики должны иметь возможность выбора между двумя типами контрактов – со свободным выходом и с ограничением. Если тип контракта со свободным выходом будет законодательно закреплён для всех поставщиков, то он утратит свою сигнальную функцию.

Противоречие между доктриной о наказаниях и экономикой контрактов с ограничением выхода не означает, что суды, руководствуясь доктриной, никогда не принимают правильных решений. Напротив, поскольку контракт с ограничением выхода часто менее эффективен, чем контракт со свободным выходом (как показано в разд. 3), отмена ШДР может быть полезной. На рынке беспроводной связи применение судами доктрины о наказаниях, вместе с возросшим пониманием сути ШДР потребителями, привело к переходу от фиксированных к пропорциональным ШДР в масштабе всей отрасли. Теперь в рамках двухгодичного контракта предусмотрено пропорциональное снижение ШДР, что облегчает выход из контракта.

4.3. Рыночные решения и их границы

Действующее законодательство о выходе из контракта, опирающееся на доктрину о наказаниях, представляется неудовлетворительным. Возможно, следует отказаться от законодательных запретов, которые могут быть и чрезмерными или недостаточными, в пользу рыночных решений. В отличие от других правовых терминов в контрактах, которые часто непонятны большинству потребителей и не являются средством конкурентной борьбы, ШДР все больше осознаются потребителями. Многие пользователи беспроводной связи знают, что они обязаны делать

«апгрейд» (т. е. возврат к периоду 1) каждые два года. Они понимают, что контракт не дает им возможности свободно перейти к другому провайдеру, даже если он предлагает лучшие технологии или цены. Они также знают, что технологии могут измениться так быстро, что ограничение выхода принесет им убытки. Аналогичным образом посетители фитнес-клубов постепенно поняли, что низкие цены можно получить при условии долгосрочной лояльности. Потребители узнают об издержках контрактов с ограничением выхода на собственном опыте, сталкиваясь с ШДР. Они могут узнавать об этом и из чужого опыта, через широко распространенные истории о проблемах людей, пытавшихся расторгнуть контракт (например, [25]).

Это возросшее понимание со стороны потребителей было неоднократно признано судами. Так, в деле *Hutchison v. Yahoo! Inc.* интернет-провайдер отказался от первоначального платежа за установку оборудования в размере около \$175 и предоставил скидку на ежемесячный платеж в обмен на ограничение выхода в течение 12 месяцев со штрафом в случае досрочного выхода. Суд счел, что ШДР в размере \$200 не является незаконным оплаченным ущербом, а лишь свидетельствует об «осознанном выборе» клиента (*Hutchison v. Yahoo!, Inc.*, 1396 F Appx 331, 333 (9th Cir 2010). See also *Schneider v. Verizon Internet Servs., Inc.*, No. 09-55580, 2010 US App LEXIS 19974, 2010 WL 3825502 (9th Cir., September 27, 2010)). Суд привел следующие пояснения:

«Когда истец согласился на данный контракт [включая ШДР], ответчик, в свою очередь, согласился не взимать оплату в размере \$175. Ответчик также согласился предоставить скидку на ежемесячный платеж. Следовательно, когда истец решил прервать контракт в течение двенадцатого месяца, он уже получил выгоду, превышающую \$175... Следовательно, в период подписания контракта условие ШДР давало потребителю возможность осознанного выбора». (*Hutchison v. Yahoo! Inc.*, at 334).

В данной ситуации ШДР был явно чрезмерным. Потребитель отказался от обслуживания всего за две недели до истечения срока контракта, а значит, провайдер потерял выгоду только за 2 недели обслуживания, что гораздо меньше, чем ШДР в размере \$200. Однако суд признал штраф законным, поскольку потребитель сделал осознанный выбор, когда подписывал контракт с ограничением выхода.

Популярность контракта со свободным выходом на многих рынках – это еще одно подтверждение того, что потребители стали лучше осознавать издержки контракта с ограничением выхода. Рекламные кампании нулевого контракта направлены на тех, кто против ШДР. Поставщики предлагают контракт со свободным выходом, потому что этого требует значительное число клиентов. Тип контракта стал конкурентным преимуществом, а неприятие ШДР со стороны потребителей породило рекламный ход, предлагающий контракт без обязательств. Это не значит, что все потребители или даже все информированные потребители предпочитают контракт со свободным выходом. Это лишь означает, что потребители, выбирающие контракт с ограничением выхода, информированы о возможных издержках и преимуществах. Возросшее понимание со стороны потребителей и конкуренция должны решить большую часть проблем с ШДР.

Кроме того (и этот факт является подтверждением возросшего понимания издержек контракта с ограничением выхода со стороны потребителей), поставщики привлекают новых клиентов не только свободным выходом из контракта, но и возмещением ШДР, наложенных другими поставщиками³¹. Такие условия потенциально могут ликвидировать издержки тех клиентов, которые заключили контракт с ограничением выхода, не осознавая его последствий. Клиенты, получив возможность избежать издержек выхода, в некоторой степени защищены от негативных условий контракта с ограничением выхода.

Программы лояльности представляют собой еще большую проблему в области защиты прав потребителей. Они повышают издержки перехода и усиливают эффект ограничения выхода, как и ШДР. Однако в отличие от ШДР эти издержки менее заметны, даже когда потребитель реально сталкивается с ними. Одно дело – почувствовать на себе размер штрафа за досрочное расторжение; и совсем другое – осознать нагрузку, налагаемую потенциальным вознагражде-

нием. В случае ШДР потребитель замечает наказание, в случае программ лояльности – награду. Потребители могут осознавать, что платят более крупные суммы, чтобы оставаться в программе лояльности и достичь следующего уровня в рамках программы. Но гораздо сложнее сопоставить эти более высокие цены с ценностью вознаграждения и понять, что итоговый результат часто отрицательный. Потребители не могут знать, что, вступая в программы лояльности, они способствуют концентрации экономики и лишаются некоторых преимуществ конкуренции. Они также не могут сравнить цены при условии свободного выхода и ограничения выхода на основе поощрений, когда, как мы показали на примере авиалиний, наличие программ лояльности вытесняет контракты со свободным выходом. По этим причинам рыночные механизмы, которые эффективно решают проблемы контракта с ограничением выхода на основе наказаний, до сих пор слабо помогают решить проблемы контракта с ограничением выхода на основе поощрений.

Рыночные решения, хотя и приносят пользу, несовершенны. Они лучше работают в отношении контрактов с ограничением выхода на основе наказаний и хуже – в отношении контрактов с ограничением выхода на основе поощрений. Должны ли законодатели опираться на такие несовершенные рыночные механизмы? Или им следует законодательно регулировать контракты с ограничением выхода? Вопрос сложный. С учетом институциональных ограничений судов и других правовых органов любое регулирование будет недостаточно оптимальным. Что предпочтительнее – неоптимальное регулирование или несовершенные рыночные механизмы? Данный вопрос находится за рамками настоящего исследования.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нетрудно понять, почему контракт со свободным выходом (и нулевой контракт) так привлекательны для клиентов. Скрытые платежи, наказывающие потребителя за то, что он сделал или не сделал, во множестве присутствуют в потребительских контрактах. Потребитель подписывает договор на оказание услуг и на него тут же обрушивается масса платежей: за подключение, активацию, апгрейд, обслуживание, приостановку обслуживания, техническую поддержку,

³¹ См. [4]. Провайдер беспроводной связи – компания Ting выделила \$100 000 для компенсации ШДР других операторов при переходе клиента к компании Ting, до \$350 за одного клиента. Средства закончились в течение семи минут! В настоящее время компания Ting предлагает более скромное возмещение ШДР, до \$75 за одного клиента. См. URL: <https://ting.com/blog/ting-pays-out-etfs-up-to-75-per-line>

замену оборудования, просроченные платежи (и это еще не считая различных комиссий). О многих из этих платежей потребитель не догадывался, когда заключал договор, и теперь, возможно, жалеет о том, что вообще его подписал. Со свободным выходом этого не происходит.

Некоторые потребители узнали (часто на своем горьком опыте), что контракт содержит условия, прописанные мелким шрифтом, которые редко несут в себе приятные сюрпризы (обо всем приятном вроде благоприятных условий возврата товара пишут огромными буквами на рекламных щитах). Поскольку контракт составляет продавец, эта «игра» представляется неравноправной. Идея нулевого контракта, предлагающего свободный выход, ликвидирует перекосы и сокращает основания, на которых продавцы выстраивают свои преимущества. В действительности не имеет значения, что название «нулевой контракт» некорректно и что фактически контракт существует, включая большое количество мелкого шрифта. Возможность выхода дает свободу.

Поэтому появление контракта со свободным выходом есть благо. Это ответ рынка на ограничение права выбора у потребителей из-за их нерациональности, недостаточной грамотности или информированности. Это ответ, основанный не на таких грубых механизмах, как запреты, регулирование, обязательства или открытие информации. Многие потребители по-прежнему предпочитают долгосрочные отношения с бонусами в виде первоначальных скидок или бесплатных телефонов. Но они также поняли, что такие «подарки» имеют свою цену, которая, хотя и отложена во времени, может быть весьма высокой. Когда выбор между свободным выходом и ограничением выхода предлагается так явно, вмешательство судов в сфере контрактов с ограничением выхода на основе наказаний становится необязательным и даже может принести больше вреда, чем пользы.

И все же не все так благоприятно. Для потребителей, которые выбирают оптимальную длительность контракта, недостаточно признать ничтожность наказания за выход. Существуют более тонкие способы навязать им фактические обязательства, или брать с них более высокую цену, или ограничить их возможность переключиться на другого поставщика – и все это без явных наказаний. Мы проанализировали влияние программ лояльности как стратегии,

которую продавцы используют, чтобы получить те же преимущества, которых они привыкли достигать с помощью ограничения выхода. Потребители будут воздерживаться от выхода в надежде на вознаграждение. Гораздо сложнее сопротивляться соблазнам обещанных скидок, бесплатных миль и возврата наличных. Даже в отсутствие ШДР на многих рынках выход не является свободным.

Наш анализ выявил парадоксальное положение в законодательстве: регулирование выхода из контракта активнее всего происходит там, где оно менее всего необходимо. Наказания за выход представляют собой очевидную мишень для судов, тогда как программы лояльности кажутся безвредными и не требующими вмешательства закона. При этом использование наказаний и штрафов уменьшается в результате давления рынка, таким образом уменьшая и необходимость их регулирования; в то же время программы лояльности процветают, что, вероятно, требует более пристального и критического внимания законодателей. Неслучайно наказания являются объектом внимания с обеих сторон – как со стороны закона, так и со стороны рынка: его источником служит то давление, которое испытывают потребители в случае ограничения выхода из контракта. Неудивительно поэтому, что вознаграждения и бонусы, напротив, не привлекают внимания ни законодателей, ни участников рынка: вред, который они несут, скрыт за подарками.

Следует ли обратиться законодательство, регулирующее выход из контракта, от «кнута» к «прянику», от ШДР к программам лояльности? Даже если программы лояльности ограничивают конкуренцию и снижают эффективность, должен ли закон о защите прав потребителей запрещать контракты, которые нравятся людям? Возможно, решение лежит не в области грубого регулирования программ лояльности, но в постепенном осознании потребителями того факта, что все эти вознаграждения не бесплатны. Когда качеством, которое ценят, станет «отсутствие лояльности», т. е. свобода выбирать самые выгодные и удобные разовые транзакции, тогда в выигрыше будут те поставщики, которые предлагают такие контракты. Как нулевой контракт вытесняет контракты с ограничением выхода с помощью наказаний, так и концепция «отсутствия лояльности» будет постепенно вытеснять контракты с ограничением выхода с помощью поощрений.

Список литературы

1. CFPB. 2013. Consumer Financial Protection Bureau – Program Summary by Budget Activity. URL: <http://files.consumerfinance.gov/f2012/02/budget-in-brief.pdf>
2. Campbell J. C., Jackson H. E., Madrian B., Tufano P. Consumer Financial Protection // Journal of Economic Perspectives. 2011. Vol. 25. Pp. 91–114.
3. Bar-Gill O., Ben-Shahar O. Regulatory Techniques in the Consumer Protection: A Critique of European Consumer Contract Law // Common Market Law Rev. 2013. No. 50. Pp. 109–125 (Special Issue).
4. Chen B. X. T-Mobile to Cover Termination Fees for New Users // New York Times. 2014. 9 January.
5. Berry J. Bulking Up: The 2013 COLLOQUY Loyalty Census: Growth and Trends in U.S. Loyalty Program Activity. Colloquy. June 2013. URL: <http://www.colloquy.com/files/2013-COLLOQUY-Census-Talk-White-Paper.pdf>
6. Cheng R. Verizon Unveils Edge, its Own Pricey Early Upgrade Plan. CNET. 2013. July 18. URL: http://news.cnet.com/8301-1035_3-57594327-94/verizon-unveils-edge-its-own-pricey-early-upgrade-plan/
7. Farrell J., Klemperer P. Coordination and Lock-in: Competition with Switching Costs and Network Effects / In M. Armstrong, R. H. Porter (eds.) // Handbook of Industrial Organization. 2007. Vol. 3. Ch. 31. Amsterdam, Netherlands: North Holland.
8. Bar-Gill O., Ben-Shahar O. No Contract? // University of Chicago Institute for Law and Economics Research Paper. No. 636. 2013. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2220271
9. Frank J. Dodging Reform: As Some Credit Card Abuses are Outlawed, New Ones Proliferate. Center for Responsible Lending, 2009.
10. Bar-Gill O. Seduction by Contract: Law, Economics and Psychology in Consumer Markets. Oxford, UK: Oxford University Press, 2012.
11. Becher Sh. I., Zarsky T. Z. Open Doors, Trap Doors, and the Law // Law & Contemporary Problems. 2011. No. 74. Pp. 63–90.
12. FCC. 2010. News Release, FCC Survey Confirms Consumers Experience Mobile Bill Shock and Confusion about Early Termination Fees. 26 May.
13. Aghion Ph., Bolton P. Contracts as Barriers to Entry // American Economic Review. 1987. Vol. 77. Pp. 388–401.
14. Cairns R. D., Galbraith J. Artificial Compatibility, Barriers to Entry, and Frequent Flyer Programs // Canadian Journal of Economics. 1990. No. 23. Pp. 807–816.
15. Lederman M. Are Frequent Flyer Programs a Cause of the Hub Premium // Journal of Economics and Management Strategy. 2008. Iss. 17. Pp. 35–66.
16. Caminal R., Claiici A. Are Loyalty-Rewarding Pricing Schemes Anti-Competitive? // International Journal of Industrial Organization. 2007. Vol. 25. Pp. 657–674.
17. Grossman S. The Informational Role of Warranties and Private Disclosure about Product Quality // Journal of Law and Economics. 1981. No. 24. Pp. 461–483.
18. Aghion Ph., Hermalin B. Legal Restrictions on Private Contracts Can Enhance Efficiency // Journal of Law, Economics and Organization. No. 6 (2). Pp. 381–409.
19. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // Econometrica. 1979. Vol. 47. Pp. 263–292.
20. Tuttle B. A Disloyalty Movement? Supermarkets and Customers Drop Loyalty Card Programs // Time. 2013. 11 July. URL: <http://business.time.com/2013/07/11/a-disloyalty-movement-supermarkets-and-customers-drop-loyalty-card-programs/>
21. Weisse C. Get the Most from Stingier Loyalty Programs. CNN Money Magazine. 2013. 1 July. URL: <http://money.cnn.com/2013/07/01/pf/loyalty-programs.moneymag/index.html>
22. Bar-Gill O., Stone R. Mobile Misperceptions // Harvard Journal of Law & Technology. 2009. No. 23. Pp. 49–118.
23. NY Public Service Commission. 2010. PSC Expands Consumer Protections. URL: [https://www3.dps.ny.gov/psc-web/WebFileRoom.nsf/Web/03377F8CA5F90142852577FB00661E93/\\$File/pr10120.pdf?0openElement](https://www3.dps.ny.gov/psc-web/WebFileRoom.nsf/Web/03377F8CA5F90142852577FB00661E93/$File/pr10120.pdf?0openElement)
24. Illinois Commerce Commission. 2014. Natural Gas Choice. URL: <http://www.icc.illinois.gov/ags/consumereducation.aspx#s1>
25. Ducey J. Protect Yourself before Joining a Health Club. ABC15 Arizona. 2014. 14 January. URL: www.abc15.com/dpp/money/consumer/alerts/protect-yourself-before-joining-a-health-club
26. Bar-Gill O., Ben-Shahar O. Exit from Contract // Journal of Legal Analysis. 2014. Vol. 6. No. 1. Pp. 151–183.

Дата поступления 18.03.16

Дата принятия в печать 30.04.16

© Бар-Гилл О., Бен-Шахар О., 2016. Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; лицензия Татарского образовательного центра «Таглитмат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.ieml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторах

Контактное лицо:

Бар-Гилл Орен, профессор права и экономики, Гарвардская школа права, Гарвардский университет
Адрес: США, МА 02138, Кембридж, Массачусетс авеню, 1525
E-mail: bargill@law.harvard.edu

Бен-Шахар Омри, профессор права, Чикагская школа права, Чикагский университет
Адрес: США, Иллинойс, 60637, Чикаго, Е. 60-я ул., 1111

O. BAR-GILL¹,

O. BEN-SHAHAR²

¹ Harvard University, Cambridge, Massachusetts, USA

² The University of Chicago, Chicago, Illinois, USA

EXIT FROM CONTRACT*

Objective: to study the procedure of exiting the contract, its costs and benefits.

Methods: statistical method, comparative analysis.

Results: free exit from contract is one of the most powerful tools for the consumer rights protection. The procedure frees consumers from bad deals and keeps businesses honest. Yet consumers often choose transactions with lock-in provisions, trading off exit rights for other perks. This article examines the costs and benefits of free exit, as compared to the lock-in alternative. According to the authors, the present regulation of exit penalties (in the USA) is poorly tailored to address concerns about lock-in, particularly in light of increasingly ubiquitous market-based solutions. The article also calls (regulatory) attention to loyalty rewards, which are shown to be as powerful as exit penalties, and equally detrimental.

Scientific novelty: the article reveals a paradoxical state of the law: exit regulations in the USA are used most where they are needed least. Termination penalties present an obvious target for regulatory intervention, while loyalty programs seem benign, not warranting any regulatory attention.

Practical significance: the article is of interest for the Russian juridical science and law-making authorities, as in Russia the issue of exiting the contract is as topical as in the USA, and requires solution which would impair neither the rights of consumers nor the rights of the sellers of products and services.

Keywords: Civil law; Contract; Loyalty programs; Early termination fees; Zero contract

Acknowledgements. We thank Ian Ayres, Rick Brooks, Clay Gillette, William Hubbard, Florencia Marotta-Wurgler, Ariel Porat, Richard Revesz and workshop participants at the University of Chicago and Yale Law School for helpful comments. Bar-Gill gratefully acknowledges the financial support of the Filomen D'Agostino and Max E. Greenberg Research Fund at NYU School of Law.

References

1. CFPB. 2013. *Consumer Financial Protection Bureau – Program Summary by Budget Activity*, available at: <http://files.consumerfinance.gov/f/2012/02/budget-in-brief.pdf>
2. Campbell, J. C., Jackson, H. E., Madrian, B., Tufano, P. Consumer Financial Protection, *Journal of Economic Perspectives*, 2011, vol. 25, pp. 91–114.
3. Bar-Gill, O., Ben-Shahar, O. Regulatory Techniques in the Consumer Protection: A Critique of European Consumer Contract Law, *Common Market Law Rev*, 2013, No. 50, pp. 109–125 (Special Issue).
4. Chen, B. X. T-Mobile to Cover Termination Fees for New Users, *New York Times*, 2014, 9 January.
5. Berry, J. *Bulking Up: The 2013 COLLOQUY Loyalty Census: Growth and Trends in U.S. Loyalty Program Activity. Colloquy. June 2013*, available at: <http://www.colloquy.com/files/2013-COLLOQUY-Census-Talk-White-Paper.pdf>
6. Cheng, R. *Verizon Unveils Edge, its Own Pricey Early Upgrade Plan. CNET. 2013. July 18*, available at: http://news.cnet.com/8301-1035_3-57594327-94/verizon-unveils-edge-its-own-pricey-early-upgrade-plan/
7. Farrell, J., Klemperer, P. Coordination and Lock-in: Competition with Switching Costs and Network Effects / In M. Armstrong, R. H. Porter (eds.), *Handbook of Industrial Organization*, 2007, vol. 3, ch. 31, Amsterdam, Netherlands: North Holland.
8. Bar-Gill, O., Ben-Shahar, O. No Contract? *University of Chicago Institute for Law and Economics Research Paper*, 2013, No. 636, available at: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2220271

* Originally published in English by Oxford University Press on behalf of The John M. Olin Center for Law, Economics and Business at Harvard Law School. This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), which permits non-commercial re-use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. For commercial re-use, please contact journals.permissions@oup.com doi:10.1093/jla/lau003

For citation of original publication: Bar-Gill O., Ben-Shahar O. Exit from contract // *Journal of Legal Analysis*. 2014. Vol. 6. No. 1. Pp. 151–183.

9. Frank, J. *Dodging Reform: As Some Credit Card Abuses are Outlawed, New Ones Proliferate*. Center for Responsible Lending, 2009.
10. Bar-Gill, O. *Seduction by Contract: Law, Economics and Psychology in Consumer Markets*, Oxford, UK: Oxford University Press, 2012.
11. Becher, Sh. I., Zarsky, T. Z. Open Doors, Trap Doors, and the Law, *Law & Contemporary Problems*, 2011, No. 74, pp. 63–90.
12. FCC. 2010. News Release, *FCC Survey Confirms Consumers Experience Mobile Bill Shock and Confusion about Early Termination Fees*. 26 May.
13. Aghion, Ph., Bolton, P. Contracts as Barriers to Entry, *American Economic Review*, 1987, vol. 77, pp. 388–401.
14. Cairns, R. D., Galbraith, J. Artificial Compatibility, Barriers to Entry, and Frequent Flyer Programs, *Canadian Journal of Economics*, 1990, No. 23, pp. 807–816.
15. Lederman, M. Are Frequent Flyer Programs a Cause of the Hub Premium, *Journal of Economics and Management Strategy*, 2008, iss. 17, pp. 35–66.
16. Caninal, R., Claici, A. Are Loyalty-Rewarding Pricing Schemes Anti-Competitive? *International Journal of Industrial Organization*, 2007, vol. 25, pp. 657–674.
17. Grossman, S. The Informational Role of Warranties and Private Disclosure about Product Quality, *Journal of Law and Economics*, 1981, No. 24, pp. 461–483.
18. Aghion, Ph., Hermalin, B. Legal Restrictions on Private Contracts Can Enhance Efficiency, *Journal of Law, Economics and Organization*, No. 6 (2), pp. 381–409.
19. Kahneman, D., Tversky, A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk, *Econometrica*, 1979, vol. 47, pp. 263–292.
20. Tuttle, B. A Disloyalty Movement? Supermarkets and Customers Drop Loyalty Card Programs, *Time*, 2013, 11 July, available at: <http://business.time.com/2013/07/11/a-disloyalty-movement-supermarkets-and-customers-drop-loyalty-card-programs/>
21. Weisse, C. Get the Most from Stingier Loyalty Programs, *CNN Money Magazine*, 2013, 1 July, available at: <http://money.cnn.com/2013/07/01/pf/loyalty-programs.moneymag/index.html>
22. Bar-Gill, O., Stone, R. Mobile Misperceptions, *Harvard Journal of Law & Technology*, 2009, No. 23, pp. 49–118.
23. NY Public Service Commission. 2010. *PSC Expands Consumer Protections*, available at: [https://www3.dps.ny.gov/pscweb/WebFileRoom.nsf/Web/03377F8CA5F90142852577FB00661E93/\\$File/pr10120.pdf?0penElement](https://www3.dps.ny.gov/pscweb/WebFileRoom.nsf/Web/03377F8CA5F90142852577FB00661E93/$File/pr10120.pdf?0penElement)
24. Illinois Commerce Commission. 2014. *Natural Gas Choice*, available at: <http://www.icc.illinois.gov/ags/consumereducation.aspx#s1>
25. Ducey, J. Protect Yourself before Joining a Health Club, *ABC15 Arizona*, 2014, 14 January, available at: www.abc15.com/dpp/money/consumer/alerts/protect-yourself-before-joining-a-health-club
26. Bar-Gill, O., Ben-Shahar, O. Exit from Contract, *Journal of Legal Analysis*, 2014, vol. 6, No. 1, pp. 151–183.

Received 18.03.16
Accepted 30.04.16

© Bar-Gill O., Ben-Shahar O., 2016. Originally published (in Russian) in *Actual Problems of Economics and Law* (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; Licensee Tatar Educational Centre “Taglimat”. This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>), which permits unrestricted use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work, first published in *Actual Problems of Economics and Law*, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.

Information about the authors

Contact:

Oren Bar-Gill, Professor of Law and Economics, Harvard Law School, Harvard University
Address: 1525 Massachusetts Avenue, Cambridge, MA 02138, USA
E-mail: bargill@law.harvard.edu

Omri Ben-Shahar, Professor of Law, Chicago Law School, The University of Chicago
Address: 1111 E. 60th St., Chicago, IL 60637, USA

For citation of Russian version: Bar-Gill O., Ben-Shahar O. Exit from contract, *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, vol. 10, No. 2, pp. 192–216.

УДК 347.7:665.6/.7

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.2.217-225>

Как цитировать статью: Садриева И. А., Салиева Р. Н., Хамитова Г. М. Условие о цене в договорах поставки бензина на оптовом и розничном рынках в Российской Федерации // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 2. С. 217–225.

И. А. САДРИЕВА¹,
Р. Н. САЛИЕВА¹,
Г. М. ХАМИТОВА²

¹ *Институт проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия*

² *Казанский государственный медицинский университет, г. Казань, Россия*

УСЛОВИЕ О ЦЕНЕ В ДОГОВОРАХ ПОСТАВКИ БЕНЗИНА НА ОПТОВОМ И РОЗНИЧНОМ РЫНКАХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цель: выявление особенностей формирования условий о цене в договорах поставки нефтепродуктов на оптовом и розничном рынках на основе анализа законодательства и правоприменительной практики и обоснование предложений о необходимости закрепления в законодательстве правила о том, что условие о цене в договоре поставки бензина является существенным.

Методы: методологическая основа исследуемой проблематики включает в себя общелогические методы (анализ, индукцию, аналогию, научное обобщение) и группу частнонаучных методов (толкования права, сравнительно-правовой, метод опроса).

Результаты: проанализированы нормативные правовые акты, правоприменительная практика и теоретические представления о цене. Обоснована целесообразность закрепления в законодательстве правила о том, что условие о цене в договоре поставки бензина является существенным условием. Выявлены особенности формирования условий о цене в договорах поставки нефтепродуктов на оптовом и розничном рынках.

Научная новизна: в статье предпринята попытка разделения условий формирования цен на розничных и оптовых рынках поставок нефтепродуктов. Сформулировано понятие цены в договорах поставки бензина, отражающее специфику отношений в рассматриваемой сфере, путем анализа судебной практики и договоров поставки бензина.

Практическая значимость: полученные в результате исследования выводы могут быть использованы в сфере законотворческой деятельности в целях совершенствования гражданского законодательства о договоре поставки нефтепродуктов. Статья может использоваться в учебном процессе при подготовке специальных курсов по гражданскому и предпринимательскому праву в юридических учебных заведениях.

Ключевые слова: гражданское право; предпринимательское право; договор поставки бензина; цена; существенные условия договора поставки; нефтепродукты; законодательство о договоре поставке бензина, оптовый рынок нефтепродуктов; розничный рынок нефтепродуктов

Финансирование: статья опубликована при поддержке АНО «Казанский открытый университет талантов 2.0» по результатам конкурса «Кооперация талантов».

Введение

Переход от командно-административного типа хозяйствования, при котором цены на нефтепродукты строго регулировались только государственными органами, к рыночным отношениям, основанным на экономической самостоятельности хозяйствующего субъекта, где цены должны устанавливаться на ос-

нове конкуренции – взаимодействия спроса и предложения, принципе свободного ценообразования, который учитывает реалии жизни, обусловил соответствующие изменения отношений в сфере поставок нефтепродуктов.

Несмотря на это, отсутствует налаженный и стабильный механизм формирования цен на не-

фтепродукты, который отражал бы как ситуацию, сложившуюся на рынке нефтепродуктов, так и государственное регулирование цен. Недостатки системы органов ценообразования затрудняют полноценный анализ и контроль формирования цен хозяйствующими субъектами как на оптовых рынках поставок нефтепродуктов, так и на розничных.

Анализ юридической и судебной практики позволяет сделать вывод о том, что не все вопросы в рассматриваемой сфере законодатель урегулировал в должной степени, и это побудило нас к глубокому правовому исследованию обозначенной проблематики и формулировке собственного взгляда на проблему¹.

В то время как результатов исследований, направленных на экономический аспект установления цены, достаточно много, юридический аспект изучен недостаточно.

В доступной нам литературе имеются лишь фрагментарные сведения об установлении цены на бензин. Юридическая наука не отстает от практики, свидетельство тому – работы видных ученых, таких как С. И. Виниченко [1], О. И. Лысых [2, с. 395–400], Н. П. Пендюрин [3, с. 21], Н. А. Скузоватова [4], И. В. Тартинская [5, с. 110–112], А. И. Савельев [6], С. Е. Смолин [7, с. 41], Н. Н. Ломовцева [8].

Наше исследование отличается механизмом разработки цены на оптовом и розничном рынках реализации бензина.

Работа проводилась с использованием автоматизированных справочных правовых систем путем опроса хозяйствующих субъектов автозаправочных станций на территории Республики Татарстан, анализа судебной практики арбитражных судов Российской Федерации.

Результаты исследования

По данным немецкого исследовательского бюро GIZ, проанализировавшего рынки жидкого топлива

¹ Определение Верховного Суда РФ № 5-КГ15-118 от 29.09.2015; Письмо Министерства экономического развития РФ № ОГ-Д22-1653 «О ценах на нефтепродукты и газ» от 12.10.2011; Письмо Высшего Арбитражного Суда РФ № С1-7/ОП-159 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с установлением и применением цен» от 20.03.1995; Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ № 12221/10 от 15.02.2011. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 29.10.2015).

170 стран, Россия включена в 3-ю ценовую группу, так как относится к государствам-производителям и экспортерам нефтепродуктов. Уровень цен определяется взаимодействием механизмов их формирования с совокупностью факторов, влияющих на отношения спроса и предложения жидкого топлива на мировом рынке². Мировые цены на нефть постоянно меняются, например, по данным информагентства «Интерфакс», средняя цена российской нефти марки Urals в январе – августе 2014 г. составляла \$106,28, в январе – июле 2015 г. – \$56,76 за баррель. А цена на бензин и дизельное топливо осталась на том же уровне и даже слегка выросла³. В рыночных условиях согласно действующему законодательству Российской Федерации цены на бензин на розничном рынке не подлежат государственному регулированию, являются свободными и определяются законами спроса и предложения. Это отмечается как российскими [6; 7, с. 41], так и зарубежными исследователями [9, с. 270; 10]. Несмотря на это, механизм ценообразования должен контролироваться государством путем установления предельных цен на нефтепродукты, для того чтобы устранить резкие скачки в сторону повышения.

Как отмечается в Письме Министерства экономического развития РФ, «вмешательство государства в ценообразование, в том числе путем установления предельных уровней цен, торговых наценок, может привести к дестабилизации экономики, вызванной потерей у производителей и продавцов товаров и услуг экономического стимула для деятельности, снижению налоговых поступлений в бюджеты всех уровней, дефициту товаров»⁴.

Вместе с тем очевидно и то, что цены на бензин и дизельное топливо влияют в конечном счете на ценообразование на товарных рынках. Их скачки влекут за собой повышение стоимости других продуктов первой необходимости, раскручивают инфляцию в стране, что вызывает оправданное недовольство граждан. Большое влияние также оказывают налоги: «Составляющая налогов в конечной цене каждого

² Oil prices: world, Europe, Switzerland. URL: <http://www.nashagazeta.ch/news/14532> (дата обращения: 05.11.2015).

³ URL: <https://www.roi.ru/22311> (дата обращения: 03.01.2016).

⁴ Письмо Министерства экономического развития РФ № ОГ-Д22-1653 «О ценах на нефтепродукты и газ» от 12.10.2011. Текст письма официально опубликован не был.

проданного литра автомобильного топлива составляет порядка 60 %»⁵. Во многом цены на рынке нефтепродуктов отражают не только экономические рыночные отношения, но также и политические, как в регионах, так и в целом в стране. Это явление подтверждается негативным влиянием на общую динамику потребительских цен в текущем году, оказывает высокий рост цен на автомобильный бензин в условиях роста мировых цен на нефть⁶. Что касается регулирования цен в регионах, искусственное завышение цен доминирующим субъектом на рынке – довольно распространенный вид нарушения. Анализ ценовой политики нефтяных компаний в различных регионах подтверждает этот тезис⁷. Цены в регионах, где расположены нефтеперерабатывающие заводы, зачастую оказываются выше, чем в соседних, несмотря на то, что нефтепродукты туда доставляются с того же нефтеперерабатывающего завода (в обоих регионах поставщик занимает доминирующее положение)⁸. В отдельных случаях уровень цен сложно сопоставлять с другим регионом, поэтому Федеральная антимонопольная служба (далее – ФАС) России применяет метод анализа затрат и может установить таким образом факт монополично высокой цены [11]. Ю. Н. Нестерчук подчеркивает необходимость создания инструментов контроля в сфере ценообразования на нефтепродукты с точки зрения оценки соответствия складывающихся цен на рынке, чтобы предотвратить лихорадочные колебания цен в данной сфере [12]. С ее научной позицией соглашается и Е. Н. Ерина, дополняя ее тем, что для регулирования нефтяных отраслей, которые изначально создавались по монопольному принципу, необходимо наличие специфического механизма,

реализуемого в условиях управляющего воздействия со стороны государства [13].

В связи с этим представляется целесообразным выявление правовых средств, с помощью которых возможно смоделировать условие о цене в договорах поставки бензина (нефтепродуктов) и способствовать сбалансированности на товарных рынках. Для этого необходимо проанализировать нормативные правовые акты, на основе которых формируется условие о цене, правоприменительную практику и доктринальные представления о цене как части договора поставки нефтепродуктов.

Рассмотрим, как в законодательстве и в юридической литературе предлагается формулировать условия о цене договора в целом и условия о цене в договоре поставки бензина в частности. Так, в ст. 40 Налогового кодекса РФ под рыночной ценой товара признается цена, сложившаяся при взаимодействии спроса и предложения на рынке идентичных товаров в сопоставимых экономических (коммерческих) условиях⁹. В этой норме Налогового кодекса РФ отражается общее правило рынка о формировании цены при взаимодействии спроса и предложения. В п. 1 ст. 424 Гражданского кодекса закреплено, что цена определяется по соглашению сторон договора. Однако, как верно отметил М. А. Зинковский, при формировании условия о цене стороны могут исходить из одних цен, а по прошествии некоторого времени цены вырастают из-за экономического кризиса [14]. В то время как в предусмотренных законом случаях применяются цены, устанавливаемые или регулируемые уполномоченными на то государственными органами и (или) органами местного самоуправления¹⁰. Указанные общие положения о цене применяются и к договорам поставки бензина.

Отметим, что на рынке нефтепродуктов заключаются оптовые и розничные договоры поставки. На оптовых рынках реализация нефтепродуктов потребителям производится через нефтебазы. В дого-

⁵ Текст материала опубликован на официальном сайте ФАС России, зарегистрированном Росохранкультурой в качестве средства массовой информации. Регистрационное свидетельство Эл № ФС77-24394 от 15.05.2006.

⁶ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2005 г. (одобрено Советом директоров ЦБР 15.11.2004) // Вестник Банка России. 2004. № 71. 16 декабря.

⁷ Анализ ОАО «АНК «Башнефть», ОАО «НК «Роснефть», ОАО «НК «ЛУКОЙЛ» и ООО «ЛУКОЙЛ-Резервнефтепродукт». URL: <http://fas.gov.ru/press-center/news/detail.html?id=34146> (дата обращения: 15.01.2016).

⁸ Анализ экспертов Федеральной антимонопольной службы. URL: <http://fas.gov.ru/press-center/news/detail.html?id=34910> (дата обращения: 15.01.2016).

⁹ Налоговый кодекс Российской Федерации № 146-ФЗ от 31.07.1998 // Собрание законодательства Российской Федерации № 31 от 3 августа 1998 г. Ст. 3824.

¹⁰ Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации № 51-ФЗ от 30.11.1994. Принята Государственной Думой 21 октября 1994 г. // Собрание законодательства Российской Федерации № 32 от 5 декабря 1994 г. Ст. 3301.

ворах поставки бензина условие о цене формируется государственными органами с учетом мнения наиболее крупных хозяйствующих субъектов. Последние имеют стабильные и долгосрочные хозяйственные связи с производителями нефтепродуктов, что дает им заметное преимущество перед потенциальными конкурентами. Согласно проекту «Концепции развития топливозаправочного комплекса Республики Татарстан», такими являются дочерние предприятия и филиалы ОАО «Холдинговая компания «Татнефтепродукт» – 23 нефтебазы, или 60,5 %, и ОАО «Татнефть» – 11 %¹¹. Помимо нефтебаз, в республике имеются резервуарные парки, топливохранилища, мазутоохранилища, склады горюче-смазочных материалов и товарные парки, принадлежащие различным организациям¹². Что касается розничного рынка, поставки нефтепродуктов производятся через автозаправочные станции потребителям, и их цены регулируются хозяйствующими субъектами АЗС. Е. А. Гаврилина выделяет отличия оптового рынка от розничного по составу продавцов и покупателей, а также по целевому использованию [15].

Необходимо указать, что тарифы на бензин не подпадают под прямое регулирование государственных органов, хотя находятся под пристальным их вниманием [8, с. 186]. Торговая наценка к оптовой цене приобретенного топлива колеблется примерно от 5–20 % на автозаправочных станциях нефтяных компаний до 30 % на частных. Все это существенно сказывается на средних ценах потребительского рынка региона. Можем отметить тот факт, что со стороны государственных органов может осуществляться мониторинг оптовых цен и структуры розничных цен на нефтепродукты. Так, в Республике Татарстан в целях отслеживания тенденций и причин изменения цен на нефтепродукты и обеспечения единой методологии по осуществлению мониторинга оптовых цен на них издан Приказ Комитета РТ по тарифам № 56 «Об у-

тверждении Методических указаний по осуществлению мониторинга оптовых цен и структуры розничных цен на нефтепродукты на территории Республики Татарстан» от 17.04.2009. Данные методические указания разработаны для руководства при проведении мониторинга оптовых и структуры розничных цен на нефтепродукты Комитетом по тарифам. В частности, в п. 2.2 закрепляется, что «объектами мониторинга оптовых цен на нефтепродукты являются хозяйствующие субъекты, независимо от форм собственности, осуществляющие оптовую реализацию нефтепродуктов на территории Республики Татарстан, а объектами мониторинга розничных цен на нефтепродукты выбираются хозяйствующие субъекты, независимо от форм собственности, осуществляющие розничную реализацию нефтепродуктов на территории Республики Татарстан через АЗС»¹³.

На основании анализа и выявления причин изменения ситуации на оптовых и розничных рынках нефтепродуктов в Республике Татарстан, проведенного Комитетом РТ по тарифам, вырабатываются соответствующие предложения по стабилизации ситуации на данных товарных рынках. А именно увеличение количества субъектов, участвующих в формировании рыночных цен на нефтепродукты, путем реализации нефтепродуктов на открытых торгах электронных торговых площадок Республики Татарстан; обеспечение на постоянной основе работы аукционов по закупкам нефтепродуктов для региональных и муниципальных нужд с использованием биржевых технологий, в том числе Электронной товарно-информационной системы Республики Татарстан [12]. Однако не принята мера оперативно анализировать оптовые и розничные цены на нефтепродукты в Республике Татарстан. Последняя информация об анализе цен датируется 2010 г.¹⁴

Таким образом, в законодательстве сложился следующий подход: в договорах поставки бензина на оптовых рынках условие о цене определяется в рамках установленных государством, а в договорах поставки бензина на розничных рынках условия

¹¹ Постановление Кабинета Министров № 934 «Об утверждении Программы развития конкуренции в Республике Татарстан» от 31.12.2009. Документ официально опубликован не был.

¹² Концепция целевой программы «Развитие сети автозаправочных, автогазозаправочных и многотопливных станций в Республике Татарстан на 2012–2015 гг. Утверждена распоряжением Кабинета Министров Республики Татарстан № 1459-р от 09.08.2011.

¹³ Зарегистрирован в Минюсте РТ 19 июня 2009 г. Регистрационный № 565 // Республика Татарстан. 2009 г. № 133. 3 июля.

¹⁴ URL: <http://kt.tatarstan.ru/monitoring-optovih-tsen-i-strukturi-roznicnih-tse.htm> (дата обращения: 08.01.2016).

о цене определяются по рыночным правилам, но под контролем государства.

В целом, как показывает анализ законодательства, условие о цене договора, по общему правилу, формируется по соглашению сторон. Так, в юридической литературе предлагается понимать условия о цене как результат взаимодействия ценности и стоимости [1, с. 24]. В частности, Н. П. Пендюрин указывает, что ценность, участвуя в ценообразовании, воплощает в себе потребительскую сторону цены, в то время как стоимость – производственную [3, с. 32]. Н. А. Скузоватова под ценой подразумевает условие, обозначающее выраженную в денежных единицах стоимость блага, по поводу которого возникают обязательственные отношения сторон. Под исполнением субъектами обязательства условия цены понимается передача наличных денег или перечисление безналичной суммы на счет кредитора или указанного им лица [4, с. 43]. А в Современном экономическом словаре понятие цены дается как фундаментальная экономическая категория, означающая количество денег, за которое продавец согласен продать, а покупатель готов купить единицу товара [17, с. 412].

По нашему мнению, под ценой в договоре поставки бензина следует понимать цену, зафиксированную в договоре поставки, согласованную между поставщиком и покупателем в ходе заключения договора, а в договоре оптовой поставки – в зависимости от календарного периода поставки, торговой маржи нефтеперерабатывающего завода и распределительной сети; налогов и сборов государства на нефтепродукты, в договоре розничной поставки – в зависимости от цены, установленной хозяйствующим субъектом АЗС.

В изученных нами договорах поставки бензина как на оптовом, так и розничном рынках условие о цене сформулировано по-разному. Анализ договоров оптовой поставки нефтепродуктов Тюменского филиала ОАО «Сибнефть», ООО «Кедр-АЗС», ООО «Лукойл-Тюмень» показал, что цена утверждается поставщиком в одностороннем порядке (с учетом вышеуказанных признаков) и доводится до сведения покупателя путем почтовой связи. Продукция оплачивается покупателем по цене, действующей у поставщика на момент отгрузки, и четко фиксируется в самом договоре поставки. Ценовая политика строго контролируется государственными органами. Что касается договора розничной поставки нефтепродуктов,

нужно иметь в виду: цена на поставляемую продукцию устанавливается хозяйствующими субъектами в приложениях к договорам и может меняться в зависимости от ценовой политики поставщика. Покупатель в течение трех дней с даты получения уведомления об изменении отпускных цен должен известить поставщика о согласии или несогласии с новыми ценами. Нужно принять во внимание, что к цене бензина также прибавляются расходы по транспортировке продукции. Они возмещаются покупателем на основании счетов-фактур и транспортных накладных. В целом анализ договоров поставки нефтепродуктов показывает, что условия о цене имеют существенное значение для сторон «наряду с условиями о предмете договора и о сроке» [5, с. 112]. Анализ судебной практики свидетельствует, что правило о формировании цены в договорах поставки нефтепродуктов требует корректировки.

Нами было выявлено, что на практике часто возникают споры, связанные с условием о цене¹⁵. В частности, отмечаются противоречия из-за несогласованности цены как условия договора поставки нефтепродуктов. В связи с этим в ряде случаев суды приходят к выводу, что, если одна сторона совершает действия по исполнению этих обязательств, а другая принимает их без каких-либо возражений, неопределенность в отношении договоренностей сторон отсутствует. В этом случае «соответствующие условия спорного договора должны считаться согласованными, а сам договор – заключенным» (постановление Арбитражного суда Свердловской области по делу № А60-52052/2014 от 21.05.2015)¹⁶. Названная правовая позиция была также отражена в Постановлении Президиума ВАС РФ № 12444/12

¹⁵ Постановление № 7 Арбитражного суда апелляционной инстанции по делу № А27-441/2015 от 28.08.2015; Решение Арбитражного суда Ульяновской области по делу № А72-1409/2015 от 09.07.2015; Постановление № 17 Арбитражного апелляционного суда по делу № А60-3986/2015 от 12.12.2015; Постановление № 17 Арбитражного апелляционного суда по делу № А32-1428/2015 от 01.07.2015; Решение арбитражного суда Республики Татарстан по делу № А65-28091/2014 от 31.03.2015. URL: <http://ras.arbitr.ru> (дата обращения: 02.11.2015).

¹⁶ Документ официально опубликован не был. СПС «Кодекс». URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/429202931> (дата обращения: 12.11.2015).

от 05.02.2013 по делу № А32-24023/2011¹⁷. Эти факты говорят о том, что в рассматриваемых нами договорах поставки бензина условие о цене целесообразно было признать существенным условием договора.

По общему правилу требования к существенным условиям договоров устанавливаются законодателем с целью не допустить неопределенность в правоотношениях сторон и предупредить разногласия относительно исполнения обязательств по договору¹⁸. По мнению О. А. Красавчикова, к существенным условиям «относятся те договорные условия, которые имеют юридическое значение, т. е. влияют на формирование и существо правоотношения, возникающего из соответствующего договора [18]. Так, И. Б. Новицкий констатировал, что составляющие существенных условий (в т. ч. и цена) в силу закона не имеют важного значения, однако все они должны быть в каждом конкретном договоре [19]. Как верно подчеркивает О. И. Лысых, «всегда правильнее достигнуть окончательного согласования по данному вопросу, в противном случае будущее сделки становится настолько неопределенным, что в худшем случае приведет к незаключению сделки» [2].

Цена должна являться существенным условием договора поставки. Это обусловлено тем, что значительное число таких документов связано с обеспечением поставки товаров для государственных и муниципальных нужд за счет средств соответствующих бюджетов. Соответственно, «государственный и муниципальный заказы могут формироваться только при наличии определенных бюджетных средств, предусмотренных для определенных целей» [20, с. 24].

Обобщая все вышеизложенное, можно сказать, что наше исследование разработано для повышения предсказуемости и объективности механизмов ценообразования на такой специфичный товар, как бензин.

¹⁷ Документ опубликован не был. URL: http://www.arbitr.ru/as/pract/post_pres/1_1_c0915820-ef02-49ef-81c7-af56c120dd6a.html (дата обращения: 12.11.2015).

¹⁸ Правовая позиция Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, последовательно выраженная в постановлениях № 1404/10 от 18.05.2010, № 13970/10 от 08.02.2011 и № 12444/12 от 05.02.2013.

Выводы

Цена, возникнув в силу объективного исторического процесса как экономическая категория, на определенном этапе развития была облечена в форму правовую. В связи с этим правовое регулирование отношений, возникающих при формировании цены как условия договора поставки бензина, должно быть основано на экономических аспектах данной категории. Следовательно, в законодательстве целесообразно предусмотреть, что условие о цене в договорах поставки нефтепродуктов является существенным. Соответственно, при заключении договора необходимо, чтобы оно было согласованным в приложениях к договору.

В проекте федерального закона о рыночном ценообразовании на нефть и нефтепродукты нужно отметить, что условия о цене на оптовых и розничных рынках нефтепродуктов формируются по разным признакам; также отразить особенности ценообразования в договорах поставки нефтепродуктов на оптовом и розничном рынках. Этих результатов можно добиться путем формирования прозрачной и стабильной системы ценообразования на рынке бензина, стимулирования развития малых и средних нефтяных компаний в сфере оптовой и розничной реализации бензина. Нестабильность мировых валют и кризис заставляют более пристально изучить вопросы, связанные с ценой на жизненно необходимые товары. Следовательно, наделение цены существенным условием в целом направлено на то, чтобы создать гарантии определенности и стабильности долгосрочных отношений субъектов нефтяной сферы.

Список литературы

1. Виниченко С. И. Цена как условие гражданско-правового (предпринимательского) договора: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 172 с.
2. Лысых О. И. Существенность условий о цене во внешне-торговой сделке // Бизнес в законе. 2009. № 1. С. 146–165.
3. Пендюрин Н. П. Категория цены в современном обязательственном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. 200 с.
4. Скузоватова Н. А. Цена как условие договорного обязательства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 161 с.
5. Таргинская И. В. О сроке и цене в договоре поставки // Законы России. Note bene. 2005. № 3. С. 110–112.
6. Савельев А. И. Договор присоединения в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2010. № 5. С. 31.

7. Смолин С. Е. Методы управления ценовыми рисками нефтегазовой компании в процессе реализации нефти на внутреннем рынке: дис. ... канд. экон. наук. М., 2011. 148 с.
8. Ломовцева Н. Н., Чурловская Е. С. Регулирование цен и тарифов на энергоресурсы в субъекте Российской Федерации // Молодой ученый. 2012. № 4. С. 186–190.
9. Collins H. The law of contract. 4th ed. London: Butterworths, 2003. Pp. 270–271.
10. McKendrick E. Contract law: Text, cases and materials. 2nd ed. Oxford University Press, 2005. P. 793.
11. Миронова Т. А. Налоговая система Российской Федерации и цены на нефть и нефтепродукты. URL: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2006/vestniksf300-12/vestniksf300-12030.htm> (дата обращения: 06.01.2016).
12. Ломакина П. А., Нестерчук Ю. Н. Правовые проблемы контроля в сфере ценообразования на нефтепродукты // Законодательство и экономика. 2011. № 11. С. 20–26.
13. Ерина Е. Н. Проблемы ценового регулирования в отношении субъектов естественных монополий топливно-энергетического комплекса // Законодательство и экономика. 2008. № 4. С. 24–30.
14. Зинковский М. А. Договорное положение о цене в условиях национального экономического кризиса // Современное право. 2015. № 9. С. 84–86.
15. Гаврилина Е. А. Система договорных связей на розничном рынке нефтепродуктов // Предпринимательское право. 2011. № 2. С. 42–47.
16. Шакирзянова И. М. Нефть как природно-ресурсный потенциал территории Татарстана: повышение эффективности использования, проблемы и пути решения. Елабужский институт Казанского Приволжского федерального университета. URL: http://kpfu.ru/conf/docs/F1079148397/Shakirzyanova_I_M_statya.docx (дата обращения: 08.01.2016).
17. Райзберг Б. А. Современный экономический словарь. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2011. 512 с.
18. Красавчиков О. А. Советское гражданское право. Т. 1. 1968. С. 19.
19. Новицкий И. Б. Общее учение об обязательстве. М.: Госюриздат, 1954. С. 143.
20. Лазаренко А. Б. Особенности правового регулирования отношений поставки по современному российскому праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 24–26.

Дата поступления 21.01.16

Дата принятия в печать 11.03.16

© Садриева И. А., Салиева Р. Н., Хамитова Г. М., 2016. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.ieml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторах

Контактное лицо:

Садриева Иркагуль Асхатовна, аспирант Института проблем экологии и недропользования, Академия наук Республики Татарстан

Адрес: 420087, г. Казань, ул. Даурская, 28, тел.: +7 (843) 275-96-35

E-mail: irkyagul5@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2276-0073>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/E-7876-2016>

Салиева Роза Наильевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая лабораторией правовых проблем недропользования, экологии и топливно-энергетического комплекса Института проблем экологии и недропользования, Академия наук Республики Татарстан

Адрес: 420087, г. Казань, ул. Даурская, 28, тел.: +7 (843) 275-96-35

E-mail: sargus6@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1428-7167>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/E-7888-2016>

Хамитова Гульнара Мулламуровна, ассистент кафедры биомедэтики, медицинского права и истории медицины, Казанский государственный медицинский университет

Адрес: 420021, г. Казань, ул. Бутлерова, 49, тел.: +7 (843) 236-36-91

E-mail: gulnara-hamitova@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4167-2279>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/E-7603-2016>

I. A. SADRIYEVA¹,
R. N. SALIYEVA¹,
G. M. KHAMITOVA²

¹Institute for the Issues of Ecology and Exploitation of Natural Resources of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

²Kazan State Medical University, Kazan, Russia

CONDITION ON PRICE IN CONTRACTS OF PETROL DELIVERY AT WHOLESALE AND RETAIL IN THE RUSSIAN FEDERATION

Objective: to reveal the peculiarities of forming conditions on price in contracts on delivery of oil products in wholesale and retail markets on the basis of analysis of legislation and law enforcement practice, and to substantiate the proposals concerning the necessity to codify in the legislation the rule that a condition on price in the petrol delivery contract is an essential condition.

Methods: the methodological basis of the study includes general logical methods (analysis, induction, analogy, research synthesis) and specific scientific methods (of interpretation of law, comparative law, survey method).

Results: normative legal acts, legal practice and theoretical ideas on price were analyzed. The expediency of the legal rule is grounded, which stipulates that the condition on price in the petrol delivery contract is essential. The peculiarities are revealed of forming the conditions on price in the petrol delivery contracts in wholesale and retail markets.

Scientific novelty: the article attempts to divide the conditions of price forming on the wholesale and retail markets of oil products supplies. The concept is formulated of price in petrol delivery contracts, reflecting the specifics of relations in this sphere, through analysis of court practice and petrol delivery contracts.

Practical significance: the conclusions of the research can be used in the field of legislative activity to improve the civil legislation on the petrol delivery contract. The article can be used in educational process for preparing special courses on civil and business law in the law schools.

Keywords: Civil law; Business law; Petrol delivery contract; Price; Essential terms of the delivery contract; Oil products; Legislation on the petrol delivery contract; Wholesale market of oil products; Retail market of petroleum products

Financing: The article is published with the support of Autonomous Non-profit Organization "Kazan Open University of Talents 2.0" as a result of a contest "Cooperation of talents".

References

1. Vinichenko, S. I. *Tsena kak uslovie grazhdansko-pravovogo (predprinimatel'skogo) dogovora: dis. ... kand. yurid. nauk* (Price as a condition of a civil-law (business) contract: PhD (Law) thesis), Ekaterinburg, 1999, 172 p. (in Russ.).
2. Lysykh, O. I. *Sushchestvennost' uslovii o tsene vo vneshnetorgovoi sdelke* (Significance of price conditions in a foreign trade deal), *Biznes v zakone*, 2009, No. 1, pp. 146–165 (in Russ.).
3. Pentyurin, N. P. *Kategoriya tseny v sovremennom obyazatel'stvennom prave Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk* (Category of price in the modern Russian contractual law: PhD (Law) thesis), Rostov n/D, 2009, 200 p. (in Russ.).
4. Skuzovatova, N. A. *Tsena kak uslovie dogovornogo obyazatel'stva: dis. ... kand. yurid. nauk* (Price as a condition of a contract liability: PhD (Law) thesis), Moscow, 2007, 161 p. (in Russ.).
5. Tartinskaya, I. V. *O sroke i tsene v dogovore postavki* (On the term and price in a delivery contract), *Zakony Rossii. Note bene*, 2005, No. 3, pp. 110–112 (in Russ.).
6. Savel'ev, A. I. *Dogovor prisoedineniya v grazhdanskom prave* (Merger contract in civil law), *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2010, No. 5, p. 31 (in Russ.).
7. Smolin, S. E. *Metody upravleniya tsenovymi riskami neftegazovoi kompanii v protsesse realizatsii nefti na vnutrennem rynke: dis. ... kand. ekon. nauk* (Methods of managing the price risks of an oil and gas company in the course of marketing oil in the internal market: PhD (Economics) thesis), Moscow, 2011, 148 p. (in Russ.).
8. Lomovtseva, N. N., Churlovskaya, E. S. *Regulirovanie tsen i tarifov na energoresursy v sub'ekte Rossiiskoi Federatsii* (Regulation of prices and tariffs for energy resources in the Russian Federation subject), *Molodoi uchenyi*, 2012, No. 4, pp. 186–190 (in Russ.).
9. Collins, H. *The law of contract*, 4th ed., London: Butterworths, 2003, pp. 270–271.
10. McKendrick, E. *Contract law: Text, cases and materials*, 2nd ed., Oxford University Press, 2005, p. 793.
11. Mironova, T. A. *Nalogovaya sistema Rossiiskoi Federatsii i tseny na nefi' i nefteprodukty* (Taxation system of the Russian Federation and prices for oil and oil products), available at: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2006/vestniksf300-12/vestniksf300-12030.htm> (access date: 06.01.2016) (in Russ.).
12. Lomakina, P. A., Nesterchuk, Yu. N. *Pravovye problemy kontrolya v sfere tsenoobrazovaniya na nefteprodukty* (Legal issues of control in the sphere of price setting for oil products), *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, 2011, No. 11, pp. 20–26 (in Russ.).
13. Erina, E. N. *Problemy tsenovogo regulirovaniya v otnoshenii sub'ektov estestvennykh monopolii toplivno-energeticheskogo kompleksa* (Issues of price regulation concerning the subjects of natural monopolies in fuel-energy complex), *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, 2008, No. 4, pp. 24–30 (in Russ.).

14. Zinkovskii, M. A. Dogovornoe polozhenie o tsene v usloviyakh natsional'nogo ekonomicheskogo krizisa (Contractual provision of price under the national economic crisis), *Sovremennoe pravo*, 2015, No. 9, pp. 84–86 (in Russ.).
15. Gavrilina, E. A. Sistema dogovornykh svyazei na roznichnom rynke nefteproduktov (System of contractual links in the market of oil products), *Predprinimatel'skoe pravo*, 2011, No. 2, pp. 42–47 (in Russ.).
16. Shakirzyanova, I. M. *Neft' kak prirodno-resursnyi potentsial territorii Tatarstana: povyshenie effektivnosti ispol'zovaniya, problemy i puti resheniya* (Oil as the natural-resource potential of Tatarstan territory: increasing the efficiency of exploitation, problems and ways of their solution). Elabuzhskii institut Kazanskogo Privolzhskogo federal'nogo universiteta, available at: http://kpfu.ru/conf/docs/F1079148397/Shakirzyanova_I_M_statya.docx (access date: 08.01.2016) (in Russ.).
17. Raizberg, B. A. *Sovremenniy ekonomicheskii slovar'* (Modern dictionary on Economics), 6-e izd., pererab. i dop., Moscow: INFRA-M, 2011, 512 p. (in Russ.).
18. Krasavchikov, O. A. *Sovetskoe grazhdanskoe pravo* (Soviet civil law), vol. 1, 1968, p. 19 (in Russ.).
19. Novitskii, I. B. *Obshchee uchenie ob obyazatel'stve* (General doctrine of liability), Moscow: Gosyurizdat, 1954, p. 143 (in Russ.).
20. Lazarenko, A. B. *Osobennosti pravovogo regulirovaniya otnoshenii postavki po sovremennomu rossiiskomu pravu: dis. ... kand. yurid. nauk* (Features of legal regulation of delivery relations in the Russian law: PhD (Law) thesis), Krasnodar, 2007, pp. 24–26 (in Russ.).

Received 21.01.16

Accepted 11.03.16

© Sadriyeva I. A., Saliyeva R. N., Khamitova G. M., 2016. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; Licensee Tatar Educational Centre “Taglimat”. This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), which permits unrestricted use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.

Information about the authors

Contact:

Irkyagul A. Sadriyeva, post-graduate student of Institute for the Issues of Ecology and Exploitation of Natural Resources of the Tatarstan Academy of Sciences

Address: 28 Daur'skaya Str., 420087, Kazan, tel.: +7 (843) 275-96-35

E-mail: irkyagul5@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2276-0073>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/E-7876-2016>

Roza N. Saliyeva, Doctor of Law, Professor, Head of the Laboratory of Legal Issues of Exploitation of Natural Resources, Ecology and Fuel-Energy Complex of Institute for the Issues of Ecology and Exploitation of Natural Resources of the Tatarstan Academy of Sciences

Address: 28 Daur'skaya Str., 420087, Kazan, tel.: +7 (843) 275-96-35

E-mail: sargus6@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1428-7167>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/E-7888-2016>

Gulnara M. Khamitova, Assistant Lecturer of the Chair of Bio-medical Ethics, Medical Law and History of Medicine, Kazan State Medical University

Address: 49 Butlerov Str., 420021, Kazan, tel.: +7 (843) 236-36-91

E-mail: gulnara-hamitova@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4167-2279>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/E-7603-2016>

For citation: Sadriyeva I. A., Saliyeva R. N., Khamitova G. M. Condition on price in contracts of petrol delivery at wholesale and retail in the Russian Federation, *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, vol. 10, No. 2, pp. 217–225.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ / CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

УДК 343.8

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.2.226-235>

Как цитировать статью: Матюхов П. А. Роль методов и технологии управления в охране прав и свобод лиц, осужденных к лишению свободы // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 2. С. 226–235.

П. А. МАТЮХОВ¹

¹ *Академия Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Рязань, Россия*

РОЛЬ МЕТОДОВ И ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ В ОХРАНЕ ПРАВ И СВОБОД ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Цель: формирование научно обоснованных знаний о месте и роли технологии и методов управления системой в решении задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой, в сфере обеспечения охраны прав и свобод осужденных.

Методы: всеобщий диалектический метод познания, анализ, аналогия, а также системно-структурный и абстрактно-логический методы.

Результаты: установлено, что совокупность структурных элементов Федеральной службы исполнения наказаний России, деятельность которых тем или иным образом направлена на обеспечение возможности осужденным пользоваться своими правами и свободами, представляет собой систему. Определено, что эффективность функционирования любой системы, в том числе и уголовно-исполнительной, обеспечивается посредством управления ею (ее элементами). Показана исключительная роль применяемых в управлении системой методов и технологий. Сформирован и обоснован взгляд на то, что их умелое применение в управлении уголовно-исполнительной системой позволит повысить эффективность решения стоящих перед ней задач, в том числе и в сфере обеспечения охраны прав и свобод лиц, осужденных к лишению свободы.

Научная новизна: предпринята попытка исследовать роль технологии и методов управления в функционировании системы обеспечения охраны прав и свобод осужденных.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы как в научной, так и в практической деятельности руководителей различного уровня звеньев уголовно-исполнительной системы, направленной на решение стоящих перед ними задач, в том числе и на обеспечение охраны прав и свобод осужденных.

Ключевые слова: уголовное право; система; воздействие; управление; метод; технология; права осужденных; уголовно-исполнительная система

Введение

Государство обязано соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, о чем прямо указано в Конституции Российской Федерации¹. Не-

сомненно, что права и свободы граждан России, осужденных к лишению свободы, также подлежат охране государством. Соблюдение прав и свобод осужденных зависит от эффективности функционирования уголовно-исполнительной системы и входящих в ее состав структурных элементов – подсистем. В свою очередь, эффективность функционирования любой системы,

¹ Ст. 2 Конституции Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в том числе и уголовно-исполнительной, обеспечивается посредством управления ею (ее элементами). А. И. Пирогов и И. Ю. Пивоварова отмечают, что управление обеспечивает постоянный контроль за работой системы и оказывает необходимое воздействие на нее, с тем чтобы удерживать ее параметры в заданных пределах для достижения поставленных перед ней целей [1]. При этом немаловажное значение имеют методы и технология управления. Исследования феномена управления в уголовно-исполнительной системе проводились такими учеными, как А. А. Аксенов [2], А. М. Киселев, Д. А. Панарин [3], В. М. Анисимков [4], и другими, однако говорить о законченной концепции взглядов на значимость технологии и методов управления на сегодняшний день не приходится.

Актуальность исследования поставленных вопросов определяется, прежде всего, тем, что изучение значимости такого необходимого явления социальной практики, как управление, в частности его методов и технологии, а также применение полученных результатов на практике позволят повысить эффективность решения задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой, в том числе и в сфере обеспечения охраны прав и свобод осужденных.

В связи с этим целью данного исследования является изучение значимости роли методов и технологии управления системами, а также возможности применения полученных результатов в сфере обеспечения охраны прав и свобод осужденных.

Результаты исследования

Правоприменительные функции и функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных осуществляются Федеральной службой исполнения наказаний (далее – ФСИН России)². Одной из основных задач ее является обеспечение охраны прав, свобод и законных интересов осужденных³. Решение данной задачи обеспечивается в результате функционирования множества структурных подразделений ФСИН России. Действительно, на сегодняшний день в ее

составе имеются службы, отвечающие за соответствие условий содержания осужденных, коммунально-бытового, медицинского обеспечения, санитарного состояния, соблюдения пожарной безопасности и других требованиям международных нормативных актов и нормативных актов национальной правовой системы. Деятельность названных служб направлена на решение широкого спектра задач, зачастую не связанных напрямую с защитой или восстановлением прав осужденных, но если по тем или иным причинам такие задачи не будут решены, то это приведет к нарушению прав осужденных или к затруднению их реализации. Кроме того, в структуру ФСИН входят службы, осуществляющие так называемый ведомственный контроль за выполнением требований нормативных правовых актов различного уровня в сфере обеспечения и охраны прав и законных интересов осужденных.

По своей сути названные службы ФСИН России являются элементами целого, упорядоченно взаимодействующими между собой на основе определенных правил и процедур для реализации той или иной программы или для достижения конкретной цели. Такое утверждение весьма близко к определению понятия «система». Так, Людвиг Фон Бергаланфи, основатель общей теории систем, указывает, что система может быть определена как совокупность элементов, находящихся в определенных отношениях друг с другом и средой [5, с. 29]. В. Н. Садовский приводит следующее определение: «Система – соединение объектов, объединенных регулярным взаимодействием или взаимозаменяемостью» [6, с. 76]. Л. И. Ушвицкий и А. А. Тер-Григорьянц определяют систему как целое, созданное из частей и элементов, для целенаправленной деятельности [7]. А. И. Пирогов и И. Ю. Пивоварова называют системой организованное сложное целое, совокупность или комбинацию предметов или частей, образующих комплексное, единое целое [1]. По мнению В. Н. Бузина, система – это целостная совокупность взаимосвязанных элементов, имеющая определенную структуру и взаимодействующая с окружающей средой в интересах достижения цели [8].

Совокупность структурных элементов ФСИН России, деятельность которых тем или иным образом направлена на обеспечение возможности осужденным пользоваться своими правами и свободами, также

² П. 1 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний: Указ Президента Российской Федерации № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» от 13.10.2004. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См. там же пп. 5 п. 3.

является системой, которая функционирует в более крупной – уголовно-исполнительной – системе и является ее подсистемой. Так как крупные подсистемы обычно называют системами [9], то в дальнейшем мы будем именовать ее *системой обеспечения охраны прав осужденных*. Учитывая это, считаем, что закономерности функционирования систем, включая управление ими, полностью применимы к системе обеспечения охраны прав осужденных. В этой связи под словом «система» в нашем исследовании будем подразумевать систему обеспечения охраны прав осужденных, однако ее особенности обозначим отдельно.

Не вызывает сомнения, что всякая система существует и функционирует ради достижения поставленной перед ней цели или реализации определенной программы. Целью системы обеспечения охраны прав осужденных является создание условий, при которых заключенные могли бы реализовывать свои права и свободы. От эффективности функционирования рассматриваемой системы напрямую зависит ситуация в сфере охраны прав осужденных. В случае когда система обеспечения охраны прав осужденных функционирует нестабильно и не достигается ее цель, они не могут пользоваться своими правами и реализовывать свои свободы, так как отсутствуют необходимые для этого условия. Это приводит к различным последствиям, в том числе и к нарушению (пусть и временному) прав и свобод осужденных, что является недопустимым.

В процессе функционирования любая система претерпевает различного рода воздействия, в результате которых последовательно переходит из одного состояния в другое, то есть изменяется. Сразу отметим, что, утверждая данное, мы имеем в виду «жизнеспособную» систему, все элементы которой функционируют в изначально заданном режиме. Другими словами, в данном случае не рассматривается ситуация, при которой один или несколько элементов системы выбывают из нее или перестают выполнять свои функции, что также приводит к ее изменению. В такой ситуации система разрушается или функционирование ее значительно затрудняется.

Заключаем, что, для того чтобы изменить стабильную систему, нужно оказать на нее воздействие. Иначе говоря, воздействие является одним (пожалуй, единственным) из способов изменения системы.

Разновидностью такого воздействия является управление. Это становится очевидным при анализе содержания понятия «управление». Изучение управления, в том числе и системой обеспечения охраны прав осужденных, требует, прежде всего, его адекватного определения, что является первоочередным условием правильного понимания и эффективного практического применения. К сожалению, в общей и специальной литературе эти вопросы остаются слабо разработанными. К настоящему времени имеется множество значительным образом различающихся по сущностным признакам определений управления, отражающих нередко принципиально различные школы и подходы. В этих условиях ученые и практики вынуждены по своему усмотрению выбирать один из многочисленных взглядов или различным образом комбинировать их, чтобы определить исходные положения своего понимания управления [2, с. 42]. Это, естественно, самым отрицательным образом проявляется в управленческой теории и практике. Особенно заметно это положение в прикладных видах управленческой деятельности, где решаются конкретные цели и задачи управления, как, например, в практике обеспечения охраны прав осужденных.

Недостаточная разработанность управленческой проблематики обусловлена многими причинами, одной из которых является исследование управления представителями разных отраслей науки, в том числе философии, кибернетики, биологии, социологии, экономики, политологии, педагогики, психологии, технических и других наук [2, с. 44]. Это привело к включению в содержание категории «управление» противоположных и противоречивых положений и в конечном итоге к потере смысла и содержания рассматриваемого явления и отражающего его понятия, категории.

Разделяя точку зрения многих специалистов, мы считаем, что наиболее адекватное представление о сущности управления разработано в пределах кибернетики. Так, по мнению М. Ф. Гумерова, наиболее общее понятие управления выработано кибернетикой – наукой, обобщающей закономерности всякого управления, происходящего в живой природе, в человеческом обществе, в механических системах [10]. А. И. Берг указывает, что характерной чертой, особенностью кибернетики является то, что она базируется на общности закономерностей, лежащих

в основе управления процессами, происходящими в совершенно различных средах, условиях, областях человеческой деятельности [11, с. 18].

Главное достоинство кибернетического подхода к пониманию управления состоит в том, что он препятствует искажению сущности управления, появлению так называемых ведомственных, отраслевых взглядов, которые неадекватно освещают сущность и содержание управления. Т. В. Керимова, предупреждая о недостатках отраслевого исследования проблем управления, отмечает: «Опасность... состоит в том, что при ведомственном рассмотрении феномена управления частные, второстепенные детали могут приобрести... решающее значение» [12, с. 27]. С позиции кибернетики управление – это целенаправленное воздействие со стороны субъекта управления на объекты для их преобразования и/или поддержания в определенном состоянии [2, с. 48].

Учитывая положения кибернетического подхода, попытаемся в общих чертах рассмотреть схему процесса управления.

Итак, как нами уже упоминалось, в процессе функционирования любая система претерпевает различного рода воздействия, в результате чего значения ее параметров изменяются, и если они выходят из предельно допустимого диапазона, то достижение цели системы становится невозможным. Для того чтобы вернуть параметры системы к заданным значениям, ее (систему) необходимо восстановить (изменить), а для этого на нее нужно целенаправленно воздействовать. Эта роль отводится субъекту управления. Он, воздействуя на определенные элементы системы (объекты управления), побуждает их выполнить конкретные задачи, решение которых позволит привести параметры системы к желаемым значениям (восстановить их). В зависимости от достигнутых объектами результатов субъект принимает новые решения и реализует их.

Представленная схема в общем виде отражает процесс поддержания системы в определенном состоянии, обеспечивающем ее стабильное функционирование и достижение цели. Подчеркнем, что в основе этого процесса так или иначе лежит изменение системы. Выражается оно вначале в отклонении параметров системы от нормы, а затем в их восстановлении.

В случаях, когда система не испытывает каких-либо воздействий, но ее параметры перестали отвечать

необходимым для достижения цели требованиям (цель системы переориентирована, достигнута и т. п.), субъект управления также воздействует на объекты, только теперь цель воздействия не восстановить их, а привести в новое, желаемое состояние.

С учетом вышесказанного управление можно определить как целенаправленное воздействие со стороны субъекта управления на те или иные объекты, изменяющее и/или поддерживающее систему в определенном состоянии для обеспечения ее стабильного функционирования и достижения заданной цели.

Представленные взгляды на сущность управления полностью применимы к системе обеспечения охраны прав осужденных, и с учетом ее особенностей управление системой охраны прав осужденных можно детерминировать как целенаправленное воздействие со стороны субъекта управления – руководителя какого-либо звена уголовно-исполнительной системы (в зависимости от уровня управления это могут быть директор ФСИН России, начальник территориального органа, исправительного учреждения, отдела или службы и т. п.) на определенные объекты – подчиненных (опять же в зависимости от уровня управления это могут быть начальник территориального органа, исправительного учреждения, отдела или службы, работник отдела или службы), которое меняет и/или поддерживает систему в определенном состоянии, для того чтобы обеспечить ее стабильное функционирование и достичь заданной цели – создания условий, при которых осужденные могли бы реализовывать свои права и свободы.

Центральной категорией в представленном определении, на наш взгляд, является воздействие. Оно подавляющим большинством авторов справедливо рассматривается в качестве обязательного признака любого вида управления [2, с. 88]. Воздействие, оказываемое субъектом управления на управляемую систему (объект управления), приводит (должно приводить) к изменению последней, но, для того чтобы это стало возможным, управленческое воздействие должно обладать определенными характеристиками. Во-первых, оно должно быть достаточным, т. е., для того чтобы желаемое изменение произошло, необходимо не само наличие воздействия, а его определенная, достаточная для этого степень – сила воздействия. По мнению А. А. Аксенова, именно этот параметр во многом определяет эффективность самого воздей-

ствия, реальное выполнение поставленной задачи, и наконец, возможность осуществления управления [2, с. 89]. Во-вторых, должны использоваться специфические приемы и способы воздействия, применяемые в управлении (будут рассматриваться далее).

Приемы и способы воздействия субъекта управления на управляемый объект для достижения запланированного результата или цели в теории управления принято называть методами управления. Так, О. Н. Дойникова определяет методы управления как систему способов и приемов воздействия субъекта управленческой деятельности на управляемый объект для достижения запланированного результата [13]. С. В. Чегринцова под методом управления понимает совокупность приемов и способов воздействия на управляемый объект для достижения поставленных организацией целей [14]. К. В. Чекмарева и А. А. Догарова считают, что методы управления – это система способов и приемов воздействия субъекта управления на объект управления для достижения определенного результата [15]. Представленная точка зрения является распространенной, и ее придерживаются многие авторы, такие как В. Е. Корытова и А. А. Рожкова [16], К. С. Биктяков [17], А. Л. Гапоненко и А. П. Панкрухин [18, с. 49] и др. Мы также разделяем эту точку зрения.

В теории управления традиционно выделяют три основных группы методов управления: организационно-административные, экономические, социально-психологические.

При применении организационно-административного метода воздействие на объект управления осуществляется посредством приказов, распоряжений, оперативных указаний, отдаваемых как письменно, так и устно, установления правил, а также контроля за их выполнением. Отличительной чертой этого метода является принудительный характер, который заключается в четкой адресности директивных команд и обязательности их исполнения. Невыполнение таких команд расценивается как прямое нарушение исполнительской дисциплины и влечет за собой наступление определенных последствий.

При использовании экономического метода воздействие опирается на экономические механизмы мотивации и стимулирования, а также на учет экономических интересов людей – субъектов и объектов управления. Особое внимание при этом уделяется

созданию благоприятных материальных условий для персонала, а также усилению заинтересованности каждого работника в получении высокого дохода.

Социально-психологический метод представляет собой совокупность специфических способов воздействия на общественное и индивидуальное сознание управляемого объекта в целях повышения эффективности его деятельности. Данный метод основан на использовании моральных стимулов к труду и воздействует на личность с помощью психологических приемов. Социально-психологические методы управления призваны создавать необходимые условия для благоприятного воздействия на взаимоотношения между руководителями и подчиненными, среди других сотрудников, способствовать созданию в коллективе наилучшего психологического климата.

Применительно к системе обеспечения охраны прав и свобод осужденных методы, используемые в управлении ею, играют важнейшую роль в решении задач и устранении проблем, возникающих в процессе ее функционирования. Обусловлено это тем, что методы управления являются одной из центральных категорий управленческого процесса, и именно с их помощью руководитель того или иного звена уголовно-исполнительной системы, воздействуя на подчиненных, побуждает их решать поставленные перед ними задачи, в том числе и в сфере обеспечения охраны прав и свобод осужденных, что способствует достижению общей цели системы – созданию условий, при которых осужденные могли бы реализовывать свои права и свободы. Поэтому для построения правильной управленческой программы необходимо учитывать особенности методов управления и специфику управляемой системы. Тщательный подход к выбору методов управления дает руководителю возможность своевременно выявить проблемы, возникающие как в системе управления, так и в управляемой системе, и устранить их.

Неумелое применение методов управления, которое заключается в том, что при выборе руководителем арсенала методов не учитываются особенности управляемой системы или выбранные методы используются некорректно или неадекватно, может привести к снижению результативности воздействия на субъекты, к менее качественному решению поставленных перед ними задач или к нерешению их вовсе, вследствие чего ставится под сомнение эффектив-

ность функционирования системы, а достижение ее цели затрудняется.

Отметим, что в управлении уголовно-исполнительной системой, в том числе и системой обеспечения охраны прав осужденных, достаточно широко применяются представленные нами методы управления, однако, учитывая особенность системы – строжайшую иерархичность и субординацию, использование именно организационно-административного метода является преобладающим. Приоритет его является отличительной чертой управления уголовно-исполнительной системой. Организационно-административный метод объективно необходим и имеет чрезвычайно важное значение в управлении системой обеспечения охраны прав осужденных. Вместе с тем его эффективное применение должно подкрепляться другими методами управления, в частности экономическим и социально-психологическим. Упование только на приказное, императивное содержание административного метода не сможет обеспечить постоянное, длительное, успешное функционирование рассматриваемой нами системы.

Еще одной немаловажной составляющей эффективности управления системой является технология управления. По мнению Г. В. Атаманчука: «Управленческая технология есть одно из проявлений социальных технологий, отражающее и организующее непосредственно управленческие процессы... Она расчленяется на последовательно взаимосвязанные процедуры и операции, которые выполняются более или менее однозначно и имеют целью достижение высокой эффективности» [19, с. 227–228]. М. М. Максимцев считает, что технология управления – это приемы, способы и порядок (последовательность, регламент) выполнения процесса управления в целом и составляющих его функций [20, с. 57].

Разделяем представленную точку зрения и мы, однако считаем необходимым отметить, что в реальной действительности управление системой обеспечения охраны прав осужденных, как и любой другой, проявляется через процессы управления. Выражается это в том, что решение каждой стоящей перед системой задачи происходит в рамках конкретного процесса управления. К примеру, руководитель того или иного звена уголовно-исполнительной системы выявил проблему, для устранения которой необходимо выполнить не одну, а несколько задач. Для решения

каждой из них руководитель должен осуществить комплекс определенным образом взаимосвязанных и следующих в строгой последовательности операций, таких как определение проблемы, разработка и принятие решения, подбор исполнителей, доведение до них решения, оценка хода исполнения решения, учет и оценка достигнутых результатов и др.

Совокупность таких операций (стадий) и представляет собой процесс управления, а алгоритм и регламент (порядок, приемы и способы) их реализации в общих чертах характеризуют технологию управления. Другими словами, технология управления – это подробная инструкция субъекту управления, описывающая все необходимые параметры, включая приемы и способы реализации стадий (операций) процесса управления и необходимые ресурсы.

Значимость технологии управления обуславливается тем, что она при адекватном, т. е. соответствующем реальным условиям и перспективным потребностям, формулировании и эффективной реализации делает управленческий процесс более результативным, включая в него только те части, элементы, операции, которые действительно необходимы для достижения поставленной цели, исключая лишнее, в том числе устаревшее, в его содержании.

Поэтому применение и строгое соблюдение руководителем эффективных технологий управления является главным условием предупреждения некачественного управления, оказывает непосредственное влияние на повышение результативности управленческой деятельности, что способствует достижению общей цели системы, в нашем случае – созданию условий, необходимых осужденным для реализации своих прав и свобод. Напротив, при отклонении от применяемой или при выборе неэффективной технологии управления снижается вероятность успешного решения стоящих перед системой задач, тем самым ставится под сомнение возможность достижения обозначенной нами цели системы. Отметим, что выбор технологии управления является творческим процессом, основанным на знаниях, личном опыте и интуиции руководителя. При этом руководитель может использовать (заимствовать) уже существующую технологию, оказавшуюся эффективной при решении аналогичных задач, или сформировать новую.

В качестве примера приведем ситуацию, когда в зимний период температура в общежитиях для осуж-

денных опустилась ниже нормативов, что является нарушением условий содержания. Имея в прошлом опыт решения подобных задач и основываясь на нем, руководитель сразу ставит задачу конкретному исполнителю (найти и устранить прорыв трубопровода), минуя при этом такие стадии управленческого процесса, как идентификация проблемы и выявление ее причин, разработка возможных вариантов ее решения и выбор из них наиболее подходящего, а также подбор исполнителя. Благодаря таким действиям потребовалось значительно меньше времени для решения возникшей проблемы, вследствие чего возросла эффективность процесса управления. Однако применение такой технологии в решении проблемы, суть и причины возникновения которой неизвестны, может привести к пагубным последствиям.

Выводы

Совокупность структурных подразделений ФСИН России, деятельность которых тем или иным образом направлена на обеспечение осужденным возможности пользоваться своими правами и свободами, представляет собой систему, подчиняющуюся общим закономерностям функционирования систем, в том числе и управления ими. От эффективности функционирования рассматриваемой системы напрямую зависит ситуация в сфере охраны прав осужденных. В случае когда система обеспечения охраны прав осужденных функционирует нестабильно и не достигается ее цель, осужденные не могут пользоваться своими правами и реализовывать свои свободы, так как отсутствуют необходимые для этого условия.

Именно посредством управления системой обеспечения охраны прав осужденных можно добиться эффективности ее функционирования и достижения поставленных перед ней целей. Исключительную роль в этом играют применяемые методы и технология управления.

Методы управления являются одной из центральных категорий управленческого процесса, и именно с их помощью руководитель того или иного звена уголовно-исполнительной системы, воздействуя на подчиненных, побуждает их решать поставленные перед ними задачи. В этой связи в практической деятельности руководителям для построения правильной управленческой программы необходимо тщательно подходить к выбору методов управления, учитывая

при этом их особенности, достоинства и недостатки, а также специфику управляемой системы. В противном случае снижается результативность оказываемого на субъекты управления воздействия, а следовательно, и эффективность управления всей системой, что приводит к затруднению достижения поставленной цели – создания необходимых условий для реализации осужденными своих прав и свобод.

Не менее важную роль в управленческом процессе играет технология управления. Именно она определяет алгоритм и регламент реализации стадий процесса управления, описывая при этом все необходимые параметры, включая приемы, способы, ресурсы и т. д. При адекватном формулировании и эффективной реализации применяемая технология управления делает управленческий процесс более результативным, включая в него только те части, элементы, операции, которые действительно необходимы для достижения поставленной цели, и исключая лишние.

Руководителям необходимо учитывать, что применение и строгое соблюдение эффективных технологий управления является главным условием предупреждения некачественного управления, оказывает непосредственное влияние на повышение результативности управленческой деятельности, и, напротив, при отклонении от применяемой или при выборе неэффективной технологии управления снижается вероятность успешного решения стоящих перед системой задач, тем самым ставится под сомнение возможность достижения обозначенной нами цели системы.

Значимо то, что квалифицированное применение методов и технологии управления практически всегда приводит к достижению запланированного результата, и наоборот, их неумелое использование снижает вероятность успешного решения стоящих перед системой обеспечения охраны прав осужденных задач, тем самым ставит под сомнение возможность создания условий, необходимых для реализации прав и свобод осужденных.

Считаем, что основные положения и выводы, сформулированные в данной статье, могут быть использованы руководителями всех без исключения звеньев уголовно-исполнительной системы в части повышения эффективности решения стоящих перед ними задач, в том числе и в деятельности, направленной на создание и/или поддержание условий, не-

обходимых для использования осужденными своих прав и реализации своих свобод.

Список литературы

1. Пирогов А. И., Пивоварова И. Ю. Философия управления как методологическая основа социального управления в информационном обществе // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2014. № 1. С. 108–117.
2. Аксенов А. А. Проблемы теории и практики управления в уголовно-исполнительной системе России: учеб. пособие. Рязань: Академия права и управления ФСИН России, 2011. 1131 с.
3. Киселев А. М., Панарин Д. А. Процесс управления в уголовно-исполнительной системе России: учеб. пособие. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2008. 152 с.
4. Организация управления в уголовно-исполнительной системе: учебник. В 3 т. Т. 1: Общая часть / под общ. ред. Ю. Я. Чайки; научн. ред. В. М. Анисимков, А. А. Аксенов, Б. Б. Казак, Н. П. Барабанов. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2002. 535 с.
5. Системные исследования: ежегодник. М.: Наука, 1969. 203 с.
6. Садовский В. Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974. 264 с.
7. Ушвицкий Л. И., Тер-Григорьянц А. А. Научные подходы к управлению инновационным развитием и саморазвитием социально-экономических систем // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 5 (44). С. 103–109.
8. Бузин В. Н. Особенности системного подхода к социальному управлению медиапространством в рамках коммуникологии // Коммуникология. 2014. № 8. С. 76–90.
9. Балдин К. В., Макриденко Е. Л., Росляков Р. А. Системный подход к управлению инновационными процессами // Вестник экономической интеграции. 2014. № 6 (75). С. 7–13.
10. Гумеров М. Ф. Теория систем и кибернетика как основы науки об организационном управлении // Риск: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2015. № 1. С. 297–301.
11. Берг А. И. Кибернетика – наука об оптимальном управлении. М. – Л.: Энергия. 1964, 64 с.
12. Керимова Т. В. Социальный прогресс и управление. М.: Политиздат, 1980. С. 234.
13. Дойникова О. Н. Методы и подходы к управлению организациями сферы деловых услуг // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2013. № 1. С. 112–116.
14. Чегринцова С. В. Социально-психологические методы управления и особенности их применения в организации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2013. № 20. С. 158–166.
15. Чекмарева К. В., Догадова А. А. Методы управления персоналом в современной организации // Актуальные вопросы инновационной экономики. 2015. № 9. С. 195–200.
16. Корыткова В. Е., Рожкова А. А. Система управления организацией // Экономика и социум. 2013. № 4 (9). С. 419–422.
17. Биктяков К. С. Эффективность практического управления организацией // Машиностроитель. 2013. № 6. С. 34–36.
18. Теория управления: учебник. Изд. 3-е, доп. и перераб. / под общ. ред. А. Л. Гапоненко, А. П. Панкрухина. М.: Изд-во РАГС, 2008. 560 с.
19. Агаманчук Г. В. Теория государственного управления: учебник. М.: ОмегаЛ, 2010. 525 с.
20. Менеджмент: учеб. для вузов по эконом. спец. / М. М. Максимцов, А. В. Игнатьева, М. А. Комаров и др.; под ред. М. М. Максимцова, А. В. Игнатьевой. М.: ЮНИТИ, 2001. 342 с.

Дата поступления 19.11.15

Дата принятия в печать 10.05.16

© Матюхов П. А., 2016. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.ieml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Матюхов Павел Анатольевич, адъюнкт, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России

Адрес: 390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1, тел.: +7 (4912) 27-21-12

E-mail: matykhov_pavel@yahoo.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0648-2584>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/G-5560-2016>

P. A. MATYUKHOV¹

¹ Academy of the Federal Execution Service of Russia, Ryazan', Russia

ROLE OF METHODS AND TECHNOLOGY OF MANAGEMENT IN THE SPHERE OF PROTECTING THE RIGHTS AND FREEDOMS OF THE IMPRISONED

Objective: to form the science-based knowledge about the place and the role of technology and methods of management system in solving the problems of the penal system, in the sphere of protection of the rights and freedoms of the imprisoned.

Methods: universal dialectic method of cognition, analysis, analogy, and systemic-structural and abstract-logical methods.

Results: it was found that the combination of structural elements of the Federal Execution Service of Russia, whose activities are, in one way or another, aimed at enabling prisoners to use their rights and freedoms, has a systemic character. It was determined that the efficiency of functioning of any system, including the criminal-executive, is provided by managing it (its elements). The crucial role of the used methods and technologies is shown. The opinion is formed and justified that their skilled application in the management of the criminal-executive system will improve the efficiency of solving its tasks, including in the sphere of protection of the rights and freedoms of the imprisoned.

Scientific novelty: the attempt to examine the role of technology and management practices in the functioning of the system ensuring protection of the rights and freedoms of the imprisoned.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used both in scientific and practical activities of managers of different levels and units of the penal system to address the challenges they face, including on the protection of the rights and freedoms of the imprisoned.

Keywords: Criminal law; System; Impact; Management; Method; Technology; Rights of the imprisoned; Criminal-executive system

References

1. Pirogov, A. I., Pivovarova, I. Yu. *Filosofiya upravleniya kak metodologicheskaya osnova sotsial'nogo upravleniya v informatsionnom obshchestve* (Philosophy of management as methodological basis fo social management in information society), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2014, No. 1, pp. 108–117 (in Russ.).
2. Aksenov, A. A. *Problemy teorii i praktiki upravleniya v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme Rossii* (Issues of theory and practice of management in the Russian criminal-execution system), Ryazan': Akademiya prava i upravleniya FSIN Rossii, 2011, 1131 p. (in Russ.).
3. Kiselev, A. M., Panarin, D. A. *Protsess upravleniya v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme Rossii* (Management procedure in the Russian criminal-execution system), Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii, 2008, 152 p. (in Russ.).
4. Chaika, Yu. Ya. *Organizatsiya upravleniya v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme* (Organization of management in criminal-execution system), in 3 vol., vol. 1: *Obshchaya chast'* (General part), Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Minyusta Rossii, 2002, 535 p. (in Russ.).
5. *Sistemnye issledovaniya: ezhegodnik* (Systemic research: yearbook), Moscow: Nauka, 1969, 203 p. (in Russ.).
6. Sadovskii, V. N. *Osnovaniya obshchei teorii sistem. Logiko-metodologicheskii analiz* (Baes of the general system theory. Logical-methodological analysis), Moscow: Nauka, 1974, 264 p. (in Russ.).
7. Ushvitskii, L. I., Ter-Grigor'yants, A. A. *Nauchnye podkhody k upravleniyu innovatsionnym razvitiem i samorazvitiem sotsial'no-ekonomicheskikh sistem* (Scientific approaches to the management of innovative development and self-development of social-economic systems), *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta*, 2014, No. 5 (44), pp. 103–109 (in Russ.).
8. Buzin, V. N. *Osobennosti sistemnogo podkhoda k sotsial'nomu upravleniyu mediaprostranstvom v ramkakh kommunikologii* (Features of systemic approach to social management of media space in the frameworks of communicology), *Kommunikologiya*, 2014, No. 8, pp. 76–90 (in Russ.).
9. Baldin, K. V., Makridenko, E. L., Roslyakov, R. A. *Sistemnyi podkhod k upravleniyu innovatsionnymi protsessami* (System approach to innovative processes management), *Vestnik ekonomicheskoi integratsii*, 2014, No. 6 (75), pp. 7–13 (in Russ.).
10. Gumerov, M. F. *Teoriya sistem i kibernetika kak osnovy nauki ob organizatsionnom upravlenii* (Systems theory and cybernetics as the bases of the science of organizational management), *Risk: resursy, informatsiya, snabzhenie, konkurentsya*, 2015, No. 1, pp. 297–301 (in Russ.).
11. Berg, A. I. *Kibernetika – nauka ob optimal'nom upravlenii* (Cybernetics – the science of optimal management), Moscow – Leningrad: Energiya, 1964, 64 p. (in Russ.).
12. Kerimova, T. V. *Sotsial'nyi progress i upravlenie* (Social progress and management), Moscow: Politizdat, 1980, p. 234 (in Russ.).
13. Doinikova, O. N. *Metody i podkhody k upravleniyu organizatsiyami sfery delovykh uslug* (Methods and approaches to management of a business services organization), *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*, 2013, No. 1, pp. 112–116 (in Russ.).
14. Chegrintsova, S. V. *Sotsial'no-psikhologicheskie metody upravleniya i osobennosti ikh primeneniya v organizatsii* (Social-psychological methods of management and features of their application in an organization), *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie*, 2013, No. 20, pp. 158–166 (in Russ.).
15. Chekmareva, K. V., Dogadova, A. A. *Metody upravleniya personalom v sovremennoi organizatsii* (Methods of personnel management in a modern organization), *Aktual'nye voprosy innovatsionnoi ekonomiki*, 2015, No. 9, pp. 195–200 (in Russ.).
16. Korytova, V. E., Rozhkova, A. A. *Sistema upravleniya organizatsiei* (System of management of an organization), *Ekonomika i sotsium*, 2013, No. 4 (9), pp. 419–422 (in Russ.).

17. Biktyakov, K. S. *Effektivnost' prakticheskogo upravleniya organizatsiei* (Efficiency of practical management of an organization), *Mashinostroitel'*, 2013, No. 6, pp. 34–36 (in Russ.).
18. Gaponenko, A. L., Pankrukhnina, A. P. *Teoriya upravleniya* (Management theory), Moscow: Izd-vo RAGS, 2008, 560 p. (in Russ.).
19. Atamanchuk, G. V. *Teoriya gosudarstvennogo upravleniya* (Theory of public administration), Moscow: OmegaL, 2010, 525 p. (in Russ.).
20. Maksimov, M. M., Ignat'eva, A. V., Komarov, M. A. *Menedzhment* (Management), Moscow: YuNITI, 2001, 342 p. (in Russ.).

Received 19.11.15

Accepted 10.05.16

© Matyukhov P. A., 2016. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; Licensee Tatar Educational Centre "Taglimat". This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), which permits unrestricted use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.

Information about the author

Pavel A. Matyukhov, post-graduate student, Academy of Law and Management of the Federal Execution Service of Russia
Address: 1 Sennaya Str., 390000, Ryazan', tel.: + 7 (4912) 27-21-12
E-mail: matyukhov_pavel@yahoo.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0648-2584>
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/G-5560-2016>

For citation: Matyukhov P. A. Role of methods and technology of management in the sphere of protecting the rights and freedoms of the imprisoned, *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, vol. 10, No. 2, pp. 226–235.

ПОЗНАНИЕ

Формирование культуры здорового образа жизни: социально-экономические и психолого-педагогические аспекты : материалы Международной науч.-практ. конф., Нижнекамск, 11 декабря 2014 г. / отв. ред. Э. Н. Ахметшина, Р. Ф. Гатауллина, Р. З. Галимова. – Казань : Казань : Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2015. – 328 с.

В сборнике представлены материалы Международной научно-практической конференции «Формирование культуры здорового образа жизни: социально-экономические и психолого-педагогические аспекты», направленной на исследование наиболее актуальных психолого-педагогических, социально-экономических проблем современного российского общества – теоретических и практических вопросов формирования ценностей здорового образа жизни.

Адресован практикам и ученым, исследующим вопросы формирования культуры здорового образа жизни.

УДК 343.9:332.8

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.2.236-246>

Как цитировать статью: Сизых Е. А. Детерминанты преступности в сфере жилищно-коммунального хозяйства крупных городов России // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 2. С. 236–246.

Е. А. СИЗЫХ¹

¹ Академия управления Министерства внутренних дел России, г. Москва, Россия

ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА КРУПНЫХ ГОРОДОВ РОССИИ

Цель: определение факторов, играющих наиболее важную роль в детерминации преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства крупных городов России (с населением более 1 млн человек).

Методы: корреляционный анализ с применением коэффициента Пирсона.

Результаты: исходные гипотезы основаны на следующих предположениях о детерминированности преступности в жилищно-коммунальном хозяйстве: эта преступность пропорциональна общей криминализированности экономики региона (количеству всех коррупционных преступлений, выявленных подразделениями Управления экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел России во всех сферах экономической деятельности в изучаемых крупных городах), показателям объемов производства (количеству инвестиций и объему финансирования в этой сфере, объему строительных работ и т. д.), а также уровню монополизации в этой сфере в регионе (т. е. пропорциональна количеству предприятий жилищно-коммунального хозяйства). Для проверки гипотез использовались данные о преступности и социально-экономических характеристиках жилищно-коммунального хозяйства в 15 крупных городах России за 2012–2013 гг., а также данные о преступности в данной сфере и о коррупционных преступлениях в крупных городах России за 2012–2014 гг. В результате расчетов гипотезы частично подтвердились: обнаружена высокая зависимость уровня преступности в жилищно-коммунальных хозяйствах крупных городов России от уровня коррупционных преступлений в этих городах ($r = 0,63$) и зависимость от числа организаций, действующих в этой сфере ($r = -0,47$). В то же время между объемами деятельности в жилищно-коммунальных хозяйствах крупных городов России и уровнем преступности в них корреляция оказалась более слабая (модуль коэффициента Пирсона ниже, чем 0,4).

Научная новизна: в статье впервые исследованы детерминанты преступности в сфере жилищно-коммунального хозяйства крупных городов России на основе корреляционного анализа с применением коэффициента Пирсона.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в дальнейшем экономико-криминологическом анализе при рассмотрении вопросов о преступности в сфере жилищно-коммунального хозяйства крупных городов России.

Ключевые слова: уголовное право и криминология; жилищно-коммунальное хозяйство; преступность в жилищно-коммунальном хозяйстве; коррупция; экономические преступления; крупный город

Введение

В настоящее время жилищно-коммунальное хозяйство (далее – ЖКХ) в России представляет собой сложный многоотраслевой комплекс, который обладает колоссальными ресурсами. По данным за 2013 г., доля основных фондов ЖКХ составляет более 26 % от общего объема основных фондов России, в этом сегменте экономики занято около 8 % всех работников [1, с. 3]. Согласно принятой в январе 2016 г. Стратегии развития жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации на период до 2020 г., ЖКХ

является одной из базовых отраслей российской экономики, обеспечивающей население жизненно важными услугами, а промышленность – необходимой инженерной инфраструктурой, она дает более 5,7 % ВВП России¹.

¹ Стратегия развития жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ № 80-р от 26.01.2016 // Собрание законодательства РФ. 01.02.2016. № 5. Ст. 758.

Основные проблемы функционирования ЖКХ связаны с крупными городами России, к которым относят города численностью жителей свыше 1 млн². Данная категория городов – от провинциального Воронежа (1,015 млн населения в 2013 г.) до столичной Москвы (12,108 млн) – играет огромную роль в экономике России: эти города обеспечивают около 60 % поступлений в консолидированный бюджет Российской Федерации [2, с. 11], в них проживает (по данным на 1 января 2015 г.) более 22 % населения страны.

Сочетание высокой платы за услуги ЖКХ с низким качеством этих услуг еще в 1990-е гг. стало одним из источников социальной напряженности в российском обществе. Как показывают данные проведенного в 2015 г. общероссийского социологического опроса, подавляющее большинство населения (66 % респондентов) не удовлетворены состоянием сферы ЖКХ. Основными причинами неудовлетворенности граждан являются именно цены на услуги ЖКХ и плохое состояние жилищного фонда. Хуже всего оценивают состояние коммунального хозяйства жители крупных городов: среди них доля давших неудовлетворительные оценки составляет 70 %³.

Острое недовольство граждан состоянием ЖКХ становится одной из причин протестных выступлений. В частности, к самым крупным протестным выступлениям 2000-х гг. относится массовый (25 тыс. участников) митинг в апреле 2002 г. в Воронеже с требованиями не допустить повышения тарифов на жилищно-коммунальные услуги. В последнее время вопрос о взимании платы за капитальный ремонт обострился до такой степени, что им был вынужден заняться Конституционный суд. Таким образом, негативное состояние ЖКХ становится угрозой не

только национальной экономической безопасности (благополучию граждан), но и национальной безопасности как таковой.

Одной из причин негативного состояния ЖКХ является существенная криминализация отрасли, позволяющая отнести ее к группе высокорискованных (с точки зрения криминальных угроз) отраслей. Проявлением криминализации является рост теневого сектора экономики, значительная часть которого сформирована экономической преступностью и существует благодаря коррупции властных структур. ЖКХ как сектор экономики является привлекательным для преступных элементов, так как в данной сфере легче совершать хищения в крупном и особо крупном размере, а отследить движение денежных средств достаточно сложно. Как правило, эти преступления носят резонансный, высокоорганизованный характер и имеют яркую социальную окраску.

Необходимо учитывать, что у преступлений в сфере ЖКХ очень высок уровень латентности, поскольку главным пострадавшим (жильцам) трудно контролировать соотношение оплаты и качества получаемых услуг. Это хорошо видно по данным о крупнейших раскрытых хищениях в ЖКХ (табл. 1). Хотя обычно в последние годы в ходе судебных разбирательства по делам подобного рода фигурируют суммы порядка нескольких десятков миллионов рублей (дело Савинцева в Алтайском крае, Сапроновой в Волгограде, Сватикова в Новочеркасске и другие⁴), однако изредка встречаются суммы в сотни миллионов, а несколько лет назад бывали и многомиллиардные хищения. Такой разброс позволяет предположить, что обычно в суде удается доказать лишь малую долю реального объема хищений.

По данным ФКУ ГИАЦ МВД РФ, наибольшее количество преступлений в сфере ЖКХ крупных городов России в 2015 г. выявлено в следующих городах: Москва, Екатеринбург, Казань, Санкт-Петербург, Новосибирск, Пермь, Волгоград, Ростов-на-Дону. Это можно объяснить тем, что подразделения МВД России достигли определенных положительных результатов в оперативно-служебной деятельности по декриминализации сферы ЖКХ. В то же время количество и качество выявляемых преступлений

² Согласно «СП 42.13330.2011. Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89» (утв. Приказом Минрегиона РФ № 820 от 28.12.2010), города численностью от 1 млн называют крупнейшими городами, однако автор использует понятие «крупный город», поскольку такая трактовка часто встречается в научной литературе (см., например, [2]).

³ Качество предоставления жилищных и коммунальных услуг. Национальное агентство финансовых исследований (НАФИ). Август 2015 г. (Приложение). URL: <http://nacfin.ru/rossiyane-ocenili-kachestvo-i-stoimost-uslug-zhkh>. (дата обращения: 20.03.16).

⁴ Крупнейшие хищения в сфере ЖКХ. 20.10.2014. (Приложение). URL: <http://i-zkh.ru/projects/zhkhk-vlasti-ne-mogut-ostanovit-rost-khishcheniy.htm> (дата обращения: 20.03.16).

Таблица 1

Крупнейшие раскрытые в России 2010-х гг. хищения в сфере ЖКХ*

Table 1. Largest detected embezzlements in the dwelling-communal sector in Russia in the 2010-s*

Суммы, проходившие в судебных разбирательствах / Sums shown in trial	Основные фигуранты дела / Main persons involved	Год / Year	Обстоятельства дела / Facts of the case
25 млрд руб. / bln rubles	Юрий Желябовский, владелец холдинга «Энергострим» (ЦФО), его заместители, директора компаний холдинга / Yuriy Zhelyabovskiy, owner of the "Energostrim" Holding (Central Federal District), his deputies, directors of the Holding companies	2011	Возбуждено несколько уголовных дел, часть фигурантов задержана. Желябовский скрылся за границей и объявлен в международный розыск / Several trials are brought, some persons are arrested. Zhelyabovskiy escaped abroad and is internationally searched.
3,8 млрд руб. / bln rubles	Алексей Кузнецов, бывший министр финансов Московской области / Aleksey Kuznetsov, ex-minister of Finance of Moscow region	2010	Возбуждено уголовное дело. В 2013 г. А. Кузнецов задержан во Франции, 18 октября 2014 г. принято решение о его экстрадиции в Россию / A trial is brought. In 2013 Kuznetsov was arrested in France, on October 18, 2014, a decision was made to extradite him to Russia
558 млн руб. / mln rubles	Рауф Кутдузов, владелец двух десятков управляющих компаний, г. Ижевск / Rauf Kutduzov, owner of two dozens of management companies, Izhevsk	2014	Возбуждено два уголовных дела / Two trials are brought
485 млн руб. / mln rubles	Олег Брагин, руководитель нескольких управляющих компаний, г. Пермь / Oleg Bragin, head of several management companies, Perm	2013	Ведется следствие / Under investigation
453 млн руб. / mln rubles	Александр Елькин, бывший гендиректор ОАО «Славянка», отвечающего за бытовое обслуживание и содержание коммунальной инфраструктуры воинских частей и гарнизонов российских вооруженных сил / Aleksandr El'kin, ex-director of "Slavyanka" Open Corporation, responsible for housing and communal maintenance of the Russian Army garrisons	2012	С ноября 2012 г. А. Елькин находится под арестом / Arrested since November 2012
200 млн руб. / mln rubles	Павел Волобуев, владелец ООО «Родной город» и ряда управляющих компаний, г. Волгоград / Pavel Volobuyev, owner of "Rodnoy gorod" Ltd and several management companies, Volgograd	2014	Возбуждено уголовное дело / A trial is brought

* *Источник:* Крупнейшие хищения в сфере ЖКХ. 20.10.2014. (Приложение). URL: <http://i-zkh.ru/projects/zhkhh-vlasti-ne-mogut-ostanovit-rost-khishcheniy.htm> (дата обращения: 20.03.2016).

* *Source:* Largest embezzlements in the dwelling-communal sector. 20.10.2014. (Appendix), available at: <http://i-zkh.ru/projects/zhkhh-vlasti-ne-mogut-ostanovit-rost-khishcheniy.htm> (access date: 20.03.2016).

в ЖКХ не соответствуют имеющимся проблемным вопросам, очень большое количество преступлений остаются латентными.

Для эффективной организации противодействия преступлениям в сфере жилищно-коммунального хозяйства крупных городов необходимо выявить факторы, играющие наиболее важную роль в детерминации этой преступности.

Проблемы безопасности ЖКХ России многократно привлекали внимание отечественных экономистов и криминологов. Обширную литературу по этой теме следует разделить на две группы. Чаще всего рассматривают социально-экономическую безопасность жилищно-коммунального хозяйства в целом, без акцентирования внимания на криминальных угрозах его развития. Таковы, например, работы М. А. Глазырина [3–6],

С. Е. Дронова [7, 8], А. В. Мармозы [9, 10], О. С. Поповой [11, 12], И. А. Кузнецова [13, 14], В. В. Литюшкина и И. А. Алимова [15] и др. Заметно меньше работ, специально посвященных именно криминальным угрозам развития ЖКХ, – здесь следует упомянуть в первую очередь работы И. Н. Дорофеева и его соавторов [16, 17]; есть по этой тематике и работы других авторов – например, И. Ф. Амельякова, И. Н. Озерова, А. В. Карагодина [18], Д. Н. Зеленина [19], коллективная монография о коррупции в ЖКХ [20] и др. В то же время практически отсутствуют исследования, где бы рассматривались детерминанты преступности в жилищно-коммунальном хозяйстве. Единственным известным автору исследованием на эту тему является статья А. Н. Мельника [21], посвященная преступности в жилищно-коммунальном хозяйстве Украины.

Результаты исследования

Автор данной статьи попытался выявить наиболее важные детерминанты преступности в ЖКХ крупных городов при помощи расчета корреляций по Пирсону на основе базы данных за 2010–2015 гг. В качестве изучаемого фактора была взята совокупность наиболее типичных преступлений сферы жилищно-коммунального хозяйства (табл. 2), а в качестве 11 факторов-признаков – основные социально-экономические характеристики ЖКХ крупных городов России, от объема строительных работ до количества инвестиций. Особым фактором-признаком среди этих 11 являлось количество преступлений коррупционной направленности, выявленных подразделениями по экономической безопасности и противодействию коррупции МВД России во всей сфере экономической деятельности в изучаемых крупных городах.

По перечисленным факторам-признакам был сформулирован перечень гипотез о детерминированности преступности в ЖКХ (табл. 3).

Основные гипотезы основаны на следующих предположениях о детерминированности преступности в ЖКХ.

1. Эта преступность прямо пропорциональна общей криминализированности экономики региона, причем индикатором общей криминализированности является количество коррупционных преступлений, поскольку коррупция является предикатным преступлением по отношению к экономическим и налоговым преступлениям (отсюда производная гипотеза H_1).

2. Эта преступность прямо пропорциональна показателям объемов производства и финансирования в ЖКХ, поскольку чем больше ресурсов в отрасли, тем легче (при прочих равных) совершать хищения, растраты и т. д. (отсюда производные гипотезы $H_2 – H_6$).

3. Эта преступность прямо пропорциональна уровню монополизации ЖКХ в регионе, поскольку хищения, растраты и т. д. есть одна из форм злоупотребления монопольным положением (отсюда производная гипотеза H_7).

На основе выдвинутых гипотез был проведен корреляционный анализ с применением коэффициента Пирсона, который используется для оценки силы тесноты связи между двумя переменными. Такой метод корреляционного анализа позволил выявить наиболее существенные латентные факторы, которые

Таблица 2

Доля наиболее характерных видов преступлений в сфере ЖКХ от общего количества зарегистрированных преступлений в ЖКХ крупных городов России в 2010–2015 гг.*

Table 2. The share of the most typical kinds of crime in the dwelling-communal sector in the total number of detected crimes in the dwelling-communal sector of Russian cities in 2010–2015*

Преступления / Crime	Доля, % / Share
Экономические / Economic	
Мошенничество / Fraud	33
Злоупотребление и превышение должностных полномочий / Abuse of authorities	22
Присвоение или растрата / Appropriation or embezzlement	11
Незаконное предпринимательство / Illegal entrepreneurship	10
Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием / Property damage by deceit or abuse of confidence	6
Нецелевое расходование бюджетных денежных средств / Non-target use of budget funds	4
Преднамеренное банкротство / Deliberate bankruptcy	3
Другие / Other	5
Налоговые / Taxation	
Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации, сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов / Tax and/or fee evasion, hiding the monetary funds or property of an organization or an individual subject to taxes and/or fees	6

* *Источник:* составлено автором на основе официальных данных ФКУ ГИАЦ МВД России (Приложение). URL: https://mvd.ru/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 20.03.2016).

* *Source:* compiled by the author basing on the official data of the Main Information-Analytical Center of the Russian Ministry of Internal Affairs (Appendix), available at: https://mvd.ru/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (access date: 20.03.2016).

Таблица 3

Гипотезы о детерминированности зарегистрированного количества преступлений в сфере ЖКХ*
Table 3. Hypotheses on the determination of the detected crimes in the dwelling-communal sector*

№ гипотезы / Hypothesis No	Факторы-признаки / Factors-features	Гипотезы / Hypotheses
H ₁	Коррупционные преступления в сфере экономической деятельности / Corruption crimes in the sphere of economic activity	Чем выше коррупция в сфере экономической деятельности, тем выше преступность в сфере ЖКХ / The larger corruption in the sphere of economic activity, the larger the degree of crime in the dwelling-communal sector
H ₂	Объем строительных работ / Volume of construction works	Чем выше объемы строительства, тем выше преступность в сфере ЖКХ / The larger volume of construction works, the larger the degree of crime in the dwelling-communal sector
H ₃	Ввод в действие объектов социально-культурного назначения и квартир / Launching of social-cultural venues and flats	Чем выше объемы ввода, тем выше преступность в сфере ЖКХ / The larger volumes of launching, the larger the degree of crime in the dwelling-communal sector
H ₄	Ввод в действие общей площади жилых домов / Launching of the total area of dwelling houses	Чем выше объемы ввода, тем выше преступность в сфере ЖКХ / The larger the total area of dwelling houses launched, the larger the degree of crime in the dwelling-communal sector
H ₅	Наличие основных фондов / Presence of capital assets of the dwelling-communal organizations	Чем больше основных фондов, тем выше преступность в сфере ЖКХ / The more capital assets, the larger the degree of crime in the dwelling-communal sector
H ₆	Ввод в действие основных фондов / Launching of capital assets	Чем больше вводятся основных фондов, тем выше преступность в сфере ЖКХ / The more capital assets are launched, the larger the degree of crime in the dwelling-communal sector
H ₇	Степень износа основных фондов / Degree of the capital assets deterioration	Чем выше степень износа основных фондов, тем выше количество средств, выделяемых на капитальный ремонт, и тем выше преступность в сфере ЖКХ / The larger degree of the capital assets deterioration, the more funds are allocated for capital repairs, the larger the degree of crime in the dwelling-communal sector
H ₈	Инвестиции в основной капитал / Investment into capital assets	Чем больше финансовых ресурсов направляется в ЖКХ, тем выше в нем уровень преступлений / The more financial resources are allocated, the larger the degree of crime in the dwelling-communal sector
H ₉	Удельный вес инвестиций в основной капитал, финансируемых за счет бюджетных средств, в общем объеме инвестиций / Unit weight of investment into capital assets from the budget, in the total investments	Чем больше в ЖКХ выделяется бюджетных денежных средств, тем выше возможности хищения, нецелевого использования бюджетных денежных средств и т. д. / The more budget means are allocated in the dwelling-communal sector, the larger the possibility of embezzlement and not-n-target use of funds, etc.
H ₁₀	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами / Amount of the delivered in-house goods, services and works	Чем выше объем производства жилищно-коммунальных услуг, тем выше уровень преступности в ЖКХ / The larger amount of the produced services, the larger the degree of crime in the dwelling-communal sector
H ₁₁	Число действующих организаций в ЖКХ (в сферах производства и распределения электроэнергии, газа и воды – на конец года) / Number of functioning organizations of the dwelling-communal sector (in the spheres of production and distribution of electricity, gas and water – by the end of the year)	Чем меньше количество организаций, предоставляющих жилищно-коммунальные услуги, тем выше уровень преступности в ЖКХ / The less number of organizations delivering services, the larger the degree of crime in the dwelling-communal sector

* Источник: составлено автором.

* Source: compiled by the author.

воздействуют на интенсивность преступности в сфере ЖКХ (табл. 4). Для проверки гипотез H₂ – H₁₀ использовались данные о преступности в сфере ЖКХ и характеристиках ЖКХ в 15 крупных городах России за 2012–2013 гг. Проверка гипотезы H₁ осуществлялась на основе данных о преступности в сфере ЖКХ и о коррупционных преступлениях в крупных городах России за 2012–2014 гг.

В результате корреляционного анализа выявлено 9 значимых факторов, которые в табл. 2 расположены по степени убывания силы корреляционной связи.

Из трех основных гипотез подтвердились две: действительно, в крупных городах России преступность в ЖКХ зависит от общего уровня коррупции и от уровня монополизированности производства услуг в ЖКХ. В обоих случаях модуль коэффициента Пир-

Таблица 4

**Зависимость количества преступлений в сфере ЖКХ от социально-экономических показателей
в 15 крупных городах России***

**Table 4. Dependence of the number of crimes in the dwelling-communal sector on the social-economic indicators
in 15 large Russian cities***

№	Социально-экономические показатели крупных городов / Social-economic indicators of large cities	Значение коэффициента Пирсона / Pearson coefficient
<i>Сила корреляционной связи заметная / Correlation marked</i>		
1	Коррупционные преступления в сфере экономической деятельности / Corruption crimes in the sphere of economic activity	0,63
<i>Сила корреляционной связи умеренная / Correlation moderate</i>		
2	Число действующих организаций в ЖКХ / Number of functioning organizations of the dwelling-communal sector	-0,47
3	Объем строительных работ / Volume of construction works	-0,40
4	Ввод в действие объектов социально-культурного назначения и квартир / Launching of social-cultural venues and flats	-0,40
5	Ввод в действие общей площади жилых домов / Launching of the total area of dwelling houses	-0,39
6	Наличие основных фондов организаций ЖКХ / Presence of capital assets of the dwelling-communal organizations	-0,38
7	Ввод в действие основных фондов / Launching of capital assets	-0,38
8	Инвестиции в основной капитал / Investment into capital assets	-0,37
9	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами / Amount of the delivered in-house goods, services and works	-0,36
<i>Сила корреляционной связи слабая / Correlation weak</i>		
10	Удельный вес инвестиций в основной капитал, финансируемых за счет бюджетных средств, в общем объеме инвестиций / Unit weight of investment into capital assets from the budget, in the total investments	-0,20
11	Степень износа основных фондов / Degree of the capital assets deterioration	0,18

* *Источник:* составлено автором на основе официальных данных Росстата (Приложение). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts (дата обращения: 20.03.2016).

* *Source:* compiled by the author basing on the official data of the Russian Statistical Agency (Appendix), available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts (access date: 20.03.2016).

сона высок, что позволяет рассматривать выявленные корреляции как проявление причинно-следственных взаимосвязей. Итак, доказано, что коррупция и монополизация являются двумя главными детерминантами преступности в ЖКХ.

В то же время решительно не подтвердилась вторая основная гипотеза: между объемами деятельности в ЖКХ крупных городов России и уровнем преступности в ЖКХ этих городов, по данным 2012–2013 гг., корреляция оказалась не прямая, а обратная. Иначе говоря, интенсивность преступности выше не в столичных мегаполисах, а в крупных провинциальных городах.

Эта парадоксальная обратная связь между масштабами городского ЖКХ и преступностью в ней лучше

видна, если рассчитать коэффициенты интенсивности преступности в ЖКХ – число преступлений в этой сфере в расчете на 100 тыс. зарегистрированного постоянного населения (табл. 5, рис. 1). Обнаруживается, что, действительно, с поправкой на разную численность населения наиболее часто преступления в ЖКХ городов-миллионеров выявляются не в Москве или Санкт-Петербурге, а в Волгограде и Уфе.

Полученный результат нетривиален и требует специального анализа. В порядке гипотезы можно предположить, например, что в столичных мегаполисах за деятельностью ЖКХ установлен более жесткий контроль (в том числе со стороны органов внутренних дел), препятствующий совершению преступлений. Однако, в принципе, возможна и противоположная

Таблица 5

Расчет коэффициента интенсивности преступности в сфере ЖКХ за 2014 г. в крупных городах России*
Table 5. Calculation of the coefficient of crime intensity in the dwelling-communal sector in 2014 in Russian cities*

№	Города / Cities	Численность населения, чел. / Population, people	Коэффициент интенсивности преступности в сфере ЖКХ / Coefficient of crime intensity in the dwelling-communal sector
1	Москва / Moscow	12 197 596	0,65
2	Омск / Omsk	1 173 854	0,85
3	Санкт-Петербург / Saint Petersburg	5 191 690	1,39
4	Казань / Kazan	1 205 651	1,99
5	Воронеж / Voronezh	1 023 570	2,93
6	Красноярск / Krasnoyarsk	1 052 218	3,23
7	Нижний Новгород / Nizhniy Novgorod	1 267 760	3,39
8	Челябинск / Chelyabinsk	1 183 387	3,63
9	Пермь / Perm	1 036 469	3,67
10	Самара / Samara	1 171 820	5,03
11	Екатеринбург / Ekaterinburg	1 428 042	5,25
12	Ростов-на-Дону / Rostov-on-Don	1 114 806	5,83
13	Новосибирск / Novosibirsk	1 567 087	5,87
14	Волгоград / Volgograd	1 017 451	6,68
15	Уфа / Ufa	1 105 667	7,60

Источник: рассчитано автором на основе официальных данных Росстата (Приложение). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts и ФКУ ГИАЦ МВД России (Приложение). URL: https://mvd.ru/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 20.03.2016).

Source: calculated by the author basing on the official data of the Russian Statistical Agency (Appendix), available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts and Analytical Center of the Russian Ministry of Internal Affairs (Appendix), available at: https://mvd.ru/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (access date: 20.03.2016).

гипотеза: в более крупных городах при совершении преступлений в ЖКХ можно извлекать более крупные доходы, их активное использование для коррупции лучше предотвращает выявление совершаемых преступлений. Выявленный парадокс должен стать объектом дальнейшего экономико-криминологического анализа.

В результате проведенного исследования установлено также, что в группе крупных городов России численностью от 500 тысяч до 1 млн жителей исследуемые корреляционные связи оказались слабыми, в некоторых корреляциях зависимости практически исчезли (коэффициент Пирсона очень мал по модулю). Это контрастирует с результатами исследования 15 городов с численностью более 1 млн жителей, где выявленные факторы детерминации определенно являются значимыми (превышают 0,3 по шкале Чеддока). Это подсказывает, что криминальность в ЖКХ самых

крупных городов (городов-миллионеров) демонстрирует существенно иные закономерности, чем криминальность в ЖКХ менее крупных городов России.

Выводы

Таким образом, доказано, что в современной России преступность в сфере ЖКХ зависит от уровня коррупции и монополизации сферы жилищно-коммунального хозяйства, однако обратно пропорциональна объемам деятельности в жилищно-коммунальном хозяйстве.

В этих условиях безопасность и комфортность жизни граждан, а также общественный порядок существенно зависят от работы органов внутренних дел, которые противодействуют не только преступности в сфере ЖКХ, но и коррупционным преступлениям в целом. Следует вспомнить, что, согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации,

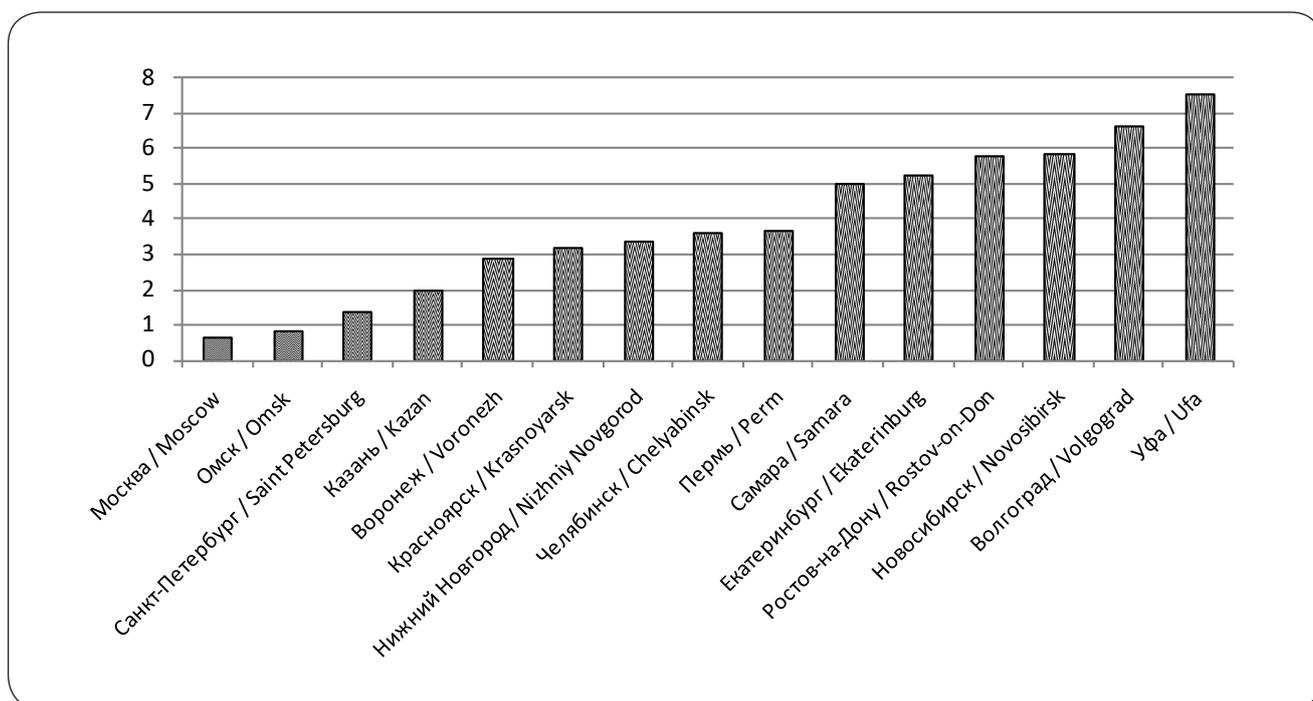

Рис. 1. Распределение крупных городов России в соответствии с коэффициентом интенсивности преступности в сфере ЖКХ, 2014 г.*

* Источник: составлено автором.

Fig. 1. Distribution of the Russian cities by the coefficient of crime intensity in the dwelling-communal sector, 2014*

* Source: compiled by the author.

принятой 31.12.2015, «обеспечение государственной и общественной безопасности осуществляется путем повышения эффективности деятельности правоохранительных органов и совершенствования единой государственной системы профилактики преступности, включая мониторинг и оценку эффективности правоприменительной практики, разработки и использования специальных мер, направленных на снижение уровня криминализации общественных отношений»⁵. Действия правоохранительных органов должны быть направлены, прежде всего, на усиление борьбы с коррупцией и повышение эффективности контроля над наиболее монополизированными сферами экономики. В то же время необходимо учитывать, что экономическая безопасность жилищно-комму-

нального хозяйства крупных городов России зависит не только от деятельности МВД России, но также от общегосударственного реформирования этой сферы.

Список литературы

1. Дорофеев И. Н., Строгалов В. В., Долинко В. И. Организация оперативно-розыскной деятельности территориальных органов внутренних дел по борьбе с экономическими и коррупционными преступлениями в сфере жилищно-коммунального хозяйства: учеб.-метод. пособие. М.: Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции, 2013. 112 с.
2. Корсак А. Б. Развитие механизмов обеспечения экономической безопасности крупных городов: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М.: Акад. экономич. безоп. МВД России, 2004. 23 с.
3. Глазырин М. А. Нивелирование угроз экономической безопасности региона, формирующихся в сфере жилищно-коммунального хозяйства: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2013. 21 с.

⁵ Указ Президента РФ № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31.12.2015 // Собрание законодательства РФ. 04.01.2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

4. Глазырин М. А. Детерминанты экономической безопасности в сфере ЖКХ // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 2 (048). С. 31–34.
5. Глазырин М. А. Специфика угроз экономической безопасности сферы ЖКХ региона // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 3. С. 39–43.
6. Глазырин М. А., Астахов К. В. Механизм нивелирования угроз экономической безопасности региона, возникающих в сфере ЖКХ // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 3. С. 44–48.
7. Дронов С. Е. Направления совершенствования региональной политики в сфере жилищно-коммунального хозяйства: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2015. 21 с.
8. Дронов С. Е. Роль сферы ЖКХ в структуре региональной экономики // Социально-экономические явления и процессы. 2015. № 2. С. 41–44.
9. Мармоза А. В. Энергосбережение как элемент системы экономической безопасности жилищно-коммунального хозяйства (на материалах Северокавказского федерального округа и Ставропольского края): автореф. дис. ... канд. экон. наук. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2011. 23 с.
10. Мармоза А. В. Направления повышения энергоэффективности в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2011. № 4 (127). С. 126–129.
11. Попова О. С. Обеспечение социально-экономической безопасности жилищно-коммунального хозяйства страны: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М.: Институт экономики Российской академии наук, 2014. 24 с.
12. Попова О. С. Обеспечение социально-экономической безопасности – важнейший приоритет жилищной политики // Вестник ИЭ РАН. 2014. № 4. С. 126–135.
13. Кузнецов И. А. Экономическая безопасность потребителей товаров и услуг в сфере ЖКХ // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 7 (053). С. 88–92.
14. Кузнецов И. А. К вопросу об экономической безопасности предприятий ЖКХ на современном этапе реформ // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 2 (12). С. 543–546.
15. Литюшкин В. В., Алимова И. О. Реформирование ЖКХ как элемента укрепления экономической безопасности: взгляд из региона // TERRA ECONOMICUS. 2008. № 4 (2). С. 294–298.
16. Дорофеев И. Н. Организация оперативно-розыскной деятельности территориальных органов внутренних дел по борьбе с экономическими и коррупционными преступлениями в сфере жилищно-коммунального хозяйства: учеб.-метод. пособие. М.: Академия управления МВД России, 2013. 88 с.
17. Дорофеев И. Н., Строгалов В. В. Основные факторы, обуславливающие высокий уровень криминальных процессов в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 1 (29). С. 62–66.
18. Амелчаков И. Ф., Озеров И. Н., Карагодин А. В. Об организации и мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и административных правонарушений в жилом секторе // Проблемы правоохранительной деятельности. 2012. № 1. С. 1–5.
19. Зеленин Д. Н. Актуальные вопросы правового обеспечения деятельности оперативных аппаратов по раскрытию мошенничества на рынке жилой недвижимости // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2007. № 4. С. 274–276.
20. Противодействие коррупции в жилищно-коммунальном секторе России / Г. А. Алиева, С. В. Апоничкий, А. А. Арямов и др. М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2015. 144 с.
21. Мельник А. Н. Должностная преступность в сфере жилищно-коммунального хозяйства Украины // Вестник Академии труда и социальных отношений Федерации профсоюзов Украины. Серия: Право и государственное управление. 2013. № 4. С. 108–112.

Дата поступления 11.04.16

Дата принятия в печать 13.05.16

© Сизых Е. А., 2016. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.ieml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Сизых Елена Александровна, адъюнкт кафедры организации финансово-экономического и тылового обеспечения, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации
Адрес: 125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, тел.: +7 (499) 150-10-34
E-mail: KelenaZ@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1891-1924>
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/F-9279-2016>

E. A. SIZYKH¹

¹Academy for Management of the Russian Ministry of Internal Affairs, Moscow, Russia

DETERMINANTS OF CRIME IN THE SPHERE OF DWELLING-COMMUNAL SECTOR IN RUSSIAN CITIES

Objective: to determine the most important factors of crimes in the sphere of dwelling and communal services in Russian cities (with a population of over 1 million people).

Methods: correlation analysis using Pearson coefficient.

Results: the initial hypothesis is based on the following assumptions about the determination of crime in the dwelling-communal sector: this crime is proportional to the total criminality of the region economy (the number of all corruption crimes revealed by divisions of the Russian Ministry of Internal Affairs in all spheres of economic activities in the studied cities), production indicators (number of investments and amount of financing in the dwelling-communal sector, volume of construction works, etc.), as well as the degree of monopolization in the dwelling-communal sector in the region (i.e., proportional to the number of municipal utilities). To check the hypotheses, we used data on crime and socio-economic characteristics of the dwelling-communal sector in 15 largest Russian cities in 2012–2013, as well as the data about crime in the sphere of dwelling and communal services and about the corruption crimes in Russian cities in 2012–2014. As a result, the calculations partially confirmed the hypotheses: the dependence of the level of crime in the dwelling-communal sector of Russian cities on the level of corruption crimes in these cities is high ($r = 0,63$), as well as the dependence on the number of organizations operating in the dwelling-communal sector ($r = -0,47$). At the same time the correlation was weak between the volume of activity in the dwelling-communal sector in Russian cities and the level of crime in them (absolute value of Pearson coefficient is lower than 0,4).

Scientific novelty: for the first time the article investigated the determinants of crime in the sphere of dwelling and communal services in Russian cities on the basis of correlation analysis using Pearson coefficient.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in further economic-criminological analysis when considering the issues of crime in the sphere of dwelling and communal services in Russian cities.

Keywords: Criminal law and criminology; Dwelling-communal sector; Crime in the dwelling-communal sector; Corruption; Economic crime; City

References

1. Dorofeev, I. N., Strogalov, V. V., Dolinko, V. I. *Organizatsiya operativno-rozysknoi deyatel'nosti territorial'nykh organov vnutrennikh del po bor'be s ekonomicheskimi i korruptsionnymi prestupleniyami v sfere zhilishchno-kommunal'nogo khozyaistva* (Organization of operative-investigation activity of territorial internal bodies for struggling against economic and corruption crimes in the dwelling-communal sector), Moscow: Glavnoe upravlenie ekonomicheskoi bezopasnosti i protivodeistviya korruptsii, 2013, 112 p. (in Russ.).
2. Korsak, A. B. *Razvitie mekhanizmov obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti krupnykh gorodov: dis. ... kand. ekon. nauk* (Developing the mechanisms of providing the economic safety of large cities: PhD (Economics) thesis), Moscow: Akad. ekonomich. bez. MVD Rossii, 2004, 23 p. (in Russ.).
3. Glazyrin, M. A. *Nivelirovanie ugroz ekonomicheskoi bezopasnosti regiona, formiruyushchikhsya v sfere zhilishchno-kommunal'nogo khozyaistva: dis. ... kand. ekon. nauk* (Eliminating threats to the economic safety of the region in the dwelling-communal sector: PhD (Economics) thesis). Tambov: Tambovskii gosudarstvennyi universitet im. G. R. Derzhavina, 2013, 21 p. (in Russ.).
4. Glazyrin, M. A. Determinanty ekonomicheskoi bezopasnosti v sfere ZhKKh (Determinants of the economic safety in the dwelling-communal sector), *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*, 2013, No. 2 (048), pp. 31–34 (in Russ.).
5. Glazyrin, M. A. Spetsifika ugroz ekonomicheskoi bezopasnosti sfery ZhKKh regiona (Specific threats to the economic safety in the dwelling-communal sector of the region), *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*, 2013, No. 3, pp. 39–43 (in Russ.).
6. Glazyrin, M. A., Astakhov, K. V. Mekhanizm nivelirovaniya ugroz ekonomicheskoi bezopasnosti regiona, voznikayushchikh v sfere ZhKKh (Mechanism of eliminating threats to the economic safety of the region in the dwelling-communal sector), *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*, 2013, No. 3, pp. 44–48 (in Russ.).
7. Dronov, S. E. *Napravleniya sovershenstvovaniya regional'noi politiki v sfere zhilishchno-kommunal'nogo khozyaistva: dis. ... kand. ekon. nauk* (Directions of improving the regional policy in the dwelling-communal sector: PhD (Economics) thesis), Tambov: Tambovskii gosudarstvennyi universitet im. G. R. Derzhavina, 2015, 21 p. (in Russ.).
8. Dronov, S. E. Rol' sfery ZhKKh v strukture regional'noi ekonomiki (Role of the dwelling-communal sector in the regional economy structure), *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*, 2015, No. 2, pp. 41–44 (in Russ.).
9. Marmoza, A. V. *Energoberezhenie kak element sistemy ekonomicheskoi bezopasnosti zhilishchno-kommunal'nogo khozyaistva (na materialakh Severokavkazskogo federal'nogo okruga i Stavropol'skogo kraja): dis. ... kand. ekon. nauk* (Energy saving as an element of the economic safety system of the dwelling-communal sector (by the materials from North Caucasus Federal District and Stavropol region): PhD (Economics) thesis), Stavropol': Stavropol'skii gosudarstvennyi universitet, 2011, 23 p. (in Russ.).
10. Marmoza, A. V. *Napravleniya povysheniya energoeffektivnosti v sfere zhilishchno-kommunal'nogo khozyaistva* (Directions of increasing the energy efficiency in the dwelling-communal sector), *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki*, 2011, No. 4 (127), pp. 126–129 (in Russ.).

11. Popova, O. S. *Obespechenie sotsial'no-ekonomicheskoi bezopasnosti zhilishchno-kommunal'nogo khozyaistva strany: dis. ... kand. ekon. nauk* (Providing the social-economic safety in the dwelling-communal sector: PhD (Economics) thesis), Moscow: Institut ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk, 2014, 24 p. (in Russ.).
12. Popova, O. S. Obespechenie sotsial'no-ekonomicheskoi bezopasnosti – vazhneishii prioritet zhilishchnoi politiki (Providing the social-economic safety as the main priority of dwelling policy), *Vestnik IE RAN*, 2014, No. 4, pp. 126–135 (in Russ.).
13. Kuznetsov, I. A. Ekonomicheskaya bezopasnost' potrebiteli tovarov i uslug v sfere ZhKKh (Economic safety of the goods and services' consumers in the dwelling-communal sector), *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*, 2013, No. 7 (053), pp. 88–92 (in Russ.).
14. Kuznetsov, I. A. K voprosu ob ekonomicheskoi bezopasnosti predpriyatii ZhKKh na sovremennom etape reform (On the issue of economic safety of the dwelling-communal enterprises at the current stage of reforms), *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2011, No. 2 (12), pp. 543–546 (in Russ.).
15. Lityushkin, V. V., Alimova, I. O. Reformirovanie ZhKKh kak elementa ukrepleniya ekonomicheskoi bezopasnosti: vzglyad iz regiona (Reforming the dwelling-communal sector as an element of strengthening the economic safety: view from the region), *TERRA ECONOMICUS*, 2008, No. 4 (2), pp. 294–298 (in Russ.).
16. Dorofeev, I. N. *Organizatsiya operativno-rozysknoi deyatel'nosti territorial'nykh organov vnutrennikh del po bor'be s ekonomicheskimi i korruptsionnymi prestupleniyami v sfere zhilishchno-kommunal'nogo khozyaistva* (Organization of operative-investigation activity of territorial internal bodies for struggling against economic and corruption crimes in the dwelling-communal sector), Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2013, 88 p. (in Russ.).
17. Dorofeev, I. N., Stogalov, V. V. Osnovnye faktory, obuslovlivayushchie vysokii uroven' kriminal'nykh protsessov v sfere zhilishchno-kommunal'nogo khozyaistva (Main factors determining the high level of criminal processes in the dwelling-communal sector), *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, 2014, No. 1 (29), pp. 62–66 (in Russ.).
18. Amel'chakov, I. F., Ozerov, I. N., Karagodin, A. V. Ob organizatsii i merakh po sovershenstvovaniyu deyatel'nosti organov vnutrennikh del po preduprezhdeniyu prestuplenii i administrativnykh pravonarushenii v zhilom sektore (On the organization and improvement measures of the internal bodies' activity for preventing crimes and administrative law breaches in the dwelling sector), *Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti*, 2012, No. 1, pp. 1–5 (in Russ.).
19. Zelenin, D. N. Aktual'nye voprosy pravovogo obespecheniya deyatel'nosti operativnykh apparatov po raskrytiyu moshennichestva na rynke zhiloi nedvizhimosti (Topical issues of legal provision of the operative bodies' functioning in detecting fraud in the dwelling real estate market), *Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskii zhurnal*, 2007, No. 4, pp. 274–276 (in Russ.).
20. Alieva, G. A., Aponitskii, S. V., Aryamov, A. A., Bagmet, A. M., Bugorskii, V. P., Bychkov, V. V., Zul'fugarzade, T. E., Kostova, V. N., Kostyuk, M. F., Kunev, D. A., Luttsev, R. Yu., Mironova, E. A., Skobelin, S. Yu., Slobodenyuk, G. G. *Protivodeistvie korruptsii v zhilishchno-kommunal'nom sektore Rossii* (Corruption counteraction in the Russian dwelling-communal sector), Moscow: REU im. G. V. Plekhanova, 2015 (in Russ.).
21. Mel'nik, A. N. Dolzhnostnaya prestupnost' v sfere zhilishchno-kommunal'nogo khozyaistva Ukrainy (Malfeasance in the dwelling-communal sector of Ukraine), *Vestnik Akademii truda i sotsial'nykh otnoshenii Federatsii profsoyuzov Ukrainy. Seriya: Pravo i gosudarstvennoe upravlenie*, 2013, No. 4, pp. 108–112 (in Russ.).

Received 11.04.16

Accepted 13.05.16

© Szykh E. A., 2016. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; Licensee Tatar Educational Centre “Taglimat”. This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), which permits unrestricted use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.

Information about the author

Elena A. Szykh, post-graduate student of the Chair of Financial-Economic and Logistics Provision, Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs

Address: 8 Zoya and Aleksandr Kosmodemyanskikh Str., 125171 Moscow, tel.: +7 (499) 150-10-34

E-mail: KelenaZ@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1891-1924>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/F-9279-2016>

For citation: Szykh E. A. Determinants of crime in the sphere of dwelling-communal sector in Russian cities, *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, vol. 10, No. 2, pp. 236–246.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС / CRIMINAL PROCEDURE

УДК 343.195.6

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.2.247-263>

Как цитировать статью: Ольков С. Г. Судебные приговоры в свете теорем истинности, справедливости и определенности биссекториальности // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 2. С. 247–263.

С. Г. ОЛЬКОВ¹

¹ Сургутский государственный университет, г. Сургут, Россия

СУДЕБНЫЕ ПРИГОВОРЫ В СВЕТЕ ТЕОРЕМ ИСТИННОСТИ, СПРАВЕДЛИВОСТИ И ОПРЕДЕЛЕННОСТИ БИСЕКТОРИАЛЬНОСТИ

Цель: доказательство теорем истинности, справедливости и определенности биссекториальности, разработка математических основ теории судебных приговоров.

Методы: наблюдение; дедукция и индукция; использование законов формальной логики; сравнительный анализ; формально-юридический; математические методы.

Результаты: 1) доказаны и уточнены теоремы истинности, справедливости и определенности биссекториальности; 2) рассмотрены равновозможные, равновесные и диагональные приговоры в двумерном, трехмерном, четырехмерном и пятимерном пространстве уголовной ответственности, когда величина наказания определяется четырьмя переменными: $y = f(x_1, x_2, x_3, x_4)$, где y – величина наказания, x_1 – характер и степень общественной опасности деяния; x_2 – категория преступника (общественная опасность личности); x_3 – отягчающие наказание обстоятельства; x_4 – смягчающие наказание обстоятельства; f – параметры уравнения, связывающие левую и правую части уравнения; 3) отягчающие и смягчающие наказание обстоятельства удобно агрегировать в единую переменную в виде дроби, где в числителе стоит величина отягчающих наказание обстоятельств (x_3), а в знаменателе – смягчающих (x_4), тогда имеем единую переменную: $\frac{x_3}{x_4}$; 4) доказано, что определенность диагонального приговора в $\frac{s}{c}$ или $\frac{v}{c}$ раз больше определенности равновозможного приговора, где c – длина диагонали, s – площадь приговоров, v – пространство приговоров; 5) доказано, что биссекториальный приговор является оптимальным среди равновесных приговоров – в равной мере учитывающим функции защиты и обвинения.

Научная новизна: разработаны математические основы теории судебных приговоров, доказаны теоремы истинности, справедливости и определенности биссекториальности.

Практическая значимость: возможность использования полученных научных результатов в развитии уголовно-правовой и уголовно-процессуальной теорий; повышение уровня справедливости при вынесении судебных приговоров.

Ключевые слова: уголовный процесс; теорема истинности; теорема справедливости; теорема определенности биссекториальности; правосудие; равновозможный приговор; диагональный приговор; биссекториальный приговор; нормальный приговор; многомерный приговор; функция защиты; функция обвинения; функция разрешения дела; уголовное наказание; категории преступников; категории преступлений; математический анализ

Введение

Понятия «истина» и «справедливость» представляются вполне очевидными. Неслучайно они широко

используются в различном контексте [1–5]. Главное судебное решение – приговор, согласно ст. 297 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК

Ольков С. Г. Судебные приговоры в свете теорем истинности, справедливости и определенности биссекториальности / Ol'kov S. G. Court sentences in the aspect of theorems of validity, justice and certainty of bisectrixity

РФ)¹, должно быть законным, обоснованным и справедливым. Но в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 «О судебном приговоре» от 29.04.1996² ключевой термин «справедливость» употребляется лишь дважды, да и то вскользь. В п. 12 сказано: «Суды не должны допускать фактов назначения виновным наказания, которое по своему размеру является явно несправедливым как вследствие мягкости, так и вследствие суровости», а в п. 21: «Во всех случаях при определении размера компенсации вреда должны учитываться требования справедливости и соразмерности».

В ч. 2 ст. 297 УПК РФ отмечается, что приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями настоящего кодекса и основан на правильном применении уголовного закона. То есть понятие справедливости не раскрывается, а идет отсылка к уголовному закону.

В ст. 6 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)³, озаглавленной «Принцип справедливости», подчеркивается, что, во-первых, наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного; во-вторых, никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление.

Очевидно, что в ст. 6 УК РФ не дается точного определения справедливости, но указывается на то, что наказание должно быть соразмерно, во-первых, содеянному (характеру и степени общественной опасности преступления); во-вторых, личности виновного; в-третьих, обстоятельствам совершения. Возникает лишь один вопрос: соразмерным насколько?

Когда мы стреляем в мишень, то знаем, что самый точный выстрел – «в яблочко», или десятку, самый

центр мишени. Чем дальше от центра мишени отклоняется попадание, тем менее точен выстрел. Нечто подобное мы наблюдаем и в случае оценки справедливости приговора. При этом нас, как выясняется, интересует вовсе не попадание в центр мишени (точное попадание), а просто попадание в нее. Плохо лишь тогда, когда мы в мишень вообще не попали, но однозначно хорошо, когда пуля в нее вошла.

Из контекста совершенно очевидно, что справедливость и точность – тождественные понятия, а следовательно, справедливость – частный случай проявления истины. Истинность – это точность, в каком бы смысле мы ее ни употребляли.

Результаты исследования

Теоремы истинности и справедливости. Проблемы установления справедливости в современной российской правовой системе

По существу, уголовный процесс – это частный случай процесса познания, отличающийся от других видов познания, во-первых, по предмету – познание по уголовному делу; во-вторых, по особенностям использования средств познания – следственным и другим процессуальным действиям (осмотр места происшествия, обыск, допрос, эксперимент, экспертиза и т. д.). Как для ученого, так и для следователя, судьи, защитника важно в конце пути достичь истины, которая применительно к правовым отношениям и называется справедливостью. То есть справедливость – это частный случай истины, а математическая функция справедливости в общем виде всегда: $y(x) = x$, где y – государственная оценка деяния субъекта правовых отношений, а x – величина деяния.

Теорема истинности

Истинность в n -мерной (число координатных осей: $n \rightarrow \infty$) декартовой системе координат (далее – ДСК) – пространстве решения задачи D есть точка (координата) d , лежащая на биссектрисе (диагонали) этого пространства, в которой сходятся координаты n субъективных решений (ответов): $\bar{d} = \frac{\sum_i^n d_i}{n} = d_i$ (среднее арифметическое равно любому конкретному значению $\bar{d} = d_i$), основанных на законах мироздания (главное свойство), и в которой разность координат (неопределенность, разброс мнений) равна нулю.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ от 18.12.2001 (ред. от 30.12.2015, с изм. от 25.02.2016) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 «О судебном приговоре» от 29.04.1996 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 7 (ред. от 16.04.2013).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

Доказательство:

1. Возьмем простую декартову систему координат на плоскости, где оси координат – ось абсцисс и ось ординат (шкалы отношений) представляют собой множества допустимых решений двух субъектов A и B . Очевидно, что ДСК – объективная плоскость (частный и простейший случай n -мерного пространства). Координатная ось – шкала отношений с фиксированным нулем и всеми возможными в природе числами, которые могут описать любую пространственную и временную сущность.

2. Зададим субъектам A и B любую объективную задачу D – задачу, которая имеет строгое и однозначное решение по установленным законам мироздания, например: $x^2 = x + 1$.

3. Решая данную задачу D по правилам решения квадратных уравнений (законы мироздания), субъекты A и B получают один и тот же ответ, строго равный d , например, с точностью до трех знаков после запятой, равный золотому сечению 1,618.

4. Пересечение ответов субъектов A и B на плоскости строго выдаст координату на линии биссектрисы: $d(1,618; 1,618)$. То есть $d \in f(x) = x$.

Проверим для нашего простейшего примера:
$$\bar{d} = \frac{\sum_i^n d_i}{n} = d_i = \frac{1,618 + 1,618}{2} = 1,618.$$
 То есть среднее арифметическое равно любому конкретному значению $\bar{d} = d_i$.

5. Неопределенность в системе координат при решении данной задачи равна нулю, что означает невозможность второго ответа (разброс мнений равен нулю): $d_A - d_B = 0$.

6. Увеличивая размерность пространства – наращивая число субъектов, получаем n -мерное объективное⁴ пространство (теоретически оно может стремиться к бесконечности: $n \rightarrow \infty$), в котором возможно лишь одно решение данной задачи, а следовательно, координата решений (ответов) есть точка пересечения, лежащая на биссектрисе этого пространства, где ответ каждого субъекта равен 1,618.

⁴ Почему объективное пространство? Потому что в данном случае любая ось координат – это шкала отношений (абсолютная шкала) с фиксированным нулем и всеми возможными числами, равноудаленными друг от друга на единицу измерения.

Если бы вместо правила золотого сечения мы взяли, например, вероятность выпадения орла или решки при бросании монеты, то получили бы аналогичный биссекториальный результат – пересечение субъективных решений в точке 0,5 на биссектрисе объективного пространства. То же самое можно проделать с таблицей умножения, константами и т. д., и т. п.

Истинность в одномерном пространстве – это точка верного (точного) ответа. В двумерном пространстве это координата точного ответа двух субъектов, строго лежащая на биссектрисе двумерного пространства. В трехмерном пространстве и выше – та же точка верного ответа на биссектрисе.

Главным свойством истинности является решение задачи по законам мироздания. Если задача не решается по законам мироздания или какой-то субъект в системе допустит вычислительную ошибку, то будет иметь место отклонение от биссектрисы: $d_A - d_B \neq 0$. Например, один школьник (A), умножая шесть на три, получил 15, а второй (B), как и следовало, 18. Очевидно, что координата ляжет под биссектрису (ниже на три единицы). В системе оценок одним из участников допущена ошибка.

Отсюда очевидно, что **согласование мнений не является достаточным условием для достижения истины**, а рассогласование еще не означает, что все участники спора не правы. Например, оба школьника, умножая шесть на три, могли получить ответ, равный 15. Их ответы, естественно, легли бы на биссектрису, но не в той точке, где следовало по закону мироздания.

Теорема справедливости

Справедливость – частный случай истинности.

Справедливость в пространстве юридической ответственности разрешения дела D есть точка (координата) d , лежащая на биссектрисе (диагонали) этого пространства, в которой сходятся координаты n субъективных решений (ответов), основанных на законах мироздания (главное свойство), действующем законодательстве, судебной практике, и в которой разность координат (неопределенность, разброс мнений) равна нулю.

Проблемы установления справедливости в современной российской правовой системе:

- 1) отсутствие объективных шкал добра и зла;
- 2) отсутствие объективных шкал наказаний и поощрений;

3) неприменение законов мироздания при проведении судебной оценки деяний субъектов правовых отношений.

В сухом остатке (диагноз) – господство равновозможных судебных решений с максимумом неопределенности.

Что сделать, дабы обеспечить вынесение близких к справедливым судебных решений?

Программа-минимум для уголовного судопроизводства:

1. Не меняя действующие УК и УПК РФ, перейти к вынесению биссекториальных приговоров. Данная мера позволит существенно (кратно) снизить хаос при вынесении судебных приговоров.

2. Разработать судебную практику согласования мнений судей на решении теоретических задач с выработкой итоговой позиции для практического использования при вынесении конкретных приговоров.

Программа-максимум для уголовного судопроизводства:

1. Разработать объективные шкалы добра и зла, включив их практическое применение через законодательство (переработка Уголовного, Уголовно-процессуального, Уголовно-исполнительного кодексов РФ).

2. Разработать объективные шкалы поощрений и наказаний (переработка УК, УПК, УИК РФ).

3. Использование строгих математических алгоритмов (законов мироздания) при вынесении судебных решений.

Функции защиты, обвинения и разрешения дела. Равновозможный, равновесный и биссекториальный (диагональный) приговоры.

В уголовно-процессуальном законодательстве Российской империи, СССР и современной России никогда не ставилась цель *достижения равновесного, а тем более биссекториального приговора*. В ст. 297 ныне действующего УПК РФ провозглашается цель вынесения «законного, обоснованного и справедливого приговора». В теории советского уголовного процесса фигурировало понятие **объективной истины**, «висящей» где-то между так называемыми относительной и абсолютной истинами, что в определенной мере соответствовало требованиям ст. 2 УПК РСФСР о быстром и полном раскрытии преступлений, установлении и привлечении к уголовной ответственности всех виновных и непривлечении к таковой невиновных.

Вообще говоря, требование справедливости – это требование истинности, хотя в действующем УПК РФ в ч. 2 ст. 297 УПК РФ по этому поводу высказано туманное суждение: «Приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями настоящего кодекса и основан на правильном применении уголовного закона». Очевидно, что понятия законности, обоснованности и справедливости не тождественны, а понятие справедливости содержит в себе все необходимое для точного ответа на корректно поставленный вопрос о существовании некоторого дела. **Если говорить о судебной практике и уголовно-процессуальном законодательстве Российской империи, СССР и современной России, то на вооружении стоял и стоит так называемый равновозможный приговор, который чрезвычайно далек не то что от справедливого, но даже равновесного приговора, предельным и лучшим случаем которого выступает биссекториальный приговор.** В равновозможных приговорах содержится максимум неопределенности (хаоса), а в биссекториальных – ее минимум.

Из логики действующего уголовно-процессуального закона следует, что истину должен искать суд, поскольку на него возложено вынесение итогового решения – приговора, который должен быть, согласно ст. 297 УПК РФ, справедливым. К остальным участникам процесса требование достижения справедливости де-юре не предъявляется. Более того, в ст. 15 УПК РФ законодатель провозгласил принцип состязательности сторон и указал, что функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. То есть де-факто главные «игроки» – участники уголовного судопроизводства поделены на три группы: 1) сторона защиты; 2) сторона обвинения; 3) суд. При этом в соответствии с ч. 3 ст. 15 УПК РФ суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

Таким образом, в российском уголовном судопроизводстве появляются три вида функций: 1) защиты; 2) обвинения; 3) разрешения дела.

Выразим данные юридические (уголовно-процессуальные) функции в алгебраическом виде: 1) функция защиты: $Y_1 = f(X)$; 2) функция обвинения: $Y_2 = q(X)$; функция разрешения дела судом: $Y_3 = s(X)$, где первый индексный номер зависимой переменной соответствует защите, второй – обвинению, а третий – разрешению дела судом; Y – величина наказания, например в месяцах лишения свободы; X – количество общественной опасности, содержащейся в оцениваемом деянии и личности, его совершившей, в баллах; f – параметры функции защиты; q – параметры функции обвинения; s – параметры функции разрешения дела судом. Очевидно, что согласно действующему уголовному и уголовно-процессуальному законодательству параметры трех перечисленных функций в типичном случае должны связывать общественную опасность деяния и личности, его совершившей (область определения функции), с конкретной величиной уголовного наказания, установленной на отрезках санкций (значения функции), установленных Особенной частью УК РФ. В сути параметры – это скорость, связывающая переменные X и Y модели на плоскости уголовной ответственности (свободный член как параметр особого интереса в данном исследовании не представляет, поскольку просто показывает величину Y при X , равно нулю, и характеризует разницу вариации (коэффициенты вариации) по переменным в линейных моделях).

Плоскость уголовной ответственности представим в первом квадранте декартовой системы координат. Откуда $x \geq 0$; $y \geq 0$. Действительно, отрицательные значения переменных – общественной опасности и величины наказания – в данном случае не имеют смысла. Значения параметров функций защиты, обвинения и разрешения дела также должны быть положительными – иметь положительный наклон, поскольку с ростом общественной опасности деяния и личности, его совершившей, стороны и суд должны соглашаться на повышение величины наказания **в соответствии с общей функцией справедливости**, заданной для этого вида преступления и категории преступника (всегда имеет строго положительный наклон, например, линейного (без ускорения), или нелинейного (с ускорением) вида. То есть по определению: $q > 0$; $f > 0$; $s > 0$, и мы имеем строго положительные функции защиты, обвинения и разрешения дела. Также очевидно, что $f < q$, поскольку сторона защиты по

определению не может требовать наказания большего, чем сторона обвинения, хотя какие-то курьезные исключения из этого правила, вероятно, возможны. Как будет показано далее, для достижения равновесного приговора: $f < s$ и $s < q$.

Легко понять, что величина конкретного наказания подсудимого судом по закону будет определяться конкретным значением функции разрешения дела судом при установленном уровне общественной опасности личности и совершенного ей преступного деяния с учетом параметров функций сторон защиты и обвинения, например, определяться как среднее арифметическое параметров функций обвинения и защиты: $\frac{q+f}{2} = s$. Тогда, согласовав величину x (характер и степень общественной опасности деяния и категории преступника) с исследованными в судебном следствии доказательствами, судья просто подставит это значение в уравнение: $Y_3 = s(X)$, получив приговор, который уместно назвать равновесным, учитывающим мнение сторон защиты и обвинения по правилу среднего арифметического параметров функций защиты и обвинения в уголовном судопроизводстве.

Такой приговор суда вполне реалистичен и разумеен лишь для случаев, когда мнения сторон защиты и обвинения в полной мере совпадают по величине переменной X ($x_1 = x_2$). То есть стороны не оспаривают величину общественной опасности, содержащейся в преступном деянии, и категорию преступника. В итоге вдоль вертикальной оси (ординат) над конкретным значением переменной x по абсциссе получаются две координаты функций защиты и обвинения ($x_1; y_1$) и ($x_1; y_2$), суммы которых судья делит на два: $\frac{x_1 + x_1}{2} = x_1$; $\frac{y_1 + y_2}{2} = y_s$, получая равновесный приговор в виде конкретной величины уголовного наказания, равной y_s .

Почему делим на два? Потому что, согласно ч. 4 ст. 15 УПК РФ, стороны обвинения и защиты равноправны перед судом и по математическим правилам простое среднее арифметическое находится именно таким образом.

Очевидно, что стороны защиты и обвинения могут расходиться в оценках величины общественной опасности, содержащейся в оцениваемом преступном деянии, а также в оценке категории общественной опасности личности, совершившей данное деяние

(категории преступника). То есть в данном случае будет иметься **двойной сдвиг** в позициях сторон защиты и обвинения **как по вертикали, так и по горизонтали**. Функция судьи в подобной ситуации опять-таки должна ориентироваться на среднее значение. Сначала судье следует усреднить позиции защиты и обвинения по независимой переменной:

$$\frac{x_g + x_f}{2} = x_s, \text{ а далее сделать то же самое по зависимой}$$

переменной при значении независимой переменной, равном равновесному значению x_s , или просто подставив x_s в функцию равновесного приговора, получив равновесный приговор. Возникает вопрос: а является ли равновесный приговор справедливым? Дадим на него отрицательный ответ. Равновесный приговор не может являться справедливым, поскольку он должен отражать точное значение переменной X , переменной Y и иметь идеальные параметры функции справедливости, а достичь такой степени точности современная наука не в состоянии. Во-первых, шкалу добра и зла (в данном случае зла) задает законодатель, а он не Господь Бог. Во-вторых, шкалу уголовных наказаний (ординату) задает опять-таки законодатель. В-третьих, параметры функций справедливости, устанавливаемые сторонами защиты и обвинения, могут принимать бесконечное множество значений. В-четвертых, возможны различия в мнениях сторон по величине общественной опасности личности, характера и степени общественной опасности совершенного ею деяния. Теоретически биссекториальный приговор может быть справедливым, если законодатель введет шкалы преступлений и наказаний, основанные на законе добра и зла⁵.

Равновесный приговор хуже справедливого, но лучше равновозможного, поскольку является его частным случаем, когда, во-первых, мнения сторон защиты и обвинения учитываются; во-вторых, приводятся к единому знаменателю, равному двум. Однако равновесный приговор хуже приговора биссекториального, вынесенного по биссекториальной функции, что будет доказано далее.

⁵ Ольков С. Г. Закон «добра и зла», нелинейная функция справедливости, политические режимы и деформации политических систем // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. С. 147–154.

Важно отметить, что в равновесном приговоре мнение суда, сторон защиты и обвинения согласовываются с мнением законодателя, и нам не остается ничего другого, как смириться с принятым решением, улучшить которое (оптимизировать) можно лишь в биссекториальном приговоре как частном случае приговора равновесного. Но если выбирать между равновозможным приговором и любым равновесным, то равновесный всегда является более определенным и предсказуемым, менее хаотичным.

Для получения биссекториального приговора сторонам нужно лишь согласовать величину общественной опасности деяния и личности, его совершившей, то есть значение переменной по абсциссе (X), а наказание (Y) будет определяться автоматически по биссекториальной функции ($Y = X$) для данного вида преступлений.

Нетрудно понять, что определенность (предсказуемость) **неравновесного или равновозможного** приговора существенно ниже, нежели определенность приговора биссекториального: $P_z \ll B_z$, где P_z – определенность равновозможного (неравновесного) приговора, а B_z – определенность биссекториального приговора. Доказательство: поскольку $\frac{B_z}{P_z} = \frac{c}{s} = \frac{c}{v}$, где c – длина диагонали, s – площадь приговоров, v – пространство приговоров, постольку определенность биссекториального (диагонального) приговора в $\frac{s}{c}$ или $\frac{v}{c}$ раз больше определенности равновозможного приговора.

То есть величина определенности биссекториального приговора многократно выше определенности равновозможного и равновесного приговоров. Уровень хаоса многократно падает, и предсказуемость растет.

Отметим, что биссекториальный приговор – частный случай равновесного приговора, о котором мы можем говорить конкретно, выполняя точные расчеты. Все иные бесконечно возможные равновесные приговоры (обратите внимание: не равновозможные, а равновесные) будут хуже, чем биссекториальные, но лучше, чем равновозможный, что будет доказано далее.

Сразу оговоримся, что биссекториальная справедливость может быть заменена какой-то другой функцией в ходе реформы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, например, логарифмической, экспоненциальной или линейной

с тангенсом угла наклона, не равным единице, но в этом случае изначально будет нарушено равенство сторон защиты и обвинения, поскольку, во-первых, прямоугольный треугольник **под** биссектрисой (ΔOBA) – область решений стороны защиты и, во-вторых, **над** биссектрисой (ΔOBD) – область решений стороны обвинения (с общей стороной OB – биссектриса) не будут равны: $\Delta OBA \neq \Delta OBD$, поскольку общая сторона согнется (при нелинейной функции) или сдвинется в сторону защиты или обвинения, увеличивая площадь одного треугольника и уменьшая на ту же величину площадь другого, что противоречит ч. 4 ст. 15 УПК РФ – стороны обвинения и защиты равноправны перед судом, т. е. при потере биссектрисы прямо нарушается принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве.

Очевидно, что множество биссекториальных уголовно-процессуальных решений лежит на линии биссектрисы OB , а область допустимых решений ограничена сторонами квадрата $G = \Delta OBA + \Delta OBD$ (рис. 1).

Разберем конкретный пример вынесения равновесного и биссекториального приговоров с использованием действующих УК РФ и УПК РФ. Пусть субъект А совершил разбойное нападение, квалифицированное следователем по ч. 1 ст. 162 УК РФ, которая гласит: «Разбой, т. е. нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, наказывается принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на срок до восьми лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет или без такового».

Предположим, что субъект данного преступления не относится к категории рецидивистов в смысле ст. 18 УК РФ и преступление совершил единолично (вне группы). Обстоятельств, смягчающих (ст. 61 УК РФ) и отягчающих (ст. 63 УК РФ) наказание, в явном виде не выражено. То есть субъект относится к первой категории, и при вынесении итогового

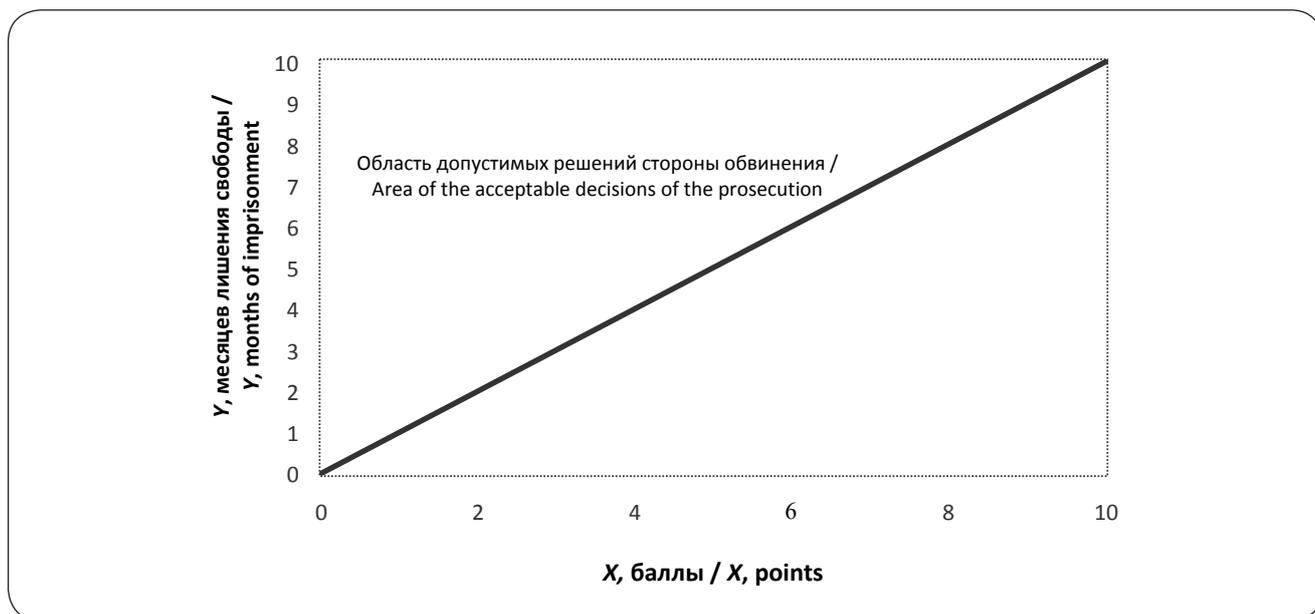

Рис. 1. Области допустимых решений стороны обвинения (подписано «область допустимых решений стороны обвинения») и защиты (без подписи), разделенные линией биссектрисы*

* Источник: составлено автором.

Fig. 1. Areas of the acceptable decisions of the prosecution (titled – «Area of the acceptable decisions of the prosecution») and defense (no title), divided by the bisectrix*

* Source: compiled by the author.

решения сторонам защиты, обвинения и принятия решения нужно оценить величину общественной опасности, содержащейся в содеянном. По ч. 1 ст. 162 УК РФ наказание в виде лишения свободы может быть назначено сроком от нуля до восьми лет, или в месяцах – от нуля до 96 месяцев.

В соответствии с наказанием в виде лишения свободы от нуля до 96 месяцев, приняв «цену» преступления в месяцах лишения свободы за основу определения величины общественной опасности (1 балл = 1 месяц), содержащейся в содеянном, стороны защиты и обвинения могут выбрать **произвольные** функции уголовного наказания в области определения от нуля до 96. Пусть стороны защиты и обвинения согласовали величину общественной опасности на уровне 26. По линейной биссектриальной функции справедливости наказание в таком случае должно равняться 26 месяцам, и суд может вынести приговор, содержащий наказание подсудимому в виде 26 месяцев лишения свободы. Это будет биссектриальный приговор. Равновесный приговор для данного примера будет зависеть еще и от того, какие функции наказания выбрали стороны защиты и обвинения. Например, сторона защиты взяла функцию: $y_1 = 0,5x$; сторона обвинения: $y_2 = 2x$.

Тогда функция равновесного приговора примет вид:

$$y_3 = \frac{(q + f)}{2} x = \frac{2 + 0,5}{2} x = 1,25x.$$

Из рис. 2 наглядно видно, что функции биссектриального и равновесного приговоров не совпадают. В точном выражении между функциями биссектриального и равновесного приговоров из нашего примера существует разница: $1 - 1,25 = -0,25$ месяце/баллов. То есть биссектриальный приговор получится мягче равновесного на 0,25 месяце/баллов при любом уровне общественной опасности содеянного (X).

Поскольку стороны согласовали величину X на уровне 26 баллов, имеем величину наказания по функции защиты 13 месяцев лишения свободы, по функции обвинения – 52 месяца лишения свободы, по функции равновесного приговора – 32,5 месяца лишения свободы и по биссектриальной функции – 26 месяцев лишения свободы. На данном уровне общественной опасности ($X = 26$) получим разницу в уголовном наказании между равновесной и биссектриальной функциями: $32,5 - 26 = 6,5$ месяца лишения свободы.

Предположим теперь, что стороны защиты и обвинения по уголовному делу по обвинению А в разбойном нападении по ч. 1 ст. 162 УК РФ не согласовали мнения о величине общественной опасности деяния

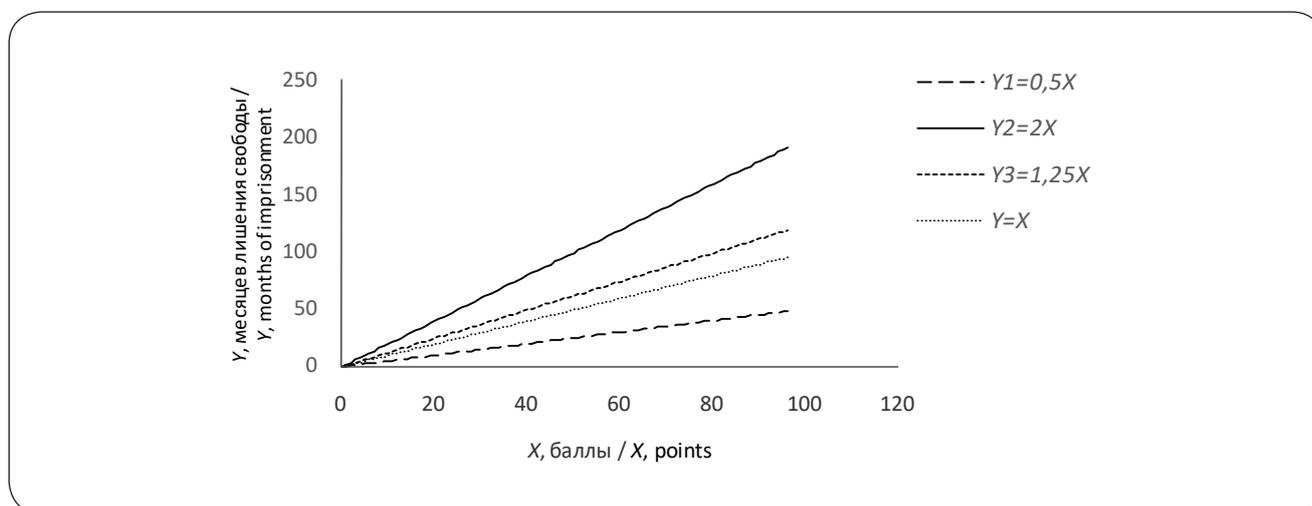

Рис. 2. Функции защиты, обвинения, равновесного и биссектриального приговоров по уголовному делу о разбойном нападении*

* Источник: составлено автором.

Fig. 2. Functions of the defense, prosecution equilibrium and bisectral sentences in the criminal case of robbery*

* Source: compiled by the author.

и личности, его совершившей: $x_1 \neq x_2$. Например, сторона защиты обосновывает величину 20 баллов, а обвинение – 40. Тогда по правилу вынесения равновесного приговора имеем: $\frac{x_1 + x_2}{2} = \frac{20 + 40}{2} = 30$ баллов.

Полученное число подставляем в четыре имеющихся в нашем распоряжении функции и имеем: 1) сторона защиты просит величину уголовного наказания для подсудимого, равную 15 месяцам лишения свободы; 2) сторона обвинения настаивает на 60 месяцах; 3) суд назначает наказание либо по равновесному приговору в виде 37,5 месяца лишения свободы; 4) либо по биссекториальному в виде 30 месяцев лишения свободы.

Вернемся теперь к равновозможному приговору на конкретном числовом примере – обвинению гражданина А в разбойном нападении по ч. 1 ст. 162 УК РФ. Область допустимых решений (равновозможных приговоров) в данном случае определяется квадратом $G = 96 \cdot 96 = 9\,216$ решений (приговоров). То есть суд теоретически может принять одно (любое) решение

из 9 216 возможных. Если бы эти решения были равновозможными (не было никаких ограничений на этот счет), то вероятность вынесения приговора, устанавливающего, скажем, 30 месяцев лишения свободы, была равна: $p_{30} = \frac{1}{9216} = 0,000108$, или 0,0108 %, равно как и любого другого наказания, скажем, 5 или 50 месяцев лишения свободы, и предсказать решение суда было бы практически невозможно. То есть мы имеем дело с распределенной единичной массой дискретных величин (долей от целого), сумма которых равна единице (рис. 3).

$$p(x, y) = \begin{cases} \frac{1}{a} \cdot \frac{1}{b} = \frac{1}{a \cdot b}, & \text{если } (x, y) \in S \\ 0, & \text{если } (x, y) \notin S \end{cases}$$

Распределение вероятностей вынесения приговора по существу есть распределение единичной массы над площадью уголовной ответственности: $S = \{(x, y) \in R^2 : 0 \leq x \leq a, 0 \leq y \leq b\}$, где $R^2 = R_x \times R_y$ –

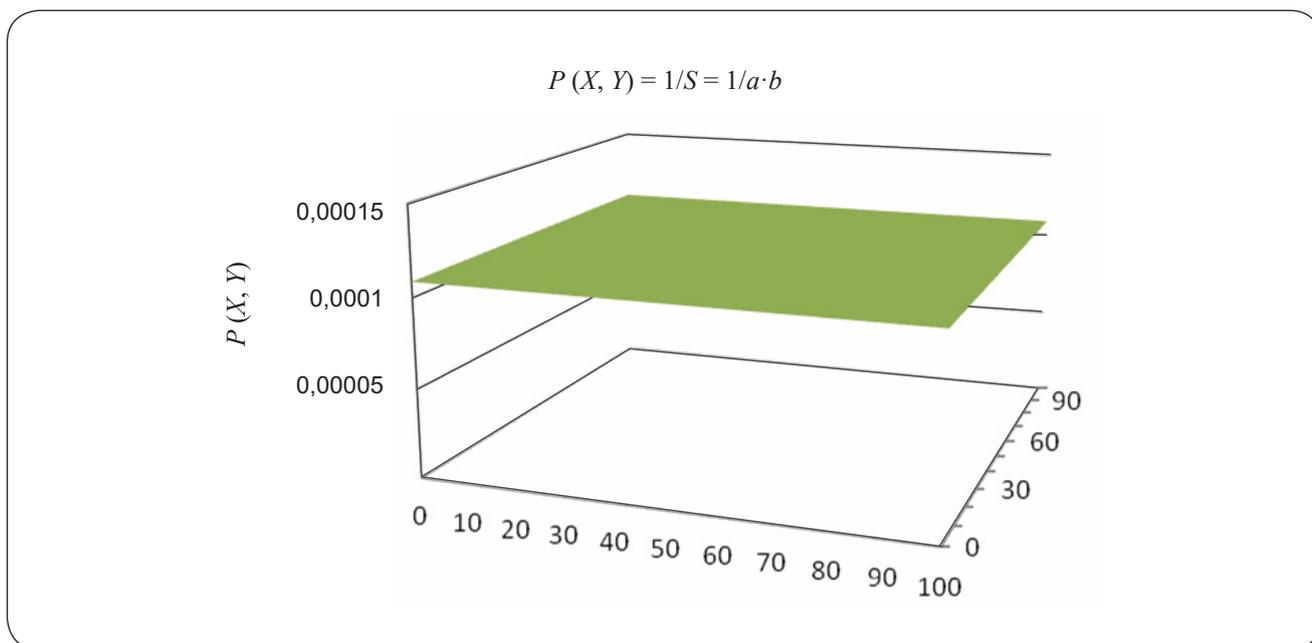

Рис. 3. График плотности вероятности вынесения *i*-го приговора по ч. 1 ст. 162 УК РФ («Разбой») (в данном примере: $a = b = 96$)*

* Источник: составлено автором.

Fig. 3. Graph of the density of probability of making the *i*-th sentence by Part 1 of Article 162 of the Russian Criminal Code (robbery) (in this case: $a = b = 96$)*

* Source: compiled by the author.

декартово произведение двух экземпляров множеств действительных чисел (координаты (x, y) на плоскости). Значения первой компоненты X принадлежат множеству R_x , а значения второй компоненты Y принадлежат множеству R_y . Откуда двумерная случайная величина $S(X, Y)$ – это отображение множества элементарных исходов Ω или Π в декартово произведение $R^2 = R_x \times R_y$. Величина общественной опасности деяния и личности, его совершившей, случайная величина X – это измеримое отображение множества элементарных исходов Ω во множество действительных чисел R , или кратко: $X(\omega) : \Omega \rightarrow R_x$, где $\omega_i = \Pi_i$ – элементарный исход. В нашем случае элементарный исход – это значение величины общественной опасности личности и совершенного ей деяния. Аналогично описываем и случайную величину Y – величину наказания как измеримое отображение множества элементарных исходов Ω во множество действительных чисел R , или кратко: $Y(\omega) : \Omega \rightarrow R_y$.

Случайные величины X и Y мы можем рассматривать как величины дискретного или непрерывного типа в зависимости от единиц измерения, в которых они представлены. Например, время или деньги – величины непрерывного типа, но если брать время или деньги исключительно в виде целых чисел, то можно рассматривать их и как величины дискретного типа. Работая с вероятностными распределениями дискретных случайных величин, мы находим суммы, а в случае с непрерывными – проводим операцию интегрирования.

Случайная величина называется дискретной, когда множество ее возможных значений есть конечная или бесконечная последовательность чисел. Распределение вероятностей возможных значений дискретной величины задается конечным или бесконечным набором положительных чисел. Каждое значение вероятности p_i показывает долю (удельный вес) конкретного значения x_i в общей массе значений случайной переменной.

Случайная величина признается величиной непрерывного типа, когда множество ее возможных значений представляют интервалом или отрезком с конечными или бесконечными границами.

Нетрудно заметить, что понятия функции и случайной величины имеют общий смысл. Функция – это правило (f), по которому каждому элементу множества X ставится в соответствие один элемент множества Y ,

не исключая, что разным элементам множества X могут соответствовать два и более одинаковых элемента множества Y , то есть $f : X \rightarrow Y$. А говоря о случайной величине, мы также имеем в виду правило, согласно которому $X(\omega) : \Omega \rightarrow R$. И функция, и распределение вероятностей случайной величины задаются параметрами, т. е. строгими правилами.

В согласии с принципом состязательности сторон, закрепленным ст. 15 УПК РФ, количество возможных равновесных приговоров будет устанавливаться определенным интегралом функции: $\int_0^{96} 1,25x dx = 5760$.

То есть область допустимых решений снизилась с 9 216 до 5 760 – уменьшилась на 3 456 решений, или на 37,5 %. В случае же вынесения биссектриального приговора имеем:

$$\frac{c}{s} = \frac{\sqrt{96^2 + 96^2}}{9216} = \frac{136}{9216} = 0,015.$$

То есть неопределенность приговора упала (предсказуемость возросла) в 68 раз $\left(\frac{s}{c} = \frac{9216}{136} = 68\right)$.

В то же время если суд, принимая решение, полностью встанет на сторону обвинения, то область допустимых решений: $\int_0^{96} 2x dx = 9216$; на стороне защиты: $\int_0^{96} 0,5x dx = 2304$ решения для нашего примера.

Обозначим теперь функцию биссектрисы как y_1 , а обратную ей – как y_2 . Очевидно, что функция $y_1 = a + bx = x$, где $a = 0$ (свободный член равен нулю), $b = 1$; функция $y_2 = c + kx$, где свободный член: $c = y_{\max} = OA$, $k = -1$. Центр тяжести возможных судебных приговоров по данной части соответствующей статьи УК РФ ляжет строго в точке пересечения прямой и обратной биссектрисы: $y_1 = y_2$. Обозначим точку пересечения указанных функций как Z : $y_1 = y_2 = Z$. Эту точку мы также могли найти как координату пересечения средних значений (констант) по переменным X и Y или решая уравнение: $y_2 - y_1 = 0$. К точке Z будут тяготеть конкретные приговоры, и тогда мы приходим к концепции «нормальных» приговоров, т. е. приговоров, распределенных по закону Гаусса. Плотность вероятности распределения системы двух случайных величин X и Y на плоскости xOy подчиняется Гауссову закону, если задается формулой:

$$f(x, y) = \frac{1}{2\pi\sigma_x\sigma_y\sqrt{1-r^2}} \cdot e^{-\frac{1}{2(1-r^2)} \left[\frac{(x-m_x)^2}{\sigma_x^2} - \frac{2r(x-m_x)(y-m_y)}{\sigma_x\sigma_y} + \frac{(y-m_y)^2}{\sigma_y^2} \right]}$$

где имеется 5 параметров: m_x – математическое ожидание величины x , m_y – математическое ожидание величины y , σ_x – среднее квадратическое отклонение величины x , σ_y – среднее квадратическое отклонение величины y , r – коэффициент корреляции между величинами x и y .

После рассечения квадрата (прямоугольника) функциями y_1 и y_2 получим квадрат или прямоугольник, поделенный на 4 части, каждая из которых численно равна $\frac{1}{4}$ его площади. Если далее наложить на площадь квадрата (прямоугольника) перпендикулярные (ортогональные) прямые, проходящие через центр тяжести судебных приговоров по данной части статьи УК РФ, то получим 8 областей возможных судебных приговоров, каждая из которых имеет свои особые характеристики, полезные, например, для анализа обвинительного и оправдательного уклона в системе судей. Численно каждая такая часть равна $\frac{1}{8}$ площади квадрата (прямоугольника) уголовной ответственности по данной части статьи УК РФ.

Как показала вышеизложенная теория, оптимальным будет биссекториальный приговор, в котором строго выдерживается принцип равенства сторон защиты и обвинения, закрепленный ч. 4 ст. 15 УПК РФ. Для нашего примера суд должен лишь согласовать по принципу равенства через средние арифметические позиции сторон защиты и обвинения по величине X . Как только это сделано, суд автоматически (неопределенность = 0) выносит единственно верное решение по биссекториальному принципу справедливости, в котором, во-первых, согласованы позиции сторон защиты и обвинения; во-вторых, высокоточно выражена позиция законодателя и, собственно, суда.

Многомерный приговор

При рассмотрении приговора (величины наказания) на плоскости мы агрегировали факторы, определяющие величину наказания, в одну переменную, что было весьма удобно для наглядного представления функций обвинения, защиты и разрешения дела судом. В ДСК на плоскости мы можем получить квадрат (все стороны равны) или прямоугольник (равны по две стороны), площади которых определяют число допустимых судебных решений, а площади прямоугольных треугольников, полученные в результате рассечения квадрата или прямоугольника диагональю (биссектрисой), определяют число допустимых реше-

ний сторон защиты и обвинения. Число возможных **биссекториальных** приговоров определяется длиной биссектрисы, которую находим по теореме Пифагора: $c = \sqrt{a^2 + b^2}$, где c – длина гипотенузы, a и b – длины катетов.

Квадрат допустимых (равновозможных) судебных решений получается лишь в том случае, когда переменные модели приведены в идентичных величинах, например, месяцы лишения свободы, установленные для данной статьи УК РФ, – цены наказания, мы прямо переводим в баллы общественной опасности деяния и личности, его совершившей. Если же эталонные значения (единицы измерения) по координатным осям определяются в неравных соотношениях, то на плоскости уголовной ответственности появляются прямоугольники, длина сторон которых зависит от соотношения эталонных величин наказаний и преступлений по координатным осям.

В случае с квадратом равновозможных судебных приговоров число таких приговоров определяется по формуле: $S = a^2 = \frac{d^2}{2}$, где S – площадь квадрата, a – длина стороны квадрата, d – длина диагонали. В случае с прямоугольником число равновозможных приговоров определяется по формуле: $S = a \cdot b$, где a и b – стороны, $a \neq b$. Соответственно число допустимых решений сторон защиты и обвинения определяется по формуле: $S = \frac{1}{2}ab$ или для квадрата: $S = \frac{1}{2}a^2$.

Пусть имеется квадрат равновозможных судебных приговоров с вершинами $OABC$ с диагональю OB . В этом случае стороны равны: $OA = AB = BC = OC$, где $OC = x$; $OA = y$. Очевидно, что только в этом случае деления шкал по осям ДСК равны. Если принять $OA = 1$, то и $OC = 1$, поскольку $OA = OC$.

Если $OA < OC$ при $OA = 1$, то $OC > 1$. Это значит, что балл общественной опасности весит больше, чем единица измерения наказания. Напротив, если $OA > OC$ при $OA = 1$, то $OC < 1$. Это значит, что балл весит меньше, чем единица измерения наказания. Используя правило золотого сечения, можно измерить разницу весов единиц измерения по осям координат. Если $OA \neq OC$, то перед нами прямоугольник, частью которого, естественно, является квадрат. Тогда, приняв меньшую сторону прямоугольника за единицу, а большую за x , можно получить пропорцию: $\frac{x}{1} = \frac{1}{x-1}$.

Используя основное свойство пропорций – произведение крайних членов пропорции равно произведению ее средних членов, получим квадратное уравнение: $x^2 = x + 1$, а это приведенное квадратное уравнение: $x^2 - x - 1 = 0$, то есть уравнение вида: $x^2 + px + q = 0$, которое решается по упрощенной формуле (по теореме Виета) для корней приведенного квадратного

уравнения: $x_{1,2} = \frac{p}{2} \pm \sqrt{\left(\frac{p}{2}\right)^2 - q}$ или с помощью дискриминанта: $x = \frac{-b \pm \sqrt{b^2 - 4ac}}{2a}$. В итоге получим

величину золотого сечения: $x = \frac{1 + \sqrt{5}}{2} = 1,618$.

Отсюда, какой бы ни была длина стороны квадрата, чтобы найти большую сторону прямоугольника, нам нужно просто умножить длину этой стороны на число 1,618. Зная длины сторон прямоугольника равновозможных приговоров, находим число таких равновозможных приговоров, как площадь прямоугольника, а разделив их совокупное число на два, автоматически получаем числа равновозможных решений соответственно сторон защиты и обвинения по данному уголовному делу, которые они могут предложить суду в соответствии с принципом состязательности, закрепленным в ст. 15 УПК РФ.

От плоскости уголовной ответственности перейдем последовательно сначала к трехмерному пространству, выделив наряду с общественной опасностью деяния общественную опасность личности, его совершившей. В итоге получим приговор в трехмерном пространстве, к которому в полной мере относятся все свойства, характерные для двумерного пространства уголовной ответственности, рассмотренные ранее.

Число равновозможных приговоров, естественно, вырастет, поскольку от площади мы перейдем к объему в трехмерном пространстве. Начнем с куба – прямоугольного параллелепипеда, все грани которого – квадраты. Число равновозможных приговоров в данном случае определяется по формуле объема: $V = a^3$, где a – ребро куба. Если ребра не равны, то имеем дело с прямоугольным параллелепипедом, объем которого определяется по формуле: $V = abc = Sh$, где a, b, c – ребра, S – площадь основания, h – высота.

Поскольку диагональ прямоугольного параллелепипеда связана с его ребрами соотношением:

$d^2 = a^2 + b^2 + c^2$, число диагональных приговоров будет определяться по формуле: $d = \sqrt{a^2 + b^2 + c^2}$.

Аналогичные рассуждения применимы и к n -мерному пространству, в частности, четырех- и пятимерному. Для пятимерного пространства уголовной ответственности число равновозможных приговоров определим по формуле: $V_5 = abckl$ либо в частном случае: $V_5 = a^5$. Число диагональных решений определим по формуле: $d = \sqrt{a^2 + b^2 + c^2 + k^2 + l^2}$.

Очевидно, что площади и объемы – это интегральные величины. Для двумерного пространства, измеряя площадь как число равновозможных приговоров, имеем удвоенный определенный интеграл от биссекториальной функции на отрезке оси абсцисс:

$$2 \int_a^b y dx,$$

где a, b – нижний и верхний пределы интегрирования, y – диагональ (биссекториальная функция). По существу, это площадь под графиком биссекториальной функции, отражающая число возможных решений стороны защиты. Умножив полученное число на два, получим общее число решений, одно из которых теоретически может выбрать суд в качестве величины наказания подсудимому. При увеличении числа независимых переменных мы просто переходим к кратным или многократным интегралам, взятым от $n > 1$ переменных, однако в данном случае достаточно просто вычислять площади и объемы неискаженных фигур – фигур прямоугольного типа.

Отягчающие и смягчающие наказание обстоятельства удобно агрегировать в единую переменную в виде дроби, где в числителе стоит величина отягчающих наказание обстоятельств (x_3), а в знаменателе – смягчающих (x_4), тогда имеем единую переменную: $\frac{x_3}{x_4}$. Если допустить максимальное увеличение или

уменьшение наказания за счет отягчающих и (или) смягчающих обстоятельств до 20 %, то можно принять их значения в пределах: $1,2 \geq x_3 \geq 1$; $1,2 \geq x_4 \geq 1$. Например, если приговор равен трем годам лишения свободы без учета смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, а отягчающие обстоятельства равны 1,2 при отсутствии смягчающих обстоятельств, то наказание составит: $3 \cdot 1,2 = 3,6$ года лишения свободы. Наоборот, если отягчающих обстоятельств нет, а смягчающие максимальны, получим соотношение: $\frac{x_3}{x_4} = \frac{1}{1,2} = 0,833$. Тогда наказание составит:

$3 \cdot 0,833 = 2,5$ года лишения свободы. Еслиотягчающие обстоятельства равны 1,08, а смягчающие 1,15,

то имеем: $\frac{x_3}{x_4} = \frac{1,08}{1,15} = 0,939$. Наказание составит:

$3 \cdot 0,939 = 2,8$ года лишения свободы.

Если $\frac{x_3}{x_4} > 1$, то преобладают отягчающие наказание обстоятельства и величина наказания повышается, например, путем умножения данной дроби на величину наказания, полученную без учета отягчающих и смягчающих обстоятельств. Если $\frac{x_3}{x_4} < 1$, то преобладают

смягчающие наказание обстоятельства и величина наказания снижается, например, путем умножения данной дроби на величину наказания, полученную без учета отягчающих и смягчающих обстоятельств.

В многомерном пространстве уголовной ответственности задача суда состоит в согласовании позиций сторон защиты и обвинения не по одной независимой переменной, как было бы в двумерном пространстве – на плоскости уголовной ответственности, а по всем независимым переменным. Однако принцип остается тем же – количественные оценки сторон по каждой независимой переменной складываются и делятся на два – находим простое среднее арифметическое. После этого суд определяет точку (координату) на диагонали в пространстве уголовной ответственности для данного вида преступления (в соответствии с квалификацией преступного деяния по части и статье УК РФ), которая и соответствует величине уголовного наказания для подсудимого. Если бы суд ориентировался не на диагональный (биссекториальный) приговор, а на приговор равновесный – среднюю функцию от функций защиты и обвинения, то необходимо было бы согласовывать мнение сторон и по зависимой переменной, но, к счастью, этого делать не надо, чтобы не нарушить принцип равенства сторон.

Если построить таблицу связанных шкал общественной опасности деяний (вертикальная шкала) и категорий преступников (горизонтальная шкала), как это делали американцы⁶, то двумерное пространство уголовной ответственности будет представлено

⁶ Ольков С. Г. Измерение приговоров на основе исследования математических функций уголовного наказания (на примере США) // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 3 (31). С. 186–196.

ячейками, содержащими отрезки с минимальным и максимальным наказанием. Диапазон от минимума до максимума содержит в себе бесконечность и соответствующую степень неопределенности. Эта неопределенность будет сниматься за счет обстоятельств, смягчающих и отягчающих величину наказания, которые в данную модель прямо не заложены. Тогда сторонам защиты, обвинения и суду неизбежно придется искать биссекториальную функцию точно так же, как мы это рассматривали ранее.

Числовой пример. Пусть подсудимый обвиняется по ч. 1 ст. 163 УК РФ (вымогательство), которая, кроме прочего, предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 4 лет. То есть с пределами интегрирования от нуля до четырех лет лишения свободы, если баллы мы примем соразмерными единицам измерения наказания (хотя это не обязательно, поскольку допустимы и другие соотношения эталонных единиц переменных). Остальные виды наказания, возможные по данной части ст. 163 УК РФ, пока в учет принимать не будем, хотя работа по ним осуществляется точно по такому же принципу.

Очевидно, что число равновозможных приговоров здесь будет зависеть от степени детализации времени лишения свободы. Если взять за основу квадрат на плоскости уголовной ответственности, когда 1 балл равен 1 году, то число равновозможных приговоров составит 16 штук. Если то же самое проделать с месяцами, то сторона квадрата будет равна 48, а число равновозможных приговоров увеличится до 2304. Если повысить точность наказания до суток, приняв год равным 365 суткам, то получим $(365 \cdot 4)^2 = 2\,131\,600$ равновозможных приговоров (если единицу разделить на это число, то получим меру неопределенности: $1/2\,131\,600 = 4,691 \cdot 10^{-7}$). Если один балл по оси абсцисс не будет равен единице наказания по ординате, то вместо квадрата появится соответствующий прямоугольник. Но в данном примере будем работать с квадратом.

Область допустимых решений сторон защиты и обвинения будет равняться половине площади квадрата. Если за основу будет принято исчисление в годах, то защита и обвинение теоретически смогут принять по 8 решений, а суд будет интересоваться только их позиция по значению агрегированной независимой переменной X , поскольку итоговое решение суда будет биссекториальным, или, что то же самое, диа-

гональным. Позиции сторон защиты и обвинения по величине общественной опасности деяния, личности, его совершившей, отягчающим и смягчающим наказанием обстоятельствам суд просто усреднит, поделив сумму значений сторон по величине X на 2. Например, если сторона защиты согласится на один балл, а сторона обвинения на три балла, то суд примет значение X равным двум баллам и вынесет биссекториальный приговор, равный двум годам лишения свободы.

Число возможных диагональных приговоров для нашего примера будет определяться по формуле:

$$c = \sqrt{a^2 + b^2} = \sqrt{4^2 + 4^2} = 5,656.$$

В трехмерном пространстве уголовной ответственности суду придется усреднять позиции сторон по значениям x_1 и x_2 , но по тому же простому принципу, вычисляя средние арифметические позиций сторон обвинения и защиты. Число равновозможных приговоров будет определяться по формуле: $V = abc$. Если $a = 4$, $b = 2$, $c = 4$, где a – величина общественной опасности деяния, b – величина общественной опасности личности, c – величина наказания, то число равновозможных приговоров по ч. 1 ст. 163 УК РФ составит: $V = abc = 4 \cdot 2 \cdot 4 = 32$. Соответственно по 16 в областях допустимых решений сторон защиты и обвинения, а число диагональных решений определим по формуле: $d = \sqrt{a^2 + b^2 + c^2} = \sqrt{4^2 + 2^2 + 4^2} = 6$.

Усреднив позиции сторон защиты и обвинения по независимым переменным, суд получит единственный приговор из шести возможных в данном примере; помножив его на коэффициент обстоятельств, отягчающих и смягчающих наказание, получим окончательную величину уголовного наказания в годах лишения свободы.

Выводы

1. Истинность в n -мерной (число координатных осей: $n \rightarrow \infty$) декартовой системе координат – пространстве решения задачи D есть точка (координата) d , лежащая на биссектрисе (диагонали) этого пространства, в которой сходятся координаты n субъективных решений (ответов): $\bar{d} = \frac{\sum_i^n d_i}{n} = d_i$ (среднее арифметическое равно любому конкретному значению $\bar{d} = d_i$), основанных на законах мироздания (главное свойство), и в которой разность координат (неопределенность, разброс мнений) равна нулю.

2. **Теорема определенности биссекториальности:** определенность (предсказуемость) диагонального приговора в $\frac{S}{c}$ или $\frac{V}{c}$ раз больше определенности равновозможного приговора, где c – длина диагонали, S – площадь приговоров, V – пространство приговоров, поскольку $\frac{B_z}{P_z} = \frac{c}{s} = \frac{c}{v}$, где P_z – определенность равновозможного (неравновесного) приговора, а B_z – определенность биссекториального приговора.

3. Доказано, что биссекториальный приговор является оптимальным среди равновесных приговоров – в равной мере учитывающим функции защиты и обвинения.

4. Отягчающие и смягчающие наказание обстоятельства удобно агрегировать в единую переменную в виде дроби, где в числителе стоит величина отягчающих наказание обстоятельств (X_3), а в знаменателе – смягчающих (X_4), тогда имеем единую переменную: $\frac{x_3}{x_4}$.

5. Рассмотрены равновозможные, равновесные и диагональные приговоры в двумерном, трех-, четырех- и пятимерном пространстве уголовной ответственности, когда величина наказания определяется четырьмя переменными: $y = f(x_1, x_2, x_3, x_4)$, где y – величина наказания, x_1 – характер и степень общественной опасности деяния; x_2 – категория преступника (общественная опасность личности); x_3 – отягчающие наказание обстоятельства; x_4 – смягчающие наказание обстоятельства; f – параметры уравнения, связывающие левую и правую части уравнения.

Приложение (основные термины)

Равновозможный приговор на плоскости или в многомерном оценочном пространстве уголовной ответственности – это одна из бесконечно возможных величин наказания (число равновероятных равновозможных приговоров численно равно площади или объему прямоугольника (параллелепипеда), получаемого в пространстве уголовной ответственности по санкции данной части статьи УК РФ, предусматривающей уголовное наказание), содержащая максимум неопределенности (предсказуемости, ясности в причинах вынесения). Приговор, который суд выносит исключительно по собственному усмотрению без явно выраженного учета мнения сторон – участников процесса.

На плоскости: $P(\pi_i) = \frac{1}{S}$, где $P(\pi_i)$ – вероятность вынесения i -го приговора, S – площадь приговоров по данной

части статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, π_i – i -й приговор. В данном случае наказание рассматривается функцией одной агрегированной переменной X .

В пространстве: $P(\pi_i) = \frac{1}{v}$, где $P(\pi_i)$ – вероятность вынесения i -го приговора, V – объем пространства приговоров по данной части статьи Уголовного кодекса Российской Федерации. В данном случае наказание рассматривается функцией нескольких переменных.

Понятие «**равновозможность**» элементарных исходов в теории вероятностей является ключевым, но понимаемым из здравого смысла, поскольку строгого определения не имеет, подобно понятиям «точка», «множество», «прямая» и т. д. Рабочее определение состоит в том, что ни один элементарный исход из возможных не имеет преимуществ перед другими исходами.

В чистом виде равновозможность проявляется в равномерном распределении, а, например, в Гауссовом распределении вероятностей не остается постоянным, а подчиняется правилу трех сигм. То есть судья может принять любое решение из допустимого множества, но с разной вероятностью.

Свойства:

1) $\Pi = \{\pi_1, \pi_2, \dots, \pi_k\}$ – множество приговоров. На плоскости: $S = \{\pi_1, \pi_2, \dots, \pi_k\}$. В пространстве: $V = \{\pi_1, \pi_2, \dots, \pi_k\}$;

2) π_i – независимые элементарные исходы из множества S или V ;

3) обязательно наступает хотя бы один элементарный исход – т. е. приговор должен быть вынесен: $P(\emptyset) = 0$;

4) обязательно наступает только один элементарный исход – выносится только один приговор – обвинительный или оправдательный, или принимается иное решение по делу;

5) $0 \leq P(\pi_i) \leq 1$.

Равновесный приговор на плоскости или в многомерном оценочном пространстве уголовной ответственности – это приговор, отличающийся от равновозможного большей степенью определенности, учитывающий функции обвинения и защиты по правилу среднего арифметического. Множество возможных равновесных приговоров зависит от функций обвинения и защиты, а численно равно площади (или объему) функции разрешения дела судом.

Диагональный (биссекториальный) приговор – приговор с минимумом неопределенности, **в равной мере** учитывающий позиции сторон защиты и обвинения. Число возможных биссекториальных приговоров по данному делу равно длине биссектрисы (диагонали) прямоугольника (параллелепипеда), а конкретный приговор выносится после усреднения по правилу среднего арифметического позиций сторон защиты и обвинения по независимой (для плоскости) или независимых – для пространства переменных, определяющих величину наказания. Определенность (предсказуемость) **неравновесного или равновозможного** приговора существенно ниже, нежели определенность приговора биссекториального: $P_{\Sigma} \ll B_{\Sigma}$, где P_{Σ} – определенность равновозможного (неравно-

весного) приговора, а B_{Σ} – определенность биссекториального приговора. Доказательство: поскольку $\frac{B_{\Sigma}}{P_{\Sigma}} = \frac{c}{s} = \frac{c}{v}$, где c – длина диагонали, s – площадь приговоров, v – пространство приговоров, постольку определенность биссекториального (диагонального) приговора в $\frac{s}{c}$ или $\frac{v}{c}$ раз больше определенности равновозможного приговора.

Функция защиты – интегральная функция, выражающая позицию защиты о величине наказания подсудимому по данному уголовному делу при разных значениях независимых (независимой) переменных по данному уголовному делу. В максимуме численно равна области допустимых решений защиты – половине площади прямоугольника (на плоскости) или прямоугольного параллелепипеда в пространстве уголовной ответственности по санкции соответствующей части данной статьи УК РФ.

Функция обвинения – интегральная функция, выражающая позицию обвинения о величине наказания подсудимому по данному уголовному делу при разных значениях независимых (независимой) переменных по данному уголовному делу. В максимуме численно равна половине площади прямоугольника (на плоскости) или прямоугольного параллелепипеда в пространстве уголовной ответственности по санкции соответствующей части данной статьи УК РФ.

Функция разрешения дела судом при равновесном приговоре – интегральная функция, взятая как средняя от функций обвинения и защиты по данному уголовному делу.

Функция разрешения дела судом при биссекториальном приговоре – диагональ (биссектриса) прямоугольника (для плоскости) или диагональ прямоугольного параллелепипеда в пространстве уголовной ответственности.

Список литературы

1. Ольков С. Г. Юридическая ответственность: общая математическая модель и математика многомерных морально-правовых оценочных пространств // Научный вестник ТюИ МВД РФ. 2003. № 2. С. 23–39.

2. Ольков С. Г. Математическое обоснование законов единства и борьбы противоположностей, обвинения, защиты и равновесного приговора в уголовном судопроизводстве // Публичное и частное право. 2015. № 4. С. 107–121.

3. Ольков С. Г. Концепция равновозможного, равновесного, биссекториального и справедливого приговора в свете функций защиты, обвинения и разрешения дела судом // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2015. № 5. С. 13–19.

4. Ольков С. Г. Справедливость уголовного наказания: от талиона к экспониону // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 2 (14). С. 62–69.

5. Курс уголовного судопроизводства. В 3 т. / под ред. В. А. Михайлова. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. 856 с.

Дата поступления 14.03.16

Дата принятия в печать 29.04.16

© Ольков С. Г., 2016. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; лицензия Татарского образовательного центра «Таглитат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.ieml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Ольков Сергей Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры теории и истории государства и права, Сургутский государственный университет

Адрес: 628412, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр-т Ленина, 1, тел.: (3462) 76-28-93

E-mail: olkovsg@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2639-4832>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/P-7846-2015>

S. G. OL'KOV¹

¹ *Surgut State University, Surgut, Russia*

COURT SENTENCES IN THE ASPECT OF THEOREMS OF VALIDITY, JUSTICE AND CERTAINTY OF BISECTRIXITY

Objective: to prove the theorems of validity, justice and certainty of bisectrixity, to elaborate the mathematical bases of the theory of court sentences.

Methods: observation; deduction and induction; applying the law of formal logic; comparative analysis; formal-juridical method; mathematical methods.

Results: 1) theorems of validity, justice and certainty of bisectrixity are proved and detailed; 2) equally probable, equilibrium and diagonal court sentences are viewed in the 2-dimensional, 3-dimensional, 4-dimensional and 5-dimensional space of criminal liability, when the scope of punishment is determined by four variables: $y = f(x_1, x_2, x_3, x_4)$, where y – scope of punishment, x_1 – character and degree of the public danger of the deed; x_2 – category of a criminal (public danger of the personality); x_3 – circumstances aggravating punishment; x_4 – circumstances extenuating punishment; f – parameters of the equation connecting the left and right parts of the equation; 3) aggravating and extenuating circumstances can be integrated into a single variable in the form of a fraction, where the numerator is the scope of circumstances aggravating punishment (x_3), and the denominator is the extenuating circumstances (x_4), thus we obtain an integrated variable: $\frac{x_3}{x_4}$; 4) it is proved that the certainty of diagonal

sentence is $\frac{s}{c}$ or $\frac{v}{c}$ times larger than the certainty of the equally probable sentence, where c is the length of the diagonal, s is the area of sentences, v is the space of sentences; 5) it is proved that the bisectral sentence is the most optimal among the equilibrium ones, as it equally takes into account the functions of the defense and the prosecution.

Scientific novelty: the newly obtained scientific results.

Practical significance: possibility to use the obtained scientific results for the development of criminal-legal and criminal-procedural theories; to increase the level of justice of the court sentences.

Keywords: Criminal procedure; Theorem of validity; Theorem of justice; Theorem of certainty of bisectrixity; Justice; Equally probable sentence; Diagonal sentence; Bisectrial sentence; Normal sentence, Multi-dimensional sentence; Function of the defense; Function of the prosecution; Function of the adjudgement; Criminal punishment; Categories of criminals; Categories of crimes; Mathematical analysis

References

1. Ol'kov, S. G. Yuridicheskaya otvetstvennost': obshchaya matematicheskaya model' i matematika mnogomernykh moral'no-pravovykh otsenochnykh prostranstv (Juridical liability: general mathematical model and mathematics of multi-dimensional moral-legal evaluative spaces), *Nauchnyi vestnik TYul MVD RF*, 2003, No. 2, pp. 23–39 (in Russ.).

2. Ol'kov, S. G. Matematicheskoe obosnovanie zakonov edinstva i bor'by protivopozhnoy, obvineniya, zashchity i ravnovesnogo prigovora v ugovolnom sudoproizvodstve (Mathematical grounding of the laws of unity and struggle of opposites, prosecution, defense and equilibrium in the criminal court procedure), *Publichnoe i chastnoe pravo*, 2015, No. 4, pp. 107–121 (in Russ.).

3. Ol'kov, S. G. Kontsepsiya ravnovozmognogo, ravnovesnogo, bissektrial'nogo i spravedlivogo prigovora v svete funktsii zashchity, obvineniya i razresheniya dela sudom (Conception of equally probable, equilibrium, bisectral and just sentence in the aspect of defense, prosecution and adjudgement in court), *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Ural'skii region*, 2015, No. 5, pp. 13–19 (in Russ.).

4. Ol'kov, S. G. Spravedlivost' ugovolnogo nakazaniya: ot taliona k eksponionu (Fairness of the criminal punishment: from talion to exponion), *Biblioteka ugovolnogo prava i kriminologii*, 2016, No. 2 (14), pp. 62–69 (in Russ.).

5. Mikhailov, V. A. *Kurs ugovolnogo sudoproizvodstva* (A course in criminal court procedure), in 3 vol., Moscow: Moskovskii psikhologosotsialnyi institut, 2006, 856 p. (in Russ.).

Received 14.03.16

Accepted 29.04.16

© Ol'kov S. G., 2016. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; Licensee Tatar Educational Centre "Taglimat". This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), which permits unrestricted use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.

Information about the author

Sergey G. Ol'kov, Doctor of Law, Professor; Professor of the Chair of Theory and History of State and Law, Surgut State University
Address: 1 Lenin prospect, 628412, Surgut, Khanty-Mansi Autonomous region – Yugra, tel.: +7 (3462) 76-28-93
E-mail: olkovsg@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2639-4832>
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/P-7846-2015>

For citation: Ol'kov S. G. Court sentences in the aspect of theorems of validity, justice and certainty of bisectrixity, *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, vol. 10, No. 2, pp. 247–263.

ПОЗНАНИЕ

Научно-практический комментарий к Типовому положению о комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъекте Российской Федерации, утвержденному Указом Президента Российской Федерации № 364 от 15 июля 2015 года / В. Н. Агеев, О. В. Агеева, И. И. Бикеев, П. А. Кабанов, Р. Р. Магизов, Л. Р. Хайрутдинова; под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. И. И. Бикеева, д-ра юрид. наук, проф. П. А. Кабанова. – Казань : Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП), 2016. – 152 с.

В книге дан постатейный научно-практический комментарий к Типовому положению о комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъекте Российской Федерации, являющемуся основным нормативным правовым актом, регулирующим правовые и организационные основы деятельности названного органа. Положение изучено на основе методов научного познания с учетом федеральных и региональных нормативных правовых актов, а также исследованных данных о реализации этих документов.

Предназначен для широкого круга читателей, связанных с деятельностью комиссий по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации, руководителей, секретарей и членов указанных комиссий, а также всех интересующихся вопросами противодействия коррупции. В качестве приложений к комментарию даны примерные образцы процессуальных документов, необходимых для работы указанных комиссий.

УДК 343.1:343.7

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.2.264-272>

Как цитировать статью: Сергеев М. С. Критерии доказывания электронных преступлений при применении мобильных приложений. Особенности их изъятия // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 2. С. 264–272.

М. С. СЕРГЕЕВ¹

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

КРИТЕРИИ ДОКАЗЫВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МОБИЛЬНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ. ОСОБЕННОСТИ ИХ ИЗЪЯТИЯ

Цель: выявление проблем, возникающих в ходе изъятия у физических и юридических лиц сведений об электронных мобильных приложениях, которые позволяют получить доступ к личной информации, разработка решений выявленных проблем.

Методы: в целях решения поставленных задач использовались всеобщий метод познания и общенаучные методы исследования: логический метод, анализ и синтез. Кроме того, были использованы такие научные методы познания, как логико-формальный, компаративный, статистический, системного анализа.

Результаты: выработаны предложения по внесению изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, которые позволят решить выявленные проблемы. Предложено дополнить Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) разделом 8.1 «Электронные преступления», который, по нашему мнению, должен содержать пункт о мошенничестве с использованием платежных карт в сфере компьютерной информации; неправомерном доступе к компьютерной информации, создании, использовании и распространении вредоносных компьютерных программ; нарушении правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей.

Научная новизна: в исследовании рассмотрен правовой статус данных мобильных приложений, особенности процедуры выемки, необходимость выделения их в качестве отдельного вида электронных доказательств.

Практическая значимость: основные положения и выводы исследования могут быть использованы при реформировании уголовно-процессуального законодательства, а также в научной и педагогической деятельности.

Ключевые слова: уголовный процесс; электронные источники доказательства; мобильные приложения; вредоносные программы; выемка; критерии доказывания электронных преступлений

Введение

Исследователи рассматривают природу электронных доказательств в уголовном судопроизводстве в целом [1; 2, с. 76; 3, с. 192; 4 с. 53; 5 с. 6]. Бесспорно сложившееся мнение о том, что «электронное доказательство» следует рассматривать в качестве самостоятельного источника доказательства ввиду того, что сбор, хранение, а также воспроизведение электронной информации требует отличных от письменных и вещественных доказательств методов [6, с. 97]. Поддерживая данную точку зрения, следует отметить, что уголовно-процессуальное законодательство не выделяет электронные доказательства в качестве самостоятельного источника доказательства, закрепляя «электронный носитель информации» в ка-

честве вещественного доказательства (п. 5, ч. 2, ст. 82 УПК РФ) и «иные носители информации» в качестве иных документов. В связи с этим предлагается следующее определение электронных доказательств: это сведения в электронно-цифровой форме, созданные при помощи электронно-вычислительных средств, на основании которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

В статье рассмотрена возможность и необходимость выделения такого вида электронного доказательства, как данные мобильных приложений. Целью работы является выявление проблем, возникающих в ходе изъятия сведений об электронных мобильных приложениях, которые позволяют получить доступ

Сергеев М. С. Критерии доказывания электронных преступлений при применении мобильных приложений / Sergeyev M. S. Criteria of proving digital crimes with the use of mobile applications. Features of exemption

к личной информации; разработка решений этих проблем.

Проведение данного исследования вызвано назревшей потребностью модернизации уголовного судопроизводства, о чем упоминается в научных трудах целого ряда исследователей: П. С. Пастухова [7, с. 16], Н. А. Зигуры [8, с. 52], Ю. А. Цветкова и О. В. Качалова [9, с. 96] и других, а также оценки необходимости выделения данных мобильных приложений в качестве отдельного вида доказательств по уголовным делам. Актуальность затронутой проблематики обусловлена тем, что с ростом рынка мобильных устройств связи ежедневно увеличивается количество приложений для таких устройств¹. Динамика роста числа мобильных приложений на сегодняшний день следующая: за 2014 г. количество мобильных приложений в магазинах увеличилось более чем в два раза. По данным аналитической компании Appfigures, в магазине Google Play на начало 2015 г. были доступны 1,43 млн приложений, в Apple App Store – 1,21 млн, а в Amazon Appstore – 293 тысячи².

Существуют различные категории мобильных приложений: мультимедийные, офисные, игровые, социальные, навигационные, приложения онлайн-банкинга и др. Как правило, данные таких приложений содержат личную информацию пользователя, включающую в себя круг общения, электронную корреспонденцию, данные об истории поисковых запросов, доступ к банковским счетам, аккаунтам в различных информационных системах, сведения о фактическом местоположении, а также истории передвижения пользователя.

На сегодняшний день сложно представить себе активного члена общества, который бы не использовал мобильные устройства. По данным аналитического исследования, проведенного специалистами компании eMarketer, количество пользователей смартфонов в 2014 г. в России составило 49 млн человек, в 2015 г. – 58,2 млн человек, а к 2018 г., по прогнозам,

достигнет 76,4 млн человек. Таким образом, по итогам 2015 г. Россия занимает 4-е место в мире по количеству пользователей смартфонов, лидирует в данном рейтинге Китай – 520 млн владельцев мобильных устройств, следом идут США, Индия и Япония³. Иными словами, с каждым днем количество пользователей мобильных устройств в России возрастает, а вместе с ними и количество лиц, использующих мобильные приложения. Этому способствуют и цены на мобильные устройства, которые являются в России самыми низкими в мире, по информации Hi-tech.Mail.ru⁴. Как правило, мобильные устройства функционируют на основе операционных систем Android, Symbian, iOS (Apple), Blackberry, Windows (Microsoft). Согласно отчету Strategy Analytics⁵, наиболее популярной является операционная система Android (ее доля на рынке составляет 84,6 %), второй по популярности стала iOS (Apple) (11,9 %)⁶. Таким образом, подавляющее большинство устройств функционирует на базе двух операционных систем – Android и iOS (Apple), что позволяет сделать вывод о том, что возможна выработка общей методики сбора, анализа и хранения данных мобильных приложений.

Результаты исследования

Результатом эволюционных процессов развития электронных технических средств стали изменения в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Это ст. 159.6 УК РФ («Мошенничество в сфере компьютерной информации»), ст. 272 УК РФ («Неправомерный доступ к компьютерной информации»), ст. 273 УК РФ («Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ»), ст. 274 УК РФ («Нарушение правил экс-

³ Россия станет четвертым рынком смартфонов в мире // Российская газета. 2014. 15 декабря. URL: <http://www.rg.ru/2014/12/15/prognoz-site-anons.html> (дата обращения: 01.02.2015).

⁴ Смартфоны в России стали самыми дешевыми в мире // Российская газета. 2015. 23 февраля. URL: <http://www.rg.ru/2015/02/23/smartphones-russia-site.html> (дата обращения: 23.02.2015).

⁵ Strategy analytics – исследовательская аналитическая компания.

⁶ Android Captures 84 % Share of Global Smartphone Shipments in Q3 2014. URL: <http://blogs.strategyanalytics.com/WSS/post/2014/10/31/Android-Captures-84-Share-of-Global-Smartphone-Shipments-in-Q3-2014.aspx> (дата обращения: 01.02.2015).

¹ Мобильное приложение – это компонент, устанавливаемый на мобильное устройство, подключающийся к мобильному серверу и управляющий пользовательским интерфейсом и бизнес-логикой устройства.

² App Stores Growth Accelerates in 2014. URL: <http://blog.appfigures.com/app-stores-growth-accelerates-in-2014> (дата обращения: 01.02.2015).

плуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей»).

Статистика широкого распространения мобильных электронных устройств⁷ позволяет сделать выводы о важности мобильных устройств и, в частности, содержащейся в них информации для расследования всех категорий преступлений и необходимости адаптации следственных действий к современным реалиям, в связи с тем, что мобильные приложения зачастую выступают в качестве средства совершения преступления [10, р. 43]. Все необходимые требования и разрешения к каждой программе, такие как доступ к интернет-соединению, мобильным сообщениям, звонкам, GPS и другие, указываются разработчиком в зависимости от типа программы. Однако именно это облегчает использование электронного устройства в преступных целях, таких как мошенничество, кража денежных средств, неправомерный доступ к компьютерной информации, нарушение тайны переговоров, переписки и т. д. Например, компанией AVG⁸ была выявлена вредоносная программа для OS Android, которая способна сохранять работоспособность даже после выключения мобильного устройства. Получив доступ к процессу завершения работы, программа имитировала его выключение и собирала данные пользователя путем использования камеры, микрофона и интернет-соединения⁹.

Доступ к личным данным владельцев мобильных устройств возможен также с использованием специальных технических устройств, работающих аналогично вышкам сотовой связи. По данным The Wall Street Journal, с 2007 г. службой судебных приставов Минюста США реализована программа по сбору данных и определению местонахождения абонентов сотовой связи при помощи технических средств, установленных на легкомоторных самолетах. Аппаратура, разработанная компанией Boeing, дей-

ствуя по принципу сотовых вышек связи, позволяет собрать регистрационную информацию с большого количества мобильных устройств, включая местоположение абонентов с точностью до трех метров. Также данное оборудование позволяет блокировать сигнал мобильного устройства и осуществлять копирование данных, включая СМС-сообщения и фотографии, содержащиеся на устройствах¹⁰.

Кроме того, личные данные пользователей могут быть получены злоумышленниками при помощи шпионских и вредоносных программ. По данным компании Lookout¹¹, самая высокая вероятность столкнуться с вредоносным или шпионским программным обеспечением в России и Китае – от него страдают 34,7 % пользователей¹². По итогам 2014 г. вирусная база самого популярного российского мобильного антивируса Dr.Web пополнилась 2 867 записями для различных вредоносных, нежелательных и потенциально опасных Android-программ и включает на сегодняшний день 5 681 вредоносное приложение. Их рост, по сравнению с аналогичным периодом 2013 г., составил 102 %, а с 2010 г. их число увеличилось в 189 раз, т. е. на 18 837 %. Наиболее популярными являются приложения, связанные с отправкой платных сообщений, – 47,33 %, «шпионские» программы, собирающие конфиденциальную информацию пользователя, – 6,35 %, трояны мобильного банкинга, собирающие информацию о банковских аккаунтах, паролях, – 3,12 %, «приложения-вымогатели», блокирующие устройства и требующие оплаты за разблокировку. Рост числа обнаруженных «приложений-вымогателей» составил 6 750 % за 2014 г. и увеличился с 2 до 137 записей¹³.

За создание, распространение или использование вредоносных компьютерных программ предусмотрена уголовная ответственность, установленная ст.

⁷ Россия станет четвертым рынком смартфонов в мире // Российская газета. 2014. 15 декабря. URL: <http://www.rg.ru/2014/12/15/prognoz-site-anons.html> (дата обращения: 01.02.2015).

⁸ AVG Technologies – чешский разработчик антивирусного программного обеспечения.

⁹ Malware Is Still Spying On You Even When Your Mobile Is Off. URL: <http://now.avg.com/malware-is-still-spying-on-you-after-your-mobile-is-off/> (дата обращения: 23.02.2015).

¹⁰ США уличили в сборе данных с мобильных при помощи самолетов. URL: <http://lenta.ru/news/2014/11/14/phones/> (дата обращения: 23.02.2015).

¹¹ Lookout – компания, специализирующаяся на решениях для мобильных устройств, обеспечивающих кибербезопасность.

¹² 6 самых вредоносных приложений для смартфонов. URL: <http://www.forbes.ru/tehnologii-photogallery/internet-ivsyaz/235027-android-virus/photo/1> (дата обращения: 23.02.2015).

¹³ Обзор вирусной активности для мобильных устройств за 2014 год. URL: <http://news.drweb.ru/show/?i=9222&c=5&lng=ru&p=1> (дата обращения: 23.02.2015).

273 УК РФ. Однако при расследовании преступлений с использованием компьютерной информации возникают проблемы изъятия, хранения и представления доказательств по делу. Уголовно-процессуальным кодексом изъятие электронных носителей в ходе обыска и выемки информации регламентировано ч. 9.1 ст. 182 УПК РФ и ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ с учетом положений ч. 4 ст. 81, ч. 5 ст. 82 УПК РФ.

При изъятии данных мобильных приложений в качестве источника электронных доказательств необходимо использовать специализированный софт. Примерами таких прикладных программ являются EnCase® Smartphone Examiner, MOBILedit! Forensic¹⁴, Mobile Phone Examiner Plus¹⁵ и др. Эти инструменты разработаны для сотрудников правоохранительных органов и специалистов информационной безопасности в целях сбора доказательств из мобильных устройств, они позволяют физически получать логические данные с устройств, добыть образ операционной системы, включающий файловую систему. После проведения анализа мобильных устройств возможен перенос собранной информации в специализированную программу ФТК (Forensic Toolkit) для дальнейшего изучения, например, с целью восстановления удаленных файлов. Также эта интеграция позволяет произвести корреляцию улик, собранных на мобильных устройствах, с уликами, собранными на компьютерах¹⁶.

Процедура изъятия доказательств из мобильных устройств отличается от изъятия информации из персональных компьютеров ввиду того, что мобильные электронные устройства, по сравнению с персональными компьютерами, имеют более узкие задачи, различающуюся архитектуру процессора, операционную систему и т. д. В связи с этим методы и особенности проведения процессуальных действий должны быть индивидуальными, в зависимости от технических характеристик источника доказательств [11, р. 69].

Британской ассоциацией руководителей полицейских служб (АСРО) была разработана инструкция

по изъятию доказательств с мобильных устройств¹⁷. Согласно предложенным рекомендациям, при проведении процессуальных действий необходимо изолировать устройство от мобильного соединения путем выключения устройства либо благодаря специальным глушачам связь устройствам, все необходимые процедуры должны проводиться в специально оборудованном помещении. Устройство должно быть полностью заряженным в целях предотвращения утери информации при проведении процессуальных действий. Следует учитывать особенность оперативной (RAM) памяти устройства, для сохранения данных на которой необходимо наличие бесперебойного питания в отличие от постоянной (ROM) памяти. В целях сохранения важной информации специалист должен строго соблюдать правила, не допускать обновления приложений, так как это может повлечь уничтожение данных. Вместе с данными приложений, находящимися на мобильном устройстве, необходимо также запросить сведения, хранящиеся на серверах разработчиков приложений и данные интернет-провайдера.

Для сбора доказательств в арсенале сотрудников МВД РФ имеются специализированные технические средства, позволяющие получать с мобильных устройств необходимые для расследования преступлений сведения. Благодаря данному комплексу сотрудники правоохранительных органов имеют возможность установить точки передвижения, входящие и исходящие соединения, электронную корреспонденцию в социальных сетях и мессенджерах, фото- и видеоматериалы. При этом возможно изъятие даже удаленных данных, а также информации из защищенных хранилищ, таких как Dropbox, Google Drive, iCloud и бэкапов Android [12 р. 528]. Кроме того, специалистом может быть установлен список посещенных адресов в Интернете, пароли с идентификаторов от облачных хранилищ либо учетных записей с Android-устройства, а также данные из более 400 мобильных приложений, таких как Apple Maps, Facebook, Google+, PayPal, Viber, WhatsApp и т. п. По словам официального представителя компании-поставщика таких систем «Оксиджн Софт» Николая Голубева: «Комплексы бывают мобильные

¹⁴ URL: <http://www.mobiledit.com/forensic> (дата обращения: 23.02.2015).

¹⁵ URL: <http://accessdata.com/product-download/digital-forensics/mpe> (дата обращения: 23.02.2015).

¹⁶ URL: <http://www.forensicmall.ru/cat/accessdata/mobile-phone-examiner-plus-mpe/#tab0> (дата обращения: 23.02.2015).

¹⁷ Good Practice and Advice Guide for Managers of e-Crime Investigation. URL: <http://www.acpo.police.uk/documents/crime/2011/201103CRIECI14.pdf> (дата обращения: 23.02.2015).

и стационарные. В первом случае комплекс имеет вид кейса с дисплеем и с комплектом проводов, что позволяет сотруднику прямо на месте преступления получить все данные, находящиеся в устройстве. В стационарном варианте программное обеспечение просто устанавливается на компьютер в криминалистической лаборатории»¹⁸.

Также сотрудниками правоохранительных органов используется современная криминалистическая техника, позволяющая в короткие сроки получить информацию из памяти мобильных устройств. Это UFED¹⁹, «Мобильный криминалист»²⁰, аппаратно-программный комплекс XRY²¹.

Законодатель закрепил в ст. 182 и 183 УПК РФ необходимость обязательного участия специалиста в следственных действиях – обыске и выемке, в ходе которых он производит копирование информации на электронный носитель. В связи с этим представляется, что обязательное участие специалиста связано с рядом процедурных действий: 1) обнаружение мобильного устройства (материальный носитель); 2) изъятие и его процессуальное оформление (составление протокола обыска, выемки, личного обыска, задержания); 3) обнаружение специалистом файлов; 4) фиксация изъятых информации; 5) определение допустимости применения в качестве доказательств; 6) представление в суде; 7) сопоставление полученной информации с другими полученными доказательствами. Ряд процессуалистов считает, что регламентированная процедура участия специалиста несовершенна [13, с. 155; 14; 15; 16]. В частности, отсутствует четкая регламентация понятия «электронный носитель информации», в соответствии со справкой Государственно-правового управления²² в качестве электронных носителей информации названы компьютерные блоки, серверы, ноутбуки

и карты памяти. Очевидно, что данный перечень трудно назвать исчерпывающим. Считаем справедливым утверждение А. Л. Осипенко и А. И. Гайдина о том, что перечень следует определить более четко, а также необходимо регламентировать участие специалиста при изъятии электронных носителей информации лишь в тех случаях, когда это действительно необходимо [17, с. 158].

Процедура изъятия сведений мобильных приложений с устройств регламентируется п. 3.1 ст. 183 УПК РФ («Изъятие электронных носителей информации»). Однако в зависимости от характера информации (сведения о соединениях, электронная корреспонденция и т. д.) процессуальные действия можно трактовать как «наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка» (ст. 185 УПК РФ) или «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами» (ст. 186.1 УПК РФ). В соответствии с требованиями данных положений необходимые процессуальные действия производятся на основании судебного решения о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами или наложения ареста и выемки корреспонденции.

Сотрудники правоохранительных органов, по смыслу текста статей, запрашивают сведения о соединениях у организации, осуществляющей услуги связи, которая обязана предоставить ее на любом материальном носителе информации, а арест и выемку корреспонденции производят в учреждениях связи. Возникает вопрос о необходимости судебного решения в случае изъятия сведений мобильных приложений с помощью технических средств, описанных выше. В соответствии с определением Конституционного Суда Российской Федерации № 345-О от 02.10.2003²³, информацией, составляющей охраняемую Конституцией РФ и действующими на территории РФ законами тайну телефонных переговоров, считаются любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи; для доступа

¹⁸ МВД взламывает продукцию Apple с помощью спецоборудования // Известия. 2014. 1 декабря. URL: <http://izvestia.ru/news/579858> (дата обращения: 05.02.2015).

¹⁹ URL: <http://www.cellebrite.com/ru/mobile-forensics/products/standalone/ufed-touch-logical> (дата обращения: 23.02.2015).

²⁰ URL: <http://www.oxygen-forensic.com/ru/> (дата обращения: 23.02.2015).

²¹ URL: <http://aimtech.ru/catalog/48> (дата обращения: 23.02.2015).

²² Уточнен порядок изъятия и возвращения электронных носителей в ходе расследования уголовных дел. URL: <http://www.kremlin.ru/news/16111> (дата обращения: 23.02.2015).

²³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 345-О от 02.10.2003. URL: <http://www.rg.ru/2003/12/10/svjaz-doc.html> (дата обращения: 23.02.2015).

к указанным сведениям органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, необходимо получение судебного решения. Иное означало бы несоблюдение требования ст. 23 (ч. 2) Конституции РФ о возможности ограничения права на тайну телефонных переговоров только на основании судебного решения. В связи с этим в случае производства следственных действий, связанных с изъятием сведений мобильных приложений, необходимо получение решения суда. Помимо вышеперечисленного, представляет интерес предложение о выделении в качестве самостоятельного следственного действия электронного копирования [18, с. 224; 19, с. 20; 20, с. 134]. Данное предложение представляется справедливым и актуальным.

Выводы

В ходе исследования выявлены следующие проблемы, возникающие при производстве изъятия у физических и юридических лиц сведений об электронных мобильных приложениях, которые позволяют получить доступ к личной информации: 1) в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют определения электронных доказательств, электронных носителей информации, электронной информации, сведений мобильных приложений; 2) отсутствует правовая регламентация порядка изъятия, хранения, представления электронных доказательств, в частности, сведений мобильных приложений.

В результате проведенного исследования предлагается дополнить ст. 186.1 УПК РФ частью 1.1: «Изъятие информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами может производиться следователем с применением специализированных технических средств, при участии специалиста на основании судебного решения о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами».

Статью 185 УПК РФ дополнить частью 2.1: «Изъятие электронной корреспонденции из электронной памяти персональных компьютеров, мобильных устройств, а также серверов компаний, осуществляющих возможность отправки электронной корреспонденции, производится на основании судебного решения».

Дополнить ст. 5 УПК РФ пунктом 63: «Электронные доказательства – это сведения в электронно-циф-

ровой форме, созданные при помощи электронно-вычислительных средств, на основании которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела».

Дополнить ч. 2 ст. 74 УПК РФ пунктом 7: «Электронные доказательства».

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости выделения мобильного приложения в качества отдельного подвида электронных доказательств, который может быть как источником информации, так и средством совершения преступления.

Кроме того, УК РФ следует дополнить разделом 8.1 «Электронные преступления», который будет содержать гл. 23.1 «Преступления в сфере электронного денежного оборота», гл. 23.2 «Преступления в сфере компьютерной информации». Данный раздел с точки зрения законодательной техники, по нашему мнению, должен содержать следующие составы преступлений:

- мошенничество с использованием платежных карт;
- мошенничество в сфере компьютерной информации;
- неправомерный доступ к компьютерной информации;
- создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ;
- нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей.

При доказывании юридически значимых фактов по уголовному делу в целях предотвращения возможности совершения электронных преступлений пользователям следует контролировать состояние мобильного программного обеспечения, использовать антивирусную программу, внимательнее относиться к источнику приложений и условиям их установки и использования. В целях безопасности не следует сохранять данные банковских счетов, аккаунтов платежных систем на мобильном устройстве.

При проведении процессуальных действий, связанных с изъятием электронной информации, необходимо учитывать техническую сложность мобильного устройства, привлекать специалиста, а также использовать необходимые специализированные технические средства сбора электронных доказательств.

Список литературы

1. Калиновский К. Б., Маркелова Т. Ю. Доказательственное значение «электронной» информации в российском уголовном процессе // Российский следователь. 2001. № 6. С. 18–19.
2. Александров А. С., Кувычков С. И. О надежности «электронных доказательств» в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2013. № 5. С. 76–84.
3. Пастухов П. С. «Электронные доказательства» в состязательной системе уголовно-процессуальных доказательств // Общество и право. 2015. № 1 (51). С. 192–196.
4. Васильев А. А., Демин К. Е. Электронные носители данных как источники получения криминалистически значимой информации: учеб. пособие. М.: МГОУ, 2009. 198 с.
5. Кукарникова Т. Э. Электронный документ в уголовном процессе и криминалистике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. 25 с.
6. Треушников М. К. Судебные доказательства. М.: Городец, 1999. 288 с.
7. Пастухов П. С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2015. 64 с.
8. Зигура Н. А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 234 с.
9. Качалова О. В., Цветков Ю. А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.
10. Casey E., Turnbull B. Digital Evidence on Mobile Devices // Digital Evidence and Computer Crime. Third Edition. ACADEMIC PRESS, 2011. 44 p.
11. Sammons J., Brunty J. Mobile device forensics: threats, challenges and future trends // Digital Forensics: Threatscape and Best Practices. Syngress. 2015, 182 p.
12. Mason S., George E. Digital evidence and ‘cloud’ computing // Computer Law & Security Review. 2011. No. 27. Pp. 524–528.
13. Родивилин И. П., Шаевич А. А. Об участии специалиста при изъятии электронных носителей информации в ходе производства обыска и выемки // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. трудов. 2013. Вып. 3–4. Иркутск: ВСИ МВД России. С. 153–157.
14. Иванов А. Н. Новый порядок изъятия электронных носителей информации при производстве обыска и выемки // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2012. № 1. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юр. акад. С. 25–26.
15. Старичков М. В. Тактика проведения обыска, связанного с изъятием носителей компьютерной информации // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. VII Всероссийской научно-практической конференции. Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2010. С. 167–169.
16. Ларин Е. Г. Копирование информации с электронных носителей при производстве по уголовному делу // Законодательство и практика. 2012. № 2 (29). Омск: Омская академия МВД России. С. 52–53.
17. Осипенко А. Л., Гайдин А. И. Правовое регулирование и тактические особенности изъятия электронных носителей информации // Вестник ВИ МВД России. 2014. № 1. С. 156–163.
18. Волеводз А. Г. Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества. М.: Юрлитинформ, 2002. 496 с.
19. Краснова Л. Б. Компьютерные объекты в уголовном процессе и криминалистике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. 24 с.
20. Овсянников Д. В. Электронное копирование информации в системе средств уголовно-процессуального доказывания // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. № 2 (3). С. 130–135.

Дата поступления 17.10.15

Дата принятия в печать 11.03.16

© Сергеев М. С., 2016. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; лицензия Татарского образовательного центра «Таглитмат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.ieml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Сергеев Максим Сергеевич, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, каб. 308а, тел.: +7 (843) 233-71-97

E-mail: sergeev.s.maksim@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8481-0603>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/L-2219-2015>

M. S. SERGEYEV¹

¹ Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia

CRITERIA OF PROVING DIGITAL CRIMES WITH THE USE OF MOBILE APPLICATIONS. FEATURES OF EXEMPTION

Objective: to identify problems arising in the course of exemption from individuals and legal entities information about mobile digital applications that allow access to personal information, to develop solutions to the identified problems.

Methods: in order to solve the identified tasks, we used the universal method of cognition and general scientific research methods: logical method, analysis and synthesis. In addition were used such scientific methods of cognition, as logical-formal, comparative, statistical, system analysis.

Results: proposals have been elaborated on amendments to the criminal and criminal procedure legislation, which will allow to solve the identified problems. It is proposed to supplement the Russian Criminal Code (hereinafter CC) with the Section 8.1 "Digital crimes", which, in our opinion, should contain a paragraph on fraud with payment cards in the field of computer information systems; illegal access to computer information, creation, use and dissemination of harmful computer programs; violation of exploitation rules of storage means, processing or transmission of computer information and information-telecommunication networks.

Scientific novelty: the study examined the legal status of mobile application data, peculiarities of the process of exemption, the need to allocate them as a separate type of digital proofs.

Practical significance: the key issues and conclusions of the study can be used in reforming the criminal procedure legislation, as well as in research and teaching.

Keywords: Criminal procedure; Electronic sources of proofs; Mobile applications; Malware; Exemption; Criteria of proving the electronic crimes

References

1. Kalinovskii, K. B., Markelova, T. Yu. Dokazatel'stvennoe znachenie "elektronnoi" informatsii v rossiiskom ugovnom protsesse (Proving significance of "digital" information in the Russian criminal procedure), *Rossiiskii sledovatel'*, 2001, No. 6, pp. 18–19 (in Russ.).
2. Aleksandrov, A. S., Kuvychkov, S. I. O nadezhnosti "elektronnykh dokazatel'stv" v ugovnom protsesse (On the reliability of "digital proofs" in the criminal procedure), *Biblioteka kriminalista*, 2013, No. 5, pp. 76–84 (in Russ.).
3. Pastukhov, P. S. "Elektronnye dokazatel'stva" v sostyazatel'noi sisteme ugovno-protsessual'nykh dokazatel'stv ("Digital proofs" in the competitive system of criminal-procedural proofs), *Obshchestvo i pravo*, 2015, No. 1 (51), pp. 192–196 (in Russ.).
4. Vasil'ev, A. A., Demin, K. E. *Elektronnye nositeli dannykh kak istochniki polucheniya kriminalisticheskoi znachimoi informatsii* (Digital data carriers as a source of criminalistically relevant information), Moscow: MGOU, 2009, 198 p. (in Russ.).
5. Kukarnikova, T. E. *Elektronnyi dokument v ugovnom protsesse i kriminalistike: dis. ... kand. yurid. nauk* (Digital document in the Russian criminal procedure and criminal studies: PhD (Law) thesis), Voronezh, 2003, 25 p. (in Russ.).
6. Treushnikov, M. K. *Sudebnye dokazatel'stva* (Court proofs), Moscow: Gorodets, 1999, 288 p. (in Russ.).
7. Pastukhov, P. S. *Modernizatsiya ugovno-protsessual'nogo dokazyvaniya v usloviyakh informatsionnogo obshchestva: dis. ... dokt. yurid. nauk* (Modernization of criminal-procedural proving under information society: doctoral (Law) thesis), Moscow, 2015, 64 p. (in Russ.).
8. Zigura, N. A. *Komp'yuternaya informatsiya kak vid dokazatel'stv v ugovnom protsesse Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk* (Computer information as a kind of proving in the Russian criminal procedure: PhD (Law) thesis), Chelyabinsk, 2010, 234 p. (in Russ.).
9. Kachalova, O. V., Tsvetkov, Yu. A. *Elektronnoe ugovnoe delo – instrument modernizatsii ugovnogo sudoproizvodstva* (Digital criminal case as a tool of modernization of criminal court procedure), *Rossiiskoe pravosudie*, 2015, No. 2, pp. 95–101 (in Russ.).
10. Casey, E., Turnbull, B. *Digital Evidence on Mobile Devices*, *Digital Evidence and Computer Crime*, Third Edition, Academic Press, 2011, 44 p.
11. Sammons, J., Brunty, J. *Mobile device forensics: threats, challenges and future trends*, *Digital Forensics: Threatscape and Best Practices*, Syngress, 2015, 182 p.
12. Mason, S., George, E. Digital evidence and 'cloud' computing, *Computer Law & Security Review*, 2011, No. 27, pp. 524–528.
13. Rodivilin, I. P., Shaevich, A. A. Ob uchastii spetsialista pri iz'yatii elektronnykh nositelei informatsii v khode proizvodstva obyska i vyemki (On participation of a specialist in exemption of digital data carriers during search and seizure), *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra*, 2013, is. 3–4, Irkutsk: VSI MVD Rossii, pp. 153–157 (in Russ.).
14. Ivanov, A. N. Novyi poryadok iz'yatiya elektronnykh nositelei informatsii pri proizvodstve obyska i vyemki (New order of exemption of digital data carriers during search and seizure), *Problemy ugovnogo protsesssa, kriminalistiki i sudebnoi ekspertizy*, 2012, No. 1, Saratov: Izd-vo Sarat. gos. yur. akad., pp. 25–26 (in Russ.).
15. Starichkov, M. V. Taktika provedeniya obyska, svyazannogo s iz'yatiem nositelei komp'yuterno informatsii (Tactics of search connected with the extraction of digital information carriers), *Kriminalistika: aktual'nye voprosy teorii i praktiki: sb. VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (Criminal studies: topical issues of theory and practice: collection of works of the 7th All-Russia scientific-practical conference), Rostov n/D: RYuI MVD Rossii, 2010, pp. 167–169 (in Russ.).
16. Larin, E. G. Kopirovanie informatsii s elektronnykh nositelei pri proizvodstve po ugovnomu delu (Copying information from digital carriers during the criminal procedure), *Zakonodatel'stvo i praktika*, 2012, No. 2 (29), Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, pp. 52–53 (in Russ.).

17. Osipenko, A. L., Gaidin, A. I. Pravovoe regulirovanie i takticheskie osobennosti iz"yatiya elektronnykh nositelei informatsii (Legal regulation and tactical features of exemption of digital data carriers), *Vestnik VI MVD Rossii*, 2014, No. 1, pp. 156–163 (in Russ.).
18. Volevodz, A. G. *Protivodeistvie komp'yuternym prestupleniyam: pravovye osnovy mezhdunarodnogo sotrudnichestva* (Counteraction to computer crimes: legal bases of international cooperation), Moscow: Yurlitinform, 2002, 496 p. (in Russ.).
19. Krasnova, L. B. *Komp'yuternye ob"ekty v ugolovnom protsesse i kriminalistike: dis. ... kand. yurid. nauk* (Computer objects in criminal procedure and criminal studies: PhD (Law) thesis), Voronezh, 2005, 24 p. (in Russ.).
20. Ovsyannikov, D. V. Elektronnoe kopirovanie informatsii v sisteme sredstv ugolovno-protsessual'nogo dokazyvaniya (Digital copying of information in the system of means of criminal-procedural proving), *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*, 2014, No. 2 (3), pp. 130–135 (in Russ.).

Received 17.10.15

Accepted 11.03.16

© Sergeyev M. S., 2016. Originally published in Actual problems of economics and law (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; Licensee Tatar Educational Centre "Taglimat". This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), which permits unrestricted use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.

Information about the author

Maksim S. Sergeyev, post-graduate student of the Chair of Criminal Procedure and Criminal Studies, Kazan (Volga) Federal University
Address: 18 Kremlyovskaya Str., Room 308a, 420008, Kazan, tel.: +7 (843) 233-71-97
E-mail: sergeev.s.maksim@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8481-0603>
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/L-2219-2015>

For citation: Sergeyev M. S. Criteria of proving digital crimes with the use of mobile applications. Features of exemption, *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, vol. 10, No. 2, pp. 264–272.

ПОЗНАНИЕ

Скоробогатов, А. В.

История государства и права зарубежных стран : учебник / А. В. Скоробогатов, Г. Ю. Носаненко, А. В. Краснов ; Институт экономики, управления и права (г. Казань). – Казань : Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2015. – 668 с.

Учебник написан в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» с учетом последних достижений историко-правовой науки, содержит исторически последовательное изложение закономерностей возникновения, развития, функционирования государственно-правовых систем зарубежных стран с древнейших времен до современности. В пособии анализируется содержание государственно-правовых процессов, присущие им причинно-следственные связи, общее, особенное и специфичное в развитии государственных и правовых институтов разных стран и народов.

Предназначен для студентов, аспирантов и преподавателей юридических институтов и факультетов.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

о журнале «Актуальные проблемы экономики и права»

Журнал «Актуальные проблемы экономики и права» является научным и информационно-аналитическим изданием в области экономических и юридических наук. Выходит 4 раза в год. Учредителем и издателем журнала является частное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Институт экономики, управления и права (г. Казань)».

Тематика журнала представлена в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Журнал осуществляет научное рецензирование (двойное слепое) всех поступающих в редакцию статей с целью экспертной оценки по следующим специальностям:

08.00.00 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

12.00.00 ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

Журнал придерживается стандартов редакционной этики в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования, изданий и авторства научных публикаций и рекомендациями Комитета по этике научных публикаций, Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ).

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

журнала «Актуальные проблемы экономики и права»

Статья передается в редакцию журнала «Актуальные проблемы экономики и права» (420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42; контактный тел. (843) 231-92-90).

Для публикации научной статьи автор (авторы), согласно приведенным ниже требованиям, должен оформить необходимые материалы: рукопись статьи и сопроводительные документы к ней.

Рукопись оформляется строго в соответствии с правилами оформления материалов, а аннотация – в соответствии с приведенным на сайте apel.ieml.ru образцом.

Редакция оставляет за собой право не рассматривать статьи, оформленные не по правилам.

Объем статьи должен быть не менее 0,5 авторских листов (20 000 печатных знаков, включая пробелы между словами) и не более 1 авторского листа (40 000 печатных знаков).

Сопроводительные документы к рукописи статьи должны включать в себя:

- авторские справки на каждого автора;
- статус аспиранта должен быть подтвержден справкой об учебе в аспирантуре, заверенной подписью руководителя организации и печатью;
- заявление.

Вышеперечисленные материалы предоставляются в электронном виде через форму на сайте. Если не удастся отправить файлы через эту форму, материалы можно присылать на e-mail: aimurzaeva@ieml.ru

Автор, направляющий статью в журнал «Актуальные проблемы экономики и права», выражает тем самым свое согласие на ее опубликование в журнале, размещение в открытом доступе на сайте журнала в сети Интернет, на передачу текста статьи (в том числе ссылок, библиографической информации и т. д.) лицам, предоставление которым данных сведений носит обязательный характер, либо иным лицам в целях обеспечения возможности цитирования публикации.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и воспроизводится в Российской научной электронной библиотеке (URL: <http://www.elibrary.ru>), EBSCO, CyberLeninka, RePEc, Doaj.

Ответственность за приводимые в статьях фактические материалы и данные несут авторы.

Редакция оставляет за собой право не рассматривать статьи, оформленные не по правилам.

Решение о публикации или отклонении материалов принимается редакционной коллегией.

Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Авторский гонорар за издание статей не начисляется.

Редакция не несет обязательств по рецензированию всех поступающих статей и не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Рукописи не возвращаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

(в соответствии с ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания. Издательское оформление публикуемых материалов»)

Оформление статьи. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word в формате .doc или .rtf и распечатан на стандартных страницах ф.А4 с одной стороны. Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 pt. Междустрочный интервал – полуторный. Все поля – 20 мм. Абзацный отступ – 0,5 см (3 знака).

Выравнивание основного текста – по ширине.

Все слова внутри абзаца разделяются только одним пробелом. Перед знаком препинания пробелы не ставятся, после знака препинания – один пробел.

Не допускаются: два или более пробелов; выделения в тексте подчеркиванием; формирование красной строки с помощью пробелов; автонумерация (нумерованных и маркированных списков) в главах и абзацах. Все набирается вручную.

Пример.

1. Текст ...

2. Текст ...

Формулы должны быть набраны в формульном редакторе Microsoft Equation.

Латинские буквы набираются курсивом, греческие и русские буквы – прямо. Цифры имеют прямое начертание.

В тексте обязательно должна быть ссылка на рисунки и таблицы. Таблицы располагать в тексте. Обязательно указывать номер таблицы и ее название. Рисунки можно вставлять в текст, используя только редакторы, надежно совместимые с редактором Word. Желательно представление рисунков на отдельном листе с указанием номера рисунка и названия статьи.

Аннотация должна кратко излагать содержание статьи. Объем аннотации – 150 слов и более. Печатается в начале статьи под заголовком. Заглавие статьи не должно повторяться в аннотации. Не рекомендуется включать в аннотацию ссылки на литературу.

Литература, составленная в порядке очередности цитируемых материалов, приводится в конце статьи. Ссылки на первоисточники в тексте заключаются в квадратные скобки.

Подробнее см. на сайте журнала: apel.ieml.ru

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

на журнал «Актуальные проблемы экономики и права»

Журнал «Актуальные проблемы экономики и права» распространяется по подписке.

Наш индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 86303.

Периодичность выхода издания – 4 номера в год.

Подписка на журнал может быть оформлена через редакцию.

Для получения издания в редакции достаточно передать туда письмо-заявку о желании получать журнал с указанием номера и года издания и требуемого количества журналов и перечислить на расчетный счет ООО «ТЦО «Таглитат» 400 руб. за один экземпляр с пометкой «Журнал «Актуальные проблемы экономики и права».

Наши реквизиты: ИНН 1653007123, Р/с 40 702 810 300 000 001 556, КПП 165501001, БИК 049205798, К/с 30 101 810 900 000 000 798 «Тимер Банк» (ПАО) г. Казань (за журнал).

Оплату может произвести любое лицо.

По заявке, направленной в редакцию, отдельные номера журнала высылаются наложенным платежом.

Копия платежного документа в обязательном порядке высылается в редакцию издания.

Журналы будут высылаются по почте на адрес плательщика или на иной адрес по доверенности плательщика.

Адрес редакции:

420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, д. 42, редакция журнала «Актуальные проблемы экономики и права»

Факс (843) 292-61-59

Тел. (843) 231-92-90

E-mail: apel@ieml.ru

GENERAL INFORMATION

about the Journal «Actual Problems of Economics and Law»

The Journal «Actual Problems of Economics and Law» is a scientific and informative-analytical publication in the sphere of Economics and Law Sciences. It is issued 4 times a year. Its founder and publisher is a private educational establishment «Institute of Economics, Management and Law» (Kazan).

Titles and contents of sections correspond to branches of science and groups of specialties of scientists according to Nomenclature of specialties for scientists.

For complex expert evaluation all manuscripts undergo bilateral blind review.

The journal accepts articles in the following specialties for publication:

08.00.00 ECONOMIC SCIENCES

12.00.00 LEGAL SCIENCES

All reviewers are acknowledged experts in areas they are responsible for. Reviews are stored in the publishing house and publishing office for 5 years.

Editorial staff sends to the authors of the submitted materials copies of reviews or a substantiated refusal.

The Journal adheres to editorial ethics standards in compliance with the international practice of editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on Ethics of scientific publications, Association of scientific editors and publishers (ASEP).

RULES FOR THE AUTHORS

of the Journal «Actual Problems of Economics and Law»

The article is submitted to the Executive secretary of the Journal «Actual Problems of Economics and Law» (420111, Kazan, 42 Moskovskaya St., phone number: (843) 231-92-90).

The manuscript should be prepared in strict conformance with the rules listed in rules of registration of the materials, and the summary in accordance with the example given in the web-site apel.ieml.ru (summary example).

The Editorial Board reserves the right not to review the articles prepared with violations of the Rules.

The article should be no less than 0.5 author's sheets (20 000 characters, including spaces) and no more than 1 author's sheet (40 000 characters).

Accompanying documents include the following:

- author's profile for each author. It should contain the address and telephone number at the working (studying) place, as well as contact telephone number and e-mail;
- the status of a post-graduate student should be confirmed by a certificate of the post-graduate course, signed by the head of the organization and stamped.
- application.

The listed documents are submitted electronically at web-page. If the materials cannot be loaded to the web-page, they can be submitted to aimurzaeva@ieml.ru.

Thus the author submitting an article to the Journal «Actual Problems of Economics and Law» expresses their consent for its publication in the Journal and its placement for open access on the Journal site in the Internet, as well as for submitting of the text of the article (including references and bibliographical information, etc) to the persons to whom this information must be submitted or other persons with a view of ensuring the publication citation.

The Journal is included into the database of the Russian Index of Scientific Citation and is reproduced in the Russian Scientific Electronic Library (URL: <http://www.elibrary.ru>), EBSCO, CyberLeninka, RePEc, Doaj.

The authors are fully responsible for the facts and data presented in the articles.

The editorial board retains the right not to review articles which do not meet these requirements.

The decision on the materials publication or declining is made by the editorial board.

Post-graduate students are exempted from payment for the publication.

The authors do not receive any emoluments for publications.

The editorial board has obligations concerning the reviewing of all submitted articles and does not discuss its decisions with the authors of declined articles.

The typescripts are not returned.

REQUIREMENTS FOR THE TYPESCRIPTS TYPOGRAPHY

(according to ГОСТ 7.5-98 «Journals, collections, information publications. Publishing typography of the published materials»)

The article typography. The text should be typed in Word text-based editor in .doc or .rtf format and printed on standard A4 sheets, on one side. Type Times New Roman, font size – 14 pt. Line-to-line spacing – 1.5. All margins – 20 mm. Indentation – 0.5 cm (3 characters).

Main text justification – by width.

All words inside a paragraph are divided by just one space. No space is put before a punctuation mark, one space is put after a punctuation mark.

Not allowed: two or more spaces; highlighting of the text by underlining; indentation with the help of spaces; autonumeration (of numerated and marked lists) in chapters and paragraphs. Everything is typed by hand.

Example.

1. Text ...

2. Text ...

The formulae should be typed in Microsoft Equation formula editor.

The Latin letters are typed in italics, the Greek and Russian ones – straight. The numbers are typed straight.

The text should contain a reference to pictures and tables. The tables should be placed in the text. The table number and its title should be given. The pictures can be placed in the text only with the help of editors reliably compatible with Word editor. It is desirable to submit pictures on a separate sheet with the picture number and the article title.

Summary should render the contents of the article in short. The summary volume is not more than 10 lines. It is published at the beginning of the article under the heading. The article heading should not be repeated in the summary. It is not recommended to include the bibliographic references into the summary.

Literature, in the order of the materials cited, should be placed at the end of the article. The references to original sources in the text are put into square brackets.

CONDITIONS FOR SUBSCRIPTION

to the Journal «Actual problems of Economics and Law»

The Journal «Actual Problems of Economics and Law» is distributed by subscription – index 86303 in the United Catalogue «Press of Russia». The Russia citizens can subscribe to the Journal in all post offices.

The Journal is issued 4 times a year.

The subscription for the Journal from any issue can be made through the editorial board.

To obtain the Journal in the editorial board one should submit a letter of application to the editorial board with indication of the issue number and year and the required number of copies, and to transfer a sum of 400 roubles for one copy of the Journal to the settlement account of «Tatar Educational Centre «Taglimat»» Ltd, with a mark «The Journal «Actual Problems of Economics and Law»».

Bank details: INN 1653007123, Current Acc 40 702 810 300 000 001 556, KPP 165501001, RCBIC 049205798, Corr Acc 30 101 810 900 000 000 798 «Timer Bank» (PJSC), Kazan (for the Journal).

The payment can be transferred by any organization or private person.

By an application submitted to the editorial board, separate issues of the Journal are sent «collect on delivery».

A copy of payment document must be sent to the editorial board.

The journals will be sent by post to the payer's address or to any other address per procuracionem of the payer.

The Journal editorial board address:

420111, Tatarstan Republic, Kazan, 42 Moskovskaya St., the Journal «Actual Problems of Economics and Law» editorial board

Fax (843) 292-61-59

Tel. (843) 231-92-90

E-mail: apel@ieml.ru